

Министерство сельского хозяйства и продовольствия
Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

**РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ
В БЕЛАРУСИ (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Монография

Гродно 2010

УДК 272(476)-9 «18/19»
ББК 86.375
Г 19

Научный редактор: доктор исторических наук,
доцент

С.Е. Сельверстова

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
доктор исторических наук, доцент
кандидат исторических наук

С.В. Морозова;
С.А. Пивоварчик;
И.Г. Гончарук.

Ганчар, А.И.

Г 19 **Римско-католическая** церковь в Беларуси (вт. пол.
XIX – нач. XX вв.). Исторический очерк : монография /
А.И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2010. – 510 с.

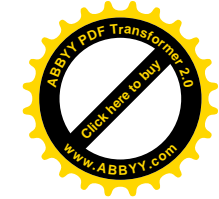
Монография является продолжением исследования истории римско-католической церкви в Беларуси (см. Ганчар, А.И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.): монография / А.И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2008. – 276 с.) и посвящена выяснению направления и характера деятельности римско-католической церкви на территории Беларуси во вт. пол. XIX – нач. XX вв.: выделены основные направления правительственной политики в отношении римско-католической церкви; глубже исследован вопрос о конверсии римско-католических храмов и влиянии этого процесса на условия деятельности костела; дано собственное видение проблемы введения русского языка в римско-католическое богослужение; проанализированы отношения Святого Престола и Российской империи; показана деятельность римско-католической церкви по сохранению влияния в сфере образования и воспитания; противостояние костела ограничениям отправления религиозных действий.

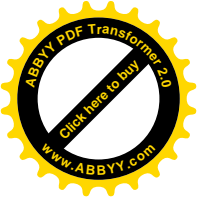
Монография адресована специалистам в области истории римско-католической церкви, а также окажется полезной для всех, кого интересует конфессиональная история.

**УДК 272(476)-9 «18/19»
ББК 86.375**

Рекомендовано Советом УО «Гродненский государственный аграрный университет» 11.02.2010 г. (Протокол № 6).

© УО «Гродненский государственный аграрный университет», 2010
© А.И. Ганчар, 2010

Научное издание

Ганчар Андрей Иванович

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ
(вт. пол. XIX – нач. XX вв.).
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
Монография

Редактор Я.А. Лозовская
Компьютерная верстка: А.И. Ганчар

Подписано в печать __. __. 2010.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать Riso. Усл. печ. л. __. __. Уч.-изд. л. __. __.
Тираж 110 экз. Заказ № .

Учреждение образования
«Гродненский государственный аграрный университет»
Л.И. №02330/0133326 от 29.06.2004.
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28.

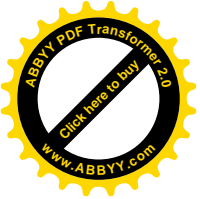
Отпечатано на технике издательско-полиграфического отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
аграрный университет»
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28.

Сверстано и отпечатано с материалов, предоставленных на
электронных носителях. За достоверность информации, а также ошибки и
неточности, допущенные автором, редакция ответственности не несет.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОССАРИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
1 ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ	13
2 ПОЛОЖЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ	
2.1 Правовое положение римско-католической церкви	33
2.2 Законодательство Российской империи по регулированию деятельности римско-католической церкви	54
2.3 Римско-католическая церковь в российской системе образования и воспитания	75
2.4 Сокращение численности римско-католического духовенства	100
2.5 Конверсия римско-католических монастырей и храмов	111
3 ПРОЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ И ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ	
3.1 Введение русского языка в «дополнительное» римско- католическое богослужение	
3.1.1 Мероприятия правительства Российской империи по введению русского языка в 60-х – 80-х гг. XIX в.	162
3.1.2 Свертывание политики русификации костела в 90-е гг. XIX – первое десятилетие XX вв.	210
3.2 Преподавание Закона Божьего римско-католического вероисповедания	249
3.3 Римско-католическая церковь и тайная польская школа	266
4 ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РИМСКО-КАТО-ЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ОГРАНИЧЕНИЯМ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ	
4.1 Деятельность римско-католических братств	298
4.2 Организация крестных ходов и других религиозных действ	315
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	350
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	353
ПРИЛОЖЕНИЯ	406

ГЛОССАРИЙ

Братство – религиозная организация, созданная при храме, монастыре, приходе, занимающаяся религиозно-благотворительной и иной религиозной деятельностью.

Викарий – священник, помощник настоятеля.

Визитатор – инспектор, ревизор.

Деканат – административная единица в римско-католическом костеле, в состав которой входят около десяти приходов; возглавляется деканом.

Догматика – учение о положениях вероучения, утвержденных высшими костельными инстанциями, объявленных непреложной истиной.

Епархия – церковно-административный округ.

Епископ – высший священнический сан в римско-католическом костеле; управляющий епархией; назначается пожизненно указом Папы Римского.

Закон Божий – учебная дисциплина, изучавшаяся в учебных заведениях Российской империи.

Каноник – священнослужитель епархиального кафедрального костела, состоящий членом капитула и назначаемый епископом.

Каноническое право – совокупность правовых норм, созданных на основании костельных постановлений, имеющих силу закона.

Капитул – коллегиальное учреждение при епархиальном епископе, состоящее из лиц духовного звания, участвующих в управлении епархией.

Часовня – небольшое культовое сооружение, место молитвы; мемориальное погребение на кладбище.

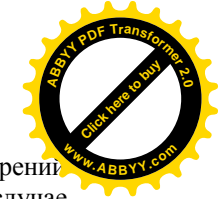
Катехизация – процесс обучения христианской вере перед первым причастием или крещением взрослых.

Катехизис – религиозная книга, в которой основы христианского вероучения изложены в форме вопросов и ответов.

Кафедра – место пребывания епископа, главы епархии; кафедральный костел, главный храм епархии; особое возвышение для чтения проповедей.

Клир – группа людей, в соответствии с каноническим правом участвующая в руководстве костелом.

Конгрегация – орган Римской курии, осуществляющий управление определенными сферами деятельности римско-католического костела; возглавляется префектом.

§ 37. председатель может в случае растянутости речей и прений определить время для произношения одной речи, может в случае надобности сделать предостережение оратору, а после двукратного замечания и лишить его права голоса.

§ 38. Общее Собрание состоит:

а) из членов Правления;

б) из известного числа депутатов, избранных из среды членов Общества.

Примечание. Число депутатов определяется Правлением, в зависимости от будущего количества членов, входящих в состав Общества.

§ 39. Общее Собрание есть наивысшая инстанция Общества, решающая окончательно все дела Общества.

§ 40. В случае надобности изменения или дополнения сего Устава, должно быть об этом сделано точное указание в самом объявлении о созыве Общего Собрания.

Примечание. Основными положениями Устава, не подлежащими изменению считаются § 1 и § 14.

VIII. Закрытие «Общества работников католиков».

§ 41. Для закрытия Общества необходимо:

а) именной созыв всех действительных членов посредством циркуляров или заказных писем, независимо от объявлений, помещенных в газете Общества или других газетах;

б) присутствие в Собрании не менее половины всех членов;

в) постановление $\frac{2}{3}$ собравшихся членов.

В объявлениях и уведомлениях одновременно помещается и объявление о сроке другого и последнего Собрания, в случае неприбытия достаточного числа членов на первое.

Если бы не явилось достаточное количество членов в первый срок для решения о закрытии Общества, то этот вопрос разрешается на следующем собрании большинством $\frac{2}{3}$ собравшихся членов.

§ 42. В случае закрытия Общества одновременно делается постановление относительно способа ликвидации Общества и отказа такового на цели, отвечающие задачам Общества

Примечание – Написание слов с большой буквы соответствует оригиналу-источнику.

Источник – Переписка с Гродненским губернатором, помощниками начальника Гродненского губернского жандармского управления о проверке политической благонадежности учредителей и членов профессиональных, потребительских и др. обществ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 303. – л. 44–51.

кассовые книги, оправдательные документы, наличные деньги и библиотеку.

VII. Собрание Общества.

Собрания бывают трех родов: периодические, общие, годовые и общие чрезвычайные.

§ 30. Периодические собрания происходят в определенных промежутках времени сообразно с постановлением Правления. На этих собраниях будут произноситься публичные лекции и чтения согласно программе, утвержденной Правлением.

Примечание. Лица, не принадлежащие к Обществу, могут присутствовать на этих собраниях только по рекомендации двух действительных членов и с согласия Правления.

§ 31. Общие годовые собрания происходят в апреле месяце каждого года. На этих собраниях совершаются выборы в члены Правления, прочитывается отчет о действиях, успехах и денежных средствах Общества и выслушивается отчет Ревизионной Комиссии, после чего делаются соответственные постановления.

§ 32. Чрезвычайное общее собрание созывается Правлением по мере необходимости, сколько раз окажется это нужным, или если того потребует письменно $\frac{1}{5}$ часть всего числа членов Общества.

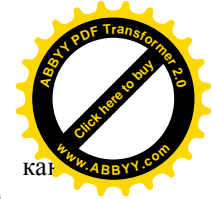
§ 33. Для законности постановлений Общих Собраний Общества необходимо присутствие половины числа членов, входящих в состав Общих Собраний.

Примечание. Лица, имеющие право участия в Общих Собраниях, не могут передавать этого права другим.

§ 34. Если Общее Собрание не состоится из-за неявки достаточного числа членов, в таком случае для обсуждения вопросов, которые остались нерешенными, созывается в течение двух недель вторичное собрание, постановления коего считаются законными, несмотря на количество прибывших на сие собрание членов.

§ 35. О всяком имеющем быть Общем Собрании члены Общества извещаются посредством объявления, опубликованного в газете, издаваемой Обществом, или же в одной из местных газет. Это объявление должно быть помещено по крайней мере за неделю до дня Общего Собрания. Постановления на Общих Собраниях решаются, за исключением вопроса о закрытии Общества, простым большинством голосов, в случае же равенства голосов, голос председателя дает перевес.

§ 36. Прения по какому-либо предмету могут быть по предложению одного из членов закрыты, согласно желанию большинства присутствующих.

Конкордат – соглашение между Папой Римским как руководителем костела и правительством какого-либо государства.

Костел – здание, приспособленное для потребностей христианского культа, римско-католическая святыня; религиозная организация, объединяющая верующих католической ветви христианства, с Тридентского Собора термин используется для отличия от православия и протестантизма.

Крестный ход – религиозное обрядовое шествие в сопровождении молитв и песнопений.

Ксендз – римско-католический священник.

Курия – орган управления епархией во главе с епископом

Литургия – единство действий, совершаемых в костеле; осуществление таинства евхаристии.

Митрополит – руководитель нескольких епархий.

Монастырь – территория, на которой находятся основные монастырские постройки; основная форма организации христианского монашества, община монахов или монахинь.

Настоятель – священнослужитель, управляющий приходом или монастырем.

Паства – миряне, рядовые прихожане.

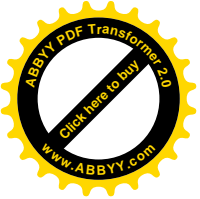
Прелат – титул высшего епархиального духовенства.

Приход – низшая церковно-административная единица, включающая несколько населенных пунктов на определенной территории; община верующих, объединенных при храме. Возглавляется настоятелем.

Римская курия – орган управления римско-католическим костелом в г. Риме.

Суффраган – викарный епископ, находящийся в подчинении епископа.

Хоругвь – священное знамя с изображением Иисуса Христа, Богородицы, святых и событий священной истории.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие науки и религиозной мысли не ограничивается областями, в которых эти дисциплины могут предложить друг другу свои выводы, как, например, в космологии. Большое влияние на это взаимодействие оказывает сам способ мышления, естественный для культуры, испытывающий огромное влияние научного прогресса¹. Принять такое положение – не значит подчиниться духу времени, но просто признать, что мы видим вещи оттуда, где мы находимся, со всеми возможностями и ограничениями, присущими именно этой определенной перспективе. Цель данных рассуждений – выяснить, до какой степени мы можем пользоваться методом поиска мотивированных объяснений, столь свойственным академическому мышлению, каким способом проникнуть в суть истинного христианства (рассматривая римско-католический костел). Конечно, такой способ мышления порой требует пересмотра некоторых устоявшихся взглядов. Фундаментальная теория должна быть не столько строгой, сколько удивительной и вдохновляющей, причем последнее значительнее, поскольку мир постоянно находится в развитии.

Главный вопрос к любым заявлениям, претендующим на ученость, должен быть таким: «А на каком основании вы думаете, что это действительно так?». Конечно, основания и способ достижения понимания должны быть соотнесены с реальностью. Этнология и история пользуются все же разными категориями именно потому, что предметы их исследований различны. Проникновение в суть религиозных процессов, скажем прямо – в Бога, требует своей методики и особой интуиции, которым не должно быть отказано в почетном праве носить название «наука».

Неотъемлемой частью современного религиозного сознания является осознание стабильности и разнообразия мировых исторических традиций. Если основа ткани есть традиции христианства, то нитью является современное понимание нас самих и мира, в котором мы живем. Ни то, ни другое не должно внушать

¹ Данные рассуждения изложены в результате переосмысления некоторых концептуальных изысканий профессора математической физики, англиканского священника, богослова, члена Королевского общества Джона Полкинхорна «Вера глазами физика: богословские заметки «снизу-вверх», посвященная проблемам соотношения божественного откровения и естественнонаучных исследований.

§ 23. В кассе Общества разрешается иметь сумму не свыше 100 руб.; остальные свыше 100 руб. деньги должны находиться на текущем счету в одном из кредитных учреждений на книжке, выданной на имя «Общества работников католиков». Деньги не могут быть выдаваемы иначе, как только по ордерам, подписанным председателем и секретарем. Ордерные книжки хранятся у капеллана, а в случае его болезни или отсутствия у кассира в кассе.

§ 24. Библиотекарь наблюдает за библиотекой и читальней и содержит их в порядке.

§ 25. Другие обязанности исполняют остальные члены Правления по взаимному соглашению.

§ 26. Правление является законным представителем Общества во внешних и внутренних сношениях и заведывает всеми его делами, именно:

а) постановляет о принятии или непринятии кандидатов в число членов, равно исключает членов в случаях, предусмотренных Уставом;

Примечание. Исключенный член имеет право апеллировать в Общее Собрание.

б) ведет переписку с правительственными учреждениями и частными лицами по делам Общества;

в) постановляет решения о принятии пожертвований в дар или по отказам по приобретении на имя Общества движимого или недвижимого имущества;

г) prepares отчеты, проекты смет расходов и предложения на Общее Собрание;

д) созывает Общее Собрание, устанавливает порядок его и указывает предмет заседания;

е) исполняет постановления того же Собрания;

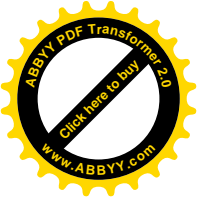
ж) утверждает программу публичных лекций и чтений, равным образом проверяет, все ли члены пользуются таковыми.

§ 27. Для законности постановлений Правления необходимо присутствие по крайней мере $\frac{2}{3}$ членов его. В случае же равенства голосов, перевес дает голос председателя. Постановления Правления решаются обыкновенным большинством голосов.

§ 28. Правление по мере надобности может образовывать комиссии для решения вопросов с целью обеспечения осуществления задач, поименованных в § 1 сего Устава.

VI. Ревизионная комиссия.

§ 29. Ревизионная комиссия состоит из собираемых Общим Собранием пяти членов, коими могут быть и посторонние лица, принадлежащие Обществу. Она проверяет счетоводство, ревизует

IV. Правление Общества.

§ 14. Во главе Общества находится избираемое Общим Собранием Правление вместе с капелланом, которым должен быть католический священник, приглашенный членами Общества и утвержденный духовными властями.

§ 15. Правление состоит из 12 членов. Члены Правления избирают из своей среды председателя, вице-председателя, секретаря, кассира и библиотекаря.

Примечание 1. По мере надобности Правление может назначать посторонних лиц на должности секретаря и библиотекаря, с определенным и соответственным вознаграждением, если того они пожелают.

Примечание 2. Члены Правления исполняют свои обязанности безвозмездно.

§ 16. Все члены Правления избираются на трехлетний срок. Ежегодно $\frac{1}{3}$ часть членов Правления выступает и на их место выбираются новые. Выступающие члены правления могут быть избираемы вновь. В конце первого года при помощи жребия решается вопрос о выступлении $\frac{1}{3}$ части числа членов. Также и во втором году жребий решает вопрос о том, кто из остальных $\frac{2}{3}$ первоначального состава членов Правления должен выступать.

§ 17. Обыкновенные заседания Правления происходят один раз в месяц, а чрезвычайные могут быть созываемы по мере надобности.

V. Управление делами Общества.

§ 18. Председатель руководит на всех заседаниях Правления или Общего Собрания, имеет право во всякое время сам один или вместе с другими членами Правления производить ревизию кассы и библиотеки Общества и подписывать все бумаги, направляемые в правительственные учреждения.

§ 19. Капеллан имеет решающий голос в делах веры и нравственности, в прочих же – совещательный. Он также имеет право сам или вместе с председателем производить ревизию библиотеки и кассы.

§ 20. Вице-председатель выдает кассиру за подписью своей и секретаря ассигновки для выплаты, разрешенной Правлением или Общим Собранием, и председательствует на заседаниях в случае отсутствия председателя.

§ 21. Секретарь ведет протоколы заседаний и всю корреспонденцию.

§ 22. Кассир принимает взносы и вообще всякие поступающие в Общество доходы, ведет кассовые книги, производит уплаты по ассигновкам, подписанным вице-председателем и секретарем и дает отчет о состоянии кассы в Общих Собраниях.

раболепного преклонения, и религия, и наука оставляют многие важные вопросы далекими от полного разрешения, ибо бывают ситуации, когда мы сталкиваемся с вопросами, на которые не можем ответить. Многие из этих процессов связаны с тайной человеческой личности. Поскольку люди есть «продукт» развития эволюции, то мы сталкиваемся с совпадением явления и ценности, которое делает личностным каждый признак существования, требует изучения и реагирует надлежащим образом на чувственную реальность. Просматривая историографию поднимаемых в книге проблем, я заметил, что очевидные, по мнению авторов, основополагающие принципы нередко оказывались (после очередной проработки архивных документов, прочтения личных дневников) совсем не так очевидны и являлись не такими основополагающими, как можно было предположить вначале. Конечно, у науки есть свои ограничения. Она добилась большого успеха отсутствием претензий, тем, что обсуждение явлений носило неличностный и часто повторяемый характер. У нас, историков, есть одна большая проблема – ограничение процесса изучения преимущественно количественными вопросами, что обрекает на узкое, редуцированное понимание реальности. Отброшенные «второстепенные» качества человеческого восприятия могут на самом деле оказаться ключевыми в формировании широкого взгляда на то, каким мир является в действительности, как заметил Дж. Полкинхорн, музыка – больше, чем колебания воздуха. Ученые, в частности, историки, смотрят на религиозные события с некоторой смутной надеждой и опасением: они бы хотели какой-то веры, но чувствуют, что должны принять условия, которые равнозначны интеллектуальному самоубийству, – не могут ни принять идею Бога, ни отвергнуть ее. Кроме этого, постоянно давит понимание того, что божественная природа выше нашего понимания. Признать эти ограничения – не значит отказаться от задачи, просто надо быть реалистами и не ожидать слишком больших успехов.

Ученые-историки и историки от религии, богословы пользуются разной методикой, делая авторитетные обзоры по различным точкам зрения, предлагая читателю возможность выбора. Конечно, историки-ученые широко пользуются работами богословов, дают весьма обширные цитаты, используют их прозрения для собственной пользы. Разумеется, светский историк старается принять или отвергнуть критику людей, чьи взгляды противоположны тем, которых придерживаются они, но все же цель любого исследования не обзор мнений, а предложение истолкований. Выражаю убежденность в том, что дискуссия должна вестись не только на стыке науки и

богословия, но и проникать настолько глубоко в их суть, насколько это возможно. Таким образом появляется проблема «рациональности» религиозного действия, события, достаточности истолкования причинности божественным проведением. И если светскому историку приходится вновь и вновь обращаться к одному и тому событию, пытаясь понять характер проявления поступка, то религиозному историку порой достаточно «оценить» его веру. Знание светско-историческое носит скорее замещающий характер, а знание религиозно-историческое – накопительный.

Исследование поступков религиозных деятелей, или чиновников, занимающихся религиозными делами по долгу службы, – весьма трудная задача: объект изучения зачастую открыт для наших манипуляций и ловится в наши рациональные сети (в то время как каждая встреча с божественной реальностью в конкретных исторических условиях имеет, должна иметь характер милосердного дара, с присущей уникальностью, как всякой личной встрече). Светские историки не могут не учитывать это соприкосновение с божественным, которому не присуще прошлое время (в отличие от изучаемого события, процесса), а поддерживать диалог с ним, например, посещением разноверных храмов, беседой со священником и т.д., преодолевая ограничения, присущие собственному пониманию. Но до какой степени божественность может выдержать критическое изучение?

Руководством в постижении реальности является осторожная оценка явлений действительности. Опорой для научного исследования должно быть реальное положение вещей, а также людское, не только свое, восприятие действительности. Необходимо участие и самоотдача, вдохновенное отображение происходивших ранее событий в религиозной жизни общества.

Можно выделить основные моменты любого исследования: временный характер и историчность (физический мир постоянно находится в состоянии становления); случайность и закономерность (переплетение упорядоченности и хаотичности как основа плодотворного эволюционного процесса); целостность и новообразование (с возрастанием сложности организации образуется новое целое, которое не может быть описано как совокупность составляющих его частей). Религиозные историки используют мир физических явлений как трамплин для выхода в запредельное. Для богословия главными вопросами являются человеческая природа, а также последовательность и правдоподобность идеи Бога. Обсуждение подобных тем требует широкой компетенции и больших усилий хотя

б) развивать добродетели своего сословия, преимущественно воздержание, трудолюбие, бережливость, солидарность и добросовестность;

в) уплачивать подписные в сумме 1 руб., а также своевременно ежемесячные взносы в размере 25 коп.;

г) строго соблюдать Устав Общества и изменения, какие впоследствии по предложению Правления будут введены Общим Собранием в сей Устав;

д) не уклоняться без уважительной причины от исполнения обязанностей, возложенных Правлением в интересах Общества;

е) распространять среди своих знакомых сведения о целях и задачах Общества и стараться снискивать Обществу возможно больше порядочных членов;

ж) не принадлежать ни к какой организации, враждебной основам Общества.

§ 11. Каждый действительный член Общества имеет право:

а) принимать участие во всех собраниях и увеселениях Общества;

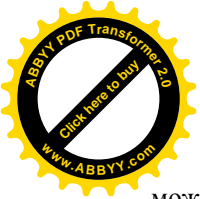
б) пользоваться библиотекой и читальней, а также бесплатной врачебной помощью и юридическими советами;

в) получать лекарство по уменьшенной таксе;

г) получать вспомоществования лично для себя в случае болезни и для своей семьи, в случае смерти, согласно инструкции на сей предмет выработанной.

§ 12. Член, не уплативший взносов за 3 месяца, может быть исключен из числа членов Общества, если он таковых не уплатил, несмотря на неоднократные напоминания Правления. Однако, если бы член в течение более продолжительного времени был больным или находился без занятий не по своей вине или же на некоторое время отлучился из своего местожительства, то он по предложению Правления, может быть освобожден от уплаты взносов или же может получить отсрочку уплаты таковых.

§ 13. Член, не придерживающийся Устава, постановлений и основ Общества, безнравственного поведения, действующий во вред Обществу или же ведущий себя неприлично на собраниях, должен быть, по постановлению Правления, исключен из Общества. На постановление Правления исключенное лицо может апеллировать в Общее Собрание, решение которого считаются окончательными. Ни выступающий добровольно из числа членов Общества, ни исключенный из него не имеют право домогаться возврата уплаченных взносов.

§ 5. Общество является юридическим лицом и как таковое может владеть всяким движимым и недвижимым имуществом, приобретать его и продавать.

II. Средства Общества.

§ 6. Средства Общества образуются:

- а) из подписных денег от лиц, вступающих в число членов Общества;
- б) из месячных членских взносов;
- в) из уплат, поступивших от чрезвычайных и почетных членов;
- г) из добровольных пожертвований;
- д) из приношений, поступающих по дарственным записям или отказам;
- е) из доходов от любительских спектаклей, концертов, публичных лекций и др.;
- ж) из ассигнований от основного капитала;
- з) из чрезвычайных ассигнований, определенных общим собранием Общества.

§ 7. Правление Общества ведет все счетоводство и отчетность согласно предписаниям закона и местным обычаям.

III. Права и обязанности членов.

§ 8. Члены Общества разделяются на действительных, чрезвычайных и почетных. Действительным членам Общества может быть всякий честный, хорошего поведения работник-христианин, без различия пола. Членам чрезвычайным же всякий, кто ежегодно вносит 5 руб. на нужды Общества, а членом почетным считается тот, кто внесет в казну Общества одновременно 50 руб. или же учинит какое-либо другое значительное пожертвование.

§ 9. Кто желает вступить в число действительных членов Общества, обязан обратиться в Правление Общества и представить поручительство двух действительных членов. Фамилия кандидата и поручителей подлежат вывеске в помещении Общества в течение двух недель. Протест со стороны членов против принятия кандидата должен быть заявлен частным образом в течение тех же двух недель. По истечении двухнедельного срока Правление решает вопрос о принятии кандидата. Правление, отказывая в принятии, не обязано объяснять мотивом своей резолюции. Принятый член обязан подписать заявление и внести подписные деньги, после чего получает один экземпляр Устава и членский билет.

§ 10. На обязанности каждого члена лежит:

- а) соблюдать и добросовестно исполнять обязанности христианина-католика;

бы потому, что ни одна из этих тем не является полностью независимой и, таким образом, они должны рассматриваться вместе. Задача действительно непростая, но светский историк должен собрать все свое мужество и взяться за объединение знания в одно приемлемое целое, взяв на вооружение интуицию. Существование сознания факт огромного значения. Эксперт в нашем мире будет скорее руководствоваться интуитивным чувством взаимопонимания, чем логикой. Именно самосознание может приблизить к центру тайны личности.

Принимая решение дать оценочное суждение, историки неизбежно оказываются перед выбором (думаю, каждый держал в руках противоречащие друг другу исторические документы) и, как следствие, перед моральной ответственностью. Стратегия строительства заключается в том, чтобы одинаково серьезно относиться ко всем основным аспектам человеческого существования (разуму и воле, воспитанной религиозным чувством, сопричастностью к божественному), не сводя его только лишь к физическому миру. О действии следует судить как о психической, или, если быть точным, психофизической категории, не сводимой ни к физическому, ни к другим ментальным понятиям. В оценочном суждении надо учитывать не только преходящий опыт индивидуальности, но и с тем, что лежит вне нас – духовностью, вносящей в информационный поток «голос сердца», постижение смысла, приближение к истине, подразумевающее участие интеллекта, личного опыта. Последствия того, что светский историк отворачивается от божественного присутствия, находят свое воплощение в изданных работах, недостатки которых, передающихся из поколения в поколение, приходится преодолевать с большим трудом (я имею в виду здесь признание скорее прагматического, чем творческого опыта постижения фактов религиозных событий). Речь идет не об отвержении прошлого, а очарования им. Никто – тем более ученый – не может начинать интеллектуальную историю с нуля. И. Ньютон говорил, что может смотреть вперед, потому что стоит на плечах гигантов. Чем бы мы не занимались, мы – наследники традиций, и хотя каждое поколение может трансформировать унаследованные знания, оно будет делать это, отталкиваясь от прошлого, а не отрицая его. Духовная открытость должна быть присуща и светскому исследователю.

Первый урок, который историк должен усвоить, заключается в том, чтобы относиться с величайшей серьезностью к своему критически осмысленному опыту, даже когда он не очень хорошо понимает, как его объяснить. Глупо отвергать опыт сознания и

свободы воли представителя духовенства в оценке его поступка. Работа исследователя – поиск истины. Вера помогает найти нить смысла там, где иначе был бы лабиринт бессмыслицы, но она не может обеспечить этим во всей полноте, если не основывается на факте.

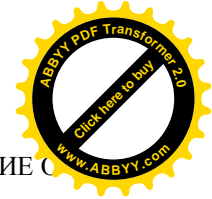
Поиск аксиомы требует критической оценки прошлого, но отрицательный скептицизм не слишком помогает. Исходное принятие того, что кажется правдивым, является необходимым условием выяснения истинной реальности. Доверчивость требует постоянного соотношения обстоятельств частного события с общим представлением о том, что возможно. Не существуют формальные правила, которые могли бы помочь в наших суждениях. Мы просто должны отдавать себе отчет в опасностях доверчивости и опасностях скептицизма и прокладывать путь между ними.

В поиске знания есть по крайней мере два цикла. Один – герменевтический: нам нужно верить, чтобы понимать, и нам нужно понимать, чтобы верить. Вот почему стратегия скептицизма столь неплодотворна. Почему я верю, что поступок священнослужителя был «продиктован» Богом, ведь я его не видел (уверен, что и Вы тоже). Но оставьте свои сомнения и посмотрите, как вера священнослужителя позволяет нам легко объяснять характер поведения последнего в различных жизненных ситуациях.

Второй цикл – эпистемологический: то, как мы познаем, контролируется природой объекта, и природа объекта открыта нам через наше знание о нем. Должно существовать общее соответствие между актом познания и знанием, и все наши концепции должны строиться на признании этого соответствия. Если мы принимаем сокрытость этого мира как часть его природы, то должны быть готовы к встрече с его уникальной реальностью, даже если это приведет нас к затруднениям в оценочных суждениях.

Мы встречаемся с религиозными процессами, событиями на их условиях и не должны навязывать свои представления об их развитии, но мы должны сформулировать нашу мысль в попытке познания сути проблемы.

Весомое значение религии в этнических и социокультурных процессах, пожалуй, не вызывает сомнения. «Религия, – по словам русского ученого Д.В. Пивоварова, – есть особая духовно-практическая связь между людьми, основанная на священном отношении к таким ценностям (идеям, процессам, действиям, людям, живым существам, вещам, миру в целом), которые признаются верующими наиболее важными для укрепления единства их сообщества» [638, с. 102]. Роль религии в истории народа во многом

Определением Виленского губернского по делам об обществах и союзах присутствия от 21 декабря 1907 г. разрешена регистрация настоящего общества и устав его внесен в реестр за 1907 г. под № 90.

Устав Общества Рабочих Католиков.

1. Название, местонахождение, цель и задачи Общества.

§ 1. Общество Рабочих имеет целью поднятие просвещения среди работников в религиозно-нравственном, умственном, общественном и национальном отношениях, сообразно с основными началами Римско-Католической Церкви. В Обществе Рабочих, как стоящем вне политических партий, всякого рода политические прения исключены.

§ 2. Местопребыванием Общества считается город Вильно, причем деятельность Общества распространяется на Виленскую губернию, а также на город Белосток и Белостокский уезд.

§ 3. Общество носит название «Общество Рабочих Католиков» и пользуется печатью с той же надписью.

§ 4. Для осуществления цели, указанной выше в § 1 Общество имеет право, с соблюдением действующих узаконений:

- а) устраивать постоянные собрания, на которых будут произноситься поучительные чтения;
- б) учреждать бюро: приискания работ, совещаний и защиты в области юридической, врачебной помощи;
- в) устраивать товарищеские гуляния и другие дозволенные увеселения;
- г) устраивать библиотеки и читальни, с соблюдением 175 ст. Устава о цензуре и печати издания 1890 года;
- д) содействовать при устройстве на законном основании учреждений, имеющих целью улучшение условий жизни рабочего класса, а именно: похоронной кассы, кассы вспомоществования, в случае болезни, вспомогательно-сберегательной и других подобного рода учреждений, как равно и потребительских лавок и т.п.;
- е) по мере увеличений средств издавать газету Общества, согласно существующим законным предписаниям.

справедливых и богобоязненных не найдете, то не бойтесь помещика. Кто Бога любит, тот должен любить и Вас. Кто боится Бога, тот должен заботиться о благе для своих братьев, для ближних, для крестьянства. Таких ищите и, когда наступит время, избирайте. Они должны обдумать такие законы, чтобы школы были хороши и принадлежали нам, чтобы не распространялось пьянство и разврат, чтобы торговля не была бесчестна. Такие законы, чтобы народ божий, живя на божьей земле, любя Бога и ему служа, мог иметь чистую и спокойную совесть, мог хорошо просвещать и воспитывать детей, мог старость прожить без хлопот и при трезвости и трудолюбии мог достигнуть благосостояния. Чтобы на нашей земле, которую все мы любим, было спокойствие, согласие, единство и счастье по-божьему, а эта жизнь для нас была приготовлением к счастливой смерти, милосердному суду божьему и вечному счастью, которого у нас уже никто не отнимет и ничто не возмутит. Поэтому, кто из Вас желает приготовиться к истинно христианскому исполнению своих политических обязанностей, кто желает вымолить у Бога милость для христианского разрешения затруднений и путаницы, в которых живем, пусть с этого момента живет по-католически

Источник – Переписка с Виленской католической епархией о назначении и перемещении католического духовенства // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1089. – Л. 44–48.

зависит от того, в каком взаимоотношении находятся этнические и конфессиональные формы данного общества: моноконфессионален или поликонфессионален данный народ, моноэтнична или полиэтнична данная религия. Имея в виду сложное переплетение различных конфессий с различными национально-политическими и государственными факторами, можно говорить, что религия выполняет одновременно этноинтегрирующую и этносегрегирующую роль, то есть служит элементом и объединения, и разъединения народа и народов. Историческая роль этой функции зависит не столько от религии, сколько от социально-экономических, политических, культурных и других факторов. В зависимости от них религия, по утверждению белорусского ученого Л. Лыча, может способствовать, с одной стороны, национализму и великодержавным претензиям какой-либо нации, межнациональным и межгосударственным конфликтам, а с другой – сотрудничеству и дружбе народов [466, с. 101].

Римско-католическая традиция была существенным фактором в истории и культуре белорусских земель. Она продолжает сохранять свое значение и в современной Беларуси, культура которой формировалась под сильным влиянием западноевропейской и восточной (православной) цивилизаций. Исследование истории римско-католического костела необходимо для освещения с научных позиций многих явлений, происходящих в современном обществе, имеющих глубокие исторические корни и традиции. Наблюдается непосредственная связь процессов исследуемой эпохи с сегодняшним этапом развития римско-католического костела в таких вопросах, как трансформация определенных форм религиозности, приспособление костела к меняющимся условиям деятельности, перевод языка богослужения на государственные языки Республики Беларусь и т.д. Проблема получает также особенное значение в связи с необходимостью развития государственной идеологии.

Вместе с тем в отечественной историографии только начинается формирование национальной концепции роли и места римско-католического костела в истории и культуре Беларуси, в том числе, и в интересующий нас период. Исследование не претендует на решение всего комплекса вопросов, касающихся деятельности римско-католического костела. В стороне остались многие специфические вопросы: повседневная религиозная жизнь, влияние римско-католического фактора на историческое и национальное сознание насты, экономическое положение костела и т.д. В данной работе эти аспекты затрагиваются только для более полного раскрытия поставленных задач, так как, на мой взгляд, в историографии

основательных разработок этих вопросов нет. Изучаемые проблемы в то же время носят знаковый характер для непосредственного существования римско-католической религии как одной из ветвей христианства на белорусской земле, имеющей свои устоявшиеся формы религиозной деятельности.

В центре внимания данной работы – изучение ряда проблем деятельности римско-католического костела в условиях жесткой конфессиональной политики, проводимой властями Российской империи после восстания 1863 г.

Целью исследуемой работы является выяснение направления и характера деятельности римско-католического костела на территории Беларуси во вт. пол. XIX – нач. XX вв. В связи с этим поставлены следующие задачи: определить степень разработанности в исторической литературе проблемы введения русского языка в римско-католическое богослужение; выделить основные направления правительственной политики в отношении римско-католического костела, определить ее главные черты; исследовать вопрос о конверсии римско-католических храмов и влиянии этого процесса на условия деятельности костела; показать деятельность римско-католического костела по сохранению влияния в сфере образования и воспитания; проанализировать процесс введения русского языка в римско-католическое богослужение, в преподавание Закона Божьего и позицию костела по отношению к данной инициативе властей; проследить, как римско-католический костел противостоял ограничениям отправления религиозных действий.

В работе использованы достижения белорусской, российской, польской и другой зарубежной историографии, законодательные материалы, архивные источники (документы по истории римско-католического костела в Беларуси), вводится широкий статистический и справочный материал, что дает возможность лучше понять характер действий людей, проводимую ими политику.

Автор будет благодарен всем, кто пришлет свои замечания (пожелания, предложения) по адресу: 230008, г. Гродно, ул. Терешковой 28, кафедра общественных наук, Ганчар А.И. или e-mail: andry-master@yandex.ru.

обществ. Будете их поддерживать и заставите даже тех, которые обманывают Вас ныне в торговле, торговать добросовестно. Не одна копейка, не один рубль сбережется, если Вы будете жить по-католически и трезво. Не один грош, который ныне погибает для Вас в руках евреев или в казенной винной лавке, останется в Вашем распоряжении и пойдет на удобрение для поля, на лучшие орудия для обработки, на более сильную лошадь, на более крупную и более молочную корову. Тогда Ваше благосостояние и Ваша пища, здоровье Ваше и Ваших детей будет лучше, жизнь счастливее, совесть чище и благословение Божье обильно.

Все то, что я говорю, все хорошие люди знали. Постепенно это дошло и до самого государя и он также убедился, что нам плохо и, желая чтобы народ был богаче, чтобы правительство было лучше, призвал всех избирать депутатов в совет, который должен обдумать лучшие законы. В совет, который называется Думой. Раз избирали все, избирали и Вы. Было выбрано много хороших людей, но также и много таких, которые знали, что дела наши плохи, но не знали, как их поправить. Иные позволили себя обмануть и избрали таких людей, которые не любят Бога и народа, не хотят служить Богу и благу людей. В Думе начали рассуждать и говорить. Одни без науки и просвещения не знали, как совещаться, другие совещались плохо. Были и такие, которые хорошо, по-Божьему, совещались. Может быть, со временем те, которые не понимали, поняли бы, что хорошо может быть со временем, и достигли бы согласия и сумели бы обдумать новые и хорошие законы. Но сначала думали только о том, как бы обидеть одних для того, чтобы всему народу было лучше. Они не понимали, что от обиды ничего хорошего быть не может. Нанося кому-либо обиду, ни один народ не может достигнуть счастья и действительного благосостояния.

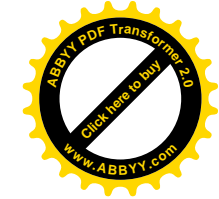
Наконец государь потерял терпение, употребил право, которое сохранил за собой: совет отослал домой, а своему народу повелел, чтобы он опять избрал людей в имеющую быть собранной в феврале 1907 г. Думу. Вы имеете несколько месяцев времени, приготовляйтесь к новым выборам, согласно повелениям Бога. Просите у Него света и углубитесь в душу и Вашу совесть. Ведите такую жизнь, чтобы Бог видел Вашу добрую волю и пожелал Вас озарить, а сами, тем не менее, ищите не тех, которые много обещают и много говорят, волнуя Вас и сея неудовольствие и несогласие, а таких людей, которые живут честно, трудятся, никого не обижают, имеют образование. Все равно, будет ли он крестьянин или мещанин, или помещик. Ищите среди своих, среди крестьян. Но если таких умных, просвещенных,

их, поддерживайте их, чтобы спасти наших детей от зла и укреплять в добре. Нас преследуют, что же делать, будем иметь еще и еще терпение. Бог даст гонения окончатся и можно будет свободно учить детей, как нам нужно и как единственно будет хорошо не только для детей, но и для целого государства. То, чего учение дома не может дополнить, то завершит костел в церковных поучениях и проповедях. Костел – это место, где должны соединяться бедный с богатым и господин со слугой. Там найдут все ободрение, наставление, силу, взаимную любовь и связь. В воскресные и праздничные дни не упускайте костела, святой обедни и проповеди.

Если вы будете благочестиво и хорошо воспитывать и учить детей, то в ваших деревнях будет согласие, дружба, помощь и взаимное прощение. На основании веры и любви к ближнему вы сумеете соединиться и в труде. Много вещей человек один сделать не может, а несколько – легко совершать вместе. Объединяйтесь в этих делах и много приобретете силы, благосостояния и даже богатства. Хлопочите об устройстве малых сельскохозяйственных обществ. Ксендзы и помещики охотно вам будут помогать. Всюду найдется для этого один или другой благорасположенный добрый человек. Тогда будет больше согласия, взаимного доверия и любви между помещьем и деревней. А без этого нигде, ни в каком крае, ни у какого народа нет и не может быть благосостояния и богатства.

Вам говорят, что вы мало имеете земли – правда. Нужно подумать и позаботиться, чтобы получить больше земли. Но земля без образования, без согласия, без единения не даст вам счастья и богатства. Если бы не было крупных имений, всем не только не было лучше, но, спустя короткое время, и туже, нежели теперь. Должны быть, и везде на свете есть, имения и хижины. Но благосостояние царит и в избах, где есть просвещенный труд, единство, взаимная любовь и согласие. Те, которые сеют раздор, не любят ни Вас, ни помещиков, ни Бога, желают беспорядков, в которых все погибает, стремятся замузить воду, чтобы было им легче ловить в ней рыбу. Посмотрите, что делают забастовки на фабриках и в деревне. Кому от этого хорошо? Кому они приносят пользу? Рабочий беднеет, в душе тревога, совесть угрызает ее, а бунтовщик доволен: ловит рыбу и у помещика, и у фабриканта. Чем больше будут люди жить по Божьему, тем больше будет просвещения, чем больше труда, единства, взаимной любви и согласия, тем легче будет защищаться также и от бесчестных торговцев. Если все помещики и крестьяне будут соединяться в сельскохозяйственные союзы, то Вы сумеете найти честных людей для выработки христианских способов торговли, например, товарищеских

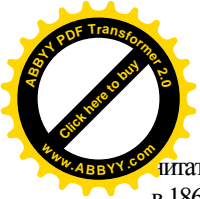
1 ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В этой части монографического исследования, мы не будем повторять историографические, источниковедческие и методологические наработки, которые были изложены в первой монографии², а непосредственно коснемся историографической традиции исследования процесса введения русского языка в римско-католическое богослужение.

Замена языка в богослужении, как и введение дополнительного языка, всегда будет являться очень трудной проблемой, чреватой крайними последствиями: с одной стороны, для самой религиозной организации – вплоть до раскола, как следствие неприятия нововведения в освещенные веками канонические нормы, отхода от истинного пути; с другой стороны – для паствы (во многом, по тем же причинам). Проблема также будет усугублена интересами государства, власти: ведь каждое государство стремится к тому, чтобы религиозные тексты, речи звучали на государственном языке. Очевидным становится тот факт, что введение или замена языка богослужения должна проводиться очень осторожно, взвешенно, постепенно. В феврале 2004 г. вопрос по организации богослужений и переводу обучения на государственные языки был предметом обсуждения на итоговой коллегии Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь. Предпринятые в свое время некоторыми священнослужителями православной церкви попытки вести богослужения в нескольких православных храмах на белорусском языке закончились неудачей из-за негативного отношения к этому паствы [79, с. 3]. Актуальным видится как рассмотрение аналогичных процессов, уже имевших место на территории Беларуси, так и характера интерпретации поднесения происходивших событий.

В.В. Григорьева и Е.Н. Филатова, освещая историографию костела в Беларуси конца XVIII – начала XX вв., указали на существование большого количества статей современников тех событий в периодической печати [101, с. 656–660]. Для ранних российских трудов характерно выражение собственного мнения авторов, не подкрепленного фактами, преобладание эмоций, уход в теоретические построения. И.С. Аксаков прямо призывал всех католиков «славянского мира» отречься не только от польского языка, но и от Рима и всех дел его [4, с. 177]. А.П. Владимиров уверял

² Ганчар, А.И. Римско-католически костел в Беларуси (1864–1905 гг.): монография / А.И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2008. – 276 с. – С. 9–40.

читателя, что именно с его подачи Виленскому генерал-губернатору К.П. Кауфману в 1865 г. «Записки о введении русского языка в римско-католическое богослужение в Западной России» начался сам процесс. Тем самым, как он считал, католицизм обезвреживался для русского государства и русской народности, отделялся от «полюнизма» и «располячивался». А.П. Владимиров полагал, что опасность «ополячивания» западнорусского населения посредством польско-католического костела увеличивается еще более тем обстоятельством, что польские и русские языки чрезвычайно близки друг другу и что для польских патриотов «ополячивание» западно-русского народа является неременным условием восстановления Польши, по известному девизу – «без Литвы нет Польши» [68, с. 106, 108; 69]. Г.Я. Киприанович, отражая официальное мнение по введению русского языка, попутно приводя статистику по внедрению языка в Минской губернии, отмечал, что как и все принужденное, акция по введению русского языка имела временный успех [380, с. 153]. В труде И.П. Корнилова, имевшего своим девизом выражение «шпыки поляков усмирими, а школы – уморят», помещены сведения о сложности введения в Виленском учебном округе римско-католического катехизиса на русском языке в учебный курс [389, с. 69, 108]. Он не считал польский язык в римско-католическом богослужении препятствием для искренней любви к России, а видел прямую угрозу в органической связи костелов Западного края с костелами в Польше и Западной Европы, в их иерархическом подчинении [547; 390]. А.И. Миловидов считал, что русский язык являлся действенной мерой в борьбе с влиянием римско-католического духовенства на местное население [482, с. 4].

Уникально издание А.В. Жиркевича, изобилующее множественными фактами не только касающимися проблемы «располячивания» костела и непосредственно описывающими жизненный путь каноника Ф. Сенчиковского (самого активного деятеля по введению русского языка), но и содержащее материал, характеризующий эпоху того времени, губернаторов, директоров Департаментов, министров, духовенство, как православное, так и римско-католическое и т.д. Автор называет его истинно русским человеком и патриотом своей родины России, искренне любившим ее до самого конца [326, с. 673]. Автор сожалел, что процесс введения русского языка в дополнительное богослужение не был произведен с достаточным упорством, в чем видел вину не только ксендзов и помещиков, но и властей [325, с. 661].

Следует отметить помещенную А.В. Жиркевичем в свой труд вышедшую в 1893 г. брошюру профессора Краковского университета ксендза Кнапинского, который с различных точек зрения (канонической, исторической, культурной, философской, этической) рассматривал проблему введения русского языка в римско-католическое богослужение [949]. «Очень уж тонкое различие между каноническим и дополнительным богослужением. Уж одно то, что такое различие учинил остроумный православный министр, заставляет

III. Общественные обязанности.

Школа, костел, деревня, труд, торговля, выборы. Как же нам соединиться? Первая фундаментальная наша связь – это семья. Здесь основанием должен быть страх Божий, любовь к Богу и идущее с ней рука об руку согласие, трезвость и разумное воспитание детей. В этом заключается и ваше счастье в старости – в обеспечении счастливой будущности. Без этих условий пожнете печаль, стыд, а на старость – презрение, проклятие плохо воспитанных детей и грозную ответственность перед Богом. Поэтому не пускайте в свою семью дурных людей, а детей старайтесь воспитать хорошо, беречь от злых влияний и учить. В наше время уже недостаточно знать повседневные молитвы и краткий катехизис. Нужно понимать основы веры и уметь защищать их, ибо везде и постоянно они подвергаются преследованиям и посмеянию, их отрицают. Между тем, в них и только в них истина и единственно прочное счастье. Поэтому нужно учить детей, но как и где?

Правительственные школы нам ничего не дают: учителя нам чужие, не здешние, всегда не нашей веры, а часто и без всякой. Посему она уничтожает веру в ваших детях. Поэтому я не могу уговорить вас посылать ваших детей в правительственные школы, пока они таковы, какими были до сих пор. Если школы эти посещает ксендз, то не запрещаю посылать своих детей, но не уговариваю и не приказываю. Даст Бог переменятся отношения и будет у нас лучшая школа. Но пока придут эти времена, обучайте детей дома, как кто может, и усердно посылайте их в костел к ксендзу или к набожным людям, которые обучают детей. При этом не только до первой исповеди и причащения, но и потом, как можно дольше. Ребенок с возрастом, конечно, будет воспринимать все более и шире учение веры, но никогда слишком много, слишком обстоятельное и основательно не изучить их. Образованные люди изучают в университетах богословие в течение нескольких лет. И никто не может сказать, что исследовал все глубины этой божественной науки. Поэтому взрослые и дети пусть стремятся к вере, пусть охотно изучают ее. Только это даст нам всем, и бедным, и богатым, твердую почву под ногами. Это одно даст вам силу противостоять всякому злу. Лучше всего будет соединять вас и сообщит величайшую крепость вашим силам.

Нужно учить детей чтению и письму. Они должны знать русский язык, который нам постоянно нужен. Но необходимо также учиться чтению и письму на языке, на котором напечатаны католические книги – следовательно, по-польски и по-литовски. Много есть лиц, которые вам пожелают помочь. Соединяйтесь с ними, ищите

Богу и людям, ибо стремятся к уничтожению самых важных и самых священных основ всякого общества – истреблению веры, семьи и собственности. Эти несчастные называются социалистами, революционерами, анархистами, а если это евреи, то они именуются бундистами или сионистами.

Знайте, мои дорогие, что если в приходе заведется один вор или пьяница, то он, в нашей грешной падшей природе, скоро начинает портить и других. Его нужно остерегаться. И чем кто слабее, тем более нужно его защищать от дурного влияния.

Точно так же следует беречься этих злых людей и тем более их бояться, чем кто слабее. В таких случаях следует опираться не на телесные силы, но на силы души: слабый – это не тот, кто не может работать, не тот, который мало просвещен, ум которого не развит. От этих людей всякий должен защищаться. Ибо каждый может сказать себе по совести, что где происходит борьба с нечистым духом, там каждый из нас мало просвещен. Главным образом защищать от них нужно детей и молодежь, разум которой и воля еще не вполне окрепли, которые легко погибают при столкновении со злом, в какой бы форме оно не проявлялось. А что это худые люди, мы знаем, ибо Христос сам сказал: «Не может хорошее дерево давать плохих плодов, а по плодам узнаете их; покажите же мне хороший плод деятельности этих людей». Христос также сказал, что кто не слушает Церкви, пусть будет для Вас как язычник, то есть человек, с которым у Вас не должно быть никакого общения. Этих отринувшихся от Бога и Церкви людей нужно остерегаться, не обижать их, ибо они наши ближние. Но не иметь с ними никаких сношений: не принимать их в дома, не приглашать в сходбища, не слушать их речей.

Если кто заболит оспой, то из опасения заразы, идет к больному только тот, кто должен. Учение этих людей более страшная оспа, ибо она есть оспа души. Как человек в оспе не похож на человека, так душа, созданная по образу и подобию Божьему, зараженная проказой социализма, анархизма или чем-либо подобным, уже не имеет подобия Бога. И если умрет в этой заразе, то навеки будет отринута от Бога.

Ища счастье вне Бога, всякий человек непременно впадает в вечное ужасное несчастье. Этой опасности нужно избегать всеми возможными средствами. Социалисты и революционеры имеют силу, ибо они соединяются и одни другим помогают. Поэтому, чтобы иметь силу против них, и нам нужно соединиться. Тогда они для нас не будут страшны, ибо нас, католиков, много, а их меньше, и в конце концов с нами Бог.

заподозрить в этом подвох к нашему вреду. Всякое богослужение, отправляющееся в костеле, есть костельное. Разница может быть лишь между тем, которое ксендз совершает от имени костела сам, причем верующие принимают в нем участие, присоединяясь к намерениям ксендза, и тем, хотя и публичным, где ксендз только направляет и предводительствует, дабы оно совершалось согласно с духом костела. К первой категории относятся: литургия, канонические часы, установленные костелом особыми уставами. Ко второй категории – такие службы, как майские богослужения (Пресвятой Марии Деве), июньские (Сердцу Иисусову) и другие, проистекающие из особой набожности верных. Богослужения первой категории, совершаемые от имени костела, должны совершаться везде на основании неизменяемых уставов на костельном языке – по сему на латинском. Богослужения второй категории – могут быть совершаемы на родном языке молящихся лишь при условии разрешения главой римско-католического костела» [325, с. 477–478]. Что же касается ксендзов-исследователей истории костела, то они предпочитают пользоваться термином «так называемое дополнительное богослужение» [935, s. 226]. Согласно исследователю костела ксендзу Р. Юрковскому, под понятием «дополнительное» богослужение следует понимать так называемый Пиотровский ритуал (*ritual piotrowski*), утвержденный Римским двором в 1631 г., или все то, что не входит в латинский текст святой службы, совершение сакраменталий и костельных служб (бенедикции): проповедь, костельные песни, ответы при крещении, венчании, молитвы за правителя и т.д. [935, s. 225].

Брошюра Княпинского ценна еще и тем, что на ее полях сделаны заметки Ф. Сенчиковским, выразившим таким образом свое несогласие с приведенными доводами, что дает исследователям лучше понять психологию, мотивацию поступков Ф. Сенчиковского [325, с. 465–504].

Бывший юрисконсульт Святейшего Синода православной церкви в Польше К.Н. Николаев отмечал, что русское правительство, не покушаясь нисколько на латинский язык, как язык богослужебный, и не понимая, почему в России, рядом с латинским языком, в костеле должен быть исключительно язык польский, а не государственный, – все же не могло принудить римско-католическое духовенство пользоваться русским языком [504].

В современной российской историографии наблюдается некоторое оправдание действий правительства. Священник Сергей Голованов полагает, что в целях борьбы с польским национализмом, распоряжением правительства от 1868 г. римско-католическим приходом в этнической Беларуси было предписано перейти на русский язык вместо польского в проповеди и внелитургических богослужениях, что вызвало

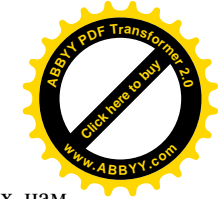
некоторое волнение (всего лишь – А.Г.) духовенства и мирян [94, с. 33]. Российские авторы больше внимания уделяют теоретическим вопросам взаимосвязи языка, религии, культуры нации [497; 666, с. 35].

Из советского периода историографии следует выделить труд Я.В. Минкявичюса, в котором наряду с конкретным анализом католической концепции по национальному развитию рассматриваются общие и методологические вопросы взаимосвязи религии и нации, места ее в обществе. Но в подтверждение сделанных выводов автор ссылается на историю костела в Литве, что лишь частично затрагивает наш вопрос. Автор отмечает традицию пользования языками (польским и латинским) в костеле, которую так и не нарушили власти Российской империи (исторические факты не приводит) [486, с. 62]. Автор считал, что отстаивание римско-католическим костелом языка богослужения (польского), а, следовательно, и национального самосознания при помощи таких средств, как язык и письменность, печать и литература, было не заслугой, а очевидным действием: духовенство в этом отношении не могло поступить иначе – оно выполняло обязательные указания Римской Курии для всех приходов и епархий, «эксплуатируя» национальное сознание [486, с. 263].

Группа авторов: Е.С. Прокошина, К.К. Койта, Т.П. Короткая и др. – лишь обмолвилась о начале введения русского языка в римско-католическое богослужение, отметив, что, стараясь добиться одинаковых прав с православной церковью, католическое духовенство, даже проявляя в лице некоторых своих представителей определенную оппозицию самодержавию, никогда не выражало революционных идей: оно призывало к покорности царской власти, послушанию эксплуататорам [374, с. 36].

Белорусский ученый П.В. Терешкович полагает, что введение русского языка в римско-католическое богослужение было политикой по разъединению католицизма от полонизма [796, с. 657; 795, с. 356].

В.В. Григорьева (В.В. Яновская) считает, что план «располячивания костела» был разработан с целью ослабления влияния римско-католических священнослужителей на белорусский народ, а что до самих белорусов, то В.В. Григорьева согласилась с мнением ксендза Адама Станкевича: «Для народа было все равно, так как и польский и русский язык был для него чужой, но к польскому он уже был более привыкшим, к тому же все притесненное, как всегда бывает, много имеет в себе моральной силы и красоты» [1054, с. 57; 369, с. 71–93, 110–124; 108, с. 294]. Продолжением научных изысканий автора служит ее монография, изданная в 2002 г. [845], в которой автор дала

II. Обязанности в отношении людей.

Любя наших ближних, мы должны учить самых близких нам единоверцев наших, помогать им, жить с ними в согласии. Никогда нигде не совершать несправедливости и насилий по отношению к ним.

Во многих местностях нашего края мы имеем католиков, говорящих на разных языках: одни на польском, другие на литовском или на белорусском. Мы должны помнить, что это все наши братья и что все языки равные имеют права, когда дело идет о прославлении Бога. Следовательно, мы должны, пребывая в согласии между собой, заботиться о том, чтобы в наших костелах никому не была причиняема обида и каждый был в состоянии слушать проповедь и петь в свой день и в свое время на языке, который для него наиболее дорог.

С нами вместе живут и православные. И их одинаково нужно нам любить. Мы можем и должны скорбеть, что они не знают святой католической веры, что они извращают таковую и представляют в ложном освещении. Как это в особенности в последние времена часто встречается в Почаевских изданиях, которые разбрасывают среди крестьянства. Мы должны молиться, чтобы Бог озарил их. Мы должны добродетельной жизнью, хорошим примером, советом и наставлением воздерживать их от зла, от насилий и несправедливости. Ибо, как ближних, мы любим их и желаем сохранить согласие и мир с ними. Мы должны помнить, что, хотя они не исповедывают нашей святой веры, однако это наши братья: одним говорят с нами языком, одну с нами обрабатывают землю, один с нами едят хлеб. И если мы их всегда будем наставлять хорошим примером, то, наверное, рано или поздно, по милости Божьей, они снова соединятся с нами в одной молитве в одной святой вере. Хотя даже так, как это было и прежде во времена единства унии. Хотя бы язык, на котором прославляем Бога, у нас и у них, наших братьев, был не один и тот же.

С нами также живут евреи – несчастные они люди: Христа не знают, на Бога и вечность мало обращают внимания, хотя наружно часто молятся. Цель их жизни заключается только в корысти, в деньгах, и поэтому часто нас обижают и обманывают народ, а в последние времена подговаривают к бунтам и беспорядкам. Однако и они наши ближние, и их Бог повелевает любить и воспрещает их обижать и приказывает молиться за них. Следовательно, нам нужно жить с ними в мире и согласии, а как защищаться от обмана и обиды, это я вам укажу ниже.

Но не только живем мы с православными и евреями. Среди нас есть люди, которые дерзнули отторгнуть себя от Бога и веры. Люди, которые ища будто бы счастья для себя и других, пылают ненавистью

Так как Христос будет нашим судьей, то он должен был указать нам, как следует жить, чтобы суд Его был милосерд. Для этого он повелел нам соблюдать заповеди Божьи. Для этого учредил руководительницу и наставницу людей – святую церковь, единую для всех, то есть вселенскую, католическую. Чтобы эта церковь была одна, всегда одна и та же, не зависящая от людей. Христос Господь учредил таковую под невидимым своим главенством, а на земле оставил власть над ней своему наместнику св. Петру и его преемникам – римским епископам или папам. И обещал, что остается с ними до конца веков, что наставит их во всякой истине, что они не будут ошибаться, ибо их будет вести дух святой. Поэтому он дал св. Петру и его преемникам папам всякую власть на земле, обещая, что то, что они свяжут на земле, то связано будет и в небесах, а что они разрешат здесь, то будет разрешено и в небесах.

Многие люди не послушались этих слов Христа: императоры и короли не пожелали, чтобы св. Петр и его преемники имели независимую от них власть и учредили свои национальные церкви. Народы хотели изменить Церковь Христову согласно своим особенностям. Они отторгнулись от единения, расчленили Церковь Христову. Так появилось православные, греки-армяне, лютеране, англиканцы и много других вероисповеданий и сект. Иные до настоящего времени даже не пожелали принять учения Христова: евреи и язычники, китайцы, японцы, турки, татары. Мы же имеем счастье, которое выше всякого другого. Счастье, за которое мученики с веселием шествовали на страдания и смерть. Счастье принадлежать к Христовой Церкви, единой святой католической вселенно.

Чем больше людей не признает этого счастья, чем больше отрицая таковое – они оскорбляют Бога. Тем значительнее наша обязанность держаться святой веры нашей и быть не по имени только, но действительно и вполне католиками. А потому, чтобы счастье единения с истинной католической верой не было лишь на словах, но действительно в этом мире и вечно в небесах, нам нужно жить по-католически. Жить по-католически, значит почитать и любить Бога, исполнять религиозные обязанности: соблюдать заповеди Божьи, присутствовать на литургии в воскресные и праздничные дни, поститься, когда это установлено, исповедоваться и приобщаться к св. Таинству. Чтобы жить по-католически, нам еще нужно жить с другими людьми, как повелел Бог. Бог сам сказал, что все люди наши ближние, наши братья. Вторая заповедь Христова, возлюби ближнего твоего как самого себя, также велика и важна, как заповедь, чтобы мы любили выше всего Бога.

краткий историографический обзор данной проблемы, а также многочисленные статьи [100; 108; 109, с. 63–67]. В.В. Яновская проблему «располячивания» костела считает концентрацией всей политики царского правительства в отношении костела и к польскому вопросу в Беларуси в целом, а механизм введения русского языка в костелы охарактеризовала как насильственный [109, с. 66; 845, с. 9].

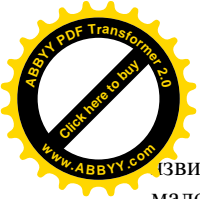
Л. Лыч, рассматривая введение белорусского языка в римско-католическое богослужение, видел в использовании польского языка в римско-католических храмах Беларуси проявление польской традиции в костеле. Автор утверждал, что правительство специально задумало основными проводниками русского языка в костелах сделать самих ксендзов (где уговорами, а где силой), дабы они потеряли влияние на население [466, с. 102].

В.Н. Линкевич считал, что с целью ослабления «польского» костела был разработан план его «располячивания», неоднозначное восприятие которого не только представителями римско-католического духовенства, но и православной церкви, а также правительства, привело к неосуществлению этой идеи [459, с. 28].

Ю.А. Бачища рассматривает «располячивание» костела как одно из действенных средств, направленных на ограничение и полную ликвидацию сепаратизма костела в Беларуси, итогом которого стало формирование в начале XX ст. белорусского католического духовенства, которое противодействовало общей полонизации белорусского края [18, с. 4].

Труды авторов, написанные на польском языке, (Э. Павлович, А. Важунский, С. Кжеменский, А. Ельский, Л. Василевский, Е. Бородич, Е. Жискар, Е. Телко-Гринцевич, З. Нагородский, Ф. Шнарбаховский, В. Урбан, Б. Кумор, М. Банашак, М. Раковский) отличаются крайней негативной оценкой мероприятий правительства по введению русского языка. В анонимном издании 1881 г. «Polska i Rossja wobec ostatnich wypadków» и вовсе все неудачи Российской империи, в том числе и смерть Александра II, сводились к справедливой Божьей каре за действия против католической веры [1020]. Эти труды примечательны проработкой вопроса непосредственного введения языка в богослужение, показывали негативные отношения к проблеме самого населения, а также больше внимания уделяли ксендзам, не принявшим русскоязычный требник [1013; 967; 1057; 1066; 671, с. 73; 1028].

Представляет интерес труд А. Важинского, бывшего во времена управляющего Виленской епархией П. Жилинского в числе его капитула, для которого католик, любящий свой костел, и поляк, любящий свое Отечество, – это одно и то же; автор дает довольно

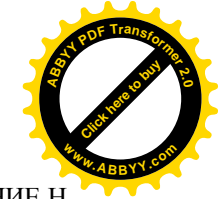
извительную характеристику губернаторов и «обрусевших» ксендзов, мало внимания уделяя их практическим делам [1098, s. 107].

С. Кжеменский полагал, что с издания 8 ноября 1865 г. русскоязычного катехизиса Д. Стацевича началось осуществление самого большого желания правительства – уничтожение католицизма (издание также вышло анонимно) [967, s. 208].

В воспоминаниях ксендза Е. Бородича введение русского языка в римско-католическое богослужение рассматривалось как проявление духовной борьбы между Востоком и Западом, западной и византийской культурой. Автор углубился в теорию, философию этого вопроса [871, s. 249].

Е. Жискар утверждал, что введение русского языка предпринялось с целью распространения православия на католиков [1125, s. 124]. Вторит ему Ю. Туронак, считающий, что процесс «располячивания» костела был предпринят инициаторами с целью возвращения белорусских католиков не только к русской народности, но и к православию [775, с. 84]. Ксендз А. Буду причину ввода русского языка в римско-католическое богослужение видел в желании правительства посеять вражду между поляками, по преимуществу своему римско-католиками, и Римской Курией [872]. Е. Телко-Гринцевич видел в введении русского языка в римско-католическое богослужение «оружие» гражданских властей против костела, с помощью которого население само бы стало покидать те храмы, где звучала русская речь из уст ксендзов – преследуя таким образом русификаторскую цель [1073, s. 62]. Общественный деятель З. Нагродский в работе, посвященной деятельности римско-католического духовенства в 60–80 гг. XIX в., считал, что перевод костельного богослужения на русский язык был всего лишь одним из этапов (наравне с присоединением к православию бывших униатов, которые на конец 30-х – начала 40-х гг. XIX в. стали католиками, введение в состав консисторий правительственных комиссаров и т.д.) плана по русификации костела [995, s. 26–27]. Но, как отметил современный белорусский исследователь А.Ф. Смоленчук, архивные документы не подтверждают существования подобного плана [731, с. 61].

В. Урбан, Б. Кумор в процессе введения правительством русского языка в римско-католическое богослужение видели попытку ликвидации римско-католической религии [1080, s. 377]. Р. Юрковский, Р. Гирень, Т. Крахель – намерение правительства русифицировать католиков, обратить их в православие [935, s. 226; 906, s. 26; 907, s. 17; 959, s. 75]. М. Банашак (в книге для студентов католической академии) утверждает,

Послание Виленского епископа барона фон-Роппа

(от 29 сентября 1906 г.)

Эдуард барон де Ропп Божьей и Апостольского Престола милостью епископ Виленский.

Моему возлюбленному католическому народу приветствие и благословение в Боге.

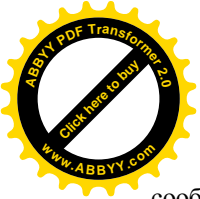
Бог повелел нам жить в очень тяжелые и опасные времена. Враждебная сторона посрамляет и бесчестит нашу святую веру. Злые люди, имея будто бы целью благо народа, проповедуют учения переворота и ненависти. Основы общества, семью, собственность, любовь к ближнему и уважение к власти, стараются они подкопать и ниспровергнуть. Хотят помрачить совесть, возбудить страсти и, толкая общество к беспорядкам, насилиям и волнениям, желают создать положение, в котором имущество и жизнь необеспеченны. Враг человеческого рода злой дух пользуется этим, подрывая спокойствие и благосостояние народа и навеки губя искупленные кровью Христовой души.

В такое время добросовестный человек, верующий католик, должен ясно сознавать свои обязанности в отношении Бога, ближних, власти и общества: дабы, шествуя указанным верой и совестью путем, остерегаясь греха и поступая добродетельно, достигнуть сравнительного временного счастья и благополучия и спасти свою душу.

Моим обращением к Тебе, возлюбленный народ, я хочу указать Тебе в кратких словах нашу католическую обязанность, следуя которой Ты убережешь свое благосостояние в этой жизни и подготовишься к милосердному Суду Божьему и к истинному счастью в вечности:

I. Обязанности в отношении Бога.

Мы веруем, что Бог один во святой единойтроице, что второе лицо пресвятой троицы сын Божий сделался человеком и родился по наитию духа святого от пресвятой пречистой Девы Марии, матери Божьей. Это второе лицо пресвятой троицы, как человек, Иисус Христос, умер за нас на кресте, восстал из мертвых и сидит одесной Отца. Этот самый Христос Господь будет нас судить и примет в царствие свое на небесах или низвергнет навеки в ад.

19. Дабы штаты канцелярии архиепископа были изменены сообразно с истинным назначением, какое имеет это учреждение.

Вот самые чувствительные преграды, какие встречает при исполнении своего святого долга католическая Церковь в Российской Империи, долга вести детей своих по пути к спасению.

Настало время, Ваше Высокопревосходительство, испытания Божия; силы ада воспрянули, угрожая Алтарю и Престолу; наступил окончательный момент, когда все без различия консервативные органы должны соединиться в одно, дабы направить в русло страха Божия и общественного порядка разбушевавшиеся волны приближающейся социальной революции.

В такой грозный момент Церковь католическая низлагает у ступеней Престола свои долголетние страдания не со словами укора, но словами просьбы о справедливости, не с чувством горечи в сердце, но с горячей молитвой, дабы Всевышний предотвратил бедствия от государства и несчастья от достигнутого столькими тяжелыми испытаниями Монарха.

Примечание – Документ приведен в сокращенном виде.

Источник – Меморандум Могилевского митрополита Георгия Эдварда Шембека // Католическая церковь накануне революции 1917 года. Сборник документов / сост. и отв. ред. кс. М. Радван: Научное общество Католического Университета в Люблине. – Люблин, 2003. – С. 52–98.

что введение русского языка в богослужение преследовало цель русификации богослужения и религиозной науки [859, s. 309]. Л. Яскевич полагал, что трудность процесса «располячивания» костела заключалась в противодействии польского и «ополяченного» белорусского римско-католического духовенства [928, s. 153]. Автор очертил хронологически период, кампанию введения русского языка в римско-католическое богослужение – 1869–1875 гг., назвав ее безуспешной политикой русификации костела [928, s. 155]. Р. Дзвонковский уверен, что правительство введением русского языка в римско-католическое богослужение преследовало не только религиозную цель, но и политическую: оторвать поляков от костела, лишить их последнего «бастиона польскости», что непременно бы привело, по мнению властей, к православию и русификации [888, s. 60; 889, с. 21]. Труд Р. Дзвонковского выделяется из ряда других трудов тем, что автор уделил внимание теоретическим вопросам единения всех христиан, как простых верующих, так и духовенства, призвав римско-католическое духовенство не заострять внимание на «польскости», быть открытым к другим нациям, ветвям христианства, в том числе и православию – ведь Бог один [888, s. 124–128]. М. Радван считал политику по введению русского языка ассимиляцией [1028, s. 215].

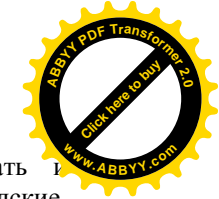
Анализу политики правительства Российской империи, местных властей посвящена целая серия изданий, можно сказать, большинство трудов, особенно российских дореволюционного периода, в которых отмечаются в разной степени заслуги того или иного начальника по продвижению русского языка в богослужение. На первом месте по степени апологии, конечно, находится Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. А.И.Миловидов напомнил читателям, что М.Н. Муравьев, который еще в 1831 г. во всеподданнейшей записке охарактеризовал римско-католическое духовенство как самый враждебный элемент Северо-Западного края, коего нельзя привлечь благодеяниями. Введение русского языка М.Н. Муравьев, по воспоминаниям А.И. Миловидова, рассматривал как одну из мер, способную уменьшить влияние римско-католического духовенства на местное население. В книге секретаря Муравьева отражены мнения по проблеме русификации костела других генерал-губернаторов, православного руководства [482, с. 4, 17–18]. Виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов был также сторонником русского языка в римско-католическом богослужении [453, с. 6]. Современный польский исследователь Л. Яскевич, изучив отчеты губернаторов Северо-Западного края, показал положительное отношение оных (Д. Батюшков, Н. Урусов, Клингенберг, Троцкий, П.Д. Святополк-Мирский, П. Курлов) к введению русского языка в

римско-католическое богослужение, способствовавшего «обрусению края» [928, с. 147–153].

Представляет интерес подготовленный в 1997 г. к печати белорусскими учеными М. Бичом и В. Пичуковым «Всепопданнейший отчет Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II» [31, с. 95–116]. П.Д. Святополк-Мирский трудность введения в римско-католическое богослужение русского языка видел в том противодействии, которое оказывало польское и «ополяченное» белорусское духовенство. Выход – упрочение самосознания белорусского населения, дабы укрепить тех, которые попадали в польскую среду. Со своей стороны, идя доступными для генерал-губернатора средствами навстречу «располячиванию» костела, он настойчиво проводил при назначении ксендзов к приходам тот принцип, чтобы народности большинства прихожан соответствовала и народность их священника. «К сожалению, – писал генерал-губернатор, – эта мера, достигая своей цели в отношении литовской народности, пока не достигает ее в отношении белорусского племени именно потому, что вышедший из семинарии ксендз-белорус причисляет себя уже к польской, а не белорусской народности» [31, с. 101–102]. Этому во многом способствовала и политика самих властей, которые, причисляя белоруссов-католиков к полякам, обрушивали репрессии и на них. П.Д. Святополк-Мирский настаивал на изменении прежних методов управления, поддержке среди католических белорусов течения в пользу обособления от поляков [31, с. 103].

Выделяется ряд трудов, посвященных характеристике (а в большинстве своем и просто приведению сведений) дискуссии, разгоревшейся по введению русского языка в римско-католическое богослужение. В журнале «Русский вестник» в сентябре 1867 года был опубликован очерк, в котором было отображено столкновение пяти основных точек зрения по вопросу введения русского языка в римско-католическое богослужение. Во-первых, это мнение редакции журнала, возглавляемой представителем Думы от либерал-консерваторов М. Катковым – позиция, наиболее близко отражающая официальную. Ей противостоят мнения четырех членов Виленской ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства, штаб-ротмистра Самарина, действительного статского советника Деревицкого, Кулина и археографа Безсонова – единственных, кто проголосовал против введения русского языка в богослужение русских католиков. Очерк изначально был задуман как диалог различных позиций; эти четыре представителя были избраны для него неслучайно, но именно в связи с их радикальным несогласием как с официальной

5. Признать за епископом полное право назначать и перемещать священников на все церковные должности, приходские, педагогические, военные без испрошения согласия Правительства;

6. Разрешить епископам применять по отношению к подведомственным духовным лицам карательные меры без испрошения согласия Правительства;

7. Точно так же давать звания почетных каноников, но без права носить дистинкториум;

8. Желательно было бы также, чтобы по соглашению со Святейшим Престолом при всех Капитулах Империи были учреждены почетные каноникаты с правом ношения дистинкториума;

9. Чтобы на тех же условиях число членов Капитулов в Империи было увеличено до 12;

10. Чтобы звания римских прелатов могли быть непосредственно испрашиваемы епископами в Риме, и только для пользования ими в пределах Империи требовалось согласие Правительства;

11. Чтобы для каждой епархии был учрежден дом для эмеритов, состоящий под непосредственным управлением епархиальной власти;

12. Чтобы вакантные в епархиях должности суфраганов были замещены;

13. Чтобы приходские и филиальные костелы и каплицы, разбросанные в губерниях великороссийских, Сибири и Туркестане, были соединены учреждением деканатов;

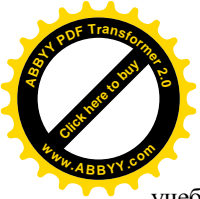
14. Чтобы переход священников из губерний Царства Польского в Империю обуславливался только каноническими правами;

15. Чтобы епископы, священники и духовные низших степеней не были связаны исключительными паспортными ограничениями;

16. Чтобы епископства, капитулы, костелы, монастыри и иные религиозные учреждения имели право получать и владеть движимой, равно как и недвижимой, собственностью, и чтобы был разрешен сбор добровольных пожертвований на церковные цели под надзором и с разрешения духовной власти, без испрашивания на это согласия светской власти;

17. Чтобы Устав Коллегии был подробно рассмотрен и сообразно с назревшими нуждами переработан; все же составляемые в разные времена правила и инструкции были отменены;

18. То же самое по отношению к консисториям;

23. Ввести преподавание католического богословия в высших учебных заведениях;

24. Разрешить учреждать приходские приюты для бедных при католических костелах;

25. Разрешить католикам исполнять должность учителей в начальных училищах;

26. Не требовать от католических детей посещать церковно-приходские православные училища и не требовать от католиков платы на их содержание, или же ввести в оных училищах преподавание Закона Божия католического вероисповедания католическим же священником;

27. Разрешить учреждать приходские училища при католических костелах;

28. Разрешить частное обучение Закону Божию;

29. Признать обязательным испытание по Закону Божию при поступлении кандидатов в учебные заведения.

III. Книги и журналы духовного содержания:

1. Разрешить публиковать временные богословские или вообще религиозные издания по программе, одобренной духовною властью р.-к. Церкви;

2. Допустить печатать журналы и книги религиозного содержания на основании единственно духовной цензуры, которая должна считаться достаточною в данном вопросе;

3. Разрешить во всяком случае издавать в каждой епархии журнал, имеющий служить официальным церковным органом публикации епископских распоряжений по епархии;

4. Разрешить Петербургской р.-к. Духовной Академии издавать научное богословское периодическое издание.

IV. Право церковного управления, церковное имущество, духовная Коллегия, духовные консистории:

1. Разрешить духовной власти в делах чисто духовных сношаться непосредственно с Римскою Куриею;

2. Без особенного о том уведомления властей допустить епископам видаться между собою, а тем паче приглашать к себе подведомственных священников;

3. Не мешать епископам, равно как и священникам, исполнять независимо от каких-либо разрешений обязанности своего сана везде, где церковное Право им разрешает;

4. Предоставить епископам беспрепятственно посещать свои епархии, повсеместно без исключения;

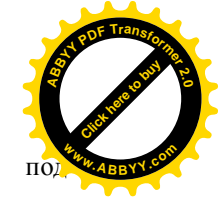
программой действий, так и между собой – в том, что касается целей политики и средств ее выполнения [521]. Остановимся на этом моменте несколько подробнее, взяв на вооружение доводы А.Н. Кушковой.

Противником введения русского языка в католическое богослужение был штабс-ротмистр Самарин, точка зрения которого была следующей: польский язык как таковой есть «символ народности, враждебной русскому правительству», негласного или открытого сопротивления официальной политике, и, как таковой, должен быть изгнан не только из сферы администрации и образования, но и их религии тоже, причем как самой службы, так и проповеди; активное участие народа в богослужении (т.е. те места службы, когда миряне сами поют / произносят текст), как введенное ксендзами «неуставное явление» должно быть вообще из нее изъято; обрусение края невозможно без возвращения народа в православие. Понимая резко своей позиции, Самарин делает поправку, сводящуюся к тому, что есть возможность решения проблемы «не налагая прямого запрещения на религиозный обычай ... дабы не подвергнуться нареканию в притеснении католицизма», т.е. предлагает более тонкий ход: ссылаясь на правила самой католической церкви, он предлагает совершать службу, включая песнопения (которые таким образом теперь могут быть опять разрешены) «исключительно на латинском языке», по-прежнему подвергая все тексты жесткой цензуре. Относительно замены польского языка Самарин утверждал, что мера эта не может быть признана насильственной, а между тем она почти равносильна совершенному запрещению; так народ, не зная и не понимая латинского языка, не будет принимать участие в этом пении, и обычай сам собой падет, а вместе с тем охладет и религиозный фанатизм в народе». Но при всем якобы неизбежном и всеобщем триумфе русского языка в западных областях, который, согласно прогнозу, произойдет «весьма скоро», Самарин тем не менее определяет его введение как «меру вредную и крайне опасную»: соединение родного языка с чуждым, враждебным учением дает последнему возможность стремительно распространяться и «заражать» то, что раньше было отделено в силу чисто языковой недоступности. Коль скоро русский язык может стать «орудием ... римско-католической пропаганды», ситуация частичного непонимания католиками польскоязычной проповеди, очевидно, должна быть предпочтительной, поскольку она препятствует распространению «еретических» идей среди тех, кто может и должен, в силу своей этнической принадлежности, быть собственностью церкви «истинной». Чем больше доводов приводит Самарин, тем больше, как подметила еще А.Н. Кушкова, складывается

впечатление, что он неуверен или даже боится того, что православная церковь в создавшейся ситуации не обязательно окажется сильнее католического костела. Показателен в этом смысле его «обратный» и, несомненно, заведомо парадоксальный аргумент – что должно было бы сделать русское правительство, если бы сознательно желало распространить латинство на своей основной территории – «переводить латинские книги на русский язык или нет?» Самарин однозначно считает, что такой перевод был бы «целесообразен», однако автор очерка справедливо возражает, что в таком случае отношение официальной власти к католицизму на своей территории с одной стороны, и к русскому языку в западном крае, с другой, должно было бы быть равным, и что католицизм потребовал бы солидной поддержки в «миссионерстве, издании полемических против православия направленных сочинений» и т.д. Самарин также анализирует, почему крестьянин, которого он однозначно считал русским, предпочитает костел православной церкви, и сравнение явно было осмыслено не в пользу последней: «убожество православных церквей» противопоставлено «великолепию» костелов, «жалкое церковное пение» – звукам органа, в костеле человеку открывается «возможность самому быть деятельным лицом в католическом пении» и т.д. И хотя осмысливается это все как духовный соблазн, «совращением ксендзами» простых русских крестьян, в результате католицизм устойчиво преобладает на этой территории. Самарин, как выразитель официальной точки зрения, высказывая пожелание «слития всех племен России в один русский народ», явно предпочитает придать «терпимым исповеданиям» статус «национальных», т.е. закрепить за ними тот или иной национальный язык – лишь бы «не осквернить русский язык нечестивыми устами ксендзов» [521, с. 327–335].

Следующий участник дискуссии, Деревницкий, выступает против введения русского языка в католическую службу на основании того, что эта мера не уничтожит главного зла – «злокачественных свойств латинства». Пытаясь опровергнуть основную правительственную идею о разделении католицизма и польской национальности, автор приводит в пример католиков-литовцев, которые, несмотря на то, что им «не привился язык польский и особенно не проник он в их молитвы и гимны», «враждебно относятся ко всему русско-православному», что, по его мнению, объясняется исключительно «глубокой ненавистью» вообще ко всему, что отлично от католической веры. В иерархии значимых факторов для Деревницкого верхнюю строчку занимает фактор конфессиональный, напрямую с языком никоим образом не связанный; официальная же

не заставлять учащихся католиков изучать Закон Божий под руководством православных преподавателей;

6. Не заставлять католиков, посещающих низшие, средние и другие учебные заведения, присутствовать на уроках Закона Божия православного исповедания;

7. Установить обязательное преподавание Закона Божия во всех учебных заведениях;

8. Разрешить католическим священникам преподавать во всех оных заведениях Закон Божий хотя бы безвозмездно;

9. Устранить повторение случаев присутствия в мужских учебных заведениях наблюдателей, следящих за порядком преподавания оного предмета;

10. Во время испытаний присутствующие представители педагогического совета, если они не католического исповедания, должны пассивно относиться к оному испытанию, но зато следует на такие испытания допустить представителей духовной власти, назначенных епархиальным начальством;

11. Определить с полной точностью требующие ближайшего разъяснения подробности Высочайшего Указа от 25 июня 1897 г.;

12. Действие сего Указа распространить на все без исключения учебные заведения;

13. Не заставлять учащихся католиков читать вслух от имени прочих воспитанников православные молитвы;

14. Законоучителей считать исключительно подчиненными епархиальному начальству;

15. Признать законоучителей членами педагогических советов;

16. Принимать в расчет наравне с другими предметами отметки по Закону Божию при переводе учащихся в высшие классы;

17. Допустить законоучителям влиять на религиозно-нравственное воспитание учащихся и вне училища;

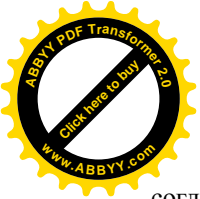
18. Предоставить право законоучителю руководить религиозною жизнью его воспитанников;

19. Увеличить оклад жалованья законоучителей;

20. Предоставить им право на пенсию;

21. Замещение законоучительских должностей, равно и необходимые перемещения или увольнение преподавателей Закона Божия - священников – признать предметом исключительного ведения и попечения епископа;

22. Разрешить проживать учащимся на квартире католиков;

4. Устранить из программы русских предметов по соглашению с гражданскими властями те части, которые неуместны при воспитании духовного юношества, как по словесности, так и по истории;

5. Признать за епископом исключительное и полное право определения срока семинарского курса;

6. Преобразовать штаты семинарии применительно к нынешним нуждам;

7. Определение численности воспитанников семинарии предоставить усмотрению епископа;

8. Допустить воспитанникам семинарии отправляться за границу для дальнейшего образования;

9. Предоставить епископу полное право замещения должностей профессоров семинарии по богословским равно как и по небогословским предметам, сохраняя за Правительством право неодобрения лица назначенного на должность профессора.

в) Религиозное учение в костеле:

1. Разрешить беспрепятственно читать в костелах народу папские энциклики и епископские послания;

2. Не стеснять свободы сказывания проповедей, оставляя полное право контроля в этой области исключительно за епископом;

3. Не препятствовать преподавать катехизис приходским детям и в небогослужбное время, как в костеле, так равно и в других удобных местах по назначению настоятеля прихода;

4. Разрешить частным лицам преподавать Закон Божий приходским детям с ведома и под наблюдением местного настоятеля.

г) Школьное дело:

1. Преподавание Закона Божия должно вестись на природном языке учащихся; если же учащиеся католики слишком разнообразной народности, следует при преподавании на русском языке допустить учащимся отвечать на их природном языке;

2. Под руководством р-к. епископов следует составить и сообщить учебной власти обязательную для учебных заведений всех степеней и наименований программу преподавания предметов религиозного учения;

3. Предоставить р-к. епископам исключительное право выбора и назначения пособий для преподавания оных предметов;

4. Обязательно увеличить число уроков для сих предметов;

5. Допустить католических священников на должности законоучителей в приходских и других начальных училищах, а также

политика введения русского языка в католическую службу при этом полностью теряет свой смысл. В ответ на это автор очерка, во-первых, ставит под сомнение враждебность литовцев по отношению ко всему русскому; если «поляк» не есть термин этнографический, ... это термин политический», то в случае литовцев или кого бы то ни было других, католическое вероисповедание и сама национальность не обязательно порождают русофобию. Так, простые католики-литовцы «нисколько не относятся враждебно ко всему русскому». С другой стороны, существует особая часть литовского населения, а именно «жмудские ксендзы», которые в силу получаемого ими «чисто польского воспитания» «преобразуются в поляка» – что автоматически «приписывает» им, в отличие от простых литовцев, анти-русские настроения. Подобное «преобразование», по тонкому замечанию автора, объясняется ни чем иным, как влиянием нового польского языка, который становится для них «языком священным – проповеди и молитвы». Польский язык представляется тем единственным, но мощным каналом, через который католик любой национальности неизбежно заражается мятежными по отношению к Российской империи духом и идеями, «национально-польским фанатизмом». «Обезвредить» его представляется для правительства задачей вполне выполнимой, свидетельством чему является пример унии как католицизма на русском языке, «сослужающий службу более православию и России, чем латинству» [521, с. 336–337, 339, 386].

Третий участник дискуссии, Кулин, начинает изложение своего мнения с перечисления сфер, в которых у русского населения западного края господствовал русский язык; исключением из этого ряда к 1867 году составлял только язык службы: в общей церковной службе русский «осужден был молиться на иностранном языке», хотя исповедь, не относящаяся к общественному богослужению, во многих местах осуществлялась на русском языке, на котором ксендзы могли говорить лучше, чем русские крестьяне по-польски. Кулин объявляет о необходимости «создать русское римско-католичество», т.е. считает, что иноверие само по себе исключает политическую лояльность русскому правительству. Тем не менее, при существующем положении «русский ополячивается посредством костела», т.е. единственно через польский язык богослужения. Признавая, что русский язык не сможет «убить латинство», Кулин сожалеет, что это невозможно, и тем обосновывает нецелесообразность введения его в общественное богослужение. Кулин боится влияния католицизма как такового - «что вредно православию, то вредно и русскому народу», религиозное оказывается для него сильнее национально-политического, и при этом,

Конечно, соединять католицизм с русским языком оказывается крайне нежелательным: «Латинство есть враг православия, Поляк враг Русского. Это истины. Пусть же латинство и носит вражду, то есть польскую личину». Польский язык в богослужении как общественном, так и частном, явно оценивается как неприемлимый, т.к. неразделим с чуждым вероучением, на нем выражаемом; с другой стороны, с введением в эту сферу русского языка также можно примириться лишь на короткое время, поскольку недалек тот день, когда русский человек обретет истинную веру, к которой он как русский должен принадлежать. Для Кулина «по определению» существуют вера «истинная» и вера «ложная», компромисс между русским языком, глаголющим вечные истины православия, и ересью латинства невозможен [521, с. 349, 354].

Следующий участник дискуссии Безсонов вступает в полемику не только с официальным курсом на введение русского языка в католическое богослужение, но и с выше рассмотренными позициями. Для него польский язык есть язык-символ, «будящий старую польскую мысль», ставящий говорящего на нем в зависимость от «образа мыслей, характера, истории, литературы, быта, почвы и племени польских»; наиболее вредным и противоестественным является польский язык в молитве и проповеди для русских крестьян, которым он «чужд и противен», но у которых, кроме него, нет иных средств выражения насущнейшей религиозной потребности; польский язык существует не в богослужении, но при богослужении, т.к. в главных его частях предписано использование латыни; следовательно, уже с удалением его из проповеди, чтения и общественного пения миряне будут полностью изолированы от польского языка; необходимо «вернуться к прототипу», т.е. к употреблению латинского языка во всех частях общественного католического богослужения без исключения; проповедь вообще не нужна храму, равно как и участие народа в церковном чтении и пении – тем более, если они производятся на «языке недозволенном и враждебном для края» (т.е. польском); впрочем, для проповеди можно найти любой другой язык, как то: «латинский... немецкий... французский или, наконец, русский», и тогда проповедь может быть снова «восстановлена в храме»; исповедь, равно как и частные молитвы дома, могут идти на каком угодно языке, лишь бы это было понятно употребляющим их; ввести русский язык в костел означает взять католическое богослужение «под опеку»; это приведет к «католическому торжеству» в крае и тем самым будет ущемлять интересы православной церкви. Основным пунктом программы Безсонова является следующее: для обеспечения нужд русских католиков в западном крае необходимо создать особый

1. Дело внутреннего управления Академии, преподавание наук и духовного воспитания признать предметом попечения исключительно духовной власти в лице ее представителя, Могилевского архиепископа; ему же должно быть предоставлено полное право определять программу преподавания наук и их выбор;

2. Штаты сего учебного заведения подвергнуть тщательному пересмотру и заменить новыми, высшими, сообразно с нынешними условиями жизни;

3. Признать учителям и всем служащим в Академии лицам право получать пенсии;

4. Увеличить число воспитаннических вакансий для всех епархий;

5. Допускать воспитанников в Академию исключительно на основании соглашения епископов с Могилевским архиепископом;

6. Разрешить избранных из среды воспитанников Академии, выдающихся по своим способностям и успехам в науках, высылать за границу для продолжения высшего образования, по определению Академического Совета и с предоставлением им особого на сию цель вспомоществования;

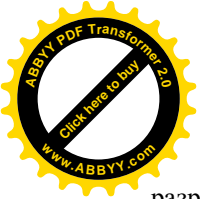
7. Предоставить архиепископу Могилевскому право рассмотреть программы преподаваемых в Академии русских предметов и устранить из оного те части, которые не считаются безусловно нужными для освещения прошлого России и ее нынешнего государственного устройства, так как некоторые подробности по оной программе требуют значительной затраты времени, между тем в других высших специальных учебных заведениях оные предметы не преподаются вовсе.

б) Семинария:

1. Признать исключительно за епископом полное право составлять и вводить в употребление семинарский устав, касающийся внутреннего распорядка, религиозного воспитания и научного образования в объеме предметов богословских и других нерусских;

2. Освободить поступающих в семинарию кандидатов духовного сана от поверочных испытаний по разным предметам, насколько они представляют свидетельства об окончании, по крайней мере, 4 классов гимназии;

3. Освободить воспитанников семинарии от годичных испытаний по русским предметам, насколько они в течение года получали удовлетворительные баллы, согласно принятого порядка в других средних учебных заведениях;

4. Точно так же - печатать или получать из заграницы разрешенные духовною цензурою молитвенники, иконы и прочие изображения религиозного содержания.

5. Получать из заграницы часословы и др. богослужебные книги без подчинения их репрессивной цензуре;

6. Точно так же печатать рубрицелли в полном размере по указаниям духовной власти.

7. Совершать беспрепятственно все таинства с соблюдением требований исключительно канонических уставов (в отношении детей и взрослых, рожденных не от католиков; точно также провода в жизнь указания канонов о восприемниках при таинстве крещения).

8. Служить беспрепятственно разрешенные духовною властью второстепенные богослужения наравне с главными.

9. Свободно совершать указанные богослужебным уставом крестные ходы вне костелов.

10. Совершать порядок епископских визитаций и торжественной встречи епископа по богослужебному уставу.

11. Беспрепятственное право участия духовенства, в требуемой условиями церковной службы численности, при погребении, на храмовых праздниках и при канонической епископской визитации.

12. Совершать таинство елеопомазания и вне собственного прихода, насколько это допускается каноническими законами.

13. Торжественно служить первую св. Мессу независимо от срока назначения на должность и других условий места и времени.

14. Совершать епископскую визитацию по всем без исключения приходам (не исключая местностей, населенных униатами).

15. Беспрепятственно возводить в степени священства по усмотрению духовной власти.

16. Собираться беспрепятственно духовенству в указанном епархиальным начальством сроке и местности для совершения духовных реколлекций.

17. Восстановить прежние или учреждать новые монастыри в соответственном потребностям мирян и духовной власти количестве.

18. Воспитывать детей от смешанных браков в вероисповедании, избранном родителями оных.

19. Беспрепятственно принимать в католическую Церковь не католиков, а равно крестить магометан, язычников и евреев.

...II. Право религиозного учения:

а) Духовная Академия:

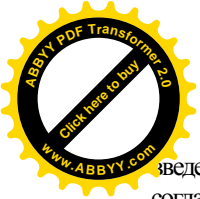
«церковно-славянско-польско-русский язык», который совмещал бы элементы как русского гражданского, так и церковно-славянского, а также старого языка католической службы, т.е. польского. Более того, для сотворения подобного шедевра следует учредить «латино-польско-католико-церковно-славяно-русскую академию», в которой «лучшие умы» работали бы «в продолжение целого века и веков» [521, с. 364–365, 368, 371–375].

19 марта 1912 г. Д.Н. Чихачевым было сделано сообщение в собрании Западно-Русского общества в Санкт-Петербурге на тему «Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем». Краткое и сжатое сообщение это легло в основу более обширного труда. Д.Н. Чихачев с официальной позиции осветил введение русского языка, одобрение «проекта» Александром II, привел мнения И. Семашки, М.О. Кояловича, Кулина, И.С. Аксакова, И.П. Корнилова, А.П. Владимировича, М.Н. Каткова, П.Н. Батюшкова из их журнальных статей по введению русского языка [830, с. 14, 64]. «Комиссия Стороженки» и сделанных ею выводах посвящена серия журнальных статей [431; 761, с. 162; 648].

Рассматривали дискуссию по вопросу языка богослужения и белорусские ученые – В.В. Яновская, А.Ф. Смоленчук [845, с. 133; 731, с. 64–66; 735].

Влияние международного фактора, Римской курии, рассматривалось как в монографических исследованиях (Л. Василевский, Ф. Шнарбаховский, Р. Дзвонковский, Э. Винтер), так и в периодической печати: «Литовские епархиальные ведомости» критиковали позицию Римского Папы Льва XIII по введению русского языка, выступившего в защиту ксендзов, отказавшихся от русского языка [1096; 1066, s. 91–92; 888, s. 63; 65, с. 328; 431, с. 2; 397, с. 8]. Немецкий ученый Э. Винтер полагал, что вопрос о языке молитв стал новым камнем преткновения в отношениях между правительством империи и папством, что самим царизмом создание славяно-католической церкви никогда не воспринималось всерьез, и отразил дискуссию по языку богослужения в отношении Римской курии и правительства [65, с. 326–328].

Об отношении к русскому языку римско-католического духовенства писали А.Н. Мосолов, И. Котович, А.В. Жиркевич, С. Кюеменский. А.Н. Мосолов довольно не лестно, как жадных к богатству, наживе, характеризовал главных вдохновителей «располячивания»: А. Немекшу, Э. Тупальского, П. Жилинского [489, с. 253–256]. Статьи официальной имперской печати восхваляли деятельность римско-католического духовенства по продвижению русского языка в богослужение. К примеру, «Северный вестник» характеризовал Виленского управляющего епархией П. Жилинского за поддержку

зведения русского языка, как русского патриота, с удовольствием отметив его согласие на нововведение римско-католического духовенства, выразившееся в «верноподданнических адресах» [677, с. 433–434]. На страницах «Литовских епархиальных ведомостей» нашли отражение различные аспекты введения русского языка: деятельность Ф. Сенчиковского [431, с. 5; 437, с. 7; 439, с. 8; 446, с. 10–11], открытие в Минске римско-католического училища органистов для службы на русском языке [432, с. 6], отношение правительства к проблеме, непоследовательность в действиях [434, с. 8], оставление без поддержки «ритуалистов» (так называли тех ксендзов, кто принял русскоязычный Требник) [435, с. 5]. Но даже «Литовские епархиальные ведомости» не смогли прийти к единой оценке событий, что видно по характеристике Ф. Сенчиковского: в одной статье приведено письмо Ф. Сенчиковского в редакцию, в котором ксендз утверждал, что он белорус, с русским происхождением и верный католик, любящий свое российское Отечество [437, с. 7], а в другой, что Ф. Сенчиковский – поляк, верующий в Россию [446, с. 10–11].

На фоне общего превознесения в российской дореволюционной печати «ритуалистов» выделяется статья, помещенная в журнале «Русь», о Виленском римско-католическом епископе К. Гриневицком, назначенном в 1882 г. вместо управлявшего епархией П. Жилинского. В статье указывается, что епископ был верен не польским стремлениям, а костельным традициям края [692, с. 37]. В ней, наверное, впервые в российской общественной мысли утверждалось мнение о традиции (в противоположность враждебности, «польскости») в деятельности костела в Российской империи. В противоположность этому мнению активно выступил редактор «Литовских епархиальных ведомостей» И. Котович, указав, что назначенные епископы в 1883 г. принялись отстаивать польские интересы, отстраняя от должностей ксендзов-ритуалистов [440, с. 8], а самого К. Гриневицкого характеризовал ярым поляком, пытающимся навести порядок [443, с. 1; 444, с. 3; 445, с. 9]. Того же мнения он был и о М. Герасимовиче, назначенном К. Гриневицким по отправке в ссылку [446, с. 10–11; 397, с. 8].

Идею о традиции в употреблении языка в римско-католическом богослужении подхватил А.В. Жиркевич. Правда, он это сделал неосознанно, приведя в своем труде письмо римско-католического митрополита А. Гинтовта, оразившее мысль о невозможности употребления русского языка как равно без согласия Папы Римского, канонического права, так и исторического развития края [326, с. 66–68]. А.В. Жиркевич, пожалуй, первый из российских авторов указал на двуличность П. Жилинского: с одной стороны, управляющий действовал в угоду властям, поддерживая русский язык, а с другой – своим молчанием, бездействием,

Меморандум Могилевского митрополита Георгия Эдварда Шембека министру внутренних дел

В Именном Высочайшем Указе, 12 декабря 1904 г., правительствующему Сенату имеется п. 6 следующего содержания: «Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инословным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быту их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения».

Означенный пункт заставляет меня, как митрополита всех римско-католических церквей в Империи, во исполнение лежащих на мне обязанностей и предоставленных мне прав, по соглашению с прочими епископами Могилевской Митрополии, а равно имея в виду их по этому делу записки, обратиться к Вашему Высокопревосходительству с настоящей меморией, дабы указать некоторые из важнейших подробностей государственного законодательства в церковной области, являвшихся достаточным доказательством, насколько фактические условия религиозной жизни католиков, жителей Империи, противоречат основному началу веротерпимости, высказанному в ст. 1. ч. 1. т. XI Свода Законов, а также выраженному в Высочайшем Манифесте 26 февраля 1903 г., дабы притом изложить известные предположения, касающиеся предоставления католикам, жителям Русской Империи, полной возможности удовлетворения их духовных нужд...

I. Право религиозного освещения:

1. Независимо от разрешения гражданских властей совершать починки старых и постройки новых костелов приходских и филиальных, каплиц и часовен.

2. Беспрепятственно учреждать костелы и часовни на частных квартирах для молитвы и других актов богопочитания с разрешения лишь духовной власти.

3. Сооружать религиозные статуи и помещать другие религиозные изображения снаружи своих домов и на своих частных землях.

возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза цѣлости и единству Державы НАШЕЙ.

Великій объѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ НАМЪ всѣми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной устраниенію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, МЫ, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ НАМИ къ умиротворенію государственной жизни мѣрѣ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ МЫ выполненіе непреклонной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣствительной непркосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не оснавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участию въ Думѣ, до мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обеспечена была возможность дѣствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ НАСЪ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ НАМИ напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября, в лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствования же НАШЕГО одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Примечание – Документ воспроизведен с учетом особенностей правописания того времени.

Источник – Законодательные манифесты и указы Николая II, предписания Виленской римско-католической духовной консистории и переписка по вопросам проведения крестных ходов, охраны костела и др. // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 490. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 52.

отклонением различных решений Ф.Сенчиковского способствовал затормаживанию процесса «распоячивания» [326, с. 32]; училище органистов называл последней надеждой на «распоячивание» костела в Беларуси [326, с. 504–505].

Одобрение действий Ф. Сенчиковского находим у Д.К. Чихачева [830, с. 26]. Подобную оценку роли Ф. Сенчиковского дал современный белорусский исследователь В.Н. Линкевич. В кандидатской диссертации автор отмечает, что «среди отдельных представителей религии все же появлялось осознание недопустимости межконфессиональных раздоров, и предпринимались попытки налаживания диалога между ними и сближения: в 70–80-е годы XIX в. эту идею пытался реализовать католический иерарх Ф. Сенчиковский» [422, с. 14]. Другой белорусский ученый А.Ф. Смоленчук считал, что цель Ф. Сенчиковского была в слиянии римско-католиков с православной церковью [731, с. 72; 727, с. 57]

Польские авторы, в большинстве своем, восхваляли тех ксендзов, кто выступал в защиту польского языка, не анализируя характер их поступков (им было достаточно самого факта непринятия русского языка), а также негативно относились к «ритуалистам». К примеру, С. Кжеменский, Т. Остая, Л. Чарковский, Р. Дзвонковский характеризуют С. Петровича (только за факт сожжения русскоязычного требника) как отважнейшего из ксендзов, патриотам, прихода которого все ждали [967, s. 217; 1007, s. 49–50; 878; 888, s. 62]. С. Кжеменский положительно характеризовал ксендзов, высланных из Минской губернии за сопротивление введению русского языка [967, s. 217, 234–235], а Ф. Сенчиковского, Я. Юргевича (визитаторов костелов Минской губернии, активно выступавших за русский язык) и других «ритуалистов» – предателями, врагами костела [967, s. 219]. Вторил ему Я. Пжибышевский (он же В. Войдак, бывший ксендз из г. Минска, бежавший в Галицию из-за репрессий), Ю. Жискар, З. Нагродский, Ф. Шнарбаховский, Б. Кумор [1024, s. 46; 1125, s. 126; 995, s. 82; 1066, s. 92; 970, s. 377–378], а современный польский исследователь М. Радван и вовсе указал, что обязанностью визитаторов костелов Минской губернии Ф. Сенчиковского и Я. Юргевича была русификация белорусского душепастырства [1028, s. 219].

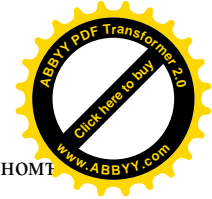
Историк, этнограф, краевед, переводчик А. Ельский видел во введении русского языка в римско-католическое богослужение не только отступление от костельных канонических правил, но и от «краевой» традиции [933, s. 17, 23]. А. Ельский П. Жилинского, Ф. Сенчиковского и прочих «ритуалистов» характеризовал как вероотступников, превозносил дух неотступивших ксендзов [933, s.

[7–18, 20]. Солидарен с А. Ельским и Ю. Жискар, воспользовавшийся его трудом: порой просто переписав отдельные страницы, касающиеся ксендзов, не принявших русский язык [933, s. 136]. Ю. Жискар деятельность П. Жилинского и других «отступников» характеризовал как направленную против католичества, а преданность идее русского языка в богослужении Ф. Сенчиковского называл фанатической, поступки его объяснял лишь одной только практической выгодой [1125, s. 129–133]. В действиях С. Петровича видел проявление угрызений совести, не позволившей ему дальше идти вместе с «отступниками» (так автор называл ксендзов, принявших русский язык) [1125, s. 129–130].

В анонимном польском сборнике статей дореволюционного периода описывались различные вопросы: о проблемах перевода римско-католических богослужебных книг на русский язык, негативном отношении к этому процессу рядового духовенства и населения Беларуси, об отношении Виленских римско-католических епископов К. Гриневицкого (1883–1895 г.) А. Авдевича (1890–1895 г.), С. Зверовича (1897–1902 г.) к языку богослужения, отмечая их упорство в отстаивании польского языка как утверждение римско-канонических традиций в Беларуси [1057, s. 20, 22–24]. Подобная мысль отражена в труде кандидата теологии ксендза К. Прополаниса, констатировавшего, что упадок «польскости» начался с П. Жилинского, но искать причину этого только в его личности есть то же самое, что доказывать, что М. Лютер – единственная причина Реформации XVI века. Причину следовало искать, по его мнению, в религиозном, политическом и экономическом положении Европы и Литвы [1023, s. 119].

Для епископа П. Кубицкого костел и Отечество тождественны: поляка, ставшего на защиту восстания 1863 г., «светского рыцаря», П. Кубицкий ставит в один ряд с ксендзом, однозначно считая всех ксендзов поляками, воспитателями польских патриотов, не спавшими после поражения восстания, а всяческими мерами старавшихся добыть свободу краю [968, s. 6]. В труде содержатся сведения о первых ксендзах, принявших распоряжение правительства относительно русского языка в римско-католическом богослужении [968, s. 355–356]. Как своеобразный ответ на труд П. Кубицкого вышла в 1935 г. книга З. Нагородского [995]. З. Нагородский критиковал П. Кубицкого за то, что им были отобраны материалы только о «сопротивляющихся» ксендзах, которые боролись за «польское дело». З. Нагородский отметил, что из 616 ксендзов Виленской губернии 115 приняли русский язык в богослужение [995, s. 69]. Автор критиковал также ксендза Я.

необходимыми, могут быть установлены только в законодательном порядке.

14) Признать, что во всякого рода учебных заведениях в случаѣ преподаванія въ нихъ Закона Божія ионславныхъ христіанскихъ исповѣданій таковое ведется на природномъ языкѣ учащихся, причѣмъ преподаваніе это должно быть поручаемо духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія и, только при отсутствіи ихъ, свѣтскимъ учителямъ того же исповѣданія.

15) Признать подлежащими пересмотру законоположенія, касающіяся важнѣйшихъ сторонъ религіознаго быта лицъ магометанскаго исповѣданія.

16) Подвергнуть обсужденію дѣствующія узаконенія о ламантахъ, возбранивъ впредь именованіе ихъ въ официальныхъ актахъ идолопоклонниками и язычниками, –

17) Независимо отъ этого привести въ дѣйствіе и остальные, утвержденныя нами сего числа положенія Комитета Министровъ о порядкѣ выполненія пункта шестого Указа отъ 12-го декабря минувшаго года.

Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

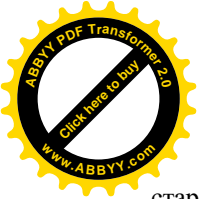
Въ Царскомъ Селѣ, 17-го Апрѣля 1905 г.

Примечание – Документ воспроизведен с учетом особенностей правописания того времени.

Источник – Законодательные манифесты и указы Николая II, предписания Виленской римско-католической духовной консистории и переписка по вопросам проведения крестных ходов, охраны костела и др. // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 490. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 51.

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ** (от 17 октября 1905 г.)

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи НАШЕЙ великой и тяжкой скорбью приспосабливаютъ сердце НАШЕ. Благо Россійскаго ГОСУДАРЯ неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная ЕГО печаль. Отъ волненій, нынѣ

8) Признать, что сооружение молитвенных старообрядческих и сектанских домов, точно также, как разрѣшеніе ремонта ихъ и закрытіе, должны происходить примѣнительно къ основаніямъ, которыя существуютъ или будутъ постановлены для храмовъ инославныхъ исповѣданій.

9) Присвоить духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ для отправленія духовныхъ требъ, наименованіе «настоятелей и наставниковъ», причемъ лица эти, по утвержденіи ихъ въ должностяхъ надлежащею правительственною властью, подлежатъ исключенію изъ мѣщанъ или сельскихъ обывателей, если они къ этимъ состояніямъ принадлежали, и освобожденію отъ призыва на дѣствительную военную службу и именованію, съ разрѣшенія той же гражданской власти, принятымъ при постригѣ именемъ, а равно допустить обозначеніе въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ, въ графѣ, указывающей родъ занятій, принадлежащаго имъ среди этого духовенства положенія, безъ употребленія однако православныхъ іерархическихъ наименованій.

10) Разрѣшить тѣмъ же духовнымъ лицамъ свободное отправленіе духовныхъ требъ какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда сіе будетъ возбарнено закономъ. Настоятелямъ и наставникамъ (п. 9), при свидѣтельствѣ духовныхъ завѣщаній, присвоить тѣ же права, какими въ семъ случаѣ пользуются всѣ вообще духовные лица.

11) Уравнять въ правахъ старообрядцевъ и сектантовъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ.

12) Распечатать всѣ молитвенныя дома, закрытые какъ въ административномъ порядкѣ, не исключая случаевъ, восходившихъ чрезъ Комитетъ Министровъ до Высочайшего усмотрѣнія, такъ и по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ молель, закрытіе коихъ вызвано собственно неисполненіемъ требованій устава строительнаго.

13) Установить, въ видѣ общаго правила, что для разрѣшенія постройки, возобновленія и ремонта церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій необходимо: а) согласіе духовнаго начальства подлежащаго инославнаго исповѣданія, б) наличность необходимыхъ денежныхъ средствъ и в) соблюденіе техническихъ требованій устава строительнаго. Изъятія изъ сего общаго правила, если таковыя будутъ признаны для отдѣльныхъ мѣстностей

Пжибышевскаго (магистра теологии) за книгу «*Język rosyjski w katolickim rytuale i w nabożeństwie dodatkowym*». «Если Пжибышевский пишетъ о Жилинскомъ, Тупальскомъ, Немекше, какъ объ отступникахъ отъ польскаго дела, то почему не упоминаетъ, что и они все во время восстанія 1863 г. пели польскіе патриотическіе гимны – не все такъ просто», – заключалъ З. Нагородскій [1995, s. 19]. З. Нагородскій согласенъ, что были ксендзы, боровшіе и за Отечество, но и предателей было очень много: «Одинъ только Ф. Сенчиковскій, тройной деканъ и визитаторъ костеловъ Минской губерніи, собралъ 32 верноподданническихъ адреса отъ администраторовъ приходовъ губерніи, а въ целомъ по Виленской епархіи такихъ адресовъ было собрано 147» [1995, s. 49–50]. Лишь Тельшевская епархія (Ковенская губернія), по мненію автора, заслуживала уваженіе, такъ какъ ее священнослужители подъ управленіемъ епископа М. Волончевскаго не предавали Отечество [1995, s. 55]. Авторъ выразилъ свое несогласіе съ П. Кубицкимъ, который привелъ численность по Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерніи въ 61 % техъ, кто поднялся за поддержку введенія русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе, назвавъ при этомъ цифру въ 99 % [1995, s. 98]. Впрочемъ, оспариваніе данныхъ официальной статистики можно видѣть и ранее въ трудѣ В. Смочинскаго, осуществившаго еще въ 1889 г. переводъ съ французскаго книги И. Мартинава, добавивъ собственный матеріалъ [1988, s. 55]. З. Нагородскій склонился къ мненію, что больше правды въ трудѣ А.В. Жиркевича, чемъ въ книгѣ П. Кубицкаго, котораго критиковалъ за явное покровительство высшаго римско-католическаго духовенства [1995, s. 98].

Профессоръ ксендзъ Б. Куморъ считалъ, что удаленіе Минскаго римско-католическаго епископа А. Войткевича отъ управленія епархіей и подчиненіе ее Виленскому управляющему П. Жилинскому было мерой по продвиженію русскаго языка въ костелы Минской губерніи, поскольку А. Войткевичъ былъ противникомъ данной политики; костелъ считалъ последнимъ бастиономъ «польскости»; ректора католической духовной академіи въ Санкт-Петербургѣ Д. Стацевича, поддержавшаго введеніе русскаго языка, авторъ называлъ русофиломъ [1970, s. 375–378]. Е. Валевадеръ отметилъ значительное давленіе правительства на управляющихъ римско-католическими епархіями съ целью продвиженія русскаго языка въ костелы [1987, s. 22].

Авторы, описывая процессъ введенія русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе, не могли не затронуть отношенія самого населенія къ нововведенію. Еще П. Бобровскій, описывая реальное положеніе делъ въ Гродненской губерніи, указывалъ на то, что католики-крестьяне Гродненской губерніи разговаривали между собой на «белорусскомъ наречіи», а остальные,

которые были побогаче, лишь с ними по-белорусски, а между собой употребляли польский язык [474, с. 623]. «Литовские епархиальные ведомости», отмечая широкое употребление польского языка в восточных губерниях нынешней Беларуси к концу XIX в., видели в этом результат действий высших представителей римско-католического духовенства [453; 455, с. 10]. А.И. Миловидов писал об изымании польско-язычных римско-католических молитвенников и штрафах за их распространение [482, с. 32]. Современный белорусский ученый Т. Кручковский подметил, что даже чиновников наказывали штрафом за употребление польского языка в костелах [965, с. 62]. Польские авторы характеризовали отношение самого населения, указывали на заступничество верующих за костел, выступление против русского языка [889, с. 21]. К. Прополанис поднял проблему «литовских» и «польских» католиков, вопрос об отношении к ним высшего руководства костела [1023, с. 120]. Ксендз Ф. Рогала-Завадский, отрицательно относившийся к мероприятию правительства, отобразил негативное отношение паствы Витебской губернии к введению русского языка, несмотря на то, что некоторые ксендзы были сторонниками замены польского языка русским [1036, с. 49]. В воспоминаниях польского публициста и ученого М. Ваньковича содержится материал об избегании населением Минской губернии встреч с «русскоязычными» ксендзами [1092, с. 75]. М. Шопа отметил, что католики сами стали обучать своих детей молитвам, когда услышали богослужение на русском языке [1067, с. 6]. Р. Арчутовский полагал, что только благодаря активному сопротивлению простого народа и лишь некоторого усилия со стороны духовенства, почерпнувшего у последнего патриотизм, удалось отстоять польский язык в костелах Беларуси [858, с. 258]. Л. Чарковский описал в своих мемуарах негативное отношение населения к Э. Тупальскому и П. Жилинскому [878, с. 123–124]. Ю.Жискар несогласие населения на введение русского языка объяснял устоявшейся традицией, которая находилась в крови народа и которую не так просто было преодолеть даже самому человеку, не говоря уже о внешней силе – правительству Российской империи; описал тяжелое положение римско-католиков Минской губернии, оставшихся без духовного окормления [1125, с. 127–129]. Е. Ключовский, Мулерова, Е. Скарбек указали, что некоторые ксендзы были за русский язык, но верующие выступили против – фактов не привели [948, с. 236]. Этот пробел несколько восполнил А.Ф. Смоленчук [731, с. 70].

Рассматривая проблему использования в римско-католическом богослужении польского и русского языка, авторы непременно приходили к еще одной – использование белорусского языка, т.н. «местного наречия». Даже среди

поучением, кротостью и добрыми примерами, Мы, в соответствии с этим решением Нашим, повелеваем:

1) Признать что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что, при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все недостиженные совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, и при таком же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии.

3) Установить, в дополнение к сим правилам (п. п. 1 и 2), что лица, числящиеся православными, но в действительности, исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных.

4) Разрешить христианам всех исповеданий принимаемых ими на воспитание некрещенных подкидышей и детей неизвестных родителей крестить по обрядам своей веры.

5) Установить в закон различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческая согласия, б) сектанство и в) последователи изувёрных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке.

6) Признать, что постановления закона, дарующие право совершения общественных богомолений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, объемлют последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков, учинение же из религиозных побуждений нарушения законов подвергает виновных в том установленной законом ответственности.

7) Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое Богослужение по старопечатным книгам.

единении всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, исполнить Наши помышления объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія пруспеванія державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

Данъ въ С-Петербургѣ въ 26-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третьѣ, Царствования же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Примечание – Документ воспроизведен с учетом особенностей правописания того времени.

Источник – Законодательные манифесты и указы Николая II, предписания Виленской римско-католической духовной консистории и переписка по вопросам проведения крестных ходов, охраны костела и др. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 490. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 33.

Именной ВЫСОЧАЙШИЙ Указъ Правительствующему Сенату (от 17 апреля 1905 г.)

Въ постоянномъ, по завѣтамъ Предковъ, общеніи со святою Православною Церковью неизмѣнно почерпая для Себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. Озабочиваясь выполненіемъ таковыхъ намѣреній, Мы въ число намѣченныхъ въ указѣ 12-го минувшаго декабря преобразованій включили принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію стѣсненій въ области религіи.

Нынѣ, рассмотрѣвъ составленныя, во исполненіе сего, въ Комитетѣ Министровъ положенія и находя ихъ отвѣчающими Нашему завѣтному желанію укрѣпить начертанныя въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской начала вѣротерпимости, Мы признали за благо таковыя утвердить.

Призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и уповая, что оно послужитъ къ вящему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатію Господнею,

дореволюционныхъ российскихъ авторов, воспринимавшихъ белорусскій языкъ какъ местный вариантъ русскаго языка, все же отмечались попытки введенія наравне съ русскимъ и белорусскаго языка, какъ допустимаго въ переходѣ отъ польскаго къ русскому [830, с. 26]. Больше вниманія этой проблемѣ отводили польскіе и, конечно, белорусскіе исследователи [1055, с. 110]. Л. Василевскій показал неудачную попытку введенія белорусскаго языка въ римско-католическое богослуженіе в 1897 г., а Р. Радикъ привелъ даже факты болѣе раннего употребленія белорусскаго языка въ костелахъ [1096, s. 289; 1032, s. 166]. Ю. Жискар, М. Косманъ видели причину согласія правительства на белорусскій языкъ въ римско-католическомъ богослуженіи въ концѣ XIX в. съ целью реализаціи желанія гражданскаго власти подменить его затемъ на русскій языкъ [1125, s. 126; 953, s. 250]. Созвучно этому мнѣнію белорусскихъ ученыхъ И.В. Чавкина и П.В. Терешковича: въ борьбѣ съ «полонизмомъ» царскаго администратіи въ известной степени было выгодно, чтобы белорусы, особенно католики, осознали себя «не поляками». Поэтому проводя такъ называемую политику разобщенія католицизма и полонизма, чиновники допускали использование белорусскаго языка въ католическихъ литургіяхъ, а въ школьные учебники вводились сведения о Беларусі, белорусахъ [820, с. 49]. П.В. Терешковичъ полагал, что белорусы-католики были меньше подвластны русификаціоннымъ влияніямъ, чемъ белорусы-православные, а значитъ этноконфессиональная политика правительства въ указанный періодъ содействовала пробужденію белорусскаго сознанія среди католическаго населенія и поэтому объективно, какъ это не парадоксально, содействовала целостности и консолидаціи белорусскаго этноса [796, с. 658]. Р. Юрковскій, рассматривая проблему введенія белорусскаго языка въ римско-католическое богослуженіе, отметилъ, что белорусскій народъ самъ былъ пассивенъ въ этомъ стремленіи [935, s. 228]. Въ этомъ ключѣ определеннй интересъ представляютъ исследования Ю. Горбанюк, О. Горбанюк, Е. Гебень: изучая современное отношеніе къ языку въ литургіи населенія Беларусі, проведя соответствующее социологическое исследование, авторы отметили, что даже въ наше время римско-католическое населеніе Беларусі далеко неоднозначно относится къ заменѣ польскаго языка другимъ – белорусскимъ или русскимъ [905; 913–915]. Я. Тротьякъ прямо утверждалъ, что белорусскій языкъ выжилъ благодаря костелу, передавая белорусское слово изъ храма въ храмъ [774, с. 66]. В. Григорьева увязывала съ начатымъ процессомъ «располячиванія» костела зарожденіе и распространеніе въ средѣ римско-католическаго духовенства идей белорусскаго національнаго возрожденія [108, с. 293]. А.Ф. Смоленчукъ, исследуя вопросъ о роли

костела в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX в., отметил, что в начале XX в. костел стоял за белорусский язык; рассматривал использование т.н. «белорусской карты» в введении русского языка [727; 728, с. 112].

Таким образом, освещение историографии по вопросу введения русского языка в римско-католическое богослужение на территории Беларуси в указанный период показывает, что наблюдается отличие в оценках происходивших событий, причем белорусские авторы более близки в своих суждениях к польским исследователям, чем к российским. Последние, сосредотачивая свое внимание на официальных событиях, датах, видели в действиях правительства стремление унифицировать все части империи, сплотить ее, уходили в теоретические построения. Для польских и белорусских ученых характерно рассмотрение происходивших событий на микроуровне (римско-католический приход), негативная, за редким исключением, оценка действий правительства, представителей римско-католического и православного духовенства по поддержке русского языка в римско-католическом богослужении. Тем не менее, несмотря на довольно значительную историографическую традицию, проблема введения русского языка в римско-католическое богослужение еще ждет своего разрешения.

предоставляют всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

Въ соотвѣтствіе съ подлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вящшему укреплению и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни – помѣстнаго дворянства и крестьянства.

Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣриемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

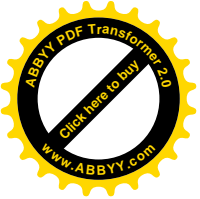
Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

Преобразовать губернское и уѣздное управленія, для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственной.

Поставить задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

Призывая всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утверженію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждого въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, предначертаній нашихъ.

Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ

Акты Николая II, касающиеся римско-католической церкви**БОЖИЕЮ МИЛОСТНО, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ЦАРЬ
ПОЛЬСКОЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКОЙ, И ПРОЧАЯ, И
ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ** (от 26 февраля 1903 г.)

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престоль, Мы пріяли священный обѣтъ предъ лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

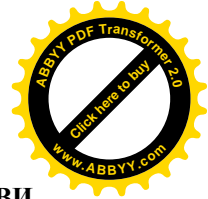
Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ, Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и, прежде всего, Незабвеннаго Родителя Нашего.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, прервать преждевременною кончиною Державные труды Возлюбленнаго родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской Землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодая силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга. Мы съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣнно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей,

2 ПОЛОЖЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ**2.1 Правовое положение римско-католической церкви**

Основная задача правительства Российской империи в западных губерниях с замечательной силой и ясностью выражена императором Николаем I в рескрипте на имя генерал-губернатора Юго-Западного края генерал-адъютанта Бибикова от 13 сентября 1840 г. повелением «ввести край сей, силой возвышения православия и элементов русских, в безразличное единение с великороссийскими губерниями», а также заключительными словами рескрипта: «Доселе не перестану действовать в исполнение изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются в одну душу с остальными частями империи в одно тело и в одну душу» [811, л. 60].

Юридическое оформление статуса римско-католического костела в Российской империи началось после присоединения к Российской империи восточных земель Речи Посполитой во времена первого раздела. Екатерине II удалось обойти каноническое право и авторитет Апостольской Столицы в вопросах, связанных с обустройством нового белорусского епископства в империи. Согласно указу Екатерины II от 14 декабря 1772 г. все папские буллы должны были первоначально отправляться Белорусскому генерал-губернатору для предоставления императрице, и только она должна была решать, выполнять ли указания папы или нет [101, с. 652]. Протесты Римской курии были напрасны. В начале октября 1773 г. в г. Вильно была совершена епископская хиротония Станислава Сестренцевича. Таким образом, определилась главная особенность правового положения римско-католического костела в Российской империи: политика в отношении его строилась без согласования с Римом, и, соответственно, законодательные нормы увязывались с российским прецедентным правом [364, с. 126]. Указом 1803 г. римско-католический епископат должен был поддерживать связи с Римом только через министерство внутренних дел: к Римскому двору был назначен от правительства представитель «для ходатайства во всех случаях, которые относятся к духовным нуждам католиков» империи [644, с. 1062].

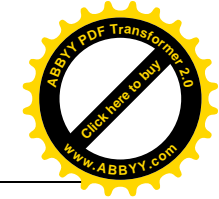
В 1893 г. Государственный совет, рассмотрев вопрос о внесении необходимых изменений в Уставы Духовных Дел иностранных исповеданий, в очередной раз постановил, чтобы все христиане римско-католического исповедания, духовные и светские, из подданных империи, по делам своего исповедания обращались к

Римской курии через министра внутренних дел. Тогда же Государственный совет принял решение о замене в тексте Устава выражения «Римский двор» на словосочетание «Римская курия» [456, с. 140]. Согласно Уставу духовных дел иностранных исповеданий (изд. 1896 г.), «никакие буллы, послания и наставления и вообще никакие исходящие от Папского управления акты не могут быть приводимы в действие в Империи и Великом Княжестве Финляндском без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого Министром Внутренних Дел, по предварительном удостоверении, что сии акты не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной Самодержавной власти» [716, с. 17; 691, с. 89].

Правительство Российской империи только в 1912 г. узнало, что епархиальное управление Виленской римско-католической епархии вело переписку с Римской курией без посредничества министерства внутренних дел. Среди этих посланий были, например, письма папского статс-секретаря кардинала Рамполла от 25 марта 1888 г. и 9 октября 1889 г. по поводу юбилея папы Льва XIII и о награждении администратора Здановича за управление епархией званием титулярного епископа, запрос на имя того же епископа от 28 ноября 1888 г. о посещении православными епископами костелов, письмо секретаря Конгрегации по экстраординарным церковным делам от 12 августа 1896 г. на имя Здановича о продлении признанных за ним духовных властей, изданный в Риме в 1900 г. папский декрет о признании святости блаженного Иоанна Баптиста де ля Сале. Переписка шла через Краков при посредничестве Варшавского архиепископа [386, л. 3, 7].

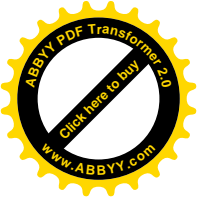
Продолжая политику Екатерины II, Александр I указом от 13 ноября 1801 г. создал Римско-Католическую Духовную Коллегию в г. Санкт-Петербурге для управления римско-католическим костелом в империи. Это учреждение также не находилось в согласии с римско-каноническим правом. В ее составе оказывались в качестве членов или ассессоров епископы, прелаты и каноники, в большей или меньшей степени зависимые от царской власти [364, с. 127]. В 1875 г. вследствие переговоров между Римским Папой и правительством Российской империи Папа признал Коллегию как учреждение, ведавшее административно-хозяйственными делами. Она состояла из двух членов, назначаемых императором (под председательством Могилевского римско-католического архиепископа) и 12 заседателей, которых выбирали епархиальные капитулы и утверждал министр

этого участка и какого вероисповедания продавец	
12) Не принадлежит ли покупаемый просителем участок земли к числу инструкционных (проданных первоначально по правилам высочайше утвержденной инструкции 23 июля 1865 г.)	
13) Имеет ли проситель средства на покупку участка земли	
14) Если проситель крестьянин, то не приобретает ли он землю при содействии Крестьянского банка	
15) Нет ли оснований предполагать, чтобы проситель в покупке земельной собственности являлся подставным лицом от лиц, не имеющих права владеть в здешнем крае землей	
16) В состоянии ли проситель, если он крестьянин р.-к. вероисповедания, обрабатывать землю силами своей семьи	
17) семейный состав покупателя, с обозначением лет каждого из членов семьи	
18) Другие сведения, неподходящие под вышеприведенные опросные пункты	

Примечание – Опросный лист, как правило, заполнялся приставом.

Источник – Переписка с учреждениями Гродненской губернии по земельному вопросу // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 175. – Л. 125–126.

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Требовательная записка о покупке земли

1) Имя, отчество и фамилия лица, ходатайствующего о разрешении покупки земли. Если покупатель крестьянин, то указать деревню и волость, к которой он принадлежит	
2) Местожительство покупателя	
3) Происхождение покупателя	
4) Если покупатель крестьянин, то не принадлежит ли он к бывшей польской шляхте	
5) Какого проситель и его семейство вероисповедания. Если православные, то не принадлежали ли к числу упорствующих к исполнению обрядов православной веры. О чем нужно требовать сведения от местных священников и представлять таковые губернскому начальству при рапортах. Если ли вероисповедания р.-к., то не состоит ли в церковных братствах и не служит ли посредником между ксендзом и народом и проводниками религиозного фанатизма	
6) Если покупатель крестьянин, то ведет ли он крестьянский образ жизни	
7) Какого размера участком земли, сверх покупаемого, владеет в настоящее время покупатель-крестьянин, при чем следует указать сколько десятин: а) благоприобретенной; б) наделенной	
8) Не состоит ли покупатель под судом и следствием и какого он поведения	
9) Благонадежен в политическом и нравственном отношении	
10) какой разговорный язык преобладает в домашнем быту просителя	
11) Сколько десятин земли заключает в себе приобретаемый просителем участок земли; где последний расположен, т.е. в каком имении или деревне и в каком уезде; кому принадлежит	

внутренних дел [845, с. 36]. В Коллегии видимость независимого управления должен был изображать митрополит, фактическую же роль главы учреждения выполнял светский прокурор. Являясь учреждением неканоническим и не имеющим аналогов в мире, Коллегия находилась в постоянном конфликте со Святейшим Престолом. Конфликт обострился в 1801–1847 гг. и 1866–1917 гг., когда Коллегия взяла на себя роль третейской инстанции в бракоразводных делах [378, с. 28; 463].

По законам Российской империи решение вопроса о неимении препятствий к заключению брака и выдача предбрачных свидетельств относилась к компетенции соответствующих духовных властей. Лишь в отношении лиц римско-католического исповедания, желавших вступить в брак с лицом иного исповедания, выдача свидетельств возлагалась на местную полицию (императорский указ, октябрь 1903 г.). В случае вступления русского подданного инославного исповедания с лицом иного исповедания в брак за границей империи, приходское духовенство того исповедания, к которому принадлежало данное лицо, по месту последнего его жительства до выезда за границу, а в указанном исключительном случае и полиция, обязаны были по его требованию выдать свидетельство, удостоверявшее об отсутствии законных препятствий к бракосочетанию просителя с указанным лицом. При этом, принимая во внимание, что предбрачные свидетельства выдавались иноверным духовенством на основании предварительных церковных приглашений, для производства которых требовались подробные сведения о лицах, вступающих в брак, и что по закону Российской империи брак только в том случае признавался действительным, когда он заключался по обрядам того исповедания, к которому принадлежали брачующиеся, – сторона, желавшая вступить в брак за границей, обязывалась точно указывать, до оглашения этого брака по месту своего жительства в империи, вероисповедание лица, с которым вступало в брак. Лица, уполномоченные к выдаче предбрачных свидетельств, обязаны были предупреждать русских подданных, что брак, заключенный ими за границей, будет считаться действительным в империи лишь при условии совершения последнего по правилам того исповедания, к которому принадлежали брачующиеся [608, л. 10].

24 февраля 1888 г. Виленская римско-католическая духовная консистория, ввиду часто повторяющихся случаев предоставления лицами, принадлежавшими к православной церкви, подложных документов о своей непринадлежности к православию, с целью крещения своих детей или венчания по католическому обряду и тем

подвергая католических священников ответственности перед правительством, обязало римско-католическое духовенство крайне осторожно и с большим вниманием относиться к заявляемым просьбам о крещении и бракосочетании и поставило духовенству условие, чтобы копии представляемых бракосочетающихся свидетельств о непринадлежности к православной церкви были каждый раз отсылаемы для проверки тому православному священнику, которым эти свидетельства выданы, с просьбой подтверждения его действительности [616, л. 7].

Высочайше утвержденным 11 мая 1891 г. положением комитета министров было постановлено:

1) брак лица римско-католического исповедания с лицом православного исповедания мог быть оглашен в одной только православной церкви, но в таких случаях требовалось, чтобы лица римско-католического исповедания, вступающие в брак с православными, представили причту православной церкви, в которой должно быть совершено оглашение, взамен предбрачного свидетельства приходского римско-католического священника, удостоверение местной полиции о внебрачном их состоянии и правоспособности к вступлению в брак;

2) чины местной полиции, при выдаче помянутых удостоверений, руководствуются метрическими свидетельствами о рождении таких лиц, паспортами, легитимационными книжками и другими видами на жительство, а при доказанной невозможности представить таковые – и показанием не менее двух свидетелей [813, л. 69].

Между тем, в министерство внутренних дел постоянно поступали сведения о том, что римско-католики, намеревающиеся вступить в брак с православными, по-прежнему, нередко, обращались за предбрачными свидетельствами к ксендзам и встречали со стороны их противодействие самому браку. С другой стороны, были случаи, когда полиция отказывалась выдать установленное законом 11 мая 1891 г. свидетельство и отсылала просителей к ксендзам.

Для ведения текущих дел в епархии создавались духовные консистории. Согласно каноническим правилам римско-католическая консистория – это канцелярия епископа, права и обязанности которой зависели от его воли. Однако правительство империи внесло свои изменения: в состав духовных консисторий вводились светские чины (секретарь, столоничальник, архивариус). Римская курия неоднократно высказывалась против введения этих лиц, рассматривая это как

Одельский	88	5596	Преображение Господне	сень октября 6 августа
Корицынский Сидранский	87 80	7587 3710	Обретение св. Креста Св. Троицы	3 мая первое воскресенье после православной Пятидесятниц ы второе воскресенье октября
Замесянский	88	1286	Пр. Девы Марии	

Источник – Переписка с Виленским генерал-губернатором о результатах наблюдения полиции за действиями католического духовенства, установлении сроков крестных ходов, составлении ведомости на костелы, в которые необходимо пригласить ксендзов из соседних костелов, и другим вопросам // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2782. – Л. 21–25.

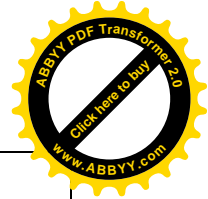
Неводницкий	96	2650	Крестителя Св. Троицы		ы 26 июля 24 июля
Добринский	72	5080	Благовещение Девы Марии	Пр.	первое воскресенье после православной Пятидесятниц
Уговский	27	1432	Св. Войтеха		ы 25 марта
Бельский деканат					
Вышковский	88	1678	Св. Андрея		
Лубинский	38	1752	Успения Богородицы	Пр.	24 апреля
Побикровский	187	1586	Св. Станислава		
Топчевский	130	4083	Св. Станислава		30 ноября
Долубовский	84	2530	Св. Петра и Павла		15 августа
Романовский	43	1661	Св. Дороты		
Острожанский	88	3013	Пр. Девы Марии		8 мая 8 мая 29 июня 6 февраля второе воскресенье октября 6 августа
Перлеевский	117	6092	Преображение Господне		
Рудковский	107	3131	Св. Троицы		первое воскресенье после православной Пятидесятниц
Страбельский	56	1467	Вознесение Господне		ы 40 день после православной Пасхи 6 февраля
Виннинский	42	3056	Св. Дороты		
Сокольский деканат					
Кундзинский	43	1840	Рождество Богородицы	Пр.	8 сентября
Яновский	80	7007	Св. Георгия		
Суховольский	171	11556	Св. Петра и Павла		23 апреля
Соколянский	62	3624	Преображение Господне		29 июня 6 августа
Домбровский	71	11022	Пр. Девы Марии		второе воскре-

ограничение прав епископа. Но подобное положение дел сохранилось и в начале XX в. [845, с. 39].

Ограничение канонических прав епископа правительством наблюдалось и в назначении настоятелей римско-католических приходов: они хотя и назначались епископами, но лишь с согласия местного гражданского руководства. Только в Минской губернии назначение на должность настоятеля и увольнение осуществлялось с согласия Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Это исключение было установлено во второй половине XIX в. в связи с кампанией по введению русского языка в римско-католическое богослужение. Закон от 4 декабря 1905 г. несколько смягчил порядок: согласие гражданских властей требовалось только при первом назначении ксендза, если он ранее не имел духовной должности [845, с. 39–40].

Коллегия, как и консистории, не являлась единственным учреждением государственного надзора за римско-католическим костелом. Важную роль здесь играло учрежденное в 1810 г. Главное Управление духовных дел инославных исповеданий. В 1817 г. это учреждение было включено в состав министерства духовных дел и общественного образования, а с 1832 г. оно присоединилось к министерству внутренних дел под названием Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Здесь оно существовало до августа 1917 г., когда его присоединили к созданному тогда министерству исповеданий. Руководство Департамента доводило до сведения римско-католической и греко-католической Коллегий волю царя и готовило законопроекты, касающиеся неправославных вероисповеданий [378, с. 28]. Через министра внутренних дел эти проекты согласовывались с другими органами высшей власти, а окончательно утверждались императором.

Политика в отношении римско-католического костела определялась самодержцем, реализация же политики зависела от министров, а начиная с 1832 года, – от руководителей Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Список министров открывал А.Н. Голицын, исполнявший в 1810–1817 гг. роль руководителя Управления духовных дел инославных исповеданий. Министры сменялись достаточно быстро: в 1832–1917 гг. этот пост занимало 26 министров, каждый из которых был на этом посту в среднем около трех лет. Число руководителей Управления духовных дел было существенно меньшим и составляло 13 человек. Первым в списке был Г.И. Карташевский (1824–1829), занявший эту должность еще при министре общественного образования Блудове. Вторым стал Ф.Ф.

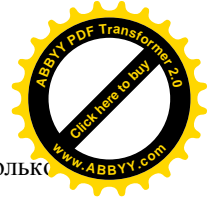
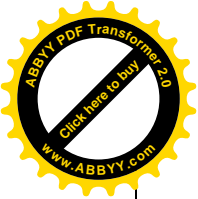

Зегель (1829–1840), сохранив свою должность при переводе в министерство внутренних дел в 1832 г. В составе министерства внутренних дел в интересующий нас период руководителями поочередно были: Е.К. Сиверс (1856–1877), А.Н. Мосолов (1877–1882), М.Р. Кантакузин-Сперанский (1882–1894), повторно А.Н. Мосолов (1894–1904), В.В. Владимиров (1905–1908). Срок пребывания на этой должности составлял около семи лет. Однако двое из списка выполняли свои функции гораздо дольше – Е.К. Сиверс в течение 21 года, А.Н. Мосолов в течение 15 лет. Каждый из них оставил свой след в отношениях российского государства к костелу [378, с. 29].

Средством общения российского двора с Апостольской Столицей (Римским двором, Римской курией) с 1801 г. стала российская Миссия в г. Риме, подчинявшаяся министерству иностранных дел. В ее задачу входило оповещать Рим обо всех решениях и вопросах, высказанных от имени епископов, римско-католической Коллегии и министерства внутренних дел. Миссия выступала посредником в прошениях об освобождении просителей от определенных костельных предписаний и информировала Рим о персональных решениях царя относительно назначения епископов. Миссия осуществляла свою деятельность нерегулярно. Причиной тому были трудности политического характера. Миссия действовала в годах 1801–1804, 1816–1864, 1894–1917. Тридцатилетний перерыв в деятельности Миссии (1864–1894) был связан с возникшими напряжениями в отношениях между Российской империей и Римской курией и отменой конкордата 1847 г. [378, с. 29].

До середины 40-х годов XIX в. отношения Российской империи с Римским двором оставались напряженными. В 1845 г. Николай I посетил Рим. 22 июня 1847 г. с Папой Григорием XVI был подписан конкордат, согласно которому учреждалось восемь римско-католических епархий в Царстве Польском и семь в остальной части империи с архиепископской кафедрой в г. Могилеве. От имени правительства Российской империи конкордат подписал граф Д.Н. Блудов. Согласно конкордату 1847 г. Римский Папа имел право окончательного утверждения епархий в пределах империи. Епископы назначались по предварительному соглашению между российским правительством и Папою. Суд и управление костельными делами каждой епархии принадлежало исключительно епископу, с единственным ограничением: дабы епископ не нарушал канонической подчиненности Святому Престолу, он не обязывался согласовывать свои решения с заключениями римско-католической консистории. Воспитание лиц, приготовлявшихся к духовному званию, было

Квасовский	77	2207	Беспорочное зачатие Пр. Богородицы	8 декабря
Волковысский деканат				
Реплянский	84	3971	Св. Анны	26 июля
Шилевский	81	4750	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Гнезненский	64	1655	Св. архангела Михаила	29 сентября
Пружанский деканат				
Сегневичский	147	5419	Покров Пр. Богородицы (Patrocinium Beatae Mariae)	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Киватичский	49	783	Св. Петра и Павла	29 июня
Белостокский деканат				
Гониондский	125	7637	Св. Агнессы	21 января
Ясеновский	107	2615	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Тростянский	107	8560	Св. Петра и Павла	29 июня
Долистовский	102	5403	Св. Лаврентия	10 августа
Туроснянский	72	3600	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Гельчинский	22	1500	Посещение Св. Девой Марией Елизаветы	2 июля
Юхновецкий	96	3062	Св. Троицы	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Калиновский	49	3269	Св. Анны	первое воскресенье после православной Пятидесятницы
Березовский	34	1426	Св. Иоанна	

Следзяновский костел	икона св. апостолов Петра и Павла с мощами	Сапегу предано было земле, но набальзамированное сердце поместили в позолоченный ящик, который находился вместе с кусочком тернового венца; в храмовые праздники (4 октября в день св. Франца Серафимского и 19 марта в день св. Иосифа Обручника) выносился этот ящик пред алтарем и позволялось всем приходящим целовать его
Острожанский костел	икона св. Девы Марии	привезена из Рима явилась на том месте, где построен костел

Источник – Список священных изображений, чествовавшихся в костелах губернии, и переписка с военными начальниками о доставлении об этом сведений // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 634. Л. 5–24.

Таблица 21 – Ведомость костелов Гродненской губернии, имеющих ограды, с указанием приблизительных размеров костелов в квадратных сажнях и количества прихожан (1892 г.)

Название костелов	Размер костела в квадратных сажнях	Кол-во прихожан	Название праздника	Дата проведения
Гродненский деканат Велико-Эйсмонтский	80	3605	Св. Иоанна Непомука и Пр. Девы Марии	16 мая и 8 октября
Гожский	70	3635	Св. Петра и Павла	29 июня
Мостовский	63	3275	Св. Иоанна Крестителя	24 июня
Каменский	74	2302	Богоявление Господне	6 января

поставлено в зависимость от власти епископа, подчинявшегося только Римской Курии [434, с. 8].

Указом Николая I от 29 ноября 1848 г. Российская империя ратифицировала разграничение римско-католических епархий империи, установленное т. н. неоспоримой буллой Пия IX «Universalis Ecclesiae cura» от 3 июля 1848 г. Границы западных римско-католических епархий согласовались с административно-территориальным делением соответствующих губерний на момент 1848 г., что было зафиксировано в качестве правовой нормы законодательством Российской империи в 1857 г. [6. с. 94–106, 213–240; 714]. Белорусские земли вошли в состав Могилевской архиепархии (Могилевская и Витебская губернии), Виленской (Виленская и Гродненская губернии) и Минской епархии (Минская губерния) [367, с. 183].

В итоге устройство римско-католического костела в Российской империи стало выглядеть следующим образом: во главе стоял архиепископ, который имел сан митрополита; ему подчинялись епархии во главе с епископами, которые в свою очередь руководили духовными консисториями; во главе консисторий стояли официалы – помощники епархиальных епископов в решении текущих вопросов; консистории управляли кафедральными капитулами – совещательными органами из числа наиболее авторитетных прелатов при каждом кафедральном костеле; при епархиях имелись епископы-суффраганы, которые выполняли службы, требующие архиепископского сана и были готовы временно заменить епископа [767, с. 142].

Согласно законодательству империи, епископы должны были назначаться указами Сената по предварительному их каноническому утверждению. Но на практике правительство империи и Римская курия считали управляющими епархиями разных лиц. К примеру, в Виленской римско-католической епархии за поддержку восстания в 1863 г. был выслан в г. Вятку епископ Адам-Станислав Красинский. На протяжении 20 лет епархией управляли прелаты, которых Рим не признал, так как до 1883 г. Виленским епископом считался А. Красинский. В 1883 г. по соглашению между правительством и Римской курией епископскую кафедру занял Карл Гриневицкий, высланный в 1885 г. за свои неугодные светской власти действия в г. Ярославль. Римская курия опальному епископу придала сан архиепископа [845, с. 38].

В ноябре 1918 г. папа Бенедикт XV в письме к Варшавскому архиепископу Каковскому напишет: «... Святой Престол, который

любил Польшу, когда она стояла на вершине своей славы, любил ее еще больше, если это только возможно, в ее несчастье, подобно матери, которая тем больше любит свою дочь, чем видит ее несчастней» [1015, s. 194]. Из пап, которые наиболее отстаивали национальность и независимость польского народа, Бенедикт XV отметил Климента XIV, Григория XIV, Пия IX. Как видим, Лев XIII не был назван, что, конечно же, объясняется и личными пристрастиями Бенедикта XV.

Постараемся взглянуть на проблему шире и понять суть отношений Российской империи со Святым Престолом.

Во время аудиенции у Папы 27 декабря 1865 г. поверенный в делах России барон Мейендорф упрекнул Пия IX за ту поддержку, которую оказали католики восстанию 1863 г. «Католицизм равняется революции», - сказал он папе [53, с. 18]. Поскольку царское правительство не сочло нужным принести извинения за высказывание своего поверенного, то, по словам А. Венгера, Пий IX и его статс-секретарь кардинал Антонелли сочли дипломатические отношения прерванными [53, с. 18].

В марте 1866 г. дипломатические отношения с Римской Курией совершенно прекратились. Тогда правительство решилось отменить конкордат 1847 г. и поставить римско-католическую церковь в Российской империи под охрану общих законов империи. 2 октября 1866 г. Пий IX публично осудил меры российского правительства в отношении римско-католической церкви, повторив свои слова от 24 апреля 1864 г. [334, с. 20; 859, s. 306]. Указом Александра II от 22 ноября 1866 г. все договоренности по конкордату 22 июня 1847 г. больше не имели силы [504, с. 40]. В этом же году было закрыто русское посольство в Риме, с здания сняли герб и флаг [65, с. 319]. Указом Александра II от 22 мая 1867 г. на земли Царства Польского была расширена компетенция подотчетной гражданским властям и определенной высшим руководящим органом римско-католической церкви в империи Римско-Католической Духовной Коллегии, находившейся в г. Санкт-Петербурге. [925, s. 114]. На руководство Коллегией правительство поставило более-менее послушного Могилевского архиепископа Иосифа Максимилиана Станевского. В 1867 г. закрыли единственное в Царстве Польском высшее учебное теологическое заведение – Варшавскую римско-католическую духовную академию. Осталась лишь духовная академия в г. Санкт-Петербурге [1080, s. 290].

В ответ на это Пий IX издал 17 ноября 1867 г. энциклику «Levat», в которой писалось об извечных стремлениях российского

Березский костел	Спасителя	1648 г. крест начал прославляться: чудесами, которые записывались на каменной доске, вставленной в столб при алтаре; по народному преданию крест этот был найден в лесу, на том же месте впоследствии и возвели костел; прославился крест излечением болезней; чествование совершалось 3 мая и 14 сентября.
Гродненский уезд (г. Гродно) костел при Гродненском бригидском монастыре	мощи св. Клементия	мощи были вложены в стеклянный гроб на алтаре, привезенном из Рима в г. Гродно в 1768 г. с разрешения Римского папы Клементия XIII и помещены в костел в 1781 г. по распоряжению Виленского епископа; чествование мощей совершалось во второй день праздника «Сошествия Святого Духа»
Бельский уезд Дрогичинский костел	икона св. Антония Падевского	передана из закрытого в 1832 г. Дрогичинского пиярского монастыря; чествование совершалось 13 июля
Боцьковский костел	кусочек тернового венца, которым был коронован Спаситель	по преданию, этот кусочек был тайным образом увезен из Рима бывшим владельцем имения Боцек Сапегой; когда Папа узнал об этом, то возложил на Сапегу проклятье, но последний, в знак покаяния, дал обед построить в местечке костел и монастырь, что и исполнил; ксендзы в благодарность захоронили набальзамированное тело умершего Сапегы в специально устроенном пределе костела; когда же последовало распоряжение правительства, чтобы тела умерших не покоились по склепам, то и тело

Таблица 20 – Список особо чествуемых римско-католических святых, привлекавших к себе верующих из других приходов

Название местности и костела	Название святыни	Дополнительные сведения
Брестский уезд	каменная статуя св. Софии	располагалась при въезде в местечко Черкевец; праздник св. Софии отмечался 15 мая
Кобринский уезд	–	–
Белостокский уезд	Уговской костел	три иконы: Иисуса Христа, распятого на кресте, пресвятой Девы Марии, св. Войтеха
Волковысский уезд	Росский костел	статуя сидящего Иисуса Христа
Слонимский уезд	–	–
Сокольский уезд	–	–
Пружанский уезд	Картуз-	крест из дерева, большого размера, с нанесенной краской распятия Христа; стоял посередине алтаря; с

правительства ликвидировать католическую религию в своем обществе, о непризнании самой Коллегии [970, s. 376]. 3 февраля 1868 г. Пий IX в обращении к председателю Римско-католической Духовной Коллегии архиепископу М. Станевскому запретил римско-католическому духовенству участвовать в ее деятельности и приказал М. Станевскому немедленно сложить с себя руководство [65, с. 323]. Пий IX экскоммунировал И.М. Станевского и ректора римско-католической духовной академии в г. Санкт-Петербурге Д. Стацевича [970, s. 376].

В результате конфликта госканцлер А. Горчаков в марте 1869 г. официально сообщил о решении Петербурга запретить католическим епископам империи принимать участие в деятельности I Ватиканского собора (на соборе в 1870 г. был провозглашен догмат о папской непогрешимости, а также примат римского епископа, что автоматически поставило восточную православную церковь в подчиненное положение), а в июне 1869 г. правительство сочло целесообразным возобновить намеченную в январе 1868 г. ликвидацию Минской римско-католической епархии. Согласно исследованию О.А. Казаченок, демонстративность этой меры призвана была доказать принципиальную направленность российского самодержавия пресекать любые попытки Святого Престола влиять на проведение имперской государственно-церковной политики [880, s. 584; 367, с. 183].

Поскольку прекращение официальных контактов влекло за собой целый шлейф конфессиональных, политических и иных проблем, то обе стороны в конце XIX – начале XX в. проявили немалую заинтересованность в упорядочении официальных отношений между собой [848, с. 94].

6 июня 1867 г. Березовский стрелял в императора Александра II, гостившего у французского императора Наполеона III. По случаю неудачного покушения Пий IX выразил Александру II свою радость [504, с. 40]. Это был уже первый шаг к сближению. Но в то же время 29 июня 1867 г. Пий IX канонизирует Иосафата Кунцевича, униатского епископа, убитого населением г. Витебска в 1623 г. [471, с. 85; 1019, s. 118; 504, с. 40]. Позже, 25 ноября 1963 г., при Павле VI останки И. Кунцевича будут перевезены в Рим в папскую базилику св. Петра, рядом с мощами св. Георгия Богослова и Иоанна Златоуста [309, с. 11].

Царское правительство не могло не считаться с римско-католической церковью как с реальной силой. В 1872 г. русский дипломатический агент Петр Капнист прибыл в Рим, чтобы начать со Святым Престолом переговоры относительно

положения римско-католической церкви в Российской империи. Речь шла о назревшей проблеме назначения епископов, которая была благополучно разрешена, поскольку обе стороны были заинтересованы в том, чтобы епископы хоть в какой-то степени отвечали их требованиям [65, с. 326].

Во время этих переговоров Капнист высказал пожелание своего правительства, чтобы Святой Престол пошел навстречу в вопросе о пользовании русским языком в римско-католической церкви Российской империи. Перешедший в католичество лютеранин Л. Геесен, чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий в Петербурге, специально направился в г. Париж, чтобы заручиться поддержкой в этом вопросе иезуитов, и в первую очередь русских иезуитов – Гагарина и Мартынова (известны их чаяния добиться создания русско-католической национальной церкви). Но Папа и его окружение уклонились от прямого ответа. Даже князь Волконский, пользовавшийся при Римском дворе влиянием и поддерживавший дружественные отношения с Пием IX, ничего не мог добиться в этом направлении [65, с. 327].

Как только вопрос о назначении епископов был решен, Римская курия и слушать не захотела о введении в римско-католической церкви русского языка. 11 сентября 1873 года Капнист получил памятную записку, в которой доверительно доводилось до его сведения, что Святой Престол до тех пор не разрешит этот вопрос, пока католические епископы в России не смогут совершенно свободно общаться с Римом. За этим следовали упреки в том, что правительство в отдельных случаях вмешивалось в дела о разграничении епархий. К тому же, говорилось в записке, население западных генерал-губернаторств Российской империи против нововведений в вопросе о языках. Капнист ответил на это 17 сентября 1873 г. гневным посланием, на что Антонелли дал безукоризненно вежливый ответ в стиле Римской курии. На этом, по мнению Э. Винтера, дело и закончилось на многие годы [65, с. 327].

В результате переговоров между Римским Папой и правительством Российской империи 18 февраля 1875 г. был издан высочайший указ, по которому Римско-Католическая Духовная Коллегия перестала быть посредником между костелом в империи и Святым Престолом, теряла свою юрисдикцию в брачных делах и не осуществляла больше вмешательства в процесс назначения епископов [334, с. 20]. 2 марта 1875 г. циркулярным посланием всем епископам

Регламентация римско-католических процессов

Выписка изъ копиі съ конфиденціального отношенія Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Г. Вленскому, Гродненскому и Ковенскому Генераль-Губернатору отъ 4 Декабря 1878 года за № 175

По всеподданѣйшау докладу моему предположеній Вашего Высокопревосходительства, сообщенныхъ въ письмѣ отъ 24 Юля сего года за № 70, относительно крестовъ, сооружаемыхъ народомъ при дорогахъ и на поляхъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 1-й день сего Декабря ВЫСОЧАЙШЕ повелѣтъ соизволилъ:

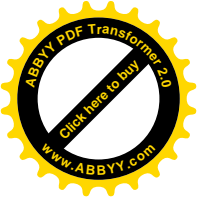
Предоставитъ Вашему Высокопревосходительству, не издавая особаго циркуляра по вопросу о постановкѣ крестовъ, пригласить подвѣдомственныхъ Вамъ Начальниковъ губерній и лично разъяснить имъ, чтобы мѣстная полиція не возбраняла сельскому населенію сооружеіе и возобновеіе, по установившемся обычаю, крестовъ при дорогахъ и на поляхъ, давая безъ затрудненія разрѣшеніе, когда таковое исправивается, и не возбуждая дѣлъ и преслѣдованій, когда такового испрошено не было, наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы на крестахъ не появлялось надписей на польскомъ языкѣ и какихъ либо неумѣстныхъ изображеній, не допускаемыхъ общимъ закономъ /ст. 183 улож. о наказ. угол. и исправ/.

О таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ волѣ имѣю честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для соотвѣтственныхъ распоряженій о коихъ благоволите, Милостивый Государь, почтить увѣдомленіемъ.

Подлинное подписаль: Управляющій Министерствомъ, Статсъ-Секретарь Маковъ и скрѣпилъ: Управляющій Департаментомъ, Вице-Директоръ Мосоловъ.

Примечание – Документ воспроизведен с учетом особенностей правописания того времени.

Источник – По прошениям разных лиц о разрешении постановки крестов // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 490. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 1023.

Примечание – Документ воспроизведен с учетом особенностей правописания того времени.

Источник – Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения полонизма // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1031. – Л. 37.

России и Польши Папа признал компетенцию духовной Коллегии в управлении светскими делами, разрешил митрополиту возглавить ее, не возражал в посылании епископами туда своих заседателей [65, с. 333].

По словам К.Н. Николаева, Лев XIII пошел на сближение с правительством Российской империи, преследуя цель – помочь католикам: «Устроить как-то их дела, ведь жить им с Россией, а не с Римской курией» [504, с. 41]. Немецкий историк Э. Винтер считал, что Лев XIII, идя на сближение с Российской империей, стремился стать духовным повелителем мира посредством унии с православием [65, с. 333–334]. Эта мысль подтверждается изданной 20 июня 1894 г. энцикликой «*Præclara gratulationis*», в которой речь шла о церковной унии вообще со славянскими народами и, в частности, прежде всего с Российской империей. По представлению папы, церковная уния состояла не только в единстве веры, но прежде всего в едином руководстве со стороны Рима. Что касается религиозных обрядов и вероучения, то в этом вопросе церквям была дана большая самостоятельность [65, с. 389–390]. А Россия от сближения хотела использовать авторитет папы в «польском вопросе», подчинении поляков [65, с. 333].

В 1862 г. Российская империя признала самостоятельность итальянского государства [848, с. 94]. Пий IX был противником итальянского государства, лишившего его светской власти, и вынашивал планы восстановления бывшего политического и духовного могущества. Он был готов с этой целью сотрудничать с теми государствами, монархи и власти которых по-прежнему ориентировались на римско-католическую церковь и были враждебно настроены против единого итальянского государства (позиция, которая с видоизменениями была воспринята и его преемниками – Львом XIII и Пием X) [848, с. 96].

По словам М.М. Шейнмана, два обстоятельства определили общее направление политики папства в международных вопросах с конца XIX в.: так называемый «римский вопрос» и вражда к социализму и рабочему движению. «Римский вопрос» в той форме, как он существовал в к. XIX – нач. XX в., возник в связи с ликвидацией в 1870 г. папского государства – так называемой «Церковной области», территория которой стала частью территории Итальянского государства, а столица ее, г. Рим, – столицей Италии. 20 сентября 1870 г. войска генерала Кадорны заняли Рим, последний клочок папских владений, – осуществлялась идея национального итальянского объединения, которая и отодвинула

з тень Папу [504, с. 50]. С этого времени «римский вопрос» становится центральным в борьбе папства против итальянского государства за восстановление светской власти Папы и прежнего церковного государства со столицей в Риме. Это продолжалось до 20-х годов XX в., когда этот вопрос нашел свое компромиссное решение в Латеранских соглашениях 1929 г. На протяжении полусотни лет «римский вопрос» был одним из главных обстоятельств, определивших международную политику Святого Престола [833, с. 242].

Действия Римской курии по решению «римского вопроса» не встречали и не могли встретить единодушия ввиду противоречий, существовавших между государствами Европы. Решение «римского вопроса» в духе папских притязаний шло вразрез с коренными интересами Италии, так как их реализация означала бы раздробление Италии и лишение ее столицы – Рима. Эти притязания, естественно, решительно отвергались прежде всего итальянским народом. Понятно также, что те европейские державы, которые находились в союзе с Италией, не могли поддерживать Римскую курию, так как такая поддержка оттолкнула бы Италию от этих держав. В то же время «римский вопрос» служил средством давления на итальянское правительство со стороны различных держав: угрозой поддержать Святой Престол они старались выторговать у Италии политические уступки. Римский двор, не имея реальных сил для осуществления своих целей, ориентировался на те государства, которые, по его расчетам, могли поддержать его в «римском вопросе». М.М. Шейнман выделял три основных этапа в международной ориентации папства с конца XIX в. до Первой мировой войны. В середине 80-х годов XIX в. наметилось тесное сотрудничество папства с Германией. Бисмарк рассчитывал с помощью Льва XIII заручиться поддержкой католической партии центра. В свою очередь Лев XIII рассчитывал на поддержку Бисмарка в «римском вопросе». Помимо того, Лев XIII видел в Германии Бисмарка, затем Вильгельма II надежный оплот против социализма. Если в вопросе борьбы против социалистического движения надежды Льва XIII на Бисмарка полностью оправдались (в 1888 г. в Германии был издан закон против социалистов, к этому времени были отменены почти все законы против церкви, изданные в период культуркампфа), то в «римском вопросе» Лев XIII не получил поддержки Германии. Следствием этого явилось то, что в 90-х годах начался поворот политики Римского двора в сторону Франции

6. Преподавание производится по программам и учебникам, одобренным подлежащей духовной властью соответственного исповѣдания и допущенным къ употребленію Министерством Народнаго просвѣщенія.

7. Преподавание поручается духовнымъ лицамъ соответствующаго исповѣданія, а только при отсутвіи ихъ, свѣтскимъ учителямъ того же исповѣданія. Къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ допускаются преимущественно лица, имѣющія высшее богословское образованіе, а въ низшихъ – имѣющія установленныя учительскія званія или же разрѣшеніе на преподаваніе Закона Божія со стороны подлежащей духовной власти. Назначеніе законоучителей производится учебнымъ начальствомъ по соглашенію съ подлежащей духовной властью.

8. Законоучителя инославныхъ исповѣданій приглашаются съ правомъ голоса въ засѣданія педагогическихъ совѣтовъ для участія въ сужденіяхъ совѣта по вопросамъ, касающимся какъ учениковъ, обучающихся у нихъ Закону Божию, такъ и самого преподаванія означеннаго предмета.

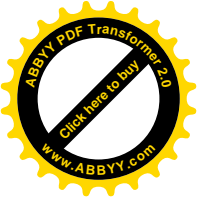
9. Вознагражденіе законоучителей инославныхъ исповѣданій производится въ размерахъ, опредѣляемыхъ мѣстными учебно-окружными начальствами, изъ специальныхъ средствъ заведеній, восполняемыхъ суммами Государственнаго Казначейства, гдѣ таковыя ассигнованы.

10. Успѣхи учениковъ удостовѣряются отмѣтками, выставленными во всехъ свидетельствахъ, выдаваемыхъ изъ учебнаго заведенія.

11. При переходѣ изъ класса въ классъ, а равно и при окончаніи курса, для обучающихся Закону Божию устанавливаются, на равныхъ съ прочими предметами основаніяхъ, испытанія, производныя на омъ языкѣ, на которомъ велось преподаваніе сего предмета.

12. Духовнымъ лицамъ инославныхъ исповѣданій, имѣющимъ по закону право наблюденія за религіознымъ образованіемъ юношества въ учебныхъ заведеніяхъ, предоставляется непосредственно ознакомляться съ преподаваніемъ Закона Божія и для сего посѣщать въ учебное время уроки Закона Божія и присутствовать на годичныхъ испытаніяхъ по тому-же предмету. Они со своей стороны не дѣлаютъ сами никакихъ рапорженій, о результатахъ-же наблюденій сообщаютъ своему непосредственному начальству, которое въ нужныхъ случаяхъ и входитъ въ сношеніе съ учебнымъ начальствомъ.

Подписал: Дирек. Департамен. Народ. Просв. М. Андреяновъ. Скрепилъ: Дѣлопроизводитель А. Талантовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Правила преподавания Закона Божьего неправославного вероисповедания (от 22 февраля 1906 г.)

«УТВЕРЖДАЮ».
Министр Народного Просвещения,
Гофмейстеръ Графъ И. Толстой.
22 февраля 1906 года

Временныя правила о преподаваніи Закона Божія инославныхъ христианскихъ исповеданій и порядкѣ наблюденія духовныхъ лицъ за преподаваніемъ сего предмета въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

1. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, по уставамъ коихъ Законъ Божій инославныхъ исповеданій не введенъ какъ обязательный предметъ преподаванія, обученіе оному вводится по желанію родителей и опекуновъ учащихся и признается необязательнымъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ случаѣ заявленнаго родителями или опекунами нежеланія продолжать обученіе дѣтей ихъ Закону Божию таковое немедленно прекращается.

2. Обученіе Закону Божию инославныхъ исповеданій производится на родномъ языкѣ учащихся, опредѣляемомъ письменнымъ заявленіемъ родителей или опекуновъ учащагося.

3. Если учащіеся одного и того-же исповѣданія, желающіе обучаться Закону Божию, принадлежать къ разнымъ народностямъ, то они раздѣляются въ отношеніи родного языка на нѣсколько группъ и преподаваніе вводится прежде всего для большинства; затѣмъ, по мѣрѣ возможности, организуется преподаваніе Закона Божія на всѣхъ прочихъ языкахъ, для прочихъ группъ учащихся. При невозможности-же сего, с согласія родителей и опекуновъ, допускается введеніе преподаванія на одномъ, извѣстномъ всѣмъ учащимся данныхъ группъ языкѣ, напр. Русскомъ, бѣлорусскомъ, и проч., при чемъ нѣсколько группъ могутъ быть соединяемы въ одну.

4. Небольшія однородныя по исповѣданію и языку группы учащихся однородныхъ учебныхъ заведеній могутъ быть соединяемы и для нихъ могутъ быть устраиваемы сводные уроки въ одномъ изъ учебныхъ заведеній.

5. Уроки назначаются, по возможности, въ обычные учебные часы, или по соглашенію съ Законоучителемъ.

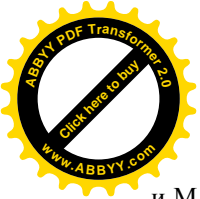
и ее союзника – Российской империи. И, наконец, произошел новый поворот папской политики: с самого к. XIX – нач. XX в. и вплоть до окончания Первой мировой войны папский престол прочно связывал себя с кайзеровской Германией и ее союзниками [833, с. 245].

Как в своих отношениях с Германией, так и в отношениях с Российской империей Папа приносил в жертву своим политическим задачам интересы польского народа. Польша была той разменной монетой, которой расплачивался Римский двор за расположение и дружбу Германии, России и Австро-Венгрии [833, с. 246].

Во время русско-турецкой войны 1878 г. был образован с благословения Римского Папы сорокатысячный легион под руководством Порты, состоявший в большинстве своем из поляков. Ходили слухи, что он создавался при активной поддержке Лангевича [742, с. 603]. В это же время управляющий Виленской римско-католической консисторией ассессор прелат А. Копцегович предписал духовенству во всех костелах огласить манифест по случаю вступления русских войск в пределы Турецкой империи, а также производить молебствия за победу «нашего доблестного воинства» и по случаю каждой победы в отдельности [219, л. 101].

Уже в день своего избрания 20 февраля 1878 г. Лев XIII послал письмо Александру II, выражая желание воостановления отношений «с самыми тесными узами христианского милосердия» [504, с. 41]. Столь же дружелюбный ответ Александра II был отправлен 18 марта 1878 г. 12 апреля 1880 г. были начаты переговоры с Римским двором. Лев XIII не упустил случая показать свою благосклонность: 30 сентября 1880 г. в энциклике «Grande munus» Папа заявил о своих симпатиях к славянским народам. Кирилл и Мефодий, т. н. славянские апостолы, давшие славянским народам письменность, были удостоены самой лестной характеристики за свою деятельность и объявлены святыми римско-католической церкви [65, с. 337]. Правда, энциклика вызвала в православных церковных кругах резкое негативное отношение, сербы также отвергли ее [65, с. 337].

31 октября 1880 г. в г. Вене было подписано преварительное соглашение, а 1 марта 1881 г. император Александр II был убит [504, с. 42]. В апреле 1881 г. Лев XIII прислал Александру III, соболезнование по поводу убийства Александра II, в котором заявлял, что католическая церковь является защитницей монархической власти, что католики всегда будут послушны ей [741, с. 41].

Александр III продолжил начатое. В Рим прибыли Мосолов и М. Бутенев для выработки окончательного соглашения [504, с. 42]. На коронации Александра III монсеньор В. Ваннутелли, легат Льва XIII, добился от нового государя присвоения М. Бутеневу, бывшему в то время всего лишь поверенным в делах России, ранга «представителя» при Римском дворе [53, с. 18].

24 декабря 1882 г. подписан конкордат [859, с. 307]. Главным достижением явилось замещение большого числа вакантных епископских мест в Российской империи, что как для Римского двора, так и для самой империи было крайне необходимо. В то же время правительство подтвердило, что католические духовные семинарии и духовная академия в г. Санкт-Петербурге будут подчинены только духовному руководству, за государством было оставлено лишь право контроля, особенно при назначении ректоров и профессоров в эти духовные учреждения. Преподавание русского языка и русской истории в католических семинариях должно было быть усилено. Чрезвычайные меры против католических священников были частично отменены [65, с. 343].

Важнейший вопрос о языке богослужения в империи не обсуждался, чтобы избежать срыва переговоров, ибо в этом случае не удалось бы урегулировать столь необходимый для обеих сторон вопрос о назначении епископов. 15 марта 1883 г. Лев XIII назначил 12 прелатов католическими епископами в Российской империи, в том числе и двух архиепископов [65, с. 344]. Римско-католическая иерархия таким образом была вновь восстановлена.

13 апреля 1883 г. высочайше были утверждены: епископ суффраган Плоцкой епархии Александр Гинтовт-Деялтовский Могилевским архиепископом, митрополитом римско-католических церквей в Российской империи и председателем Римско-Католической Духовной Коллегии; епископом Луцко-Житомирского Каспера Боровского – епископом Плоцким; прелата Виленского капитула, члена Коллегии, бывшего до этого времени ректором Духовной Академии в г. Санкт-Петербурге Семена Козловского – назначили епископом Луцко-Житомирским; прелата Могилевского капитула, бывшего ректора духовной семинарии в г. Санкт-Петербурге, открытой в 1879 г., Карла Гриневитского – епископом Виленским [779, л. 25].

Соглашение правительства со Святым Престолом заслужило резкие порицания от некоторых московских газет. Они не только нападали на сущность соглашения, но еще более негодовали на самый факт сделки с Римом. Одна из этих газет, указывая на революционный характер католичества и папства, задавалась

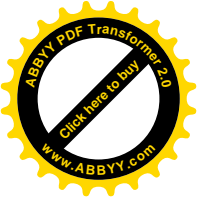

всего в них преподаваемого. Они никоим образом не могут посещаемы католиками без ущерба своей веры. Поэтому католические дети, сознательно посещающие эти школы, а равно и их родители и опекуны, заведомо посылающие детей в эти конфессиональные школы, тем самым свидетельствуют о себе, что они изменяют своим католическим убеждениям и таким образом оказываются недостойными того, чтобы католический костел исполнял им свои духовные требы и наделял благодатью из своих духовных сокровищ.

Церковно-приходские школы и школы грамоты, относясь враждебно к католическому костелу, не менее враждебно смотрят и на нас, католиков, как на фанатических врагов нашего государства, от которых следует избавиться путем прививания юному католическому поколению православия, как единого средства, способного подчинить католиков гражданской власти. Так говорят руководители церковных школ, но чего бы они ни утверждали, мы, однако, заявляем, что мы, католики, исповедуем вселенскую католическую веру, объемлющую весь мир и имеющую своих последователей между всеми народами земного шара, ту веру, которая везде и каждому именем божьим, непогрешимым авторитетом костела, повелевает любить свое отечество, повиноваться своему монарху, проливать кровь за него и за свое отечество и в случае необходимости даже ценою своей жизни.

Принимая во внимание, что церковно-приходские школы и школы грамоты, находящиеся в исключительном ведении православного духовенства, имеют, безусловно, вредное влияние на подрастающее католическое юношество, строжайше предписываем всему духовенству Виленской епархии бдительно следить, чтобы католические дети не посещали указанных школ. В случае обнаружения нарушения подобных фактов, если увещания и наставления не помогут, повелеваем не давать на исповеди разрешения от грехов как детям, обучающимся в этих школах, так равно родителям и опекунам, посылающих их туда.

Примечание – Переписка с уездными исправниками и Виленской католической епархией о вмешательстве католического духовенства в дела церковно-приходских училищ // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 853. – Л. 2–4.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Циркуляр № 509 Виленского римско-католического епископа С. Зверовича от 12 февраля 1902 г.

Церковно-приходские школы и школы грамоты, устраиваемые по своей цели и своим направлениям, программам, по своему управлению и взглядам самих руководителей, преследуют задачи враждебные римско-католической вере. На католическое население они смотрят как на врага государственности. Мы не обращали бы вовсе внимания на эти школы, если бы они преследовали свои цели среди православного населения, чего следовало бы ожидать от них, судя по их названию и что было бы в порядке вещей справедливо и законно. Но кто из нас, пастырей и верных, может оставаться равнодушным зрителем насилия этих школ над католическими детьми в училищах Виленской епархии и то под личиной государственности? Церковно-приходские школы и школы грамоты, заведенные православным духовенством там, где, пожалуй, нет ни одной православной семьи, либо угрожают, либо сбыточными и несбыточными обещаниями принуждают и заманивают к себе католических детей, глумятся над их католическим вероисповеданием и в не знающих начальных истин своей веры мальчиков и девочек впаивают начала и правила православия. Такой образ действий православного духовенства относительно католиков Виленской епархии должен тем самым склонить и пастырей католических к охранению законными мерами своей веры в юном поколении от посягательств православного духовенства. Цель и старания церковно-приходских школ и школ грамоты всем известны и никакой тайны не составляют. Церковно-приходские школы, гласит параграф первый, имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской. Поэтому всякое участие католиков прямым или косвенным образом в деле поощрения и развития этих школ, их посещения католическими детьми равносильно измене и отступлению от римско-католической веры и костела. Эти школы, имея своей прямой задачей подрывать в корне католическую веру в католическом населении, не приносят ему той пользы, какую школа вообще должна давать своим питомцам, то есть образование, просвещение ума, сообщением ему различных научных сведений соразмерно развитию детей. Церковно-приходские школы и школы грамоты, соответственно своему назначению, есть учреждения чисто религиозные, преследующие не обучение на первом плане, а воспитание в известном направлении и с известной окраской

вопросом: может ли русское правительство вступать в какую бы то ни было сделку с революционной силой. Другая газета, объясняя все дело единственно польской интригой, заявляла по этому поводу о «продолжающемся бессилии и деморализации власти» в России [744, с. 174]. «Литовские епархиальные ведомости» и вовсе поставили вопрос о надобности в католических епископах [725, с. 9].

Полемизируя с могущественной фигурой русской журналистики редактором «Московских ведомостей» М.Н. Катковым (1818–1887 гг.), В.С. Соловьев писал: «Главный пункт совершившейся сделки относился к удовлетворению самой основной потребности католической церкви в России — к восстановлению канонического епископского управления в существующих епархиях. Вследствие исключительных административных мер, вызванных польским восстанием, в продолжение почти двадцати лет целых пять католических епархий управлялись простыми священниками. По мнению московских публицистов, в этом нет никакой беды: и без епископов польские католики могли спокойно молиться Богу и священники исправляли необходимые требы. К этому справедливому указанию можно, пожалуй, прибавить еще и то, что польские католики и без епископов могли есть, пить, жениться и т. д. Но, кажется, эта возможность для них жить и исполнять общечеловеческие дела стоит вне вопроса. Вопрос же идет, собственно, о иерархическом порядке церковного управления, без которого католическая церковь не может оставаться католическою. Что преобладающее значение духовной власти и строго иерархическая организация составляют существенную особенность католичества — это, кажется, не требует доказательств; и если русское правительство признало и узаконило католическую религию в России, то оно тем самым признало и узаконило ее иерархический строй и никак не может считать правильным и окончательным такое положение дел, при котором этот иерархический строй явно нарушается. Сказать, что католики могут обходиться без епископов, значит, сказать, что они могут обходиться без католичества; несомненно, могут, как люди вообще, но как католики — решительно не могут. Католик без поставленного папой епископа — все равно что протестант без Библии или старовер без старопечатных служебников. Если русское правительство вынуждено было около 20 лет оставлять католические епархии без епископов, то единственно потому, что покойный папа Пий IX ни за что не соглашался поставить других епископов на место тех, которые были сосланы за государственное преступление. Когда же

Геперешний папа оказался более сговорчивым и согласился назначить новых архиереев, то наше правительство поспешило принять эти назначения и тем исполнило свою прямую обязанность. Ибо если бы оно поступило иначе, если бы оно захотело временное нарушение канонического порядка принять как окончательное и навсегда оставить епархии без епископов, то это, несомненно, было бы уже угнетением католической церкви, чего могут желать только враги России. И напрасно московские газеты утверждают, что состоявшееся соглашение есть односторонняя сделка, в которой русское правительство все уступило, а от Ватикана никакой действительной уступки не получило. Это неправда. Кто знает правила и обычаи католической церкви, тот поймет, что согласие папы сменить сразу четырех епархиальных епископов есть действительная уступка. Не из одного же упрямства Пий IX не соглашался на эту меру. Дело в том, что в католической церкви действительные епархиальные епископы теснейшим образом связаны с своими епархиями по общему правилу; в согласии с древними канонами, каждый епископ всю свою жизнь остается на одной и той же кафедре, на которую он был поставлен сначала. Перемещения епископов из одной епархии в другую католическая церковь не допускает – это по ее понятиям было бы равносильно многоженству (согласно общепринятой аналогии между священством и браком). В силу такого взгляда и удаление епископа с его кафедры, развод его с обрученною ему церковью является в католичестве делом необычайным и исключительным. Поэтому для того чтобы сменить архиепископа Феллинского и его товарищей и поставить на их место других лиц, от папы требовался чрезвычайный акт его верховной власти, и понятно, что он мог согласиться на этот акт только при условии амнистии и обеспечения сменяемых им, против господствующего правила, иерархов. В укор русскому правительству ставится и то, что новые польские епископы все из шляхтичей. Но откуда же им и быть? Вследствие безбрачия священников в католическом мире, как известно, отдельного духовного сословия не существует, а простой народ, особенно в Польше, не имеет средств обучать своих сыновей для священства. То обстоятельство, что некоторые из вновь назначенных архиереев принадлежат не к простой, а самой знатной шляхте, не может иметь никакого значения; ибо, во-первых, это в порядке вещей, и в других странах также высшие духовные должности занимаются преимущественно членами знатных фамилий, а, во-вторых, с русской точки зрения, никак нельзя сказать, чтобы знатнейшая часть польской шляхты

пола				
Учебные заведения исключительно для евреев	73	7 824	699 (из них 635 хедеров)	15 013

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1881 год. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1880. – С. XXIII; Памятная книжка Виленской губернии на 1899 г. / под ред. П. А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1899. – Ч. 2. – С. 155–157.

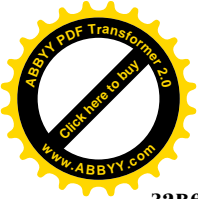

Таблица 19 – Сравнительные сведения о числе учебных заведений и учащихся в Виленской губернии за 1879 г., 1897 г.

Название учебных заведений	1879 г.		1897 г.	
	Число заведений	Число учащихся	Число заведений	Число учащихся
Литовская православная духовная семинария	1	98	1	186
Мужское православное духовное училище	1	115	1	130
Женское православное духовное училище	1	105	1	115
Виленская римско-католическая семинария	1	39	1	90
Пехотное юнкерское училище	1	308	1	275
Гимназии для мужского пола	1	562	2	1112
Гимназии для женского пола	1	472	1	478
Реальное училище	1	495	1	552
Прогимназия	1	364	–	–
Мариинское высшее женское училище	1	509	1	610
Учительский институт	1	45	1	44
Городские двухклассные училища	2	236	1	97
Учительская семинария	1	98	1	67
Начальное при семинарии училище	1	60	1	82
Уездные училища	5	276	5	373
Приходские училища для мужского пола	11	557	15	1148
Приходские училища для женского пола	10	269	10	612
Приходские училища для обоего пола	5	242	–	–
Частные учебные заведения для обоего пола	2	85	–	–
Народные школы для мужского пола	1	82	–	–
Народные школы для женского	257	6 741	–	–

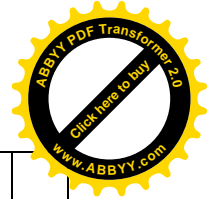
была нам более других враждебна. Напротив, такие знатные люди, как граф Красинский (отец знаменитого поэта), маркиз Велепольский и другие заслужили даже преследование своих соотечественников за свою службу русскому правительству» [744, с. 175–177]. Характерно что М. Каткову, по приказу самого Александра III было объявлено предостережение за направление его статей по внешней политике [639, с. 66].

В 1884 г. Лев XIII опубликовал послание к польскому епископату, в котором призывал католическое духовенство к сотрудничеству и к поддержке монархических режимов в России, Германии, Австро-Венгрии. Папа призывал к повиновению и послушанию царским властям католиков, проживающих в границах Российской империи [102, с. 103].

В 1884 г. из Российской империи был направлен посланник в Рим [334, с. 20]. Папа Лев XIII и его ближайшее окружение возлагали большие надежды на союз с Россией в результате временного охлаждения между Римским двором и германским правительством вследствие участия Италии в Тройственном союзе. Царское правительство, рассчитывавшее на помощь Римской курии в борьбе с освободительным движением польского народа, видело в католицизме «охранительный элемент» и настаивало на сближении с Папой [456, с. 139]. Но переговоры Римской курии с Российской империей со дня на день шли хуже. Лев XIII требовал помиловать высланного Виленского епископа К. Гриневицкого и возвратить его на кафедру. Со своей стороны, правительство Российской империи находило это требование совершенно невыполнимым, заявляя, что этот епископ есть бунтовщик и заслужил постигшее его наказание [397, с. 8].

В 1887 г. в Римскую курию был послан представитель царского правительства А.П. Извольский для переговоров, которые закончились восстановлением в 1894 г. дипломатических отношений [833, с. 241]. С этого времени поверенный в делах России стал официально именоваться «посланником» [53, с. 18]. А.П. Извольский (впоследствии министр иностранных дел (1906–1910) и посол в Париже (1910–1917)) прекрасно осознавал выгодность поддержки правительства Римским двором, возможность использовать авторитет Папы в отношениях с римско-католической иерархией в империи.

Во время приемов представителей царского правительства России Лев XIII систематически подчеркивал выгодность для России сотрудничества с Римским двором именно потому, что папский престол своим авторитетом главы католической церкви

может привести поляков-католиков к повиновению властям и заставить их отказаться от борьбы за национальную независимость [1, с. 107].

В Римской курии в этот период усматривали в русско-французском союзе важный противовес Тройственному союзу, заключение которого свело на нет надежды Папы на помощь Австрийской и Германской империй в восстановлении светской власти папы даже ценой военной интервенции против Италии и ее развала [848, с. 97].

М.М. Шейнман писал, что сближение Римского двора с Российской империей и Францией и стало выражением недовольства Римской курии тем, что германское правительство в интересах сохранения Тройственного союза не поддержало притязаний папства на восстановление его светской власти. Бисмарк не намерен был поступиться союзом с Италией ради Папы [832, с. 209].

Немецкий историк Э. Винтер полагал, что Папа использовал франко-русский союз, не только с целью ослабления Италии, но и для дальнейшего укрепления позиций в Российской империи, преследуя свою идею о полной духовной власти [65, с. 353]. Ранее схожую мысль высказал французский профессор Э. Марешаль: Папа мог ожидать восстановления своей власти только от двойственного союза, поскольку Италия примкнула к Тройственному. И тогда стали насаждаться добрые отношения к Санкт-Петербургу, попутно сближая Францию с Россией. В феврале 1892 г. появилась Папская энциклика о признании французской республики, написанная притом по-французски (с момента своего избрания Лев XIII выступал против республики, придерживаясь политики своего предместника). Полтора года спустя русская эскадра посетила Тулон [472, с. 993].

Участие Италии в Тройственном союзе усложняло взаимоотношения Римского двора с Австро-Венгрией и Германией. В Римской курии были недовольны тем, что эти державы находятся в союзе с Италией – «узурпатором» папских прав. Тем не менее, сильная пронемецкая партия в курии во главе с кардиналами Галимберти, Ледоховским, Альярди активно работала над упрочением отношений Святого Престола с Тройственным союзом. Сотрудник и советник Папы Галимберти постоянно прибегал к использованию своего немалого влияния на Папу в духе сотрудничества Римской курии с Германией. Галимберти, сторонник Тройственного союза, считал, что для усиления этой группировки держав необходимо примирение Римского двора с Италией. В августе 1892 г. Извольский писал Гирсу: «Галимберти (секретарь одной из самх важных священной конгрегации

Шавель-ская	15	518	8	–	8	1	550	16	208	8	–	27	–	259
Итого	519	3301	88	54	109	48	4119	768	1453	80	41	210	33	2585

Источник – Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі; пад рэд. акад. Н.М. Нікольскага [і інш.]. – Мінск: выд. АН БССР. – 1940. – с. 687. – Т. 2. – С. 586.

Таблица 18 – Состав учащихся в училищах Гродненской губернии в 1887 г.

Название уезда	Число училищ	Кол-во уч-ся		Число церк.-прих. шк.	Кол-во уч-ся	
		муж.	жен.		муж.	жен.
Белостокский	21	1044	164	17	380	46
Бельский	32	1744	463	114	2042	425
Брестский	60	3301	390	27	745	58
Волковысский	41	2285	189	38	760	79
Гродненский	26	1896	120	94	1527	165
Кобринский	42	2458	75	34	808	12
Пружанский	36	2407	185	41	737	51
Слонимский	45	2949	326	48	1212	98
Сокольский	14	784	63	11	149	21

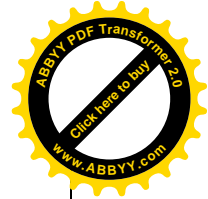
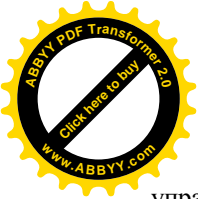
Источник – Обзор Гродненской губернии за 1887 год. – Гродно: Губ. тип. – 1888. – С. 43.

Ковенская	Слуцкая	Мозырская	Пинская	Новогрудская	Минская	Белостокская	Гродненская
24	56	41	60	29	111	70	56
216	291	132	148	274	465	354	262
21	2	–	4	1	16	15	11
–	49	–	–	–	–	–	1
28	4	1	4	2	23	6	19
5	3	–	–	16	9	1	4
294	405	174	216	322	624	446	353
91	51	104	89	20	121	66	71
142	118	61	111	113	157	93	103
22	6	–	1	1	10	7	9
–	39	–	–	–	–	–	–
66	13	12	8	4	27	14	10
2	1	–	–	9	10	2	7
323	228	177	209	147	325	182	200

по чрезвычайным церковным делам, имевшей непосредственное отношение к руководству дипломатической деятельностью Римского двора; в 1887 г. он был назначен папским нунцием в Вену, где работал в пользу Тройственного союза – А.Г.) слышет открытым сторонником примирения с Италией и сближения с державами Тройственного союза». На Галимберти и его сторонников опирался прусский посол при Римском дворе Шлецер. Мечислав же Халка Ледоховский, являвшийся с 1865 г. епископом Познанским и Гнезненским, еще в годы культуркампфа за сопротивление майским законам был осужден на два года тюрьмы. Римский двор возвел его в кардиналы (единственный кардинал из польской территории под властью Пруссии). Кардинал граф Ледоховский способствовал восстанию в г. Познани, чем навлек на себя гнев Бисмарка, посадившего его на два года в тюрьму. В 1885 г. Ледоховский был отозван в Рим и назначен в 1892 г. главой (префектом) Конгрегации пропаганды веры, которым и оставался вплоть до своей смерти в сентябре 1902 г. За активную поддержку австро-венгерского проникновения на Балканы и Тройственного союза М.Х. Ледоховский был в 1895 г. награжден императором Австро-Венгрии высшей наградой – большим крестом ордена Леопольда [104, с. 477; 832, с. 203; 65, с. 384].

11 апреля 1888 г. Извольский сообщил Гирсу о прибытии в Рим влиятельной польской группы из Австрии во главе с князем Адамом Сапегой, которые, в соответствии с интересами Австрии и Германии, старались помешать сближению Римского двора и Российской империи. Извольский отметил крайнюю осторожность в действиях Папы: аудиенции назначались лишь отдельным лицам и при условии, что не будет представлено никаких протестов, касающихся отношений папы с Российской империей. Александру III эта осторожность понравилась. На депеше Извольского он написал: «... как осторожно ведет себя Папа в настоящую минуту, чтобы не испортить наши отношения с курией» [832, с. 220].

25 апреля 1888 г. Л.П. Извольский сообщал, что кардинал Рамполла, статс-секретарь Римского двора, ближайший сотрудник и единомышленник папы Льва XIII, при свидании с ним «по собственному почину и безо всякого к тому повода с моей стороны» затронул вопрос о посылке Папой инструкции римско-католическим епископам в империи. Рамполла заявил даже, что он готов обсудить с Извольским содержание писем, т. е. инструкций, какие Римский двор пошлет католическим епископам в империи [1, с. 79].

29 июня 1892 г. император разрешил епископам и управляющим римско-католическим епархиям принести их поздравления и приношения Папе Льву XIII по случаю наступающего в феврале 1893 г. 50-летнего юбилея епископства, с тем чтобы при сборе денежных пожертвований не было каких-либо переписок, либо объявлений, либо публикаций в костелах и газетах и чтобы адреса и приношения были представлены в министерство внутренних дел для отсылки их в Рим общим установленным порядком [780, л. 70].

В 1894 г. Папа Лев XIII издал энциклику «Caritatis providentiaeque» к польским епископам Австро-Венгрии, Германии и России, в которой, отметив заслуги Польши для христианства и Европы, призвал духовенство и паству к спокойствию и покорности [970, с. 379].

В феврале 1897 г. Лев XIII в энциклике «Fidentem piumque animum» подтвердил свою волю, чтобы ксендзы ежедневно в продолжение целого октября во всех приходских и филиальных костелах и часовнях, где совершалась служба с подобающим торжеством совместно с народом отправляли «Пресвятой Розарий» молясь о воссоединении церквей, а также выразил свое желание, чтобы молитва «Пресвятой Розарий» совершалась и в течение целого года в кафедральном соборе каждый день, во всех же приходских и филиальных костелах и часовнях по воскресеньям и праздничным дням в часы более удобные по усмотрению настоятелей, филиалистов и капелланов [621, л. 22].

10 июня 1897 г. Н.В. Чарыков сообщал министру иностранных дел М.Н. Муравьеву, что в беседе, состоявшейся при вручении им Льву XIII верительных грамот, Папа в числе других вопросов затронул и польский вопрос. При этом папа сказал, что «воля провидения... положила конец самостоятельному существованию поляков». Мысль о «воле провидения», благодаря будто бы польский народ был лишен национальной самостоятельности, Лев XIII настойчиво внушал польскому духовенству и католикам [833, с. 246].

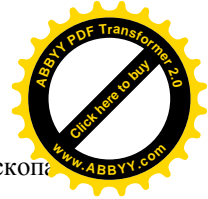
Осенью 1897 г. императорская семья посетила г. Варшаву. Во время пребывания в городе были устроены вернопопданнические демонстрации. Католическая печать, близкая к Святому Престолу, единодушно приписывала заслугу их проведения политике Папы [833, с. 253]. Лев XIII поздравил царя в связи с этим приемом, одновременно напомнив о ведущей роли Римского двора в франко-русском сближении [65, с. 399]. В 1897 г. Николай II распорядился о

Прогимназии							
Виленская	21	158	1	–	3	2	185
Брестская	34	23	–	–	5	1	63
Бобруйская	31	22	–	–	7	–	60
Тельшевская	9	129	6	–	6	–	150
Гомельская	открыта в 1866 г.						
Итого в прогимназиях	95	332	7	–	21	3	458
Итого в гимназиях и прогимназиях	1295	2270	119	41	259	38	4022

Источник – Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі; пад рэд. акад. Н.М. Нікольскага [і інш.]. – Мінск: выд. АН БССР. – 1940. – с. 687. – Т. 2. – С. 580.

Таблица 17 – Распределение учащихся гимназий ВУО по вероисповеданиям в 1862 и 1866 гг.

Число учащихся по вероисповеданиям														
Название гимназии	К 1 января 1862 г.						К 1 января 1866 г.							
	Православные	Р.-католики	Лютеране	Реформаторы	Иудеи (евреи)	Магометане	Итого	Православные	Р.-католики	Лютеране	Реформаторы	Иудеи (евреи)	Магометане	Итого
Виленская с парал. кл.	53	519	10	4	11	8	605	130	273	15	2	25	1	446
Свенцянская	4	122	–	–	3	1	130	9	74	1	–	4	1	89

Собруйская	было 3-х кл. уездное училище						
Тельшевская	была закрыта временно						
Гомельская	было 3-х кл. уездное училище						
Итого в прогимназиях	14	171	2	–	14	1	202
Итого в гимназиях и прогимназиях	1046	2036	103	39	242	22	3488

Источник – Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі; пад рэд. акад. Н.М. Нікольскага [і інш.]. – Мінск: выд. АН БССР. – 1940. – с. 687. – Т. 2. – С. 580.

Таблица 16 – Распределение учащихся гимназий и прогимназий ВУО по вероисповеданию в 1866 г.

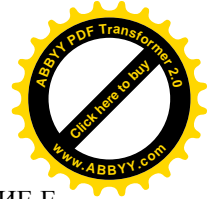
Гимназии	Число учащихся по вероисповеданиям						
	К 1-му января 1866 г.						
	Православные	Р.-католики	Лютеране	Реформаторы	Иудеи	Магометане	Итого
Виленская, с параллел. кл.	130	273	15	2	25	1	446
Свенцянская	9	74	1	–	4	1	89
Гродненская	71	103	9	–	10	7	200
Белостокская	66	93	7	–	14	2	182
Минская	121	157	10	–	27	10	325
Новогрудская	20	113	1	–	4	9	147
Пинская	89	111	1	–	8	–	209
Мозырская	104	61	–	–	12	–	177
Слуцкая	51	118	6	39	13	1	228
Ковенская	91	142	22	–	66	2	323
Шавельская	16	208	8	–	27	–	259
Витебская, с параллел. кл.	165	188	5	–	3	–	361
Динабургская, с параллел. кл.	58	109	18	–	14	2	201
Моголилевская, с параллел. кл.	209	188	9	–	11	–	417
Итого в гимназиях	1200	1938	112	41	238	35	3564

назначении четырех новых епископов в епархии, и три епископа получили в помощь суффраганов [65, с. 400].

В 1898 г. Лев XIII праздновал два знаменательных события: ему исполнилось 87 лет, при чем истекло 20 лет со дня его избрания в Папы и 55 лет после его посвящения в епископы. Из конклава, избравшего Папу Льва XIII, осталось в живых только 2 кардинала [472, с. 994]. В феврале 1898 г., принимая поздравления министра-резидента Российской империи при Римском дворе Н.В. Чарыкова, Лев XIII разразился похвалой в адрес императора, определив совместные отношения как в высшей степени драгоценные [833, с. 243]. Российскому представителю было заявлено, что в случае возникновения каких-либо затруднений между правительством Российской империи и любым католическим епископом, «Вы всегда найдете со стороны Папы поддержку и полную готовность дать епископам надлежащие наставления. Повторяю, во всех этих делах наш нравственный авторитет – за Вас» [834, с. 75]. Римский двор предписывал римско-католическому духовенству Российской империи быть верным правительству и императору [456, с. 139].

Еще в 1894 г. в переговорах с князем Лобановым (посол Российской империи в Вене) Лев XIII высказал пожелание «для наилучшего воздействия в умиротворении католического духа в России» открыть нунциатуру в Российской империи [832, с. 224]. В 1898 г. в министерстве иностранных дел появилась записка, в которой излагался ряд доводов в пользу учреждения постоянного представительства Римской курии в Санкт-Петербурге. В числе их было признание корректной и лояльной позиции Льва XIII по отношению к России, возможность с помощью этой меры обеспечить успокоение миллионов подданных, исповедовавших католическую религию, и укрепление в их среде авторитета русского правительства, а также привлечь к России симпатии католического населения во всем мире, повысить ее международный престиж. Авторы записки полагали, что нормализация отношений с папой позволит ограничить экспансию католицизма и ее использование в интересах соперничающих с Российской империей держав – Германии, Австро-Венгрии, повысить шансы успешной реализации мирных инициатив императора Николая II [848, с. 101].

Предложение, которое было сделано Римским двором еще Извольскому (основать в Риме папскую коллегию с целью обучения католических священников для Российской империи) было повторено Губастову во время аудиенции 27 февраля 1901

года в связи с его вступлением в должность. Рамполла указывал на успехи параллельного института «Collegium Bohemicum», целью которого была борьба с национализмом чешского духовенства. Создав такую организацию, убеждал Папа, не связанную с национальной принадлежностью духовенства и подчиненную лишь царю и римско-католической церкви, можно было наиболее успешно бороться с опасным для царского правительства польским национализмом. Молодые ксендзы после семилетнего обучения в Риме возвращались на родину чужими своему народу людьми, им было легко (во всяком случае, так считал Римский двор) прививать иммунитет против национальных и социалистических идей. Но в Петербурге опасались, что эти священники, получившие в Риме иммунитет против социализма, вовсе не будут опорой Российской империи, что в конце концов они окажутся лишь послушным орудием в руках Римского двора [65, с. 425–426].

Избранный Папой Пий X после смерти в 1903 г. Льва XIII, в отличие от своего предшественника, не придавал большого значения высокой политике. Его интересовали прежде всего внутренние реформы римско-католической церкви [65, с. 435].

2.2 Законодательство Российской империи по регулированию деятельности римско-католической церкви

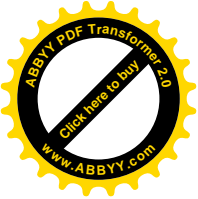
До середины 1840-х гг. законодательство, регулирующее деятельность римско-католического костела, основывалось на прецедентом праве. Однако упорядочение российского права, предпринятое правительством в этот период, затронуло и костел. В 1845 г. был принят первый уголовный кодекс России – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Глава вторая данного закона «Об отступлении от веры и постановлений церкви» в числе других преступлений из разряда «Об отвлечении и отступлении от веры» упоминала совращение из православного в иное христианское вероисповедание, в том числе, в римско-католическое. Виновный в совершении такого преступления приговаривался согласно статье 195 Уложения к лишению всех прав и преимуществ и к ссылке «на житье в губернии Тобольскую или Томскую» или «к наказанию розгами и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного до двух лет». В случае доказательства употребления принуждения и насилия при совращении из православия

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Распределение учащихся гимназий и прогимназий ВУО по вероисповеданию в 1865–1866 гг.

Таблица 15 – Распределение учащихся гимназий и прогимназий ВУО по вероисповеданию в 1865 г.

Гимназии	Число учащихся по вероисповеданиям						
	К 1-му января 1865 г.						
	Православные	Р.-католики	Лютеране	Реформаторы	Иудеи	Магометане	Итого
Виленская, с параллел. кл.	109	257	8	2	15	2	393
Свенцянская	13	120	1	–	9	2	145
Гродненская	50	98	8	–	7	1	164
Белостокская	63	98	9	–	8	–	178
Минская	95	169	9	–	26	11	310
Новогрудская	была закрыта временно						24
Пинская	89	135	–	3	12	–	239
Мозырская	74	63	–	–	19	–	156
Слуцкая	38	104	6	33	9	1	191
Ковенская	62	120	22	–	58	2	264
Шавельская	18	234	8	1	30	–	291
Витебская, с параллел. кл.	154	197	6	–	4	–	361
Динабургская, с параллел. кл.	59	92	15	–	10	2	178
Моголилевская, с параллел. кл.	208	178	9	–	21	–	416
Итого в гимназиях	1032	1865	101	39	228	21	3286
Прогимназии							
Виленская	14	171	2	–	14	1	202
Брестская	было 3-х кл. уездное училище						

Источник – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Ч. XI. Гродненская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 319 с. – Табл. XXII. – С. 202–275.

Таблица 14 – Распределение римско-католического духовенства Виленской губернии по родному языку (по состоянию на 1897 г.)

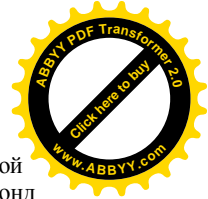
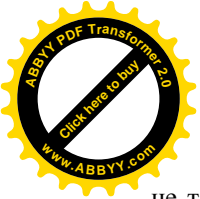
Название местности	белоруссы	поляки	литовцы	немцы	великоруссы	прочие (жмудь и латыши)	
Виленский уезд	6	38	30	–	1	2	
г. Вильно	–	65	10	5	22	–	
Вилейский уезд	7	14	3	–	–	–	
г. Вилейка	–	–	–	–	–	–	
Дисненский уезд	9	8	2	–	–	–	
г. Дисна	–	2	–	–	–	–	
Лидский уезд	10	31	2	–	–	–	
г. Лида	–	6	–	–	–	–	
Ошмянский уезд	8	31	3	–	2	1	
г. Ошмяны	–	–	–	–	–	–	
Свенцянский уезд	8	37	16	–	–	–	
г. Свенцяны	1	3	3	–	–	–	
Трокский уезд	7	44	22	–	–	7	
г. Троки	–	4	–	–	–	–	
Всего	в уездах	55	203	78	–	3	10
	в городах	1	86	13	5	22	–
	в губ-нии	56	289	91	5	25	10

Источник – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Ч. IV. Виленская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1904. – 179 с. – Табл. XXII. – С. 110–153.

в католичество – виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь и наказанию плетьюми [456, с. 91]. В 1857 г. в Российской империи принимается первый Устав духовных дел иностранных исповеданий. Согласно статье 24 Устава, архиепископа, епархиальных епископов и епископов-суффраганов назначал император по предварительному согласованию с Римским Папой. Они были обязаны присягать на верность императору и наследнику престола и являться только российскими подданными. На территории империи римско-католические приходы могли создаваться лишь в связи с резким увеличением католического населения, обширностью существующих приходов и трудностью сообщений [716, с. 9, 11, 28].

В 1894 г. был принят новый «Устав духовных дел иностранных исповеданий», закрепивший существование 12 римско-католических епархий в Российской империи. Кроме Могилевской архиепархии, была создана Варшавская. Ей подчинялись все римско-католические епархии в польских землях. В статье 17 специально оговаривалось, что все христиане римско-католического исповедания (духовные и светские из подданных Российского государства) имеют отношения с Римской курией не иначе, как через министерство внутренних дел [716, с. 12, 17]. В новом уставе, который действовал до 1917 г., остались значительные ограничения на свободу отношений католиков Российской империи с Римом.

Общероссийские законы в Северо-Западном крае были дополнены после восстания 1863 г. рядом негласных распоряжений, стеснявших развитие конфессии: о запрете без согласия губернатора назначать ксендзов на высшие духовные посты и законоучителями (циркуляры от 19 и 23 января 1865 г.); о запрете заштатным ксендзам произвольного исполнения богослужения и христианских обрядов (циркуляры от 13 января, 27 июня 1867 г.); о запрете ставить на полях и дорогах кресты и вешать иконы без разрешения гражданского начальства (циркуляры от 8 июля 1864 г. и 19 сентября 1867 г.); о запрещении проведения крестных ходов вне стен костелов или далее костельных оград (циркуляр от 31 января 1866 г.); о запрете пользоваться польским языком в официальной переписке, в государственных учреждениях, общественных местах (циркуляры от 12 февраля, 24 марта 1864 г., 9 июня 1868 г.); о запрете распространения польской письменности и литературы на польском языке среди православного населения (циркуляр от 1 января 1864 г., 24 августа 1866 г., 2 января 1869 г.) [369, с. 86; 808, л. 7–35; 845, с. 40–41].

Циркуляром М.Н. Муравьева от 15 марта 1865 г. запрещалась не только вести ксендзам переписку между собой, с правительством, но также и составлять метрики на польском языке. За нарушение предполагалось взимание 25 руб. штрафа [967, с. 66]. Этот циркуляр строго исполнялся. Так 15 апреля 1866 г. настоятеля Збириговского костела Белостокского уезда ксендза Гонсевского за ведение списка прихожан на польском языке оштрафовали в 50 руб. [140, л. 12].

В 1905 г. римско-католические епископы неоднократно стали обращаться с ходатайством о допущении польского языка в официальной переписке епархиальных начальников с подведомственным им духовенством и местным населением, а также переписке ксендзов между собой и паствой. Член Государственного Совета П.Н. Дурново отстаивал необходимость сохранения русского языка в переписке римско-католического духовенства с русским населением. Высочайший указ 25 июня 1840 г., согласно которому все дела и документы по правительственной и судебной части, а также переписка римско-католического духовенства между собой и населением в «возвращенных от Польши губерниях» должны производиться на русском языке, оставался в силе. Законом 23 апреля 1906 г. было вновь подтверждено данное правило [662, л. 2].

Сенатором Нейнгардтом в 1910 г. при ревизии учреждений Привислинского края был обнаружен факт упорного уклонения римско-католических священников Царства Польского от употребления государственного языка в официальной переписке. Местные губернаторы заверили правительство, что ксендзы употребляют в переписке с государственными учреждениями лишь русский язык, во всех остальных случаях с целью проверки требовалось проведение масштабных обысков и выемок. Но и без этого было видно, что большинство костелов не только этой территории, но и так называемого Северо-Западного края не имело печатей на русском языке, обходясь по старинке старыми печатями с латинским шрифтом. Таким образом не исполнялся и указ Римско-Католической Духовной Коллегии от 20 сентября 1871 г. о замене печатей [662, л. 8, 11; 456, с. 140].

М.Н. Муравьев своими циркулярами от 3 сентября 1863 г., 12 февраля 1864 г. и 15 марта 1865 г. приказал подначаленным губернаторам, чтобы на территории своих губерний запретили употребление польского языка [409, с. 170]. 7 марта 1866 г. П. Кауфман распорядился о запрещении разговаривать по-польски в публичных местах. За одно только польское слово наказывали штрафом в 25-30 рублей [409, с. 170].

Источник – Дело о положении русского языка в костелах Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 274. – Л. 221–222.

Таблица 13 – Распределение римско-католического духовенства Гродненской губернии по родному языку (по состоянию на 1897 г.)

Название местности	белоруссы	поляки	литовцы	немцы	прочие	
Гродненский уезд	8	17	2	–	–	
г. Гродно	–	17	–	2	–	
Брестский уезд	1	5	–	–	–	
г. Брест	–	4	–	–	–	
Белостокский уезд	5	26	1	–	–	
г. Белосток	–	4	–	3	1	
Бельский уезд	1	34	–	–	–	
г. Бельск	–	4	–	–	–	
Волковыский уезд	4	9	–	–	–	
г. Волковыск	–	–	1	–	–	
Кобринский уезд	7	2	–	–	–	
г. Кобрин	–	2	–	–	–	
Пружанский уезд	–	6	1	–	–	
г. Пружаны	–	2	–	–	–	
Слонимский уезд	2	4	1	–	1	
г. Слоним	1	2	–	–	–	
Сокольский уезд	4	5	–	–	–	
г. Соколка	–	2	1	–	–	
Всего	в уездах	32	108	5	–	1
	в городах	6	62	2	6	1
	в губ-нии	38	170	7	6	2

Бобруйский декан и настоятель Бобруйского костела Олехнович	500	100
Борисовский декан и настоятель Борисовского костела Лукашевич	487	113
и. д. Игуменского декана и настоятель Березинского костела Войчинский	400	200
Слуцкий декан и настоятель Слуцкого костела Вроченский	500	100
настоятель Игуменского костела Бертович	230	370
настоятель Узденского костела Кушелевский	275	325
настоятель Копыльского костела Герочинский	то же	то же
викарный Минского Мариинского костела Гавронский	«»	300
Органисты		
Минский св. Троицкий костел – Иосиф Окулич и Михаил Кадельский	275	180
Березинский костел – Иван Юдицкий и Владислав Невечровский	то же	то же
Хоромецкий костел – Александр Шило	«»	«»
Глуский костел – Иосиф Туниповский	«»	«»
Блонский костел – Франц Рохынпо	«»	«»
Борисовски костел – Валентин Серпович	«»	«»
Докшицкий костел – Антон Мацкевич	«»	«»
Логойский костел – Иван Невяровский	«»	«»
Давид-Городокский костел – Фома Барановский	«»	«»
Кейдановский костел – Владислав Богданкевич	«»	«»
Игуменский костел – Ксаверий Невядовский	«»	«»
Узденский костел – Векентий Цимович	«»	«»
Зенбинский костел – Александр Головня	«»	«»
Околовский костел – Илья-Александр Рымша	«»	«»
часовня Минского благотворительного общества – Иосиф Крышполович	«»	«»

Следует заметить, что на территории Северо-Западных губерний Российской империи имели хождение в большом количестве польские молитвенники, а также книги религиозного содержания «Historia Kościoła Świętego», «Niebiańskie pismo Matki Bożej», в которых с обещанием Божьей помощи и скорого освобождения содержался призыв к сопротивлению действиям правительства [166, л. 1; 173, л. 5]. Ниже приведено одно из песнопений, которое часто можно было слышать в это время:

Pieśń do Matki Boskiej

*W innych narodach, których wolność świeci,
Obudź współczucie nad nieszczęsnym ludem,
O Matko! Matko! Wysłuchaj Twe dzieci,
Wskrześ nam Ojczyznę, jakimkolwiek cudem.*

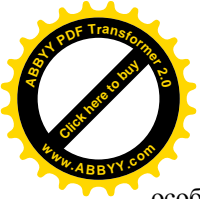
*Twojej litosci blagamy ze tzami,
O Matko nasza, ujmij się za nami!*

*Tyś w Częstochowie, święta nasza Pani,
Broniła lud Twój od potęgi Szweda.
Dziś gdy nas gnębą moskiewscy tyrani
Niechże Twe ramię upaść Polsce nieda.*

*Twojej litosci blagamy ze tzami,
O Matko nasza, ujmij się za nami [237, л. 8]!*

И это все не взирая на запретительные меры от 1 января 1864 г., продублированные 6 апреля 1865 г.: распространяющих польские молитвенники или же посещающих костел вместо церкви в первый раз наказывали штрафом 25–50 рублей, удваивая этот штраф во второй раз, а за третий раз за дело брался сам генерал-губернатор – «для дальнейших распоряжений» [218, л. 2–3]. Но эти меры не оказались действенными.

С целью поиска религиозных книг антиправительственной направленности устраивались ревизии типографий [46, л. 14]. 27 июля 1867 г. Виленский генерал-губернатор Баранов издал циркуляр, в котором запрещалось продажа в маленьких магазинах и домах, а равно и разношение с целью продажи, наряду с другими польскими книгами, также римско-католических молитвенников [264, л. 6].

Уже в начале 80-х годах XIX в. в деревнях и местечках, особенно в Гродненской и Виленской губерниях не только при костелах, но даже при православных церквях во время храмовых праздников активно производилась продажа молитвенников на польском языке, а также разных священных изображений, чествуемых исключительно римско-католическим костелом [810, л. 11]. Положение не изменилось и к началу 90-х годов XIX в. [304, л. 54].

Так в 1880 г. у некоторых крестьян-католиков Гродненской губернии были отобраны изданные в Польше на польском языке следующие брошюры: «Краткое изложение явлений Божьей Матери в Гетвальде», «Явление св. Девы Марии в Гетвальде, из местных достоверных источников» А. Самуловского, «Чудесное обращение двух ссыльных пьяниц» Л. Яницкого. В конце этих книжек приведена была песнь к Божьей Матери с объяснением, что она поется на голос революционного гимна, петога на площадях в 1862–1863 гг. (текст песни см. приложение). Кроме того, были отобраны «Собрание молитв для членов Апостольства Сердце Иисуса Христа» Мыцельского, «Новый гимн Божьей Матери» А. Лыха [237, л. 8].

В 1881 г. генерал-губернатором было обращено внимание, что в городах и местечках Северо-Западного края польская книжная торговля, в большинстве своем религиозного содержания, в последнее время приняла широкие размеры. Лишь в одной только в Витебской губернии ничего подобного зафиксировано не было [221, л. 1–2].

Настоятеля Люцинского костела Витебской губернии ксендза Керзновского за тайное распространение польских книг, не дозволенных цензурой, в 1871 г. сослали во внутреннюю губернию Российской империи [294, л. 7].

В 1886 г. было засвидетельствовано, что в деревнях и местечках Ковенской, Гродненской и Виленской губерний даже при православных церквях во время храмовых праздников публично велась продажа польскоязычных молитвенников и других книг религиозного содержания, а также разных священных изображений, чествуемых исключительно римско-католическим костелом [810, л. 11; 812, л. 54]. Министр внутренних дел признал необходимым 4 ноября 1894 г. заключить настоятеля Жосельского костела Виленской губернии Викентия Живоронка в Гродненский францисканский монастырь на полтора года за то, что он, несмотря на объявленное ему распоряжение генерал-губернатора о том, что изданная им книжка «Kantuczki stare i nowe» воспрещена к обращению в крае и за ее распространение наложен штраф, скрыл это издание с целью тайного распространения,

§ 8.

Визитатор разрешает споры и недоразумения, могущие возникнуть между настоятелями, их викарными или органистами.

§ 9.

Визитатор может ходатайствовать у г. губернатора о разрешении совершать в приходах, где в дополнительном богослужении и проповедях употребляется русский язык, крестные ходы вокруг костела.

§ 10.

Визитатор может ходатайствовать о наградах и пособиях духовным лицам своего визитаторства, отличившимся рвением к делу о введении русского языка в дополнительное богослужение и проповеди, и представляет об удалении или перемещении ксендзов, несочувствующих или противодействующих этой мере.

§ 11.

При объездах, визитатора должен сопровождать местный декан и настоятель костела обязан встречать его с подобающим почетом, соображаясь с постановлениями римско-католической церкви (Rituale Sacrameutum)

§ 13.

Визитатор наблюдает, дабы настоятели костелов, где введен русский язык, имели необходимые для богослужения и треб на русском языке книги.

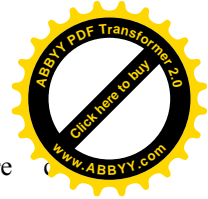
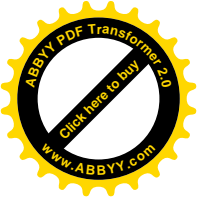
§ 12.

Визитатор обязывает настоятелей иметь особую шнуровую, за его подписью и печатью, книгу, в которую он вносит свои замечания.

Источник – Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6759. – Л. 2–3.

Таблица 12 – Список римско-католических священников и органистов, которые вели «дополнительное» богослужение на русском языке (по состоянию на 1887 г.)

Название, должность священников и органистов	Размер получаемого содержания (руб.)	Размер добавочного содержания (руб.)
декан г. Минска и настоятель Свято-Троицкого костела Макаревич	400	200

Инструкция визитаторам костелов Минской губернии

§ 1.

Визитатор обязан не менее двух раз в год объезжать костелы и каплицы входящих в состав его визитаторства уездов, при чем он должен производить подробную каноническую ревизию, проверять церковные суммы и имущество и обращать особенное внимание на дело употребления русского языка в дополнительном богослужении и проповеди, наблюдая, дабы этот порядок был неуклонно поддерживаем там, где он уже введен и содействуя к введению оного в других костелах своего визитаторства.

О выезде своем на ревизию визитатор каждый раз уведомляет местного губернатора.

§ 2.

При объезде своего визитаторства, визитатор совершает в костелах богослужение (дополнительное) на русском языке, и в костелах, где таковой еще не введен, представляет свое мнение епархиальному и гражданскому начальству о введении в оном русского языка в дополнительном богослужении и проповеди.

§ 3.

Визитатор обращает, при своем объезде, особенное внимание на органистов, которые определены к костелам из Минского училища органистов, при чем, в случае справедливых жалоб их на притеснения, оказывает им надлежащее удовлетворение и покровительство.

§ 4.

Визитатор имеет строгий надзор за нравственностью и благонадежностью ксендзов своего визитаторства.

§ 5.

В видах влияния на нравственность приходского духовенства, визитатор может назначать реколекции или духовные беседы, согласно каноническому праву.

§ 6.

Визитатор обращает внимание на внешний и внутренний вид костелов, особенно тех, где введен в употребление русский язык, и, в случае надобности, ходатайствует об отпуске денег на починку.

§ 7.

По окончании каждой ревизии подведомственных ему приходов, визитатор представляет об этом подробный отчет епархиальному начальству, доставляя копию с отчета губернатору.

отказавшись представить по требованию полиции вместе с разрешительным билетом Варшавской цензуры [150, л. 1].

Все же предпринятые правительством Российской империи меры в отношении польского языка оказались тщетны. В нач. ХХ в. миссионер Ю. Жискар отметил, что римско-католическое население по всей Беларуси активно брало молитвенники, а также другие книги религиозного содержания на польском языке, признавая это настоящим сокровищем, на которое не жалко денег [1124, с. 45].

Уменьшению численного состава римско-католиков призвано было служить и ограничительное законодательство по земельному вопросу для лиц римско-католического вероисповедания. Даже согласно самому лояльному в отношении покупки р.-к. крестьянами земли высочайше утвержденному положению 14 июня 1868 г. разрешено было местным крестьянам-католикам (никак не мешанам, купцам или дворянам польского происхождения, которым на основании высочайшего повеления 10 декабря 1865 г. было запрещено приобретать поземельную собственность всяким иным путем, кроме наследства по закону) приобретать поземельную собственность в Северо-Западном крае, а равно и пользоваться льготами по высочайше утвержденному положению Западного Комитета от 5 марта 1864 г. лишь по особо выданному главным начальником края свидетельству, по удостоверении гражданских губернаторов в политической благонадежности крестьян (специально заполняемую форму по такому делу см. приложение К) [117, с. 597–598].

За несколько десятилетий пребывания в Российской империи римско-католическое духовенство лишилось многих своих прав: могло подвергаться арестам по решению светских властей, заключаться в тюрьму или монастырь под надзор полиции, подвергаться ссылке и так далее. Расходы жандармерии на этапирование ссыльных ксендзов возмещала Римско-Католическая Духовная Коллегия из процентов от вспомогательного капитала римско-католического духовенства [157, л. 21].

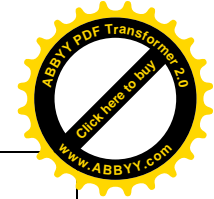
В 1869 г. в Гродненском францисканском монастыре находилось 8 представителей белого духовенства, 9 францисканцев, 3 доминиканина, 3 мариан, 2 бернардинца, 1 пияр, 1 бонифратер, отправленных сюда за разного рода провинности перед правительством [207, л. 160]. 20 ноября 1885 г. настоятеля Поставского костела Дисненского уезда ксендза Станислава Высоцкого заключили на один год в Гродненский монастырь [160, л. 1]. 23 февраля 1886 г. настоятеля Моссарского костела Дисненского уезда ксендза Болеслава Куликовского заточили на один год в Гродненский монастырь [159, л.

]. 10 февраля 1887 г. поместили в монастырь настоятеля Радуньского костела Лидского уезда ксендза Викентия Живоронко за «антирусское направление» [154, л. 1]. Ксендз Жвильовский, настоятель Дудского костела Ошмянского уезда, «за крайнюю нетерпимость ко всему русскому и православной вере» был заключен в Гродненский францисканский монастырь в 1889 г. и повторно на 8 месяцев в 1897 г. – за то же самое [151, л. 14].

11 марта 1877 г. по высочайшему повелению «О порядке заключения в монастыри порочных ксендзов» римско-католическое духовенство, опорочившее себя поступками, «противному духовному их сану или распоряжениям правительства», заключалось в монастырь, каждый в своей епархии. За неимением таковых, духовные лица помещались в монастыри других епархий по усмотрению министерства внутренних дел. Ксендзы, заключенные в монастырь за противоправительственные проступки, не допускались к совершению духовных треб и отправлению публичного богослужения. Требуемое же каноническими правилами римско-католического костела от каждого священника служения для себя «тихой» мессы, то есть без пения и органов, не запрещалось, причем присутствие при такой литургии молящейся публики не давало такой мессе характера публичного богослужения [812, л. 26]. Заключенные ксендзы находились под контролем монастырского начальства и местной полиции, с воспрещением им всяких отлучек из обители. На настоятеля монастыря возлагалась обязанность тщательно рассматривать всю корреспонденцию, а сведения, полученные из нее, докладывать местному уездному начальнику, а тот – губернатору. Свидание заключенных с кем-либо могло происходить только в присутствии настоятеля или его помощника с записью в особую книгу с обозначением, с каким ксендзом и для какой цели эти лица имели свидание. На содержание отпускалось по 50 коп. на каждого в сутки. По истечении срока заключения ксендзы могли быть отпущены только с разрешения министерства [137, л. 88].

По предложению министерства внутренних дел от 2 февраля 1886 г. за №573, для своевременного освобождения из монастырей заключенных «порочных» священников решено было за три недели до окончания срока заключения в монастырь священника доносить о поведении последнего за время пребывания в монастыре римско-католической духовной консистории через настоятеля монастыря и прихода. Естественно, что настоятели давали лучшие характеристики осужденным ксендзам. Поэтому местные власти больше руководствовались характеристиками полиции [197, л. 28]. Особенно в

		степень благонадежности не известна
		органист: дворянин Адам Карповский, в приходе с малолетства, в должности с 1874 г.

Источник – Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3113. – Л. 56–70.

Клятвенное обещание органистов, окончивших Минское училище

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловейшему Великому Государю Императору Александру Николаевичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Великому князю Александру Александровичу верно и не лицемерно служить и во всем повиноваться, не изводя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству принадлежащие права и обязанности и впредь узаконенные по крайнему разумению, сил и возможности предостерегать и оборонять. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не только благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать. Всякую же вверенную тайну крепко хранить буду и поверенный и положенный на мне чин надлежащим образом исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благоприятно есть и надлежит.

В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Источник – Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5979. – Л. 6.

		приходе. органист крестьянин Людвиг Кулеша, в приходе с малолетства, в должности с 1875 г.
Петриковский костел	русский	настоятель не имеется и нет органиста
Копаткевичский костел	русский	то же
Давид-Городокский костел	польский	настоятель Юлиан Вержейский, в 1826 г. посвящен в должность, с 1868 г. находится в приходе, степень благонадежности не известна органист мещанин Фома Барановский, в приходе и в должности с 1868 г.
Речицкий уезд Речицкий костел	польский	настоятель не имеется и нет органиста
Слуцкий уезд Слуцкий костел	русский	настоятель Людвиг Кулаковский, в 1855 г. посвящен в должность, с 1874 г. находится в приходе, степень благонадежности не известна органист крестьянин Казимир Шалик, в приходе с малолетства, в должности с 1856 г.
Несвижский костел	русский	настоятель Виктор Вроченский, в 1852 г. посвящен в должность, с 1873 г. находится в приходе, степень благонадежности не известна органист крестьянин Иван Гладкий, в приходе и в должности с 1875 г.
Копыльский костел	русский	настоятель: Феликс Моравский, в 1830 г. посвящен в должность, с 1872 г. находится в приходе,

этом отношении был уличен гражданской властью настоятеля Гродненского францисканского монастыря ксендз Стецкевич. Кроме того, в 1883 г. Стецкевич был оштрафован на 50 руб. за прочтение высочайшего манифеста о священном короновании императора в крайне неуместной обстановке [243, л. 17]. В 1887 г. серьезно обсуждался вопрос о его удалении из монастыря, но не нашли ни одного францисканца [261, л. 1]. Настоятель Гродненского францисканского монастыря ксендз Петр Стецкевич 1835 года рождения, уроженец Гродненской губернии, поступил в монастырь еще в 1870 г. по причине отказа в причащении тех католиков, которые не знали молитв и не умели их читать по-польски [748, л. 61].

В Гродненском францисканском монастыре со времени помещения туда заключенных ксендзов значительно усилился наплыв богомольцев, число которых к 1886 г. дошло до 5 000. Так 12 и 13 июня 1886 г. исповедалось и причащалось 1 500 человек, вследствие чего четыре ксендза едва успевали совершать требы (что им категорически запрещалось), а именно: настоятель монастыря Стецкевич, монах Войткевич, Лидский декан Сташевич, срок которого уже был окончен 28 мая, и присланный Виленской римско-католической консисторией на эпитимию ксендз Бородич. Особо боялись власти того, что поскольку монастырь находился вблизи от Сувалковской губернии, то сюда могли являться бывшие униаты, принявшие православие, учиняя таким образом вероотступничество [243, л. 14].

Сам факт заключения, а точнее говоря, помещения в монастырь служил поводом в дальнейших отказах правительства в службе.

В сентябре 1905 г. по ходатайству Виленского римско-католического епископа барона фон-Роппа безместного римско-католического священника Феодосия Жилинского и настоятеля Туроснянского римско-католического прихода Белостокского уезда Иоанна Домашевича заключили в Гродненский францисканский монастырь сроком на 1 год. Вина Ф. Жилинского состояла в чрезмерном пьянстве и совершении других безнравственных поступков, ронявших в глазах населения престиж духовного сана. В отношении ксендза И. Домашевича применили карательную меру как наказание за совершенную им подчистку актов, при помощи которых он получил в 1903 г. звание прелата. Но И. Домашевичу удалось избежать наказания, иммигрировав 17 октября 1905 г. за границу. Ф. Жилинский же самовольно несколько раз покидал стены монастыря. Позже выяснилось, что он страдал нервной слабостью, по причине

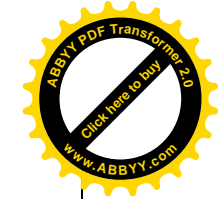
которой 14 марта 1906 г. был помещен в больницу г. Вильно за свой счет [522, л. 1, 3, 8, 11].

16 июля 1908 г. директор народных училищ Гродненской губернии просил Гродненского губернатора разрешения принять викарного ксендза Гродненского францисканского костела Ф. Жилинского на должность законоучителя римско-католического исповедания Каменского народного училища Сокольского уезда. Но по причине вышеуказанных обстоятельств, назначение не было осуществлено [522, л. 23].

В октябре 1908 г. Ф. Жилинский служил уже викарным Волковысского костела. Местным уездным исправником характеризовался хорошим человеком, непредосудительной нравственности, политически благонадежным. 17 ноября 1908 г. директор народных училищ Гродненской губернии В. Тиминский снова запросил разрешение принять Ф. Жилинского на должность законоучителя римско-католического вероисповедания в Волковысское мужское и женское приходские училища, по причине перемещения ксендза А. Гедговда на службу в Виленскую губернию. 27 ноября вновь поступил отказ по той же причине [522, л. 26, 28–29].

16 января 1909 г. Ф. Жилинский был переведен на должность викарного к Домбровскому костелу Сокольского уезда, а 21 января 1913 г. назначен мансионером Гродненского францисканского монастыря. Ф. Жилинскому на протяжении всего этого времени не удалось избавиться от болезни. В феврале 1914 г. министр внутренних дел по ходатайству Виленского римско-католического епископа разрешил мансионеру Ф. Жилинскому на шесть месяцев уехать для лечения за границу [522, л. 30–31, 33].

Ни один священник без официального разрешения не мог выехать из своего прихода (в том числе для того, чтобы помочь в другом приходе во время исповеди) [364, с. 127]. Вопрос об ограничении свободного передвижения римско-католического духовенства имел давнюю историю. В конце 20-х гг. XIX в. участились случаи отлучения римско-католических монахов в Царство Польское для получения секуляризации, минуя распоряжения по этому поводу своего епархиального руководства. Виленский епископ Клонгевич обратился за помощью к цесаревичу-императору, который предписал 19 декабря 1828 г. всем начальникам губерний не выдавать никому из духовных лиц римско-католического исповедания паспортов и других документов на следование в Царство Польское без согласия епархиального епископа. Тех, кто вернулся из Царства Польского и кто просрочил выданные им паспорта или, отправляясь туда монахами,

	июня 1863 г. администратор Яновского костела Онуфрий Чайковский, с 7 марта 1867 г. викарный Корицинского костела Константин Маевский, с 19 августа 1872 г. викарный Суховольского костела Антоний Мерковской, с 10 июля 1870 г.
--	--

Примечание – Сведения извлечены из документа, датированного 1873 г.

Источник – Переписка с полицейскими учреждениями о составлении списков ксендзов и монахов, состоявших на должности и не имевших постоянных мест службы // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 642. – Л. 4–21.

Таблица 11 – Принятие русского языка в некоторых костелах 2-го визитаторства Минской губернии (по состоянию на 1876 г.)

Название уезда и костела	Язык совершения «дополн.-го» богослужения	Имена и фамилии настоятелей, викарных и органистов
Мозырский уезд Мозырский костел	русский	настоятель Александр Янковский, в 1863 г. посвящен в должность, с 1870 г. находится в приходе, степень благонадежности не известна. викарный Фодей Борковский, с 1841 г. в должности, с 1842 г. в приходе викарный Иосиф Шимкевич, с 1860 г. в должности, с 1875 г. в

капеллан Слонимского костела монахинь Бернардинок Барнабо Блашевич, с 21 декабря 1864 г.

законоучитель Слонимского уездного училища Игнатий Татур, с 1833 г.

Сокольский уезд

Сокольский декан и администратор Домбровского костела Яков Высоцкий, с 3 июля 1850 г.

викарный Домбровского костела Франц Буткевич, с 16 апреля 1872 г.

администратор Сидранского костела Иосиф Могль, с 9 января 1864 г.

администратор новодворского костела Раймонт Заремба, с 14 мая 1871 г.

администратор Козищенского костела Генрих Володкевич, см 3 марта 1864 г.

администратор Залесянского костела Фома Семенович, с 26 июня 1870 г.

администратор Суховольского костела Антоний Шерковский, с 6 октября 1870 г.

администратор Кундинского костела Владислав Клуша, с 14 сентября 1865 г.

администратор Кузницкого костела Антон Малевский, с 10 сентября 1865 г.

администратор Одельского костела Игнатий Яворовский, с 11 июня 1872 г.

администратор Соколовского костела Иосиф Куликовский с 9 ноября 1869 г.

викарный того же костела Антоний Буйно, с 19 августа 1872 г.

администратор Соколянского костела Яков Верецинский, с 11

возвращался в виде белого духовенства, немедленно отправлялись под присмотром к епископу той римско-католической епархии, к которой они принадлежали, для дальнейшего с ними поступления [523, л. 8].

За период 1821–1829 гг. отлучилось тайным образом в Царство Польское только из одной Виленской епархии 110 монахов и 16, принявших обеты, клириков – всего 126 человек. Из них 44 получили секуляризацию в Царстве Польском: посредством духовной власти августовской римско-католической епархии. Из этого числа только 15 возвратились обратно, получив назначение в приходы викарными [523, л. 10].

27 марта 1829 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета Российской империи о запрещении поступления в римско-католическое монашество людей незрелого возраста, зорного поведения, несвободного состояния и беспаспортных. Но это правило больше относилось к вновь вступающим в монашеское звание, нежели к тем, кто, прежде приняв последнее по легкомыслию или минутному заявлению и произнеся в незрелых годах вечные обеты нищеты, целомудрия и послушания, почувствовал всю тягость иноческой жизни и мог находить облегчение единственно в освобождении от монашеского звания. Поскольку такая секуляризация могла быть ими получена только в Царстве Польском, и несмотря на сделанное запрещение принимать самовольно отлучающихся из России духовных, они, как видно из статистических сведений за 1821–1829 гг., имели свободный туда вход и прием. Для прекращения беспорядков потребовали от Польского министерства принятия действенных мер, то есть чтобы не только не впускались в Царство Польское монашествующие без паспортов и разрешения российского правительства, но чтобы таковым, как и прибывшим туда с позволения правительства духовным, не разрешалось получить секуляризацию. Тех же монахов, которые получили к этому времени секуляризацию и возвратились обратно, решено было оставить при прежнем назначении при условии одобренных свидетельств епархиального начальства. Остальных невозвратившихся решено было оставить в Царстве Польском, на рассмотрение местного епархиального руководства [523, л. 11].

В 1831 г. Виленский военный губернатор выступил с ходатайством перед МВД о запрещении самовольных отлучек представителей не православного духовенства западных губерний от своих приходов и монастырей (непосредственно же инициатива исходила от Гродненского гражданского губернатора действительного

татского советника М.Н. Муравьева). 10 декабря 1831 г. император утвердил следующие положения:

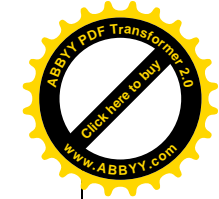
1) на белое римско-католическое духовенство распространялось мартовское запрещение переезжать из одной губернии в другую без разрешения епархиального руководства и получения паспорта от местного губернского начальства;

2) руководители римско-католических епархий должны были выдавать подобные разрешения лишь в крайних необходимых случаях; даже при перемещении духовного лица в пределах уезда требовалось получение письменного вида от своего декана; монах, посылаемый для сбора подаваний, обязан был получить два разрешения: от духовного и гражданского руководства;

3) исключением являлись случаи посылки епархиальным руководством духовных лиц, которые могли следовать в разные уезды по одному и тому же предписанию, для следствий, осмотра костелов и др. надобностей [524, л. 8].

16 декабря 1839 г. император Российской империи подтвердил к исполнению через Римско-католическую Духовную Коллегию и местных гражданских губернаторов в Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской, Гродненской губерниях и Белостокской области указ Правительствующего Сената от 16 июля 1819 г. Указ не допускал строительство церквей римско-католического исповедания в тех местах, где приходилось на 1 священника от 100 до 150 дворов, на 2 священника от 200 до 250 дворов, на 3 священника – до 300 дворов, полагая на каждый двор по 4 души прихожан. Расчет делался исходя из положения господствовавшей православной церкви: на основании указа 1795 г. приход, имеющий одного священника, должен заключать в себя не менее 400 душ.

Император подтвердил также высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 8 октября 1831 г., которым было постановлено, чтобы к самовольно построенным церквям и часовням римско-католическое епархиальное начальство не определяло особых священников и не позволяло безместным духовным лицам иметь там постоянное пребывание и отправлять богослужение. Подобные часовни считались приписными к приходским костелам, и один лишь настоятель или заступающий, в случае болезни и увольнения, мог время от времени приезжать для отправления в них богослужения. Римско-католическая Духовная Коллегия обязывалась назначать время в году, в которое настоятель мог приезжать для богослужения в приписном костеле.

заштатный ксендз Генрих Гистовский, с 18 июня 1866 г.

Пружанский уезд

Пружанский декан и администратор Пружанского костела Антоний Годзинский, с 1865 г.

администратор Шерешевского костела Серванд Болтуц, с 1869 г.

настоятель Сегневицкого костела Михаил Спечицкий, с 1839 г.

администратор Кивачицкого костела Станислав Якукиевич, с 1869 г.

Слонимский уезд

Слонимский декан и настоятель Дятловского прихода Иоанн Заленский, с 1855 г.

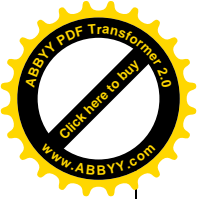
викарный Дятловского костела Антоний Богданович, с 1867 г.

администратор Дворецкого костела Карл Сорочинский, с 1869 г.

администратор Косовского костела Иоанн Неверовский, с 14 декабря 1871 г.

настоятель Ружанского костела Станислав Михальский, с 30 ноября 1871 г.

настоятель Слонимского костела Викентий Гриневич, с 1878 г.

администратор Мостовского костела Антоний Политовский, с 1863 г.

филианист Микелевщизненского костела Венедикт Соросько, с 1862 г.

администратор Каменского костела Игнатий Трацевский, с 1855 г.

администратор Кринского костела Лаврентий Жураковский, с 1867 г.

временно командированный в Кринский костел Франциск Езерский, с 1871 г.

администратор Квасовского костела Антоний Эйсмонт, с 1866 г.

администратор Лунненского костела Юлиан Ольшевский, с 1858 г.

администратор Волпянского костела Ксаверий Шабский, с 1869 г.

Кобринский уезд

Кобринский декан Матвей Бридовтс, с 7 июня 1870 г.

викарный Кобринского костела Франциск Заремба, с 2 июля 1870 г.

настоятель Ивановского костела Александр Гедойц, с 16 октября 1866 г.

Вслед за этим документом последовали высочайшие указы от 10 июня 1830 г. и 11 июля 1836 г., которыми запрещалось римско-католическим монастырям, равно как и белому римско-католическому духовенству, держать в услужении своем людей православного исповедания.

Было одобрено также высочайшее повеление 1831 г., предписывающее римско-католическому как монашествующему, так и белому духовенству не отлучаться никуда от своих мест иначе как с условиями: чтобы отправляющиеся в свой уезд имели на то письменный вид от своего декана, а монахи и от местного гражданского начальства; чтобы отправляющиеся в иной уезд имели для этого разрешение епархиального и вид местного гражданского начальства (исключая лиц, посылаемых для следствий, осмотра церквей и т.п., которым достаточно было иметь предписание своего духовного руководства) [267, л. 1–2].

16 декабря 1839 г. император повелел, чтобы руководством римско-католических епархий по особым формам были собраны сведения обо всех приходах: как называется, сколько при нем священников, какие именно приписаны к нему филиальные костелы и часовни, в какое именно время разрешено совершение в них богослужения, из каких частей деревень, селений он состоит, и сколько верующих данного исповедания насчитывается в приходе. Ведомости должны были доставляться в Римско-католическую Духовную Коллегию в двух экземплярах: один оставался в Коллегии, другой доставлялся в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Местное гражданское руководство, имея подобные сведения, могло отслеживать исполнение духовных треб народу духовенством в ненадлежащем его ведомству приходе и служение в филиальных костелах и часовнях в дни, сверх назначенные Римско-католической Духовной Коллегией.

Приходских священников римско-католического исповедания обязали не принимать к себе на исповедь людей других приходов (подобное разрешалось только православной церкви), кроме лишь случаев тяжелой болезни или долговременного пребывания в приходе людей издалека. Эти случаи вносились в исповедные расписки с указанием, к какому именно приходу принадлежит исповедывающееся лицо. Ответственность за соблюдение правил возлагалась на деканов и благочинных.

Гражданское руководство обязано было иметь под рукой сведения о празднуемых в каждом римско-католическом монастыре или приходе «фестах» или «прощениях», чтобы при значительном

собрании народа можно было своевременно не допускать отступничества от православия и привлечения его к римско-католической вере. Ответственность «за всякое враждебное для православия действие» при подобных празднествах возлагалась на приходских священников и настоятелей монастырей.

Помещики, арендаторы, экононы и управляющие имениями обязаны были следить, чтобы служившие им православные во все воскресные и праздничные дни ходили к богослужению в православные церкви, а в великий пост исповедовались и причащались св. Тайн и для приготовления к таковому таинству увольнять как их, так и всех крестьян от работ без зачета в продолжение недели. Контроль за соблюдением возлагался на местных губернаторов [267, л. 7–9].

Полиция и жандармерия следили за содержанием проповедей, которые подлежали обязательной цензуре (позволялось также в качестве проповеди читать тексты из религиозных книг, дозволенных цензорами). Министерство внутренних дел в октябре 1832 г. возложило на Римско-Католическую Духовную Коллегию обязанность следить за тем, чтобы в публично произносимых проповедях как в приходских церквях, так и в монастырских, не было политических высказываний, двусмысленных или иносказательных выражений. В проповедях должно было содержаться лишь чистое христианское учение. На местах подобную цензурную функцию выполняли епархиальное руководство, деканы, а также некоторые священники, не имевшие подобного звания, но заслужившие репутацию благонадежных, – по причине отдаленности декана [525, л. 4].

Светской администрацией и православным духовенством регламентировались действия относительно римско-католических храмов. На основании высочайшего повеления от 6 января 1862 г. прежний порядок разрешения постройки иноверных церквей был изменен. Теперь для начала строительства было признано достаточным разрешение одного гражданского начальства и министерства внутренних дел, без обращения к православному епархиальному руководству.

Как следствие, в Северо-Западном крае участились случаи ходатайства о дозволении строительства костелов и часовен. Учитывая эти обстоятельства, министерство внутренних дел 6 мая 1862 г. предписало местным губернаторам при рассмотрении поступающих просьб о постройке костелов и часовен в тех местностях, где их прежде не было, руководствоваться действительной необходимостью для жителей, оправдываемой дальним расстоянием от существовавших

Бронислав Заустинский, с 1 августа 1871 г.

капеллан по-Бригидского женского монастыря Ян Гриневицкий, с 1 января 1872 г.

причисленный к тому же костелу Каспер Контрим, с 14 января 1866 г.

и. о. настоятеля францисканского монастыря Петр Стецкевич, с 14 августа 1870 г.

11 монахов францисканского монастыря

4 представителя белого духовенства, по старости лет находящегося на довольствии

Гродненский уезд

настоятель Индурского костела Генрих Корчак, с 1852 г.

филианист Уснарского костела Иосиф Сороко, с 1870 г.

администратор Озерского костела Станислав Дряквинский, с 1860 г.

администратор Велико-Эйсмонтовского костела Игнатий Пончанский, с 1867 г.

капеллан Котранской каплицы Иосиф Маевский, с 1867 г.

филианист Краснинского костела Венедикр Здитовецкий, с 1859 г.

администратор Гожского костела Станислав Поверяса, с 1863 г.

викарный Волковысского костела Мартин Голковский, с 19 мая 1872 г.

настоятель Метибовского костела Семен Маттель, с 15 декабря 1843 г.

Белостокский архидиакон, Гродненский декан, настоятель фарного костела каноник Александр Копцегевич, с 12 сентября 1870 г.

викарный Фарного костела Феликс Гиттер, с 1 апреля 1872 г.

прелат и настоятель по-бернардинского костела Андрей Боублевский, с 1 июля 1872 г.; в сане с 1840 г.

законоучитель гимназии

1864 г.

администратор Реплянского костела Ксаверий Сенкевич, с 29 февраля 1871 г.

настоятель Шиловечского костела Адольф Каменский, с 28 марта 1858 г.

администратор Гнезьянского костела Александр Шарский, с 31 октября 1870 г.

администратор Песковского костела Станислав Богданович, с 24 февраля 1871 г.

администратор Струбницкого костела Сигизмунд Лавринович, с 20 апреля 1868 г.

администратор Кремяницкого костела Павел Уорский, с 24 июля 1867 г.

г. Гродно

причисленный к фарному костелу Казимир Кучевский, с 17 июня 1872 г.

причисленный к фарному костелу Владислав Кмоковский, с 30 июля 1870 г.

викарный по-Бернардинского костела Михаил Ордынский, с 10 июня 1872 г.

монсионер того же костела Иосиф Савромович, с 1 января 1870 г.

костелов и часовен, трудностью сообщения с последними, частым разлитием на пути рек или болотистой непроходимой местностью и иными уважительными причинами. Губернаторы обязаны были не допускать вместо запланированного строительства простой часовни более обширного костела, чтобы эти часовни или костелы не служили средством причинения вреда православию, т.е. чтобы православные верующие, в значительном большинстве являвшиеся ранее униатами, не переходили в римско-католическую веру. Без особого разрешения министерства внутренних дел по прежнему было запрещено при вновь построенных часовнях проживание постоянных священников [525, л. 2].

7 декабря 1867 г. в Северо-Западном крае на основании высочайше утвержденного решения комитета министров было учреждено церковно-строительное присутствие (см. приложение Г). В Гродненской губернии оно приступило к работе в январе 1868 г., продолжив церковно-строительные работы по возведению и ремонту тех православных храмов, которые ранее были начаты упраздненными временными церковно-строительными комитетами. Присутствие одновременно приступило к разработке проекта общей сметы запланированных в губернии самостоятельных приходских православных церквей и составлению технических данных на постройку новых храмов. Кроме этого, присутствие вело все дела по обеспечению православных сельских причтов постройками и земельными наделами. За время 22-летнего существования в Гродненской губернии этого учереждения было построено 97 новых церквей и отремонтировано 63 церкви на средства казны, соответственно на суммы 781 181 руб. 794 коп. и 203 031 руб. 45 коп. На средства частных лиц, под наблюдением присутствия, было воздвигнуто 44 новых и отремонтировано 211 церквей, что в среднем на каждый год составляло почти 19 построенных и обновленных церквей [387, л. 26].

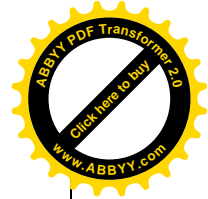
Церковно-строительное дело в 1879 г. в Гродненской губернии было в следующем положении: завершена постройка 1 приходской церкви (деревянная), продолжалось строительство за счет казны 4 (2 деревянные и 2 каменные) и за счет прихожан без пособия от казны 4 деревянные приписные церкви. Кроме того в 1879 г. продолжались работы по переделке здания упраздненного костела в православный храм и было отремонтировано за счет прихожан 6 церквей. На работы эти было израсходовано 14 427 руб. 19 коп. церковно-строительного капитала, и частных пожертвований - 12 126 руб. 83 коп. Сверх этого на ремонт 4 приходских церквей было затрачено частных

пожертвований 5 244 руб. 62 коп. [511, с. 21]. С момента открытия в Гродненской губернии церковно-строительных работ, по состоянию на 1879 г., было построено за счет правительства с участием добровольных пожертвований прихожан новых приходских церквей 70 (6 деревянные, остальные каменные), перестроено 11 упраздненных костелов (из них 1 деревянный), капитально отремонтировано 37 церквей и построена 1 каменная колокольня. Кроме того при незначительном пособии от казны было сооружено на средства прихожан 17 приписных и отремонтировано 35 церквей. На все перечисленные работы потрачено казной было 523 053 руб. 21 коп. Пожертвования прихожан материалом, рабочими, трудом и наличными деньгами достигли суммы 237 097 руб. 70 коп. [511, с. 21]. В 1887 г. министерством внутренних дел на церковно-строительные работы в Гродненской губернии было выделено 9 254 руб. 22 коп. В этом же году велись работы по ремонту 4 существовавших каменных церквей и построек 3 новых каменных и 2 деревянных (окончено 2) [512, с. 23].

Согласно ст. 48 высочайше утвержденных правил от 11 апреля 1872 г. на постройку православных причтовых зданий не менее половины стоимости взыскивалось с местных землевладельцев, чем явно были недовольны последние. В Гродненской губернии со времени утверждения правил и до 1887 г. в 209 православных приходах на причтовые постройки исчислено было 493 554 руб. 90¹/₄ коп. Из этой суммы, согласно ст. 10, ст. 12–14 правил отнесено на помещиков и крестьян собственников 311 735 руб. 39¹/₄ коп., а на казну – 18 189 руб. 51 коп., что в сумме составило 493 554 руб. 90¹/₄ коп. В счет этой суммы министерством внутренних дел одновременно было ассигновано 77 653 руб. 64¹/₂ коп., взыскано с землевладельцев и крестьян собственников 220 592 руб. 96 коп., что в сумме составило 284 187 руб. 20 коп. К 1 января 1888 г. на обеспечение 209 причтов были израсходованы все ассигнования министерства и 106 765 руб. 19¹/₄ коп., т.е. в распоряжении губернского особого присутствия оставалось 99 768 руб. 36¹/₄ коп. неостребованных взысканных с землевладельцев денежных сумм [512, с. 24].

На основании высочайше утвержденного 13 июня 1890 г. мнения Государственного Совета возведение новых и ремонт существовавших в Северо-Западном крае православных церквей было изъято из ведения министерства внутренних дел и возложено на ведомство православного исповедания. В обязанность местных церковно-строительных присутствий вменялось окончание строительства церквей, возведение которых было начато до издания закона [387, л. 40].

администратор Порлиевского костела Сигизмунд Стабровский, с 11 августа 1870 г.

администратор Цехановечского костела Иоанн Вальтут, с 6 октября 1872 г.

причисленный к тому же костелу монсионер инвалид Адриан Фальковский, с 18 ноября 1870 г.

г. Брест

Брестский декан и администратор Брестского костела магистр богословия Санкт-Петербургской духовной академии Ипполит Игнатьевич Гловацкий, с 22 марта 1871 г.

прикрепленный к тому же костелу инвалид Григорий Жейешкевич, с 1866 г.

Брестский уезд

администратор Каменец-Литовского костела Леонард Каминский, с 31 марта 1870 г.

администратор Велико-Литовского костела Эдуард Слободинский, с 1868 г.

Волковысский уезд

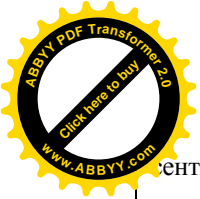
декан Волковысского прихода настоятель Росского костела Виктор Козловский, с 15 декабря 1863 г.; деканом с 18 марта 1871 г.

настоятель Межиречского костела Иоанн Коржезинский, с 22 августа 1853 г.

и. о. администратора Порозовского костела Уркулян Гань, с 15 октября 1871 г.

администратор Волковысского костела Ипполит Маркевич, с 1 мая 1871 г.

настоятель Свислочского костела Владимир Циолкович, с 24 апреля

сентября 1876 г.

администратор Смедянского костела Яков Крошевский, с 29 июня 1860 г.

администратор Иварского костела Дмитрий Маевский, с 16 сентября 1866 г.

и. о. администратора Топчевского костела Феликс Манучиц, с 8 июня 1871 г.

администратор Дроловичинского костела Антоний Милевский, с 19 августа 1870 г.

администратор Винского костела Антоний Ольшевский, с 23 сентября 1866 г.

администратор Рудского костела Адам Пашкевич, с 19 мая 1864 г.

настоятель Лубенского костела Фома подурский, с 16 января 1858 г.

администратор Бельского костела Иоанн Чеславский, с 18 ноября 1870 г.

администратор Острожанского костела Бронислав Струмил, с 23 сентября 1871 г.

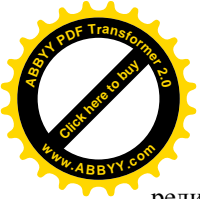
настоятель Вышковского костела Юстин Сцепуржинский, с 20 марта 1844 г.

Церковно-строительное дело в Гродненской губернии, по мнению Гродненского губернатора, представлялось за время передачи его в православное духовное ведомство не столь удовлетворительно: с 1890 г. по уже готовым и соответственно переданным в Литовскую духовную комиссию сметам и планам на 43 церкви, к 1894 г. построено было 5 небольших, преимущественно кладбищенских, церквей, обязанных своим возведением не инициативе местной консистории, а ходатайствам и средствам частных лиц. Заботами духовного ведомства отремонтировано было лишь 3 приходских церкви и 1 приписная, в которой из-за неготовности иконостаса богослужение не проводилось. Самым православным ведомством замедление строительства объяснялось новизной для консисторий этой деятельности [387, л. 29].

Литовская консистория не имела средств на финансирование проектов. Обращение с ходатайством перед Св. Синодом об отпуске по Гродненской губернии суммы в том же размере и на те же церкви, которую запрашивало по состоянию на 1890 г. разрешение у министерства внутренних дел Гродненское губернское церковно-строительное присутствие, не принесло желанного: министерство не ассигновало денег. Запрашиваемая епархиальным начальством на церковное строительство в 1891 г. в Литовской епархии сумма по всем трем губерниям в 350 000 руб. не была отпущена Св. Синодом. Более того, на торги по постройке многих новых православных церквей никто не являлся. Св. Синод не мог также разрешить вопрос о способе производства церковно-строительных построек, так как одного договора-подряда было недостаточно. Отсутствовали деньги на устройство иконостасов (Голынская церковь Островецкий приход), покупку строительных лесов (Гродненский Софийский собор, каменная церковь в с. Булькава Кобринского уезда), на продолжение работ (Горецкая, Ивановская, Зубачская церкви Гродненской губернии, Хабовичская, Рогозненская, Дойлидовская церкви Виленской губернии) [387, л. 48–49].

Из приведенной в приложении таблицы видно, что в Виленской губернии по состоянию на конец 1897 г. находилось православных церквей и монастырей – 220, римско-католических костелов – 143, часовен – 94 и еврейских молитвенных домов и синагог – 320. Так как численность православного населения в Виленской губернии равнялась 402 358 человек, римско-католического – 974 045, иудейского – 241 362 человек, то одно иудейское молитвенное здание приходилось на 754 иудея, 1 православный храм на 1 829 православных, 1 костел на 6 811 католиков.

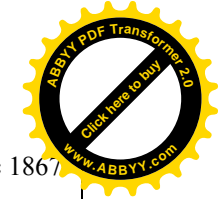
Следовательно, в отношении легкости удовлетворения религиозных нужд, иудеи были поставлены в более благоприятные условия. Что же касается римско-католического населения, то следует заметить, что так как во многих часовнях также совершалось богослужение, то на 1 храм приходилось в действительности гораздо меньше 6 811 человек. В 1897 г. в Виленской губернии были утверждены сметы и проекты на постройку 5 костелов и 8 православных церквей (см. приложение А) [564, с. 91–92].

На епископские должности самодержавие выдвигало людей престарелых, часто немощных, но главное – благонадежных. 24 мая 1906 г. Гродненский губернатор рекомендовал на должность Виленского римско-католического епископа следующих вполне благонадежных лиц: Бресткого декана Павла Станевича, Белостокского декана Вильгельма Шварца, настоятеля Квасовского костела Адольфа Томкевича, настоятеля Озерского костела Николая-Филиппа Томашевича, настоятеля Кринского костела Людвиг Балабана, Бельского декана Антония Панасевича, Кобринского декана Казимира Станкевича, настоятеля Ивановского костела Виктора Эллерта, настоятеля Волковысского костела Игнатия Григаневича [624, л. 17].

После конфискации земельной собственности, произведенной в первой половине XIX в., дополнительным рычагом управления костелом стал размер денежного содержания священнослужителей. Для подчинения духовенства, в зависимости от степени лояльности, власти могли увеличивать или сокращать размер содержания (см. приложение Б). Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, первый отдел которого управлял делами католиков, имел прекрасную службу информирования и слежки, составлял формуляр на каждого священника.

В начале XX века к римско-католическому костелу в Российской империи принадлежало более 10 миллионов человек. После изменений структуры управления костелом они в итоге входили в две архиепархии: Могилевскую (с епархиями: Виленской, Тельшевской или Самогидской, Луцко-Житомирской и Тираспольской) и Варшавскую (с епархиями: Августовской или Сейнской, Калижской, Люблинской, Келецкой, Плоцкой и Сандомирской) [845, с. 37].

В этот период резко увеличилось число запросов римско-католического духовенства к правительству империи с ходатайствами по изменению порядка управления костелом. Все они были направлены в министерство внутренних дел и рассматривались в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Приняты были следующие ходатайства: предоставление епископам разрешающего

костела Иоанн Сломинский, с 1867 г.

администратор Суражского костела Феодосий Гриневицкий, с 1868 г.

викарный Хорищенского костела Адам Писанко, с 1871 г.

викарный Гипиондеского костела Иосиф Венцкович, с 1870 г.

администратор Тертянского костела Иосиф Олшевич, с 1870 г.

викарный того же костела Лев Рипинский, с 1870 г.

администратор Долистовского костела Павел Трончинский, с 1864 г.

Бельский уезд

Бельский декан, настоятель Батьковского костела Станислав Гирульский, с 24 апреля 1863 г.

настоятель Семятичского костела Рох Богушевич, с 18 января 1834 г.

настоятель Граненского костела Антон Верцинский, с 23 ноября 1842 г.

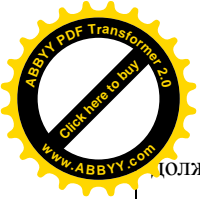
настоятель Побикровского костела Семен Коц, с 14 марта 1856 г.

настоятель Брянского костела Войцех Коциловский, с 23

и. о. администратора Долубовского костела Иоанн Кереновский, с 25 апреля 1872 г.

администратор Страбельского костела Иоанн Платровский, с 31 декабря 1871 г.

викарный Батьковского костела Филициан Шакень, с 18 марта 1872 г.

должности с 12 ноября 1868 г.

Белостокский уезд

настоятель Кнышинского костела Адам Сломинский, с 24 ноября 1853 г.

администратор Хорищанского костела Адольф Кокуть, с 21 сентября 1871 г.

настоятель Гипиондеского костела каноник Иосиф Малышевич, с 1870 г.

администратор Гейчинского костела Доминик Явороский, с 1841 г.

Шварц, в должности с 19 ноября 1870 г.

монсионер Кнышинского костела Виталий Гонсевский, с 3 декабря 1868 г.

монсионер того же костела Андрей Данишевский, с 19 декабря 1869 г.

настоятель Калиновского костела Матвей Бабецкий, с 24 июня 1835 г.

викарный того же костела Сигизмунд Виркша, с 17 апреля 1871 г.

настоятель Ялмовского костела Иван Бибулович, с 27 июня 1835 г.

настоятель Добрушевского костела Григорий Рыбалтовский, с 21 октября 1869 г.

настоятель Невидчицкого костела Антоний Довбор, с 1863 г.

настоятель Заблудовского костела Виктор Яблоновский, с 1850 г.

викарный того же костела Викентий Ельский, с 1871 г.

администратор Юревичского костела Матвей Шапович, с 1869 г.

монсионер того же костела Варфоломей Болевский, с 1845 г.

администратор Туроснянского

права на постройку и починку костелов, устройство кладбищ, сбор пожертвований, постановку крестов и статуй при дорогах, в полях и лесах без сношений с православным ведомством и министерством внутренних дел. Закрепление только за Могилевским митрополитом исключительного права попечительства над римско-католическими духовными заведениями: духовной академией и семинариями. Сюда включалось право рассмотрения программ русских предметов, направление за границу за казенный счет наиболее способных воспитанников, освобождение от контроля со стороны губернаторов документов лиц, которые поступают в римско-католические учебные заведения, право епископам назначать и увольнять семинарское начальство и профессоров без предварительного согласования с гражданской властью с уведомлением ее о каждом увольнении и назначении, принимать в семинарии любое число воспитанников и самим судить об их образовательном цензе, признание за членами педагогического совета (не католиками) лишь возможности пассивного испытания по Закону Божьему и введение римско-католического богословия в вузах. Руководство Департамента духовных дел иностранных исповеданий не вычеркнуло также требований оградить римско-католическое богослужение и духовное образование от чрезмерного применения русского языка [767, с. 145].

12 февраля 1904 г. высочайшим указом Тираспольского римско-католического епископа барону Эдуарду фон Роппу, который, приняв сан, повелено быть Виленским римско-католическим епископом 15 апреля 1904 г., с целью облегчения страданий воинам, участвовавшим в русско-японской войне, циркуляром за № 1929 обратился к духовенству со словами благодарности в поддержку их практических мероприятий: для духовного презрения некоторые священники уже полгода были на поле военных действий, все больше увеличивалось количество ксендзов, желавших отправиться туда. Епископ предложил подведомственному духовенству каждое воскресенье и праздник, после торжественной литургии и молитвы за царствующий дом, вместе с народом читать трижды «Ave Maria» о скорейшем и счастливом конце войны; один раз в месяц, впредь до заключения мира, собирать добровольные пожертвования в пользу раненых и больных воинов и находящихся на театре военных действий священников и выставить в церквях кружки красного креста для сбора пожертвований. В дальнейшем пожертвования передавались епископу для направления по согласованию с министром внутренних дел. «Мы должны желать благоприятного исхода войны и об этом молить Бога Всевышнего, но пока это последует, мы обязаны помогать нести тяжесть войны нашим

зоинам и облегчать их страдания», – резюмировал епископ [608, л. 47]³.

В 1904 г. митрополит Могилевский Георгий Эдвард Иосиф Шембек (1851–1905) вручил министру внутренних дел обширный меморандум, требующий изменений в отношениях между царской властью и римско-католическим костелом (см. приложение М). В меморандуме он представил стеснения, не позволившие костелу нормально функционировать. Среди них важнейшими являлись: запрещение непосредственных контактов со Святейшим Престолом; необоснованные вмешательства в религиозные дела духовной Коллегии – неканонической с точки зрения костельного права; большая территориальная обширность римско-католических епархий при малой численности епископов и священников; упразднение монастырей; цензура даже в отношении деятельности проповедников; манипуляция служащими консистории; зависимость местонахождения духовенства внутри епархии от воли местных губернаторов; репрессивные меры, применяемые к священникам, получившим негативную оценку местной полиции [378, с. 32; 478].

Меморандум не вызвал непосредственных перемен. Однако, год спустя, политическая жизнь Российской империи оживилась. В высочайшем указе от 12 декабря 1904 г. в пункте 6 император указал: «Подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [378, с. 33]. Во исполнение царской воли Комитет министров выработал положение «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. В нем объявлялась свобода перехода из православия в другие вероисповедания; отменялся обязательный перевод в православие детей в случае, если один из родителей принимал православие [378, с. 33]. Оговаривалось также и преподавание Закона Божьего на

3

Этот призыв является примечательным еще и потому, что Японии, не имевшей таких огромных ресурсов, которые были в Российской империи, была нужна скорейшая победа, поэтому японская разведка попыталась профинансировать российских революционеров и некоторые организации национальных меньшинств. Среди этих организаций оказалась и Белорусская социалистическая громада, которую свели с японцами представители польских организаций. Однако, по утверждению А.Д. Гронского, Громада хотя и попыталась призвать белорусское население к уклонению от мобилизации, но большого эффекта это не дало [359, с. 10].

исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 2. – Л. 121–122.

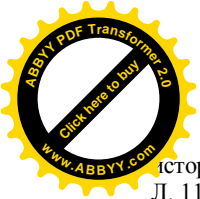
**Предложение министра внутренних дел, данное
Римско-Католической Духовной Коллегии
от 31 января 1870 г.**

Его Высокопревосходительство, предлагая о сем Коллегии для объявления подлежащим Епархиальным Начальством, изволено объявить, что. Так как настоящая мера имеет целью удовлетворение потребностей местного населения, то на Духовном Начальстве будет лежать обязанность содействовать применению ее там, где она будет соответствовать нуждам и желанию прихожан. Сообразно сему, Начальник Епархии, усмотрев пользу введения этой меры в данной местности, или в случае поступления к ним ходатайств от приходского духовенства о разрешении ввести Русский язык в проповеди и дополнительное Богослужение, будут представлять свои соображения и заключения по всем таковым ходатайствам в Министерство Внутренних Дел, на которое означенным Высочайшим повелением возложено окончательное их разрешение

Источник – Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 2. – Л. 123–124.

**Таблица 10 – Отношение римско-католического
духовенства к принятию русскоязычного требника в Гродненской
губернии**

Ф.И.О. ксендза, с какого времени в должности	
Принявшие требник	Не принявшие требник
г. Белосток	
настоятель Белостокского костела, декан Станислав Францискович Люботынский, в должности с 25 июня 1870 г.	викарный Белостокского прихода Казимир Антонович Дерешкевич, в должности с 10 июля 1870 г.
монсионер при Белостокском костеле Фома Чернявский, в	законоучитель Белостокской гимназии и института благородных девиц Вильгельм Ипполитович

Пастырское послание к прихожанам управляющего Могилевской архиепархией М. Станевского

Любезнейшим во Христе прихожанам такого-то костела
мое пастырское благословление и поздравление.

К объявленному Вам в этом Храме Высочайшего разрешения и Циркуляра Г. Министра Внутренних Дел Вы должны убедиться, что возлюбленный наш Монарх с отеческой любовью заботясь о своих подданных всех вероисповеданий, предоставил им свободно исповедывать свою веру и исполнять обряды оной и вместе с тем признал справедливым предоставить и Римско-Католикам право употреблять в успех их религии Русский язык там, где это будет соответствовать их нуждам и желанию. Зная благие намерения нашего Государя, я, как Пастырь, могу заверить Вас, что введение Русского языка в дополнительное Богослужение не составляет никакой опасности для нашей Святой Римско-Католической веры и что истинные католики могут, без вреда для их совести, как на всех прочих, так и на Русском языке возносить молитвы к Всевышнему и слушать поучения своих пастырей, утверждающие их в правилах нашей Святой Римско-Католической веры и чистой христианской нравственности. Поэтому, если бы неблагонадежные люди старались убеждать Вас в противном мнении, то Вы не должны им верить, а соображаться с моим мнением, имеющим в виду единственно благо прихода и ваше духовное назидание.

И потому, те из Вас, которые твердо убеждены, что дополнительное Богослужение и духовные поучения, произносимые на Русском языке будут более понятны, чем на каком-либо другом языке, могут заявить о сем своему настоятелю с подпиской своего имени на имеющихся у него листах.

При этом предворяю Вас, что дополнительное Богослужение есть молитва к Всевышнему и духовное поучение-объяснение Слова Божьего, и что каждый благочестивый католик должен с чистой совестью избирать тот язык, на котором ему легче молиться и удобно понимать Слово Божье.

Источник – Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный

природном языке учащихся и только духовными лицами соответствующего исповедания. В отношении римско-католического исповедания пересматривалось право на строительство костелов. Теперь для их открытия требовалось только согласие духовного римско-католического руководства, наличие необходимых денежных средств и соблюдение технических требований строительного устава. Ставилась задача добиваться положительного решения со стороны императора отмены закона о проверочных испытаниях по русскому языку для римско-католического духовенства и о разрешении католическим духовным и светским лицам основывать религиозные общества и проводить новые наборы новициев (послушников) в римско-католические монастыри [767, с. 145].

После революционных событий и известных императорских указов подведомственные деканам настоятели все чаще и чаще стали не исполнять законные требования по делам службы, порой в дерзкой форме отвечая даже своим деканам. Во избежание недоразумений и частных жалоб со стороны гражданских властей на уклонение духовенства от выполнения возлагаемых на него духовно-служебных действий и принимая во внимание, что такое уклонение влекло за собой сложные последствия, управляющий Виленской римско-католической епархией К. Михалькевич циркулярно в 1910 г. предписал подведомственному духовенству безусловное обслуживание государственных институций и исполнение этих законных требований в своих приходах. Причем предоставлялась возможность распределения указанных обязанностей между настоятелями и их викарными, но под личной ответственностью настоятелей [817, л. 1].

Виленская римско-католическая духовная консистория 5 февраля 1910 г. постановила, чтобы получаемые духовенством предписания епархиального начальства, указы консистории, предложения деканов и отзывы правительственных установлений, учреждений и должностных лиц записывались во входящий журнал. Необходимо было делать пометки о времени поступления и подшивать их к делам настоятельства, а не возвращать последние с надписями на них, как это часто повторялось с указами консистории и в официальной переписке деканов с настоятелями. С этого момента на предписания епархиального начальства, указы консистории и предложения деканов приходское духовенство обязано было отмечаться рапортами, отвечая в них на запросы точно, вежливо и немедленно, не допуская укоризненных и неприличных выражений и не дожидаясь подтверждений. Причем как на каждое отдельное предписание, так и, вообще, по всем особым делам необходимо было

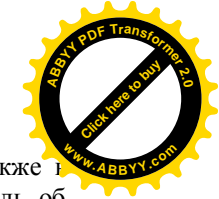

доносить отдельными рапортами и, безусловно, исполнять точно и аккуратно все возлагаемые на них официальные поручения и законные требования. На запросы же всех правительственных установлений, учреждений и должностных лиц обязывалось сообщать отношениями, с соблюдением в них всех вышеуказанных правил [817, л. 6].

Как справедливо отметила В.В. Григорьева (В.В. Яновская), указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. не поколебал позиций православной церкви в жизни страны. Более того, в статье 4 «Устава духовных дел иноземных вероисповеданий» подчеркивалось, что в границах государства одна господствующая православная церковь имеет право привлекать на свою сторону последователей других вероисповеданий и иноверцев для принятия ее учения о вере. Главный стержень конфессиональной политики – сохранение господствующей роли православной церкви – был оставлен и дальше. Ни указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г., ни Манифест 17 октября 1905 г., ни ряд последующих законодательных актов, направленных на ликвидацию ограничений и существенных прав иноверных и иноземных вероисповеданий, не должны были ограничивать существующие права православной церкви (см. приложение Л) [369, с. 110–111].

Манифест способствовал в какой-то степени нормализации положения римско-католического костела, хотя некоторые проблемы все же оставались. Был созван даже особый Совет Министров по делам римско-католиков, который должен был подготовить проект закона о свободе римско-католического вероисповедания. К сожалению, осуществлению этих планов помешало начало Первой мировой войны [364, с.128].

Таким образом, в 1864–1905 гг. политика властей была направлена на кардинальное решение проблемы католицизма на белорусских землях. В правовом отношении костел в Российской империи, вследствие нескольких десятилетий законодательства, оказался выведен из-под непосредственного влияния Римской курии и включен в российскую правовую систему. Это означало фактическую ликвидацию автономности данной структуры, зависимость ее от светской власти, беззащитность от произвола, преследований в случае неповиновения или оппозиционности к политике, проводимой царизмом.

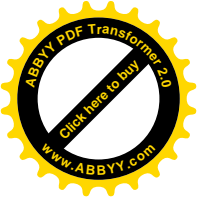
Несмотря на то, что в Высочайшем разрешении, а также в циркуляре Его Высочайшего Императорства явно выражена мысль об отеческом попечении Государя Императора о всех верноподданных без различия вероисповедания, что Высочайшее разрешение пользоваться Русским языком в дополнительном богослужении Римско-Католической Церкви имеет в виду духовное благо тех католиков, которые Русский язык считают своим родным и лучше на оном могут понимать духовные поучения своих пастырей, и что настоящая мера имеет целью удовлетворение потребностей местного населения там, где она будет соответствовать нуждам и желанию прихожан. Однако в некоторых приходах нашлись неблагомыслящие люди, которые, вопреки очевидному благому намерению Правительства, позволили себе распускать между легковверными и необразованными простолюдными толки о том, что введение Русского языка в Римско-Католическую Церковь угрожает догматам нашей веры. Между тем как благочестивые католики, если только пожелают, могут на всех языках, а в том числе и на Русском, без всякого стеснения для своей совести, возносить молитвы к Всевышнему и слушать поучения своих пастырей.

В предупреждение вышеупомянутых толков и в видах объяснения настоящего смысла Высочайшего разрешения, а также и благих намерений Правительства, предлагаю Вашему Высочайшему Императорству в Воскресенье и праздничные дни, когда бывает в церкви (костеле – А. Г.) большое стечение народа, прочесть с Амвона покорнейше четыре раза сряду Высочайшее разрешение от 25 декабря 1869 г., разъяснение Господина Министра Внутренних Дел, а потом и мое Пастырское послание к прихожанам.

По прочтению указанных листов, предлагаю объявить прихожанам, что те, которые пожелают, чтобы дополнительное богослужение и духовные поучения произносились в костеле на Русском языке, могут явиться к Вам в Плебанию и подписаться на этих листах. О последовавших подписях Вы немедленно доносите мне с возвращением подлинных листов.

Надеюсь, что в настоящем деле, Вы будете действовать вполне добросовестно без всяких задних мыслей, стараясь согласовать обязанности налагаемые на Вас религией и совестью с делом верноподданного служения Своему Государю и Отечеству и только такими действиями можете заслужить мое доверие и признательность.

Источник – Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный

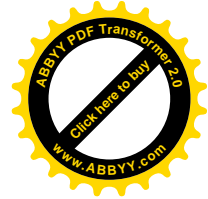
Документы по введению русского языка в римско-католическое богослужение**Указ императора от 25 декабря 1869 г., разрешавший использование русского языка в «дополнительном» римско-католическом богослужении**

Государь Император в отеческом попечении о своих верноподданных, без различия вероисповеданий, желая, чтобы те из них, которые родным своим языком считают язык Русский, в том или другом его наречии, не были лишены права пользоваться им в делах своей религии, Всемилостивейше соизволил разрешить употребление Русского языка в Богослужении и вообще в делах религии всех Иноверческих исповеданий. Но как само собой разумеется в применении этого распоряжения к Богослужению в Римско-Католической Церкви для оной остается литургическим языком, установленный таковым церковью, язык латинский и разрешение относится только к дополнительному Богослужению, или к тем частям оною, для которых вместо языка латинского употребляются уже другие языки и наречия, как-то: немецкий, французский, польский, латинский и др.

Источник – Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 2. – Л. 123.

Циркулярное предписание управляющего Могилевской архиепархией М. Станевского подведомственному духовенству

Господину такому-то настоятелю ксендзу № Могилевская Римско-Католическая Духовная Консистория 20 марта 1870 г. циркулярно предписала подведомственному мне духовенству, а в том числе и Вашему Высокоблагородию, объявить прихожанам Всемилостивейши дарованного в 25 день декабря 1869 г. иноверуемым права пользоваться Русским языком в делах своей религии, считать, чтобы духовенство в применении означенного разрешения руководствовалась точным смыслом приложенного к оному циркуляра Господина Министра Внутренних Дел.

2.3 Римско-католическая церковь в российской системе образования и воспитания

Римско-католический костел на территории Беларуси на протяжении нескольких столетий имел приоритет в сфере образования. Этой деятельности костела посвящена обширная историография как отечественная, так и зарубежная [33–34; 81; 115; 318; 354; 366; 470; 584; 642; 700–701; 784; 855; 864–865; 871; 894; 909; 938; 941; 947; 951; 954; 957; 961; 983; 1016; 1058; 1063; 1069; 1071; 1078; 1103; 1111–1113].

Большое значение в деле образования имела практика орденских структур римско-католического костела, прежде всего, иезуитов и пиаров. До 1773 г. иезуитские коллегии были фактически единственными учебными заведениями, дававшими высшее образование. Значительной была сеть средних и, особенно, низших учебных заведений. Наибольший их рост наблюдался в 70-е годы XVIII в., когда на территории Виленской римско-католической епархии насчитывалось 330 приходских школ.

Процесс секуляризации образования на территории Беларуси продолжался более столетия. Его характер, темпы, результаты определялись как объективными, так и субъективными факторами. Развитие светской школы было тесно связано с промышленной революцией, вызывалось необходимостью подготовки широко образованных, свободных от средневековой схоластики специалистов. Этого же требовала и усложнявшаяся социальная жизнь. Субъективно на процесс секуляризации влияла политика властей, интересы правящих слоев общества.

1 марта 1831 г. император Российской империи повелел «иметь в виду для постепенного исполнения», согласно всеподданнейшей записке Могилевского гражданского губернатора М.Н. Муравьева, запретить заниматься римско-католическому духовенству воспитанием юношества в домах, закрыть духовные училища при монастырях, заменить их светскими и ввести в них преподавание наук на русском языке. Комитет Западных губерний не мог не согласиться с мнением М.Н. Муравьева о «вреде», проистекавшем от воспитания римско-католическим духовенством детей в домах, но не было никаких приемлемых способов исполнить предложение М.Н. Муравьева: мера эта была признана бесполезной уже по самой невозможности, как им казалось, приведения ее в действие – это только бы отвратило население от расположения содействовать целям правительства. Поэтому Комитет совместно со статс-секретарем Блудовым признал

единственным средством сделать публичное воспитание в Белорусском крае столь хорошим, чтобы родители сами отдавали детей в правительственные учебные заведения. В министерстве народного просвещения также имелись планы по уничтожению духовных училищ при римско-католических монастырях и о преподавании в уже светских училищах наук на русском языке [117, с. 326].

В 1820–1830 гг. из ведения костела были выведены средние и высшие учебные заведения. Большинство римско-католических приходских школ было закрыто до 1840 г. В 1847 г. министерству государственных имуществ были подчинены последние римско-католические приходские школы: в Гродненской губернии – 25 школ с 27 учителями и 592 учениками, в Минской губернии – 10 школ с 10 учителями и 274 учениками; в Витебской губернии – 9 школ с 9 учителями и 285 учениками; в Могилевской губернии – 8 школ с 10 учителями и 192 учениками; в Виленской губернии – 9 школ с 11 учителями с 238 учениками [1113, с. 343].

К 1836 г. при мужских римско-католических монастырях существовало 6 уездных (с 863 учениками) и 21 приходская (с 443 учениками), а при женских римско-католических монастырях функционировало в 1836 г. 32 школы (с 1171 ученицами) [1113, с. 313]. В 1830 – 1863 гг. из около 300 римско-католических монастырей, имевших школы, ликвидировано было 230 (260, считая вместе с базилианскими и пиарскими монастырями). К 1863 г. не существовало ни одной школы при монастыре в западных губерниях [910, с. 415–416]. В 1863 г. в Виленском учебном округе функционировало еще 98 римско-католических приходских школ: 32 в Ковенской губернии, 16 в Виленской, 12 в Минской и 38 в Гродненской губерниях. Во всех этих школах преподавание велось на русском языке, за исключением учения религии (Закон Божий) на польском языке. В Ковенской губернии использовался и литовский язык [1113, с. 356].

Литовский митрополит И. Семашко в отношении к министру народного просвещения А.С. Головину от 2 февраля 1863 г. предложил «для поддержания свойственной большинству здешнего народонаселения русской народности и языка» объединить православные церковно-приходские и народные училища, чтобы они действовали под совместным управлением и надзором учебного округа и духовного православного руководства [676, с. 11]. В этом смысле, как считал митрополит, открытие народных училищ было бы самым благотворительным, и чем их было бы больше, тем лучше. Накануне восстания 1863 г. идею использования русской (православной) школы в Северо-Западном крае с целью усиления влияния православного

50. Каменные церкви могут быть строены из кирпича, и булыжного камня и из каменной плиты, где таковая есть, в последних двух случаях с облицовкою и со связями по углам и в сводах из кирпича.

51. Купола и колокольные башни стараться проектировать каменные, при допущении же деревянных, они должны быть обиваемы непременно железом или оштукатуриваемы изнутри и снаружи.

52. В пунктах, неподходящих под условия, изложенные в п.48, или где каменного материала вовсе нет, допускается постройка деревянных храмов, но непременно на каменных фундаментах, с железными крышами, с обшивкою стен досками снаружи и внутри и с окраскою их на масле.

53. Как каменные, так и деревянные церкви должны быть строимы по возможно красивым фасадам.

Примечание. Но при этом избегать излишних наружным и внутренних украшений и покрытия крыш (цинком) шпалтером, как оказавшимся непригодным для подобных построек.

54. Такому же порядку следовать и при починке и перестройке существующих церквей.

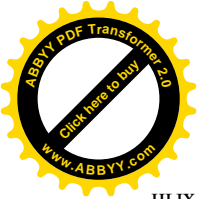
55. Новые церкви должны быть сооружены только там, где или вовсе не существует их или существующие ветхие и починкою не могут быть приведены в исправность, хотя бы то было и в многочисленных селениях и даже городах, или когда церкви эти, хотя и прочны, но маломестительны и не отвечают ни численности прихожан, ни достоинству Православия.

56. Храмы должны быть проектируемы не менее как на 1/2 часть прихожан обою пола, в городах же, местечках и где бывает большое стечение богомольцев, постройки проектируются на большее число по местным соображениям.

57. Хотя для облегчения труда техников и издан при Министерстве атлас нормальных чертежей, но предоставляется право проектировать, независимо от этих чертежей, новые.

Подписал: Министру Внутренних Дел, Статс-Секретарь Валуев

Источник – Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица; монография: часть II. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 440 с. – С. 291–302.

44. Переписка от имени Приходских Попечительств и Церковных Советов, исправное ведение книг и отчетности возлагается на одного из прихожан-членов Попечительства, если в составе его будут лица, могущие исполнить эти обязанности; в противном случае обязанности эти должны лежать на приходском священнике, который на время производства церковно-строительных работ должен быть председателем в Советах Попечительства или Церковного Совета, если бы даже он и не был избран в эту должность при образовании Попечительства. На него, кроме того, во всяком случае возлагается надзор в отсутствие техника за правильностью производства работ мастерами.

45. Приходские Попечительства и Церковные Советы по окончании каждого рабочего года представляют отчеты Губернскому Присутствию о состоянии работ, материалах сумм и выполнении обязательств со стороны прихожан и по окончании работ общую по ним отчетность.

46. Губернское Присутствие, по проверке этих отчетов, сделают из них извлечение в форме ведомости, о ходе церковно-строительного дела, один экземпляр этой ведомости представляет ежегодно Генерал-Губернатору, а другой – Министру Внутренних Дел перед 1-м января будущего года.

47. 46 Независимо от этой отчетности Губернское Присутствие к 1 Марта каждого года представляет Генерал-Губернатору для внесения в Министерство с его заключением ведомость о суммах, какие необходимы для испрошения в законодательном порядке кредита на следующий сметный период.

48. Для этого, и видах необременения Государственного Казначейства значительными одновременными авансами, Губернское Присутствие делит все постройки, производимые по губернии, на года, определяя, какие работы должны быть исполнены, в какое время, и какие могут быть в это время затрачены на постройку суммы.

Глава 6.

Общие правила для устройства церквей

49. Церкви строятся непременно каменные или железно-фахверковые: в городах, торговых местечках и селах, в приходах, имеющих не менее 1,500 душ обоего пола, в пунктах, где есть вблизи католический костел, где находятся чудотворные иконы, или где бывает особенно значительное стечение посторонних богомольцев и вообще, где местные обстоятельства будут этого требовать, где каменный материал находится в изобилии и там, где Генерал-Губернатор признает полезным, хотя бы число прихожан было и менее 1,500 душ.

духовенства и борьбы с национально-освободительным движением выдвинул и Варшавский православный митрополит Иосиф [99, с. 13]. Подобные мысли можно найти и у попечителя Виленского учебного округа А. Ширинского-Шихматова. В циркуляре от 12 января 1863 г. он подчеркивал большое значение преподавания Закона Божьего православного исповедания в деле воспитания у местного населения Северо-Западного края чувства привязанности к вере, к государю и к русской народности [26, с. 39].

Народное образование на территории Беларуси в 1860-х гг. строилось на утвержденных 18 мая 1864 г. Александром II принципах, которые сводились к следующему: в селах и в городах предполагалось создать возможно большее число народных школ; их программа ограничивалась русской и славянской грамотой, первыми началами счисления, элементарными знаниями о православной вере и пением на клиросе; школы должны были состоять в руках православного духовенства; светские народные школы следовало утверждать только там, где не было возможности поручения их православному духовенству; содержание школ в селениях предполагалось постепенно относить на счет сельских обществ; в городах учреждать двухклассные училища с большим развитием знаний, а следовательно, и с большим курсом наук, чем в сельских народных школах, отнюдь не допуская в них обучения польскому языку [480, с. 36]. Для усиления православного влияния М.Н. Муравьев предлагал открыть в г. Вильно православную духовную академию, которая готовила бы священников – «борцов за русское дело» [99, с. 14].

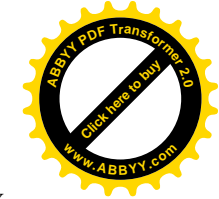
В Виленском учебном округе всеми начальными школами стали заведовать дирекции народных школ. Виленская и Минская дирекции народных училищ, образованные 1 января 1864 г. (ранее 23 октября и 30 ноября 1863 г. высочайшим повелением была образована Виленская дирекция народных училищ для управления народными училищами в Виленской и Гродненской губерниях), охватывали соответственно школы Виленской, Гродненской и Минской губерний; Витебская дирекция, созданная в июле 1864 г., – школы Витебской и Могилевской губерний. В течение 1864 г. Виленская дирекция народных училищ имела в своем заведовании вновь открытых и частью преобразованных из бывших церковных в г. Вильно 6 и по Виленской губернии 121 народных училищ, в том числе 29 в селениях государственных крестьян: 84 в селениях крестьян-собственников и 8 приходских училищ по местечкам и уездным городам. Сельские школы открывались преимущественно при православных церквях, ввиду необходимого наблюдения за ними священников, и в тех

заселенных местностях, где чувствовалась большая потребность в грамотности. Всех учащихся в 1864 г. по Виленской губернии было: мальчиков 6 032 и девочек 535 – итого 6 567, в том числе было мальчиков римско-католического исповедания 683 и девочек 60, итого 743 [117, с. 562].

В 1866 г. возникли Гродненская и Могилевская дирекции народных училищ. Этим дирекциям были подчинены все народные школы министерства общественного просвещения, сельские школы министерства государственных имуществ, а также все бывшие римско-католические приходские школы [532, с. 73; 389, с. 317]. Последние были переданы из-под руководства директоров гимназий 21 мая 1864 г. В губерниях Ковенской, Витебской и Могилевской это распоряжение возымело действие с конца 1864 г. Всех начальных школ, подчиненных школьным дирекциям в 1864 г., было 975 с 34 057 учениками (30 728 мальчиков и 3 329 девочек). Среди учащихся преобладали православные – 26 719 человек (78% всех учащихся). Учеников римско-католического вероисповедания было 5 815 (17% всех учеников), из них 2 584 человек в Ковенской губернии (7,6%). Среди учащихся других вероисповеданий более всего было протестантов: 700 учеников евангелистско-реформаторского вероисповедания (2,1%), 341 лютеран (1%). Других вероисповеданий: 67 староверов (0,4%) и 13 мусульман (0,1%). Среди этих 975 начальных школ 651 были реорганизованы из бывших римско-католических приходских школ в 1862–1864 гг. (66,8%) [1113, с. 361].

В 1864 г. с назначением 50 % прибавки к жалованью всем лицам русского происхождения, служившим в Виленском учебном округе, управление округа получило возможность произвести коренную реформу в педагогическом составе учебных заведений: все учителя поляки были освобождены от должности и на их места вызваны из внутренних губерний Российской империи благонадежные лица православного исповедания. Согласно высочайше утвержденному уставу 19 ноября 1864 г., в классические и реальные были преобразованы гимназии и прогимназии; возобновлена в 1865 г. деятельность гимназии в г. Новогрудке и прогимназии в г. Тельшах, учреждена новая прогимназия в г. Гомеле, преобразованы трехклассные уездные училища в г. Бресте и г. Бобруйске в прогимназии, пяти классные и трехклассные уездные училища в двухклассные, с практическим курсом, а также учреждены в 24 уездных городах новые двухклассные училища. В 1865 г. при всех приходских училищах округа, существовавших в губернских и уездных городах, открылись смены для обучения девочек (о

Глава 5.

О приходских попечительствах и церковных советах

39. Там, где Генерал-Губернаторами будет признано необходимым, для содействия Губернским Присутствиям, образовать церковные приходские Попечительства или Церковные Советы, учреждения эти действуют на основании утвержденных для них правил.

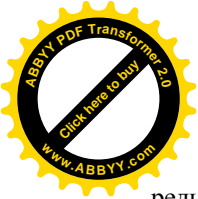
40. Попечительства эти действуют на основании утвержденных для них правил. Попечительства эти действуют в пределах означенных правил в таких собственно случаях, когда возобновление церкви производится на собственные средства, без содействия Правительства, представляя только в Губернские Присутствия на разрешение постройки. Там же, где пособия казны для устройства храма оказываются необходимым, Попечительства эти в действиях своих подчиняются ведению Губернских Церковно-строительных присутствий.

41. Так как обязанность устройства и содержания церквей в благолепии прежде всего составляет обязанность прихожан, и Правительство участием своим в семь дней, имеет целью оказать только восполнение к выполнению ими этих обязанностей, то Попечительства и Церковные Советы должны изыскивать и принимать все средства для облегчения затрат казны и у удешевлению построек пожертвования денежными, личным трудом, доставкой и подвозкою материалов, приисканием мастеровых и т.п., заявляя об этом при первоначальном осмотре церкви.

42. Им ассигнуется Губернскими Присутствиями суммы на те только работы и материалы, которых прихожане без пособия казны не могут исполнить.

43. По разрушении постройки и по ассигновании сумм для открытия работ, они производят постройку хозяйственным образом, порядком раздробительного подряда. Они закупают, хранят и расходуют материалы и деньги, как отпущенные Губернским Присутствием, так и пожертвованные прихожанами, нанимают мастеровых, наблюдают, чтобы указания техников нанимаемыми ими мастерами исполнялись в точности, и чтобы со стороны прихожан были выполнены все принятые ими, при составлении и подписании акта осмотра, обязательства.

Примечание. Для записывания денег, материалов, исполненных прихожанами обязательств и наставлений техников и членов Губернского Присутствия ревизирующих постройки, ведутся Попечительствами и Церковными Советами по каждому предмету особой книги.

Примечание. Прошения по предметам, изложенным в этом и предыдущем пп., разрешаются Присутствием не иначе, как в присутствии Епархиального Архиерея или по соглашению с ним.

34. Проверка представленных в Губернское Присутствие проектов, смет и детальныи исполнительныи черетежей, разъяснение перед Губернским Присутствием технических вопросов возлагаются на Губернского Архитектора и другии членов Губернского Присутствия из техников.

35. Все состоящее в ведении Строительного отделения Губернского Правления Архитекторы и вообще техники, на время производства церковныи построек в западных губерниях, находятся в то же время и в распоряжении Губернского Присутствия, которое, соображаясь с общими в губернии строительными работами, распределяет между техниками этими и церковно-строительные работы. В случае недостатка местных техников, по сношению Генерал-Губернаторов, Министерством Внутренних Дел назначаются в распоряжение Губернского Присутствия особые техники.

36. Во время производства работ наставления, делаемые техниками, должны быть тщательно записываемы ими в особую книгу, чтобы потом иметь возможность повторить исполнение их мастерами и самим техником быть поверенными ревизующими лицами. Техники отвечают за прочность работ и доброкачественность материалов, записывая о причинах забракования этих материалов в особую книгу, и выдают квитанции на получение денег за поставленные материалы и исполненные работы.

37. Везде, где Губернское Присутствие найдет это нужным, оно назначает в помощь техникам опытных десятников.

38. Местные техники, назначаемые Губернскими Присутствиями для производства церковныи построек, не получают особого жалованья, кроме назначаемого им, на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного, в 29 день октября 1864 года, мнения Государственного Совета ст.Ш п.4, процентного за труды вознаграждения от суммы производимых ими работ; техникам же, командированным на место Министерством, производится содержание, назначаемое всякий раз особыми ВЫСОЧАЙШИМИ повелениями; затем членом Строительного Отделения Губернского Управления, за занятия их по Губернскому Церковно-Строительному Присутствию, если они не будут заняты выполнением самых церковно-строительных работ, только одни столовые и квартирные деньги, в размере, определяемом Св.Зак. Т.Ш изд. 1857 г. ст. 1907 и 1126, за выполнение работ они получают сверх того и процентное вознаграждение.

распределении учащихся гимназий и прогимназий ВУО по вероисповеданию за 1865–1866 гг. см. приложение Е) [117, с. 578–579].

К началу 1866 г. всех уездных училищ в ВУО числилось 39: из них 12 (из этого числа 8 в губерниях Витебской и Могилевской) не были открыты в 1865 г. из-за отсутствия нужного количества благонадежных учителей, помещения и позднего распределения казенных средств. Учащихся же в 1866 г. в 27 училищах (39 – 12) было 1089.

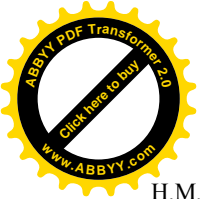
По вероисповеданиям и сословиям учащиеся распределялись следующим образом:

По вероисповеданиям:	
Православного.....	540
Римско-католического.....	430
Протестанского.....	9
Иудейского.....	100
Магометанского.....	10
Итого	1089
По сословиям:	
Детей дворян и чиновников.....	458
Духовного звания.....	16
Городских сословий.....	416
Сельских сословий.....	189
Иностранцев.....	10
Итого	1089

Источник – Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі; пад рэд. акад. Н.М. Нікольскага [і інш]. – Мінск: выд. АН БССР. – 1940. – с. 687. – Т. 2. – С. 581.

К 1 января 1866 г. в ВУО насчитывалось также 40 женских училищ, в которых состояло 966 девочек и 59 мальчиков, всего 1025 человек. По вероисповеданиям учащиеся распределялись следующим образом:

Православного исповедания.....	498
Мальчиков.....	11
Римско-католического.....	350
Мальчиков.....	41
Протестантского.....	52
Мальчиков.....	7
Иудейского.....	66
Итого	1025

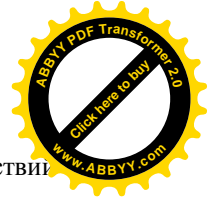

Источник – Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі; пад рэд. акад. Н.М. Нікольскага [і інш.]. – Мінск: выд. АН БССР. – 1940. – с. 687. – Т. 2. – С. 581.

Согласно уставу 1864 г. о начальных народных школах (училищах) программа обучения в них осталась такой же, как и в бывших римско-католических приходских школах: религия (короткий катехизис и святая история), чтение (по книгам светским и религиозным), письмо, четыре действия арифметики. Как дополнительный предмет вводилось православное церковное пение в тех школах, где это могло иметь место. Согласно параграфу четвертому дети всех вероисповеданий должны были обучаться на русском языке [1113, с. 358].

Процесс секуляризации образования, таким образом, коснулся лишь римско-католического костела. Из-под его влияния выведены были не только высшее и среднее образование, но также начальное – в первую очередь, учебные заведения для крестьян. Закрепить за собой место в сфере обучения и воспитания костел мог теперь лишь через преподавание религиозных дисциплин. Однако и здесь возникали значительные трудности, обусловленные ограничениями в языке преподавания. Польский язык был изъят из обучения Законом Божьему в 1864 г. и заменен русским. Это должно было стать одним из пунктов масштабной программы по «располячиванию» костела в Северо-Западном крае: перевода языка римско-католического богослужения с польского на русский. Последнее, однако, не устраивало православную церковь – русский язык римско-католического богослужения мог способствовать быстрому распространению католицизма в глубь Российской империи. В результате активность властей перешла, в основном, в надзор за языком обучения римско-католиков Законом Божьему в учебных заведениях Северо-Западного края. В Ковенской губернии указом от 4 марта 1863 г. был разрешен к использованию и литовский язык [898, с. 444]. По мнению Л. Заштовта, польский язык по-прежнему звучал на уроках римско-католической религии, но это мнение, по-видимому, нельзя принимать безоговорочно [1113, с. 259].

Преподавание Закона Божьего римско-католического вероисповедания осложнялось и ситуацией в подготовке светских преподавателей. После прекращения в 1878 г. лекций по римско-католическому богословию в г. Юрьеве в университетах Российской империи не было ни одной кафедры упомянутой науки. Соответствующих кафедр не имелось и в других высших учебных заведениях, за исключением лишь некоторых, как, например,

работ, правильным движением сумм, добросовестностью действий разных деятелей и успешным ходом работ.

29. Для достижения этой цели каждый член Губернского Присутствия должен при разъездах по губернии по служебным своим обязанностям посещать пункты, где производятся церковные постройки, осматривать работы, проверять хозяйство и, в случае остановки или неуспешности в ходе построек, изучать причины и устранять их, если это возможно, на месте, в противном же разе доводить до сведения Губернского Присутствия.

30. Губернскому Присутствию предоставляется право: 1) разрешить некоторые отступления от утвержденных проектов для придания зданию большей прочности, красоты или удобства, соответственно непредвидимым местным обстоятельствам. Когда отступления эти не потребуют излишней против ассигнованной по смете на каждую отдельно постройку, суммы денег; по отступлениям же, требующим сверхсметного расхода, представляется Генерал-Губернатору; 2) устранять от построек оказавшихся неблагонадежными подрядчиков, агентов, членов временного Комитета и техников-производителей работ, назначенных из Строительного Отделения; относительно же устранения членов Присутствия и о предании суду тех из них, которые будут подлежать ответственности за злоупотребления, Губернское Присутствие представляет Генерал-Губернатору.

31. Губернское Присутствие решает все вопросы, касающиеся его ведомства, единогласно; в случае же разногласия между членами оно представляет Генерал-Губернатору на его разрешение.

32. Так как все церковно-строительное дело в губерниях сосредоточивается ныне в Губернских присутствиях, то и разрешение всех просьб о сооружении новых или восстановлении старых церквей должно зависеть от этих Присутствий.

Примечание. Просьбы от частных лиц и приходских обществ о сооружении или восстановлении церквей подаются или непосредственно в Губернское Присутствие или Епархиальному Начальству, которое передает эти со своими соображениями на общее обсуждение в Губернское Присутствие.

33. Губернское Присутствие рассматривает и разрешает прошения приходских обществ о сооружении или возобновлении таких церквей, которые не вошли в начертанную суть, на которые прихожане желали бы сохранить самостоятельными, наблюдая при этом, чтобы подобные церкви отнюдь не строились и не содержались на счет казны.

менно-хозяйственным Комитетам под ответственность только членов этих Комитетов.

23. Так как возобновление Православных храмов в западных губерниях на счет Правительства составляет меру исключительную, вызванную местными условиями края, то быть агентами и участвовать в торгах могут только такие лица, которые по действующим ныне законам

24. Имеют право приобретать в том крае недвижимую земельную собственность.

25. По открытии работ, в количестве и качестве поставленных на место материалов и действительно произведенных работ, независимо и сверх выданных в задаток или вперед для открытия работ денег, которые остаются до конца постройки в руках подрядчиков, агентов, Комитетов и Попечительств, производить выдачи сумм, следуемых по этим квитанциям, ассигнуя их к уплате из ближайшего к месту работы Казначейства, на основании правил о единстве касс, и открывая кредит для отпуска сумм из Казначейства тем порядком, как это будет признано удобным для безостановочного хода работ.

Примечание. В отклонение затруднений по осмотру работ и выдачи денег Губернское Присутствие назначает сроки, в какие должны быть осмотрены произведенные работы и выдана квитанция для получения денег; сроки определяются месячные или по третям года.

26. При подрядном и агентном способах работ Губернское Присутствие может требовать включения в условия сроков, в которые должны быть произведены работы, и неустоек, а также, чтобы контракты были писаны на гербовой бумаге. При устройстве же церковью посредством временных Комитетов или Попечительств, условия, договоры, контракты и неустойки должны иметь места и вместо условий, Комитеты и Попечительства получают инструкцию или предписание для выполнения работ.

27. Все сделанные сбережения от уступки подрядчиками и агентами процентов от сметных сумм, временными Комитетами с изыскания средств к дешевейшему производству работ и закупки материала, а приходскими Попечительствами и от сделанных сверх того особых пожертвований трудом и материалами, причисляются к общим остаткам церковно-строительных сумм по губернии и расходуются с разрешения Генерал-Губернатора, на покупку колоколов, утвари, книг и прочих богослужебных предметов (согласно п. 7).

28. Губернское Присутствие, как контрольная инстанция, следит за точным и правильным исполнением церковно-строительных

Императорского Александровского лицея, Императорского училища правоведения и института гражданских инспекторов.

В отличие от римско-католического костела православная церковь имела приоритет в системе образования – именно ей поручались начальные школы. Как и во всей Российской империи, в белорусских губерниях, начиная с 1880-х годов, особенно быстро росла сеть школ церковного ведомства. Наибольшее число церковно-приходских школ наблюдалось в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. В конце XIX в. церковно-приходские школы и школы грамоты ведомства Святейшего Синода Могилевской губернии составляли 82,3 % всех начальных училищ, в Минской – 84,6 %, в Витебской – 60,5 % [682, с. 114–118, 123–125]. И это несмотря на то, что мировые посредники, которые значительно лучше знали ситуацию на местах, в своих отчетах местным губернаторам активно выступали за открытие училищ министерства народного просвещения, а не церковно-приходских школ. Последние, по их мнению, лишь способствовали укреплению «польскости», так как родители учащихся, заинтересованные, чтобы их дети знали законы римско-католической веры, не отсылали своих детей в эти школы, являвшиеся «пропагандистскими центрами православия». Иное дело представляли училища министерства народного просвещения, где детей римско-католиков могли обучать Закону Божьему ксендзы-законоучителя на русском языке [49, л. 45].

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев неоднократно писал императору о необходимости поддержки церковно-приходских школ. В качестве положительного примера он приводил школу для девочек в г. Свислочь, организованную местным православным священником Янушкевичем, а также приходские школы в Могилевской губернии [541, с. 13, 60]. По мнению К.П. Победоносцева, «православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своей и заботиться о ней посредством приходского попечительства и повсюду образуются при церквях хоры церковного пения; ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения» [641, с. 14–15].

Церковно-приходская школа была вовсе не церковной в православном смысле: принимала она детей всех вероисповеданий и народностей. Раскольник, римско-католик, лютеранин, даже мусульманин сидели на одной скамейке с православным. Батюшка или

сам, или через помощника учил читать и писать по-русски, чтению и письму церковному, мировой истории и православному катехизису, немного арифметике и светским песням; в высших классах – истории России и географии настолько, насколько сам ее знал. Учебники поставлял Святейший Синод. К тому же православное духовенство должно было объяснять отличия в литургии и догматике католицизма и православия. Параграф девятый правил для церковно-приходских школ требовал прививать детям, без различия вероисповедания, любовь к церкви и богослужению православному, дабы участие в православном богослужении стало для учеников душевной потребностью [663; 967, s. 236]. Для привлечения еще большего числа римско-католиков в церковно-приходские школы действовало правительственное распоряжение, дающее послабления и льготы в отбывании воинской повинности [967, s. 237]. В 1879 г. окончили курс и получили льготу по отбыванию воинской повинности 3 разряда только в училищах, подведомственных Гродненской дирекции народных училищ, 131 ученик, на 24 больше, чем в предыдущем году. С правом на льготу 4 разряда – 1 086, больше, чем в предыдущем году, на 362. Из общего числа льготных 4 разряда на долю сельских училищ приходилось 955 учеников, на 201 ученика больше, чем в предыдущем году. Таким результатом Гродненская дирекция обязана была в том числе учителям из Свислочской учительской семинарии, давшей в 1879 г. для народных училищ 27 молодых людей [511, с. 35].

В Гродненской губернии в 1878 г. насчитывалось 32 346 учащихся, из которых 29 741 мужского и 2 605 женского пола. По отношению к населению губернии учащиеся составляли 4,98% общего числа мужчин и 0,44% общего числа женщин. Такая значительная разница объяснялась малым числом крестьянских девочек, посылаемых в народные училища, число которых равнялось 559, тогда как крестьянских мальчиков в народных училищах насчитывалось 15 811 человек [511, с. 31].

Таблица – Процентное отношение учащихся в средних учебных заведениях в Гродненской губернии в 1878 г.

Название учебного заведения	Вероисповедание учащихся	Число учеников	Процентное отношение ко всему мужскому населению соответственного исповедания	Процентное отношение к мужскому населению соответственного исповедания города нахождения учебного заведения
Гродненская	православное	119	0,038%	7,332%

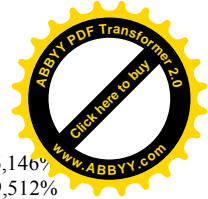
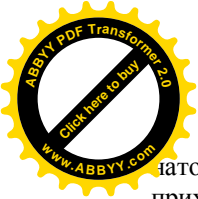

нованными уже Святейшим Синодом и Министерство Государственных Имуществ на церковные постройки местным Управлением и Духовным Консисториям суммами и заготовленными материалами, и по окончании приема обо всем доносить Генерал-Губернатору. В распоряжение Губернских Присутствий поступают также все дела по устройству церковей помещичьих имений, вместе с коими Губернаторы передают Присутствиям и все суммы, ассигнованные им до настоящего времени. Губернским Присутствиям, Духовными Консисториями Государственных Имуществ передаются только те суммы, которые имеют специальное назначение на устройство церковей.

20. По утверждении Генерал-Губернатором сети церковей или указании к возобновлению каких церковей следует приступить и в каком году. Губернское Присутствие поручает состоящим в их распоряжении его техникам проектировать чертежи, сметы и расценки, при составлении которых должны быть принимаемы в соображение цены действительно существующие на месте, а не справочные, всегда значительно превышающие хозяйственные цены. По представлении техниками означенных проектов и смет, Губернское Присутствие рассматривает и утверждает такие из них, утверждение которых по ценности работ предоставлено законом Губернским Правлениям, а прочие, с заключением своим, вносить на утверждение к Генерал-Губернатору.

21. По утверждении проектов, Губернское Присутствие делает распоряжение об открытии самых церковно-строительных работ, тем порядком, какой будет указан Генерал-Губернатором, т.е. подрядным ли способом, посредством ли приходских Попечительств, уездных и временных Хозяйственно-Строительных Комитетов, или аген-тным способом, посредством известных Генерал-Губернаторам и Губернским Присутствиям по благонадежности лиц.

22. При подрядном и агентном способах, постройки отдаются к работе на точном основании Устава Строительного с обеспечением залогами как выполнения в сроки работ, так и выдачи денег в задаток; при производстве же работ посредством приходских Попечительств Губернское Присутствие может выдавать Попечительствам для работ и для заготовления материалов, под круговое обязательство целого прихода, такую сумму, какую Губернское Присутствие признает необходимою по ходу дела, не требуя от Попечительств ни представления особых залогов, ни платежа гильдейских, гербовых и других пошлин. На тех же самых основаниях, как Попечительствам, поручаются постройки и делаются денежные выдачи Уездным и вре-

затом; но во всяком случае в присутствии местных: Благочинного, приходского Священника, прихожан и техника.

15. По осмотре каждого существующего здания и местностей, где находились сгоревшие или за разрушенностью упраздненные церкви, составляется подробный на месте, за подписью всех присутствующих, акт о состоянии, в каком находится это здание, с объяснением в сем акте всех тех сведений и предположений, какие требуются п. 1-м сих правил пунктами литер б, в, д, и. Акты эти вносятся в Губернское Церковно-строительное присутствие.

16. По рассмотрении представляемых сими актами сведений, Губернское Церковно-строительное Присутствие входит в соображение: удобно ли расположена приходская церковь относительно возможности посещения ее прихожанами; достаточно ли велико население и средства приходская и церкви для содержания храма в благолепии; может ли церковь временною починкою быть приведена в надлежащее устройство, или необходимо сооружение нового храма, и какого: каменного или деревянного, или церковь может быть оставлена в существующем виде без починки, или надлежит упразднению, о чем Губернское присутствие и составляет постановление.

Примечание. При постановлении сего определения следует обращать внимание на религиозное и политическое влияние и значение храма в данной местности на население. В этих видах могут быть строимы или починяемы церкви в приходах малолюдных, но, или отдаленных от других приходов, или окруженных иноверцами.

17. На основании этих же актов и собранных сведений Губернское Присутствие составляет так называемую общую сеть должствующих в губернии самостоятельных приходских церквей; сеть эта вносится к Генерал-Губернатору на его утверждение.

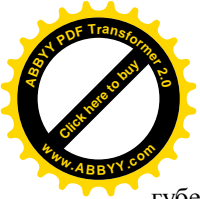
18. О церквах, которые будут признаны Губернским Присутствием не требующими никаких исправлений, сообщается Епархиальному Ведомству; затем со стороны Губернского Присутствия прекращается всякая заботливость о ремонтировании и содержании как этих церквей, так и тех, какие будут сданы впоследствии, по окончательном возобновлении, и обязанности дальнейшего поддержания храмов возлагаются на прихожан и местное духовенство.

19. Губернское церковно-строительное Присутствие, вместе с церковными зданиями, принимает в свое ведение, по описи, и хранить планы, чертежи и сметы на отстроенные уже, так и на предполагаемые к устройству или к починке и к перестройке храмы всех ведомств для того, чтобы оно во всякое время могло иметь сведения: где какая существует церковь и ее размеры. Присутствие это заведывает ассиг-

мужская гимназия	римско-католическое	137	0,089%	6,146%
	протестанское	16	0,289%	19,512%
	иудейское	90	0,086%	0,716%
Белостокское реальное училище	православное	71	0,022%	1,887%
	римско-католическое	153	0,100%	8,065%
	протестанское	41	0,740%	1,738%
	иудейское	64	0,061%	0,587%
Брестская прогимназия	православное	47	0,014%	0,883%
	римско-католическое	34	0,032%	1,591%
	протестанское	3	0,054%	3,260%
	иудейское	3	0,034%	0,268%

Источник – Обзор Гродненской губернии за 1879 год. – Гродно: Губ. тип. – 1880. – С. 32–33.

Из вышеприведенной таблицы видно, что наибольшим стремлением к гимназическому образованию в Гродненской губернии в 1878 г. отличались лица протестантского исповедания, за ними следовали магометане, потом католики, затем иудеи и, наконец, православные. Дело в том, что большинство православных в губернии принадлежало к крестьянскому сословию, не имевшему возможности по экономическим и другим причинам дать значительный контингент учеников в гимназии. Наибольшее число учеников в Гродненскую гимназию поставлял г. Гродно, в котором в 1878 г. православных (мужского пола) – 1 623, католиков – 3 229, протестантов – 82, иудеев – 12 557 и магометан – 49 человек. Понятно, что при преобладании в г. Гродно иудейского и католического населения процент учеников-иудеев и католиков в Гродненской гимназии был выше процента учеников православных. Однако в г. Бресте, где мужское население составляло 5 317 православных, 2 136 католиков, 92 протестанта, 13 430 иудеев, 19 магометан, процент учащихся православного вероисповедания был почти тот же. В Брестской прогимназии учеников православного вероисповедания насчитывалось 47, католиков – 34, лютеран – 3, магометан – 3 и иудеев – 36, что давало по отношению к общему числу мужского населения разных исповеданий следующий процент: православных – 0,014%, католиков – 0,032%, протестантов – 0,054%, иудеев – 0,034%, магометан – 0,365%. По отношению к населению собственно г. Бреста процент этот несколько изменился в пользу православных: православных – 0,883%, католиков – 1,591%, протестантов – 3,260%, иудеев – 0,268%, магометан – 15,789%. [511, с. 32–33].

В 1879 г. учащихся в народных училищах Гродненской губернии было 20 383, больше, чем в предыдущем году на 206 или на 1,473%. Процент учащихся мальчиков (19 557) в Гродненской губернии в 1879 г. в народных сельских школах в сравнении с мужским населением губернии (392 279 человек) составлял 4,985% [511, с. 34]. Малый процент объяснялся местным начальством бедностью сельского населения, а также охлаждением местных деятелей по крестьянским делам к их образованию.

Сравнение числа народных училищ в 1879 г. с предшествовавшим 1878 г. показывает увеличение училищ всего лишь на 4. Между тем число учащихся в этих училищах увеличилось на 296. Имея в виду, что всех сельских училищ в Гродненской губернии было 431, а учащихся в них 20 383, следовательно на каждое приходилось в среднем около 47 учеников; на вновь открытые училища приходилось 296 новых учеников. Среднее число (47) учеников было минимальным, при этом следует учесть малые размеры классного помещения в сельских школах и то обстоятельство, что обучение всех учеников в училище лежало на одном наставнике [511, с. 34].

Первое место по количеству церковно-приходских школ и числу учащихся занимал Бельский уезд, средний по отношению числа католиков и православных. В нем всех школ было в 1884 г. 85 с 1933 учащимися. Затем следовал Гродненский уезд – преимущественно католический, где число школ достигало 80 при 1499 учащихся. Далее следовали в порядке постепенности уезды наиболее православные: Пружанский, Слонимский и Брестский, потом Волковысский – средний по числу католиков, Белостокский – наиболее католический, Кобринский – преимущественно православный. Только Сокольский, преимущественно католический, в котором открыто по состоянию на 1894 г. 10 школ с 171 учащимися, занимал последнее место как по числу школ, так и по числу учащихся. Белостокский и Сокольский уезды как по площади, так и по количеству населения были меньше других уездов, чем отчасти может объясняться незначительное число находившихся в районе даже школ министерства народного просвещения (в Сокольском уезде 15 школ с 798 учащимися, в то время как в Брестком уезде 62 школы с 3856 учащимися; в 1884 г. всех учащихся в народных училищах (295) с их отделениями (90) числилось 20 057, в церковно-приходских школах – 5 924). Но главное заключалось в том, что преобладавшее римско-католическое население с недоверием относилось к правительственным школам, не проявляя особенного стремления ни к открытию новых училищ, ни к обучению в школе своих детей. В уездах же, где большинство населения

приискания ими других занятий. Распоряжения о производстве и прекращении сим лицам содержания делаются Министерством Внутренних Дел по предварительному сношению с Начальниками края.

Глава 4.

О губернских церковно-строительных учреждениях,
их правах и обязанностях

10. Для заведования церковными постройками, в каждой из губерний Западного края учреждаются Губернские Церковно-строительные Присутствия.

11. Губернское Присутствие состоит под председательством Губернатора, из Вице - Губернатора, члены Духовной Консistorии, Управляющего Государственными Имуществами, члена Губернского Присутствия по крестьянским делам и из членов Строительного Отделения Губерского Правления.

Примечание. Кроме этих лиц, в Губернские Присутствия могут быть назначаемы Генерал-Губернаторы и приглашаемы Губернатором в качестве членов и другие лица, известные своим усердием к церкви или специальными сведениями.

12. В заседания Губернского Присутствия при обсуждении вопросов, касающихся религиозной стороны дела, как-то: по начертанию общей сети должностующих оставаться самостоятельных приходов, по определению места для сооружения нового храма, по упразднению существующих церквей и соединению приходов, кроме члена Консistorии, присутствует местный Епархиальный или Викарный Епископ и, в это время, председательствование в присутствии уступается Губернатором Преосвященному.

Примечание. В случае отсутствия Епархиального или Викарного Епископа, Губернские Церковные Присутствия обязаны журналы своих заседаний по делам в этом пункте означенным, посылать к Преосвященным на соглашение или ожидать их возвращения.

13. По невозможности возложить ведение переписки по церковно-строительному делу на Канцелярию Строительных отделений Губернских Правлений, при Губернских Присутствиях должны состоять особые Канцелярии, образование которых предоставляется усмотрению Генерал-Губернаторов, которые входят в предварительное сношение с Министром Внутренних Дел касательно определения средств для содержания сих Канцелярий.

14. Губернское Присутствие, принимая на свою обязанность возобновление всех церковных зданий в губернии, распоряжается осмотр этих зданий тем порядком, какой будет указан Генерал-Губер-

а) сдачи отстроенных и возобновленных храмов; собрания сведений, указанных в п.1 сих правил; способа производства работ по устройству Губернских Кафедральных, Уездных-городских соборов и вообще по сооружению таких церковных зданий, расход на которые будет превышать сумму 10.000 руб.; б) утверждение проектов, смет и расценок, которые они признают необходимым подвергнуть своему рассмотрению, включая тех, кои по п.3 сих правил должны быть вносимы в Министерство; в) разрешение отступлений от прежде утвержденных проектов, для придания зданию, в зависимости от непредвидимых местных условий, большей прочности или красоты в тех случаях, когда эти отступления не будут сопряжены с новым ассигнованием сумм от Министерства Внутренних Дел, а также разрешение приобретения, на счет общих остатков от постройки церквей по губернии, колоколов, утвари, книг и прочих богослужебных предметов.

8. Генерал-губернаторы, входя в соображение по всем предметам церковно-строительства, обращают особенное внимание на возбуждение самостоятельности прихожан в возобновлении и содержании церквей в благолепии и исправности и на сокращение издержек Правительства указанием местных средств.

9. От усмотрения Генерал-Губернаторов зависит: а) изменение личного состава Губернских Церковно-строительных Присутствий; б) учреждение и вновь удержание или упразднение существующих Уездных Церковно-строительных и временно-хозяйственных Комитетов для отдельных построек, при том только условии, чтобы на содержание этих Комитетов не было производимо никаких денежных расходов, в видах сокращения издержек на церковные постройки; и в) открытие церковных приходских попечительств там, где они это признают полезным, или сочтут возможным заменить этими учреждениями церковные советы.

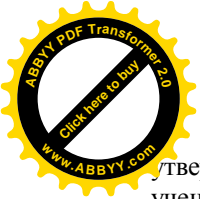
Примечание. Если Генерал-Губернаторами будет признано необходимым удержать, для исполнения их поручений по церковно-строительной части, заведывающих ныне церковными постройками в западных губерниях Офицеров Генерального Штаба и чины сии пожелают принять на себя эти обязанности, то они откомандировываются Министерством в распоряжение Генерал-Губернаторов, а в противном случае отчисляются в военное ведомство; то же самое относится и к техникам, состоящим ныне при означенных постройках, которые если не войдут в состав чинов Губернских церковно-строительных учреждений, причисляются к Главному Техническо-Строительному Комитету для получения нового назначения или до

составляли православные, народное образование было поставлено в более благоприятные условия, как по количеству школ, так и по числу учащихся. Этот вывод справедлив для школ министерства народного просвещения, но не совсем соответствует выводу распределения по Гродненской губернии церковно-приходских школ.

В церковно-приходских школах встречались весьма странные явления. В Гродненском уезде - одном из наиболее католических - находились церковно-приходские школы, в которых не было ни одного православного ученика на 20 католиков (околица Эйсмонта-Надтобольские Вертелишской волости) и др., где число обучавшихся католиков значительно превышало число православных: например, в деревнях Переселки, Мыльщино, Путришки, Лапичи, Оздобици и Ельно. Объяснить подобное обстоятельство можно как доверием, которое уважаемый наставник мог вселить в сердцах родителей-католиков, так и отдаленностью народной школы, расположенной преимущественно там же, где находилось волостное правление. Крестьянин, живущий часто за 8 и 12 верст от народного училища, при всем своем желании не мог посылать осенью и зимой своего ребенка ежедневно в школу. Расстаться с ним на целую неделю и вовсе было убыточно, так как местный крестьянин, занимавшийся преимущественно земледелием и скотоводством, нуждался в подспорье этих юных сил при своих домашних работах. Этим и объясняется весьма редкое существование при народных училищах изб для приюта учеников из дальних деревень. Холодность в деле народного образования замечалась иногда не только в народных училищах, где преподавание Закона Божьего большей частью возлагалась на светских преподавателей, но и в церковно-приходских школах, где часто встречались учителями люди, не имевшие никаких прав на преподавание [513, с. 38].

Использование начальной школы с целью вытеснения римско-католического костела из сферы воспитания и образования и для оправославливания детей-католиков, несмотря на возможные репрессии со стороны властей, не могло не вызвать сопротивление римско-католического духовенства. Виленский генерал-губернатор П. Каханов в 1884 г. на первой своей встрече с новым 42-летним Виленским епископом К. Гриневицким, бывшим ректором римско-католической духовной академии в г. Санкт-Петербурге, предложил ему вести богослужения на русском языке, а также распорядиться, чтобы ксендзы-законоучители преподавали Закон Божий на русском языке. «Хорошо, – ответил епископ, – если только Папа позволит». Но разрешения из Римской курии не последовало. Тогда П. Каханов, по

утверждению «Московских ведомостей», приказал полиции стогнать учеников всех школ, как подотчетных Святейшему Синоду, так и непосредственно правительству, в главные дни к православной церкви, дабы «они могли молиться по-католически и ежели хотели, то и по-польски», а также запретил К. Гриневицкому осуществлять пастырские визиты. В феврале 1885 г. епископ был выслан из г. Вильно [967, s. 229–230, 233].

После ссылки епископа П. Каханов предпринял новый натиск с целью привлечения римско-католических детей в православные церкви, а не в костелы. Время активных действий пришлось на 1886–1888 гг. В марте 1889 г., в годовщину смерти Александра II, директор Ковенской гимназии стал направлять всех детей в церковь. Местный же ксендз собрал детей-католиков и повел их в костел, за что в тот же самый день ксендз подвергли репрессиям [967, s. 239]. В дело вмешались другие предстатели римско-католического духовенства, послали сведения о происшедшем в Римскую курию. 28 июня 1889 г. Конгрегация римской инквизиции ответила, что римско-католикам не следует посещать некатолические богослужения. Одновременно попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский издал циркуляр, приказывавший римско-католическим детям посещать православные богослужения даже во время каникул и тем более в праздничные дни [967, s. 240].

В 1890 г. начальных народных училищ, подведомственных министерству народного просвещения, и церковно-приходских школ в Гродненской губернии было 869 с 3 3381 учащимся. Отношение обучающихся к общему числу сельского населения составляло 1 на 30 (1 учащийся школьного возраста приходился почти на 4 неучащихся этого возраста). В марте 1890 г. распоряжением министерства народного просвещения училищные отделения передавались в ведение православного духовенства – общность школьных занятий должна была сгладить существовавшую рознь между католическим и православным населением [712, л. 124–125].

В 1891 г. в распоряжение Святейшего Синода были переданы крестьянские школы грамоты, созданные на средства и по инициативе самого сельского населения. Школы грамоты, иначе «вольные крестьянские школы», или «домашние школы», число которых значительно возросло после крестьянской реформы, возникали обычно там, где не хватало начальных народных училищ [540; 544, с. 83–84].

Согласно статистическим данным, среди учеников народных школ и церковно-приходских училищ наблюдалось выраженное преобладание православных над римско-католиками. Церковно-

заведывание церковно-строительных учреждений, подведомых Министерству Внутренних Дел.

Глава 2.

Об обязанностях и отношениях к церковно-строительному делу Министерства внутренних дел

3. Министерство Внутренних Дел имеет наблюдение за церковными постройками через посредство Генерал-Губернаторов; с ними оно входит в сношения относительно обеспечения единства в направлении и в общем ходе церковных построек, а со Святейшим Синодом в соглашение, по вопросам, касающимся религиозной стороны дела и в случае разномыслия между местными Гражданским и Епархиальным ведомствами. К обязанностям Министерства также относится: испрошение нужных кредитов на церковные постройки, главная отчетность за распределением этих кредитов на местах, отношения, рассмотрение тех проектов и чертежей для построек, которые требуют высших технических соображений или которые, на основании Строительного Устава, должны быть подносимы на Высочайшее утверждение.

4. В видах сокращения издержек на церковные постройки при Министерстве Внутренних Дел не состоит особого Центрального Церковно-строительного Управления, а вся переписка по предметам, относящимся до экономической стороны дела, сосредоточивается при Департаменте Общих Дел; движение же и разрешение технических вопросов - в Главном Техническо-Строительном Комитете.

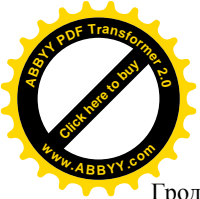
Глава 3.

Об обязанностях генерал-губернаторов по центральной части

5. Генерал-Губернаторы имеют главное и непосредственное наблюдение за действиями Губернских Церковно-строительных учреждений за ходом, единством и правильностью производства церковно-строительных работ в губерниях.

6. Генерал-Губернаторам предоставляется утверждение сети должностующих оставаться в губерниях самостоятельных приходских церквей, после предварительного соглашения с местным Епархиальным Начальством; в случае же достижения этого соглашения, обстоятельства, давшие повод к разномыслию, сообщаются Начальниками края Министру Внутренних Дел, для разрешения оных Министерством по соглашению с Святейшим Синодом.

7. Усмотрению Генерал-Губернаторов, как главных руководителей сего дела, предоставляется: а) указание Губернским Церковно-Строительным Учреждениям: порядка осмотра существующих церквей

Источник – Дело об устройстве православных церквей и причтов в Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 10. – Оп. 13. – Д. 264. – Л. 24.

Правила для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края (1867 г.)

Глава 1.

О предметах, относящихся до церковного строительства

1. Дело возобновления православных церквей включает в себе следующие предметы: а) осмотр существующих церквей и местностей, где находились сгоревшие или, за разрушенностью, упраздненные приходские храмы; б) снятие настоящего их вида на план; в) собрание сведений: о численности существующего прихода, о географическом его положении, о материальных его средствах для содержания церкви и духовенства, о возможности оставления его самостоятельным приходом, или об упразднении и соединении с другими ближайшими; г) начертание общей сети церквей, долженствующих быть в каждой губернии для удовлетворения религиозным нуждам местного православного населения; д) определение - что должно предпринять для восстановления ветхого или разрушенного храма в соответственном населению прихода и местным условиям виде, а также указание, какие необходимы меры для поддержания, как прочных существующих, так и предполагаемых к возобновлению церквей, на будущее время, без содействия правительства; е) изыскание местных цен на материалы и рабочих; ж) проектирование чертежей и составление сметы на сооружение, перестройку ил починку церквей; з) рассмотрение и утверждение этих документов; и) определение способа производства церковно-строительных работ; и) приведение в известность, какие имеются местные средства для возобновления или сооружения церкви; к) какое необходимо пособие со стороны казны; л) порядок расходования ассигнуемых Правительством и из других источников сумм; м) надзор за правильным производством работ в экономическом и техническом отношениях; н) передача отстроенных церквей временно для открытия в них богослужения, или окончательная сдача их на попечение прихожан, и о) отчетность.

2. Для достижения в сем деле единства, правильности и успешности, все без исключения церковные сооружения как в городах, так и в помещичьих и в казенных селениях западных губерний, поступают временно, до осмотра или до окончательной их отстройки, в

приходские школы, как все вообще народные училища, призваны были содействовать религиозно-нравственному воспитанию детей и приучению их к выполнению православных церковных уставов. В 1890 г. в народных училищах Гродненской губернии насчитывалось 17 184 православных (83%) и 1442 римско-католика (15%) [576, с. 21].

В 1893 г. в Гродненской губернии учился 1 из 4 крестьянских детей. В губернии существовало 1106 начальных училища: 302 народных училища и 804 церковно-приходских школ и школ грамоты, число которых по сравнению с 1892 г. увеличилось на 85. Школы первого типа, по признанию губернатора, больше удовлетворяли своему назначению, благодаря тому, что училища эти материально были лучше обеспечены, чем школы второй категории: на содержание каждого народного училища расходовалось в среднем 314 руб. в год (независимо от участия крестьянских обществ в предоставлении этим училищам помещений, отпуска учителям продуктов). На содержание церковно-приходских школ и школ грамоты ежегодно отпускались из суммы земского сбора 25 000 руб., поступавших от крестьянских и городских обществ наличными деньгами и натурой до 15 000 руб. и до 3 000 из церковных, монастырских синодальных сумм. Таким образом, из означенных сумм в среднем на каждую школу израсходовалось 53 руб. Такие ничтожные средства, по заверению губернатора, не позволяли приспособить школы этого типа для воспитательных целей, по причине невозможности содержать соответствующий контингент учителей и доставлять необходимые пособия. Привлечь крестьян к пожертвованиям на школы вообще не представлялось возможным из-за недостатка сбережений. К тому же крестьянские общества облагались обязательными расходами по содержанию народных училищ и не освобождались от них в случае учреждения в своих деревнях церковных школ. Увеличение числа народных школ и снабжение их достаточными материальными средствами могло бы, по утверждению губернатора, способствовать уничтожению религиозной розни между православным и католическим населением: местные жители-католики с малолетства приучались бы видеть в православном священнике не только служителя иного для них исповедания, но воспитателя и руководителя, насаждающего просвещение среди их детей [536, л. 23–25].

В 1894 г. в Гродненской губернии в церковно-приходских школах и школах грамоты, которых насчитывалось 859 вместе взятых, из числа обучавшихся было православных 18 529 обоего пола или 91,56 %, римско-католиков – 1 656 или 8,18 %, остальных исповеданий – 51 или 0,26 %. Учителей во всех этих школах состояло 849 лиц (836

учителей, 9 учительниц и 4 священника), не считая 843 законоучителей – православных священников. Общее число обучавшихся в церковно-приходских школах достигало 20 236 человек (17 136 мальчиков и 3 100 девочек), т.е. 37,73 % всего числа учащихся в Гродненской губернии. Детей православного исповедания насчитывалось 18 529 человек обоего пола, или 91,58 % обоего числа обучавшихся в церковно-приходских школах; затем 1 656 человек обоего пола, или 8,18 % составляли католики, и 51 или 0,26 % – дети других вероисповеданий [513, с. 145].

Учителями во всех церковно-приходских школах в конце 1894 г. состояло 849 лиц (836 учителей, 9 учительниц и 4 священника), не считая 843 законоучителей-священников. Учительниц среди преподавателей Закона Божьего не было; по одному гражданскому учителю этого предмета было в Белостокском, Бельском, Пружанском уездах; во всех остальных уездах Закон Божий преподавали православные священники. Главной финансовой поддержкой для школ служила сумма в 25 000 руб., ежегодно отпускаемая из земского кредита губернии [513, с. 146].

Таблица – Церковно-приходские школы и школы грамоты Гродненской губернии в 1894 г.

Название уездов	Численность населения		Число школ		Расстояние в верстах (max.)		Процентное отношение числа учащихся к населению по вероисповеданию к		Число учащихся	
	православ-х	р.-к.	церк.-прих.	школ гр-ты	от церк.	от кост.	прав. об. п.	р.-к. об. п.	м.	д.
Гродненский	77655	47004	4	131	14	27	3,26	0,35	2251	565
Сокольский	16250	75900	6	25	15	15	3,4	0,109	521	121
Белостокский	25884	82044	3	35	16	17	2,53	0,26	737	145
Бельский	95299	59647	9	148	12	17	3,58	0,92	2898	880
Брестский	123472	10197	10	124	11	19	2,38	1,57	2821	622
Кобринский	137689	3437	17	51	13	28	1,22	0,55	1573	139
Пружанский	103253	12491	4	74	14	35	1,64	0,65	1617	167
Слонимский	152680	19364	17	144	17	32	2,32	1,27	3497	320
Волковысский	80505	43086	7	50	20	27	1,48	0,37	1221	141
Всего по губернии	812687	353170	77	782	20	35	2,25	0,47	17136	3100

Источник – Обзор Гродненской губернии за 1894 г. – Гродно: Губ. тип., 1895. – С. 149.

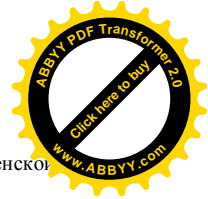
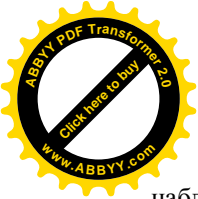
прочно и непремѣнно вблизи церквей, составляемая соображения по настоящему предмету представлять ва предварительное мое утверждение; 2-е для придания болѣе благообразнаго вида церквямъ и причетническимъ строениямъ стараться окружать ихъ зеленью, разсаживать деревья, вообще заботиться, придать имъ уютный и красивый видъ; 3-е озайботиться, чтобы церковные земельные надѣлы находились непремѣнно вблизи церквей, для чего входить въ соглашения съ помѣщиками въ селеніяхъ казенныхъ и въ случаѣ могущихъ встрѣтиться затрудненій по настоящему предмету немедленно представлять мнѣ, для дальнѣйшихъ съ моей стороны распоряженій.

7) Такъ какъ постройки требуютъ непремѣннаго наблюденія за ними техниковъ, а потому назначать Архитекторовъ членами церковно-строительныхъ комитетовъ возлагая на ихъ отвѣтственность правильность и прочность построекъ и въ случаѣ недостатка въ сказанныхъ техникахъ представлять о томъ мнѣ, для командированія таковыхъ по принадлежности.

Принимая за тѣмъ во вниманіе, что не смотря на неоднократныя и весьма значительныя денежныя пожертвованія со стороны правительства на благоустройство православныхъ храмовъ въ сѣверо-западномъ краѣ, многіе изъ таковыхъ нынѣ пришли уже въ совершенную вѣтхость и имѣя въ виду, что никакія денежныя пособія правительства не будутъ въ состояніи поддерживать ихъ въ надлежащемъ благолепіи, безъ теплаго сочувствія и участія въ томъ самихъ прихожанъ, я вполнѣ надѣюсь, что наше православное духовенство и мировые посредники окажутъ благотворное свое вліяніе въ этомъ важномъ дѣлѣ; приучая крестьянъ-собственниковъ заботиться о благолѣпіи своихъ приходскихъ церквей и пещись объ ихъ нуждахъ, которымъ они конечно не могли пособлять въ тяжелья времена панскаго ига польскихъ помѣщиковъ и коимъ нынѣ они легко могутъ удѣлять посильную лепту, въ воспоминаніе своего освобожденія и въ благодарность за щедрыя милости, излитыя на крестьянское населеніе нашимъ Великимъ Государемъ. – (Подписаль: Генераль-Адъютантъ Фонъ-Кауфманъ, скрепилъ Дѣствительный Статскій Совѣтникъ Никотинъ).

Съ полиннымъ вѣрно: Членъ Губернскаго Комитета по устройству церквей В. Дженѣвъ.

Примечание – Документ воспроизведен с учетом особенностей правописания того времени.

4) Признавая учреждение Церковных Комитетовъ для наблюдения, съ содѣйствіемъ Церковныхъ Совѣтовъ, за постройками Православныхъ Церквей, мѣрою весьма полезною, вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, для производства работъ, вызывать подрядчиковъ, или при хозяйственной постройкѣ, мастеровые артели изъ внутреннихъ губерній, даже съ денежными пожертвованиями, ибо пребываніе подобныхъ артелей среди Православнаго населенія здѣшняго края посѣетъ прочныя семена чисто русской жизни и ознакомитъ ближе здѣшній народъ съ остальною Россією.

5) Постройку Церквей необходимо разсрочивать на года, такъ какъ съ одной стороны, при значительномъ числѣ воздвигаемыхъ вновь храмовъ и возобновленіи таковыхъ въ здѣшнемъ краѣ неминуемо встрѣтится затрудненіе въ приисканіи рабочихъ, а слѣдовательно возвысится и цѣнность постройки, съ другой стороны прочность самыхъ построекъ требуетъ необходимо извѣстнаго періода времени для выстройки, а потому:

а) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ Храмовъ Божіихъ и гдѣ прихожане крайне будутъ затруднены въ исполненіи духовныхъ требъ, слѣдуетъ строить таковыя съ возможною скоростію недалѣе 2-хъ лѣтъ.

б) Тамъ, гдѣ церкви находятся въ вѣтхомъ состояніи, стараться возобновлять таковыя и приводить въ надлежащій благолѣпный видъ въ теченіе одного года.

в) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воздвигаются новые храмы, вмѣсто вѣтхихъ, и гдѣ неотложной потребности въ церквахъ нѣтъ при значительности предстоящихъ церковныхъ построекъ, можно разсрочивать таковыя на 3, 4 или 5 лѣтъ; при постройкѣ же болѣе обширныхъ церквей можно продолжать сроки работы и на болѣе значительное время, озабочиваясь при томъ, чтобы прихожане отнюдь не были стѣсняемы въ исполненіи ихъ Священныхъ обрядовъ.

б) Принимая во вниманіе, что на основаніи Высочайшаго повѣленія, послѣдовавшаго въ 1864 г., собираются нынѣ, по распоряженію бывшаго Генераль-Губернатора, свѣденія о недоимкахъ, на лицахъ неисполнившихъ по 19 февраля 1861 года лежавшихъ на нихъ обязанностей, по устройству помѣщений для церковныхъ причтовъ, которыя и будутъ взысканы указаннымъ на то порядкомъ, слѣдуетъ немедленно озаботиться устройствомъ помѣщений для Священно-церковно-служителей, съ отнесеніемъ расходовъ заимообразно на процентные сборы съ помѣщичьихъ имѣній ввѣреннаго мнѣ края; для сего 1-е имѣть въ виду, чтобы причетническія строенія были устраиваемы, примѣняясь по возможности только къ даннымъ нормальнымъ чертежамъ и, красиво,

Таблица – Численность учащихся в церковно-приходских школах Гродненской губернии по вероисповеданиям в 1894 г.

Название уездов	Правосл.		Рим.-кат.		Протест.		Магомет.		Евреи	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Гродненский	41	41	23	1	–	–	–	–	–	–
Сокольский	124	39	7	–	–	–	–	–	–	3
Белостокский	69	27	28	7	–	–	–	–	–	–
Бельский	299	126	34	6	–	–	–	–	–	1
Брестский	410	41	14	–	–	–	–	–	1	1
Кобринский	491	42	17	–	–	–	–	–	–	–
Пружанский	159	9	5	–	–	–	–	–	–	–
Слонимский	781	53	19	2	–	1	–	1	–	1
Волковысский	213	70	5	8	–	–	–	–	–	–
Всего по губернии	2587	448	152	24	–	1	–	1	1	6

Источник – Обзор Гродненской губернии за 1894 г. – Гродно: Губ. тип., 1895. – С. 149.

Таблица – Численность учащихся в школах грамоты Гродненской губернии по вероисповеданиям в 1894 г.

Название уездов	Правосл.		Рим.-кат.		Протест.		Магомет.		Евреи	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Гродненский	2065	492	116	27	–	–	5	–	1	4
Сокольский	314	76	74	2	–	–	–	–	2	1
Белостокский	462	97	174	9	–	–	–	–	4	5
Бельский	2070	728	495	15	–	–	–	–	0	4
Брестский	2290	577	104	2	–	–	–	–	2	1
Кобринский	1059	94	2	0	–	–	–	–	4	3
Пружанский	1378	156	74	2	–	–	–	–	1	0
Слонимский	2483	238	213	22	–	–	–	–	1	2
Волковысский	857	58	145	4	–	–	–	–	1	1
Всего по губернии	12978	2516	1397	83	–	1	5	–	16	21

Источник – Обзор Гродненской губернии за 1894 г. – Гродно: Губ. тип., 1895. – С. 149.

Из вышеприведенных таблиц видно, что из числа всего православнаго населенія обучалось в школах 2,25 % и из всего римско-католическаго населенія посещало школы 0,47 %. Если взять в расчет только детей школьнаго возраста, то из 117,384 детей православныхъ этого возраста училось 15,7 %, а из 50458 детей католиковъ – 3,28 %. Переходя къ подробному рассмотренію отношенія учащихся по вероисповеданіямъ в уездахъ получим:

1) в Гродненскомъ уезде число жителей православныхъ к числу жителей католиковъ относилось какъ 8 к 5; церкви стояли довольно

близо от школ, костелы - довольно далеко; учеников православных было 33 на 1000 жителей православных, католиков 3 на 100 жителей римско-католического вероисповедания;

2) в Сокольском уезде православных жителей в 5 раз меньше, чем католиков; церкви и костелы стояли в равных расстояниях от школ; учащихся православных 34 на 1000, католиков 1 на 1000;

3) в Белостокском уезде православных в 3 раза меньше, чем католиков; расстояние школ от церквей и костелов одинаковое; учащихся православных 25 на 1000 и католиков 3 на 1000;

4) в Бельском уезде православных 10 на 6 католиков; церкви ближе к школам нежели костелы; учащихся православных 33 на 1000, католиков 9 на 1000;

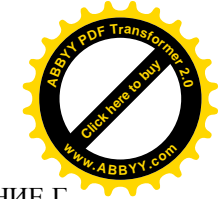
5) в Брестском уезде православных в 12 раз больше католиков; костелы много далее церквей от школ; учащихся православных 24 на 1000, католиков 16 на 1000;

6) в Кобринском уезде значительно ближе к школам располагались костелы; учащихся православных 16 на 1000 жителей, католиков 6 на 1000;

7) в Слонимском уезде православных в 12 раз больше католиков; церкви значительно ближе костелов к школам; учащихся православных 23 на 1000, католиков 13 на 1000;

8) в Волковысском уезде православных вдвое больше католиков; церкви ближе костелов к школам; учащихся православных 15 на 1000, католиков 3 на 1000.

Из приведенных данных видно, что в трех уездах (Гродненском, Бельском и Волковысском), где православное население было вдвое больше римско-католического и православные церкви находились ближе к школам, чем костелы – число учащихся православных достигало 15–33 человек на 1000 жителей, а римско-католиков соответственно 3–9 на 1000 человек. В четырех уездах (Брестском, Кобринском, Пружанском и Слонимском), где православное население превышало римско-католическое в несколько раз (от 9 до 40) и церкви значительно ближе располагались к школам, чем костелы, православных учащихся приходилось 12–24 на 1000 жителей и католиков от 5-16 на 1000. И в двух уездах (Белостокском и Сокольском), где православное население от 3 до 5 раз было меньше римско-католического, а церкви и костелы находились на равном расстоянии от школ – обучалось грамоте православных 25–34 на 1000 жителей и римско-католиков соответственно 1–3 на 1000 жителей. Следовательно, чем большее было количество православного населения и чем ближе к школе располагалась церковь, тем выше был

Строительство православных храмов в Северо-Западном крае

ПРАВИЛА которые слѣдуетъ наблюдать при постройкѣ Православныхъ Церквей и причетническихъ строеній въ Сѣверо-Западномъ краѣ

(предложение Виленского генерал-убернатора
от 24 мая 1865 г. за № 33).

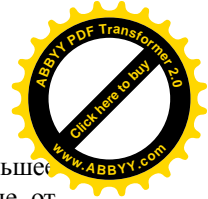
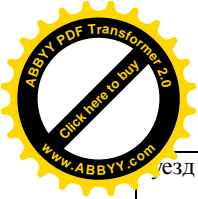
Такъ какъ Православные Храмы Божіи должны служить вѣковыми свидѣтелями великой эпохи возрожденія Православія и русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, искони русскомъ, страдавшемъ такъ долго подъ гнетомъ Латино-Польской пропаганды, а потому постройка таковыхъ должна быть производима съ изыщанностью капитально и безъ излишней поспѣшности. Съ этой цѣлю необходимо придерживаться слѣдующаго:

1) Строить Православныя Церкви внутри селеній, на самомъ видномъ и лучшемъ мѣстѣ, какъ и подобаеть русской Святынь, при чемъ по возможности, въ самомъ центрѣ приходоу, отнюдь не деревянныя, а каменныя и преимущественно кирпичныя, такъ какъ постройка таковыхъ, при хозяйственномъ заготовленіи кирпича будетъ незначительно дороже булыжныхъ; послѣднія могутъ быть устраиваемы тамъ, гдѣ встрѣтится затрудненіе въ доставкѣ кирпича и при томъ непременно должны быть обшиваемы внутри кирпичомъ, на кирпичномъ цоколѣ, на цоколь употребляютъ кирпичъ желѣзнякъ, и кирпичномъ основаніи по угламъ въ дверяхъ и окнахъ.

Примѣчаніе: Въ настоящее время имѣется въ виду постройка желѣзныхъ Церквей, но такъ какъ неприведены еще въ окончательную извѣстность всѣ обстоятельства этаго дѣла, то будутъ сообщены впослѣдствіи дополнительныя свѣденія.

2) При построеніи храмовъ въ городахъ и большихъ торговыхъ селахъ желательнo, чтобы Церкви строились со сводами и каменными или желѣзными куполами и желѣзными крышами; деревянные купола могутъ быть допускаемы какъ исключеніе, въ небольшихъ Церквахъ, незначительныхъ селеній.

3) Нужный на постройку лѣсъ необходимо долженъ быть вырубленъ осенью, вывезенъ зимнимъ путемъ къ мѣстамъ постройки, при чемъ сплавной лѣсъ предпочитать сухопутно доставленному.

Уезд его	187	249	-	42	1	58917	58917	1078	1082	
Гомель уезд его	13 476	29 483	- -	- 49	3 -	7783 108436	8079 108359	570 1307	586 1397	
Горки уезд его	21 147	24 169	- -	- -	- 2	1683 51383	1728 51169	58 2389	16 2449	
Климов. уезд его	13 372	17 411	- -	- 1	- 1	1105 70998	1480 72669	10 525	22 624	
Мстисл. уезд его	28 184	15 201	- 19	15 42	2 -	2242 42848	1765 42190	181 870	145 915	
Орша уезд его	14 203	17 264	- 9	- 75	2 4	2974 77489	3108 78152	289 4195	308 4306	
Рогачев уезд его	8 189	7 220	- -	- -	1 4	2069 84727	1096 86511	992 2359	313 2475	
Сенно уезд его	27 263	23 263	- 48	- -	1 2	809 73118	762 72366	219 4990	239 5335	
Чаусы уезд его	7 121	10 130	- -	- -	- 2	1336 41496	1284 41983	21 972	22 965	
Чериков уезд его	18 237	21 280	- 5	- -	1 1	1184 72854	1217 81937	20 1397	32 1364	
Копысь	7	11	-	-	-	1162	944	26	29	
Бабинови чи	2	6	-	-	1	309	302	28	37	
Итого	в городе	239	292	27	15	16	34369	33056	3931	3150
	в уезде	2580	2874	88	298	18	733470	735547	23741	24664
	в губернии	2819	3166	115	313	34	76789	768603	27672	27814

Источник – Обзор Могилевской губернии за 1900 г. – Могилев: изд. Губ-го Стат-го ком-та., 1901. – С. 107–111.

процент православных учащихся. И, соответственно, чем больше было количество римско-католического населения и чем дальше от православной церкви – процент учащихся римско-католиков возрастал [578, с. 56–59].

Диспропорция в количестве православных и римско-католиков среди учащихся объяснялась отрицательным отношением римско-католического крестьянского населения к «обручительной» работе в школах, которая имела еще и выраженное антикатолическое направление, особенно в церковно-приходских школах. В 1885 г. мировой посредник из Волковысского уезда писал в дирекцию народных училищ, что крестьяне-католики Боярской волости заявили ему на собрании, посвященном проблеме открытия народного училища: «Нет смысла учить своих детей грамоте, поскольку католиков не принимают ни в учительскую семинарию, ни на службу в полицейские урядники и жандармы, ежели правительство желает иметь грамотных солдат, то пускай само их учит, а для хозяина-хлебороба грамота не нужна» [770, с. 76–77]. Характерно что в своем отчете за 1896 г. Гродненский губернатор особо отметил инициативность крестьян в составлении приговоров об открытии низших учебных заведений: в 1896 г. их число увеличилось на 100 школ грамоты. Несмотря на явные недостатки сельских школ как принадлежавших министерству народного просвещения, так и православному ведомству, они способствовали развитию грамотности в народе. В 1896 г. число учеников в Гродненской губернии составило 48 994 человек ($\frac{1}{3}$ всех детей школьного возраста), в том числе детей римско-католического вероисповедания 6 129 школьников [538, л. 13].

Назначение и увольнение учителей в церковно-приходских школах зависело от уездных отделений епархиального училищного совета, выдача же разрешения на право преподавания в школах грамоты предоставлена была настоятелям приходских православных церквей на основании правил и узаконений о церковно-приходских школах и школах грамоты. В Гродненской губернии в 1894 г. помещения для школ имелись следующие: для 103 школ церковно-приходских и грамоты – в выстроенных для них собственных домах; для 141 – в церковных, причтовых и общественных зданиях; для остальных же – в крестьянских избах, где эти школы, в особенности передвижные, вынуждены были размещаться вместе с крестьянской семьей [513, с. 147].

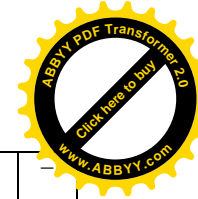
Передача учебных заведений для крестьян, открытых после 1866 г., в ведение православного духовного руководства в 1884 г., вопреки ожиданиям правительства, не принесла быстрого оправославливания

крестьянства. В 1891 г. Гродненский уездный предводитель дворянства заметил, что лишь в некоторых местностях крестьяне (католики и православные) действительно смешались, в других же – крестьяне-католики стали селиться отдельно от православных, образуя своеобразные околицы. Своих детей такие крестьяне или совсем не учили, или обучали их у себя дома чтению и письму, естественно, на польском языке [256, л. 12–13]. Гродненский губернатор П. Батюшков отмечал абсолютную индифферентность крестьян к передаче церковно-приходских школ и училищных отделений в руки православного духовенства: если население ничем и не выразило свое сочувствие к этой передаче, то и нигде враждебного отношения со стороны крестьян-католиков замечено не было. Причину плохого посещения детьми крестьян-католиков церковно-приходских школ губернатор видел не в том, что они находились в ведении православных священников, а в том, что крестьяне вообще не желали добровольно платить за содержание упомянутых школ, под тем предлогом, что они предназначались для православного населения [256, л. 84–85].

Попечитель Виленского учебного округа Попов в циркуляре от 2 октября 1900 г. объявлял целью воспитания детей в народной школе – «сделать их прежде всего истинно добрыми людьми, а также верными и полезными сынами своего общего отечества – великой России и преданными слугами престола», а через детей «воздействовать и на всю окружающую их среду» [493, с. 129]. Он требовал, чтобы учителя своим поведением подавали пример учащимся в отношении исполнения религиозных обрядов, организовывали учеников на исповедь и причастие, посещение церкви и участие в богослужении чтением и пением, чтобы во всех училищах были организованы церковные хоры, в которых должно было участвовать возможно большее количество мальчиков и девочек [493, с. 136]. Каждый учебный день начинался и оканчивался молитвой. Открытие новых училищ сопровождалось молебствиями и торжественными освящениями [494, с. 168].

Политика вытеснения костела из сферы образования, неуклонно проводившаяся правительством на протяжении трех десятилетий после восстания 1863 г., несколько либерализировалась к концу столетия. 25 июня 1897 г. вышел высочайший указ и соответствующий ему циркуляр министра народного просвещения по вопросу посещения учениками римско-католиками православных богослужений. Означенным указом освобождались от участия в православных богослужениях в табельные дни воспитанники гражданских училищ. В

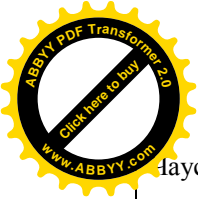

Слонимский уезд	154	183	5	–	4	6	–	–	–	–	–	–
г. Соколка	1	6	–	–	1	3	–	–	–	–	–	–
Сокольский уезд	9	4	–	–	6	?	–	–	–	–	–	–
г. Белосток	12	20	–	–	3	3	–	–	–	–	–	–
Белостокский уезд	30	41	8	–	18	16	–	–	–	–	–	–
г. Бельск	4	18	–	–	1	2	–	–	–	–	–	–
Бельский уезд	106	126	–	–	14	18	–	–	–	–	–	–
г. Брест	10	15	–	–	2	5	–	–	–	2	–	–
Брестский уезд	259	255	–	–	3	2	–	–	–	–	–	–
г. Кобрин	5	3	–	–	1	4	–	–	–	–	–	–
Кобринский уезд	141	174	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–
г. Пружаны	12	11	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–
Пружанский уезд	105	112	–	–	4	3	–	–	–	1	–	–
г. Волковыск	3	–	–	–	1	2	–	–	–	–	–	–
Волковысский уезд	69	74	–	–	10	12	–	–	–	–	–	–

Источник – Таблицы и ведомости уездных исправников, приставов и других со статистическими сведениями по городам и уездам Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 14. – Оп. 1. – Д. 611. – Л. 3; Статистический отчет по губернии за 1867 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 4981. – Л. 204.

Таблица 9 – Соотношение численности православного и римско-католического духовенства и населения в Могилевской губернии в 1900 г.

Название местности	Духовенство					Население			
	православное				р.-к.				
	белое		монаш.		белое	православное		рим.-катол.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	м.	ж.	м.	ж.
Могилев уезд его	76	96	27	–	4	10027	9508	1471	1349
	201	204	7	89	1	51204	50505	3659	3732
Быхов	5	16	–	–	1	1686	1686	46	52

Заусовский уезд	Расинский	1	
	Радомльский	1	
	Орша	3	
	Оршанский уезд	Смолянский	1
		Старосенский	1
	Талочинский	2	
	Бористиновская часовня	–	
	Дубровенского прихода	–	
	Оболетский	1	
	Микулино-Руднянский	2	
Бабиновичский	1		
Сенно	Выдрейская филия	1	
	Сенненский	2	
Сенненский уезд	Вядетский	1	
	Лукомльский	2	
	Черейский	2	
	Островский	1	
	Бобрский	2	
Всего		81	

Источник – Дело о численности римско-католического духовенства в Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 996. – Л. 3–8.

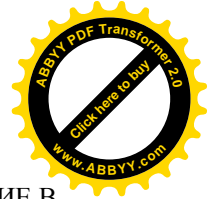
Таблица 8 – Численный состав римско-католического, православного духовенства в Гродненской губернии в 1867 г., 1889 г.

Название местности	Православное духовенство				Римско-католическое духовенство							
	белое		монашескую		белое				монашескую			
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
	1889 г.	1889 г.	1889 г.	1889 г.	1889 г.	1867 г.	1889 г.	1867 г.	1889 г.	1867 г.	1889 г.	1867 г.
г. Гродно	8	19	5	12	8	14	–	–	3	22	9	27
Гродненский уезд	60	76	–	–	12	14	–	–	1	2	–	–
г. Слоним	4	5	–	–	4	4	–	–	–	–	10	11

указе ничего не было сказано о частных и военных учебных заведениях. В указе предусматривался порядок молитвы перед уроками для учеников-католиков, если их численность была значительна, но какое именно число следовало принимать как значительное – не было обозначено. «Во всяком случае, – по словам Могилевского архиепископа Г.Э. Шембека, – для меньшего количества учеников-католиков установление особой молитвы встречает многие препятствия» [382, с. 77]. В указе не определялось вполне ясно чтение молитвы на польском языке. Хотя указ и освобождал учащихся римско-католиков от участия в православных богослужениях в табельные дни, но учебные власти следили за их присутствием на православных молебствиях в другие дни или по поводу похорон. Практиковалось также чтение вслух, от имени других, православной молитвы, что считалось публичным актом богопочитания, по своей форме и содержанию несогласным с правилами римско-католического костела, поскольку сказанная молитва не предписывалась костелом. И, что самое главное, высочайший указ от 25 июня 1897 г. не был доведен до сведения руководителей учебных дирекций, а потому в начальных училищах он не применялся, и на практике учащиеся католики по-прежнему должны были посещать православную церковь и читать перед уроком православные молитвы [382, с. 77].

Перемены в отношениях римско-католического костела и школ Святейшего Синода произошли при Виленском римско-католическом епископе С. Зверовиче. В июне 1899 г. он обратился к министру внутренних дел Горемыкину, написав о ненормальном положении религиозного воспитания в народных училищах и церковно-приходских школах, где учеников-католиков принуждали молиться по православному обряду. Епископ требовал дать всем начальным школам учебники для римско-католиков и ввести в церковно-приходских школах должность римско-католического законоучителя. Горемыкин ответил, что при возникновении возможных недоразумений необходимо обращаться к генерал-губернатору [729, с. 95].

Такое положение дел наблюдалось не только в церковно-приходских школах и училищах, но и в гимназиях. Об этом свидетельствует циркуляр министра народного просвещения Н.П. Боголепова, разосланный попечителям округов 8 июля 1899 г. Он констатировал, что от педагогов и родителей учащихся в гимназиях и реальных училищах давно слышатся жалобы на разные недостатки этих учебных заведений. И далее министр, с редкой откровенностью, перечислял жалобы: из девяти вторым пунктом значилось невнимание

с личным особенностям учащихся и пренебрежение нравственным воспитанием, под которым понималось преподавание Закона Божьего [386, с. 40].

Епископу С. Зверовичу удалось добиться от правительства некоторых уступок: разрешения помещать в школах, кроме школ Святейшего Синода, для проведения занятий по Закону Божьему римско-католические иконы, перед занятиями и после них читать молитвы на латинском языке [731, с. 76].

14 июля 1901 г. Виленский епископ С. Зверович сделал распоряжение подведомственному римско-католическому духовенству, чтобы оно, соблюдая распоряжения гражданского характера административной власти и в этом отношении, подавая добрый пример пастве, во всех делах, прямо или косвенно относящихся к вере и костелу, не давало никаких ни словесных, ни письменных обязательств гражданским властям без его ведома и разрешения в каждом отдельном случае. Циркуляр вышел в ответ на многочисленные факты прямого вмешательства светской власти в духовные дела, прежде всего требовавших от местного римско-католического духовенства принятия мер к поощрению и развитию школьного дела (естественно, в «русском духе») [622, л. 79].

Видя отсутствие со стороны правительства каких-либо действий, разрешавших проблемы насильственного посещения детьми-католиками православных храмов, обучение последних православным истинам веры, Виленский римско-католический епископ С. Зверович решил на издание циркуляра от 12 февраля 1902 г. за № 509, в котором было строжайше предписано всему римско-католическому духовенству Виленской епархии следить, чтобы католические дети не посещали указанных школ. В случае обнаружения подобных фактов, если увещевания и наставления не помогали, духовенству позволялось не давать на исповеди отпущения грехов как детям, обучающимся в этих школах, так и родителям и опекунам, посылающим их туда (полный текст указа приведен в приложении Ж) [628, л. 2–4].

Таким образом, епископ С. Зверович открыто выступил как противник проводимой антикатолической политики в правительственных начальных школах. В то же время он подчеркивал свою лояльность к правительству и патриотизм по отношению к империи. С. Зверович действовал в полном соответствии с римско-католическим правом: еще 28 июня 1889 г. Конгрегация инквизиции категорически запретила всем ученикам-католикам Российской империи всех учебных заведений присутствовать на исполнении религиозных действий не католиками. Известие об этом указе попало в

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Количественный состав римско-католического духовенства

Таблица 7 – Список римско-католического духовенства Могилевской губернии (по состоянию на 13 августа 1865 г.)

Название местности	Название костела	Кол-во духов-ва
Могилев	Могилевский фарный	2
	Могилевский по-бернардинский	2
Могилевский уезд	Бельничский	2
	Княжичский	1
	Шкловский	2
Горки	Гори-Горецкий	1
Горецкий уезд	Фашевский	2
	Дубровенский	2
Быхов	Быховский	2
Рогачевский уезд	Рогачевский	2
	Олеранский	2
	Дворецко-Ангушевский	2
	Свержанский	1
	Куровичский	2
	Люшевский	1
	Чечерский	2
Гомель	Гомельский	3
Гомельский уезд	Радочский	2
	Климовичский уезд	Шумятский
Ляховичский		2
Хотимская филия		1
Костюковичский		3
Гайдуковская филия		1
Мстиславль	Мстиславльский	3
	Пиотровский	2
Чериков	Чериковский	2
Чериковский уезд	Вородьковский	1
	Заболотский	1
	Кричевский	2
	Ивандарский	2
	Чаусы	Чаусовский

Дрогичинский	Августин Веселовский	400	–	–	–
Вышновский	Викентий Войтекунас	то же	–	–	–
Лубенский	Павел Должик	275	–	–	–
Побикровский	Болеслав Чарковский	то же	–	–	–
Топчевский	Адольф Снежко-Блоцкий декан	«»	–	–	–
Бельский	Антоний Панасевич	400	–	–	–
Цехановецкий	Иосиф Гауль	230	–	–	–
Долубовский	Викентий Габилевич	то же	–	–	–
Домановский	Антоний Новицкий	228	50	–	–
Наревский	Юлианн Заневский	230	–	–	–
Острожанский	Александр Рымкевич	то же	–	–	–
Перлеевский	Иоанн Халицкий	«»	–	–	–
Рудский	Карл Сухоцкий	«»	–	–	–
Семятичский	Казимир Паукшто	«»	–	–	–
Страбельский	Альбин Ярошевич	228	50	–	–
Винский	Франциск Байкштис	230	–	–	–
Брестский деканат					
Брест-Литовский	декан Павел Станевич	500	–	–	–
	Федор Пухальский				
Каменец-Литовский	Антоний Качинский	240	50	–	–
Высоко-Литовский		275	–	–	–

Источник – Ведомости на выдачу денежного содержания р.-к. духовенству // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1087. – Л. 363, 367–369, 387–389, 397–398, 414–415, 436.

руки епископа тайно: через Варшавского римско-католического архиепископа, поскольку вся переписка между епархиями и Римской курией должна была происходить только через министерство внутренних дел [387, л. 7].

Реакция местных ксендзов на распоряжение С. Зверовича поступила незамедлительно. Ксендз Малиновский в Слонимском уезде потребовал от 15 девочек римско-католического исповедания покинуть Ружанскую церковно-приходскую школу, в которую они поступили в прошлом году – все девочки последовали его указаниям [628, л. 10]. По требованию настоятеля Наревского костела Бельского уезда ксендза Антона Шимелюнаса, основанному на циркуляре епископа, ученики церковно-приходской школы в д. Будах Беловежско-Александровской волости Пружанского уезда в числе 40 мальчиков-католиков с 12 марта 1902 г. прекратили посещение упомянутой школы. Шимелюнас строго приказал крестьянину деревни Будах Павлу Вишневному наблюдать за теми учениками-католиками, которые будут посещать школу. При том объявил, что в случае посещения ими школы, он будет принимать карательные меры: лишать на исповеди отпущения грехов как мальчиков, так и их родителей [628, л. 15].

После циркуляра С. Зверовича ученики-католики стали массово покидать церковно-приходские школы и школы грамоты. В Белостокском уезде до циркуляра С. Зверовича учеников-католиков в церковно-приходских школах было 497, а после осталось всего лишь 19 [628, л. 72]. Усилились и выступления римско-католического клира против правительственных православных школ. Так, осенью 1902 г. был осужден на 2 года заключения во Францисканском монастыре г. Гродно ксендз Мачульский из Сокольского уезда Гродненской губернии. Среди обвинений его было и такое: побуждал крестьян к закрытию местной церковно-приходской школы [729, с. 96]. Настоятель Дятловского римско-католического костела Слонимского уезда ксендз Устин Петронис не только запрещал детям римско-католического исповедания посещать Роготнянскую церковно-приходскую школу, но и делал распоряжения, чтобы крестьяне-католики не исполняли по отношению к этой школе принятых ими на себя по приговору обязательств [675, л. 350].

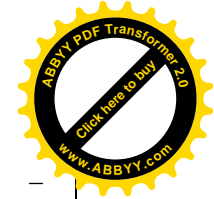
По признанию Гродненского губернатора, почти во всех уездах Гродненской губернии местные ксендзы стали открыто проявлять негативное отношение к церковно-приходским школам и школам грамоты, внушая своим прихожанам, что посещение детьми-католиками этих школ равносильно измене католическим убеждениям и отступлению от римско-католической веры и костела. Многие из

ксендзов запретили своим прихожанам посылать детей в означенные школы, угрожая слушникам неотпущением грехов на исповеди. Под прямым воздействием ксендзов, позволявших себе публично произносить в костелах проповеди в указанном направлении, в ряде селений и местечек Гродненской губернии католики перестали посылать своих детей в церковно-приходские школы. В некоторых даже были прекращены занятия – за выбытием большей части учеников. Были случаи прямых насильственных действий против церковно-приходских школ со стороны местного римско-католического населения. С одной из школ крестьяне двукратно срывали вывеску, сопровождая такой поступок резкими выражениями своего негодования к православию [628, л. 26]. Следует также заметить, что мировые посредники и уездные исправники указывали еще на одну, на их взгляд, главную причину недопущения ксендзами римско-католических детей в церковно-приходские школы: в этих школах не учили детей по-польски – каноническому языку римско-католического костела [628, л. 119].

Предложением от 27 марта 1902 г. егермейстером Сипягиным было поручено Гродненскому губернатору поставить в известность римско-католическое духовенство губернии, что всякие действия, направленные к исполнению циркуляра Виленского епископа С. Зверовича и во вред церковно-приходским школам, будут строго преследуемы. 6 апреля 1902 г. князем Н. Урусовым был издан циркуляр на имя деканов Гродненской губернии, которым было вменено в обязанность указать местным ксендзам, что всякая открытая агитация с их стороны против церковно-приходских школ, а тем более подстрекательство своих прихожан к демонстративному выражению недовольства церковно-приходскими школами и насильственным действиям с целью закрытия этих школ, не могут быть допущены, и что такие действия будут строго преследуемы. Гродненский губернатор распорядился о произведении тщательного дознания о всех действиях римско-католических ксендзов в данном направлении [628, л. 121].

Власть была вынуждена пойти на уступки. 1 апреля 1902 г. появилось новое положение о церковно-приходских школах, согласно которому не исповедовавшие православной веры дети принимались в школу не иначе как с разрешения их родителей или лиц, на попечении которых они находились [800, с. 547]. С этого времени церковно-приходские школы предназначались только для православного населения. Но лишь в 1904 г. попечитель Виленского учебного округа потребовал от руководителей народных училищ, чтобы только в

Суражский	Ромуальд Кнобельдорф	«»	–	–	–
Добриневский	Ипполит Малиновский	«»	–	–	–
Заблудовский	Мартин Пузыревский	«»	–	–	–
Васильковский	Генрих Воеводский	«»	–	–	–
Пружанский деканат					
Пружанский	декан Антоний Сонгайло	400	–	–	–
Шерешевский	Иоанн Нечипорович	то же	–	–	–
Сегневичский	Антоний Салатыцкий	275	–	–	–
Киватичский	Людвиг Посумирский	230	–	–	–
Сокольский деканат					
Сокольский	декан Анзельм Ноневич	400	–	–	–
Кузницкий	Иоанн Нарушис	то же	–	–	–
Кундиновский	Константин Костя	275	–	–	–
Яновский	Исидор Цыбульский	то же	–	–	–
Суховольский	Иоанн Заблоцкий	259	85	–	–
Соколянский	Фаддей Макаревич	230	–	–	–
Домбровский	Чеслав Гурский	то же	–	–	–
Новодворский	Станислав Купрель	170	50	–	–
Озельский	Игнатий Эйнер	230	–	–	–
Корицинский	Сигизмунд Чарковский	то же	–	–	–
Сидранский	Ромуальд Ходыко	то же	–	–	–
Залесянский	Иоанн Укрин	то же	–	–	–
Кобринский деканат					
Кобринский	декан Казимир станкевич	308	–	–	–
Ивановский	Виктор Эллерт	397	65	–	–
Бельский деканат					
Боцьковский	Александр Гайдук	400	–	–	–
Брянский	Иоанн Жоховский	230	–	–	–

Гродненский монастырь францисканов	Игнатий Россоловский	2 796	—	—	—
Гродненский по-бернардинский	Фома Долинский	—	—	400	—
Гродненский фарный	декан Юлий-Аллозий Эллерт	435	—	—	—
за отошедшее здание		150	—	—	—
Индурский	Наполеон Соболевский	400	—	—	—
Езерский	Николай-Филипп Томашевич	275	—	—	—
Велико-Эйсмонтовский	Доминик Ярош	то же	—	—	—
Гожский	Константин Тежик	«»	—	—	—
Мостовский	Фаддей Савашинский	«»	—	—	—
Каменский	Болеслав Яроцкий	230	—	—	—
Кринский	Людвиг Балобан	то же	—	—	—
Луненский	Адольф Михневич	«»	—	—	—
Квасовский	Адольф Томкевич	«»	—	—	—
Белостокский деканат					
Гониондский	Иоанн Войделовский	500	—	—	—
Белостокский	декан Вильгельм Шварц	400	—	—	—
Ясеновский	Юлиан Жуковский	400	—	—	—
Тростянский	Эдуард Петкевич	то же	—	—	—
Долистовский	Ромуальд Яблонский	275	—	—	—
Крышинский	Христофор Аборович	то же	—	—	—
Туроснянский	Иосиф Слычко	«»	—	—	—
Хорощанский	Иосиф Сончик	230	—	—	—
Ролчинский	Иоанн Кецарис	то же	—	—	—
Юхновецкий	Антоний Далинкевич	«»	—	—	—
Калиновский	Болеслав Янович	«»	—	—	—
Неводницкий	Антоний Довбор	«»	—	—	—

губерниях с православным населением (Витебская, Минская, Могилевская) увеличивалась сеть школ церковного ведомства, и отметил, что в губерниях, где преобладали католики (Виленская, Гродненская, Ковенская), следовало развивать начальные школы министерства народного просвещения [13, с. 338].

22 ноября 1902 г. Гродненский губернатор П.А. Столыпин обратился непосредственно к временно управляющему Виленской римско-католической епархией канонику Виктору Радиминскому-Фронцкевичу, чтобы он повлиял на подведомственное ему римско-католическое духовенство Гродненской губернии в том смысле, чтобы оно воздержалось от вмешательства в дела церковно-приходских школ и перестало действовать в этом направлении на население, пригрозив административными мерами. Обращение губернатора к епископу было вызвано поступком настоятеля Острожанского костела в деревне Стадники Наройской волости Бельского уезда ксендза Рышкевича, воспротивившего поселянам отдавать помещение для найма под церковно-приходскую школу, угрожая им в противном случае лишением исповеди и святого причастия, а также других треб. На что В. Фронцкевич ответил: «Церковно-приходские школы предназначаются для лиц православного исповедания без различия состояния, а потому они должны устраиваться при церквях в домах хозяев, исповедующих православную веру; но коль скоро учредители желают помещать свои школы в домах католических семейств, в таком случае уже вопрос церковно-приходских школ затрагивает совесть католиков и каждый ксендз по долгу своего сана и совести обязан предупреждать своих прихожан и защищать свою паству; по моему призванию и занимаемой должности, я не могу идти навстречу, ибо тогда я бы шел сам против себя, то есть против своей веры, а каждому своя вера дорога».

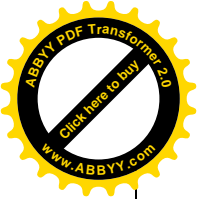
В. Фронцкевич выступил в защиту Рышкевича, который, по его словам, показал себя как истинный католический пастырь, а не противник правительства. В свою очередь, П.А. Столыпину высказывал недовольство православный епископ Гродненский и Брестский Иоаким, дабы губернатор предпринял какие-либо действенные меры против ксендзов Перлеевского, Остражанского, Брянского, Домановского, Каменского костелов, убеждавших крестьян не отдавать под церковно-приходские школы свои помещения и запрещавших ученикам римско-католического исповедания посещать последние. Дело дошло до того, что прихожане Перлеевского костела Бельского уезда под влиянием настоятеля Антония Панасевича стали требовать обучения польской грамоте в местной школе грамоты. Не решаясь на какие либо меры, П.А.

Столыпин обратился непосредственно к Виленскому генерал-губернатору П.Д. Святополк-Мирскому. Тот при личных переговорах с управляющим Виленской римско-католической епархией «разъяснил» ему всю неправильность его ответа Гродненскому губернатору. После чего В. Фронцкевич сделал «надлежащее внушение» ксендзам [165, л. 4–5, 9–11, 15, 20].

21 июня 1903 г. временно управляющий делами Виленской епархии ксендз В. Радиминский-Фронцкевич обратился к Виленскому генерал-губернатору П.Д. Святополк-Мирскому с просьбой о разрешении настоятелям обучать детей основам религии в отдаленных от учебного заведения местностях. Свою просьбу администратор епархии основывал на высочайшем указе от 25 мая 1903 г., в котором указывалось преподавать религию во всех школах, несмотря на то, к какому министерству они относятся, на том языке, на котором католики с давних времен молились в доме и костеле. Виленский генерал-губернатор разослал это прошение местным губернаторам с просьбой дать оценку – все дали отрицательный ответ [968, с. 272–273].

Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский был одним из высших российских чиновников, разделявших критические взгляды римско-католического клира на российскую школу. Он понимал необходимость перемен и заметно ослабил религиозные ограничения, которые существовали на территории Беларуси. Князь неоднократно отмечал, что деятельность учебных учреждений вызывает раздражение у местного населения. «Педагогический персонал, – писал в 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский, – осуществляет политику, которая является в большей степени наказательной, чем воспитательной» [729, с. 97]. В отличие от М.Н. Муравьева, П.Д. Святополк-Мирский отличал польский язык от католицизма. Он утверждал, что имперская политика заставила не польских римско-католиков осознавать свою национальность. Конечно, П.Д. Святополк-Мирский полагал, что эти национальные движения не имеют никакого будущего в великом историческом соревновании Польши и России [1051, с. 41]. В отчете Николаю II от 20 мая 1904 г. находим его мнение по вопросам учебно-воспитательного дела: чтобы церковно-приходские училища (школы) действительно активно посещались лицами других вероисповеданий, следовало предоставить иноверцам свободу выбора в посещении последних, а также не подвергать взысканиям лиц римско-католического вероисповедания за недружелюбное отношение к православной церковной школе. Циркуляр С. Зверовича он назвал «боевым»,

установлений	администратора прихода	из казны		из % от вспомогател ьного капитала	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Волковысский деканат					
Волковысский	декан Игнатий Григаневич	250	–	–	–
Кряминичский	Иоанн Головня	117	14	282	86
Порозовский	Иосиф Канцлер	275	–	–	–
Реплянский	Владислав Лавринович	то же	–	–	–
Шидловицкий	Казимир Стакионис	«»	–	–	–
Волпянский	Вацлав Гроцкий	«»	–	–	–
Мсцибовский	Марк Бурак	«»	–	–	–
Свислочский	Мечислав Хрщонович	«»	–	–	–
Песковский	Станислав Крживец	230	–	–	–
Росский	Максимилиан Саросек	то же	–	–	–
Гнезненский	Вацлав Герасимович	«»	–	–	–
Струбницкий	Иосиф Большунас	«»	–	–	–
Слонимский деканат					
Слонимский	Бронислав Саросек	400	–	–	–
Зденциольский	декан Устин Петранис	298	83	101	17
Дворецкий	Медарт Ужумецкий	275	–	–	–
Рожанский	Иоанн Жамойць	230	–	–	–
Коссовский	Антоний Кисель	то же	–	–	–
Сокольский деканат					
Новодворский	Станислав Купрель	–	–	59	50
Суховольский	Иоанн Заблоцкий	–	–	15	–
Гродненский деканат					
Гродненский монастырь бригиток	капелан Михаил Гленбоцкий	3 269	–	–	–

итого деканатам	23 004	47
Монастырям:		
Гродненский францисканский	2 220	–
Гродненский бригитский	2 765	–
Слонимский бернардинский	1 455	–
итого монастырям	6 440	–
по § 31 ст. 5 сметы МВД 1907 г. монастырским служителям:		
Гродненский францисканский	576	–
Гродненский бригитский	504	–
Слонимский бернардинский	210	–
итого служителям	1 290	–
Депозит губернатора РКДК МВД пересылает в распоряжение губернатора (по третям) в год переводной билет для выдачи ежемесячно содержания р.-к. духовенству следующих костелов:		из % вспомогательного о капитала, в год
Гродненский по-бернардинский (Гродненский деканат)	400	–
Кремяницкий (Волковысский деканат)	282	86
Зденциольский (Слонимский деканат)	101	17
Новодворский (Сокольский деканат)	59	50
Суховольский (Сокольский деканат)	15	15
итого	858	68
Кроме того, по высочайшему повелению разрешено выдавать из остатков от сумм, отпускаемых на содержание р.-к. духовенства в семинарии, содержание причту Васильковского костела Сокольского уезда Белостокского деканата	230	–

Источник – Ведомости на выдачу денежного содержания р.-к. духовенству // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1087. – Л. 262.

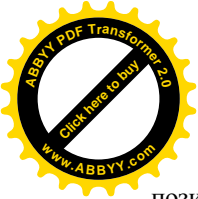
Таблица 6 – Росписание костелов и духовных учреждений Виленской р.-к. епархии с показанием получаемого ими содержания в 1907 г.

Название костела и р.к.	Имя и фамилия настоятеля или	Причитающиеся содержание в 1907 г.
-------------------------	------------------------------	------------------------------------

ответной реакцией римско-католического духовенства на действия православного духовенства, видевшего успех «русского дела» и способ его достижения в приобщении иноверного населения к православной вере. Справедливо считая школу очагом педагогической любви и веротерпимости, П.Д. Святополк-Мирский указал на отсутствие такого положения дел даже в министерских школах, в том числе и в средних учебных заведениях, во многом благодаря действиям народных учителей и их руководителей. У них не хватало ни умения, ни житейского и политического такта, дабы не затронуть ни национальные, ни религиозные чувства. Считая главной причиной незамещения должностей учителей Закона Божьего ксендзами, отсутствие вознаграждения за преподавательский труд, генерал-губернатор обратился с просьбой об этом к министру народного просвещения [31, с. 106–107; 727, с. 61]. В январе 1904 г. ксендзы, которые преподавали Закон Божий в народных училищах, начали получать деньги от государства. Князь также посчитал полезным снизить штрафы за открытие тайных римско-католических школ [729, с. 98]. Но, как справедливо отметила С.В. Снапковская, содержание и пафос “всеподданнейшего отчета”, его оценки и рекомендации оказались неприемлемыми для Николая II и российского правительства [738, с. 46]. Царизм не собирался менять свою политику. Только под влиянием революции 1905–1907 гг. правительство было вынуждено пойти на некоторые временные уступки, о которых говорил П.Д. Святополк-Мирский.

Министерство внутренних дел старалось, в отличие от Виленского генерал-губернаторства, придерживаться более мягких мер по отношению к римско-католическому духовенству, признавая доводы руководства римско-католических епархий весомее, чем местных губернаторов. Министр П.А. Столыпин в 1907 г. распорядился не наказывать ксендза Нечипоровича за запрет католикам посылать детей в школу грамоты в с. Передольске, убеждавшего также устранить православного учителя, допустившего толкование ученикам обрядов католической религии. В свою очередь, Нечипорович чистосердечно во всем сознался и раскаялся, а Виленский римско-католический епископ, признав поступок ксендза по отношению к учителю бестактным, сделал ему выговор [627, л. 67]

Но редкое дело доходило до министерства. Не имея возможности узнать правду от местного руководства, министерство внутренних дел для расследования незаконной, «вредной» деятельности ксендзов зачастую посылало своих уполномоченных на места.

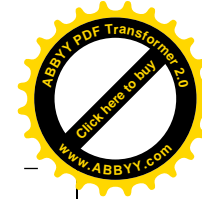

Таким образом, римско-католический костел, утратив прочные позиции в учебных заведениях вследствие секуляризации школы и ее русификации, стремился сохранить хотя бы участие в духовном воспитании детей-католиков, что было принципиально важно для него. На протяжении всего изучаемого периода вопросы, касающиеся преподавания духовных дисциплин в школах всех уровней, порядок отправления религиозных обрядов и другие подобные этому вопросы находились под пристальным вниманием римско-католического духовенства. Католический клир упорно сопротивлялся попыткам властей сделать школу орудием оправославливания детей-католиков и зачастую добивался успехов в этом. Позиция училищной администрации, а также гражданских властей в вопросе присутствия римско-католических священников в школьном деле на протяжении исследуемого периода не была последовательной. Жесткое противостояние 1860–1870 гг. к концу столетия постепенно уступает место более конструктивным мерам. Пожалуй, наиболее характерным в этом плане является разрешение вопроса о посещении детьми-католиками церковно-приходских школ. Здесь проявилась не только гибкость в решениях римско-католического костела, но и его стойкость в принципиальных вопросах. Независимо от стремлений самого римско-католического костела, его защита традиций религиозного воспитания детей-католиков способствовала сохранению одной из особенностей белорусского этноса – поликонфессиональности.

2.4 Сокращение численности римско-католического духовенства

Территория Беларуси в изучаемый период входила в состав Виленской римско-католической епархии (Виленская и Гродненская губернии) и Могилевской архиепархии (Витебская, Минская и Могилевская губернии). Несмотря на то, что Римский Папа в 1883 г. предоставил управление ранее упраздненной Минской епархии (1869 г.) Могилевскому архиепископу, все же Римская курия рассматривала факт упразднения Минской римско-католической епархии как незаконный [845, с. 37].

Конфессиональная политика царского правительства, переходы верующих из католицизма в православие, имевшие место в 60–90-е годы XIX в., привели к тому, что удельный вес римско-католиков в общей численности населения сократился с 29,8 % в начале 60-х годов до 22,9% от общей численности населения в 1897 г.

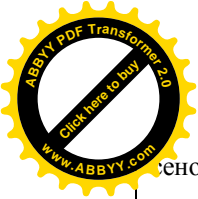

18.06.1843	(женский)	–	
25.02.1849	приходское р.-к. духовенство Гродненской губернии	29 870	2
	всех расходов по Гродненской губернии	530 859	63,5
	по Святейшему Синоду (1864 г.)		
	Литовский викарный епископ монастыри 2 класса:	2 000	–
	Жировичский (мужской)	2 220	–
	Гродненский (мужской)	то же	–
	Супрасльский (мужской)	«»	–
	Гродненский (женский)	2 155	–
	монастыри 3 класса:		
	Торолажский (мужской)	1 540	–
	причты городских и сельских церквей (317)	74 895	–

Источник – Расходное порицание на 1862 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 2433. – Л. 238, 243.

Таблица 5 – Ведомость на выдачу содержания римско-католическому духовенству, а также содержание монастырям и монастырским служителям

Кому выдается содержание	Сумма, отпускаемая от казны в год	
	руб.	коп.
по § 31 ст. 2 а сметы МВД 1907 г.		
Гродненскому деканату	3 005	–
Сокольскому деканату	3 160	35
Белостокскому деканату	4 365	–
Волковысскому деканату	3 062	14
Пружанскому деканату	1 305	–
Кобринскому деканату	705	65
Бельскому деканату	4 952	–
Брестскому деканату	1 015	50
Слонимскому деканату	1 435	83

сенокосная и пастбищная земля				
Коватичский костел				
4 ветхих дома из 4 комнат для органиста, прислуги и богодельни	500	–	5	–
огородная, пахотная и сенокосная земля	750	–	7	50
Наревский филиальный костел				
дом новый в 4 комнаты с хозяйственными пристройками для прислуги	800	–	8	–
2 ветхих дома в 4 комнаты для прислуги и богодельни	130	–	1	30
42 десятины огородной земли	30	–	–	30
Итого оценка	12135	–	121	35

Источник – Раскладка 1 % сбора 1865 г. с недвижимых имений, принадлежащих монастырям, костелам и духовенству по Пружанскому уезду Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 24. – Оп. 17. – Д. 2. – Л. 1–4.

Таблица 4 – Расписание некоторых расходов денежных средств по Гродненской губернии на 1862 г. и 1864 г.

Время высочайшего указа	На чье содержание выделено	Сумма расходов в год, серебром	
		руб.	коп.
01.01.1842	Белостокского (Гродненского) архидиакона	400	–
	штатных монастырей 1 класса: Гродненский бригитский (женский)	2 765	–
	штатных монастырей 2 класса: Гродненский францисканский (мужской)	2 220	–
	Роснянский мариановский (мужской) Брест-Литовского уезда	2 220	–
	штатных монастырей 3 класса: Слонимский бернардинский (мужской)	1 540	–
	Слонимский бернардинский	1 455	–

[14, с. 1–8; 586, с. 55; 587, с. 75; 588, с. 109; 589, с. 79; 845, с. 46]. По подсчетам И.К. Смолича, за период 1865–1868 гг. в Минской, Гродненской и Виленской губернии в православие перешло более 67 000 человек, в основном крестьян [737, с. 311].

Таблица – Численность православного населения Гродненской губернии в 1863 г.

Название прихода	Число приходов	Число прихожан	На 100 душ об-го пола	Величина прихода	Число поселений, в которых живут католики	Всех поселений
Белостокский	15	53415	64,3	3561	461	477
Бельский	26	45642	43,5	1775	547	631
Брестский	11	9948	10,2	904	256	554
Волковысский	16	43547	49	2724	765	776
Гродненский	16	33829	32	2181	531	720
Кобринский	8	5063	5,1	633	395	801
Пружанский	6	10632	14,6	1772	224	548
Слонимский	14	21371	19	1527	657	1035
Всего	112	223447			3836	5542

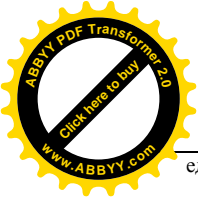
Источник – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: в 2 ч. / сост. П. Бобровский. – СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с. – С. 680.

Римско-католическое вероучение на территории Беларуси исповедовало почти все польское и литовское население, а также некоторая часть белорусов. Согласно переписи 1897 г. в Могилевской, Витебской и Минской губерниях белорусов среди римско-католиков было мало, в Гродненской губернии они составляли значительную часть, а в Виленской губернии – более половины всех лиц (58,5 %), считавших своим родным белорусский язык, исповедовали католицизм [586, с. 10].

К 1 января 1898 г. в Виленской губернии насчитывалось 14 православных благочиний и 161 приходов, 14 римско-католических деканатов и 159 приходов на 1 647 654 жителя [564, с. 1]. По вероисповеданию население Виленской губернии группировалось следующим образом:

Таблица – Распределение населения Виленской губернии по вероисповеданиям (по состоянию на к. 1897 г.)

Вероиспов.	Численность населения	Численность населения	Всего по
------------	-----------------------	-----------------------	----------

едание	в уездах			в городах			губернии
	муж.	жен.	обоого пола	муж.	жен.	обоого пола	
Православное	185797	182789	368586	16804	16968	33772	402358
Армяно-григор.	2	3	5	3	2	5	10
Старообрядческое	9894	9938	19832	1369	1443	2812	22644
Римско-католическое	454375	466660	921035	25261	27749	53010	974045
Евангел.-лютеран.	387	392	779	903	978	1881	2660
Евангел.-реформ.	16	10	26	108	101	209	235
Иудейское (еврей)	65937	67669	133606	53013	54743	107756	241362
Иудейское (караимы)	12	6	18	281	300	581	599
Магометанское	1598	1632	3230	274	237	511	3741
Итого	718018	729099	1447117	98016	102521	200537	1647654

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год; под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. II. – С. 64.

Согласно отчетам за 1858 г. население Виленской губернии распределялось на конец 1857 г. по вероисповеданиям следующим образом: православных числилось 185 755 человек обоого пола, раскольников – 11 553, римско-католиков – 594 314, лютеран – 589, кальвинистов – 258, евреев – 67 645, магометан – 1 735, караимов – 494; всего – 862 343 человека.

Таким образом, из сравнения этих чисел с данным предшествующей таблицы оказывается, что в период с 1857 г. по 1897 г., то есть в течение 40 лет, численность в Виленской губернии населения всех вероисповеданий увеличилась в 1,9 раза; в отдельности же: лютеранского увеличилась в 4,51 раз, еврейского – в 3,56 раз, православного – в 2,17 раз, магометанского – в 2,15 раз, старообрядческого – в 1,96 раз, римско-католического – в 1,63 раз, караимского – в 1,34 раз, кальвинистского – в 1,09 раз [564, с. 64–65].

Закрытие римско-католических храмов было в числе мер, что применялись к римско-католическому костелу после восстания 1863 г. [12; 77; 83; 95; 363; 392–396; 412; 415; 819; 821–823; 1002]. Но еще 1 марта 1831 г. императором было одобрено мнение тогдашнего Могилевского гражданского губернатора М.Н. Муравьева о постепенном уменьшении числа римско-католических монастырей в

Финансовое положение римско-католической церкви

Таблица 3 – Раскладка 1 % сбора 1865 г. с недвижимых имений, принадлежащих монастырям, костелам и духовенству по Пружанскому уезду Гродненской губернии

Означение владельцев недвижимых городских имуществ	Оценка домов		Причитающийся с оценки сбор	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Пружанского костела				
на ферме Плебанцы дом с 4 комнатами	307	50	3	7,5
дом в 3 комнаты для прислуги	125	–	1	25
фруктовый сад, огородная, пахотная и сенокосная земля	978	50	9	78,5
дом для костельных служителей	405	–	4	5
Селецкий костел				
дом в 4 комнаты с кухней	350	–	3	50
дом в 4 комнаты на богодельню	120	–	1	20
разные хозяйственные строения	249	–	2	49
фруктовый сад, огородная, пахотная и сенокосная земля	939	–	9	39
Березский костел				
3 старых деревянных дома из 8 комнат для ксендза, служителей и богодельни	950	–	9	50
фруктовый сад, огородная, пахотная и сенокосная земля	1685	–	16	85
Сеневичский костел				
2 старых дома из 7 комнат для ксендза и прислуги	285	–	2	85
фруктовый сад, огородная, пахотная и сенокосная земля	1 300	–	13	–
Шерешовский костел				
2 новых дома в 6 комнат для ксендза и богодельни	550	–	5	50
старый дом для прислуги	50	–	–	50
усадебная, огородная, пахотная,	1660	–	16	60

Высоко-Дворская церковь Трокский уезд			«»		
с. Спяглы Свенцянский уезд			в 1897 г. пересоставлена смета на ремонт церкви, согласно существующим ценам		
м. Желядь Свенцянский уезд			в 1897 г. пересоставлена смета на строительство церкви, согласно существующим ценам		
м. Ново-Мядель Вилейский уезд			то же		
м. Замошь Дисненский уезд	камень		в 1897 г. отпущен на строительство казенный лес		
м. Голубичи Дисненский уезд	то же		то же		
с. Узла Вилейский уезд	«»		в 1897 г. изыскивались местные средства на строительство		
м. Гольшаны Ошмянский уезд	«»		в 1897 г. происходил выбор места под строительство		

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 г. / под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1899. – Ч. 2. – С. 92–93.

Белорусском крае, с оставлением последних только в городах и некоторых местечках. Управлением духовных дел иностранных исповеданий подготовлен был в начале 30-х гг. XIX в. план по такому осуществлению решения, чтобы римско-католическое духовенство не имело повода к основательным жалобам [117, с. 328].

Одновременно с приготовлением к процессу ликвидации различных монастырских орденов в Царстве Польском, в г. Санкт-Петербурге начались прения по поводу их количества и роли в Российской империи. Из рапортов военных и гражданских властей Северо-Западного края вытекало два следствия: большое количество монашеских орденов приняло участие в восстании; монастыри стали не только пунктами опоры, но и настоящими бастионами польских традиций и обычаев. В одном из рапортов говорилось: «Чтобы покончить с влиянием костела, нужно, несомненно, отеснить из обыденной жизни монастырские ордена, а столицу метрополии перенести в Петербург» [968, s. 10].

14 мая 1863 г. в 3 часа пополудни в г. Вильно приехал новый начальник Северо-Западного края, генерал от инфантерии Михаил Николаевич Муравьев. 22 мая всколыхнулся весь город. С раннего утра по улицам, базарам и площадям бил барабан: объявляли о смертной казни. На улицах наблюдалось необыкновенное движение – все стремились в одну сторону, на предместье Лукишки, где должна совершиться казнь. При чтении приговора многотысячная топа как бы онемела. Раздался залп выстрелов, за ним стоны женщин. Здесь в 10 ч., по приговору военного суда, был расстрелян один из зачинщиков восстания, викарный ксендз костела Лидского уезда Станислав Ишора. 24 мая в 11 ч. утра на базарной площади был расстрелян ксендз Раймонд Земацкий вместе с помещичьим сыном Альбертом Лясковичем, обвиненные в чтении крестьянам манифеста и в подстрекательстве к мятежу. Во время следования преступников на место казни собралось много народа, в особенности женщин, которые кричали, плакали и падали в обморок [117, с. 523–524].

С приездом М.Н. Муравьева в г. Вильно русское дело и православие, как отметил в своем историческом труде П.Д. Брянцев, ожили в крае: «Повсюду стало распространяться убеждение, что этот край искони русский и православный, только неправильно захваченный католиками и ими насильственно олатинизированный. Мысль о возрождении всего русского сделалась всеобщей. Своими делами М.Н. Муравьев менее чем за два года весь Северо-Западный край из польско-латинского сделал православно-русским, за что и заслужил глубокую признательность русского народа всей империи»

[38, с. 657]. Признательность эта прежде всего выразилась в тех многочисленных адресах, которые доставлены были ему со всех концов империи. Первый сочувственный адрес вместе с иконой архангела Михаила М.Н. Муравьев получил от московского Филарета. По словам самого М.Н. Муравьева, адрес этот был «небесным даром», потому что он сильно поддержал нравственно в трудной борьбе с крамолой [38, с. 657–658].

Весной 1864 г. М.Н. Муравьев представил Александру II записку о необходимых мерах по управлению краем. Среди них было и закрытие римско-католических монастырей, замешанных в восстании или признанных враждебными из-за направления своей деятельности. В записке также предлагалось закрытие римско-католических костелов, каплиц, построенных без разрешения гражданского правительства, и тех, где священнослужители имели отношение к восстанию. М.Н. Муравьев подчеркивал, что эти меры необходимы для уничтожения католицизма в Северо-Западном крае – наиболее действенной силы «в руках мятежных панов-поляков». Александр II вернул записку М.Н. Муравьева с надписью: «Заранее одобряю изложенные меры, записку внести на рассмотрение в Комитет министров» [824, с. 49].

Согласно «Инструкции для устройства военно-гражданских управлений в уездах Виленской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской губерний», составленной по распоряжению Виленского генерал-губернатора 1 июня 1863 г., всем ксендзам и в особенности приходским плебанам в городах и селах было объявлено, что за всякое содействие мятежу словом и делом и возбуждение к тому прочтением мятежных прокламаций или иные манифестации в церквях и вне их, виновные будут немедленно взяты под стражу, судимы на месте по всей строгости военных законов. Отговорки, будто бы ксендзы содействовали мятежу по принуждению, не принимались во внимание: так как служители алтаря еще менее других должны были подчиняться таким угрозам. «Их обязанность, - говорилось в инструкции, - жертвовать собой для умиротворения края и обращения каждого к исполнению святого долга верноподданнической присяги своему Государю». Не исполняющие этого духовные лица признавались виновными и подлежали строжайшему, в пример другим, наказанию. Настоятели католических монастырей, за допущение в них каких-либо мятежных приготовлений, также подлежали строгой ответственности и военному суду [605, л. 128].

По подсчетам В.М. Зайцева, все духовенство на белорусско-литовских губерниях составляло в 1863 г. 0,65 % населения, римско-

м. Подберезье Виленский уезд	«»	1898 г.	«»	–	15 400 руб.
м. Старо-Красное Вилейский уезд	«»	1898 г.	«»	–	7 370 руб.
м. Цуденишки Виленский уезд	«»	1898 г.	в 1897 г. Консistorией сделаны распоряжения, предшествующие началу работ по переустройству	–	11 500 руб.
м. Ивье Трокский уезд	«»	1898 г.	в 1897 г. Консistorией сделаны распоряжения, предшествующие началу ремонтных работ	–	7 800 руб.
предместье г. Вильно "Новый свет"	дерево	1897 г.	построена церковь со школой	–	9 500 руб.
с. Порплище Вилейский уезд			в 1897 г. составлены проекты и сметы на строительство		
с. Гнездилово Вилейский уезд			то же		
с. Иказни Дисненский уезд			«»		
с. Переброды Дисненский уезд			«»		
Ново-Погостская церковь Дисненский уезд			в 1897 г. составлены проекты и сметы на ремонт церкви		
Григоровичска я церковь Дисненский уезд			то же		

Таблица 2 – Постройка и ремонт православных церквей в Виленской губернии в к. 1890-х гг.

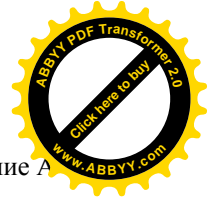
Нахождение церкви	Материал строительства	Время начала работ	Ход работ	Время окончания работ	Сумма, выделенная Св. Синодам
г. Свенцяны	камень	1895 г.	к к. 1897 г. завершены все наружные работы, оштукатуривание стен, началась внутренняя отделка храма	не определен	39 734 руб.
м. Ново-Шарковщина Дисненский уезд	камень	1896 г.	в 1897 г. начаты работы	—	14 800 руб.
д. Страшуны Трокский уезд	дерево	1897 г.	в 1897 г. Консistorией сделаны распоряжения, предшествующие началу строительных работ	—	3 000 руб.
с. Язно Дисненский уезд	камень	1897 г.	то же	—	13 390 руб.
м. Лебяды Лидский уезд	то же	1897 г.	«»	—	14 660 руб.
с. Збляны Лидский уезд	«»	1898 г.	«»	—	33 600 руб.
с. Раковичи Лидский уезд	«»	1898 г.	«»	—	7 700 руб.

католическое – 0,16 %, или 24,5 % от общего числа духовенства, из которого 78 % приходилось на Ковенскую и Виленскую губернии. Репрессированных же среди служителей римско-католического костела было 3,35 %, т.е. каждый 16, а среди всех репрессированных – 3,23 % [338, с. 105, 107, 139].

Число сосланных ксендзов к июлю 1864 г. достигло 177, причем ссылка и содержание каждого ксендза обходилось казне в 300 рублей. М.Н. Муравьев 28 июля 1864 г. сделал циркулярное распоряжение, чтобы понесенные казной расходы были высчитаны из жалованья, отпускаемого на содержание римско-католического духовенства каждой губернии. Когда же духовенство Могилевской архиепархии начало просить генерал-губернатора о сложении с него штрафа на покрытие этого расхода (10 500 руб.), то начальник края ответил: «Казна ни в каком случае не может платить за высылку из здешнего края ксендзов, нарушивших верноподданническую присягу и производивших революционное движение, во главе которого и стояло само» [482, с. 38].

Штрафы после ликвидации восстания были самые разнообразные – штрафовали за все, что могло напоминать о восстании 1863 г. Дошло даже до того, что за приветствие на улице или в доме по-христиански («Niechaj będzie pochwalony Jezus Chrystus!» – «Na wieki wieków, amen!») взимали 5 руб. штрафа [991, s. 131].

В г. Гродно в 1865 г. под арестом за политические дела находилось 13 ксендзов из 230 всех осужденных: Валицкий Фомич Лаврентий (подлежал высылке в Пермскую губернию, но заболел и находился в госпитале), Александр Францевич Гриневицкий (с 16 апреля 1864 г.), Геруклан Фомич Ган (с 24 октября 1864 г.), Феликс Иванович Кринский (с 16 июля 1864 г.), Станислав Антонович Коселковский (с 16 июля 1863 г.), Петр Иванович Кринский (с 20 октября 1864 г.), Томаш Якубович Липчевский (с 15 октября 1864 г.), Людвиг Иванович Лебединский (с 18 октября 1864 г.), Николай Иванович Милковский (с 27 июня 1864 г.), Николай Иванович Маритович (с 25 июня 1864 г.), Антон Иосифович Матютович (с 8 октября 1864 г.), Станислав Викентьевич Михальский (с 9 января 1865 г.), Михаил Антонович Свенцкий (с 25 августа 1864 г.), Антон Андреевич Шимборский (с 16 сентября 1864 г.) [746, л. 332, 339–346]. По суду лишеными прав состояния, имущество которых подлежало конфискации в казну, лишь только в Виленской губернии оказались следующие ксендзы: Станислав Ишора (уроженец Вильно, состоял викарием в Желудском костеле Лидского уезда – казнен), Адам

Дальковский (Ишолнский костел Лидского уезда – расстрелян в г. Лиде 22 июня 1863 г.), Онуфрий Сырвид (Василишский костел Лидского уезда – каторжные работы), Раймунд Земацкий (Вовиарский костел Лидского уезда – казнен) [746, л. 9–13; 1098, с. 11]. Удалось уйти от наказания следующим ксендзам, бывшим предводителями повстанческих отрядов: викарному ксендзу Новодворского костела Трокского уезда Виленской губернии Леопольду Товткевичу, настоятелю Вишневого костела Лидского уезда Горбачевскому, настоятелю Новогрудского костела Фелициану Лашкевичу – все ксендзы были заочно приговорены к смертной казни [750, л. 14]. Были отправлены на жительство в отдаленные губернии следующие ксендзы: из Гродненской губернии – Войпеуш Феликс (Гродненский уезд), Андрей Чепович (Мостовский приход), Станислав Владковский (местечко Цехановец), Фадей Годлевский (Сокольский уезд Сикоянски приход), Валентин Яблонский (викарный ксендз Брестского костела), Аврилиан Мацкевич (м. Шерешево Пружанского уезда – в Томскую губернию), Александр Сидорович (Острожский костел Бельского уезда – в Пермскую губернию), Иван Витковский – (Долубовский костел Бельского уезда – в Томскую губернию); из Виленской губернии, Игнатий Жабо (настоятель костела в м. Гольшанах Ошмянского уезда), Бенедикт Шанявский, Иван Залеский, Георгий Петкевич (Ошмянский уезд), Иосиф Вольский, Иосиф Жук, Клементий Миллер, Владислав Жемповский (Свенцянский уезд); из Минской губернии, Виктор Малевич (Игуменский уезд), Михаил Грекович (настоятель Гаинского костела Борисовского уезда), Иосиф Писанко (Игуменский уезд – каторжные работы в крепостях сроком на 8 лет), Михаил Тарасевич (в Костромскую губернию); из Витебской губернии, Александр Путвинский (Витебск), Франц Дышко (имение Иванск), Фердинанд Здановский (Режицкий уезд), Эдуард Гаевский (сослан в с. Глубокое Олонецкой губернии), Бенедикт Шуру (м. Дагды – в Оренбургскую губернию), Каспер Грицевич (Райполский костел – в Пермскую губернию), Антон Ковецкий и Августин Лаппо (м. Горбачево Полоцкий уезд); из Могилевской губернии, Феликс Грохольский (Радожский костел Гомельский уезд), Игнатий Лукашевич (м. Раены), Мартин Вилятовский и Юлиан Наградский (м. Кричев Чериковский уезд – в Пермскую губернию), Александр Кржиновский (Фашаевский костел Могилевский уезд – в Томскую губернию) [746, л. 124–127].

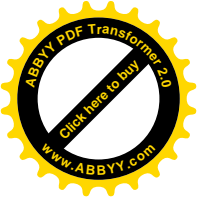
За участие в восстании в белорусских губерниях были подвергнуты различным видам наказания 294 ксендза, из них 36 сосланы на каторжные работы, 25 – на поселение в Сибирь, 91 – во

Положение духовных учреждений Виленской губернии

Таблица 1 – Численность казенных и общественных зданий в Виленской губернии в 1897 г.

Наименование зданий		Число зданий в Виленской губернии			
		в городах		в уездах	
		кам.	дер.	кам.	дер.
Здания	казенные	125	34	3	39
	церковно-монастырские	214	40	3	107
Православных	общественные	168	69	5	63
	храмов	40	4	95	77
	монастырей	3	0	1	0
	часовень	5	3	10	42
Раскольничьих	молельнь	1	2	2	19
Римско-католических	храмов	24	0	51	68
Евангелическо-лютеранских	каплиц	2	3	47	42
	церквей	2	0	1	0
Реформатских	церквей	1	0	0	0
	Еврейских	синагог	9	1	10
Караимских	молитвенных домов	80	40	13	147
	синагог	0	1	0	0
	Магометанских	мечетей	0	1	0
Частных	зданий	3413	6497	–	–
Полицейских	будок	11	17	0	0

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 г. / под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. 2. – С. 91.

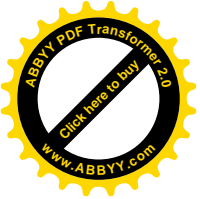
ПРИЛОЖЕНИЯ

внутренние губернии, 104 – подвергнуты административным взысканиям [73, с. 95–98]. С 19 октября 1863 г. по 31 марта 1865 г. Военно-полевым судом по Виленскому округу было возбуждено 729 карательных дел против римско-католического духовенства: в Гродненской губернии – 186, в Ковенской губернии – 133, в Минской губернии – 129, в Витебской губернии – 117, в Могилевской губернии – 166 [968, s. 112]. В 1866 г. ксендзов Динабургского костела Витебской губернии Александровича и Михаила Скоружского выслали в Сибирь за участие в восстании 1863 г.: следствие признало их виновными в подбивании местных гимназистов обрызгивать костюмы дам, приходивших в костел в цветных платьях во время тех событий [225, л. 14]. Во второй половине мая 1867 г. полиция совершила ряд ревизий по домам римско-католиков Белостокского уезда. За найденные у них портреты Пия IX, литографии Берлинского издания, не только разрывали портрет, но и каждого наказывали штрафом в 10 руб. [991, s. 196].

Л. Заштовт, с целью определения количества репрессированного римско-католического населения, точнее говоря, отправленного во внутренние губернии Российской империи, изучил по документам Российского исторического архива в г. Санкт-Петербурге статистику римско-католического населения именно этих губерний. Исследователь пришел к выводу, что количество репрессированных римско-католиков значительно больше, чем полагали ранее: за 1863–1869 гг. 48 000 католиков было сослано во внутренние губернии Российской империи, большинство из которых из Западных губерний (24 000 было отправлено в Сибирь). Всех римско-католиков из Западных губерний за 1862–1871 гг. было сослано около 62 000 человек [1114, s. 261–262]. Автор дал статистику уменьшения количества римско-католиков по каждому году в период с 1862 г. по 1872 г. Так в Минской губернии количество римско-католиков уменьшилось за 1862–1868 гг. на 33 429 человек, в Могилевской губернии за 1862–1869 гг. на 12 908 человек, в Витебской губернии за 1864–1869 гг. на 13 000 человек, в Гродненской и Виленской губерний за 1862–1872 гг. – на 11 340 человек [1114, s. 245, 247, 250].

После отъезда М.Н. Муравьева из Виленской губернии А.В. Жиркевич в своем труде написал: «Петербург в лице графа Валуева убрал из Литвы и Белоруссии неудобного графа М.Н. Муравьева, не дав ему окончить начатого им великого подвига освобождения этих земель от польско-иезуитского ига» [325, с. 455]. 29 августа 1891 г. М.Н. Муравьев умер. Ф.И. Тютчев написал краткую, но красноречивую эпитафию памяти графа:

На гробной его покров

Мы вместо всех венков кладем слова простые:

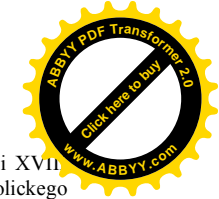
Немного было б у него врагов,

Когда бы не твои, Россия! [61, с. 139].

По ходатайству графа М.Н. Муравьева, «для упрочения спокойствия в крае» состоялось высочайшее повеление от 11 июня 1864 г., которым генерал-губернатору разрешено было закрывать римско-католические монастыри за участие в мятежных действиях. Это законоположение было усилено высочайшим повелением от 14 апреля 1866 г., предоставившим генерал-губернатору право закрывать монастыри, которые он признавал «особенно вредными в политическом отношении» [352, с. 215]. Высочайшее повеление о закрытии монастырей хранилось в тайне, о нем не знали даже в управлении генерал-губернатора. Эта предосторожность была необходима, чтобы предупредить демонстрации, которые могли возникнуть при закрытии римско-католических монастырей. По этой же причине вывод монахов и опечатывание монастырей проводилось ночью. Монастыри узнавали о своей участи только в ночь закрытия [824, с. 50]. Некоторые монастыри после издания данного закона были перестроены в православные церкви. «За то, что поляки, вместо Божественных песен, пели мятежные гимны в храмах и ксендзы не только позволяли, но еще и поощряли их к тому – за все это ксендзы, как осквернители храмов, изгоняются, а храмы их отдаются православным христианам для того, чтобы последние достойно восхваляли в них Всевышнего Бога», – писалось в 1869 г. в «Литовских епархиальных ведомостях» [430, с. 497].

29 июня 1864 г. Виленский генерал-губернатор распорядился, чтобы римско-католическое духовное руководство не делало назначения на должность деканов, настоятелей приходов, vikариев, капелланов и на другие какие-либо места без предварительного разрешения местного губернатора. Согласие со стороны губернатора давалось только после проверки благонадежности в политическом отношении кандидата. Зачастую решение вопроса о политической благонадежности ксендзов затягивалось местными гражданскими властями: дело проходило путь от римско-католического епископа к губернатору, от него к жандармскому управлению, далее к низовому местному чину полиции и в обратном порядке. Затем велось неусыпное продолжительное наблюдение за назначенным духовным лицом. Обязанность эта возлагалась на военных уездных начальников [202, л. 1–2].

Циркуляром от 11 июля 1864 г. М.Н. Муравьев приказал, чтобы губернаторы пересмотрели степень политической

1121 Związek, J. Katolickie poglądy polityczne w Polsce na przełomie XVI i XVII wieku w świetle kazań / J. Związek. – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1977. – 446 s.

1122 Żabko-Potapowich, A. Stuliecie działalności ziemiaństwa polskiego 1814–1914 / A. Żabko-Potapowich. – Warszawa, 1929. – 286 s.

1123 Žaltauskaitė, V. Catholicism and nationalism in the views of the younger generation of lithuanian clergy in late-nineteenth and early-twentieth centuries / V. Žaltauskaitė // Lithuanian historical studies. – 2000. – № 5. – S. 113–130.

1124 Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafii znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Archidiecezja Mohyłowska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1913. – T. 1, cz. 1. – 297 s.

1125 Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafii znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djecezja Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. I, cz. 2. – 348 s.

1126 Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafii znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Archidiecezja Mohyłowska. Witebszczyna / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. 1, cz. 3. – 275 s.

1127 Żytko, A. Polityka rosyjska wobec szlachty białoruskiej w latach 1861–1914 / A. Żytko // Europa nieprowincjonalna: Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białoruś, Litwa, Lotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej w latach 1772–1999) / pod red. K. Jasiewiczza. – Warszawa–Londyn, 1999. – S. 550–559.

1128 Żywczyński, M. Z badań i literatury o Kościele katolickim w Rosji i Królestwie Polskiem w wieku XIX / M. Żywczyński // Nova Polonia Sacra. – 1936. – T. 3. – S. 100–140.

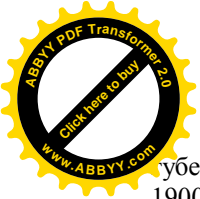
- 1096 Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa – Kijów: wyd. M. Arcta, 1925. – 176 s.
- 1097 Wasilewski, L. Litwa i jej ludy / L. Wasilewski. – Warszawa: skład główny w Księgarni Naukowej, 1907. – 154 s.
- 1098 Ważuński, A. Litwa pod względem przesławiania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
- 1099 W czterdziątą rocznicę powstania styczniowego 1863–1903. – Lwów, 1903. – 119 s.
- 1100 Weeks, T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863 – 1914 / T.R. Weeks. – De Kalb, 1996. – 385 s.
- 1101 Werenicz, W. Historyczne i kulturalne podstawy świadomości narodowej Polaków w Związku Radzieckim (na przykładzie Białorusi) / W. Werenicz // Polacy w kościele katolickim w ZSSR / pod red. ks. E. Walewandra. – Lublin: KUL, 1997. – S. 196–212.
- 1102 Wielgat, D. Bibliografia katolickich czasopism religijnych w Polsce (1945–1989) / D. Wielgat. – Lublin: Towarzystwo naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1996. – 436 s.
- 1103 Wierzbowski, T. Szkoły parafialne w Koronie i na Litwie czasów Komisji Edukacji narodowej. 1773 – 1794 / T. Wierzbowski. – Kraków, 1921. – 326 s.
- 1104 Wilczewski, W. Zwiastuny powszechnej radości. Ruch budowy kościołów w diecezji wileńskiej w latach 1890 – 1914 / W. Wilczewski. – Białystok, 1995. – 110 s.
- 1105 Winter, E. Russland und das Papstum: 2 bd. / E. Winter. – Berlin, 1960–1961.
- 1106 Włodarczyk, T. Zarys historii ze szczególnym uwzględnieniem XX wieku / T. Włodarczyk. – Warszawa, 1974. – 287 s.
- 1107 Wojniłowicz, E. Wspomnienia 1847–1928: w 2 cz. / E. Wojniłowicz. – Wilno, 1931. – Cz. 1. – 349 s.
- 1108 Wojtkowski, A. Z dziejów szkolnictwa katolickiego dla świeckich (do r.1918) / A. Wojtkowski // Księga tysiąclecia katolicyzmu w Polsce. – Lublin: TN KUL, 1969. – T. 3. – S. 7–95.
- 1109 Wróbel, P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska / P. Wróbel. – Warszawa, 1990. – 332 s.
- 1110 X.Y.Z. Поляк русским / X.Y.Z. – СПб., 1902. – 97 s.
- 1111 Zakony benedyktyńskie w Polsce: Krótka historia. Praca zbiorowa. – Tyniec: nakł. opactwa benedyktynów, 1981. – 323 s.
- 1112 Zakony św. Franciszka w Polsce w latach 1772–1970 : w 3 cz. – Warszawa: wyd. ATK, 1978. – Cz. 2. Franciszkanie i kapucyni. – 262 s.
- 1113 Zasztowt, L. Kresy. 1832–1864: Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej / L. Zasztowt. – Warszawa: In-t Historii Nauki PAN, 1997. – 456 s.
- 1114 Zasztowt, L. Zsyłka i przesiedlenia ludności polskiej z zachodnich guberni w głąb cesarstwa rosyjskiego po powstaniu styczniowym / L. Zasztowt // Przegląd Wschodni. – 1998. – T. 5, z. 2 (18). – S. 237–262.
- 1115 Zeinkiewicz, T. Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX wieku (do roku 1921) / T. Zeinkiewicz. – Olsztyn: Wyższa szkoła pedagogiczna, 1997. – 273 s.
- 1116 Zieliński, Z. Kościół i naród w niewoli / Z. Zieliński. – Lublin, 1995. – 294 s.
- 1117 Zieliński, Z. Religijna i narodowa rola lat świętych w XIX wieku / Z. Zieliński // Rocznik Teologiczno-Kanoniczne. – 1976. – № 23. – S. 35–43.
- 1118 Ziółek, J. Społeczeństwo litewskie wobec Polskich zrywów niepodległościowych w XVIII i XIX wieku / J. Ziółek // Roczniki humanistyczne. – 2000. – T. 48, z. 2. – S. 649–658.
- 1119 Zuckerman, F.S. The tsarist secret police in russian society, 1800 – 1917 / F.S. Zuckerman. – London: Cardner, 1996. – 327 s.
- 1120 Zukowski, W. Polacy i Białorusini / W. Zukowski. – Wilno: druk E. Nowickiego, 1907. – 176 s.

благонадежности всех клириков (новициатов) по монастырям, их происхождение. Принятие кликов в монастыри стало возможно только с согласия генерал-губернатора. Тех же, кого уличали в политической неблагонадежности, возвращали в те общества и сословия, из которых они поступили в монастырь. Вступление в монастырь и произношение торжественных обетов на монашество (solemnia vota) допускалось с разрешения губернатора. Наблюдение за должным порядком в монастырях, как мужских, так и женских, возложили на визитаторов монастырей и деканов. Местные губернаторы должны были следить за благонадежностью клириков, чтобы они хорошо знали русский язык, чтобы не покидали монастырь без разрешения губернатора [482, с. 22–23, 26].

Естественно, что правительство стремилось к замене «неблагонадежных» на «своих». В августе 1864 г. вместо арестованного ксендза Плюры Дагденского костела Динабургского уезда Витебской губернии был назначен благонадежный ксендз Иосиф Гудовский, а вместо арестованного ксендза Александровича, настоятеля Динабургского костела, был поставлен благонадежный Керзновский [200, л. 3, 22].

Зачастую проверка благонадежности была лишь предлогом, чтобы и вовсе не назначать ксендзов в приходы. Это, естественно, ложилось тяжелым грузом на духовное руководство, ведь оно оставалось фактически не у дел, к тому же страдала и паства. Лишь ближе к 90-м годам XIX в. духовное руководство решилось на неподчинение. В обвинении его правительством в нарушении порядка назначения ксендзов митрополит ссылался на крайнюю медлительность губернаторов с проверкой благонадежности (речь шла о нескольких годах) [816, л. 5].

В конце 1865 г. римско-католический митрополит М. Станевский ходатайствовал перед министром внутренних дел об увеличении числа ксендзов при костелах. В Могилевской и Витебской губерниях многие подверглись ссылке, некоторые отправились в Царство Польское на должности капелланов, другие – командированы в разные губернии для ведения духовных треб католикам-арестантам. Заметим, что в 1864 г. в Могилевскую губернию рукоположено было 14, а в 1865 г. только 1 ксендз (о численности духовенства в 1865 г. см. табл. 1865 г. Могил. губ.). В Могилевской губернии к этому времени были следующие вакансии: в Горецком уезде декана и викарного, в г. Чаусы – 1 викарного, в Чаусовском уезде – декана и 8 викарных и т.д. [247, л. 18–19]. Острая нехватка ксендзов ощущалась в Витебском, Невельском, Полоцком, Городокском, Лепельском уездах Витебской

губернии [259, л. 1, 5, 10]. Положение дел не только не изменилось к 1900 г., а даже ухудшилось (см. приложение В). Но резерв ксендзов был: оставшиеся по упразднении костелов. Правительству было выгодно, чтобы они не вели свою деятельность, оно продолжало платить за их содержание на основании высочайшего повеления от 14 апреля 1867 г. [137, л. 69].

На основании высочайше утвержденного 11 февраля 1905 г. положения комитета министров «О порядке исполнения п. 6 именного высочайшего указа правительственному Сенату», в котором п. 2 было постановлено дополнить ст. 42 Устава иностранных исповеданий точным указанием, что приходские священники в 10 Привислинских, 9 Западных и Курляндской губерниях назначаются и перемещаются их начальством с согласия губернатора. При чем не получение от последнего ответа в месячный срок равносильно было изъятию такого согласия. Основываясь на этом законе временно управляющий Виленской епархией епископ В. Фронцкевич оставил уже переведенного 13 октября 1906 г. на должность администратора к новооткрытому костелу в Деречине викарного Слонимского костела ксендза Адама Абрамовича, несмотря на требование Гродненского губернатора оставить ксендза на прежнем месте служения, поступившее в письменной форме в конце ноября 1906 г. [520, л. 38].

26 декабря 1905 г. были высочайше утверждены правила, исключавшие возможность недопущения административным порядком ксендзов к занятию должности настоятеля, хотя бы и последствия этого назначения были негативны. Лишь по вступлении священника в должность и совершения им незаконного поступка должны были приниматься соответствующие меры [627, л. 63].

В 1867 г. были прекращены все неоконченные дела по восстанию, а всем высланным административным путем из Царства Польского и Северо-Западного края разрешалось поселяться только в Царстве Польском [718, с. 125]. 18 мая 1871 г. высочайшим повелением разрешено было высланным ксендзам из Северо-Западного края снова приступить к приходским должностям. 15 декабря 1872 г. министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев распорядился, чтобы лица эти не были назначены на места настоятелей, а были определены викарными, с учреждением за ними духовного надзора, а также секретного наблюдения полиции [137, л. 66]. На практике освобожденных ксендзов назначили подальше от края: в Черниговскую, Орловскую, Смоленскую губернии [170, л. 7–9].

1074 Tichomirow, A. Skład wyznaniowy ludności mińskiej w latach 50–60 XIX wieku / A. Tichomirow // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы II междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи. – 2004. – С. 239–250.

1075 Tichomirow, A. Struktura wyznaniowa i etniczna gubernii witebskiej w pierwszej połowie lat 60 XIX wieku / A. Tichomirow // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 165–183.

1076 Tomkiewicz, T. Gdzie i kiedy powstał obraz Madonny Ostrobramskiej / T. Tomkiewicz // *Analecta Cracoviensia*. – 1978. – № 14. – S. 433–455.

1077 Turonek, J. Prorosyjska opcja Białorusi / J. Turonek // *Obóz*. – 1998. – № 35. – S. 79–86.

1078 Twardowski, J. Wizyta jeneralna szkół i zakładów edukacyjnych w gubernii Mińskiej odbyta w roku 1819 / J. Twardowski. – Kraków, 1903. – 352 s.

1079 Ulanecki, S. Niepokalana Matka Boża Dziwica Marja na Jasnogórze koroną uwieńczona / S. Ulanecki. – Warszawa, 1867. – 64 s.

1080 Urban, W. Ostatni etap dziejów Kościoła w Polsce przed nowym Tysiącleciem (1815–1965) / W. Urban. – Rzym, 1966. – 555 s.

1081 Ustrzycki, M. Postawy polskich ziemian na kresach wobec Rosji i Rosjan po powstaniu styczniowym (w świetle pamiętników) / M. Ustrzycki // *Przegląd Wschodni*. – 1999. – T. 8, z. 1 (29). – S. 77–96.

1082 Vaičekonis, P. Katalikų dvasininkijos juridinė padėtis XIX a. Lietuvoje / P. Vaičekonis. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1999. – 347 s.

1083 Vėbra, R. Lietuvos katalikų dvasininkija ir visuomeninis judėjimas / R. Vėbra. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1968. – 431 s.

1084 Vidmantas, E. Katalikų Bažnyčia ir nacionalinis klausimas Lietuvoje XIX a. Antrojoje pusėje – XX a. Pradžioje / E. Vidmantas. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1987. – 323 s.

1085 Vidmantas, E. Religinis tautinis sąjūdis Lietuvoje (XIX a. antrojoje pusėje – XX a. pradžioje) / E. Vidmantas. – Vilnius: Katalikų Akademija, 1995. – 402 s.

1086 Waldenberg, M. Kwestia narodowa w Europie Środkowo-Wschodniej. Dzieje. Idee / M. Waldenberg. – Warszawa: Verbinum, 1992. – 374 s.

1087 Walewander, E. Polacy w kościele katolickim w ZSRR / E. Walewander. – Lublin, 1991.

1088 Walicki, A. Filozofia a mesjanizm. Studia z dziljow filozofii i mysli spoleczno-religijnej romantyzmu polskiego / A. Walicki. – Warszawa: Interpress, 1970. – 274 s.

1089 Walicki, A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. – Warszawa, 2002. – 312 s.

1090 Wanat, B.J. Zakon karmelitów bosych w Polsce. Klasztory karmelitów i karmelitanek bosych 1605–1975 / B.J. Wanat. – Kraków: wyd. OO Karmelitów, 1979. – 831 s.

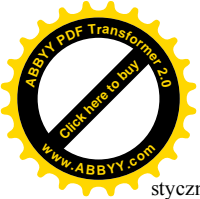
1091 Wandych, P.S. The Lands of Partitioned Poland, 1795–1918 / P.S. Wandych. – Washington: University of Washington Press, 1984. – 431 s.

1092 Wańckowicz, M. Szczeniące lata / M. Wańckowicz. – Warszawa, 1934. – 346 s.

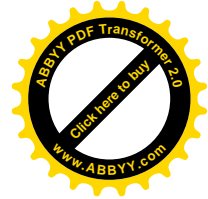
1093 Wapiński, R. Polska i małe ojczyzny Polaków. Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuch II wojny światowej / R. Wapiński. – Wrocław: Zakład naradowy im. Ossolińskich, 1994. – 327 s.

1094 Wasilewski, J. Arcybiskupi i administratorowie archidiecezji mohylowskiej / J. Wasilewski. – Pinsk: druk. Diecezjalna, 1930. – 198 s.

1095 Wasilewski, L. Kresy wschodnie / L. Wasilewski. – Warszawa: Tow. wyd. w Warszawie, 1917. – 247 s.

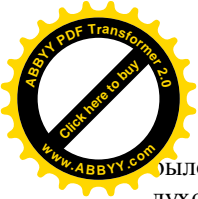
- 1052 Sowa, K. Losy duchowieństwa polskiego zesłanego na Syberię po powstaniu styczniowym (1840 – 1864) / K. Sowa // *Nasza przeszłość*. – 1992. – № 77. – S. 123–163.
- 1053 Stach, W. Chrzest litwy. Udział polskich franciszkanów w nawracaniu ludu litewskiego / W. Stach. – Wilno, 1935. – 318 s.
- 1054 Stankiewicz, A. Rodnaja mowa ũ światyniach / A. Stankiewicz. – Wilnia: adbitka z “Chryścijanskaj Dumki”, 1929. – 192 c.
- 1055 Stegner, T. Więź wyznaniowa a narodowa / T. Stegner // *Наш Радавод*. – 1996. – Кн. 7. – С. 110–113.
- 1056 Sto tomów «*Naszej przeszłości*» (bibliografia, dzieje, ludzie) / red. ks. J. Dakała CM, bp. J. Kopiec. – Kraków: In-t wyd. Księży Misjonarzy «*Nasza przeszłość*», 2003. – 407 s.
- 1057 Stosunki Litewsko-Polskie w djecezyi Wilenskiej i naduzycia partyi wszechpolskiej. – Wilno, 1913. – 147 s.
- 1058 Studia nad historią dominikanów w Polsce 1222 – 1972 / pod red. J.K. Kłoczowskiego. – Warszawa: wyd. Pol. Prowincji Dominikanów, 1975. – T.1. – 702 s.
- 1059 Studnicka, W. Skąd się wzięli polacy na Rusi / W. Studnicka. – Warszawa: wyd. Straży Kresowej, 1919. – 167 s.
- 1060 Studnicki, W. Polityka Rosji względem szkolnictwa zaboru Rosyjskiego / W. Studnicka. – Kraków: G. Gebethner, 1906. – 260 s.
- 1061 Sulowski, Z. Mniejszości w świetle spisów statycznych z przelomu XIX i XX wieku / Z. Sulowski // Białoruś, Czechosłowacja, Litwa, Polska, Ukraina. Mniejszości w świetle spisów statycznych XIX – XX w.: materiały z międzynarodowej konferencji «*Samoidentyfikacja narodowa i religijna a sprawa mniejszości narodowych i religijnych w Europie Środkowo-Wschodniej*», Lublin, 19–21 paźdz. 1993 r. / *Katolicki Uniwersytet Lubelski*; red. nauk. J. Skarbek. – Lublin, 1996. – S. 5–9.
- 1062 Synowiec, D. Franciszkanie polscy 1772 – 1970 / D. Synowiec // *Zakony św. Franciszka w Polsce w latach 1772 – 1970*. – Warszawa: ATK, 1978. – Cz. 2. – S. 5–136.
- 1063 Szantyr, St. Wiadomości do dziejów kościoła i religii katolickiej w krajach panowaniu rosyjskiemu podległych: w 2 cz. / St. Szantyr. – Poznań: wyd. i druk. W. Stefańskiego, 1843. – Cz. 2. – 303 s.
- 1064 Szczepanowski, S. Myśli o odrodzeniu narodowem / S. Szczepanowski; zebrane przez H. Szczepanowską i A. Plutyńskiego pism i przemówień. – Lwów: Tow. Wydawnicze, 1903. – 538 s.
- 1065 Szerejski, M. Narod a panstwo w polskie historycznej / M. Szerejski. – Warszawa, 1977. – 315 s.
- 1066 Sznarbachowski, F. Początek i dzieje rzymsko-katolickiej djecezyi Łucko-Żytomierskiej / F. Sznarbachowski. – Warszawa, 1936. – 179 s. – S. 91–92.
- 1067 Szopa, M. O narodzie polskim na Litwie / M. Szopa. – Warszawa: wyd. Straży Kresowej, 1919. – 214 s.
- 1068 Szwarc, A. Od Wielopolskiego do Stronictwa Polityki Realnej. Zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycznej (1864 – 1905) / A. Szwarc. – Warszawa. – 1990. – 429 s.
- 1069 Szybiak, J. Szkolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim / J. Szybiak. – Wrocław, 1973. – 352 s.
- 1070 Śliwiński, Ar. Powstanie styczniowe / Ar. Śliwiński. – Poznań: skład główny w Księgarni Naukowej, 1921. – 273 s.
- 1071 Świętochowski, R. Szkolnictwo teologiczne dominikanów / R. Świętochowski // *Dzieje teologii katolickiej w Polsce*. – Lublin, 1975. – T. 2, cz. 2. – S. 213–284.
- 1072 Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich. – Londyn, 1898. – 123 s.
- 1073 Telko-Hryncewicz, J. Z przeżytych dni (1850–1908) / J. Telko-Hryncewicz. – Warszawa, 1930.

2.5 Конверсия римско-католических монастырей и храмов

В силу своих властных полномочий М.Н. Муравьев ликвидировал в 1864–1865 гг. монастыри, которые, по его мнению, наиболее открыто поддерживали восстание. В этом случае монахов карали ссылкой в глубь империи. Сам же монастырь переходил в управление гражданских властей либо полиции до того времени, пока власти в г. Санкт-Петербурге решали их судьбу. В то время в Северо-Западном крае было 40 штатных монастырей и 6 заштатных. Согласно принятым в империи правилам, последние сами собой должны были упраздниться, когда число монахов уменьшилось бы до восьми. Поэтому первоначально речь шла о 40 штатных монастырях. Больше всего их было в самом г. Вильно, на Жмуди и в юго-западной части Минской губернии (уезды Слуцкий, Новогрудский и Минский) [489, с. 193]. В 1863 г. в Гродненской губернии насчитывалось 120 приходских костелов, 17 филиальных, 7 монастырских и 126 часовен. Монастыри имелись следующие: в г. Гродно – францисканский и бригитский женский, в г. Слониме – бернардинский и бернардинок в местечке Рясне, в Брестском уезде – монастырь марианов. Прихожан числилось 132 877 мужского и 140 3999 женского пола. На каждый приход приходилось 2 151 прихожанина, а на одно духовное лицо – 1 262 человек. Для сравнения: православных приходов насчитывалось 127 (в 9 благочиниях), 3 мужских и 3 женских монастыря, белого духовенства – 215, монашествующего обоих полов – 84, а на одного священника приходилось 1 275 прихожан [474, с. 679, 738].

После восстания дело приняло совершенно другой оборот: только в одном 1864 г. было ликвидировано 14 мужских и 12 женских монастырей, а в следующем – 6 мужских и 6 женских. В 1866 – 1867 гг. ликвидационные акции продолжились: соответственно 1 мужской и 4 женских монастыря, 3 мужских и 1 женский монастырь. В результате этих начинаний за 1864 – 1867 гг. перестали существовать в западных губерниях империи 24 мужских монастыря и 23 женских [900, с. 191]. Только в одном г. Вильно в 1864–1866 гг. было закрыто 14 монастырей. В Минской римско-католической епархии были закрыты следующие монастыри: в г. Минске – бернардинцев (1865 г.), бенедиктинок (1868 г.); в г. Несвиже – бенедиктинок (1867 г.), доминиканов (1867 г.), бернардинцев (1865 г.); в г. Новогрудке – доминиканов (1864 г.); в местечке Кимбаровке – цистерок (1865 г.); в местечке Цитовянах – бернардинцев (1864 г.); в г. Гродно – доминиканов (1865 г.) [13, с. 73–74]. С 1864 г. по 1900 г. упразднено

было 42 мужских и 34 женских монастыря. После их ликвидации духовенство орденов переходило в другие монастыри, в которых вынуждены были жить не только лица из разных монастырей, но и из разных орденов. Так, например, к монастырю бенедиктинок в г. Вильно присоединилось в 1864 г. 14 мариавиток, в январе 1865 г. – две бернардинки, в феврале 1865 г. – 17 кармелиток. В 1877 г. к этому монастырю присоединились еще 20 бенедиктинок из г. Несвижа, из которых небольшая часть после была перевезена в г. Гродно [899; 900, с. 192; 901–902].

На территории Беларуси в 1861–1901 гг. у костела было отобрано 296 храмов, из них 125 приходских костелов и 82 филиальных костела и часовни; 207 были переоборудованы в православные церкви [1028, с. 213].

В 1865 г. в Могилевской губернии, как «особо вредных для политической обстановки», местным губернатором предполагалось закрыть 19 костелов: в г. Могилеве – костел святого Антония; в Могилевском уезде – Княжичский; в Чауском уезде – Радомльский, Рамельский; в Чериковском уезде – Володьковский, Кричевский; в Климовичском уезде – Шумятинский и Костюковичский; в Оршанском уезде – Смольнянский, Оболецкий и Микулино-Руднянский; в Сеннинском уезде – Вяецкий, Лукомльский, Островский; в г. Горках – Городокский; в Рогачевском уезде – Озеранский, Свежанский, Люшевский; в Гомельском уезде – Радосский. Из этих римско-католических костелов разрешено было генерал-губернатором фон Кауфманом упразднить следующие: в г. Могилеве – Антониев побернардинский (21 ноября 1865 г.); в Могилевском уезде – Княжичский (15 ноября 1865 г.); в Климовичском уезде – Микулино-Руднянский (27 мая 1866 г.); в Сеннинском уезде – Островский (11 ноября 1865 г.); в г. Горках – Городокский (15 ноября 1865 г.); в Рогачевском уезде – Свержанский и Озеранский (31 августа 1866 г.); в Гомельском уезде – Радосский (15 ноября 1865 г.). Местный губернатор был возмущен такой нерешительностью вышестоящего руководства [816, л. 12–14].

За участие ксендзов в восстании 1863 г. в Витебской губернии были закрыты в 1865 г. три костела в Дрисенском уезде (Сарьянский, Лешчиловский, Балина-Чуриловский), два в Полоцком (Шатиловский, Концевский), 1 в Себежском (Седловский), один в Невельском (Соколынитский) уезде; в 1866 г. – Бричевский и Кудебский костелы Люцинского уезда [107, с. 21].

В Виленской губернии за этот период были закрыты 54 приходских костела, а также 69 филиальных и каплицы [900, с. 192].

1029 Radwan, M. Repertorium wizytacji kościołów i klasztorów w archiwaci Petersburgskiego Kollegium Duchownego (1797 – 1914) / M. Radwan. Lublin: TN KUL, 1998. – 307 s.

1030 Radzik, R. Ewolucja narodowa społeczności kresów wschodnich / R. Radzik // Kultura i Społeczeństwo. – 1991. – № 2. – S. 48–59.

1031 Radzik, R. Formowanie się świadomości narodowej białorusinów / R. Radzik // Przegląd Powszechny. – 1993. – № 1 (857). – S. 79–86.

1032 Radzik, R. Między zbiorowości etnicznej a wspólnota narodowa. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie Skłodowskiej, 2000. – 301 s.

1033 Radzik, R. Samookreślenie jako element świadomości etnicznej ludu białoruskiego w XIX wieku / R. Radzik // Przegląd Wschodni. – 1994. – T. 4, z. 3 (15). – S. 611–616.

1034 Religia. Encyklopedia PWN: w 9 t. / red. nauk. T. Gadacz i B. Milersk. – Warszawa: PWN, 2001 – 2003.

1035 Rerum novarum // 100 лет социального христианского учения. – М.: Дом Марии, 1991. – С. 7–25.

1036 Rogala-Zawadzki, T. Wspomnienia z życia ks. Franizka Rogali-Zawadzkiego (1829 – 1915), ostatniego zakonnika wileńskiej diecezji ze starej generacji / T. Rogala-Zawadzki. – Wilno, 1916. – 125 s.

1037 Römer, M. Litwa. Studium odrodzenia narodu litewskiego / M. Römer. – Lwów, 1908. – 238 s.

1038 Römer, M. Stosunki etnograficzno-kulturalne na Litwie / M. Römer. – Kraków: Krytyka, 1906. – 194 s.

1039 Rudoltowski. Na 500-letni jubileusz obrazu Bogarodzicy na Jasnej Górze w Częstochowie od roku 1382 do roku 1882 / Rudoltowski. – Kraków, 1882. – 93 s.

1040 Rzymsko-katolicka diecezja Witebska (Białoruś) / oprac. ks. P. Siolkowski. – Witebsk: wyd. Duszpasterstwa Rolników, 2004. – 182 s.

1041 Sadowski, A. Pogranicze Polsko-Białoruskie. Tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. – Białystok, 1995. – 257 s.

1042 Sawicka, F. Bibliografia polskich wydawnictw pamiątkowych 1801–1914 / F. Sawicka, I. Rupińska. – Wrocław: Sztuka, 1973. – 504 s.

1043 Schmidt, W. Geneza prywatne rosyjskiej własności ziemskiej w guberniach Wileńskiej, Grodzieńskiej i Minskiej (1793–1875). Z dodatkiem skorowidza majątków / W. Schmidt. – Warszawa: druk. W. Kirchmayera, 1923. – 346 s.

1044 Semenenko, P. Wyższy pogląd na historie Polski. Mysl Boża w jej dziejach / P. Semenenko. – Kraków, 1892. – 169 s.

1045 Skarbek, J. Organizacja parafialna w diecezji Wileńskiej w latach 1772/73–1914 / J. Skarbek // Studia teologiczne. – 1987–1988. – № 5–6. – S. 118–143.

1046 Skarbek, J. W dobie rozbiorów i braku państwowości (1172–1918) / J. Skarbek // Kłoczowski, J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, J. Müllerowa, J. Skarbek. – Kraków, 1986. – S. 203–257.

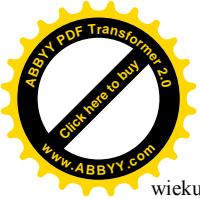
1047 Skirmunt, R. Głos przeszłości i potrzeba chwili. Stanowisko szlachty na Litwie i Rusi / R. Skirmunt. – Lwów: druk. G. Gebethnera i Spółka, 1905. – 126 s.

1048 Słownik polskich teologów katolickich: w 4 t. / pod red. ks. H.E. Wyczawskiego OFM. – Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1981–1983.

1049 Smith, A. The ethnic original of nations / A. Smith. – Oxford, 1986. – 362 s.

1050 Smołucha, J. Udział Pielgrzymów z Królestwa Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego w obchodach średniowiecznych jubileuszów chrześcijaństwa / J. Smołucha // Nasza przeszłość. – 2000. – № 93. – S. 5–21.

1051 Snyder T. The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus / T. Snyder. – London: Yale University Press, 1998. – 367 s.

- 1005 Olszewski, D. Stan i perspektywy badań nad religijnością XIX i początku XX wieku / D. Olszewski // *Nasza Przeszłość*. – 1983. – T. 59. – S. 61–72.
- 1006 Olszewski, D. Szkice z dziejów kultury religijnej / D. Olszewski. – Katowice, 1986. – 291 s.
- 1007 Ostoja, T. Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosji / T. Ostoja. – Warszawa, 1916.
- 1008 Pajączkowski, T. Golgota polska, czyli św. Krzyż na szczycie Łysej Góry / T. Pajączkowski. – Warszawa, 1906. – 54 s.
- 1009 Państwo, kościół, niepodległość / pod red. J. Skarbeka, J. Ziółka. – Lublin: TN KUL, 1988. – 356 s.
- 1010 Papięstwo wobec sprawy polskiej w latach 1772 – 1864. Wybór źródeł. – Wrocław: zakł. nar. im. Ossolińskich, 1960. – 645 s.
- 1011 Paszkiewicz, P. W cieniu tronu i ołtarza. Polityka imperialna Rosji i jej aspekty rusyfikacyjne (fazy i przejawy) / P. Paszkiewicz // *Kultura i polityka. Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży imperium Rosyjskiego 1772 – 1915: materiały sesji naukowej*. – Warszawa: In-t Sztuki PAN, 1994. – S. 7–27.
- 1012 Paszkiewicz, P. W służbie imperium rosyjskiego. 1721–1917 (funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sokralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami) / P. Paszkiewicz. – Warszawa: PWN, 1999. – 700 s.
- 1013 Pawłowicz, Ed. Wspomnienia z nad Wilji i Niemna / Ed. Pawłowicz. – Lwów, 1883. – 243 s.
- 1014 Pawłowicz, Ed. Z podróży po Litwie / Ed. Pawłowicz. – Lwów, 1890. – 294 s.
- 1015 Pernot, M. Le Saint-Siege, l'eglise catholique et la politique mondiale. – Paris, 1929. – 274 s.
- 1016 Pidlubczak-Majerowich, M. Bazyliane w Koronie i na Litwie. Szkoły i książki w działalności zakonu / M. Pidlubczak-Majerowich. – Warszawa–Wrocław, 1986. – 224 s.
- 1017 Pietrzak, I.S. Księża powstańcy 1863 r. / I.S. Pietrzak. – Kraków, 1916. – 147 s.
- 1018 Podręczna encyklopedia kościelna: w 44 t. / red. ks. Z. Chełmickiego. – Warszawa–Lublin–Łódź: Skład główny w księgarni Gebethner i Wolfa, 1904–1916.
- 1019 Podręczna encyklopedia kościelna. : w 44 t. / red. ks. Z. Chełmickiego. – Warszawa, 1910. – T. XIX–XX.
- 1020 Polska i Rosja wobec ostatnich wypadków. – Lwów: nakład drukarni ludowej, 1881. – 128 s.
- 1021 Polski słownik biograficzny. – Kraków: nakład Polskiej Akademii Umiejętności, 1935. – 403 s.
- 1022 Prejs, R. Źródła do dziejów zakonników Królestwa Polskiego po kasacie klasztorów w 1864 r. / R. Prejs // *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*. – 1997. – T. 67. – S. 329–347.
- 1023 Propolanis, K. Polskie apostołstwo w Litwie (szkic historyczny 1387 – 1917) / K. Propolanis. – Wilno: druk M. Kuchty, 1913. – 286 s.
- 1024 Przybyszewski, J. Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie / J. Przybyszewski. – Lwów, 1897.
- 1025 Puzynina, G. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815 – 1843 / G. Puzynina; oprac. A. Czartowski, H. Mościcki. – Wilno, 1928. – 241 s.
- 1026 Pypin, M. Kwestya Polska w literaturze rosyjskiej / M. Pypin. – Warszawa: nakł. red. «Prawdy», 1881. – 217 s.
- 1027 Radwan, M. Inwentarz materiałów do dziejów kościoła katolickiego w Mińskich archiwach gubernatorskich / M. Radwan. – Lublin: In-t Europy Środkowo-Wschodniej. – 1998. – 300 s.
- 1028 Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // *Nasza przeszłość*. – 2001. – T. 95. – S. 197–240.

Закрытыя костелы чаще всего перестраивались в православные храмы. Только за период 1864–1868 гг., по оценке М. Радвана, было адаптировано под православные церкви в Виленской губернии 24 костела, в Минской губернии 27 костелов, в Витебской губернии (по неполным данным) – 2 костела, в Могилевской губернии – 8, в Гродненской губернии – 9 [1028, s. 207].

Преосвященный епископ Брестский Игнатий 12 августа 1864 г. переадресовал на имя Виленского генерал-губернатора прошение казенных крестьян Брестского уезда Оленецкого общества д. Хлевище, в котором они просили о причислении владимирской до этого ксендзами Мелейчицкого римско-католического костела деревянной часовни к приходской Половецкой церкви. В оправдание своего ходатайства крестьяне представили следующие причины: во-первых, в постройке Хлевищенской каплицы участвовали их предки православного исповедания; во-вторых, в этой деревне вовсе не было католиков; в-третьих, недавно она была отремонтирована собственно просителями; в-четвертых, ксендзы лишь изредка совершали в ней богослужение, так как находились в Раснянском мариинском монастыре; в-пятых, обращение часовни к православной церкви, отстоящей от деревни на 4 версты, позволило бы крестьянам служить в ней православное богослужение, совершать говение во время поста, крестить младенцев и отпевать умерших; в-шестых, внутреннее устройство часовни по православному обряду крестьяне всем уездом принимали на себя. Гродненский губернатор присоединился к прошению, от себя добавив, что богослужение в этой часовне среди православных жителей не будет оказывать вредное влияние на население. 26 августа 1864 г. М.Н. Муравьев удовлетворил ходатайство [283, л. 1–3. 7].

12 ноября 1864 г. был закрыт Янопольский филиальный костел Белостокского уезда, но уже в январе 1865 г. «по просьбе крестьян» Гроднецкой волости он был отдан в ведомство православного духовенства [279, л. 1].

Вследствие неоднократных жалоб, поступавших епископу Брестскому Иосифу от священников Гродненского уезда на «совершенную неуместность» римско-католической часовни в местечке Рудова в имении помещика барона Брюкова, епископ обратился 12 ноября 1864 г. с ходатайством к Виленскому генерал-губернатору о передаче ее в православное ведомство, а заодно и римско-католической часовни, находящейся в местечке Массальянах (имения помещика Войчинского), Красниках (имение помещицы Залесской) Гродненского уезда. Все эти постройки, по заверению православных священников, находились среди чисто православного

заселения, а потому «вредили делу православия и всему русскому». 12 мая 1865 г. фон Кауфман удовлетворил ходатайство. Имущество часовен было перенесено в близлежащие костелы [282, л. 17].

18 апреля 1865 г. Виленский генерал-губернатор по соглашению с митрополитом Литовским Иосифом выразил согласие на обращение состоящей при деревни Пригодичи деревянной часовни в кладбищенскую православную церковь с тем, чтобы она была приписана к Вертелишской приходской церкви [281, л. 5].

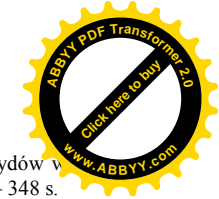
10 июля 1865 г. по ходатайству Игнатия, епископа Брестского, был упразднен Верейский филиальный костел Волковысского уезда с обращением в православную приходскую церковь вместо Кузмицкой, в которой невозможно было совершать богослужение из-за угрозы обрушения [277, л. 1].

В сентябре 1865 г. был закрыт при Гродненской гимназии костел с обращением его в православную гимназическую церковь [280, л. 1].

В ноябре 1865 г. по ходатайству митрополита Литовского упраздненную Руднянскую римско-католическую часовню обратили в православную церковь д. Рудня Слонимского уезда [272, л. 1].

24 апреля 1866 г. закрыли Луконицкий приходской костел Слонимского уезда. По ходатайству митрополита Иосифа костел был переделан в церковь с перенесением причта Голынковской церкви [278, л. 2].

31 марта 1866 г. генерал-адъютант фон-Кауфман распорядился обратить в г. Пружанах недостроенный каменный костел в православную церковь – вследствие добровольного заявления прихожан всех сословий. 18 ноября 1866 г. недостроенное здание поступило в ведение православного духовенства Пружанского уезда. Затем в целях достройки этого сооружения по распоряжению Церковно-Строительного Комитета составлены были архитектором Гурьевым технические данные, утвержденные строительным отделением 15 мая 1867 г. в сумме 25 992 рубля 77 копеек. Для местного предводителя дворянства появилась проблема, что делать с будущей церковью, ведь в г. Пружаны уже существовала каменная церковь, сооруженная на средства правительства, а также приписанная к ней деревянная, в довольно хорошем состоянии. Вследствие чего предводитель дворянства представил в губернское присутствие акт, составленный совместно с местным духовенством, в котором указывалась необходимость в обращении здания недостроенного костела в православную церковь и образования затем особого самостоятельного прихода, к которому предполагалось причислить

981 Lewalski, K. Kościoły chrześcijańskie w królestwie Polskim wobec żydów w latach 1855 – 1915 / K. Lewalski. – Wrocław: Fundacja na rzecz nauki Polskiej, 2002. – 348 s.

982 Liebich, A. Pojęcia «Narodu» – między Wshodem a Zachodem / A. Liebich // Obóz. – 1999. – № 36. – S. 15–35.

983 Lukaszewicz, J. Historia szkół w Koronie i w Wielkim księstwie Litewskim: w 4 t. / J. Lukaszewicz. – Poznań, 1852. – T. 4. – 349 s.

984 Mandziuk, J. Zakony w (arhi)diecezji Wileńskiej / J. Mandziuk // Studia teologiczne. – 1987–1988. – № 5–6. – S. 161–201.

985 Mann, M. Sources of social power. The rise of modern nations and classes, 1760 – 1914 / M. Mann. – Cambridge, 1993. – 368 s.

986 Mann, M. The emergence of modern European nationalism / M. Mann // Transition to modernity / ed. by J.A. Hall, I. Jazwie. – Cambridge, 1992. – 523 s.

987 Maroszek, J. Dzieje Polaków i kultury polskiej w Mohylewie i na Mohylewsczyźnie / J. Maroszek // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22-24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 64–101.

988 Martinow, I. O języku rosyjskim w nabożeństwie katolickim / I. Martinow; przełożył z francuskiego W. Smoczynski. – Kraków, 1889. – 87 s.

989 Martynowski, Z. Kult Matki Bożej Cześćochowskiej na Ziemi Kłodzkiej / Z. Martynowski // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 86–92.

990 Morawski, S. Dzieje chrześcijaństwa w Polsce / S. Morawski // Na przełomie tysiącleci. – Warszawa: Znaki czasu, 1966. – S. 7–39.

991 Moskiewskie na Litwie rządy 1863–1869. – Kraków: nakł. J. Siedleckiego, 1869. – 394 s.

992 Mościcki, H. Pod berłem carów / H. Mościcki. – Warszawa, 1924. – 236 s.

993 Mróz, M. W kręgu dyplomacji Watykańskiej. Rosja, Polska, Ukraina w dyplomacji Watykańskiej w latach 1917 – 1926 / M. Mróz. – Warszawa: wyd. A. Marszałek, 2004. – 204 s.

994 Mysiek, W. Kościół katolicki i tysiąclecie / W. Mysiek. Warszawa, 1963. – 293 s.

995 Nagrodzki, Z. Rola duhovenstwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863–1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935. – 274 s.

996 Nawicki, I. Książeczka jubileuszowa czyli nauka o odpustach / I. Nawicki. – Wrocław, 1881. – 74 s.

997 New catholic encyclopedia: 18 t. – Wachington: The Catholic University of America, 1967–1989.

998 Niepokalana: Kult Matki Bożej na ziemiach polskich w XIX wieku / pod red. B. Pulaka i Cz. Krakowiaka. – Lublin: KUL, 1988. – 783 s.

999 Niesiołowski, A. Katolicyzm polityczny, jego słabość oraz perspektywy / A. Niesiołowski // Przegląd powszechny. – 1937. – № 12 (648). – S. 277–295.

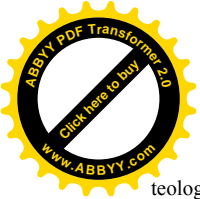
1000 Nitecki, P. Biskupi na ziemiach polskich w okresie niewoli narodowej (1772 – 1918) / P. Nitecki // Chrześcijanin w świecie. – 1987. – № 160–161. – S. 154–165.

1001 Olszewski, D. Dzieje chrześcijaństwa w zarysie / D. Olszewski. – Kraków: Znak, 1996. – 308 s.

1002 Olszewski, D. Piotr Pawel Gach. Kasaty zakonów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i śląska 1773 – 1914. Lublin, 1984 / D. Olszewski // Nasza przeszłość. – 1985. – № 64. – S. 281–284.

1003 Olszewski, D. Pobożność pątnica w polskiej kulturze religijnej przełomie XIX i XX wieku / D. Olszewski // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 70–86.

1004 Olszewski, D. Polska kultura religijna na przełomie XIX i XX wieku / D. Olszewski. – Warszawa: Znaki czasu, 1996. – 234 s.

- 962 Krahel, T. Zarys dziejów (Arhi)diecezji Wileńskiej / T. Krahel // *Studia teologiczne*. – 1988. – № 5–6. – S. 7–73.
- 963 Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków / A. Krotau // *Przegląd Wschodni*. – 2002. – T. 8, z. 1 (29). – S. 57–74.
- 964 Kruczkowski, T. Historiograficzne zagadnienia historii i współczesności polskiej mniejszości na Białorusi (wybrane zagadnienia) / T. Kruczkowski // *Problemy narodowego сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО “Союз поляков на Беларуси”*. – Гродно, 2005. – С. 101–128.
- 965 Kruczkowski, T. Niektóre zagadnienia historii etnicznej Polaków na Białorusi / T. Kruczkowski // *Problemy narodowego сознания польского населения на Беларуси: материалы междунар. науч. конф., г. Гродно, 16–18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси»*. – Гродно, 2003. – 288 с. – С. 58–63.
- 966 Kruczkowski, T. Polacy jako mniejszość narodowa na Białorusi – warunki egzystencji i perspektywę / T. Kruczkowski // *Problemy narodowego сознания польского населения на Беларуси: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси»*. – Барановичи, 2004. – С. 115–139.
- 967 Krzemiński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863 – 1888) / S. Krzemiński. – Lwów: nakł. redak. «*Ekonomisty Polskiego*», 1892. – 312 s.
- 968 Kubicki, P. Bojownicy kapłani za sprawę Kościoła i Ojczyzny w latach 1861 – 1915. Materiały z urzędowych świadectw władz Rosyjskich, archiwów Konsystorskich, zakonnych i prywatnych: w 4 cz. / P. Kubicki. – Sandomierz: nakł. Tłumacza, 1936. – Cz. 2. – 976 s.
- 969 Kuczyuski, J. Indywidualność i ojczyzna. Filozoficzna problematyka kwestii narodowej / J. Kuczyuski. – Warszawa: wyd. «*Niepokolana*», 1972. – 243 s.
- 970 Kumor, B. Historia Kościoła: w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
- 971 Kumor, B. Kościół i katolicy w cesarstwie rosyjskim. Odrodzenie Kościoła Katolickiego w ZSSR / B. Kumor. – Lublin: KUL, 1993. – 376 s.
- 972 Kumor, B. Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej, 1772 – 1918 / B. Kumor. – Kraków: Polskie Tow-wo Teologiczne, 1980. – 700 s.
- 973 Kurczewska, I. Naród w socjologii i ideologii polskiej. Analiza porównawcza wybranych koncepcji z przełomu XIX i XX wieku / I. Kurczewska. – Warszawa: PWN, 1979. – 284 s.
- 974 Kurczewski, J. Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa diecezji wileńskiej oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych / J. Kurczewski. – Wilno: druk. J. Zawadzkiego, 1912. – 614 s.
- 975 Kurczewski, J. Kościół zamkowy czyli katedra wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju / J. Kurczewski. – Wilno: nakł. i druk J. Zawadzkiego, 1908. – 333 s.
- 976 Kurpisowa, G. Poglądy Iwana Aksakowa na kwestię polską / G. Kurpisowa // *Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego. Historia*. – 1976. – № 6. – S. 28–36.
- 977 Łaniec, S. Białoruś w drugiej połowie XIX stulecia / S. Łaniec. – Olsztyn, 1997. – 237 s.
- 978 Lang, W. Nauka czytania i pisma polskiego z przydatkiem nowego katechizmu dla małych dzieci zebrana / W. Lang. – Warszawa, 1870. – 96 s.
- 979 Leliwa, H. [Tyskiewicz, A.] Zarys stosunków polsko-rosyjskich / H. Leliwa [A. Tyskiewicz]. – Kraków, 1895. – 117 s.
- 980 Łepkowski, T. O katolicyzmie i kulcie maryjnym w społeczeństwie polskim XIX stulecia / T. Łepkowski // *Studia Claromontana*. – 1987. – № 7. – S. 40–50.

часть прихожан от Пружанского (в Пружанском приходе насчитывалось 6 589 душ обоего пола) и часть от Куплинского приходов. Ввиду постоянного роста цен на строительные работы и материалы, Гродненский губернатор предложил епископу Брестскому Евгению ограничиться лишь возведением стен и крыши, а остальные работы возложить на прихожан. Председатель Пружанского приходского попечительства, от имени прихожан и местного причта, 9 февраля 1869 г. взял обязанность черноработного труда, которая была принята по предложению члена попечительского совета (попечительство состояло из следующих лиц: священник Н. Жукович, протоиерей А. Червяковский, коллежский секретарь Трожинский и П. Афанасьев, городской голова Худевич, гласный Манимович, старосты всех 15 сельских волостей) председателем Пружанского мирового съезда. С 28 января 1873 г. по 1875 г. решено с каждого крестьянского дома, входящего в состав Пружанского прихода, жертвовать по одному рублю в год, а с крестьянского дома, пользующегося половинным земельным наделом, - по 50 копеек в год. С батраков-крестьян, пользующихся только трехдесятинным земельным наделом – по 30 копеек серебра в год. Мещане и безземельные прихожане обязаны были внести по 10 копеек. Местный причт принял решение снабдить отстроенную православную церковь утварью, священным облачением и богослужебными книгами. 10 марта 1873 г. на имя Гродненского губернатора поступило прошение крестьян Пружанского уезда Христианского общества от Михайловской волости Якова Великоселица, деревни Плебанцев и Линовской волости Якова Семенюка, деревни Городнян. Прихожане Пружанского костела ходатайствовали о возвращении в римско-католическое ведомство недоконченного каменного костела в г. Пружаны и о разрешении достроить его для совершения в нем богослужения (после неоднократных неудач с ходатайством к Виленскому генерал-губернатору). Характерно, что бывшим главным начальником края графом М.Н. Муравьевым обращение этого здания в православную церковь было признано в 1864 г. неудобным, так как в г. Пружаны уже имелась выстроенная на правительственные средства новая каменная соборная церковь, а недостроенное здание передали в православное ведомство под устройство народного училища или какого-либо благотворительного заведения. Христианское общество не оставляло своих попыток, адресуя прошения даже в министерство внутренних дел. 18 февраля 1874 г. министр внутренних дел распорядился произвести тщательное расследование дела о справедливости просителей: действительно ли здание было передано православному

ведомству с согласия 130 лиц, не бывших даже прихожанами этого костела. Недовольство высказало и министерство государственных имуществ, указавшее, что против здания стояли две православные церкви, между тем как деревянный костел был ветх и тесен. Как следствие, строительство затянулось. Деньги и материал начали потихоньку разворовывать. В мае 1879 г. работы были приостановлены – «за не присылкой плана и проекта постройки, а также денежных ассигнований» (к этому времени было потрачено 5 576 рублей 39 копеек). 2 декабря 1880 г. здание Христорождественской православной церкви было принято со стороны епархиального ведомства протоиереем Н. Жуковичем [274, л. 7, 57–61, 64–65, 89, 365].

В декабре 1864 г. М.Н. Муравьев упразднил Бездежский римско-католический приход Кобринского уезда по малочисленности прихожан. 4 февраля 1866 г. уже бывший костел был обращен в приписную церковь Бездежского прихода [284, л. 15]. 31 мая 1866 г. главный начальник Северо-Западного края, усматривая, что из числа существовавших в Кобринском уезде римско-католических костелов Крупинского, Збировского, Дывинского, Городецкого, Брошевицкого приходов на основании 125 статьи XI тома свода гражданских законов не имелось необходимого числа дворов, а поблизости еще незаконно существовало восемь часовен (в местечке Антополь, построенная в 1831 г.; в имении Илоск в доме помещика Брупо-Шемета, построенная в 1841 г.; в имении Ляховичи в доме помещика Шемета, построенная в 1834 г; в имении Молодове в доме помещика Скирмонта, построенная в 1835 г.; в имении Корсунь помещика Ягмина; в имении Закозельск помещика Оржешко построены были 2 часовни, одна, которую уездный исправник по шибке из-за довольно внушительных размеров описал как костел, построена была в 1839 г.), распорядился закрыть. 3 сентября 1880 г. все необходимые работы были завершены [274, л. 24, 88].

18 июля 1866 г. находящуюся в имении Междулесье Пружанского уезда часовню передали в ведомство православного духовенства с целью переделки ее в кладбищенскую церковь Матиевичского православного прихода [273, л. 2]. Этому же числа Рогатинский и Кадиновский костелы Слонимского уезда были обращены в приписные церкви Яворовского и Козловичского православных приходов, а Скрундиновский филиальный костел преобразовали в православную церковь с отдельным приходом [275, л. 2].

Архивы показывают, что процесс переустройства римско-католических костелов в православные церкви в разных местах

938 Kassabała, T. Problem reorganizacji szkolnictwa średniego w diecezji Wileńskiej w czasach Komisji Edukacji Narodowej / T. Kassabała // *Studia teologiczne*. – 1999. – № 17. – S. 245–263.

939 Katalog prac naukowych powstałych na wyższych uczelniach katolickich w Polsce (1983 – 1986) / red. J. Adamski. – Lublin: wyd. Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1989. – 139 s.

940 Kavolis, V. Žmogus istorijoje / V. Kavolis. – Vilnius: Samnalis DAL, 1994. – 322 s.

941 Kazanowska, Z. Działalność społeczna bernardynów w II połowie XVIII i w XIX wieku / Z. Kazanowska // *Franciszkanie w Polsce XIX wieku. Zakony Franciszkańskie w Polsce / pod zespół. red. J. Kłoczowski, G. Huszał, C.S. Napiórkowski, S. Olczak, R. Prejs*. – Niepokalanów, 1996. – T. 3. – S. 129–147.

942 Kieniewicz, S. Historia Polski. 1795–1918 / S. Kieniewicz. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1987. – 417 s.

943 Kijas, A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny / A. Kijas. – Warszawa: In-t wyd. Pax, 2000. – 514 s.

944 Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach historycznych. – Kalwaria Zebrzydowska: nakł. OO. Bernardynów, 1985. – 681 s.

945 Klots, P. Litwa – jej mieszkańcy i granice / P. Klots. – Wilno, 1919. – 249 s.

946 Kłoczowski, J. Chrześcijaństwo a historia kultury polskiej / J. Kłoczowski // *Znak*. – 1978. – № 10–11. – S. 223–236.

947 Kłoczowski, J. Zakony w Polsce (966–1972) / J. Kłoczowski // *Metody i źródła do badań z historii społecznej XIX i XX wieku*. – Lublin: KUL, 1975. – S. 9–36.

948 Kłoczowski, J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, J. Müllerowa, J. Skarbek. – Kraków: Znak, 1986. – 470 s.

949 Knapieński, W. List do pewnego kapłana katolickiego / W. Knapieński. – Kraków, 1893. – 54 s.

950 Kolbuszewski, J. Kresy / J. Kolbuszewski. – Wrocław: wyd. EUN, 1995. – 374 s.

951 Kołłątaj, H. Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750–1764) / H. Kołłątaj. – Wrocław, 1953. – 162 s.

952 Kopiec, J. Biskup W. Urban (1911–1983) – historyk Kościoła / J. Kopiec // *Nasza przeszłość*. – 1984. – № 62. – S. 247–269.

953 Kosman, M. Historia Białorusi / M. Kosman. – Warszawa: Zakład naradowy imienia Ossolińskich, 1979. – 485 s.

954 Kosman, M. Orzel i Pogoń: Z dziejów polsko-litewskich XVI–XX w. / M. Kosman. – Warszawa, 1990. – 369 s.

955 Kościół w Polsce: Studia nad historią Kościoła katolickiego w Polsce / pod red. J. Kłoczowskiego. – Kraków: Znak, 1970. – T. 2. – 1113 s.

956 Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926) / wybór tekstów i opracowanie ks. M. Radwan SCJ. – Warszawa: wyd. SCJ, 1999. – S. 133–229.

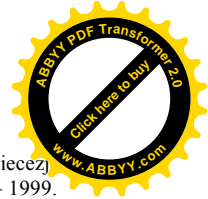
957 Kowałowka, L. Z naszej przeszłości misyjnej / L. Kowałowka. – Rzym: wyd. OO Karmelitów Bosych, 1975. – 735 s.

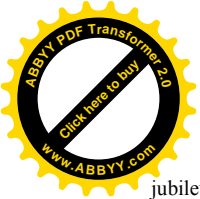
958 Krahel, T. Historiografia (arci)diecezji Wileńskiej do 1939 roku / T. Krahel // *Studia z historii Kościoła w Polsce*. – Warszawa, 1979. – T. 5. – S. 3–179.

959 Krahel, T. Nowy Dwór. Dzieje parafii rzymskokatolickiej 1504–2004 / T. Krahel. – Białystok: Kuria Mitropolitalna Białostocka, 2004. – 125 s.

960 Krahel, T. Schematyzmy diecezji wileńskiej jako źródło historyczne / T. Krahel // *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*. – 1979. – T. 38. – S. 109–149.

961 Krahel, T. Szkolnictwo Kościoła Rzymsko-Katolickiego w Wielkim Księstwie Litewskim / T. Krahel // *Наш радавод*. – 1992. – Кн. 4. – С. 462–469.

- 917 Grabowski, B. Pięćsetletnie dzieje Kościoła i klasztoru na Jasnej Górze na rok jubileuszowy 1882 w krótkości zebrane przez Częstochowa / B. Grabowski. – Warszawa, 1882. – 73 s.
- 918 Hagiografia polska. Słownik bio-bibliograficzny: w 2 t. – Poznań: księgarnia św. Wojciecha, 1971–1972.
- 919 Historia katolicyzmu społecznego w Polsce / red. Cz. Strzeszewski, R. Bender, K. Turowski. – Warszawa: Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1981. – 348 s.
- 920 Hobsbawm, E.J. Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality / E.J. Hobsbawm. – Cambridge, 1990. – 425 s.
- 921 Hołodok, S. Źródła do dziejów liturgii sakramentów w diecezji Wileńskiej w XVI – XVIII w. / S. Hołodok // Studia teologiczne. – 1983. – № 1. – S. 195–221
- 922 Horoszkiewicz, R. Szlachta zaściankowa na ziemiach wschodnich / R. Horoszkiewicz. – Warszawa, 1936. – 264 s.
- 923 Jabłońska-Deptuła, E. Katolicyzm łaciński w Imperium Rosyjskim w XIX wieku / E. Jabłońska-Deptuła // Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI – XX w.); pod red. J. Bardacha. – Warszawa: Upowszechnianie nauki Oświata “UNO”, 1997. – S. 270–276.
- 924 Jabłońska-Deptuła, E. U genezy myśli niepodległościowej XIX wieku / E. Jabłońska-Deptuła // Folia Societatis Scientiarum Lubliniensis. – 1981. – Vol. 23. – S. 35–40.
- 925 Jabłońska-Deptuła, E. Religijność i patriotyzm doby powstań / E. Jabłońska-Deptuła // Uniwersalizm i swoitość kultury polskiej / pod red. J. Kłoczowski. Lublin, 1990. – T. 2. – S. 107–123.
- 926 Jankowski, Cz. W ciągu dwóch lat / Cz. Jankowski. – Warszawa, 1908. – 173 s.
- 927 Jaśkiewicz, L. Administracja carska wobec dążeń narodowych i regionalnych na Litwie w końcu XIX w. / L. Jaśkiewicz // Centrum i regiony narodowościowe w Europie od XVIII do XX wieku / pod red. E. Wiśniarskiego. – Łódź, 1988. – S. 97–119.
- 928 Jaśkiewicz, L. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku / L. Jaśkiewicz. – Pultusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pultusku, 2001. – 219 s.
- 929 Jaśkiewicz, L. Litwini, Polacy i Rosja w memoriale general-gubernatora wileńskiego ks. Piotra Siviatopolka-Mirskiego / L. Jaśkiewicz // Przegląd Humanistyczny. – 1995. – № 2. – S. 23–29.
- 930 Jaśkiewicz, L. Polityka narodowościowa caratu w świetle raportów generalów-gubernatorów wileńskich z początku XX w. / L. Jaśkiewicz // Dzieje Najnowsze. – 1998. – T. 30, z. 3. – S. 17–32.
- 931 Jaśkiewicz, L. Polskość i katolicyzm na Białorusi w świetle raportów gubernatorów rosyjskich z przełomu XIX i XX wieku / L. Jaśkiewicz // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej / pod red. G. Kotlarskiego, M. Figury. – Poznań, 1999. – S. 112–134.
- 932 Jaśkiewicz, L. Rozwój polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w XIX w. / L. Jaśkiewicz. – Poznań, 1983. – 352 s.
- 933 Jelski, A. Dzieje diecezji Mińskiej w zarysie. – Mińsk: druk E. Nowickiego w Wilnie, 1907. – 26 s.
- 934 Jondek, F. Cwiczenia duchowne czyli lekarstwo niebieskie dla człowieka / F. Jondek. – Kraków, 1883. – 179 s.
- 935 Jurkowski, R. Edward Ropp jako biskup Wileński 1903–1907 / R. Jurkowski // Studia teologiczne. – 1990. – № 8. – S. 205–281.
- 936 Kabzińska, I. Wśród «kościelnych polaków». Wyznaczniki tożsamości etnicznej (narodowej) polaków na Białorusi / I. Kabzińska. – Warszawa: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk, 1999. – 207 s.
- 937 Kaczkowski, J. Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniach r. 1831 i 1863 / J. Kaczkowski. – Warszawa, 1918. – 174 s.

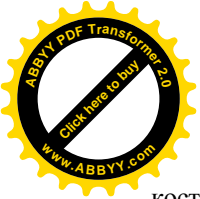

проходил по-разному: где тихо и незаметно, а где дела принимали довольно острый характер и завершались только после вмешательства генерал-губернатора [369, с. 65]. К примеру, жители местечка Зельва римско-католического вероисповедания оказывали сопротивление при перестройке в их населенном пункте костела: не допускали подвоза строительных материалов. В конечном итоге римско-католиков привели к порядку, но лишь после того, как несколько жителей местечка были оштрафованы и даже посажены в тюрьму. Костел же был переоборудован в православную церковь [216, л. 3]. Очень редко римско-католические святыни уничтожались совсем. Это были пострадавшие от пожара, ветхие, заброшенные, разрушенные временем здания. В 1866 г. были разрушены приходские костелы в г. Клещели и в местечке Картуз-Березе [47, л. 23].

Правительство не останавливало имеющееся большое количество католиков при назначенном к упразднению костеле. В 1866 г. был отдан под православную церковь Роготинский костел Слонимского уезда, несмотря на наличие 3 010 католиков в приходе на 2 866 православных (бывших униатов), у которых уже имелась церковь. Подобные события произошли в Немирове, Бельничках, Чаусах, Велиже, Сморгони, Воложине, Молодечне, Дуброве, Ивенце, Волме, Заславле. Даже в местечке Недведичах Слуцкого уезда, где на 4070 католиков было всего 16 православных, костел в 1886 г. переоборудовали в церковь [1028, с. 214–215].

Антикатолическая политика царских властей проявлялась также в ограничении строительства римско-католических храмов [2; 76–78; 112–114; 831; 847; 849; 1011–1012]. В 1864 г. вышел запрет генерал-губернатора М.Н. Муравьева на строительство и ремонт римско-католических святынь, алтарей и каплиц без разрешения главного начальника края [1104, с. 18].

Строительство костелов в губернии относилось к числу особенно острых проблем, волновавших не только римско-католическое духовенство, но и самих католиков. Кроме того, во многих родовых имениях существовали фамильные склепы, служащие для погребения рода, а над ними возвышались костелы, в которых совершались отпевания усопших и панихиды. Как правило, костел был деревянным и стоял на каменном фундаменте, под которым находился и сам склеп. Так как в склепе было погребено много поколений предков, то с ним были связаны родовые воспоминания и семейные события [232, л. 73]. К примеру, по причине смерти жены владелец имения Лошицы Минского уезда просил разрешения отремонтировать местный костел – прошение было отклонено [234, л. 1].

Еще в конце 60-х годов XIX в., непосредственно после закрытия костелов, католики предпринимали попытки к возобновлению их деятельности. Римско-католическое население деревни Деречино Слонимского уезда намерено было отправить уполномоченного в г. Санкт-Петербург для подания императору прошения о восстановлении Деречинского костела, закрытого 7 июля 1867 г. С этой целью был послан в столицу находящийся в бессрочном отпуске В. Домостой, служивший младшим вахмистром в одном из гвардейских полков, которого общество снабдило 75 рублями на путевые издержки, обещая ему еще 300 рублей, если он подаст прошение императору. Но Могилевский губернатор распорядился о задержании его [807, л. 11].

Настоятель Речицкого костела Минской губернии в 1895 г. просил разрешения на ремонт костела. Хотя строительное отделение Минского губернского правления признало, что храм, после частичного уничтожения его пожаром еще в 1862 г., требовал безотлагательного ремонта, – ходатайство было отклонено [162, л. 21]. Но на ремонт римско-католического училища в г. Минске, готовившего органистов для римско-католических приходов, в которых «дополнительное» богослужение велось на русском языке, разрешение было получено за неделю [249, л. 1].

Ремонт костела осложнялся и бюрократической процедурой: когда выяснялась необходимость в производстве ремонта или постройки костела и сумма денег, необходимая на это, то, прежде чем возбуждать вопрос о разрешении производства работ, уточнялось, на какие средства предполагается отнести расходы по работам. Если на средства прихожан, то рассматривали вопрос о возбуждении ходатайства о разрешении такого сбора. Затем, когда приступали к сбору средств, начинали рассмотрение вопроса о разрешении производства тех или других работ по ремонту или постройке римско-католических богослужебных зданий [813, л. 69].

Предложением Виленского генерал-губернатора П. Альбединского от 2 мая 1879 г. позволено было ремонт костелов, плебаниальных зданий и хозяйственных при них построек производить без предварительного разрешения гражданской власти, но с ведома полиции, и лишь в тех случаях, когда на расходы по производству работ имелись ассигнования из ремонтного капитала римско-католического духовенства, собственные средства последнего, а также деньги, пожертвованные частными лицами [777, л. 1]. На практике работы не ограничивались исправлением повреждений, а часто переходили в пристройку новых частей к прежнему зданию и даже в расширение костелов с разборкой капитальных стен. Генерал-

899 Gach, P.P. Cystersi i cysterki na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska 1773 – 1914 / P.P. Gach // Historia i kultura cystersów w dawnej Polsce i ich europejskie związki. – Poznań, 1987. – S. 515–543.

900 Gach, P.P. Kasaty zakonów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska 1773–1914 / P.P. Gach. – Lublin: KUL, 1984. – 254 s.

901 Gach, P.P. Mienie polskich zakonów i jego losy w XIX wieku / P.P. Gach. – Rzym, 1979. – 82 s.

902 Gach, P.P. Przyczyny i zakres kasat zakonnych na ziemiach polskich w koncu XVIII i w XIX wieku / P.P. Gach // Biuletyn Lubelskiego Towarzystwa Naukowego. Humanistyka. – 1980. – № 1. – S. 39–47.

903 Galka, B. Represje carskie wobec ziemian Kresów Wschodnich w ruchu niepodległościowym w II połowie XIX i na początku XX wieku / B. Galka // Ziemiaństwo a ruchy niepodległościowe w Polsce XIX – XX wieku; pod red. W. Cabana, M.B. Markowskiego. – Kielce, 1994. – S. 79–88.

904 Gellner, E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – Oxford, 1983. – 472 s.

905 Giebień, H. Język liturgii rzymskokatolickiej oraz język ojczysty polaków w rejonie Lidzkim / H. Giebień // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы междунар. науч. конф., г. Гродно, 7–9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 57–72.

906 Gimek, J. Nawiedzenie obrazu Matki Bożej Częstochowskiej w rodzinach na przykładzie parafii Gorków w diecezji lubelskiej / J. Gimek // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 100–121.

907 Gireń, R. Oczyszczenie od polskości / R. Gireń // Magazyn Polski. – 2002. – № 1–2. – S. 24–28;

908 Gireń, R. Oczyszczenie od polskości / R. Gireń // Magazyn Polski. – 2002. – № 3–4. – S. 17–20.

909 Giżycki, J.M. [Wołyński] Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J.M. Giżycki [Wołyński]. – Kraków: druk. W.L. Anczyce, 1905. – 288 s.

910 Giżycki, J.M. [Wołyński] Spis szkół średnich na Litwie i Rusi, zniszczonych przez rząd rosyjski / J.M. Giżycki [Wołyński] // Polska w kulturze powszechnej.–Kraków, 1918. – S. 413–419.

911 Giżycki, J.M. [Wołyński]. Wykaz klasztorów dominikańskich prowincji ruskiej / J.M. Giżycki [Wołyński]. – Kraków: nakł. OO. Dominikanów, 1923. – Cz. 2. – 400 s.

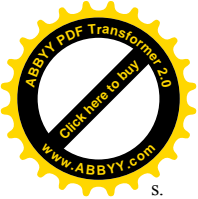
912 Gołba, H. Katolicyzm w życiu naszego narodu / H. Gołba // Sodalitas marianus. – 1932. – Z. 5. – S. 141–146.

913 Gorbaniuk, J. Co znaczy być Polakiem dla katolików na Białorusi? / J. Gorbaniuk, O. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы II междунар. науч. конф., г. Гродно, 7–9 ноябр. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 41–57.

914 Gorbaniuk, J. Postrzegane przyczyny i konsekwencje wprowadzenia języka białoruskiego do liturgii mszy św. w Kościele katolickim na Białorusi / J. Gorbaniuk, O. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., г. Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 7–25.

915 Gorbaniuk, O. Preferowany język liturgii wśród katolików obrządku łacińskiego na Białorusi / O. Gorbaniuk, J. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы III междунар. науч. конф., г. Гродно, 22–24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 25–40.

916 Gowin, J. Kościół w czasach wolności 1989 – 1999 / J. Gowin. – Kraków: Znak, 1999. – 475 s.

- 879 Czeczott, W. Fryderyk Józefat Żyskar / W. Czeczott. – Warszawa, 1926. – 85 s.
- 880 Danielou, J. Historia Kościoła: w 5 t. / J. Danielou, H. Marrou. – Warszawa: In-t wyd. Pax, 1984. – T. 5. – 637 s.
- 881 Debowski, J. Katolicka koncepcja narody na progu XXI wieku / J. Debowski // Этносацыяльны і культурны працэсы ў Заходнім рэгіёне Беларусі: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / Гродз. дзярж. ун-т ім. Я. Купалы; пад рэд. І.П. Крэня. – Гродна, 1998. – С. 41–47.
- 882 Drzymała, K. Praca jezuitów polskich nad ludnością wjejszą / K. Drzymała // Nasza przeszłość. Studia z dziejów Kościoła i kultury Katolickiej w Polsce; red. ks. A. Schletz. – Kraków, 1964. – S. 51–77.
- 883 Duchowieństwo polskie wobec sprawy narodowej. – Paryż: druk. Renou et Maulde, 1865. – 279 s.
- 884 Duchowieństwo rzymsko-katolickie. – Warszawa, 1906. – 163 s.
- 885 Dwór polski w XIX wieku. Zjawisko historyczne i kulturowe: materiały seminarium Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Kielce, marzec 1986 r. / pod red. J. Baranowskiego. – Warszawa: Stowarzyszenie Historyków Sztuki, 1992. – 348 s.
- 886 Dylałowa, H. Duchowieństwo katolickie wobec sprawy narodowej (1764 – 1864) / H. Dylałowa. – Lublin: KUL, 1981. – 200 s.
- 887 Dziennik Poznański. – 1883. – № 12. – S. 32–35.
- 888 Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
- 889 Dzwonkowski, R. Polacy w Kościele katolickim na Wshodzie – czego oczekują? / R. Dzwonkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы междунар. науч. конф., г. Гродно, 16–18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – 288 с. – С. 21–32.
- 890 Dzwonkowski, R. Stan badań nad historią kościoła i życiem religijnym katolików obrządku łacińskiego w ZSSR (1917 – 1990) / R. Dzwonkowski // Znaki czasu. – 1991. – № 24. – S. 114–133.
- 891 Eberhard, P. Wiek XX. Przemiany narodowościowe w Europie Środkowo-Wschodniej / P. Eberhard // Obóz. – 2000. – № 37. – S. 21–51.
- 892 Eberhard, P. Polska ludność kresowa. Rodowód, liczebność, rozmieszczenie / P. Eberhard. – Warszawa: PWN, 1998. – 326 s.
- 893 Eberhard, P. Problematyka narodowościowa Białorusi w XX wieku / P. Eberhard // Białoruś, Czechosłowacja, Litwa, Polska, Ukraina. Mniejszości w świetle spisów statycznych XIX – XX w.: materiały z międzynarodowej konferencji «Samoidentyfikacja narodowa i religijna a sprawa mniejszości narodowych i religijnych w Europie Środkowo-Wschodniej», Lublin, 19–21 paźdz. 1993 r. / Katolicki Uniwersytet Lubelski; red. nauk. J. Skarbek. – Lublin, 1996. – S. 5 – 9.
- 894 Edukacja historyczna społeczeństwa polskiego w XIX wieku / pod red. J. Maternickiego. – Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1981. – 411 s.
- 895 Encyklopedia katolicka. T. I–X. Krzyskowski – Lozaj. – Lublin: KUL, 1989–2004.
- 896 Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564 – 1995. – Kraków: WAM, 1996. – 882 s.
- 897 Encyklopedia kościelna. T. I–XXVII. Strzemiński – Szpaderski. – Warszawa: druk. Czeruńskiego i Spółki, 1873–1904.
- 898 Feliński, Z.S. Pamiętniki / Z.S. Feliński; oprac. E. Kozłowski. – Warszawa, 1986. – 485 s.

губернатор И. Каханов настаивал в связи с этим на отмене разрешения П. Альбединского [812, л. 26].

18 декабря 1887 г. настоятелям римско-католических приходов было дозволено производить без разрешения гражданской власти лишь текущий ремонт внутри костелов, если для этого не делались никакие сборы с прихожан и работы производились на средства настоятеля. Для производства же наружного ремонта костела, безразлично на чьи средства таковой производился или когда ремонт касался хотя и внутреннего убранства костела, но к несению расходов привлекались прихожане, надлежало каждый раз испрашивать разрешения от гражданской власти [810, л. 30].

4 декабря 1888 г. Департамент духовных дел министерства внутренних дел постановил: местным губернаторам при представлении на утверждение министерства проектов перестройки римско-католических костелов сообщать собственное заключение по этому вопросу, а также дополнительно давать сведения о числе прихожан, территории прихода, расстоянии от соседних костелов, количестве православного и римско-католического населения в месте расположения костела [814, л. 54].

Либерализация представлений власти о свободе совести отразилась в докладе министра внутренних дел Горемыкина Николаю П от марта 1896 г., в котором обосновывалась необходимость отмены наиболее жестких запретов прежних десятилетий на отправление обрядов католической церкви. Министр приходил к принципиальному, хотя и осторожно сформулированному заключению о том, что «обилие всеподданнейших прошений о возвращении [закрытых] костелов может почитаться не только обычным явлением в начале нового царствования и подстрекательством ксендзов и польских помещиков, но в некоторых случаях и выражением действительных нужд крестьянского населения» [341, с. 373]. Высшая бюрократия начинала видеть в католической (или бывшей униатской) престопадной пастве более или менее самостоятельного, обладающего собственной волей актора, способного оказать влияние на отношения между государственной властью и католической церковью [341, с. 373].

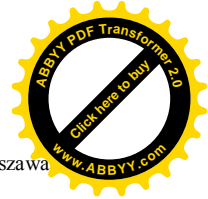
В 1896 г. высочайшим повелением было разрешено проводить ремонт приходских и филиальных римско-католических костелов, а также строительство новых вместо обветшалых или разрушенных вследствие несчастных случаев, без участия гражданской власти с разрешения духовного начальства. В соответствии же с указом 17 апреля 1905 г. католики получили разрешение при необходимости и наличии средств строить свои храмы на территории Российской

империи. Для этого ставились три условия: санкция римско-католического духовного руководства, наличие необходимых для строительства средств и исполнение технических требований строительного устава. Однако местные гражданские власти эти правила исполняли только на протяжении трех с половиной лет. 4 февраля 1909 г. было издано распоряжение генерал-губернатора К. Кришвицкого, которое опиралось на циркуляры министерства внутренних дел от 28 ноября 1908 г. Возвращались ограничения, отмененные не только указом от 17 апреля, но и высочайшим повелением 1896 г. – все было подчинено дозволению гражданских властей. Таким образом, пункт 13 указа о веротерпимости стал объясняться совершенно по-иному, и западные губернии снова вернулись к муравьевскому циркуляру [369, с. 117–118].

Вследствие такой политики на территории пяти западных губерний римско-католические храмы практически не возводились. В Виленской римско-католической епархии, начиная с 60-х г. XIX в. и к моменту принятия указа о веротерпимости, были восстановлены филиальный костел в деревне Восилькове (вместо упраздненного в 1867 г.), приходские костелы в деревне Свенцяны, в селе Крипна вместо деревянного построен был каменный костел. Не было возведено ни одной костельной постройки в тех местах, где их раньше не имелось [369, с. 117]. Однако католики не только строили новые храмы, но и требовали вернуть костелы, переоборудованные в православные церкви. Как свидетельствуют источники, крестьяне-католики села Роготино обратились с ходатайством к правительству о возвращении им Роготинского храма, который в 1865 г. был преобразован в православную церковь. До получения ответа властей они самовольно заперли храм с тем, чтобы не допустить туда православных христиан. По донесениям полицейского пристава, они осмелились на такой шаг из-за проповеди, произнесенной ксендзом Петронисом. Сами же крестьяне мотивировали свое ходатайство не только наличием указа, но и отдаленностью от села римско-католического костела в местечке Дятлово [190, л. 12]. Появление подобных прошений было результатом совместной деятельности римско-католической паствы и ксендза.

Как отмечалось «Вестником Западной России», приступая к расправе над «польскостью» и католицизмом, местный российский административный аппарат не мог «не надеяться на огромную поддержку царской власти, доброжелательность местного православного населения, не мог не верить, что вскоре наш край покроется красивыми церквями, не уступающими католическим

- 856 Andrzejewski, R. Na przełomie tysiącleci / R. Andrzejewski. – Warszawa: Znaki czasu, 1966. – 219 s.
- 857 Andrzejewski, R. Watykan w okresie niewoli Polski / R. Andrzejewski // Na przełomie tysiącleci. Księga pamiątkowa z okazji tysiąclecia Państwa Polskiego. – Warszawa: Znaki czasu, 1966. – S. 103–136.
- 858 Archutowski, R. Historia kościoła katolickiego w zarysie / R. Archutowski. – Warszawa: Skład główny G. Gebethnera i Wolffa, 1919. – 291 s.
- 859 Banaszak, M. Historia kościoła katolickiego: w 5 t. / M. Banaszak. – Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1986. – T. 4. – 468 s.
- 860 Bardach, J. O dawnej i niedawnej Litwie / J. Bardach. – Poznań: UAM, 1988. – 442 s.
- 861 Bardach, J. Polacy, litewcy a inne narody Litwy historycznej. Próba analizy systemowej / J. Bardach // Belarus. Lithuania. Poland. Ukraina. The foundations of historical traditions in East Central Europe. – Lublin–Rome, 1999. – 497 s.
- 862 Bartnik, Cz. Idea polskości / Cz. Bartnik. – Lublin: KUL, 1990. – 272 s.
- 863 Bazyłow, L. Polacy w Petersburgu / L. Bazyłow. – Wrocław, 1984. – 507 s.
- 864 Beauvois, D. Szkolnictwo na ziemiach Litewsko-ruskich 1803 – 1832: w 2 t. / D. Beauvois. – Rzym–Lublin: KUL, 1991. – T. 2. – 473 s.
- 865 Bednarski, S. Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce / S. Bednarski. – Kraków, 1933. – 241 s.
- 866 Bender, R. Chrześcijaństwo w polskich ruchach demokratycznych XIX stulecia / R. Bender. – Warszawa: Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1975. – 361 s.
- 867 Bender, R. Polska myśl chrześcijańska XVIII – XIX wieku / R. Bender. – Warszawa: Ośrodek Dokumentacji i Studiów Społecznych, 1971. – 283 s.
- 868 Bepamiatnych, M. Tożsamość narodowa Polaków pogranicza (na podstawie badań we wsi Nacza obwodu Grodzieńskiego) / M. Bepamiatnych, U. Rozenfeld, H. Szczelbanina // Pogranicze. Studia Społeczne. – Białystok, 1993. – T. 3. – S. 27–35.
- 869 Bieliński, J. Uniwersytet Wileński 1579–1831: w 3 t. / J. Bieliński. – Kraków, 1900. – T. 2. – 614 s.
- 870 Bobowik, A. Problem polskiej świadomości narodowej w szkolnictwie polskim na Grodzieńszczyźnie w okresie tworzenia się państwa polskiego na przełomie XIX i XX w. / A. Bobowik // Problemy narodowego сознания польского населения на Беларуси: материалы междунар. науч. конф., Гродно, 16–18 ноябр. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – С. 85–91.
- 871 Borodich, J. Pod wozem i na wozei, czyli kilka lat pracy duszpasterskiej na Litwie, Białej i w głębi Rosji / J. Borodich. – Kraków, 1911.
- 872 Boudou, A. Stolica święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między nimi w XIX stuleciu / A. Boudou. – Kraków: wyd. «Księży Jezuitów», 1928. – 680 s.
- 873 Budziarek, M. Historyczny raptularz. Skice z dziejów Kościoła w Polsce i nie tylko / M. Budziarek. – Wrocław: Pallotinum, 1991. – 247 s.
- 874 Catalogus ecclesiarum et cleri archidiocesis Vilnensis pro anno damini. – Vilnae, 1939. – 197 s.
- 875 Chlebowczyk, J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od shyłku XVII do początków XX w.) / J. Chlebowczyk. – Warszawa: PWN, 1975. – 452 s.
- 876 Chłopicki, E. Notatki z różnoczasowych podróży po kraju / E. Chłopicki. – Warszawa, 1863. – 142 s.
- 877 Cystersi w Polsce. Praca zbiorowa / pod red. D. Olszewskiego. – Kielce: Jedność, 1990. – 254 s.
- 878 Czarkowski, L. Wilno w latach 1867–1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.

- 833 Шейнман, М.М. Ватикан и польский вопрос в конце XIX – начале XX в. / М.М. Шейнман // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР; отв. ред. Н.П. Красников. – Москва–Ленинград: Наука, 1966. – С. 241–260.
- 834 Шейнман, М.М. Ватикан и Россия в период между февралем и октябром 1917 г. / М.М. Шейнман // Вопросы истории религии и атеизма: сб. ст.; редкол.: Н.А. Смирнов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1958. – С. 71–89.
- 835 Шейнман, М.М. Католицизм в меняющемся мире / М.М. Шейнман. – М.: Наука, 1975. – 160 с.
- 836 Шейнман, М.М. От Пия IX до Павла VI / М.М. Шейнман. – М.: Наука, 1979. – 176 с.
- 837 Ширяев, Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах / Е.Е. Ширяев. – Минск, 1991. – 187 с.
- 838 Щербицкий, И.В. Воспоминания. Письма к редактору газеты «Северо-Западная жизнь» / И.В. Щербицкий. – Вильна: Губ. тип., 1912. – 135 с.
- 839 Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1898 – 1989 / П. Эберхардт. – Берасье: Беларускае фонд Сораса, 1997. – 282 с.
- 840 Энциклика папы Льва XIII об объединении церквей. – СПб., 1895.
- 841 Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993 – 2003.
- 842 Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России / Р.Ф. Эркерт. – СПб., 1864.
- 843 Яноўская, В. Канфесіянальная палітыка ўлад / В. Яноўская // Гісторыя Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – С. 179–187.
- 844 Яноўская, В. Уззаемаадносінны «царква–дзяржава» ў Расейскай імперыі на пачатку XX ст. / В. Яноўская // Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 117–129.
- 845 Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
- 846 Янушкевіч, Я. На сустрэчы з мінулым / Я. Янушкевіч // Наша вера. – 2002. – № 2. – С. 63–67.
- 847 Ярашэвіч, А. Пакуты Юравіцкага касцела / А. Ярашэвіч // Наша вера. – 2003. – № 2. – С. 9–12.
- 848 Яхимович, З. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX века (по материалам АВПРИ) / З. Яхимович // Европейский альманах. – 1999. – № 4. – С. 94–105.
- 849 Яцкевіч, З. З гісторыі каталіцтва ў Магілёве / З. Яцкевіч // Chryścijanskaja Dumka. – 1993. – № 2. – С. 48–65.
- 850 Яшчанка, А.Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст.: Гісторыка-этнаграфічны нарыс / А.Р. Яшчанка. – Гомель, – 1997. – 80 с.
- 851 Яшчанка, А.Р. Этнаканфесійны склад насельніцтва г. Гомеля ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А.Р. Яшчанка // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1998. – № 1. – С. 86–95.
- 852 Adamczyk, M. Konstytucje polskie w rozwoju dziejowym 1791 – 1982 / M. Adamczyk, S. Pastuszka. – Warszawa, 1985. – 357 s.
- 853 Aleksandravičius, E. Carų valdžioje. Lietuva XIX anžiujė / E. Aleksandravičius, A. Kulakauskas. – Vilnius: Baltas lincos, 1996. – 472 s.
- 854 Alisaukas, V. Ostra brama / V. Alisaukas, T. Raciunaite. – Aidai: Katalikų Akademija, 2003. – 93 s.
- 855 Ambros, M. Zarys statystyczny szkół wydziału wileńskiego / M. Ambros // Ateneum Wileńskie. – 1939. – R. 14. – S. 145–231.

костелам, а место уничтоженных святынь займут новые здания, высоко вознесшие свои купола и являющиеся свидетельством господства у нас давнего, берущего свои начала от праотцев, православия над пришлым, чужим католицизмом» [54, с. 117].

Накануне восстания 1863 г. в пяти западных губерниях действовало 365 римско-католических храмов, в том числе 109 приходских костелов, 43 костела филиальных, 213 каплиц [953, s. 250]. На протяжении пяти лет после восстания 1863 г. на территории Беларуси было закрыто почти 100 приходских костелов и не меньшее количество филиальных храмов, большая часть из которых была переделана в православные церкви. Эта акция, которой управлял Виленский генерал-губернатор, была хорошо спланирована и проводилась там, где могла вызвать желанную реакцию населения. Она осуществлялась, главным образом, в конфессийно смешанных регионах Минской, Виленской, Гродненской губерний. За 1860–1905 гг. было ликвидировано 146 приходских и 52 филиальных костела, 240 каплиц, 205 римско-католических храмов были переделаны в православные [775, с. 86]. Совет министров приводит такие числа: начиная с 30-х гг. XIX в. закрыто в западных губерниях 240 римско-католических костелов и более 30 – в Царстве Польском. Большая часть упраздненных костелов поступила вместе с земельными наделами в распоряжение православного духовенства, некоторые из них использовались под казенные учреждения, были проданы или пустовали [369, с. 117].

По оценке М. Радвана, на территории Беларуси (в ее современных границах) в 1803 г. существовало 132 монастыря, в 1832 г. их оставалось 49, в 1864 г. – 34. В 1900 г. остался лишь один Гродненский францисканский монастырь, которому не было позволено принимать к себе новых кандидатов, служивший своего рода тюрьмой для римско-католического духовенства [1028, s. 204]. Если дать оценку по губерниям, то численность монастырей будет следующей, соответственно на 1864 г. и 1898 г.: в Гродненской губернии – 8 и 1, в Минской губернии – 10 и 0, в Могилевской губернии – 1 и 0, в Виленской губернии – 2 и 0, в Витебской губернии – 1 и 0 [1028, s. 205].

В конце XIX в. в белорусских губерниях костелов и каплиц насчитывалось 466, римско-католических священников – 505 [380, с. 230]. Большое количество костелов было преобразовано в православные церкви. На белорусских территориях Могилевской римско-католической архиепархии за период 1861–1901 гг. было упразднено 53 костела и каплицы, из них 42 за период 1866–1870 гг.; за

аналогичный период на белорусских территориях Виленской епархии – 116, из них 89 за период 1866–1870 гг.; соответственно в Минской – 76, из них 53 за период 1866 – 1870 гг. [1028, s. 213].

Только за 1864–1867 г. в Виленской и Гродненской губерниях было упразднено 140 римско-католических монастырей и костелов. В Ошмянском деканате в конце 1866 г. действовало 9 костелов и каплиц, в то время как в 1864 г. их насчитывалось 17; в Гродненском деканате из 25 костелов и каплиц осталось 11; в Лидском – соответственно 13 из 20; в Кобринском – 2 из 7; в Слонимском – 5 из 33 и т. д. [100, с. 674]. Данные по Гродненской губернии следующие: в 1853 г. действовало 121 приходских, 1 монастырский, 18 филиальных костелов, 88 каплиц; в 1864 г. количество костелов не изменилось, а каплиц стало 118; в 1866 г. – 113 костелов (всех), 66 каплиц, 3 монастыря; в 1903 г. активно действующих римско-католических костелов осталось всего 47 [709, л. 74; 242, л. 2]. Из 62 закрытых костелов и каплиц 55 перешли в ведомство православного духовенства [749, л. 167].

В 1893 г. в Минской губернии существовало лишь 55 римско-католических духовных заведений, из них костелов – 38 [137, л. 69]. В целом же по Минской римско-католической епархии с 1865 г. было закрыто или перестроено в церкви 10 костелов при монастырях, 30 приходских костелов, 26 филиальных костелов и 80 каплиц, всего 146 святынь. Поскольку последние два женские монастыря цистерцианок и бенедиктинок были закрыты после назначения епископов в 1883 г., то количество всех храмов к принятию указа о веротерпимости (1905 г.) дошло до 148, когда упразднение прекратилось [933, s. 21].

Перестройка костелов, несмотря на все меры правительства Российской империи вызвать как можно меньше нареканий со стороны римско-католической паствы, содействовала появлению такого возмущения. Действия светской власти зачастую оборачивалось уничтожением произведений искусства, архитектуры, европейских эстетических ценностей. Уничтожение «польскости» становилось уничтожением истории этих земель.

Но не стоит все действия гражданских чиновников характеризовать крайне отрицательно. На колокольне Мало-Берестовицкого костела Гродненского уезда находился большой, около 6 пудов, колокол, пожертвованный в местную Свято-Димитровскую церковь. Епископ Брестский Игнатий ходатайствовал о возвращении колокола на основании следующих доказательств: славянская надпись на колоколе «благочестивая раба Божья И.И. Саковая к церкви святого Димитрия Мало-Берестовицкой, лето 1579 г.»; в 14 пункте высочайше одобренного предписания митрополита Московского Филарета «Об

814 Циркуляры МВД о порядке срочного передвижения войск, о переселении из губернии лиц, замеченных в политической деятельности и др. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2091.

815 Циркуляры МВД о разрешении разным лицам покупки земли, о запрещении устраивать в учебных заведениях вечера и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1031 «а».

816 Циркуляры МВД об утверждении построек новых римско-католических церквей, об установлении новых форм заграничных паспортов и по другим вопросам // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1226.

817 Циркуляры управляющего Виленской римско-католической епархией о порядке внесения метрических выписей, составленных в Америке в метрические книги данного прихода, совершении религиозных процессий и паломничеств и по др. вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1810 (Щучинский костел Лидского уезда). – Оп. 1. – Д. 93.

818 Цыбенко, Е.З. Образы русских в польской литературе второй половины XIX в. / Е.З. Цыбенко // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 156–168.

819 Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Цьвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.

820 Чаквин, И.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV–начало XX в.) / И.В. Чаквин, П.В. Терешкович // Советская этнография. – 1990. – № 6, – С. 42–54.

821 Чантурия, В.А. Архитектура Белоруссии конца XVIII в. – начала XIX в. / В.А. Чантурия; под общ. ред. А.И. Воинова. – Минск: Вышэйшая школа, 1962. – 284 с.

822 Чантурия, В.А. Архитектурные памятники Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск: Полымя, 1982. – 223 с.

823 Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии: в 3 т. / В.А. Чантурия. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – Т. 1. – 327 с.

824 Черевин, П. Северо-Западный край. Воспоминания (1863–1865) / П. Черевин // Наша вера. – 1998. – № 2. – С. 47–53.

825 Черепица, В.Н. Истоки (очерки из истории русско-белорусско-польских революционных и культурных связей XIX – начала XX в.) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1991. – 110 с.

826 Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 420 с.

827 Черепица, В.Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1999. – Ч. 1. – 320 с.

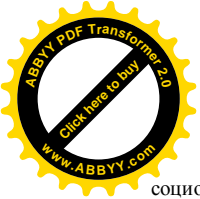
828 Черепица, В.Н. Польское национально-освободительное движение в Белоруссии (последняя треть XIX в.): факты, события, комментарии / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1996. – 143 с.

829 Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева виленского // Русский архив. – 1885. – № 6. – С. 160–202.

830 Чихачев, Д.Н. К вопросу о располнении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.

831 Шедевры архитектуры рококо: историко-архитектурный очерк. – Минск: Полымя, 1991. – 71 с.

832 Шейнман, М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX в. / М.М. Шейнман. – М.: АН СССР, 1958. – 465 с.

- 790 Фрейдзон, В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVII в. – начала XX в. / В.И. Фрейдзон. – Дубна, 1999. – 283 с.
- 791 Хорев, В.А. Русский европеизм и Польша / В.А. Хорев // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 5–28.
- 792 Хрестоматия по истории педагогики / сост. Н.А. Желваков. – М., Учпедгиз, 1938. – Т. 4, ч. 2. – 552 с.
- 793 Хрестоматия по истории Белоруссии: С древнейших времен до 1917 г. / сост.: А.П. Игнатенко, В.Н. Сидорцов. – Минск.: БГУ, 1977. – 546 с.
- 794 Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель / под ред. С.Н. Валка и В.В. Бедина. – Л., 1956. – 126 с.
- 795 Церашковіч, П. Палякі і нацыянальная палітыка Расійскай адміністрацыі на Беларусі ў другой палове XIX ст. / П. Церашковіч // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X – XX ст.: матэрыялы міжнар. кругл. стала, Гродна, 28–30 вер. 1999 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.] – Гродна, 1999. – С. 354–357.
- 796 Церашковіч, П.У. Этна-канфесійная палітыка Расійскай адміністрацыі і фарміраванне беларускай свядомасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / П.У. Церашковіч // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 655–658.
- 797 Церковная школа. – 1885. – № 1.
- 798 Церковная школа. – 1887. – № 2.
- 799 Церковная школа. – 1888. – № 3. – С. 653–663.
- 800 Церковные ведомости. – 1902. – № 15–16. – С. 543–549.
- 801 Церковные ведомости. – 1902. – № 17. – С. 551–559.
- 802 Церковный вестник. – 1902. – № 22. – С. 743–756.
- 803 Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки / отв. ред. Н.А. Смирнов. – Москва: Наука, 1967. – 387 с.
- 804 Цимбаева, Е.Н. Русские католики: смена вер / Е.Н. Цимбаева // Вестник Московского университета. – 1997. – № 6. – С. 23–31.
- 805 Цимбаева, Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма / Е.Н. Цимбаева. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 184 с.
- 806 Циркуляры Виленского генерал-губернатора об ограничении прав католического духовенства, о запрещении разговаривать и оформлять документы на польском языке и др. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1180.
- 807 Циркуляры губернатора о воспрепятствовании Д. Викентию ехать в Санкт-Петербург для подачи императору прошения о восстановлении костела // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1042.
- 808 Циркуляры губернатора о запрещении католическому духовенству выходить на улицы городов с крестными ходами и переписка с уездными военными начальниками по этому вопросу // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 623.
- 809 Циркуляры Департамента полиции о работе губернских жандармских управлений // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 82.
- 810 Циркуляры Департамента полиции отдельного корпуса жандармов и другими о работе жандармских управлений // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 588. – Оп. 1. – Д. 1.
- 811 Циркуляры за 1901 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 730.
- 812 Циркуляры МВД и Виленского генерал-губернатора о порядке выдачи удостоверений держателям подвижных театров, о заключении в монастырь ксендзов, об усилении надзора за появившимися в продаже портретами царской фамилии и др. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1678.
- 813 Циркуляры МВД о порядке вызова войск для подавления народных волнений в общественных местах, об отмене подушной подати и другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 44.

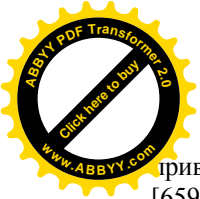
усовершенствовании способов сохранности в церквях и монастырях церковных и различных вещей, древностей и библиотек» сказано о книгах, что подписи должны служить ненарушимой защитой церковной собственности, так что где бы ни явилась книга с этими подписями, она должна быть возвращена церкви без всякой отзыва давности или другими предложениями. 14 ноября 1864 г. М.Н. Муравьев удовлетворил ходатайство, с условием, чтобы все было исполнено без лишней огласки и чтобы костел не оставался без колоколов [270, л. 10].

Виленский генерал-губернатор, находя со своей стороны неудобным разрешить ходатайство Гродненского губернатора от 12 мая 1865 г. о передаче колоколов упраздненного Садовского костела Бельского уезда в Роговскую православную церковь и принимая во внимание бедность прихожан православной церкви, не позволявшей им приобрести колокола собственными средствами, распорядился 7 мая 1865 г. отпустить из 10% сбора губернии 400 руб. на приобретение колоколов для церкви [271, л. 19].

Проблема возвращения, как равно ремонт и строительство, в начале XX в. ранее упраздненных римско-католических храмов являлась одной из самых острых, болезненных для верующих. В исторической литературе преобладает общее оценочное суждение с отражением итоговых показателей в целом по данному вопросу. В расчет не берутся чувства, эмоции страдающих и причастных к данному процессу. На наш взгляд, разбор каждого конкретного случая ведет к решению проблемы, а полученный таким путем положительный опыт способствует разрешению конфликтных ситуаций в схожих условиях.

Слонимский уездный исправник рекомендовал отклонить ходатайство крестьян-католиков об открытии в им. Скрундях Козловской волости Слонимского уезда костела – исправник боялся большого перехода православных в католичество «благодаря энергии, настойчивости и умению католического духовенства» [659, л. 2].

Скрундевский костел закрыли в 1867 г. Здание находилось на православном кладбище и было настолько ветхо (без крыши, потолка, пола, окон и дверей), что отремонтировать его было невозможно. Епископ Гродненский и Брестский призывал не верить католическому населению, так как исполнять свои духовные требы они могли «с удобством» в г. Слониме или в м. Дятлове. Ввиду того, что здание имело полуразрушенный вид, епископ предположил, что католики пожелали возвратиться ставшее уже православным кладбище: построив на нем часовню, они могли объявить кладбище католическим, с целью

привлечения православных для молитвы над гробами близких родных [659, л. 10].

21 марта 1866 г. мировой посредник 3 участка Слонимского уезда указал на необходимость закрытия двух костелов в его участке: Роготненского и Радиновского. Причиной он указал малочисленность прихожан, близкое расстояние до других костелов, проведение латино-польской пропаганды. Начальник Гродненской губернии генерал-майор Скворцов обратился за разъяснением к Брестскому православному епископу Игнатию. Естественно, он признал, что костелы, как расположенные среди православных прихожан, вредны для православия, в смысле соращения жителей в католицизм и отклонения католиков от вступления в брачные союзы с православными [659, л. 12]. Преосвященный Игнатий высказался за закрытие названных костелов, а прихожан предложил причислить к другим ближайшим приходом. Здания закрытых костелов следовало бы преобразовать в православные церкви, с приписанием Роготненского костела к Яворской, а Радиновского к Козловичской православным приходским церквям. Из-за боязни насилия со стороны местных католиков, причты Козловичской и Яворской церковью полагалось оставить на месте при своих приходских церквях – до времени обращения католиков в православных. Епископ выразил полную уверенность в необходимости закрытия одновременно и филиального Скрундевского костела, который мог бы служить препятствием к распространению православия в этой местности [659, л. 12].

В начале 1867 г. Гродненский губернатор обратился к Виленскому генерал-губернатору фон Кауфману с представлением об упразднении трех названных храмов, «как служащих с давних времен проводниками латино-польской пропаганды и существовавших без всякой надобности». Генерал-майор Скворцов подчеркивал и малое количество прихожан - при Роготненском костеле – 807 душ, при Радиновском – 880 душ - и на наличие рядом других костелов, к которым можно бы было приписать католиков. В ответ фон Кауфман 16 февраля 1867 г. распорядился о закрытии католических храмов и об обращении Роготненского и Радиновского костелов в приходские православные церкви, вместо существовавших Яворской и Хоробровичской, а Скрундевский филиальный костел в приписную церковь Щаринского прихода с передачей всех земельных угодий и строений в пользование причтов. Костельное имущество передали Слонимскому костелу.

Прошение прихожан бывшего Скрундевского костела Слонимского уезда.

769 Токць, С. «Мураўеў-вешальнік» і палітыка Расійскага самаўладства на Беларусі ў сярэдзіне XIX стагоддзя / С. Токць // Гарадзенскія запісы: старонкі гісторыі і культуры. – Гародня, 1993. – С. 80–84.

770 Токць, С.М. Беларуская веска на мяжы эпох: Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 – першай трэці 20 ст.) / С.М. Токць. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 326 с.

771 Токць, С.М. Даследванні дзяржаўнай адміністрацыяй Гродзенскай губерні этнічнага складу Сакоўскага павета ў другой палове XIX – пачатку XX стст. / С.М. Токць // Białoruskie zeszyty historyczne. – 1998. – № 9. – S. 44–49.

772 Толстой, Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование: в 2 т. / Д.А. Толстой. – СПб.: тип. В.Ф. Демакова, 1876. – Т. 2. – 538 с.

773 Торжество освящения нового здания Гродненской женской гимназии и годичный акт. – Гродна: Губ. тип., 1893. – 57 с.

774 Трацяк, Я. Роля беларускіх святароў у адраджэнні роднай мовы / Я. Трацяк // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры: у 2 ч. – Гародня, 1993. – Ч. 1. – С. 66–71.

775 Туронак, Ю. Канфесійная трансфармацыя на Беларусі і нацыянальная самасвядомасць / Ю. Туронак // Наша вера. – 1998. – № 2. – С. 80–86.

776 Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Глава вторая. О нарушениях ограждающих веру постановлений с мотивами, изменениями и добавлениями по закону 17 апреля 1905 г. / под ред Н.С. Тоганцева. – СПб, 1906. – С. 136–138.

777 Указ Виленской римско-католической духовной консистории о ремонте костельных зданий от 28 мая 1879 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 276.

778 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1874 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 243.

779 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1883 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 292.

780 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1892 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 347.

781 Указы Виленской римско-католической духовной консистории за 1902 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 431.

782 Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислинских по переписи 20-го марта 1880 года. – СПб., 1888. – 455 с.

783 Устав духовных консисторий. – СПб., 1883. – 199 с.

784 Фальборк, Г. Настольная книга по народному образованию / Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1904. – Т. 3. – 193 с.

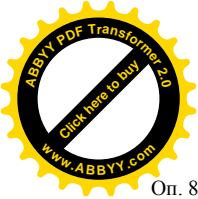
785 Фалькович, С.М. Представление русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа / С.М. Фалькович // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 99–110.

786 Федараў, І. Каталіцызм / І. Федараў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал. Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 148.

787 Филатова, М.Н. Взгляды на будущее Европы и Польши в произведениях А. Мицкевича и К. Бродзиньского / М.Н. Филатова // Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 64–73.

788 Филевич, И.П. Польша и польский вопрос / И.П. Филевич. – М.: Университетская тип., 1894. – 214 с.

789 Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А.И. Кастелянского. – СПб.: Общественная польза, 1910. – 413 с.

748 Списки ксендзов по костелам губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1306.

749 Списки упраздненных костелов, каплиц по Гродненской губернии и переписка с Виленским генерал-губернатором по этому вопросу // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1643.

750 Списки участников польского восстания 1863 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 13. – Д. 1398.

751 Список священных изображений, чествовавшихся в костелах губернии, и переписка с военными начальниками о доставлении об этом сведений // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 634.

752 Сравнение культурных сил русских и поляков. – СПб., 1901. – 174 с.

753 Статистика Российской империи. Волости и гмины 1890 года. XI Гродненская губерния. – СПб.: изд. А.Г. Суворина, 1890. – 149 с.

754 Статистико-экономическое описание Российской империи. Торгово-промышленный адрес-календарь России. – СПб.: изд. А.Г. Суворина, 1893. – 1573 с.

755 Статистический временник Российской империи. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1866. – 537 с.

756 Статистический отчет по губернии за 1867 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 4981.

757 Столпянский, И. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, географическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях / И. Столпянский. – СПб., 1866. – 468 с.

758 Студницкий, Вл. Польша в политическом отношении: от разделов до наших дней / Вл. Студницкий. – СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1907. – 176 с.

759 Ступакевич, М. Политика российского правительства в сфере народного образования в Беларуси после восстания 1863 – 1864 гг. / М. Ступакевич // Шлях да ўзаемнасці=Droga ku wzajemności: матэрыялы X міжнар. навук. канф., Гродна–Мір, 24 кастр. 2002 г. / пад рэд. І. Крэня. – Гродна, 2004. – С. 108–114.

760 Стыкалин А.С. Русские и поляки: стереотипы взаимного восприятия / А.С. Стыкалин // Славяноведение. – 2001. – № 5. – С. 60–76.

761 Судьбы русского языка в костелах Северо-Западного края // Русский вестник. – 1888. – № 8–9.

762 Таблицы и ведомости уездных исправников, приставов и других со статистическими сведениями по городам и уездам Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 14. – Оп. 1. – Д. 611.

763 Табунов, В.В. Конфессиональная структура населения белорусских земель в конце XIX века / В.В. Табунов // Весн. Магіл. дзярж. ун-та ім. А.А. Куляшова. – 2005. – № 4 (22). – С. 18–24.

764 Табунов, В.В. Политика царского правительства в национально-религиозном аспекте на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX века / В.В. Табунов // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы міжнар. навук. канф., Магілёў, 11–12 снеж. 2003 г.: у 2 ч. / Магіл. дзярж. ун-т; рэдкал.: П.К. Шэнін [і інш.]. – Магілёў, 2004. – Ч. 2. – С. 134–138.

765 Талкачова, С.А. Выхаваўча-адукацыйная дзейнасць сялянскай абшчыны Беларусі (1861–1914 гг.) / С.А. Талкачова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2002. – № 3 (25). – С. 135–138.

766 Титов, В.Е. Православие / В.Е. Титов. – М.: Политиздат, 1967. – 350 с.

767 Тихонов, А.К. Власти и католическое население России в XVIII – XIX веках / А.К. Тихонов // Вопросы истории. – 2004. – № 3. – С. 140–146.

768 Тогулева, Е.Д. Церковно-приходские школы и школы грамоты в Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Е.Д. Тогулева, Н.С. Моторова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2005. – № 3. – С. 35–38.

«По закрытии костела в Скрудях, мы неоднократно старались об открытии его. В последний раз, года три тому назад. Подали прошение и представили планы и сметы, которые находятся у местного настоятеля в г. Слониме в 5 милях от нас. По причине отдаленности от костела, мы находимся в духовном опущении: редко бываем в костел, старцы умирают без исповеди, молодежь не имеет наук, живет безнравственно.

А потому покорнейше просим Ваше превосходительство разрешить нам открыть костел, который стоит еще донныне пустым.

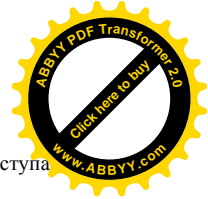
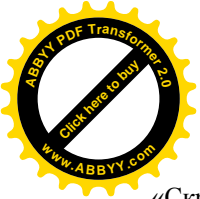
Все необходимое для его ремонта и содержания священника мы сделаем. Кроме того просим командировать на место духовное лицо для осмотра состояния старого костела».

Просители крестьяне	Расстояние в верстах	
	от Слонимского костела	от Скрудевского костела
им. Скрудни Козловской волости	30	–
д. Трохимовичи Куриловичской волости	35	4
д. Дубровка Старовиской волости	30	1
д. Подвилинное Козловской волости	29	3
д. Трхуты Козловской волости	28	2
д. Слоловичи Козловской волости	25	7
д. Черлонки Козловской волости	29	1

Источник – По ходатайству прихожан бывшего Скрудевского костела Слонимского уезда о возвращении им закрытого в 1867 г. здания костела // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1052. – Л. 2–3.

25 мая 1906 г. главный начальник края, желая всесторонне выяснить обстоятельства дела по ходатайству бывших прихожан Скрудевского костела Слонимского уезда, затребовал от Гродненского губернатора «по существу» подробных сведений, а также ответа на вопрос: почему богослужбное здание, несмотря на передачу его православному ведомству, до настоящего момента не преобразовано в православную церковь и находится в запущении. Запрос продублировал и в православную консисторию [659, л. 15].

Гродненская духовная консистория уведомила генерал-губернатора, что еще в 1900 г. Св. Синодом было отпущено в распоряжение консистории 1 000 р. на расходы по приспособлению бывшего Скрудевского костела под православную церковь. Но так как здание по донесению епархиального архитектора Платонова оказалось «крайне ветхим и требовало новой постройки, ввиду негодности различных частей», то приспособление его под православную церковь за недостаточностью средств не было приведено в исполнение, а отпущенная сумма поступила в ресурсы казны.

Ветхость строения подтверждал и местный благочинный: «Скрундевская церковь стояла без крыши, потолка, пола, окон и дверей». По его мнению, не следовало передавать даже такое здание католикам, так как выстроив из него на православном кладбище часовню «с целью привлечения православных для совершения в ней молитв над могилами их родных», католики могли объявить кладбище католическим [659, л. 17].

Населения вокруг Скрундевской церкви насчитывалось около 2000 католиков и 500 православных. От ближайшего селения до ближайшего костела расстояние составляло 26 верст, а до православной церкви – 5 верст. Вследствие такой отдаленности, как заверил губернатора земской начальник 4 участка Слонимского уезда, страдали духовно-нравственные интересы населения [659, л. 19].

13 сентября 1906 г. Виленский генерал-губернатор, ввиду отрицательного заключения Гродненского православного епархиального начальства, не признал возможным дать дальнейшее движение ходатайству о возвращении богослужебного здания. 11 января 1907 г. министерство внутренних дел также признало ходатайство неподлежащим удовлетворению. 10 декабря 1913 г. Департамент духовных дел отказал католикам Козловичской волости в назначении ксендза в Скрундевский костел, в котором время от времени тайно проводились богослужения: исповедь и причастие, отпевание и погребение усопших, венчание. Ксендзы приезжали в среднем почти ежемесячно. В 1911 г. крестьяне, в надежде на постоянного служителя, заключили арендный договор на 40 десятин пахотной земли с помещиком Горубовичем на сумму 3 350 руб. для предполагаемого ксендза. Всего на ремонт костела, постройку дома для ксендза и на приобретение костельных принадлежностей крестьяне затратили 2000 рублей, не считая своего труда по очистке костела от песка, расчистки площадки, вывоза из леса материалов, доставки кирпича. Понятно, что за такие средства костел не имел должного вида. По словам Гродненского губернатора, здание поражало своим убожеством, а колоколя угрожала падением. Но главное – храм действовал и построен был при личном участии ксендза Саросека, состоявшего викарным у Слонимского декана Вебера. Местная администрация, не имея возможности закрыть костел, как не существовавший де-юре, в 1912 г. перевела Саросека подальше от имени Скрунди, нагрузив его служебными обязанностями, – настоятелем в Верковский костел, а Слонимскому декану велели не посылать своих подначальных в помощь верующим. Католики же остались без духовного окормления: сами молились, сами хоронили

726 Славянский правовой центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rlinfo.ru/rip/2003/litzenberger.html>. – Дата доступа: 12.04.2006.

727 Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53–66.

728 Смалянчук, А.Ф. Біскуп Эдвард Роп / А.Ф. Смалянчук // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 3. – С. 108–112.

729 Смалянчук, А.Ф. Касцел і царква: змаганне за уплыў у другой палове XIX – пачатку XX ст. // Адукацыя і выхаванне. – 1993. – № 3. – С. 94–99.

730 Смалянчук, А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905 – 1907 гг. / А.Ф. Смалянчук. – Гародня: Ратуша, 2000. – 204 с.

731 Смалянчук, А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – 1917 г. / А.Ф. Смалянчук; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.

732 Смалянчук, А.Ф. [Рэцэнзія] / А.Ф. Смалянчук // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 211–221. – Рэц. на кн.: Kruczkowski, T. Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności / T. Kruczkowski. – Слонім, 2003. – 272 с.

733 Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. – М.: АН СССР, 1963. – 390 с.

734 Смирнов, П. Церковно-приходская школа. Упадок ее на западе Европы и значение для России / П. Смирнов. – СПб., 1886. – 127 с.

735 Смоленчук, А. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е гг. XIX в. / А. Смоленчук // Lietuvių katalikų mokslo Akadmiijos Metraštis. – Т. 20. – Vilnius, 2002. – С. 141–154.

736 Смоленчук, А.Ф. Конституционн-католическая партия Беларуси и Литвы 1906 – 1907 гг. / А.Ф. Смоленчук // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 681–688.

737 Смолич, И.К. История русской церкви. 1700–1917: в 2 ч. / И.К. Смолич. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. – Ч. 2. – 300 с.

738 Смяховіч, М.У. Узаемаадносіны самадзяржаўя з каталіцкай царквой на Беларусі (1772 – 1867) / М.У. Смяховіч // Беларус. гіст. часоп. – 1995. – № 1. – С. 45–50.

739 Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.

740 Снапкоўская, С.В. Канфесіянальная палітыка ў галіне адукацыі ў Беларусі (60-ыя гг. XIX ст. – 1917 г.) / С.В. Снапкоўская // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 5–6. – С. 106–110.

741 Снытко, Т.С. Русское народничество и польское общественное движение 1865–1881 гг. / Т.С. Снытко. – М.: Наука, 1969. – 478 с.

742 Собрание сочинений Градовского. – СПб., 1901. – 635 с.

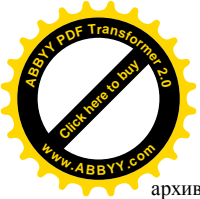
743 Созонов, М. Историческая записка о Могилевской мужской гимназии за столетний период ее существования. 1809 – 1909 / М. Созонов. – Могилев: Губ. тип., 1909. – 73 с.

744 Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева; вступ. ст. В.Ф. Асмуса; примеч. Н.В. Котрелева, Е.Б. Рашковского [и др.]. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – 652 с.

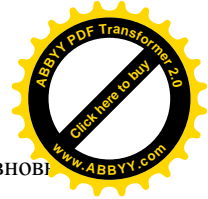
745 Солоневич, Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802 – 1902 / Л. Солоневич. – Гродна: Губ. тип., 1901. – 136 с.

746 Списки заключенных, содержавшихся в Гродненской тюрьме и переписка со следственной комиссией по политическим делам и другими учреждениями об их представлении // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 13. – Д. 1399.

747 Списки ксендзов Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1792.

- 704 Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб., 1897. – Т. 2. – 229 с.
- 705 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1896. – Т. 12. – 359 с.
- 706 Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863 – 1864 гг. / сост. Н. Цылов. – Вильно: Губ. тип., 1866. – 383 с.
- 707 Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – Вып. 1. – 382 с.
- 708 Сведения для составления отчета за 1899 г. о состоянии губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 549.
- 709 Сведения к годовому отчету о состоянии губернии за 1866 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 1660.
- 710 Сведения о количестве утвержденных старшим нотариусом Гродненского окружного суда актов на переход земли от польских землевладельцев к русским // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1032.
- 711 Сведения о римско-католических костелах и терциарских братствах в Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7596.
- 712 Сведения о состоянии Гродненской губернии за 1890 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 38.
- 713 Свіб, А.Ф. Палітыка-прававыя сродкі барацьбы царызма супраць польскага уздзеяння і вызваленчага руху на Беларусі ў другой палавіне XIX ст. / А.Ф. Свіб // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 1993. – № 1. – С. 31–37.
- 714 Свод законов Российской империи. – СПб., 1857.
- 715 Свод законов Российской империи. – СПб., 1890. – Т. 14. – Ч. 1.
- 716 Свод законов Российской империи. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1896. – Т. 11, ч. 1. – 413 с.
- 717 Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1857–1892. Т. 14. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – 1890. – Ч. 1. – 92 с.
- 718 Селицкий, А.И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи / А.И. Селицкий // Поляки в России: XVII – XX в.: материалы междунар. науч. конф., Краснодар, 14–15 окт. 2002 г. / Краснодар. гос. ун-т; отв. ред. Г.П. Сарыкин. – Краснодар, 2003. – С. 121–126.
- 719 Сельверстова-Куль, С. Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов (конец XVIII – начало XXв.) / С. Сельверстова-Куль // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 3–17.
- 720 Семянчук, Г. «Беларусіка» ў фондах галоўнага архіву старажытных актаў у Варшаве / Г. Семянчук // Спадчына. – 1996. – № 2. – С. 155–165.
- 721 Семянчук, Г. Да гісторыі касцела ў Шчучыне / Г. Семянчук, І. Халупа // Гарадзенскія запісы: Старонкі гісторыі і культуры. – Гародня, 1997. – Вып. 3. – С. 58–63.
- 722 Сенькевич, Г.Г. Женские училища и гимназии в Белоруссии во второй половине XIX века / Г.Г. Сенькевич // Вопросы обучения и воспитания школьников. – Минск: Народная асвета, 1971. – 243 с.
- 723 Скворцов, Н.Г. Этничность и трансформационные процессы / Н.Г. Скворцов // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. – СПб., 1995. – С. 8–24.
- 724 Славинский, М. Национальная структура России и великороссы / М. Славинский // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия; под ред. А.И. Кастелянского. – СПб., 1910. – С. 277–303.
- 725 Славянские пилигримы // Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 17. – С. 8–9.

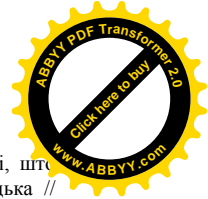
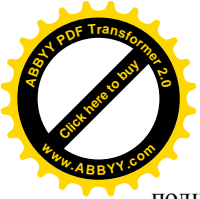
умерших на православном кладбище. 20 мая 1914 г. Департамент вноив отклонил подобное ходатайство [659, л. 20, 22, 32, 34, 43].

В сентябре 1904 г. прихожане Лубинского костела Бельского уезда Гродненской губернии возбудили ходатайство о разрешении им построить в с. Лубине каменный костел вместо старого деревянного, пришедшего в ветхость.

После получения подобных ходатайств, канцелярия губернатора, как правило, запрашивала следующие сведения: не служит ли то место, на котором предполагалось возведение нового здания, написанием о событиях 1863–1864 гг.; вызвана ли эта постройка действительной необходимостью; имеется ли при названном костеле самостоятельный приход и, в утвержденном случае, как велико число прихожан; не встречается ли вообще каких-либо препятствий в разрешении такой постройки [285, л. 5].

Лубинский костел был построен еще в 1498 г., а потому необходимость капитального ремонта не вызвала сомнения. Бельский уездный исправник вообще рекомендовал построить новый. При Лубинском костеле имелся самостоятельный приход, в котором насчитывалось 2 000 душ обоюбого пола. Православных храмов в месте нахождения костела не было [285, л. 9]. Село Лубина располагалось в 2 верстах от большой д. Грабовца (120 домов), большинство населения (100 дворов) которого исповедовало православие и числилось в составе Бельского Пречистинского прихода. Благодаря дальности расстояния от г. Бельска (10 верст) и близости от с. Лубина православное население д. Грабовца, в большинстве своем, посещало Лубинский костел. С постройкой величественного, по мнению епископа Гродненского и Брестского Николая, костела в с. Лубине влияние католичества на соседние православные приходы (Брянский и Малешский) и особенно на д. Грабовец, несомненно, бы усилилось. Поэтому епископ Николай ходатайствовал о недопущении постройки нового каменного костела в с. Лубине: «Здание деревянного костела довольно прочное». Беспокоило епископа и то обстоятельство, что возведение нового костела ляжет тяжелым налоговым бременем на местных крестьян, а в дальнейшем будут и правительственные расходы на содержание костела и ксендзов [285, л. 11].

6 января 1906 г. министерство внутренних дел разрешило постройку костела. Но ввиду больших затрат на строительство (23 528 руб. 32 коп.) и недостаточности материального обеспечения местного римско-католического населения, Виленский генерал-губернатор выдвинул ряд обязательных условий:

1) чтобы на месте был организован из числа заслуживающих полного доверия прихожан, с участием настоятеля, церковно-строительный комитет, в круг деятельности которого входило бы заключение условий с мастерами и контрактов с поставщиками, уплата всех расходов по сооружению, предварительное рассмотрение и утверждение всех расходов по стоимости сооружения, контроль за производством работ, сбор пожертвований, хранение приходно-расходной кассы, отчетность перед консисторией и т.п.;

2) чтобы добровольные сборы на постройку костела производились по приговорам сельских сходов большинством $\frac{2}{3}$ голосов лиц, имеющих право участия на сходе, а недостающая сумма была собрана путем пожертвований с соблюдением правил, указанных в примечании к ст. 82 Устава предупреждения и пресечения преступлений, издания 1890 г.;

3) чтобы в интересах охраны материальной обеспеченности местных крестьян-католиков и исправного поступления от них всех казенных и общественных повинностей сумма расходов, которую возьмут на себя местные крестьянские общины, была разложена комитетом к уплате не менее на 2–3 года [285, л. 24].

В ноябре 1904 г. поступило в министерство внутренних дел ходатайство Павла Петровского, проживавшего в г. Минске, о разрешении построить костел между имением и деревней Перховичи Люшевской волости Слонимского уезда. В радиусе 12 верст этой местности были расположены 28 деревень и селений, в которых проживало более тысячи человек римско-католического вероисповедания. Имение и д. Перховичи находилось от соседних костелов на довольно значительном расстоянии, а именно: от Слонимского – в 28 верстах, от Дятловского – в 35 верстах, от Дворецкого – в 27 верстах, от Новоельненского – в 24 верстах. Виленский римско-католический епископ просил даже разрешение у губернатора после окончания строительства образовать отдельный самостоятельный приход [307, л. 3].

Плана и сметы предполагаемой постройки костела П. Петровский не составлял, так как не был уверен в разрешении строительства. Построить костел предполагал же на сумму около 15 000 руб., собранную в ближайших окрестностях прихожанами бывшего Молчадского римско-католического костела, закрытого 35 лет назад. Тогда Молчадский приход был отнесен к м. Дворец и все прихожане лишились возможности посещать в праздничные дни костел вследствие отдаленности Дворецкого костела (более 20 верст) [307, л. 8].

684 Роцька, Н.А. Колькасць, склад і становішча чыноўнікаў Беларусі, што займаліся вучэбнай і выхаваўчай дзейнасцю (60 – 90-я гг. XIX ст.) / Н.А. Роцька // Научные труды молодых ученых, аспирантов, студентов: в 3 ч. – Минск, 2001. – Ч. 2. – С. 222–226.

685 Рубакин, Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (на основании официальных и научных исследований) / Н.А. Рубакин. – СПб.: Вестник Знания, 1912. – 537 с.

686 Рубинштейн, Е.И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX – начале XX в. / Е.И. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1953. – 254 с.

687 Рубинштейн, С.Р. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малоруссии за 240 лет с 1652 по 1892 год / С.Р. Рубинштейн. – Вильно: Губ. тип., 1894. – 918 с.

688 Рункевич, С.Г. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии / С.Г. Рункевич. – Минск: тип. Б. Соломонова, 1893. – 128 с.

689 Рункевич, С.Г. Русская церковь в XIX веке / С.Г. Рункевич. – СПб., 1901. – 218 с.

690 Русско-польские отношения. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1897. – 178 с.;

691 Русско-польские отношения. – Лейпциг, 1895. – 149 с.

692 Русь. – 1883. – № 13. – С. 35–37.

693 Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2001. – 368 с

694 Рябкова, Е.А. Церковное краеведение в Западной Беларуси во 2-й половине XIX – начале XX в. / Е.А. Рябков // Актуальные проблемы истории Беларуси: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф.: у 4 ч., Гродна, 3–4 мая 2002 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Гродна, 2003. – Ч. 2. – С. 16–19.

695 Савицкая, Я. Изображение польских национально-освободительных восстаний в русской поэзии – изменение стереотипов / Я. Савицкая // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв. ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 216–225.

696 Самарин, Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России / Ю.Ф. Самарин. – М., 1870. – 279 с.

697 Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С.М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 224 с.

698 Самбук, С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати) / С.М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1976. – 364 с.

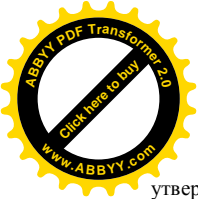
699 Самодержавие, православие и католицизм // Свет. – 1896. – № 114, 140, 151, 176, 179.

700 Самусік, А.Ф. Дзейнасць манаскіх ордэнаў у галіне асветы на Беларусі ў першай трэці XIX ст. / А.Ф. Самусік // Гісторыя: праблемы выкладання. – 1998. – № 1. – С. 37–47.

701 Самусік, А.Ф. Развіцце сістэмы асветы на беларускіх землях у сямідзесятых гадах XVIII – трыццаціх гадах XIX ст.: аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.Ф. Самусік; Ін-т гіст. НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – 18 с.

702 Сбор памятников истории и культуры Белоруссии. – Минск: Наука и техника, 1989. – 580 с.

703 Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб., 1893. – Т. 1. – 238 с.

- 663 Программы учебных предметов для церковно-приходских школ, утвержденные Святейшим Синодом. – СПб, 1886. – 124 с.
- 664 Прокоп, Я. Антирауский миф и польские комплексы / Я. Прокоп // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание; сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М., 2000. – С. 30–39.
- 665 Пространство и население в России в 1905 г. – СПб., 1906. – 141 с.
- 666 Пуляев, В.Т. Этнос и национальные интересы народов России / В.Т. Пуляев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 18–40.
- 667 Пучков, П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей / П.И. Пучков // Советская этнография. – 1973. – № 6. – С. 51–65.
- 668 Радван, М. Католическая церковь накануне революции 1917 года: сб. док / М. Радван. – Люблин: Науч. общ-во Католич. Ун-та в Люблине, 2003. – 673 с.
- 669 Радзік, Р. Рэлігійныя перадумовы фарміравання беларускай нацыі / Р. Радзік // Беларусіка=Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 272–279.
- 670 Разенфельд, У. Асноўныя параметры нацыянальнай самасвядомасці палякаў Гродзеншчыны / У. Разенфельд, Г. Шчалбаніна, Г. Кабяк // Дэтэрмінанты грамадскіх працэсаў і нацыянальныя патрэбы людзей: тэматычны зборнік матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Брэст, 21–22 вер. 2000 г. / Брэсц. дзярж. ун-т; пад рэд. С.А. Яскевіча, Т. Крушэўскага. – Брэст, 2001. – С. 23–25.
- 671 Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – № 1. – С. 73–81.
- 672 Рапорты исправников об открытии тайных польских школ католическим духовенством // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1080.
- 673 Рапорты уездных исправников о поведении ксендзов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2348.
- 674 Рапорты уездных исправников о политической благонадежности католического духовенства // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2838.
- 675 Рапорты уездных исправников о разрешении принятия в римско-католические монастыри разных лиц, о принятии в христианство евреев, о постройке римско-католических костелов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 926.
- 676 Распоряжения графа М.Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863 – 1865 гг. – Витебск: Губ. тип., 1898. – 76 с.
- 677 Религиозно-политические идеалы польского общества // Северный вестник. – 1895. – С. 431–439.
- 678 Римский, С.В. Кофессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия / С.В. Римский // Вопросы истории. – 1998. – № 3. – С. 37–46.
- 679 Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России, или объяснения 4-ой заповеди господней, касательно начальства и его власти. По изданию Виленским римско-католическим епископом Красинским, перевел с польского минский декан ксендз Сенчиковский. – Вильно: Губ. тип., 1871. – 16 с.
- 680 Роль религии в формировании южнославянских наций / под ред. И.В. Чуркиной. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 264 с.
- 681 Ромер, М. Поляки / М. Ромер // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия, Россия, Германия; под ред. А.И. Кастелянского. – СПб, 1910. – С. 356–382.
- 682 Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В.П. Семенова. – СПб., 1905. – 974 с.
- 683 Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI – XX вв. – М., 2002. – 314 с.

По мнению епископа Гродненского и Брестского Николая, ходатайство П. Петровского следовало отклонить, так как в с. Дворец так возводилось новое здание костела [307, л. 9]. По заверению же земского начальника 5 участка Слонимского уезда, 28 августа 1905 г. от собравшихся на сход прихожан бывшего Молчадского костела, денежную помощь со стороны указанных крестьян П. Петровский мог получить в сумме не свыше 350 руб. И это только в том случае, если все без исключения крестьяне-католики согласились бы на сбор. Однако рассчитывать на это было нельзя, так как с. Молчадь располагалось от м. Дворец в 14 верстах, а от Д. Перховичей в 10 верстах. В таком случае крестьяне м. Молчадь предпочли бы поездку в большое с. Дворец за 14 верст поездке в маленькую д. Перховичи за 10 верст [307, л. 23].

В январе 1906 г. министерство внутренних дел вынесло решение об отказе в разрешении строительства костела, так как сбор пожертвований в размере 15 000 руб. не встретил сочувствия местных католиков, которые предпочли иметь костел в с. Молчади, как центральном пункте, а не на участке П. Петровского [307, л. 27].

Жители-католики м. Селец Пружанского уезда в прошении, поданном в декабре 1904 г. в министерство внутренних дел, указывая на отдаленность от них Сегневичского приходского р.-к. костела, к которому они были приписаны, и на затруднение в совершении для них богослужений и исполнения треб, ходатайствовали о разрешении построить в местечке каменный костел во имя св. Алексея, с учреждением при нем самостоятельного прихода. В случае постройки в м. Селец костела, располагавшиеся вблизи от этого местечка деревни и селения отстояли бы в 2-3 раза ближе, чем от соседних Сегневичского и Пружанского костелов. Ввиду этого Виленский римско-католический епископ находил весьма желательным постройку и образование самостоятельного прихода [652, л. 1, 5].

Преобладающее население в м. Селец и прилежавших к нему населенных пунктов, по сведениям Пружанского уездного исправника, по национальности являлось белорусами, а по вероисповеданию – православными. В самом м. Селец крестьян-католиков обоого пола насчитывалось 421 человек, а в Селецкой волости – 470. От м. Селец ближайшие костелы находились: Сегневичский – в 21 версте, Пружанский – в 28 верстах. В данной местности, благодаря тому что почва была болотистая, пути сообщения в весеннее и осеннее время были неудобны. Площадь Сегневичского костела не позволяла вместить всех прихожан, которых в приходе насчитывалось 5 190 душ. При римско-католическом кладбище м. Селец находилась часовня, в

которой располагался алтарь, небольшие хоры и маленький старый орган. Отдельных дней богослужений в часовне не было, за исключением случаев отпевания усопших более зажиточных жителей м. Селец из ближайших окрестностей, родственники которых имели возможность за свой счет привезти из Сегневич ксендза. Бедных же католиков предавали земле без отпевания [652, л. 6]

По заверению епископа Гродненского и Брестского Николая, местность между м. Селец и Сегневичами была возвышенная, супесчаная и поэтому грунтовые дороги в каждую пору года находились в хорошем состоянии. А необходимые богослужения и так проводились в праздничные дни в местной каплице. Православный Селецкий приход при 8 000 прихожан обнимал в округности по меньшей мере 50-верстную площадь и имел одну приходскую церковь в центре м. Селец и одну приписную, размещавшуюся на его окраине. Приписные к Селецкому православному приходу деревни Морможево, Залесье, Черничное, Логисы, Ворожбесты и Хвалевичи, не уступавшие по своей численности католикам м. Селец, отстояли от приходской церкви на 10–15 верст. По мнению епископа Николая римско-католики Сегневичского прихода уже теперь, имея костел и часовню в разных пунктах, в отношении удовлетворения духовных нужд находились в лучшем положении, чем православные Селецкого прихода: «Самое место в 10 сажень, приобретенное за неизмеримо высокую цену, с лицевой стороны от православного приходского храма указывает на то, что новый костел будет устроен так, чтобы заслонить собой от света православную святыню и сразу стать с ней в воинствующее положение» [652, л. 7–8].

Пружанскому уездному исправнику удалось выяснить, что земля в количестве более одной десятины была куплена покойным крестьянином этого местечка Осипом Пиколой за 2 500 руб. и передана римско-католическому духовенству под строительство костела. Новый костел предполагалось разместить от ограды православного храма на расстоянии свыше 30 сажень, а от самого храма – свыше 40 сажень. Таким образом, строительство костела и ограды не закрыло бы доступ к православной церкви [652, л. 13]

Канцелярия Виленского генерал-губернатора 22 августа 1905 г. для обеспечения наименьшего влияния католичества на православие начала прорабатывать план о разрешении католикам отремонтировать и расширить часовню с дозволением иметь при ней постоянного ксендза для удовлетворения религиозных нужд [652, л. 18]. Часовня в м. Селец имела следующие размеры: длина – 16,5 аршин, ширина – 7 аршин, высота – 5,4 аршина. Часовня при такой величине

642 Погодин, А.Л. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа. 1803 – 1903 гг. / А.Л. Погодин. – СПб.: изд. Г.А. Лемака и С.И. Сахарова, 1893. – 142 с.

643 Полкинхорн, Дж. Вера глазами физика: богословские заметки «снизу-вверх» / Дж. Полкинхорн. – М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1998. – 228 с.

644 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1830. – Собр. 1-е. – Т. 28. – 1346 с.

645 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1885–1913. – Собр. 3.

646 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1830. – Собр. 1-е. – Т. 24. – 1241 с.

647 Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: тип. Отд. Его Импер. Высоч. канц., 1867. – Собр. 1-е. – Т. 40. – 1205 с.

648 Польский вопрос в газете «Русь». 28 март. 1904.–18 февр. 1905 г.: изд-е газеты «Русь». – Т. I. – 434 с

649 По отношению Департамента Духовных Дел иностранных исповеданий о разрешении постройки иноверческих церквей // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 96.

650 По прошению дворянина И. Орды о разрешении римско-католическому духовенству совершать в фамильной часовне траурные богослужения // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1024.

651 По прошению жителей колонии Незбудка-Михалово о разрешении им построить в указанной колонии католическую каплицу // Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1019.

652 По прошению жителей м. Селец Пружанского уезда о разрешении им постройки каменного римско-католического костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1018.

653 По прошению разных лиц о разрешении постановки крестов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1023.

654 Последнее слово о польском вопросе в России. – Берлин, 1869. – 72 с.

655 По ходатайству дворянина К. Деконского о разрешении ему совершать в часовне, находившейся в им. Могилевцах, богослужения по римско-католическому обряду // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1051.

656 По ходатайству крестьян деревни Луконицы Слонимского уезда Ивана Махначи и других о возврате им закрытого в 1864 г. и обращенного в православную церковь костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1056.

657 По ходатайству надворного советника Эйнарновича совершать заупокойные богослужения в семейном склепе // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1020.

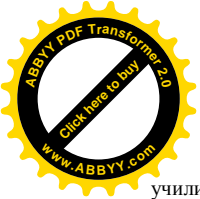
658 По ходатайству прихожан бывшего Немировского костела о возвращении храма // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1059.

659 По ходатайству прихожан бывшего Скрундевского костела Слонимского уезда о возвращении им закрытого в 1867 г. здания костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1052.

660 По ходатайству прихожан Васильковского костела Сокольского уезда об образовании самостоятельного прихода с возведением в 5 класс по отпускаемому содержанию // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1057.

661 По ходатайству прихожан Следяновского костела о разрешении постройки нового костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1058.

662 По ходатайству римско-католического духовенства о разрешении употреблять польский язык в официальной переписке р.-к. духовенства // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1081.

623 Переписка с полицейскими управлениями и дирекциями народных училищ о тайных школах в Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1084.

624 Переписка с полицейскими управлениями о подборе на должность кандидата из католического духовенства на должность епископа // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1091.

625 Переписка с полицейскими учреждениями о составлении списков ксендзов и монахов, состоявших на должности и не имевших постоянных мест службы // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 642.

626 Переписка с полицейскими учреждениями об обнаружении в разных волостях тайных школ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2544.

627 Переписка с полицмейстерами и исправниками о доставлении списков ксендзов, замеченных в разжигании национальной вражды среди населения // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1, Оп. 18. – Д. 1010.

628 Переписка с уездными исправниками и Виленской католической епархией о вмешательстве католического духовенства в дела церковно-приходских училищ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 853.

629 Переписка с уездными исправниками о доставлении сведений о ксендзах по губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2014.

630 Переписка с уездными исправниками об обнаружении в деревнях тайных школ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2347.

631 Переписка с уездными исправниками об обнаружении тайных школ в губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2109.

632 Переписка с уездными исправниками о сборе сведений о существовавших в Гродненской губернии крестных обществ и лиц, занимавшихся продажей шакаплерных знаков // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1146.

633 Переписка с уездными полицейскими управлениями об обнаружении в губернии тайных польских школ для обучения детей // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1432.

634 Переписка с уездными полицейскими управлениями об обнаружении в губернии тайных польских школ для обучения детей // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1447.

635 Переписка с уездными полицейскими управлениями об обнаружении тайных польских школ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2662.

636 Переписка с уездными полицейскими учреждениями об обнаружении тайных школ для обучения детей польской грамоте // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2653.

637 Переписка с уездными чиновниками об обнаружении в разных деревнях тайных школ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1675.

638 Пивоваров, Д.В. Религия: взаимосвязь натуроцентрической и социоцентрической форм / Д.В. Пивоваров // Религия, общество и государство. – 1991. – № 1. – С. 97–119.

639 Письма К.П. Победоносцева к Александру III // Славянская историческая библиотека [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.rus-sky.org/library/pobed1.html>. – Дата доступа: 07.05.2006.

640 Пиваварчык, С. Стэфан Пашкевіч аб «простонародном наречіі»: лес беларускага святара сярэдзіны XIX ст. / С. Пиваварчык // *Bielańskie zeszyty historyczne*. – 1999. – № 11. – S. 179–185.

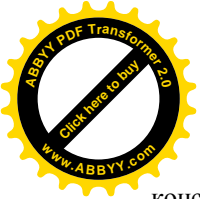
641 Платонов, В. Ватиканская дипломатия и «польская вера» / В.Платонов // Дипломатия в религии [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://religion.ng.ru/printed/facrs/2002-08-21/1_diplomacy.html. – Дата доступа: 12.02.2006.

представлялась недостаточной для всех молящихся и могла вместить только меньшую их часть. Расширение же часовни было невозможно из-за располагавшихся поблизости могил. Жители-католики м. Селец приобрели не только участок земли для предполагаемого костела, но и дом для ксендза, в котором также размещалась сельская больница. Местная власть опасалась того, что католики при образовании прихода обретут сплоченность и католичество распространится среди местных православных, не имевших в вере достаточной твердости и не понимавших ясно догматов православия [652, л. 21]

5 мая 1906 г. министерство внутренних дел одобрило строительство костела во имя св. Алексея в м. Селец Пружанского уезда Гродненской губернии, с назначением к нему особого священника за счет местных католиков. Условием было оставлено удалить предполагаемую постройку от православного храма. В случае согласия местных католиков на избрание под разрешенную постройку указанного плаца, правительство отпусало необходимую сумму в 1 600 руб. на его покупку. Деньги остались в казне, так как предполагаемый плац был подарен владельцем местной часовне. Но гражданские власти запретили начинать возведение стен будущего костела, по причине отсутствия в депозите Римско-Католической Духовной Коллегии большей половины исчисленной по смете суммы – 15 272 руб. 19 коп. [652, л. 41–42, 62].

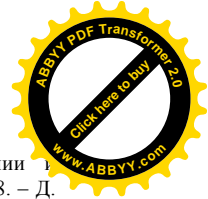
26 июня 1907 г. уполномоченные прихожане Селецкого костела Пружанского уезда К. Чеховской, А. Ковалевский и др. обратились с ходатайством к председателю Совета министров Российской империи о возвращении Селецкому костелу ранее принадлежавшего ему участка земли в количестве 31,81 десятин. Селецкий костел, за участие католиков в восстании 1863 г., был закрыт еще в том же 1863 г. Приход упразднили и приписали к Сегневичскому костелу. Ввиду малочисленности Селецкого православного прихода, в 1867 г. был открыт второй причт при Селецкой православной церкви. Для его обеспечения в пользование были переданы ему угодья и постройки упраздненного костела, которые сдавались в аренду местным крестьянам. Со временем земля была продана крестьянам, а вырученные от продажи деньги составили неприкосновенный капитал, проценты от которого поступали в пособие православному причту. Поэтому удовлетворить ходатайство было невозможно. 24 декабря 1907 г. МВД признало его не подлежащим удовлетворению. Лишь в апреле 1909 г. католикам удалось собрать необходимую часть суммы и приступить к постройке костела в м. Селец на подаренном гражданскими властями плацу [652, л. 67, 72, 87, 110].

В 1904 г. Виленская римско-католическая духовная консистория возбудила ходатайство о разрешении прихожанам Уговского филиального костела Белостокского уезда построить вместо существовавшего деревянного новый каменный костел. Уговский деревянный костел, построенный в 1753 г., был так мал, что едва $\frac{1}{5}$ часть прихожан могла вместиться (площадь равнялась 15 кв. сажень). Кроме своих прихожан в каждый праздник собиралось очень много католиков из Лапских железнодорожных мастерских, которые расположены были от Угова всего в расстоянии версты. Все уговские прихожане были согласны пожертвовать необходимую сумму в 11605 руб. 35 коп. на постройку. Это ясно доказывало их прошение, поступившее на имя Гродненского губернатора. Место для постройки избрано было на том же месте, на котором находился старый костел [527, л. 1].

Вблизи д. Угово, на станции Лапы, находился православный храм. Чтобы не умалять его значение, епископ Гродненский и Брестский Николай рекомендовал ходатайство о постройке нового более величественного костела отклонить. Дополнительным основанием для епископа Николая являлось и то, что филиальный костел был довольно прочной постройки и по размерам вполне достаточным для вмещения 1360 прихожан. Кроме того, костел был перестроен из православной церкви во имя Входа Господне в Иерусалим. Об этом свидетельствовали сохранившиеся в нем колокола бывшей Уговской церкви и надгробные плиты с православными крестами и славянскими надписями. В Суражской церкви находилась также деревянная православная икона «Входа Господне в Иерусалим», купленная священником о. Иоанном Котовичем у ксендза Глинского из бывшей Уговской церкви (икона эта служила у ксендза Глинского на кухне за доску для приготовления оплатков. Ввиду этих причин Виленский генерал-губернатор отказал в сентябре 1906 г. в строительстве каменного костела [527, л. 15, 25].

23 июля 1912 г. вновь было возбуждено ходатайство Виленской римско-католической духовной консисторией о строительстве костела на уже собранную сумму в 13 000 руб. 10 коп. Для сбора этой суммы прихожанами были уполномочены особые лица, которые производили сбор пожертвований между прихожанами по подписным листам с 1907 г. по 1909 г. Таким образом всего было собрано 8 000 руб. Деньги эти находились на руках у выборных. Но так как до полной суммы на проектируемую постройку недоставало еще 5 070 руб. 10 коп., то 3 июня 1912 г. Уговским сельским сходом был

606 Переписка с Виленской католической епархией о назначении и перемещении католического духовенства // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1089.

607 Переписка с Виленской католической епархией о представлении отпусков ксендзам и выдаче им билетов на поездки в другие губернии по разным делам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1006.

608 Переписка с Виленской римско-католической духовной консисторией, Зубрицким волостным правлением Сокольского уезда и др. о выдаче метрических справок, о вступлении в Гродненское благотворительное общество и др. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1721 (Одельский костел). – Оп. 1. – Д. 103.

609 Переписка с военным начальником и исправником Сокольского уезда о количестве существовавших братств при костелах // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 795.

610 Переписка с военным начальником и уездным исправником города Пружаны и Виленской римско-католической духовной консистории о количестве существовавших братств при костелах по Пружанскому уезду // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 548.

611 Переписка с военным начальником и уездным исправником города Слонима о количестве существовавших братств при костелах по Слонимскому уезду // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 546.

612 Переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края о принятии мер к пресечению распространения положения // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1031.

613 Переписка с главным управлением по делам печати о правилах цензуры и печати // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 793.

614 Переписка с Гродненским губернатором, помощниками начальника Гродненского губернского жандармского управления о проверке политической благонадежности учредителей и членов профессиональных, потребительских и др. обществ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 303.

615 Переписка с Гродненским губернским статистическим комитетом о доставлении сведений о чиновниках канцелярии Гродненского губернатора // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1448.

616 Переписка с Гродненским деканом о разрешении крестных ходов в религиозные праздники в костелах и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 321.

617 Переписка с деканами костелов о разрешении отпусков ксендзам и о назначении заместителей из других костелов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2705.

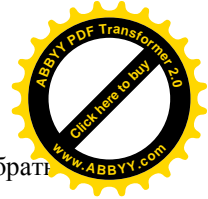
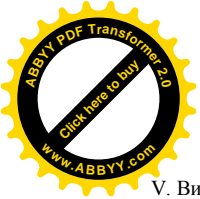
618 Переписка с духовной консисторией о разрешении разным лицам установки крестов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1300.

619 Переписка с католическими деканами о разрешении им совершать крестные ходы и приглашать в большие праздники для оказания помощи в богослужении ксендзов из других приходоу // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1658.

620 Переписка с католическими деканами о разрешении им совершать крестные ходы в оградах вверенных им костелов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2862.

621 Переписка с настоятелями костелов о ремонте Фарного костела в г. Гродно, об утверждении метрических выписей и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 398.

622 Переписка с настоятелями костелов об утверждении выписей из метрических книг, о ремонте костелов и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 429.

- 587 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. V. Витебская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 282 с.
- 588 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XI. Гродненская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 319 с.
- 589 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XXII. Минская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1903. – 243 с.
- 590 Переписка Виленского генерал-губернатора с полицейскими учреждениями о доставлении ведомостей о лицах, находившихся под надзором полиции // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2783.
- 591 Переписка Виленского генерал-губернатора с полицейскими учреждениями о поведении римско-католического духовенства // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1731.
- 592 Переписка Виленского епископа с настоятелями костелов по церковно-административным вопросам за 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 454.
- 593 Переписка Гродненского губернатора с полицейскими учреждениями о появлении в губернии «Общества трезвости» // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 569. – Оп. 6. – Д. 795.
- 594 Переписка Департамента духовных дел с Виленским генерал-губернатором и Минским губернатором о положении русского языка в костелах губернии // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 826. – Оп. 3. – Д. 119.
- 595 Переписка Минского губернатора с Виленским генерал-губернатором о положении в губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 45887.
- 596 Переписка Минского губернатора с уездными исправниками о поведении духовенства в губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2155.
- 597 Переписка с Белостокским военным начальником и другими о количестве существовавших братств при костелах по Белостокскому уезду // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 558.
- 598 Переписка с Виленским генерал-губернатором о количестве существующих римско-католических храмов, духовенства и по другим вопросам // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 293.
- 599 Переписка с Виленским генерал-губернатором о положении римско-католического духовенства // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 821. – Оп. 138. – Д. 34.
- 600 Переписка с Виленским генерал-губернатором о разрешении отпусков ксендзам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1314.
- 601 Переписка с Виленским генерал-губернатором о результатах наблюдения полиции за действиями католического духовенства, установлении сроков крестных ходов, составлении ведомости на костелы, в которые необходимо пригласить ксендзов из соседних костелов, и другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2782.
- 602 Переписка с Виленским епархиальным управлением и Гродненским жандармским управлением о назначении, переводе и увольнении ксендзов от службы // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1789.
- 603 Переписка с Виленским католическим епископом о назначении ксендзов в костелы губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1002.
- 604 Переписка с Виленским римско-католическим епархиальным управлением о перемещении ксендзов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2004.
- 605 Переписка с Виленской духовной консисторией, с настоятелями костелов и др. по хозяйственным и административным вопросам за 1863 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 156.

составлен приговор: недостающую сумму предполагалось собрать путем добровольных пожертвований [527, л. 37].

Учитывая, что собранной суммы 13 070 руб. 10 коп. для постройки нового каменного костела в с. Угове было далеко не достаточно, ксендз Уговского костела Клим, благодаря своему влиянию на прихожан, намеревался привлечь последних к работам по постройке костела. Все главные подготовительные работы и материал, который можно было бы добыть на месте, должны были заготавливаться прихожанами. Несомненно, это отразилось бы на их материальном благосостоянии, так как на долгое время отвлекло бы от прямых обязанностей по ведению хозяйства и лишило бы посторонних заработков, являвшихся в крестьянской жизни большим подспорьем при платеже государственных и иных сборов. Последние и так выскивались с большим трудом: за прихожанами Уговского костела числилось 341 руб. 4 коп. недоимок продовольственного капитала и 98 руб. 70 коп. недоимок мирского сбора за стойковую повинность, от уплаты которой они уклонялись [527, л. 40].

Исполнявший должность Гродненского губернатора П. Боярский в своем отзыве министерству внутренних дел 25 сентября 1913 г. рекомендовал оставить ходатайство без удовлетворения: «постройка нового каменного костела преследует одну цель, противную важнейшему из основных вопросов государственной политики в этом крае – пропаганду католичества; а так как костел является одним из верных и сильных средств для проведения в крестьянскую массу идеи восстановления Польши, то и колонизации белорусского населения» [527, л. 44]. Однако 12 февраля 1914 г. министерство внутренних дел удовлетворило ходатайство [527, л. 55].

27 сентября 1905 г. на имя министра внутренних дел графа Витте была послана телеграмма уполномоченного от прихожан бывшего Роготненского костела, преобразованного в 1866 г. в православный Рождество-Богородичный храм, Л. Слижа, которую засвидетельствовал 25 сентября 1905 г. Слонимский декан ксендз Петранис, с просьбой о возвращении храма [190, л. 48, 51, 54]. Местное руководство, узнав о телеграмме, распорядилось о проведении следствия, естественно, начав его с проверки политической благонадежности ксендза. Гродненскому губернатору стало известно, со слов учителя Дятловской школы Котта, что 23 октября 1905 г. Слонимский декан Юстиниан Петранис произнес проповедь в антиправительственном направлении: «Сейчас настала свобода – никого не бойтесь. Несколько лет молчал, а теперь не буду молчать. Теперь не прежние времена, когда католиков били и переворачивали в

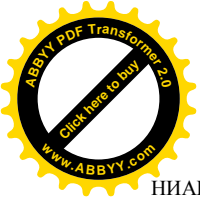
православную веру, вязали их и лили в горло причастие насильно. Но они выплевывали его на землю, не соглашаясь и за 100 рублей. Отсюда явствует, что православная вера отщепенская, сатанинская и кулачная. Если есть кто в костеле из православных – отворачивайтесь от православной церкви и переходите в католичество, так как православная церковь есть несправедливая. Как равно и православные священники. Ксендзы и костелы справедливы, наши святые таинства справедливы... Сейчас нечего бояться и не нужно слушать полицию... Писарь и старшина ваши батраки, а также и земской начальник. Что кто бы из них не сказал, их следует брать за воротник и выбрасывать за дверь» [190, л. 11].

Если бы этот донос поступил в 60-х–70-х гг., то Слонимского декана непременно заключили бы в Гродненский францисканский монастырь на 1 год. Но министерство внутренних дел требовало расследования, а значит, подобного заявления от одного лица, даже если его слова подтвердили представители полиции и православный священник Н. Балицкий, было недостаточно. Тем более ксендз Ю. Петранис представил губернатору рапорт, что данных слов он не произносил, а учитель Котт таким образом мстил ему за требование после указа 17 апреля 1905 г. преподавать в школе Закон Божий для римско-католиков на польском языке. Не получив согласия заведующего школой по причине отсутствия циркулярных распоряжений, Ю. Петранис, ссылаясь на желание учеников и родителей, послал телеграмму министру внутренних дел [190, л. 12]. Декану удалось выяснить, что крестьяне решились закрыть 25 октября 1905 г. на замок Роготненскую церковь под воздействием проповеди православного священника, в которой он убедил местных жителей, что не только католики не получают обратно своего костела, но даже те православные, которые присоединились к католицизму, будут сосланы в Сибирь. Лишь после увещаний Петраниса и прибывшего на место Слонимского уездного исправника, которому предстояло еще сыграть ключевую роль в расследовании, крестьяне вернули ключи. Подобные проповеди, по заверению Ю. Петраниса, произносились православными священниками и в других храмах [190, л. 15]. Кроме этого, на столе у губернатора лежал рапорт местного пристава на Ю. Петраниса, как главного подстрекателя к закрытию православной церкви в с. Роготно. Но должность его была указана неверно – настоятель Дятловского костела, что уже вызывало подозрение в подтасовке фактов [627, л. 46].

Неоднократными рапортами 10, 11, 12 ноября 1905 г. пристав 4 стана сообщал уездному исправнику, что крестьяне-католики,

- 562 Памятная книжка Виленской губернии на 1896 год. – Вильна: Губ. тип., 1895. – 342 с.
- 563 Памятная книжка Виленской губернии на 1898 год. – Вильна: Губ. тип., 1897. – 289 с.
- 564 Памятная книжка Виленской губернии на 1899 г. / под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898.
- 565 Памятная книжка Виленской губернии на 1900 год. – Вильна: Губ. тип., 1899. – 334 с.
- 566 Памятная книжка Виленской губернии на 1901 год. – Вильна: Губ. тип., 1900. – 353 с.
- 567 Памятная книжка Виленской губернии на 1903 год. – Вильна: Губ. тип., 1902. – 342 с.
- 568 Памятная книжка Гродненской губернии на 1870 год. – Гродна: Губ. тип., 1870. – 204 с.
- 569 Памятная книжка Гродненской губернии на 1871 год. – Гродна: Губ. тип., 1871. – 198 с.
- 570 Памятная книжка Гродненской губернии на 1872 год. – Гродна: Губ. тип., 1872. – 213 с.
- 571 Памятная книжка Гродненской губернии на 1876 год. – Гродна: Губ. тип., 1876. – 235 с.
- 572 Памятная книжка Гродненской губернии на 1878 год. – Гродна: Губ. тип., 1878. – 247 с.
- 573 Памятная книжка Гродненской губернии на 1881 год. – Гродна: Губ. тип., 1880. – 262 с.
- 574 Памятная книжка Гродненской губернии на 1885 год. – Гродна: Губ. тип., 1884. – 258 с.
- 575 Памятная книжка Гродненской губернии на 1889 год. – Гродна: Губ. тип., 1888. – 264 с.
- 576 Памятная книжка Гродненской губернии на 1891 год. – Гродна: Губ. тип., 1890. – 273 с.
- 577 Памятная книжка Гродненской губернии на 1894 год. – Гродна: Губ. тип., 1893. – 243 с.
- 578 Памятная книжка Гродненской губернии на 1896 год. – Гродна: Губ. тип., 1895. – 252 с.
- 579 Памятная книжка Гродненской губернии на 1898 год. – Гродна: Губ. тип., 1897. – 267 с.
- 580 Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год. – Гродна: Губ. тип., 1899. – 271 с.
- 581 Памятная книжка Гродненской губернии на 1903 год. – Гродна: Губ. тип., 1903. – 266 с.
- 582 Памятная книжка Гродненской губернии на 1904 год. – Гродна: Губ. тип., 1904. – 284 с.
- 583 Памятная книжка Гродненской губернии на 1906 год. – Гродна: Губ. тип., 1906. – 293 с.
- 584 Пастухова, З.А. Среднее образование в дореволюционной Белоруссии / З.А. Пастухова. – Минск: М-во выс., сред., спец. и профес. обр. БССР, 1963. – 86 с.
- 585 Пашкевич, С. О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия / С. Пашкевич // Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 20. – С. 7–8.
- 586 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. IV. Виленская губерния. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1904. – 179 с.

- 538 Отчет Гродненского губернатора о состоянии губернии за 1896 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 369.
- 539 Отчет о состоянии и деятельности Витебского Свято-Владимирского Братства за 1895 год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 22–24.
- 540 Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Гродненской губернии Литовской епархии за 189²/₃ учебный год. – Гродна: Губ. тип., 1894. – 62 с.
- 541 Отчет о состоянии церковно-приходских школ Полоцкой епархии за 1888 – 1889 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1890. – № 1. – С. 28–29.
- 542 Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1894 – 1895 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1896. – № 3–11.
- 543 Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1895 – 1896 учебный год // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1897. – № 4–12.
- 544 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов. – М.: Педагогика, 1976. – 600 с.
- 545 Падгайскай, Л. Роля паўстанняў 1794, 1830 – 1831 і 1863 – 1864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцвінскую шляхту / Л. Падгайскай // Беларус. гіст. часоп. – 2003. – № 7. – С. 3–10.
- 546 Панин, Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Панин // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 113–125.
- 547 Памяти И.П. Корнилова 1811–1911 / сб. ст. – СПб.: Глав. управл. уделов, 1911. – 135 с.
- 548 Памятная книжка Виленской губернии на 1864 год. – Вильна: Губ. тип., 1864. – 98 с.
- 549 Памятная книжка Виленской губернии на 1867 год. – Вильна: Губ. тип., 1867. – 117 с.
- 550 Памятная книжка Виленской губернии на 1869 год. – Вильна: Губ. тип., 1869. – 104 с.
- 551 Памятная книжка Виленской губернии на 1870 год. – Вильна: Губ. тип., 1870. – 114 с.
- 552 Памятная книжка Виленской губернии на 1873 год. – Вильна: Губ. тип., 1873. – 121 с.
- 553 Памятная книжка Виленской губернии на 1877 год. – Вильна: Губ. тип., 1876. – 124 с.
- 554 Памятная книжка Виленской губернии на 1878 год. – Вильна: Губ. тип., 1877. – 116 с.
- 555 Памятная книжка Виленской губернии на 1880 год. – Вильна: Губ. тип., 1879. – 103 с.
- 556 Памятная книжка Виленской губернии на 1881 год. – Вильна: Губ. тип., 1880. – 117 с.
- 557 Памятная книжка Виленской губернии на 1883 год. – Вильна: Губ. тип., 1882. – 124 с.
- 558 Памятная книжка Виленской губернии на 1889 год. – Вильна: Губ. тип., 1889. – 172 с.
- 559 Памятная книжка Виленской губернии на 1890 год. – Вильна: Губ. тип., 1889. – 293 с.
- 560 Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. – Вильна: Губ. тип., 1891. – 321 с.
- 561 Памятная книжка Виленской губернии на 1894 год. – Вильна: Губ. тип., 1893. – 364 с.

собравшись до 400 человек возле Роготненской церкви, не допустили 10 ноября Дятловского благочинного протоиерея отца В. Гричихо отправить службу по усопшим, согласно просьбе православных прихожан Роготненского прихода. Кроме этого, около 5-6 часов вечера те же крестьяне ворвались в церковно-приходскую школу и в квартире учителя Красницкого произвели беспорядки, желая выбросить из помещения имущество учителя и его семью [190, л. 17].

К донесениям полицейского начальника уездный исправник отнесся скептически. С целью проверки изложенного был командирован помощник Мыца, который изложил свое видение происходившего.

10 ноября 1905 г. с утра начали прибывать в с. Роготно православные крестьяне из окрестных деревень с целью присутствовать при проверке протоиереем Гречихой и чинами полиции похищения поляками чаши и креста из церкви перед тем, как ее заперли 25 октября 1905 г. Так как слух о похищении чаши и креста был распространен среди населения доверенными от протоиерея лицами, то крестьяне-католики того же 10 ноября, но раньше, чем православные, собрались около церкви и, вооружившись палками, заявили прибывшему около 10 часов утра благочинному, что они его вместе с приставом Жидковым не допустят в церковь для расследования дела о похищении чаши и креста. Крестьяне не доверяли обоим, опасаясь столкновения с православными, в случае объявления со стороны благочинного и пристава о похищении [190, л. 19]. Дальнейший ход событий был бы налицо: успокоение толпы, виноватыми признали бы крестьян-католиков и по причине «польско-латинского фанатизма» – установили бы тотальный полицейский надзор за местностью. Зачем это было нужно священнику? Ответ станет ясен позже. Что касается нападения крестьян-католиков на церковно-приходскую школу, то произведенным расследованием выяснилось, что пристав Жидков, после того момента, как все разошлись от церкви, зашел в училище для расследования обстоятельства о сорванной когда-то с крыльца училища вывески. Собралась толпа любопытных, которая заглядывала в окна училища. Пристав распорядился разогнать собравшихся, что и было исполнено урядниками Борисюком и стражниками. В это время мимо училища проходил крестьянин П. Юргель и, не зная о распоряжении пристава, остановился у его повозки и стал расспрашивать ямщика. Чины полиции, услышав разговор у подъезда училища, вышли на улицу и по приказанию пристава задержали П. Юргеля. В помещении училища урядник Борисюк стал бить его. Крестьяне, собравшись на крик П.

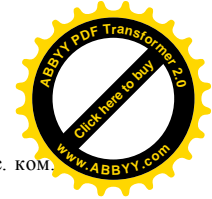

Оргеля, силой вошли в помещение учителя, требуя выдачи урядника. По приказу пристава урядник ушел через окно соседней комнаты, а сам начал уговаривать толпу, желавшую доставить пристава к помощнику уездного исправника Мыщу. Крестьяне успокоились и разошлись после того, как пристав по их приказу составил протокол о нанесении побоев урядником Борисюком крестьянину П. Юргелю, который и вручил последнему [190, л. 18–19].

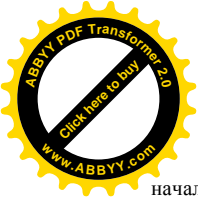
27 ноября 1905 г. во время богослужения в Роготненской церкви присутствовали и католики, преимущественно женщины и дети. Дети, разместившись на хорах, во время службы шалили и опрокинули стоявшую железную доску, падение которой произвело неприятное впечатление на молящихся православных. Бывший в церкви урядник Борисюк удалил детей, прекратив непристойный шум. Псаломщик заявил позже, что крестьяне-католики пытались вырвать у священника из рук трепник и выбить святую чашу, пролив на землю святые дары. Но никто из прихожан, как православных, так и католиков, не подтвердил этого. Характерно, что псаломщик эти сведения получил от какого-то крестьянина, но от кого именно – указать не смог. Опрошенные, бывшие в то время в церкви, местный урядник Борисюк, стражники, учитель, волостной писарь, псаломщик заявили, что католики, преимущественно женщины и дети, действительно держали себя неприлично. Но чины полиции каждый раз восстанавливали порядок и принимали все меры к неприкосновенности личности священника [190, л. 74].

27 декабря 1905 г. - из слов Гродненской духовной консистории - вооруженные палками католики, более женщины и дети, «при своих обычных мятежных действиях» не допустили благочинному совершить богослужение, а собравшимся 500 православным христианам молиться в Роготненском храме. До прибытия Дятловского благочинного католики - по его словам - избili палками до 10 православных, опасно раненных в голову [190, л. 75]. Сведения эти после проверки уездным исправником были признаны ложными.

На деле оказалось, что с 27 ноября 1905 г. (с момента выезда священника Семеняко из с. Роготно) ни один из священнослужителей для совершения богослужения не приезжал. 27 декабря Гречихо в близлежащей Горецкой церкви во время богослужения объявил прихожанам, что 27 декабря он будет служить обедню в Роготненской церкви. Но не приехал, так как был вызван в Новую-Мышь на похороны родственника. В драке потерпело лишь 4 человека, которым было нанесено несколько легких повреждений. Судебный следователь

- 516 Обзор Могилевской губернии за 1900 год. – Могилев: Губ. статис. ком. 1901. – 132 с.
- 517 Об открытии тайной польской школы в д. Лозово Сокольского уезда в приходе настоятеля Дубровского костела ксендза Гурского // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1082.
- 518 Об удалении от занимаемых должностей ксендзов Саросека и Сонгина за разжигание национальной вражды среди населения // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1093.
- 519 Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Гройницкого. – М.: Центр. Статист. Ком-т МВД, 1905. – Т. 1. – 271 с.
- 520 О движении католического духовенства по губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1052.
- 521 О допущении русского языка в иноверческое богослужение // Русский вестник. – № 9, 1867. – С. 316–391
- 522 О заключении в Гродненский францисканский монастырь Феодосия Жилинского // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1044.
- 523 О запрещении въезда в Царство Польское ксендзам без разрешения епархиальных епископов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 372.
- 524 О запрещении самовольно отлучаться от своих приходов и монастырей римско-католическому духовенству // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 524.
- 525 О запрещении читать проповеди в костелах без проверки цензуры // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 27. – Д. 96.
- 526 Опеля, С. Католичество и православие: история и современность / С. Опеля // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание; сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М., 2000. – С. 52–61.
- 527 О постройке в деревне Угово Белостокского уезда нового каменного костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1016.
- 528 О постройке в местечке Деречин римско-католического костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1012.
- 529 О противозаконной деятельности настоятеля Велико-Эйсмонтовского костела Гродненского уезда ксендза Яроша // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1055.
- 530 Орловский, Е.Ф. Граф М.Н. Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии: 1831 – 1835 и 1863 – 1865 гг. / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губ. тип., 1898. – 31 с.
- 531 Орловский, Е.Ф. Гродненская старина: в 2 ч. / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губ. тип., 1910. – Ч. 1. – 341 с.
- 532 Орловский, Е.Ф. Исторический очерк Гродненской гимназии / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1901. – 74 с.
- 533 Орловский, Е.Ф. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794 – 1900) / Е.Ф. Орловский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 604 с.
- 534 О служебных правах и преимуществах директоров и инспекторов народных училищ Северо-Западного края // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 18 т. – СПб., – 1892. – Т. 8.
- 535 Отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865. – Вильно: Губ. тип., 1865. – 36 с.
- 536 Отчет Гродненского губернатора о состоянии губернии за 1893 год // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 221.
- 537 Отчет Гродненского губернатора о состоянии губернии за 1895 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 332.

- 487 Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. – СПб.: Индрик, 1999. – 946 с.
- 488 Мірановіч, Я. Гістарычны падставы польска-беларускіх стэрэатыпаў / Я. Мірановіч // Гістарычны альманах. – 2003. – Т. 9. – С. 123–126.
- 489 Мосолов, А.Н. Виленские очерки 1863–1865 г. (Муравьевское время) / А.Н. Мосолов. – СПб. – 1898. – 253 с.
- 490 Мосолов, А.Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг. / А.Н. Мосолов // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – № 11. – С. 95–129.
- 491 Муравьев, М.Н. Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа / М.Н. Муравьев // Русская старина. – 1883. – Т. 36. – С. 395–407.
- 492 Мюллер, Л. Владимир Соловьев и католицизм / Л. Мюллер // Славяноведение. – 1996. – № 2. – С. 48–53.
- 493 Народное образование в Виленском учебном округе. – Вильна: Губ. тип., 1902. – № 3. – 194 с.
- 494 Народное образование в Виленском учебном округе. – Вильна: Губ. тип., 1902. – № 4. – 206 с.
- 495 Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / пад рэд. М. Касцюка [ды інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 547 с.
- 496 Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / пад рэд. С.А. Умрэйкі. – Мінск: Народная асвета, 1986. – 624 с.
- 497 Нация и национализм: Проблемно-тематический сборник; отв. ред. вып. А.И. Миллер [и др.] / РАН ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел политологии и правопедения, Институт сравнительной политологии. – М., 1999. – 220 с.
- 498 Начальное обучение. – СПб, 1886. – 124 с.
- 499 Наша Ніва. – 1907. – № 5. – С. 6–7;
- 500 Наша Ніва. – 1907. – № 6. – С. 2–3.
- 501 НИАБ в г. Минске. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 2182.
- 502 НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1671.
- 503 НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2189.
- 504 Николаев, К.Н. Восточный обряд / К.Н. Николаев. – Париж: YMCA-Press, 1948. – 314 с.
- 505 Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
- 506 О закрытии в 1863 г. бывшего женского римско-католического монастыря в г. Дрогичине Бельского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1021.
- 507 О печатании римско-католического «Катехизиса» на русском языке // Вестник Западной России. – 1865. – Т. 3, кн. 4, от. 4. – С. 94–95.
- 508 О православной вере и католической ереси. – Пачаев н/В: Почаево-Успенская Лавра, 1905. – 55 с.
- 509 О служебных правах и преимуществах директоров и инспекторов народных училищ Северо-Западного края // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 18 т. – СПб., 1892. – Т. 8.
- 510 Обзор Витебской губернии за 1884 год. – Витебск: Губ. тип., 1885. – 84 с.
- 511 Обзор Гродненской губернии за 1879 год. – Гродно: Губ. тип., 1880.
- 512 Обзор Гродненской губернии за 1887 год. – Гродно: Губ. тип., 1888.
- 513 Обзор Гродненской губернии за 1894 год. – Гродно: Губ. тип., 1895.
- 514 Обзор Минской губернии за 1889 год. – Минск: Губ. тип. – 1890. – 78 с.
- 515 Обзор Минской губернии за 1900 год. – Минск: Губ. тип. – 1901. – 89 с.

Квасницкий не решался дать оценку драке как произошедшей на религиозной почве, ожидая приезда товарища прокурора. Чувствуя подоплеку, уездный исправник пожелал лично присутствовать на совещании прокурорских работников [190, л. 91–92].

Как выяснилось, все 4 пострадавших были членами одной семьи - католиков и православных - Антона Фабишевского. Мария Фабишевская, жена Казимира Фабишевского, приняла в сентябре 1905 г. католичество и выехала из с. Роготно. М. Фабишевская после того, как призвали ее мужа на действительную военную службу, вплоть до выезда ее из с. Роготно, постоянно судилась со свекром А. Фабишевским, который отказывал в выдаче доходов с части земли, принадлежавшей ее мужу Казимиру. А. Фабишевский мотивировал свой отказ тем, что М. Фабишевская не хотела работать наравне со всей его семьей. Отец семейства особенно ставил ей в укор исповедание ранее православной веры.

Считаем важным здесь отметить, что главным основанием, побуждавшим лиц православного вероисповедания - как видно из донесений мировых посредников - относиться не совсем искренно к православному духовенству и даже отпадать от православия, в особенности в семьях со смешанными браками, служили неотзывчивость и корыстное отношение православного духовенства к духовным тремам православных христиан, как требования непосильной для крестьянина платы 6 и более рублей за похороны. В случае отказа со стороны крестьянина, по бедности их, в уплате полностью требуемой суммы священник, в свою очередь, отказывал в совершении обряда похорон. Труп оставался довольно продолжительное время, иногда неделю, в церкви без отпевания, и затем тело покойника крестьяне вынуждены были предавать земле сами, без совершения религиозного обряда. При заключении браков священники также требовали довольно высокую плату за выдачу метрики. Иногда выдавали и за минимальную сумму, но лишь после угрозы со стороны заинтересованного лица обратиться за советом по этому делу к ксендзу [190, л. 93].

29 и 31 декабря 1905 г. В. Гречиго, осознавая, что исправник ищет реальные факты, не доверяя словам благочинного и желая избежать разоблачения, обратился с рапортами к нему на усмотрение: «Если Вы, ваше высокоблагородие, признаете для себя невозможным войти в дело угнетения православных католиками и заставить их отказаться от самоуправных и мятежных действий, то благоволите дать мне Ваш совет: к кому из властей мне следует обратиться в данном случае за содействием... Полицейский урядник отказывается

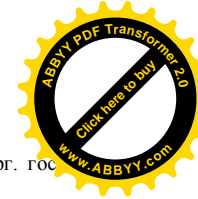

оставлять протоколы на католиков, так как высшие власти не дают им надлежащего движения. Всякая медлительность или бездейственность может вызвать самые прискорбные смятения, как это усматривается в настроении православных прихожан Роготненской церкви и соседних приходов. 27 декабря из д. Дудичи крестьянин привозил в Роготненскую церковь для отпевания покойника, а католики не допустили внести в церковь покойника и прогнали его за село (так благочинный попытался оправдаться за несовершенство обряда погребения – А.Г.)». Анализ архивного документа свидетельствует, что благочинный вел двойную игру: все свои донесения он заранее отсылал прямо в канцелярию Гродненского губернатора, характеризуя происходившие события, содержавшие клеветнические выпады в сторону уездного исправника [190, л. 152].

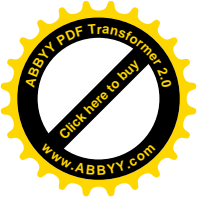
18 января 1906 г. Гродненская духовная консистория с целью проверки дел в с. Роготно создала комиссию из священника Дятловской церкви Сергия Дорошевского и священника Сидерской церкви Сокольского уезда Николая Семеняко [190, л. 83]. А ведь это непосредственно участники событий, поднаторевшие в писании доносов, имевшие свой личный интерес в этом деле! Гродненский губернатор стал на сторону православного духовенства, отослав 20 января 1906 г. протоколы дознания - с известными нами именами - прокурору Гродненского окружного суда. Для расследования дела 25 января 1906 г. в с. Роготно был командирован товарищ прокурора Дембицкий [190, л. 85, 90].

Комиссия, образованная, в свою очередь, Гродненским губернатором для выяснения всех обстоятельств дела, усиленная старшим производителем канцелярии Виленского генерал-губернатора надворным советником С.П. Белецким и действительным статским советником И.Л. Блоком, 12 февраля 1906 г. окончила расследование. Антона Фабишевского за драку 27 декабря 1905 г., как главного зачинщика, арестовали на 3 месяца, а остальных - Кибеня, В. Пищик, Ю. Ковшук - на 2 месяца. Главного агитатора вторжения 25 октября 1905 г. в церковно-приходскую школу крестьянина д. Шестаки В. Синевича, выступившего в защиту случайного прохожего, – на 1 месяц ареста. Дальнейшее разбирательство дела передали в волостной суд, так как не увидели наличия религиозных мотивов, то есть доводы благочинного не признали [190, л. 104–105].

22 января 1906 г. по просьбе Слонимского уездного исправника священник Хоробровичской церкви отец Кирик совершил богослужение, во время которого католики держали себя чинно, а некоторые из них даже присутствовали при богослужении. 29 января в

- 467 Люксембург, Р. Шаг за шагом / Р. Люксембург. – М.: Петербург. гос. изд., 1926. – 175 с.
- 468 Максимов, И. Двадцатипятилетие Гомельской прогимназии. Очерк состояния Гомельском прогимназии с 1866 по 1891 гг. / И. Максимов. – Гомель: Губ. тип., 1891. – 63 с.
- 469 Мараш, Я.Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я.Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 232 с.
- 470 Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я.Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.
- 471 Мараш, Я.Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви / Я.Н. Мараш. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – 219 с.
- 472 Марешаль, Э. История девятнадцатого века (1789–1899 гг.) / Э. Марешаль; под ред. А.С. Трещеского. – СПб, 1907. – 1372 с.
- 473 Марозава, С. Гісторыя графія канфесійнай гісторыі Беларусі / С. Марозава // Гістарычны альманах. – Гародня. – 2001. – Т. 4. – С. 147–159.
- 474 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: в 2 ч. / сост. П. Бобровский. – СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с.
- 475 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния: в 2 ч. / сост. И. Зеленский. – СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1864. – Ч. 2. – 946 с.
- 476 Мацюшэнка, В.В. Кароткі нарыс з гісторыі адукацыі на Беларусі / В.В. Мацюшэнка // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 2. – С. 70–75.
- 477 Машкевич, М. Костел и политика / М. Машкевич // V международные Кирилло-Медовские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 24–26 мая 2002 г.: в 2 ч. / Европ. гуман. ун-т фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол.: А.Ю. Бендин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Белорус. ун-т к-ры, 2000. – Ч. 1, кн. 1. – С. 44–48.
- 478 Меморандум Могилевского митрополита Георгия Эдварда Шембека // Католическая церковь накануне революции 1917 года. Сборник документов / сост. и отв. ред. кс. М. Радван. – Люблин: Науч. общ-во Католического Ун-та в Люблине, 2003. – С. 52–98.
- 479 Миловидов, А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Харьков.: Губ. тип., 1900. – 92 с.
- 480 Миловидов, А.И. Деятельность гр. М.Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Харьков.: Губ. тип., 1900. – 46 с.
- 481 Миловидов, А.И. К 50-летию русской Литвы / А.И. Миловидов. – Вильно: Губ. тип., 1914. – 78 с.
- 482 Миловидов, А.И. Распоряжения и переписка гр. М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Вильно: Губ. тип., 1910. – 38 с.
- 483 Миловидов, А.И. Сборник статей по истории церкви / А.И. Миловидов. – Вильно: тип. А. Сыркина, 1899. – 114 с.
- 484 Миловидов, А.И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений / А.И. Миловидов. – Вильно: Русский почин, 1904. – 39 с.
- 485 Минквявичюс, Я. Религия и церковь в национальной жизни народа / Я. Минквявичюс // Наука и религия. – 1982. – № 12. – С. 31–33.
- 486 Минквявичюс, Я.В. Католицизм и нация / Я.В. Минквявичюс. – М.: Мысль, 1971. – 285 с.

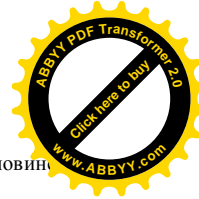
- 440 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 14. – С. 7–8.
441 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 17. – С. 5–6.
442 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 18. – С. 6–7.
443 Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 32. – С. 1–2.
444 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 6. – С. 3–4.
445 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 7. – С. 8–9.
446 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 8. – С. 10–11.
447 Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 14. – С. 4–5.
448 Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 21. – С. 8–9.
449 Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 47. – С. 4–5.
450 Литовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 49. – С. 7–8.
451 Литовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 5. – С. 7–8.
452 Литовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 18. – С. 6–7.
453 Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 22. – С. 4–5.
454 Литовские епархиальные ведомости. – 1892. – № 16. – С. 6–7.
455 Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 51. – С. 9–10.
456 Лиценберг, О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценберг. – Саратов: Поволжская Акад. гос. службы, 2001. – 384 с.
457 Лінднер, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. / Р. Лінднер; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.
458 Лінкевіч, В.М. Канфесіі на Слонімшчыне (другая палова XIX–XX стст.) / В.М. Лінкевіч // Слонімшчыны вычыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы рэгія. гіст.-краязн. канф., прысв. 750-годдзю г. Слоніма і 70-годдзю засн. Слонім. раён-га краязн. музея ім. І.І. Стаброўскага, Слонім, 14–15 мая 2001 г. / Слонім. р-ны вык. кам., Гродзен. абл. і р-ны Савет грамад. аб’яд-ня “Беларус. добраахв. т-ва аховы помнікаў гіст. і к-ры”; склад. Д.С. Аляшкевіч, І.П. Крэнь; пад рэд. І.П. Крэня. – Слонім, 2002. – С. 231–235.
459 Лінкевіч, В.М. Палітыка царскай адміністрацыі на Беларусі ў адносінах каталіцкай канфесіі (апошняя трэць XIX ст.) / В.М. Лінкевіч // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 27–29.
460 Ліцкевіч, А. Старая Беларусь праз прызму новых тэхналогій / А. Ліцкевіч // Спадчына. – 2003. – № 4–5. – С. 122–123.
461 Лозинский, С.Г. История папства / С.Г. Лозинский. – М.: Политиздат, 1986. – 228 с.
462 Лортц, Й. История церкви, рассмотренная с историей людей: в 2 т. / Й. Лортц. – М.: Христианская Россия, 2000. – Т. 2. – 1372 с.
463 Лукша, С.В. Расійскае заканадаўства ў адносінах да каталіцкага касцела на беларускіх землях у 1772 – 1830 гг. / С.В. Лукша, С.П. Барадзін // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 34–38.
464 Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: НКФ Экаперспектыва, 1996. – 453 с.
465 Лыч, Л. Рэлігія і нацыянальная самасвядомасць беларусаў / Л. Лыч // Беларусіка=А Іаruthenіса 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 58–68.
466 Лыч, Л. Шлях беларускага слова ў касцел / Л. Лыч // Роднае слова. – 2000. – № 11. – С. 99–102.

церкви был совершен молебен, на котором присутствовали старший делопроизводитель канцелярии С.П. Белецкий, товарищ прокурора Дембицкий и другие должностные лица. 5 и 13 февраля к Роготненской церкви хотя и собирались прихожане, но богослужений не было, по причине неприбытия духовенства. 2 и 19 февраля богослужения проводились – католики в православной церкви вели себя спокойно [190, л. 154].

Епископ Гродненский и Брестский Михаил назначил к церкви с. Роготны отдельного священника Николая Балицкого, прибывшего утром 24 марта в село. 25 марта он после всенощного бдения совершил литургию. В течение этих двух дней католики вели себя спокойно, при чем ни одного не было видно не только вблизи церкви, но даже и по прилегающим к церкви улицам. Молящихся в первый день присутствовало 317 человек, из которых исповедалось и причащалось 86 [190, л. 170].

Таким образом, проблема была разрешена лишь при активном участии уездного исправника, сумевшего на деле вникнуть в курс происходивших событий. Противодействующей стороной выступала Гродненская православная духовная консистория в лице местного духовенства. Епископ Гродненский и Брестский до последнего момента поддерживал своих подчиненных. Местная администрация в лице губернатора шла на поводу у православного духовенства и решала проблемы в соответствии с устоявшимися традициями. Высшая светская власть в лице министерства внутренних дел была стороной, заинтересованной в успешном разрешении конфликта. Канцелярия главного начальника Северо-Западного края заняла выжидательную позицию: поначалу не проявив должного интереса, она лишь после желания министерства внутренних дел разобраться в проблеме инициировала разбирательство. Прихожане, в значительной массе католики, показали свою полную солидарность в отношении принадлежности храма: главное не церковь или костел, главное – постоянное проведение в храме богослужений.

30 марта 1906 г. Слонимский уездный исправник обратился с ходатайством к губернатору о закрытии Роготненской церковно-приходской школы – поскольку все население Роготно было сплошь католическое, за исключением одного, известного нам, семейства. Вместо нее исправник просил открыть министерское училище. Школу в течение последних 4 лет почти никто из детей учебного возраста не посещал: лишь в 1905/06 учебном году до Рождества Христова училось 3 мальчика. Католики же перестали посещать школу после циркуляра Виленского епископа С. Зверовича 1902 г. Снова начались

разбирательства. На одной стороне был учитель школы с Гродненским епархиальным училищным советом, на другой – Слонимский уездный исправник. Училищный совет доказывал свою правоту статистической информацией: школу посещало в 1902 г. 61 ученик, 1903/04 г. – 74, в 1904/05 г. – 47; что последние ученики, которых совет насчитал 19 человек, покинули школу из-за опасности избияния; что новый священник Белицкий вернет детей в школу [190, л. 169].

Между школьными ведомствами министерства народного просвещения и православного исповедания существовало негласное соглашение, по которому для правильного развития школьной сети в том пункте, где существовала школа одного ведомства, не могла быть открыта школа такого же типа другого ведомства. Поэтому ведомство православного исповедания не соглашалось на открытие одноклассного училища, то есть одинакового типа с церковно-приходской школой в с. Роготно. Слонимский исправник предложил открыть вместо одноклассного училища, предполагавшегося к постройке в д. Санниках, в полутора верстах от с. Роготно, двухклассное училище министерства народного просвещения в с. Роготно, которое, по его мнению, могло бы с успехом заменить своим старшим классом церковно-приходскую школу. Нужда в открытии народного училища была большая: крестьяне деревень Роготно, Яхновщина, Санники, Борки, Шостоки, Огородники, Жезновичи, Новоелки и Пузевичи - исключительно с католическим населением - при каждом удобном случае выражали свое настойчивое требование открыть народное училище [190, л. 181–182].

По мнению исправника, следовало также отделить Яворскую церковь от Роготненского прихода, с целью учреждения отдельного Яворского прихода. Ходатайства крестьян об этом и о назначении в Яворский приход священника, а также о временном совершении свободными от службы священниками Дятловского прихода богослужений в Яворской церкви исправник представил Гродненскому губернатору. Примечателен тот факт, что еще в ноябре 1906 г. уполномоченный от крестьян д. Сочевлян (в одной версте от д. Явор) Роготненской волости православный М.С. Вубновский с целью решения вопроса посетил г. Санкт-Петербург. Поездка была инспирирована крестьянами-католиками из Роготно под руководством помещика и помещицы Добошинских, передавшим православным крестьянам Яворского прихода прошение на высочайшее имя для их подписи. Католики заявили, что берут на себя труд исходатайствовать для Яворских крестьян отдельный самостоятельный православный Яворский приход. Прошение подписали православные крестьяне всех

417 Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В.Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 293 с.

418 Лесік, Я. Культурны стан Беларусі к моманту Лютаўскай рэвалюцыі / Я. Лесік // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху. – Мінск., 1924. – 163 с.

419 Лескинен, М.В. Польша и поляки в российских этнографических очерках конца XIX в. / М.В. Лескинен // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв. ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 119–134.

420 Линкевич, В.Н. Конфессиональная политика царской администрации в Беларуси после поражения восстания 1863–1864 годов (по документам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) / В.Н. Линкевич // Архівы і справаводства. – 2004. – № 2. – С. 101–105.

421 Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси в 60-е годы XIX в. / В.Н. Линкевич // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. ім. Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Педагогіка. Псіхалогія. Правзнаўства. Філалогія. – 2003. – № 1 (18), – С. 12–17.

422 Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Н. Линкевич; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.

423 Линкевич, В.Н. Славянская проблематика во взаимоотношениях православных и католиков в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. / В.Н. Линкевич // Славянский мир на пороге третьего тысячелетия: материалы Междунар. науч. конф., Гомель, 15–16 мая 2001 г. – Гомель, 2001. – С. 89–90.

424 Линкевич, В.Н. Укрепление позиций православной церкви в Беларуси после поражения восстания 1863 года / В.Н. Линкевич // Гісторыя Беларусі: новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск, 2002. – С. 29–34.

425 Липатов, А.В. Польскость и русскость: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа / А.В. Липатов // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре; отв. ред. В.А. Хорев. – М., 2002. – С. 134–156.

426 Липатов, А.В. Россия и Польша: “домашний спор” славян или противостояние менталитетов / А.В. Липатов // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание; сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М., 2000. – С. 17–30.

427 Липранди, Л. Россия и польский вопрос / Л. Липранди. – М., 1901. – 124 с.

428 Литвиненко, Р.С. Польское общественно-политическое движение в Беларуси и Литве и белорусский вопрос: конец XIX в. – нач. XX в. / Р.С. Литвиненко // Гісторыя. Праблемы выкладання. – 1999. – № 2. – С. 18–27.

429 Литвиненко, Р.С. Польское общественно-политическое движение в Литве и Беларуси (к. XIX в. – 1907 г.): автореф. ... дис. канд. ист. наук.: 07.00.02 / Р.С. Литвиненко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 24 с.

430 Литовские епархиальные ведомости. – 1868. – № 9. – С. 5–6.

431 Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 22. – С. 7–8

432 Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 35. – С. 5–6.

433 Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 6. – С. 2–3.

434 Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 46. – С. 8–9.

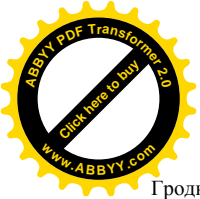
435 Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – № 10. – С. 5–6.

436 Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – № 18. – С. 5–6.

437 Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 2. – С. 7.

438 Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 7. – С. 6–7.

439 Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 35. – С. 8–9.

- 395 Корчинский, И.В. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX столетии / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 131 с.
- 396 Корчинский, И.В. Православный Софийский собор в г. Гродно / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1907. – 230 с.
- 397 Котович, И. Наши переговоры с Папой / И. Котович // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 9. – С. 8.
- 398 Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. – СПб: тип. А.С. Суворина, 1864. – 340 с.
- 399 Коялович, М.О. Вероисповедные обращения и совращения в Западной России / М.О. Коялович // Церковный вестник. – 1881. – № 19. – С. 130–132.
- 400 Коялович, М.О. Вопрос о примирении с поляками / М.О. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1879. – № 50. – С. 24–41.
- 401 Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович: тип. А.С. Суворина. – СПб., 1873. – 680 с.
- 402 Коялович, М.О. Свислочская смута / М.О. Коялович // Церковный вестник. – 1890. – № 48. – С. 6–10.
- 403 Коялович, М.О. Состояние храмов божьих в Западной России и благоустройство их средствами от правительства и частными пожертвованиями из России / М.О. Коялович. – М.: тип. А.С. Суворина, 1862. – 58 с.
- 404 Коялович, М.О. Старое и новое понимание латинства / М.О. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 17. – С. 22–26.
- 405 Красников, Н.П. Русское православие, государство и культура / Н.П. Красников. – М.: Знание, 1989. – 62 с.
- 406 Крачковский, Ю.Ф. Иван Петрович Корнилов / Ю.Ф. Крачковский // Сборник статей “Z”. – С. 264–280.
- 407 Крестьянское дело в Гродненской губернии. Свод заключений по вопросам, рассмотренных совещанием предводителей дворянства и мировых посредников в 1899 году. – Гродно: Губ. тип., 1900. – 68 с.
- 408 Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А.А. Круглов. – Минск: Беларусь, 1989. – 367 с.
- 409 Кручковский, Т.Т. Поляки на Беларуси на фоне истории и современности / Т.Т. Кручковский. – Слоним: Слоним. тип., 2003. – 272 с.
- 410 Крысов, А. Кардиналы папы Льва XIII / А. Крысов // Покров. – 2001. – № 12. – С. 19–34.
- 411 Кузнецов, Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии / Н.Д. Кузнецов. – Ярославль, 1898. – 375 с.
- 412 Кулагин, А.Н. Архитектура и искусство рококо в Белоруссии / А.Н. Кулагин. – Минск.: Наука и техника, 1989. – 240 с.
- 413 Куль-Сяльверстава, С. Паміж Польшчаю і Расеяй: моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII – XIX ст. / С. Куль-Сяльверстава // Беларусіка = Albaruthenica 5; Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзы: у 2 ч. / Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. Ул. Конан [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 132–143.
- 414 Куров, М.Н. Революция 1905 – 1907 гг. и кризис политики царизма в религиозном вопросе / М.Н. Куров // Вопросы научного атеизма: сб. ст.; редкол.: А.Ф. Окулов (отв. ред) [и др.]. – М., 1976. – Вып. 19. – С. 169–178.
- 415 Лакотка, А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А.І. Лакотка. – Мінск: Ураджай, 1998. – 366 с.
- 416 Ластоўскі, В. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 126 с.

близлежащих деревень: Явор, Сочевляны и др. Финансовое обеспечение поездки взял на себя Добошинский, выделив 60 рублей М.С. Вубновскому. Департамент общих дел отклонил прошение, заявив, что с подобным ходатайством православные прихожане Яворского прихода должны обратиться самостоятельно: без участия и посредничества католиков [190, л. 188–189].

Можно предположить, что прошение было тактическим ходом помещика-католика: понимая, что бывший костел в с. Роготно не отдадут католикам, он решил создать видимость его ненужности для православных. В прошении на высочайшее имя содержались следующие слова: «Нам Роготненская церковь не нужна, да и две церкви в одном малом приходе для нас обременительны... Православному священнику в Роготно делать нечего». Так в данном случае совпали интересы помещика-католика и православных, желавших, помимо церкви в с. Роготно, иметь церковь в с. Явор. Всем деревням Роготненского православного прихода было наполовину ближе к с. Явор, чем к с. Роготно: самые отдаленные от Явора православные селения находились в 4–5 верстах, в то время как от с. Роготно – в 8–9 верстах. В с. Явор имелось 54 десятины вполне пригодной для хозяйства причтовой земли для священника, и православных насчитывалось около 1 000 человек, а при Роготненской церкви – 30 десятин причтовой земли и 700 православных прихожан. Если бы отделили одно или два селения от соседнего Горецкого прихода и присоединили к Роготненскому приходу, то в последнем стало бы свыше 1000 человек прихожан и столько же осталось в Горецком приходе, причем расстояние от отдаленных пунктов прихода до Роготненской церкви сравнялось бы с предполагавшим Яворским приходом, то есть 4–5 верст. Действия эти затронули интересы священника Роготненской церкви, не желавшего ходатайствовать с этим вопросом перед Гродненским епископом. Крестьяне с. Явор, не стесняясь, указывали на материальную незаинтересованность священника. Неоднократно Слонимскому уездному исправнику приходилось слышать грамогласные суждения крестьян: «Какие мы православные, когда нет где не только молиться, но даже не знаем, как молиться... Священника не видим, да и друг к другу относимся как враги, а об исповеди и понятия многие не имеют... Если на нас, православных, никто не обратит внимания и отнесется к нашей просьбе безразлично, то мы все от стара до велика перейдем в католичество» (январь 1907 г. – А. Г.). В свою очередь, открытие православной церкви в с. Явор давало помещику Добшинскому возможность уповать на передачу православной церкви в с. Роготно

католикам, «как было испокон веков» (слова взяты из переписки с уездным исправником) [190, л. 183–184]. На самом деле Роготненская церковь являлась таковой с момента постройки. Затем храм обратили в униатскую церковь, перед восстанием 1863 г. – в костел, а в 1865 г. – передали в ведение православного духовенства [190, л. 27].

Священник Роготненской церкви Балицкий обвинил католиков в желании отнять храм для костела, а причтовые земли для ксендза. В донесениях к Гродненскому губернатору он указывал на специально нанятого помещиком Добшинским адвоката в г. Санкт-Петербурге. Расследованием подтвердилось лишь финансирование им пребывания по несколько месяцев депутатов-крестьян, католиков и православных, в городе. Мы же подобную практику не отрицаем, так как малограмотные крестьяне навряд ли могли пробиться к столь высоко поставленным чиновникам [190, л. 185].

Исход дела оказался неутешителен как для православных, так и для католиков: Совет министров отказал в ходатайстве. В дальнейшем крестьяне не оставили своих попыток исполнить намеченное, адресуя ходатайства в различные инстанции [190, л. 185].

В январе 1908 г. поступил очередной донос от имени О. Шейбака, что Роготненский волостной старшина О. Станкевич агитирует крестьян-католиков к закрытию и отнятию Роготненской православной церкви с целью передачи ее католикам. Следствие снова подтвердило, что Роготненский волостной судья О. Шейбак прошения не подавал, про закрытие ничего не знал, подпись подделана, а волостной старшина О. Станкевич не только не агитировал к закрытию церкви, но, наоборот, оказывал полное содействие чинам полиции в умиротворении этого вопроса. Это подтвердил местный священник отец Н. Балицкий и псаломщик Ю. Симокович [190, л. 199–200].

Прошение на разрешение строительства костела в местечке Деречин Слонимского уезда от крестьян Деречинской, Староверской и Курилловичской волости было подано 4 августа 1904 г. одновременно и на высочайшее имя, и на имя Гродненского губернатора. При чем крестьяне не скрывали этого факта: утаивать было бессмысленно, так как вся переписка шла через канцелярию Виленского генерал-губернатора. Крестьяне просили в телеграмме на имя императора разрешения на восстановление в м. Деречин приходского костела на месте сгоревшего в 1866 г. и наименования его храмом в память рождения государя наследника цесаревича Алексея Николаевича.

Были подняты более ранние ходатайства о разрешении строительства костела. Подобное ходатайство поступило 21 июля 1900 г. (сельский приговор прихожан бывшего Деречинского римско-

374 Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Е.С. Прокошина, К.К. Койта, Т.П. Короткая [и др.]; под ред. А.С. Майхровича, Е.С. Прокошиной. – Минск: Наука и техника, 1987. – 238 с.

375 Католицизм в СССР и современность: материалы науч. конф., Шауляй, 17–18 дек. 1969 г. / Вилен. гос. ун-т; отв. ред. Г. Аничас. – Вильнюс, 1971. – 416 с.

376 Католицизм: Словарь атеиста / редкол.: Л.П. Андропова [и др.]. – М.: Политиздат, 1991. – 319 с.

377 Католическая церковь в архиве Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД / отв. ред. М.С. Радван, А.Р. Соколов. – СПб.: Наука РАН, 2000–2001. – 359 с.

378 Католическая церковь накануне революции 1917 года: сб. док. / сост. и отв. ред. М. Радван. – Люблин: Науч. общ-во Католического ун-та в Люблине, 2003. – 673 с.

379 Католическая энциклопедия. – М.: изд. Францисканцев, 2002–2005. – Т. 1–2.

380 Киприанович, Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до начала нашего времени / Г.Я. Киприанович. – Вильно: Губ. тип., 1895. – 296 с.

381 Киприанович, Г.Я. К истории женского образования в Западной России: историческая записка ко дню 50-тилетия Виленской, Гродненской и Ковенской гимназий (1860–1910 гг.) / Г.Я. Киприанович. – Вильно: Губ. тип., 1910. – 57 с.

382 Кириллов, М.К. Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и в начале XX в. (1860–1907) / М.К. Кириллов // Из истории школы Белоруссии и Литвы; отв. ред. член-корреспондент АПН РСФСР В.З. Смирнов. – М.: Просвещение, 1964. – С. 314–336.

383 Кирюшин, П.М. Ватикан на службе реакции / П.М. Кирюшин. – Минск: АН БССР, 1950. – 168 с.

384 Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / сост. О.Б. Чаплицкий, И. Осипова. – М.: Серебряные нити, 2000. – 832 с.

385 Константинов, Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года / Н.А. Константинов. – М.: Учпедгиз, 1956. – 247 с.

386 Копии циркуляров МВД по духовным вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1842.

387 Копия отчета губернатора о состоянии губернии за 1894 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 285.

388 Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X в. – 1981 г. / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1984. – 255 с.

389 Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1901. – 504 с.

390 Корнилов, И. Стоит ли вводить русский язык в костелы западных губерний / И. Корнилов. – СПб., 1897.

391 Коровин, Е.А. Католицизм как фактор современной мировой политики / Е.А. Коровин. – Москва – Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1931. – 214 с.

392 Корчинский, И.В. Краткий исторический очерк православия в границах теперешней Гродненской губернии и житие св. преподобного мученика Афанасия (Филиповича) / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 199 с.

393 Корчинский, И.В. Два слова к церковно-строительному делу / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1903. – 17 с.

394 Корчинский, И.В. Древняя Каложская церковь во имя святых Бориса и Глеба в г. Гродно / И.В. Корчинский. – Гродно: Губ. тип., 1908. – 24 с.

- 350 Знаменский, П.В. История Русской церкви / П.В. Знаменский. – М., 1996. – 468 с.
- 351 Зыбин, В.А. М.Н. Муравьев в Вильне / В.А. Зыбин // Русская старина. – 1898. – № 11. – С. 67–85.
- 352 Из записок Ивана Акимовича Никотина. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 347 с.
- 353 Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (к. XVIII – 70 годы XIX в.). – М., 1995. – 306 с.
- 354 Из истории школы Белоруссии и Литвы / отв. ред. член-корреспондент АПН РСФСР В.З. Смирнов. – М.: Просвещение, 1964. – 479 с.
- 355 Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. – М.: АН СССР, 1989. – 293 с.
- 356 Измestьев, Г.П. Михаил Никифорович Катков / Г.П. Измestьев // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 71–92.
- 357 Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания / Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. – Саратов: Надежда. – 1995. – 334 с.
- 358 Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802 – 1902 / сост. С.В. Рождественский. – СПб.: изд. мин-ва нар. проsv., 1902. – 893 с.
- 359 Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Минск: Экономпресс, 2006. – 416 с.
- 360 История XIX века (Западная Европа и Внеевропейские государства) / под ред. проф. Лависа и Рамбо. – СПб.: изд. тов-ва «Бр. А. и И. Гранати и К^о», 1907. – 357 с.
- 361 История Белорусской ССР: в 2 т. / под ред. И.М. Игнатенко, Н.В. Каменской, И.С. Кравченко [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1977. – Т. 1. – 632 с.
- 362 История Белорусской ССР: в 2 т. / под ред. Л.С. Абецдарского, В.Н. Перцева, К.И. Шабуня. – Минск: АН БССР, 1961. – Т. 1. – 656 с.
- 363 История искусства Белоруссии: в 6 т. – Минск, 1985. Т. 3. – 350 с.
- 364 История Римско-Католической Церкви в Российской империи (XVIII–XX вв.) в документах Российского государственного исторического архива / гл. ред. кс. К. Пожарский. – СПб–Варшава: Наука, 1999. – 250 с.
- 365 История России в XIX веке. – СПб.: изд. Б.Г. Гранат, 1907. – Т. 1. – 326 с.
- 366 Игнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя / У. Игнатоўскі. – Мінск: БДВ, 1928. – 251 с.
- 367 Казаченок, О.А. Ликвидация Минской римско-католической епархии в отношениях Российской империи и Святого Престола: вторая половина XIX – начало XX вв. / О.А. Казаченок // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Минск: Экономпресс, 2006. – 416 с. – С. 182–196.
- 368 Канторович, Я.А. Законы о вере и веротерпимости / Я.А. Канторович. – СПб.: изд. Я.А. Канторовича, 1899. – 272 с.
- 369 Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX стст.) / В.В.Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск.: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
- 370 Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-Йорк: выд. Беларус. Цэнтр. Рады, 1956. – 189 с.
- 371 Каталіцкія храмы на Беларусі: энцыкл. давед. / склад. А.М. Кулагін; маст. І.І. Бокі. – Мінск: БелЭн, 2001. – 216 с.
- 372 Катков, М.Н.. О русском языке в католическом богослужении / М.Н. Катков // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – Вып. 1. – С. 228–237.
- 373 Католицизм без маски. Блокнот агитатора: сб. ст. / под ред. А.И. Залеского. – Минск, 1960. – 163 с.

католического прихода датирован датой 17 октября 1899 г.) на имя Виленского генерал-губернатора Троцкого, но было отложено по причине сомнения в платежеспособности местной землевладелицы Елены Полубинской, изъявившей желание принять участие в расходах по возведению названного костела, несмотря на предъявление ею удостоверения коммерческого банка г. Варшавы о хранении принадлежащего ей капитала в 8 000 руб. 15 декабря 1904 г. вновь поступило ходатайство на имя Виленского генерал-губернатора [528, л. 14, 21, 23–24].

Ходатайствовали о строительстве жители 16 деревень. Блилежащий костел находился в г. Слониме на расстоянии 33 верст от м. Деречина, а от других двух волостей – 40 верст. Причины ходатайства были указаны следующие: дети не могли целыми месяцами получить св. крещение, а слабые умирали без него; больные оставались без духовного утешения, а умирающие без покаяния и напутствия; взросление детей без наставления в догматах веры, без поучения в правилах христианской нравственности; невозможность посещения приходским священником и викарием г. Слонима м. Деречин вследствие дальнего расстояния, отсутствия железной дороги, отсутствия места отправления богослужения; весенние и осенние половодья разрушают путевое сообщение; увеличение нужды в религиозных потребностях в связи с ростом населения.

В случае разрешения постройки сельским приговором крестьяне-католики обязывались предоставить места для постройки костела, помещения для священника из общественного выгона, необходимую сумму на строительство в 13 029 руб., обещали содержать священника за свои средства. Из представленного ходатайства видно, что 226 крестьян-домохозяев местечка и 16 деревень Деречинского римско-католического прихода жертвовали 6 092 руб. и, согласно заявлению всех прихожан, более 3 000 человек выразили готовность уплачивать в течение первых двух лет по 1 руб. и в третий год по 50 коп. с души, что в сумме составило 7 500 руб. Общая смета в 13 592 руб. с избытком погашала всю необходимую для постройки сумму [528, л. 38].

22 февраля 1905 г. телеграмма была передана на рассмотрение министерством внутренних дел Виленскому генерал-губернатору, по заключению которого 2 июня 1905 г. было признано возможным разрешить возведение костела под руководством местного строительного комитета, с обязательством внесения Е. Полубинской, согласно данному ею обещанию, необходимой суммы к жертвуемым

крестьянами 6 000 руб. в депозит Виленской римско-католической духовной консистории [528, л. 36].

8 августа 1906 г. поступило прошение крестьян о возвращении им оставшейся части сгоревшего в 1866 г. Деречинского костела и принадлежавшей ему земли. Но 6 октября 1909 г. прозвучал от Совета министров отказ: уцелевшая от пожара часть здания была приспособлена к размещению 117 пехотного Ярославского полка, а участок земли принадлежал уже православному ведомству [528, л. 63, 74].

К сентябрю 1908 г. строительство Деречинского костела еще не было начато. Прихожанами была приобретена площадка размером 1,5 десятины, заготовлен и обтесан камень для фундамента, цемент, лесной материал, построен был жилой дом для ксендза и организатора с холодными постройками – на все это прихожане израсходовали 5 783 руб. 54 коп. 27 мая 1908 г. уполномоченные от крестьян И. Лукашевич и А. Синкевич ходатайствовали о выдаче им правительством субсидии на постройку костела. Гродненский губернатор был категорически против этого, ведь ранее они заявляли о строительстве на сумму 14 317 руб. 24 коп., в счет которой Е. Полубинская пожертвовала 8 000 руб., за собственные средства. По заверению губернатора, прихожане, которых насчитывалось около 1 000 человек и сами могли пополнить остальную сумму взноса. Кроме того, в Гродненской губернии очень многие православные церкви нуждались, по причине бедности населения, в пособии гораздо большем, чем строившийся костел в м. Деречин, но за недостатком средств последнего не получали. 6 апреля 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий отклонил ходатайство о денежном пособии [528, л. 68–70].

В июне 1909 г. министерство внутренних дел внесло на рассмотрение Государственной Думы в предстоящую осеннюю сессию законопроект о введении земских учреждений в девяти западных губерниях. Причем для выяснения вопроса о числе лиц и учреждений, имеющих право участвовать в проектируемых земских избирательных собраниях, на Виленского генерал-губернатора была возложена обязанность собрать и представить в министерство внутренних дел проверенные сведения обо всех земельных владениях, расположенных в вверенных ему губерниях, не исключая земель, принадлежавших церквям и монастырям римско-католического исповедания, с распределением земель по волостям, ввиду предложенного указанным законопроектom избрания определенной части уездных земских гласных волостными собраниями, как представителями всесословной волости. Вследствие изложенного всем настоятелям были

331 Жытко, А.П. Становішча дваран-каталікоў Беларусі 1861 – 1914 гг. / А.П. Жытко // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 16–18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – С. 151–156.

332 Забаўскі, М. Нацыянальна-рэлігійная палітыка царызма, урадавых партый і арганізацый на Беларусі (к. XIX–XX стст.) / М. Забаўскі // Культурна-нацыянальныя працэсы на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: зб. навук. пр. / Беларус. дзярж. ун-т; пад рэд. М. Забаўскага, І. Канапацкага. – Мінск, 1998. – С. 125–145.

333 Завальнюк, Ул. Каталіцкі касцел у Беларусі / Ул. Завальнюк // Беларус. гіст. часоп. – 2000. – № 4. – С. 37–44.

334 Задворный, В. История Католической Церкви в России / В. Задворный, А. Юдин. – М.: изд. кол. теол. им. св. Ф. Аквинского, 1995. – 32 с.

335 Задворный, В.Л. История христианства в России / В.Л. Задворный. – М.: изд. кол. теол. им. св. Ф. Аквинского, 1993. – 67 с.

336 Зайкоўскі, Э. Роля канфесійнага фактару ў нацыянальнай свядомасці беларусаў / Э. Зайкоўскі // Беларусіка=A Ibaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 263–271.

337 Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М., Мысль, 1978. – 276 с.

338 Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М., 1973. – 232 с.

339 Законодательные акты переходного времени. 1904 – 1908 гг. – СПб, 1909. – 307 с.

340 Закржевский, А. Польша (статистическо-этнографический очерк) / А. Закржевский. – Киев, 1916. – 114 с.

341 Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 608 с.

342 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1984. – 547 с.

343 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 487 с.

344 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 513 с.

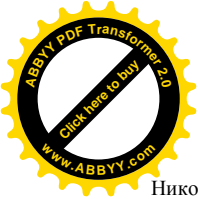
345 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1986. – 584 с.

346 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1986. – 526 с.

347 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1987. – Кн. 1. – 469 с.

348 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць: у 2 кн. / АН БССР, Ін-т мастацтв., этнагр. і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1987. – Кн. 2. – 456 с.

349 Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 208 с.

- 311 Документы и материалы по истории Белоруссии / под ред. Н.М. Никольского. – Минск: Госполитиздат, 1940. – Т. 2. – 423 с.
- 312 Документы к польскому заговору. – Вильна: Губ. тип., 1866. – 84 с.
- 313 Документы, относящиеся к истории францисканского ордена в России, Белоруссии, Литве и Украине (к. XVIII – нач. XX в.) в фондах российского государственного исторического архива / сост. С.Г. Козлов. – М.: изд. Францисканцев, 2003. – 435 с.
- 314 Донесения начальника Минского губернского жандармского управления // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2181.
- 315 Донских, С.В. Проблема национальной идентификации братьев Ивановских в контексте этнических процессов в Западной Беларуси на рубеже XIX – XX вв. / С.В. Донских // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў захонім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспуб. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / Гродз. дзярж. ун-т ім. Я. Купалы; пад рэд. І.П. Крэня. – Гродна, 1998. – С. 190–195.
- 316 Дополнительная записка членов Государственного Совета Мейштовича, Скирмунта и Лагацинского о положении поляков в Западном крае // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее сведения отсутствуют).
- 317 Дополнительный лист к памятной книжке Виленской губернии. – Вильна, 1865.
- 318 Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1994. – 509 с.
- 319 Еленев, Ф. Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь / Ф. Еленев. – СПб.: тип. Безобразова, 1863. – 83 с.
- 320 Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дзяццэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2002. – № 4. – С. 16–26.
- 321 Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дзяццэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2003. – № 1. – С. 46–51.
- 322 Ельскі, А. Нарыс па гісторыі Мінскай дзяццэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2003. – № 4. – С. 47–53.
- 323 Ершова, О.И. Инспекция народных училищ и формирование системы начального образования в Виленском учебном округе (вторая половина XIX в.) / О.И. Ершова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 2002. – № 2. – С. 22–26.
- 324 Ершова, О.И. Национальная политика и становление начального образования в Виленском учебном округе в 60–70-е гг. XIX в. / О.И. Ершова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 2002. – № 3. – С. 12–15.
- 325 Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 1. – 669 с.
- 326 Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 2. – 684 с.
- 327 Житко, А. Национальный состав дворянства Белоруссии по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / А. Житко // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: тэзісы дакладаў і паведамленняў. – Мінск, 1993. – Ч. 1. – С. 127–131.
- 328 Жукович, П.Н. О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России / П.Н. Жукович. – СПб.: печ. С.П. Яковлева, 1895. – 53 с.
- 329 Жытко, А.П. Адукацыйны ўзровень дваранства Беларусі ў канцы XIX ст. / А.П. Жытко, В.М. Фамш // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. – 1996. – № 3. – С. 56–62.
- 330 Жытко, А.П. Колькасны склад дваранства Беларусі 1861 – 1914 гг. / А.П. Жытко // Пытанні гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі. – Мінск, 1997. – С. 62–68.

препровождены ведомости для сообщения сведений относительно церковных и монастырских земель. В ведомостях должны быть показаны общие волостные итоги всех отдельных земельных владений, принадлежавших церквям и монастырям римско-католического исповедания и расположенных в черте каждой волости, вне черты городов. Причем под отдельными земельными владениями понималась совокупность всех земель, принадлежащих в пределах волости одной и той же церкви или монастырю. Если же владение выходило за пределы данной волости или уезда, будучи расположенным в нескольких волостях или уездах, то оно показывалось в ведомости по той волости и уезду, в котором находилась владеющая им церковь или монастырь. В случае если же церковь или монастырь находились в городе, то принадлежащие им земли, расположенные в нескольких волостях или уездах, показывались по тому уезду и волости, в которых располагалась большая часть владения. Ведомости эти в Виленской епархии обязывалась передать Виленская римско-католическая духовная консистория члену Виленского губернского присутствия действительному статскому советнику Ф.А. Иванову не позднее 1 июля 1909 г. [817, л. 15].

Уполномоченный от прихожан упраздненного костела в д. Шудялов Островской волости Сокольского уезда О.К. Малишевский обратился в начале июня 1905 г. с ходатайством к Гродненскому губернатору о разрешении построить в деревне костел. В качестве причин, побудивших на этот поступок, указывались следующие: существование костела и прихода с незапамятных времен; непрерывное совершение по римско-католическому обряду богослужений; значительное количество населенных деревень, ранее входивших в приход (по подсчетам земского начальника католиков в них насчитывалось около 2 900 человек); восстановление, по мере разрушения, костела всей паствой под руководством ксендза; закрытие костела только под предлогом восстания 1863 г. (костел был закрыт 30 мая 1866 г. по причине «совращения православных в католицизм»); нужда в преподавании духовных треб, по причине большого расстояния до ближайшего костела – 15 верст; плохое дорожное сообщение, в особенности при разливах рек (как следствие, неполучение младенцами в течение долгого периода времени святого крещения, многие умирали некрещеными, трупы некоторых усопших оставались по нескольку дней не преданными земле на надлежащем кладбище, многие прихожане умирали без предсмертной исповеди); увеличение численности населения (31 деревня входила в состав бывшего прихода); желание и готовность прихожан на крестьянской

земле построить деревянный приходской храм; дарованная императором 17 апреля 1905 г. возможность сооружать в девяти западных губерниях римско-католические храмы; наличие архиепископского благоволения [817, л. 14–15, 18]. Дело передали 14 июня 1905 г. на расследование земскому начальнику 1 участка Сокольского уезда и епископу Гродненскому и Брестскому. Земской начальник указал на большое число католиков – около 2 900 душ. [188, л. 4].

Епископ Гродненский и Брестский 14 июля 1905 г. заверил губернатора, что ходатайство написано по собственному побуждению О.К. Малишевского и к признанию его уполномоченным нет основания. Подтверждением этому, по мнению епископа, служило то обстоятельство, что бывшие прихожане упраздненного Шудяловского костела вносили деньги на сооружение нового приходского костела в м. Кринках. Поэтому ходатайство О.К. Малишевского вызвало у епископа удивление, как необоснованное и претендующее на признание единоличного его желания общим решением всех бывших прихожан упраздненного Шудяловского костела. Епископ выразил полную уверенность, что ходатайство не оправдывалось действительной потребностью, так как Кринский костел, в состав прихода которого входила и д. Шудялово, отстоял от деревни лишь в 5 верстах, при вполне удобном пути сообщения – шоссе на дороге. Этих доводов епископу казалось достаточно, чтобы признать отсутствие затруднений в удовлетворении религиозных потребностей римско-католического населения д. Шудялово. Епископ также был уверен и в том, что ходатайство возбуждено с целью противодействия недавно образованному Шудяловскому православному приходу и рассчитано на возвращение обращенного в православную церковь костела и церковного погоста [188, л. 9–10].

Утверждение епископа о единоличности ходатайства следует признать недостоверным, так как сбор средств был произведен несколькими сельскими обществами одновременно со сбором на Кринский костел: на храм в д. Шудялово Шудяловское сельское общество жертвовало 1 700 рублей, Козловское – 950 рублей, Слойковское – 950 рублей, Баратынское – 1 350 рублей. К 12 сентября 1905 г. крестьяне собрали 5 232 рубля 62 копейки [188, л. 10, 17]. 23 июля 1905 г. Виленский римско-католический епископ также заверил Гродненского губернатора, что ходатайство поступило от прихожан упраздненного в 1863 г. Шудяловского костела, представив ему список местностей бывшего римско-католического прихода [188, л. 13].

288 Дело по жалобе прихожан Рудского костела на вымогательство высокой платы за совершение духовных обрядов ксендзом Монкевичем // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 633.

289 Дело по обвинению Бобруйского декана Олехновича в отказе исполнять службу на русском языке // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5439.

290 Дело по обвинению епископа Войткевича в антиправительственных действиях // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1921.

291 Дело по обвинению ксендза Герачинского в антиправительственных действиях // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5724.

292 Дело по обвинению ксендза Далецкого за польский язык // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 6210.

293 Дело по обвинению ксендзов в уклонении от русского языка // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3524.

294 Дело по обвинению Люцинского ксендза в антиправительственных действиях // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 35064.

295 Дело по прошению постройки костела в деревне Шудялово Сокольского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1060.

296 Дело по прошению администратора Гродненского по-бернардинского костела ксендза Бронислава Заусцинского об увольнении от этой должности // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1059.

297 Дело по прошению графа Коссаковского о разрешении постройки костела в местечке Великой Берестовице Гродненского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 936.

298 Дело по прошению крестьян о разрешении им постановки крестов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 932.

299 Дело по прошению ксендзов о предоставлении им отпусков // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2253.

300 Дело по прошению ксендзов о предоставлении им отпусков с правом выезда в другие города // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1795.

301 Дело по прошению ксендзов о разрешении им отпусков с выездом из пределов губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2462.

302 Дело по прошению ксендзов о разрешении им отпусков с выездом из пределов губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2600.

303 Дело по прошению прихожан Долистовского костела о разрешении им крестного хода // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 20.

304 Дело по прошению разных лиц о разрешении им разносной торговли книгами // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1754.

305 Дело по прошению разных лиц о разрешении им установки крестов на дорогах // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1132.

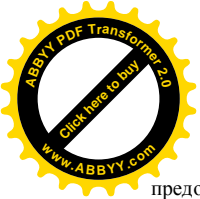
306 Дело по ходатайству о разрешении капитального ремонта Юхновецкого костела // НИАБ в г. Гродно // Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1014.

307 Дело по ходатайству о разрешении Павлу Петровскому построить римско-католическую церковь в им. Перховичи // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1017.

308 Дзянісаў, Ул. Малавядомыя старонкі з гісторыі Мінскай дыяцэзіі / Ул. Дзянісаў // Наша вера. – 2003. – № 4. – С. 57–64.

309 Диакон Герман Иванов. Ватикан и Россия. Доклад, прочитанный на 24-м съезде Русской Православной Молодежи в год тысячелетия Крещения Руси / Диакон Герман Иванов. – Монреаль, 1989. – 17 с.

310 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / под ред. В.Н. Перцева. – Минск: АН БССР, 1953. – Т. 3. – 378 с.

- 267 Дело об установлении правил при постройке костелов, каплиц и о мерах предотвращения перехода из православия в латинство // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 434.
- 268 Дело о незаконном обучении детей польской грамоте мешанкой местечка Семятичи Бельского уезда Брайбишевой Агнешкой // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 404.
- 269 Дело о незаконном обучении детей польской грамоте наставником Потокского училища Рублевским Сидором // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 73.
- 270 Дело о перенесении колокола из католического костела в православную церковь в им. Малая Берестовица Гродненского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 53.
- 271 Дело о передаче колоколов упраздненного католического костела православной церкви в с. Роговка Бельского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 115.
- 272 Дело о перестройке каплицы в православную церковь в деревне Рудня Слонимского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 108.
- 273 Дело о перестройки католических костелов в православные церкви в им. Междулесье и местечке Малая Наревка в Пружанском уезде // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 151.
- 274 Дело о перестройке католических костелов в православные церкви в Кобринском уезде // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 153.
- 275 Дело о перестройке католических костелов в православные церкви в местечке Роготно, с. Рендилово, с. Скруиндиновка Слонимского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 152.
- 276 Дело о перестройке католического костела в православную церковь в г. Пружаны // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 153.
- 277 Дело о перестройке католического костела в православную церковь в им. Верейки Волковысского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 104.
- 278 Дело о перестройке католического костела в православную церковь в им. Луконица Слонимского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 147.
- 279 Дело о перестройке католического костела в православную церковь в им. Янополь Белостокского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 102.
- 280 Дело о перестройке католического костела при гимназии в православную церковь в г. Гродно // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 106.
- 281 Дело о перестройке католической каплицы в православную церковь в деревне Пригодичи Гродненского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 105.
- 282 Дело о перестройке католической каплицы в православную церковь в им. Рудова Гродненского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 103.
- 283 Дело о перестройке католической каплицы в православную церковь в с. Хлевище Брестского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 43.
- 284 Дело о перестройке костела в православную церковь в с. Бездеж Кобринского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 44.
- 285 Дело о постройке в селе Лубине Бельского уезда каменного костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1015.
- 286 Дело по жалобам населения на введение русского языка в римско-католическое богослужение // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 287.
- 287 Дело по жалобе откупщиков чарочного сбора Клуге Карла и Дериптского на образование «Общества трезвости» католическими священниками // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 13. – Д. 1042.

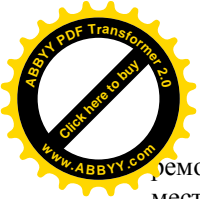
Деревня Шудялово находилась на границе Островского, Самогрудского, Юровлянского православных приходов и поэтому, по мнению епископа Гродненского и Брестского, представляла удобный пункт для католической пропаганды. Епископ не сомневался, что костел привлечет православных, удаленных от приходских церквей и не окрепших в православной вере: «Православные будут ходить в костел как потому, что он будет ближе церкви, так и потому, что католики, нафанатизированные ксендзом, будут склонять их к посещению костела под предлогом единства веры» [188, л. 18]. В марте 1902 г. министр внутренних дел Сипягин уже отклонял ходатайство о разрешении постройки каменной часовни в д. Шудялово [188, л. 19].

14 февраля 1906 г. министерство внутренних дел разрешило строительство костела. Возведение деревянного храма было окончено в 1907 г. В 1909 г. крестьяне пожертвовали под костел, причтовые строения и кладбище 12 489 квадратных сажень земли, что в среднем на одного человека приходилось по 1 107 квадратных сажень [188, л. 38].

Крестьяне д. Новинки Сокольского уезда по бедности своей, не имея возможности уплачивать сбор, который требовался при строительстве в 1906 г. Шудяловского костела, взамен предоставили во временное пользование ксендза часть своей земли: полоса болотистого луга. Позже и вовсе пожертвовали ее в вечное владение костела. Прихожане общими силами осушили луг. Благодаря мелиорации качество малоценного луга значительно возросло. Шестеро из ранее даривших крестьян 6 июля 1911 г. составили акт об отказе от пожертвования, вызвав тем самым осуждение не только настоятеля, но и паствы – трое от акта отказались. 18 февраля 1912 г. Департамент духовных дел удовлетворил просьбу, отклонив ходатайство о принятии в пользу Шудяловского костела, принадлежавшего крестьянам д. Новинки Сокольского уезда, участка земли в 1 440 квадратных сажень [188, л. 85].

Циркуляром министерства внутренних дел от 20 сентября 1911 г. сбор добровольных пожертвований разрешался лишь министерством внутренних дел [188, л. 89]. Власти хотя и пресекали подобные добровольные сборы, но реально повлиять на ситуацию не могли: прекращался лишь официальный учет в шнуровой книге консисторий поступавших денежных сумм, а на местах процесс продолжался.

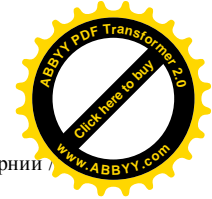
Согласно шнуровой книге, крестьяне деревень, причисленных к Шудяловскому костелу, собрали на постройку 5 136 рубля 94 копейки, а без занесения в книгу – еще 431 рубля 59 копеек (на обновление алтаря). В 1910 г. производился сбор в 3 000 рублей на

ремонт костела и постройку при нем дома для ксендза, который местные власти отменили, но работы велись [188, л. 89].

22 декабря 1904 г. жители колонии Незбудка-Михалово в количестве 130 человек обратились к Гродненскому губернатору с прошением о разрешении по случаю рождения наследника цесаревича построить в фабричной колонии римско-католическую часовню. Названная колония располагалась в Заблудовском приходе Белостокского уезда и находилась от ближайшего Наревского костела в 16 верстах и от Заблудовского – в 19 верстах, ввиду чего встречались затруднения в требоисполнении жителями колонии [651, л. 3, 8].

На основании 247 ст. т. XII Устава строительного губернатор запросил заключение православного епископа Гродненского и Брестского Никанора по приведенному ходатайству, а также о количестве православных церквей, находившихся вблизи колонии, с указанием их расстояния. Колония Незбудка-Михалово располагалась вблизи нескольких православных церквей: Нововольской – в 4 верстах, Тополянской – в 4 верстах, Городокской – в 6 верстах, Заблудовской – в 16 верстах и Наревской – в 12 верстах. Колония населена была преимущественно немцами-лютеранами (746 человек), евреями и фабричными рабочими местных обществ преимущественно православного вероисповедания. Рабочие православного вероисповедания исполняли все духовные требы в Нововольской церкви. Рабочие римско-католического вероисповедания считались прихожанами Заблудовского костела, в котором и исполняли свои духовные требы. По мнению епископа, если православное население колонии численностью в 528 человек (Белостокский уездный исправник указал на цифру в 750 человек) обходилось без устройства на месте православной церкви, то и просители римско-католики в числе 130 человек (по сведениям исправника – 450 человек) легко могли обходиться без устройства в колонии римско-католической часовни. В случае строительства последней в колонии, в пункте еженедельного (понедельник, четверг, воскресенье, праздничные дни) стечения народа соседних православных приходов для купли-продажи, римско-католики оказывались в преимущественном положении пред православными, по причине невозможности осуществления в ближайшее время правительственных расходов на открытие новых православных приходов. Об этом свидетельствовал циркуляр обер-прокурора Св. Синода от 12 ноября 1904 г. за № 27502 на имя епархиальных преосвященных. Исходя из вышеизложенного, епископ Никанор рекомендовал отклонить прошение [651, л. 7, 44].

245 Дело о существовании терциарского общества в Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1467.

246 Дело о цензорах рукописных проповедей // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6862.

247 Дело о численности римско-католического духовенства в Могилевской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 996.

248 Дело об аресте мещанина Слободского Моисея за государственное преступление // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 229.

249 Дело об ассигновании средств на Минскую школу органистов // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3538.

250 Дело об обнаружении в губернии тайных польских школ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 916.

251 Дело об обучении детей польскому языку жителями губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3450.

252 Дело об отказе викарного Борисовского костела ксендза Маркевича от должности настоятеля Першайского костела // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2240.

253 Дело об отказе священником села Доропеевичи Кобринского уезда Ивацевичем служить молебн за здравие царя // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 33.

254 Дело об открытии при Хорошанском костеле тайной польской школы ксендзами Танаевским и Шумовским // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2372.

255 Дело об отношении местного населения к православным священнослужителям // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1814.

256 Дело об отпуске денежных средств на содержание военнопленных // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 458.

257 Дело об отстранении от должности Гродненского декана ксендза И. Мальшевича. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1656.

258 Дело об отстранении от должности политически неблагонадежных ксендзов в Пинском уезде // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2154.

259 Дело об увеличении числа ксендзов в Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 32305.

260 Дело об увольнении в отпуск в Гродненскую губернию студентов Санкт-Петербургского университета Пташицкого Ивана, Левицкого Станислава и Витковского Бронислава и установлении за ними полицейского надзора // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 772.

261 Дело об удалении ксендза Стецкевича из Гродненского францисканского монастыря // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1886.

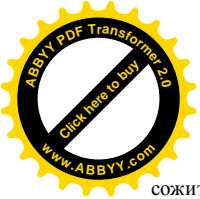
262 Дело об упразднении братств при римско-католических костелах Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1926.

263 Дело об упразднении должностей заседателей полицейских управлений и учреждении должностей помощников приставов, а вместо тысячских, десятских, сотских ввести должности участковых надзирателей // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1449.

264 Дело об усилении надзора за продажей запрещенных цензурой книг на польском языке в Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 646.

265 Дело об установлении полицейского надзора за ксендзами губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2159.

266 Дело об установлении полицейского надзора за ксендзом Пацевичем, прибывшим в отпуск в город Брест // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 538.

224 Дело о придании суду ксендза Шерешевского костела Езерского за сожителство с женой организатора Бржозовской и организации братства при костеле // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1624.

225 Дело о проведении расследования о ксендзах // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31932.

226 Дело о проверке православных церквей и римско-католических костелов в Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 32528.

227 Дело о продаже земельных угодий, находившихся в пользовании римско-католического духовенства // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2790.

228 Дело о произношении проповедей в костелах губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2185.

229 Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 1.

230 Дело о разрешении ввести русский язык в богослужение римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 2374. – Ч. 2.

231 Дело о разрешении медикам римско-католического вероисповедания заключать условия с крестьянами об их лечении // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31771.

232 Дело о разрешении населению производить постройку и ремонт римско-католических церквей и каплиц в Могилевской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1581.

233 Дело о разрешении отпусков ксендзам с правом выезда в Гродненскую губернию // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1095.

234 Дело о разрешении помещику Семашко построить римско-католическую каплицу // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 6615.

235 Дело о разрешении римско-католическому духовенству поездок по личным и служебным делам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 925.

236 Дело о разрешении совершать крестные ходы вокруг костелов // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 930.

237 Дело о распространении польских брошюр, непроверенных цензурой, жителем Царства Польского Пацкевичем // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 381.

238 Дело о римско-католических братствах Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6522.

239 Дело о римско-католическом духовенстве Минской губернии, проводивших богослужение на русском языке // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2741.

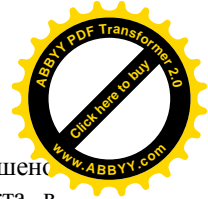
240 Дело о самовольном установлении крестьянами в местечке Индура Гродненского уезда крестов около дороги // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 632.

241 Дело о сборе сведений о лицах, обучавших детей польскому языку в Слонимском уезде // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 577.

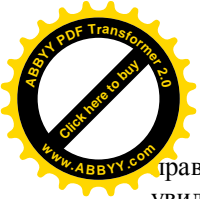
242 Дело о сборе сведений о существовавших в Гродненской губернии католических костелах, каплицах и алтарях с 1853 г. по 1864 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 719.

243 Дело о совершении публичного служения в Гродненском францисканском монастыре заключенными в указанный монастырь ксендзами // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1827.

244 Дело о содержании порочных священников // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 7021.

11 апреля 1905 г. министром внутренних дел было разрешено построить часовню, по предварительному утверждению проекта в строительном отделении местного губернского правления. В июне 1910 г. жители колонии обратились к управляющему Виленской римско-католической епархией с ходатайством об образовании самостоятельного прихода при построенной часовне. Управляющий епархией К. Михалькевич обратился за разрешением в министерство внутренних дел. В случае получения одобрительного решения предполагалось, согласно ст. 20 Устава Духовных дел иностранных исповеданий, отнесение содержания клира прихода на средства местных прихожан. Согласно примечанию к п. 1 ст. 124 Устава духовных дел иностранных исповеданий, для образования самостоятельного прихода требовалось наличие в местности 100 дворов. Но в данной местности не оказалось столько дворов даже вместе с деревнями, отстоявшими от колонии на 10 верстном расстоянии, а именно: в Незбудке-Михалове – 30, д. Тополяны – 8, в с. Потоки – 3, д. Озяблы – 3, д. Курилы – 1, д. Левины – 2, д. Борщево – 3, в с. Нововоля – 3, д. Плянты – 2, а всего – 74 двора прихожан-католиков. Как оказалось, выстроенная в 1906–1909 гг. часовня больше походила на большой, размещившийся на возвышенном месте площадью в 1628 квадратных сажен каменный костел, рядом с которым функционировало кладбище площадью в 2155 квадратных сажен. Земельные площади были подарены владельцем имения Незбудка-Михалово войсковым старшиной Андреем Станкевичем. Как удалось выяснить Белостокскому уездному исправнику, названное имение принадлежало барону Энгельгарду, который, продавая его А.Вл. Станкевичу, поставил последнему условие: совершить дарственную запись на указанные участки. То есть строительство велось на неоформленных в дар будущей часовне землях Энгельгарда, а когда строения были возведены, то и потребовалась необходимость данной сделки. Белостокский исправник также не исключал возможность желания Энгельгарда таким образом избежать наказания или обойти местное законодательство. Кроме того, А.Вл. Станкевич подарил участок земли в имении Незбудка-Михалово и под православную церковь, и кладбище в 3 658 квадратных сажен. Возможно, и этот поступок был вызван необходимостью отвода подозрений в нарушениях закона. Следует отметить, что строительный комитет не скрывал своих планов по строительству именно костела, а не часовни (см. нижеприведенный документ). К тому же все строительные планы проходили утверждение в соответствующих

правительственные инстанции, и местные власти просто не могли не увидеть подмены [651, л. 12, 66, 101, 106].

Od Komitetu budowy kościoła katolickiego w Niezbudce-Michałowie (powiat Białostocki).

ODEZWA.

Jeżeli wszelka sprawa ludzka od Boga się zaczy zaczynać powinna, to tem więcej sprawa na cześć Boską przedsięwzięta od Boga się rozpoczynać, w Bogu się rozwijać i w Bogu kończyć się musi. W Jmie Boże przeto w ubiegłym roku rozpoczęliśmy w Niezbudce budowę świątyni, a kładliśmy fundamentu bez zasobów pieniężnych – lecz z wiarą wielką w świętość sprawy, przedsięwziętej z miłością Boga w sercu i z nadzieją na pomoc bratnią!

Chwała niech będzie Bogu Który widocznie błogosławi świętej sprawie naszej, a cześć sercom szlachetnym, które pospisyły z ofiarami, przez co w tym samym jeszcze 1906 roku doprowadziliśmy budowę do okien. Lecz w końcu wszelkie zasoby i ofiarność, tutejszej parafji zostały wyczerpane i dalsza budowa świątyni bez bratniej pomocy na długie lata pozostanie w obecnym stanie. Przeto, aby wyjść z ciężkiego położenia, nie pozostaje nam nic więcej jak udać się do Was bracia robotnicy z pełną w sercu ufnością, że nie odmowicie swej ofiarności i dopomozecie nam spracowana dłonią Waszą do wzniesienia domu Bożego w Którym pewny i szczerzy zawsze znajdują przytułek wędrowni nasi pracownicy. Niezbudka, 1-go maja 1907 roku.

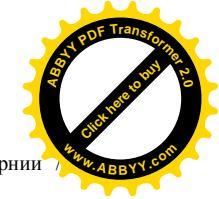
Prezes Komitetu ks. Marcin Puzyrewski.
Kasjer Apolinary Stycki.
Sekretarz Władysław Kosiński.

Członkowie: Adam Poznański.
Konstanty Żywiecki.
Józef Dubaniewicz.
Antoni Szylkiewicz.
Jan Gryniewski.
Józef Juchniewicz.

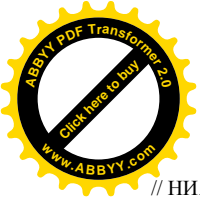
Примечание – Документ воспроизведен в оригинале.

Источник – По прошению жителей колонии Незбудка-Михалово о разрешении им построить в указанной колонии католическую каплицу // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1019. – Л. 105.

15 ноября 1912 г. министерство внутренних дел отказало в образовании самостоятельного прихода по причине недостаточного количества дворов римско-католиков. Вместе с тем было разрешено Заблудовскому костелу принять в дар от Андрея Станкевича земельные площади. Так как часовня официально считалась приписанной к Заблудовскому приходскому костелу, то богослужения в ней (крещение, венчание, похороны, исповедование и причащение) совершал викарный этого костела Ромуальд Ходыко: приходское духовенство в силу прямых своих обязанностей и согласно ст. 79 Устава духовных дел иностранных исповеданий должно было всеми силами облегчать прихожанам исполнение духовных треб в приходе.

- 202 Дело о перемещении ксендзов в приходы по Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31841.
- 203 Дело о перемещении ксендзов из одного прихода в другой // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1308.
- 204 Дело о перемещении ксендзов из одного прихода в другой // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1313.
- 205 Дело о переходе ксендзов из одного костела в другой // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2544.
- 206 Дело о поведении духовенства // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1674.
- 207 Дело о поведении духовенства в Гродненском францисканском монастыре // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 8. – Д. 201.
- 208 Дело о поведении ксендза местечка Ула Мотусе // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 33861.
- 209 Дело о поведении ксендзов, заключенных в Аглонский монастырь за политическую неблагонадежность // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 40471.
- 210 Дело о поведении римско-католического духовенства // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6868.
- 211 Дело о поведении римско-католического духовенства в Минской губернии // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 281.
- 212 Дело о политически неблагонадежных ксендзах // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6869.
- 213 Дело о положении римско-католического духовенства в губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1774.
- 214 Дело о положении русского языка в костелах Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 274.
- 215 Дело о помещении ксендза Каменского костела Вашкевича в Виленский монастырь // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3296.
- 216 Дело о поступлении дворянина Косинского Франца в духовный сан // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 1120.
- 217 Дело о предоставлении к наградам католического духовенства // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2709.
- 218 Дело о представлении главному начальнику края сведений о замене польских молитвенников русскими // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52296.
- 219 Дело о представлении настоятелями костелов в городские управы, волостные управления сведений о родившихся за 1857 г., 1858 г., 1861 г.; о назначении ксендза Сломинского Иоанна настоятелем Озерского костела и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 265.
- 220 Дело о представлении настоятелями костелов Гродненскому декану сведений о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1872 г.; о назначении ксендза Станкевича Адама администратором Сегневичского костела и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 236.
- 221 Дело о представлении сведений о национально-польской и религиозно-католической пропаганды в печати и книжной торговле по Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52947.
- 222 Дело о представлении сведений о существовавших братствах при римско-католических костелах по Гродненскому уезду // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 543.
- 223 Дело о представлении уездным исправникам сведений о братствах, существовавших при костелах Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 52543.

- 180 Дело о назначении епископа Фиалковского архиепископом Могилевским // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6108.
- 181 Дело о назначении законоучителей // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6870.
- 182 Дело о назначении ксендза Кулаковского Гродненским деканом; о представлении Гродненскому декану сведений о родившихся, умерших за 1875 г. и другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 256.
- 183 Дело о назначении ксендзов для воинских чинов // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2553.
- 184 Дело о назначении ксендзов законоучителями в училища Гродненской дирекции народных училищ // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1576.
- 185 Дело о назначении ксендзов на вакантные должности // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1675.
- 186 Дело о назначении ксендзов на вакантные должности // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1092.
- 187 Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6759.
- 188 Дело о назначении филиалиста Красникского костела ксендза Бенедикта Здитовецкого капелланом Гродненского монастыря бригадок // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1060.
- 189 Дело о наложении штрафа на помещика Кононинского Николая за уход из костела в момент богослужения за здоровье царя // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1313.
- 190 Дело о насильственном закрытии толпой католиков Роготнянской православной церкви // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1053.
- 191 Дело о не совершении ксендзом Игуменского уезда Станкевичем молебствия за царя // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2547.
- 192 Дело о незаконном открытии школы в окрестности Кулики Гродненского уезда и обучении в ней детей польской грамоте Полуяновским Матвеем // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 406.
- 193 Дело о незаконном превращении крестного хода в демонстративно политическое шествие с национальными польскими флагами ксендзами // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1123.
- 194 Дело о незаконном сборе денег в пользу костела ксендза Маевского Иосифа в Друскенинском костеле // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1826.
- 195 Дело о нищенском положении деревни Копцешины, принадлежавшей помещице Валицкой // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 22. – Д. 22.
- 196 Дело о ношении траурных знаков и проведении похоронных процессий католиками в Могилевской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1072.
- 197 Дело о переводе заключенного в Виленский кармелитский монастырь ксендза Пласковицкого Адольфа в Гродненский францисканский монастырь // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1684.
- 198 Дело о переводе Могилевской римско-католической духовной консистории в Санкт-Петербург // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6888.
- 199 Дело о перемещении католического духовенства в другие приходы // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1577.
- 200 Дело о перемещении ксендзов в Динабургском уезде Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31843.
- 201 Дело о перемещении ксендзов в Могилевской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1673.

По мнению Гродненского губернатора, ксендз Р. Ходыко не правомочен был совершать подобные богослужения, но на дальнейшее разбирательство не было времени – начался 1915 г. [651, л. 111, 117, 127].

Прихожане бывшего Следяновского костела в составе 39 человек в лице И. Смолярчука ходатайствовали в марте 1905 г. о разрешении построить на месте упраздненного в 1892 г. храма новый каменный костел. В качестве доводов указывалось следующее: 19 летнее лишение храма, а вместе с тем и духовного подспорья; отдаленность от костелов, к которым они были присоединены – 14 верст (разливавшиеся по весне две реки делали сообщение между д. Следяновкой и д. Перлеевкой невозможным); погребение без причастия, миропомазания, крещения; старинная католическая святыня 1316 г.; взросление и воспитание детей без нравственных начал для будущей гражданской жизни; наличие планов и чертежей, собственных средств на новый храм; ссылка на временные правила 10 июля 1896 г. о постройке и ремонте римско-католических церквей [661, л. 3, 5–6].

Следяновский костел был закрыт 4 июля 1886 г. на основании высочайшего повеления: «ввиду вредного влияния на окрестное православное население и ввиду фанатической упорной проповеди ксендзов этого костела». В присутствии Гродненского губернатора Потемкина костел запечатали; часть принадлежавшего ему имущества оставили в костеле, а часть сдали на хранение местному землевладельцу Регульскому; прихожан приписали к соседним Перелеевскому, Острожанскому и Дрогичинскому костелам, располагавшихся в 7, 8, и 14 верстах от д. Следяново. Не прошло и двух месяцев со времени закрытия костела, как начали поступать прошения от его бывших прихожан на имя губернатора, генерал-губернатора, императора о разрешении открыть запечатанный костел – все прошения оставались без последствий. 6 августа 1892 г. запечатанный Следяновский костел оказался вдруг открытым. Население не замедлило приписать это чуду, весть о котором быстро разнеслась по округе. Как результат, к костелу собрались не только все его бывшие прихожане, но стали стекаться из-за р. Буг, из Седлецкой и других губерний богомольцы и жаждущие исцеления калеки. Собралось более тысячи человек, не желавших слушать увещаний ни местной полиции и жандармов, ни Перлеевского ксендза, ни даже декана, и не допускавших закрытия костела. Декану даже были нанесены побои. Только усилиями вызванных на место происшествия войск удалось заставить толпу разойтись. Во избежание повторных подобных случаев здание костела, по распоряжению Виленского

генерал-губернатора, было теми же войсками разрушено и скрыто до основания, а земля под ним продана русским православным поселенцам.

Но легенда о свершившемся чуде не прекратила своего существования в народе вместе с костелом. Напротив, вера в чудесное явление со временем окрепла. К развалинам костела устремились взоры и помыслы не только бывших его прихожан, но и проживающих на довольно далеком расстоянии от д. Следяново. Гродненский губернатор нисколько не сомневался, что возведение нового костела на святом, в глазах католиков, месте приобретет значение римско-католического религиозного центра, к которому, несомненно, стекались бы богомольцы со всех концов Западного и Привислинского края. А православный епископ Гродненский и Брестский указал, что с возведением костела это место станет ядром пропаганды католицизма и полонизма среди местных ослабевающих православных приходов, которые придется закрыть [661, л. 71–72].

20 мая 1905 г. Виленский римско-католический епископ представил списки прихожан Гродненскому губернатору, прося его признать ходатайство заслуживающим уважения и удовлетворения. В состав упраздненного Следяновского костела входили крестьяне, мещане и дворяне, проживавшие в пределах Наройской волости в количестве 1 903 душ обоюбого пола. Владельцы крупных имений принимали активное участие в строительстве, жертвуя весь необходимый строительный материал. Пожертвования, согласно приговорам сельских обществ и общества мещан и дворян, были следующие: крестьяне ассигновали в общем 9 240 руб., мещане и мелкопоместные дворяне – 4 080 руб., крупные владельцы – строительный материал [661, л. 7].

По мнению Гродненского и Брестского епископа (18 июня 1905 г.), строительство костела в д. Следянове не вызвано необходимостью, так как местность находилась в близком расстоянии от соседних костелов: Острожанского – в 8 верстах, Перлеевского – в 10 верстах, Дрогичинского – в 13 верстах, Цехановецкого – в 19 верстах. Епископ напомнил губернатору, что Следяновский костел был упразднен по политическим мотивам: «Ввиду усиленной пропаганды католицизма среди упорствующих забужных прихожан». У бывшего главного начальника края в свое время был план по «умиротворению брожения в среде упорствующих униатов Седлецкой губернии»: сделать пограничные костелы Гродненской губернии, в том числе и Следяновский, недоступными для соседнего униатского населения Седлецкой губернии, при посредничестве личного надзора самих

159 Дело о заключении настоятеля Моссарского костела Слонимского уезда ксендза Куликовского Вильгельма за порицание православной веры в Гродненский францисканский монастырь // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1688.

160 Дело о заключении настоятеля Поставского костела Дисненского уезда ксендза Высоцкого Станислава в Гродненский францисканский монастырь // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1478.

161 Дело о заключении настоятеля Тверечского костела Свенянского уезда ксендза Масюлиса в Гродненский францисканский монастырь за невыполнение распоряжений местных властей // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2654.

162 Дело о закрытии римско-католических костелов и часовен по Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7515.

163 Дело о запрещении исполнять службы в костелах на польском языке // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3112.

164 Дело о запрещении католическому духовенству употреблять польский язык // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 983.

165 Дело о запрещении ксендзами Рышкевичем и Яроцким католическому населению посылать своих детей в церковно-приходские школы // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 856.

166 Дело о запрещении продажи по Гродненской губернии книги «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3374.

167 Дело о запрещении устанавливать кресты на дорогах в Волковыском уезде // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 640.

168 Дело о командировании комиссии для осмотра и приема вновь построенной Крупчицкой церкви в Кобринском уезде // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2725.

169 Дело о командировании чиновников крестьянского присутствия в Петербург на совещание для обсуждения вопроса об устройстве чиншевика // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 702.

170 Дело о ксендзах, освобожденных от полицейского надзора // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6258.

171 Дело о наблюдении за поведением ксендзов в Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 2157.

172 Дело о наблюдении за поведением ксендзов в Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3108.

173 Дело о наблюдении за появлением в Гродненской губернии брошюры «Небесное письмо Божьей Матери» // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 512.

174 Дело о наблюдении за римско-католическим духовенством // РГИА в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 280.

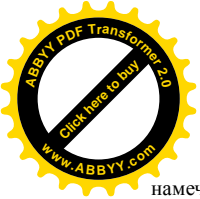
175 Дело о награждении орденами Белостокского декана Берниковича, законоучителя Гродненской гимназии Бержинского и Гродненского декана, архидиакона Гинтовта за обучение в гимназии молитв на русском языке // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1890.

176 Дело о назначении 20% надбавки к жалованию учителя Волковыского уездного училища Лихнякевича Александра // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1109.

177 Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 5979.

178 Дело о назначении Гриневецкого Карла епископом Виленским // Национальный исторический архив в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1056.

179 Дело о назначении деканом Гродненского Фарного костела ксендза Урбановича // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1078.

142 Дело о доставлении сведений католическими деканами о количестве намечавшихся в 1882 г. крестных ходов и о количестве командированных ксендзов в приходы в помощь настоятелям // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 701.

143 Дело о доставлении сведений о существовании братств в Витебской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 46947.

144 Дело о жалобах населения на ксендза Юргевича // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1781. – Оп. 2. – Д. 6760.

145 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь викарного Олькешинского костела ксендза Войтковича за пьнство // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2142.

146 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Тарасевича за запрещение католикам вступать в брак с православными // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2550.

147 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Сидорского за незаконное совершение богослужения // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2758.

148 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Танаевского за недопущение католиков вступать в брак с православными // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2759.

149 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Нарушиса Иоанна за уклонение от богослужения в день именин царя // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2777.

150 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Живоронка Викентия за распространение изданной им книги, запрещенной цензурой // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 254.

151 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Жилового Антония за порицание православной веры // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 870.

152 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь ксендза Жеро Иосифа сроком на один год за антиправительственную агитацию // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 808.

153 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь на один год настоятеля Задзевской римско-католической церкви Виленской губернии ксендза Рачковского Иоахима за уклонение от богослужений в царские дни // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 719.

154 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь настоятеля Радуньского костела Лидского уезда Живоронского Викентия за антиправительственные поступки // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1683.

155 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь настоятеля Лабонарского костела Свенцянского уезда ксендза Бурду Александра за враждебное отношение ко всему русскому // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1708.

156 Дело о заключении в Гродненский францисканский монастырь настоятеля Рудникского костела ксендза Ленкшевича за исповедь и причастие православных крестьян // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2118.

157 Дело о заключении викарного Гродненского фарного костела ксендза Кринского Иоанна в Аглонский доминиканский монастырь за антиправительственные действия // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1885.

158 Дело о заключении Лидского декана ксендза Сташевича Ромуальда в Гродненский францисканский монастырь на шесть месяцев // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1475.

прихожан и ксендзов с предупреждением, в случае не оказания помощи властям, закрытия храма. Епископ заверил его, что с восстановлением костела и прихода воскреснут прежние традиции, а сам храм станет ядром пропаганды католицизма и полонизма среди соседних православных приходов, которые, с усилением влияния католиков, пришлось бы закрыть. И, наверное, самый главный довод – место бывшего Следяновского костела и принадлежавшие ему угодыя отданы правительством двум православным семействам на выкуп: одна половина – русскому переселенцу из казаков Черниговской губернии, а вторая – купцу Кобринского уезда. Возникла проблема изъятия от частных лиц принадлежавших им костельного погоста и земельных угодий [661, л. 11, 24].

28 ноября 1905 г. Департамент духовных дел постановил, что препятствий к удовлетворению ходатайства нет, но с окончательным утверждением повременил, решив проверить сведения о назначении земли. Главный начальник Северо-Западного края был категорически против передачи земли назад костелу: по причине передачи ее в собственность частным лицам. Но министр внутренних дел не признал подобное достаточным основанием, так как это не исключало возможности приобретения просителями в собственность избранного ими участка путем добровольного соглашения с его владельцами. Даже в случае несогласия на это последних, просители имели право на отчуждение данного участка в порядке ст. 575 т. X ч. I. Свода законов издания 1900 г. Поэтому министр настоял на более внимательном рассмотрении дела местным руководителем [661, л. 18, 32].

Прихожане желали строить храм на прежнем месте, так как здесь сохранился фундамент, гробницы, каменная ограда вокруг всего погоста. Прекрасно осознавая всю сложность в отношении изъятия земли, принадлежавшей русским поселенцам, жители вошли в полюбовное соглашение: в обмен на переданный им погост и часть усадебного огорода была предоставлена местным помещиком Регульским равнозначная часть земли [661, л. 33]. Но начальник управления государственных имуществ Гродненской губернии 16 мая 1906 г. выступил категорически против соглашения. Он заверил губернатора, что переселенцев затерроризировали крестьяне-католики д. Следяново, а согласие Веры Половинко на уступку своей усадьбы было вынуждено давлением толпы, которому она, как вдова с несовершеннолетними детьми, противостоять, конечно, не могла. В глазах чиновника В. Паловинко уступала под костел свою усадьбу, то есть самую ценную часть надела, взамен полевой земли, предоставленной ей помещиком Регульским. За подобное лишение

лучшей части надела следовало бы в качестве вознаграждения требовать двойную площадь земли. Поскольку отведенный при д. Следянове В. Паловинко надел еще не был выкуплен, то, исходя из вышеперечисленного, чиновник рекомендовал отклонить «фанатическую замену земли из-за домогательств крестьян». Но требования чиновника не имели законного основания, так как диалог велся с В. Паловинко местными крестьянами, уполномоченными помещиком Регульским распоряжаться его земельной собственностью с целью избежания многих затруднительных моментов в законодательстве. Вполне очевидно, что постройка костела, не являвшегося частной собственностью помещика Регульского, не могла быть произведена на земле, являющейся его частной собственностью. Добровольный обмен состоялся 28 мая 1908 г. В словесной форме помещиком Регульским, который проживал к этому моменту в им. Гута Старо-Ущицкого уезда Подольской губернии, было заявлено о пожертвовании земли под постройку нового Следяновского костела, но официальный акт пожертвования так и не был утвержден [661, л. 57, 88, 93].

К 28 марта 1911 г. на постройку нового костела прихожанами было собрано 8 390 руб. Деньги собирались путем добровольных пожертвований по подлинным листам, полученным ксендзом Перлеевского костела из римско-католической духовной консистории. Бревен и досок было заготовлено на сумму 120 руб. Но количество денежных средств не удовлетворяло требованию закона, являясь тем самым формальным основанием для отказа в строительстве: смета была составлена на 16 771 руб. Согласно циркуляру министерства внутренних дел от 28 ноября 1908 г. для разрешения постройки р.-к. богослужебных зданий необходимо было наличие у просителей половины исчисленной суммы, а также представление доказательств поступления оставшейся суммы. При применении требований данного циркуляра к этому делу, директор Департамента Духовных Дел отметил наличие у просителей половинной суммы, но что касалось оставшейся суммы в 8 261 руб. 30 коп., то просители не представили никаких доказательств ее поступления. Например, гарантией могло быть признано заверенное в нотариальном порядке поступление суммы под залог имущества просителей или путем самообложения на основании приговора крестьянского схода, или заготовлением на данную сумму строительного материала [661, л. 78–79].

К октябрю 1911 г. недостающая сумма в размере 8 300 руб. была обеспечена имуществом Петра и Станислава Стемпковских, Адама Воляняна и Феликса Одорчука. Но, по свидетельству Бельского

122 Дело о взимании штрафа за совершение без разрешения крестного хода с настоятеля Сегневичского костела ксендза Буйко // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2552.

123 Дело о взыскании с настоятеля Вышковского костела ксендза Сцепуржинского штрафа за несовершение богослужения в день рождения наследника цесаревича Александра Александровича // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 504.

124 Дело о взыскании строгого выговора ксендзу Домашевичу за совершение без разрешения крестного хода в ограде костела // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2845.

125 Дело о взыскании штрафа за незаконное совершение крестных ходов с ксендзов Држевинского и Сенкевича // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1199.

126 Дело о взыскании штрафа за отказ служить панихиду по умершему царю Александру III с ксендзов Панасевича и Тепшка // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 228.

127 Дело о взыскании штрафа за преподавание на польском языке в Суражском приходском училище с ксендза Гриневицкого // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1448.

128 Дело о взыскании штрафа за совершение крестного хода с ксендза Монкевича // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 223.

129 Дело о взыскании штрафа за совершение крестных ходов без разрешения с ксендзов Сухоцкого и Бродовского // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 2768.

130 Дело о взыскании штрафа с акцизного объездчика Скродского и мешанок города Гродно Фокий Емили и Иоанны за разговор на польском языке // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 574.

131 Дело о взыскании штрафа с ксендза Наровского римско-католического костела Лавриновича за несвоевременное отслужение молебствия по случаю дня рождения царя // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 520.

132 Дело о взыскании штрафа с ксендза римско-католического костела в местечке Черновцицы Лавриновича за не совершение молебствия за здоровье царя // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 927.

133 Дело о взыскании штрафа с ксендза Сташкевича за освящение креста, поставленного крестьянином Балкуном // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 928.

134 Дело о взыскании штрафа с настоятеля Слонимского костела Гриневича за не исполнение им молитвы за здоровье царя при богослужении в костеле обедни // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1672.

135 Дело о воспрещении пения гимнов и молитв, запрещенных правительством // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 109.

136 Дело о вручении римско-католическому духовенству Гродненской диоцезии новоотпечатанного требника // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 886. – Оп. 1. – Д. 206.

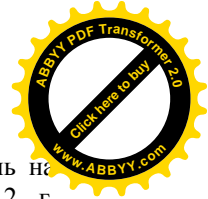
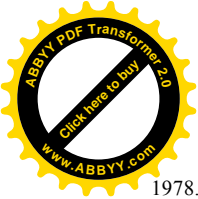
137 Дело о выделении жалования ксендзам, оставшимся без должностей // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1671.

138 Дело о вызове ксендзов по делам службы в Виленскую римско-католическую духовную консисторию // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 18. – Д. 1008.

139 Дело о высылке семьи Янчевской в Сибирь // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 1814.

140 Дело о доставлении сведений в канцелярию Виленского генерал-губернатора о приходе сумм о наложения штрафов за 1866 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 768.

141 Дело о доставлении сведений Виленскому генерал-губернатору о количестве сумм, оставшихся в казне в связи с упразднением части костелов по губернии и переписка с деканатами по этому вопросу // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 899.

- 102 Григулевич, И.Р. Папство. Век XX / И.Р. Григулевич. – М.: Политиздат, 1978. – 217 с.
- 103 Гринбалт, М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М.Я. Гринбалт. – Минск, 1968. – 386 с.
- 104 Гродненские епархиальные ведомости. – 1906. – 8 апр.
- 105 Гродненские епархиальные ведомости. – 1912. – 4 мая.
- 106 Гродненские епархиальные ведомости. – 1912. – 8 апр.
- 107 Грыгор'ева, В. 3 гісторыі канфесіянальнага жыцця Віцебскай губерні (к. XVIII – пач. XX ст.) / В. Грыгор'ева, А. Філатава // Беларус. гіст. часоп. – 1995. – № 2. – С. 17–22.
- 108 Грыгор'ева, В. Каталіцкае духавенства ля вытокаў Беларускага Адраджэння / В. Грыгор'ева // Беларусіка = Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 293–297.
- 109 Грыгор'ева, В. Нацыянальнае пытанне ў дзейнасці каталіцкага касцела на Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / В. Грыгор'ева // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры: у 2 ч. – Гародня, 1996. – Ч. 2. – С. 63–67.
- 110 Грыгор'ева, В. Неблаганадзейны касцел / В. Грыгор'ева // Спадчына. – 1996. – № 3. – С. 37–39.
- 111 Грыцкевіч, А.П. Брацтва каталіцкія / А.П. Грыцкевіч // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2. – С. 93.
- 112 Губина, В. Положение православных и католических храмов на Беларуси в XIX в. Сравнительный анализ / В. Губина // VI международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящ. дням славян. письмен. и к-ры: материалы чтений, Минск, 25–26 мая 2000 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т ф-т теол., Беларус. гос. ун-т к-ры; ред. кол.: А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2001. – Ч. 1, кн. 1. – С. 168–183.
- 113 Губина, В. Поощрение владельцев имений за добровольное содействие строительству православных храмов на Беларуси в XIX в. / В. Губина // VIII международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящ. дням славян. письмен. и к-ры: материалы чтений, Минск, 23–26 мая 2002 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т ф-т теол., Беларус. гос. ун-т к-ры; ред. кол.: А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 1, кн. 1. – С. 187–191.
- 114 Гулак, Н. «Слуга цару ...» / Н. Гулак // Спадчына. – 1995. – № 1. – С. 70–79.
- 115 Гурецкий, А. Историография политики царизма в области образования в Беларуси в конце XVIII – первой четверти XIX в. (1771 – 1825 гг.) / А. Гурецкий // Пытанні гісторыі, метадалогіі і методыкі выкладання: зб. навук. арт. – Мінск: Беларус. дзярж. педаг. ун-т, 1998. – Вып. 1. – С. 40–49.
- 116 Гурецкий, А. Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX ст. (1772 – 1825 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Гурецкий; Беларус. гос. педаг. ун-т. – Минск, 1998. – 20 с.
- 117 Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі; пад рэд. акад. Н.М. Нікольскага [і інш.]. – Мінск: выд. АН БССР. – 1940. – с. 687. – Т. 2.
- 118 Данилов, В. История проникновения и распространения католичества в русских землях до 1917 г. / В. Данилов. – М.: Наука, 1992. – 137 с.
- 119 Данскіх, С.У. Наш Шчучын / С.У. Данскіх; пад навук. рэд. У.Д. Разенфельда. – Гродна: Ратуша, 2001. – 206 с.
- 120 Дело о введении русского языка в религии иностранных исповеданий // НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 35861.
- 121 Дело о введении русского языка в римско-католическое богослужение в Минской губернии // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (далее РГИА в г. Санкт-Петербурге). – Фонд 821. – Оп. 125. – Д. 283.

городского судьи, данные лица владели имуществом всего лишь на сумму в 4 500 руб. Вновь было отказано. 24 апреля 1912 г. управляющий Департаментом духовных дел сенатор Макаров указал министерству внутренних дел выдать разрешение на прием в пользу костела недвижимости, на которой находился закрытый костел, приказав одновременно просителям подыскать иное место для возведения храма [661, л. 87, 96].

В марте 1905 г. прихожане бывшего Немировского костела Бельского уезда ходатайствовали о возвращении им безвозмездно или за вознаграждение здания, находившегося в ведении православного духовенства с целью постройки филиального костела. Епископ Гродненский и Брестский Николай 10 июня 1905 г. рекомендовал отклонить его. В то же время указом Св. Синода от 30 сентября 1903 г. были отпущены деньги и получено разрешение приступить к работам. Отметим, что сам костел оставался с момента передачи 1867 г. невостребованным [658, л. 10].

В июле 1905 г. Бельский исправник лично посетил м. Немиров, убедившись, что православное ведомство на практике не сделало ничего, а переданное здание отремонтировали верующие-католики. Обыватели падали в ноги и целовали руки исправнику, ходатайствуя о возврате здания, что, собственно, исправник и сделал [658, л. 21].

29 июля 1905 г. посетил м. Немиров старший делопроизводитель главного начальника Северо-Западного края С.П. Белецкий вместе с Бельским, исправником, и местным благочинным о. Ан. Дубинским. Встретило делегацию около 300 человек. Когда подъехал С.П. Белецкий, то уполномоченный от крестьян, при участии помещика К.Л. Пеньковского, подал ему хлеб-соль, а все собравшееся население упало на колени и со слезами на глазах стало просить об удовлетворении ходатайства о передаче им здания: безвозмездно или за плату [658, л. 29].

10 ноября 1905 г. по решению императора здание бывшего Немировского костела было возвращено местному католическому населению. Вопрос же о земельных угодьях, ранее принадлежавших костелу, должно было разрешить православное духовенство совместно с министерством внутренних дел. Обер-прокурор Св. Синода высказался за оставление в распоряжении православного духовного ведомства земель для местной православной церкви.

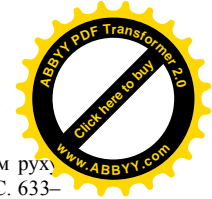
Чтобы подобного рода передача не вызвала превратного толкования этого акта как «исключительной царской милости к проявленным местным населением верноподданническим чувствам», Гродненский губернатор принял все меры к тому, чтобы сам акт

передачи был совершен без всякой торжественности. С этой целью был командирован на место старший делопроизводитель Виленской канцелярии советник С.П. Белецкий, знакомый со всем ходом этого дела. Вместе с тем, путем последовавшего соглашения с Виленским римско-католическим епископом, решено было не учреждать на первое время филии или прихода и не назначать самостоятельного римско-католического священника. Совершение требоисполнения возлагалось на обязанность приходского римско-католического священника, приехавшего бы по мере необходимости в м. Немиров. Передача здания состоялась 13 декабря 1905 г. Бельскому декану ксендзу Панасевичу и Высоко-Литовскому настоятелю ксендзу Антонию Качинскому [658, л. 31, 34].

В начале 1907 г. прихожанам разрешили собирать пожертвования на ремонт Немировского костела, но лишь между собой. В сентябре 1909 г. уполномоченный от прихожан Немировского костела Иван Сацок возбудил ходатайство о возвращении земельных угодий в количестве 33 десятин. Обер-прокурор Св. Синода вновь отказал, сославшись на решение Св. Синода от 31 августа 1907 г., согласно которому по-костельные угодья должны были остаться в распоряжении Мельникского православного причта. При этом наделение Немировского костела землей, по мнению Гродненского православного епископа, было бы несправедливо по отношению к православным церквям Гродненской епархии: не только приписные, но и некоторые самостоятельные приходские церкви не имели ни земельных наделов, ни особых причтовых помещений. Православное духовенство опасалось также усиления в округе католического влияния. 7 июня 1913 г. министерство внутренних дел отказало в положительном решении. 7 июня 1913 г. Гродненская духовная консистория на этих землях начала строительство церковно-приходской школы с сельскохозяйственными курсами [658, л. 47, 55].

Прихожане Васильковского филиального костела Сокольского уезда возбудили 23 декабря 1905 г. перед главным начальником Северо-Западного края ходатайство об образовании самостоятельного Васильковского прихода с возведением последнего в 5 класс по отпускаемому содержанию. Виленский римско-католический епископ по требованию губернатора представил список населенных пунктов, предложенных к включению в приход с указанием жителей римско-католического вероисповедания. Согласно приходским спискам при Васильковской филии в 1896 г. насчитывалось 3 500 католиков обоого пола, а к 1906 г. – 4 465 католиков. Следовательно, за десятилетие население возросло на 965 человек [660, л. 3].

84 Ганчарук, И.Г. Да пытання аб ролі каталіцкай царквы ў вызваленчым руху Беларусі ў XIX ст. / И.Г. Ганчарук // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 633–641.

85 Ганчарук, И.Г. Касцел і гістарычная свядомасць каталіцкага насельніцтва на тэрыторы Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX стст. (спосабы уплыву) / И.Г. Ганчарук // Наш Радавод. – Гродна. – 1996. – Кн. 7, ч. 3. – С. 259–263.

86 Ганчарук, И.Г. Фарміраванне парафіяльнай сеткі Слонімскага дэканата ў XVII – XX стагоддзях / И.Г. Ганчарук // Слонімішчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы гіст.-краязн. канф. прысвеч. 750-годдзю г. Слоніма і 70-годдзю засн. Слонім. р-та краязн. музея ім. І.І. Стаброўскага, Слонім, 14–15 мая 2001 г. / Слонім. р-ны вык. кам., Гродзен. абл. і р-ны Савет грамад. аб'яд-ня «Беларус. добраахв. т-ва аховы помнікаў гіст. і к-ры»; склад. Д.С. Аляшкевіч, І.П. Крэнъ; пад рэд. І.П. Крэнъ. – Слонім, 2002. – С. 219–224.

87 Гараджа, В.И. Религия как предмет социологического анализа / В.И. Гараджа // Религия и общество. – 1994. – № 9. – С. 7–15.

88 Гародка, Р. Гісторыя цудадзеянай іконы Маці Божай Юравіцкай / Р. Гародка // Наша вера. – 2003. – № 2. – С. 4–5.

89 Гарошка, Л. Пад знакам «рускае» і «польскае» веры / Л. Гарошка // Спадчына. – 2000. – № 1. – С. 142–195.

90 Географический статистический словарь Российской империи. – СПб.: Центр. Статист. Ком-т. МВД, 1860 – 1875.

91 Гетманский, А.Э. Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) / А.Э. Гетманский // Вопросы истории. – 2004. – № 5 – С. 24–45.

92 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.

93 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.

94 Голованов, С. Католичество и Россия (исторический очерк) / С. Голованов. – СПб., 1998. – 85 с.

95 Горизонтов, Л.Е. Польский вопрос и конфессиональная политика самодержавия (30-е годы XIX – начало XX вв.) / Л.Е. Горизонтов // *Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI – XX w.); pod red. J. Bardacha. – Warszawa: Oświata UN-O, 1997. – S. – 270–276.*

96 Горизонтов, Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов / Л.Е. Горизонтов // *Славяноведение. – 2004. – № 1. – С. 39–48.*

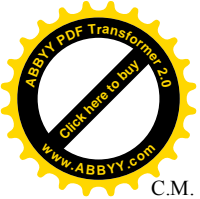
97 Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индик, 1999. – 272 с.

98 Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа в 1863 – 1864 гг. // *Русская старина. – 1882. – № 11. – С. 64–73.*

99 Грекулов, А.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX вв.) / А.Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1969. – 237 с.

100 Григорьева, В.В. Из истории располычывання костела в Белорусских губерниях (взгляд на проблему через деятельность каноника Сенчиковского) / В.В. Григорьева // Наш радавод. – Гродна, 1996. – Кн. 7, ч. 3. – С. 672–680.

101 Григорьева, В.В. Католическая церковь в Белоруссии: историография проблемы (конец XVIII – начало XX вв.) / В.В. Григорьева, Е.Н. Филатова // Наш Радавод. – Гродна, 1994. – Кн. 6, ч. 3. – С. 652–661.

65 Винтер, Э. Папство и царизм / Э. Винтер; пер. с нем. Р.А. Крестьянинова и С.М. Раскиной; предисл. и ред. В.Т. Пашуто и М.М. Шейнмана. – М.: Прогресс, 1964. – 531 с.

66 Винтер, Э. Политика Ватикана в отношении СССР. 1917 – 1968 / Э. Винтер. – М.: Прогресс, 1977. – 487 с.

67 Витте, С.Ю. Воспоминания: в 2 т. / С.Ю. Витте; под ред. В. Готовицкой. – М.: Социально-экономическая литература, 1961. – Т. 1. – 437 с.

68 Владимиров, А. История плана располочения католицизма в Западной России / А. Владимиров. – М., 1896. – 122 с.

69 Владимиров, А. О положении православия в Северо-Западном крае / А. Владимиров. – М., 1893. – 87 с.

70 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. – М.: Госполитиздат, 1974. – 821 с.

71 Восович, С.М. Деятельность церковных школ ведомства православного исповедания на территории Белоруссии конец XIX – начало XX вв. / С.М. Восович // V международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 24–26 мая 1999 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т, фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол. А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2000. – Ч. 1. – С. 65–72.

72 Воспоминания П.А. Черевина. 1863–1865. – Кастрома, 1920. – 65 с.

73 Восстание в Литве и Белоруссии. 1863 – 1864 гг.: сб. док. / предисл. Ю. Жюгжды и В. Неупокоева; редкол.: В.Дьяков [и др.]. – М.: Наука, 1965. – 586 с.

74 Всеподнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 67–94.

75 Вышеславцев, А.Л. Очерки деятельности сельских народных училищ Гродненской губернии в период 1880 – 1890 гг. / А.Л. Вышеславцев. – Гродно: Губ. тип.: 1890. – 35 с.

76 Габрусь, Т. Адлюстраванне канфесійна-палітычнай сітуацыі ў культавым дойлідстве Беларусі / Т. Габрусь // Беларусіка=Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 317–324.

77 Габрусь, Т.В. Зруйнаваная святыні / Т.В. Габрусь // Страчаная спадчына; пад рэд. Т.В. Габрусь, А.М. Кулагіна, Ю.У. Чантурыя [і інш.]. – Мінск: Полымя, 1998. – С. 55–156.

78 Габрусь, Т.В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктурна беларускага барока. / Т.В. Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – 287 с.

79 Гаврыш, В. Язык богослужений – вопрос деликатный / В. Гаврыш // Народная газета. – 2004. – 10 лют. – С. 3.

80 Гайдук, В.П. Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX – XX вв. (по новым материалам) / В.П. Гайдук // Новая и новейшая история. – 1998. – № 6. – С. 23–31.

81 Ганчарук, І. Навучальныя ўстановы рымска-каталіцкай царквы ў Беларусі: канец XIV – XX ст. / І. Ганчарук // Беларусіка=Albaruthenica 6; Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу: у 2 ч. / Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны; рэд. Ул. Конан [і інш.]. – Мінск, 1997. – Ч. 1. – С. 180–187.

82 Ганчарук, І. Рымска-каталіцкая царква на Беларусі / І. Ганчарук // Энцыкл. гіст. Беларусі. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 154–155.

83 Ганчарук, І. Становішча і арганізацыйная структура рымска-каталіцкага касцела на беларускіх землях у складзе Расейскай імперыі / І. Ганчарук // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 6. – С. 97–116.

Ранее в г. Василькове существовал старый деревянный костел, к которому принадлежали все населенные пункты. После его закрытия в 1863 г. приход был причислен к Белостокскому приходу. Католическое население построило в 1880 г. за свой счет в г. Василькове новый каменный филиальный костел, служивший местом молитв. Но костел этот, как филиальный, не мог по своему положению обслуживать всех необходимых духовных треб. Последнее обстоятельство, по мнению Сокольского уездного исправника, являлось убедительным доказательством в необходимости причисления его в приходской [660, л. 6].

30 мая 1906 г. свое мнение высказал епископ Гродненский и Брестский Михаил. Так как с 1885 г. Васильковский костел функционировал как самостоятельный с постоянным ксендзом, определенным приходом и своим кладбищем и, следовательно, религиозные потребности католиков удовлетворялись беспрепятственно в течение 20 лет, то положение возможно удовлетворить, но не возводя костел в штат и не назначая содержания от казны: «Усиление средств костела, вместе с тем, увеличило бы и опасность воздействия сего костела на окрестное православное население» [660, л. 10]. Епископ Михаил был плохо осведомлен по данному вопросу. На самом деле костел был закрыт 14 марта 1867 г. по причине совершенной ветхости, а в 1881 г. он был открыт с разрешения главного начальника Северо-Западного края Тотлебена от 7 февраля 1881 г. [660, л. 9]. Наверное, разрешение было получено уже после того, как костел был построен.

Хотя Гродненский губернатор поддержал епископа Михаила, но канцелярия Виленского генерал-губернатора 15 июня 1906 г. распорядилась о доставлении более подробных сведений по делу. Вскоре, 11 ноября 1906 г., император по докладу министра внутренних дел назначил причту Васильковского римско-католического прихода ежегодное содержание, присвоенное римско-католическим приходам 5 класса, то есть по 230 рублей из остатков от сумм, отпускаемых по смете министерства внутренних дел на содержание римско-католического духовенства в империи. 15 ноября деньги были уже ассигнованы [660, л. 12, 16].

С 1907 г. расход в 230 рублей покрывался из остатка ежегодно образовывавшегося от содержания римско-католического духовенства по Гродненской губернии. Так как некоторые должности настоятелей в губернии оставались вакантными продолжительное время, то и содержание настоятелю определенного прихода в течение всего времени в смету на каждый предстоящий год не вносилось. В 1913 г.

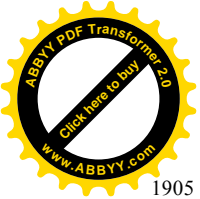
закантных настоятельских должностей было очень мало. Вследствие этого от содержания римско-католического духовенства Гродненской губернии оставалось всего лишь 164 руб. 52 коп.. Следовательно, для выдачи настоятелю Васильковского костела жалования за 1913 г. не доставало еще 65 рублей 48 копеек (за вычетом 164 руб. 52 коп. из 230 руб.). Гродненский губернатор ходатайствовал перед Департаментом духовных дел об ассигновании недостающей суммы [660, л. 48]. По приказанию министра внутренних дел ассигновали 100 руб. Гродненской казенной палате для выплаты образовавшейся задолженности: 65 руб. 48 коп. настоятелю Васильковского костела П. Швяровскому и 35 руб. 19 коп. настоятелю Гнезненского римско-католического прихода Э. Цехановскому, недополученных ими в минувшем году. Дабы избежать подобных казусов в дальнейшем, Департамент духовных дел 4 марта 1914 г. распорядился вносить в доставляемые Департаменту сметные расписания на содержание римско-католического духовенства сведения о назначенных дополнительных выплатах. Распоряжение Департамента осталось без внимания – в 1915 г. Гродненский губернатор снова обратился с аналогичным ходатайством [660, л. 79, 80, 82].

8 марта 1911 г. уполномоченный от прихожан Васильковского костела мещанин Франц Радишевский хлопотал перед Гродненским губернатором о причислении костела из 5 в 3 класс. Законных оснований для ходатайства не было: согласно статье 20 Устава духовных дел иностранного исповедания число приходов каждой епархии и разделение их на классы находилось во взаимной зависимости, то есть приходы могли возводиться в высший класс лишь в случае упразднения одного из приходов той же епархии. В Гродненской губернии не только ни одного костела не было упразднено, но, напротив, число их из года в год быстро возрастало. 4 мая 1911 г. МВД отклонило переадресованное ходатайство [660, л. 39, 40].

Виленская римско-католическая консистория в апреле 1904 г. просила о разрешении капитального ремонта каменного Юхновецкого приходского костела Белостокского уезда Гродненской губернии, причем уведомила, что ремонт этот обойдется в 3 159 руб. 93 коп. Ремонт предполагалось произвести на добровольные пожертвования прихожан, при личном их участии как в работах, так и в подвозке материала. Приговор сельских обществ, входивших в состав римско-католического прихода, о добровольных пожертвованиях на эту цель еще не был составлен. Хотя недоимок за крестьянами не числилось, но экономическое положение их было неудовлетворительно: во многих

- 38 Брянцев, П.Д. История Литовского государства с древнейших времен / П.Д. Брянцев. – Вильна: Губ. тип., 1889. – 659 с.
- 39 Будилович, А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины / А.С. Будилович. – СПб.: изд. Н.Д. Сергиевского, 1907. – 207 с.
- 40 Булгарин, Ф.В. Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: в 2 ч. / Ю.В. Булгарин. – СПб., 1846. – Ч. 1. – 146 с.
- 41 Бунге, Н.Х. Загробные заметки / Н.Х. Бунге // Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб., 1999. – 384 с.
- 42 Валуев, П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / П.А. Валуев. – М.: АН СССР, 1961. – Т. 2. – 394 с.
- 43 Василевский, А. Восток, Запад и Польша / А. Василевский. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
- 44 Васовіч, С.М. Царкоўныя прываслаўныя школы Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / С.М. Васовіч // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 4. – С. 67–70.
- 45 Вашкевіч, Ю. Вобраз Беларусі і беларусаў у польскай мемуарнай літаратуры 1945 – 1991 гг. / Ю. Вашкевіч // Беларус. гіст. аг-д. 1999. – Т. 6, сш. 1–2 (10–11). – С. 81–91.
- 46 Ведомости о количестве типографий, фотографий, книжных магазинов и библиотек в Гродненской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 7. – Д. 2638.
- 47 Ведомости о количестве упраздненных католических костелах Гродненской губернии; переписка с Гродненским губернатором, Литовской духовной консисторией и другими о постройке и ремонте православных церквей в Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 228.
- 48 Ведомости о состоянии губернии за 1870 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 14. – Д. 964.
- 49 Ведомости о состоянии губернии за 1886 г. // НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 17. – Д. 1100.
- 50 Ведомости уездных исправников, приставов и других со статистическими сведениями по Могилевской губернии // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее НИАБ в г. Минске). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 981.
- 51 Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3113.
- 52 Ведомость управления государственным имуществом о названии и местонахождении упраздненных костелов и их причина // НИАБ в г. Минске. – Фонд 2514. – Оп. 1. – Д. 2682.
- 53 Венгер, А. Рим и Москва. 1900 – 1950 / А. Венгер; пер. с фр. и предисл. Н. Струве. – М.: Русский путь, 2000. – 616 с.
- 54 Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 4, от. 4, т. 2.
- 55 Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 6, от. 4, т. 2.
- 56 Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 9, от. 4, т. 4. – С. 77–101.
- 57 Взаимоотношение русских и поляков в Западном крае // Свет. – 1895. – № 151. – С. 78–84.
- 58 Виленский вестник. – Вильна, 1896.
- 59 Виленский временник. – Вильна, 1907. – Кн. 2. – 197 с.
- 60 Виленский календарь на 1884 г. – Вильна: Губ. тип., 1883. – 182 с.
- 61 Виленский календарь на 1892 г. – Вильна: Губ. тип., 1891. – 203 с.
- 62 Виленский календарь на 1896 г. – Вильна: Губ. тип., 1895. – 196 с.
- 63 Виленский календарь на 1904 г. – Вильна: Губ. тип., 1903. – 297 с.
- 64 Виноградов, А.А. Путеводитель по городу Вильне / А.А. Виноградов. – Вильна: Губ. тип., 1904. – 313 с.

21 Бачышча, Ю.А. Уплыў указа «Аб асновах верацярпімасці» ад 17 красавіка 1905 г. на становішча католікаў у Беларусі (1905 – 1914 гг.) / Ю.А. Бачышча // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 149–153.

22 Бедуел, Г. История церкви / Г. Бедуел. – М.: Христианская Россия, 2000. – 330 с.

23 Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1996–2004.

24 Белецкий, А. Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский (24 октября 1869 г. – 25 июня 1899 г.) / А. Белецкий. – Вильна: Русский почин, 1903. – 18 с.

25 Белецкий, А.В. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 г. / А.В. Белецкий. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1903. – 70 с.

26 Белецкий, А.В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России / А.В. Белецкий. – Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1904. – 42 с.

27 Белооголов, И. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России: в 2 т. / И. Белооголов. – Петроград, 1915. – Т. 1. – 482 с.

28 Бендин, А.Ю. Вероисповедная система Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) / А.Ю. Бендин // VII международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 22–24 мая 2001 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т, фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол.: А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2002. – Ч. 1, кн. 1. – С. 153–171.

29 Бендин, А.Ю. Православная церковь и проблемы формирования русского национального сознания (конец XIX – начала XX вв.) / А.Ю. Бендин // VIII международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 23–26 мая 2002 г.: в 2 ч. / Европ. гум. ун-т, фак. теол., Белорус. гос. ун-т к-ры; редкол. А.Ю. Бендин [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 2, кн. 1. – С. 163–186.

30 Бендин, А.Ю. Православная церковь и проблемы формирования русского национального самосознания. Особенности белорусского опыта (конец XIX – начало XX вв.) / А.Ю. Бендин // Гомера [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://homeru.com/rci/russia_53.html. – Дата доступа: 17.03.2006.

31 Бич, М. Всеподданнейший отчет Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / М. Бич, В. Пичуков // Беларус. гіст. часоп. – 1997. – № 2. – С. 95–116.

32 Блахницкая, И. Социальный смысл концепции «поляк-католик» / И. Блахницкая, Я. Ершина, П. Шидловский // Философские науки. – 1980. – № 5. – С. 118–125.

33 Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т.Б. Блинова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 427 с.

34 Блинова, Т.Б. Иезуиты в Белоруссии / Т.Б. Блинова. – Минск.: Беларусь, 1990. – 110 с.

35 Богословский, К. Государственное положение Римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени / К. Богословский. – Харьков, 1898. – 374 с.

36 Бонч-Бруевич, В.Д. Силы русского клерикализма / В.Д. Бонч-Бруевич // Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России): сб. ст. / сост. Е.Ф. Грекулов; под общ. ред. А.М. Сахарова. – М., 1975. – С. 207–219.

37 Бородкин, М. Граф Д.А. Милотин в озывах его современников / М. Бородкин. – СПб.: Глав. упр. уд-в, 1912. – 36 с.

деревнях этого прихода почти весь озимый и яровой хлеб в минувшем году был побит градом, а дождливая осень испортила уборку уцелевшего зерна. По мнению земского начальника 2 участка Белостокского уезда, следовало починить только крышу, а остальной ремонт разложить по частям на 2–3 года [306, л. 7, 10].

3 июня 1904 г. епископ Гродненский и Брестский Николай заверил Гродненского губернатора, что Юновецкий костел в настоящем его виде ни в каком ремонте не нуждается, равно как и окружавшая его каменная ограда: «Задуманный же без надобности настоятелем костела ремонт и при том на такую солидную сумму 3 195 руб. 93 коп. был бы тяжелым и непосильным бременем для его прихожан». Кроме того, в течение минувших двух лет прихожане этого костела внесли по 14 руб. с каждого земельного участка на постройку жилого дома и хозяйственных строений для ксендза и на ремонт дома для органиста. Ввиду этого епископ Николай призвал губернатора отклонить ходатайство [306, л. 15].

18 января 1905 г. Виленский генерал-губернатор разрешил лишь ремонт костельной крыши, обосновав свое решение экономическим положением крестьян и прочностью стен самого Юхновецкого костела [306, л. 22].

Из министерства внутренних дел в июле 1906 г. на рассмотрение главного начальника края было передано ходатайство бывших прихожан Луконицкого римско-католического прихода Слонимского уезда о восстановлении костела, закрытого в 1866 г. Причиной ходатайства указывалось неудовлетворение религиозных потребностей Слонимским костелом, к которому причислили прихожан, из-за значительной удаленности и недостаточности священников [656, л. 10]. В с. Луконица и окрестностях православного населения насчитывалось 1 751 человек, а католического – 900 человек. В 10 верстах от с. Луконица в м. Деречин в 1905–1906 гг. была выстроена деревянная часовня и шли приготовления к официально разрешенной постройке каменного костела. Сообщением между местностями служили торговые и промышленные дороги. Кроме того, бывший костел, как стоявший при кладбище, к этому моменту являлся действующей православной часовней, посещаемой католиками и православными. Учитывая подобные обстоятельства, ходатайство было отклонено [656, л. 10, 15–16].

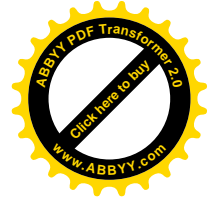
Чрезвычайно трудно обстояло дело с разрешением вопросов по устройству и принадлежностью кладбищ. В сентябре 1905 г. по распоряжению настоятеля Слонимского приходского костела Б. Саросеки были закрыты ворота Деречинского кладбища с целью

недопущения захоронения умерших православных [627, л. 68]. В 1907 г. жители-католики бывшего Деречинского римско-католического прихода Слонимского уезда возбудили ходатайство о возвращении принадлежавшего им кладбища. Деречинский римско-католический приход, за малочисленностью и вследствие уничтожения пожаром, был закрыт в 1867 г., и общее кладбище для православных и католиков тоже закрыли по причине переполнения могилами. В 1868 г. кладбищу люстрационной комиссией, вследствие просьбы причта Деречинской православной церкви и Литовского епархиального начальства, отведено было около двух десятин казенной земли. Новое кладбище поступило уже в исключительное пользование православных и в собственность Деречинской церкви. Православное ведомство в силу юридического права, безусловно, считало Деречинское кладбище православным. Если настоятели этой церкви иногда и давали разрешение погребать покойников-католиков, то только, по словам епископа Гродненского и Брестского Михаила, «во имя братской о Христе любви к латинянам» [518, л. 16].

10 апреля 1907 г. министерство внутренних дел потребовало от Виленского римско-католического епископа немедленно перевести настоятеля Слонимского костела Б. Саросека в другой приход, с предупреждением, в случае отказа, об увольнении последнего на основании п. 9 закона от 26 декабря 1905 г. от занимаемой должности. 25 августа 1907 г. Б. Саросек приступил к исполнению обязанностей настоятеля Верковского костела Виленской губернии [518, л. 19, 28].

Таким образом, сокращение числа римско-католических храмов наносило мощный удар по позициям, традиционно занимаемым костелом в системе конфессиональных отношений на белорусских землях. Это, кроме прочего, означало сокращение числа верующих – опоры костела в крае. В создавшейся ситуации на первый план для римско-католического духовенства выступала задача выживания, сохранения хотя бы части былого влияния без открытого выступления против существующего порядка. Жесткая политика царских властей не оставляла возможности для деятельного участия в национальном и революционном движении и принуждала римско-католический костел быть лояльным по отношению к российскому самодержавию. После указа о веротерпимости, дававшего возможность хотя бы частично вернуть подвергнутые конверсии либо закрытые костелы, римско-католическое духовенство совместно с прихожанами начинает активно действовать в этом направлении. Политическая ситуация в стране заставляла власти прислушиваться к мнению римско-католической паствы и зачастую, вопреки желанию православного духовенства,

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Адамов, А.Е. Дипломатия Ватикана в начальную эпоху империализма 1887–1900 / А.Е. Адамов. – М., 1931. – 356 с.
- 2 Адамовіч, С. Занядбаная святыня. 3 гісторыі касцела Зембінскага дамініканскага кляштара / С. Адамовіч // Наша вера. – 1999. – № 1. – С. 60–63.
- 3 Аксаков, И.С. Польский вопрос и западно-русское дело / И.С. Аксаков. – СПб.: Имперская библиотека, 1886. – 884 с.
- 4 Аксаков, И.С. Славянский вопрос. 1860–1886 / И.С. Аксаков. – М.: тип. М.Г. Волчанина, 1886. – 771 с.
- 5 Актуальные вопросы научного атеизма и истории религии: сб. науч. тр. / Гродненский государственный университет; редкол.: Г.А. Мартиросов (отв. ред.), Я.Н. Мараш, Н.Н. Беспамятных. – Гродно: ГрГУ, 1985. – 115 с.
- 6 Акты и грамоты об устройстве и управлении Римско-католической церкви в Империи Российской и Царстве Польском. – СПб., 1849.
- 7 Александровіч, М.А. Свято ў цемры: 3 гісторыі свабодамыснасці і атэізму ў Беларусі / М.А. Александровіч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1960. – 237 с.
- 8 Аникиевич, К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии: Опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистических отношениях / К.Т. Аникиевич. – Могилев: Губ. тип., 1907. – 148 с.
- 9 Аппеева, Т.М. Религия и современная идеологическая борьба / Т.М. Аппеева. – Мінск: Вышэйшая школа, 1980. – 237 с.
- 10 Арсеньев, К.К. Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. / К.К. Арсеньев. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 307 с.
- 11 Архиепископ Афанасий [Маргос]. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / Архиепископ Афанасий [Маргос]. – Мінск: Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 299 с.
- 12 Архитектура Белоруссии / У.В. Алисейчик, С.Г. Антипов, С.Г. Багласов [и др.]. – Мінск: Беларус. Сов. Энцикл., 1982. – 228 с.
- 13 Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / А.М. Ткачоў, У.С. Пасэ, Г.Р. Сянькевіч [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
- 14 Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям; составлен при министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в западных губерниях. – СПб., 1864. – 8 с.
- 15 Бараноўскі, А. Роля магнатаў у караначы абразоў Божай Маці ў Вялікім Княстве Літоўскім / А. Бараноўскі // Спадчына. – 2002. – № 5–6. – С. 47–55.
- 16 Барыс, С. Адраджэнне рэлігійнага жыцця ў Беларусі / С. Барыс // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 5. – С. 16–27.
- 17 Батюшков, П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края / П.Н. Батюшков. – СПб., 1890. – 184 с.
- 18 Бачышча, Ю.А. Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызма ў Беларусі (1900 – 1914 гг.): аўтарэф. ... дыс. канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ю.А. Бачышча; Беларус. дзярж. педаг. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 2003. – 19 с.
- 19 Бачышча, Ю.А. Крыніцазнаўчы і гістарыяграфічны агляды нацыянальна-рэлігійнай палітыкі царскага ўрада ў пачатку XX ст. / Ю.А. Бачышча // Вес. Беларус. дзярж. педаг. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 153–156.
- 20 Бачышча, Ю.А. Погляды П.Д. Святаполк-Мірскага на канфесійную палітыку ў Паўночна-Заходнім краі і іх ажыццяўленне / Ю.А. Бачышча // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастрыч. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т; рэдкал.: У.В. Тугай [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 119–121.

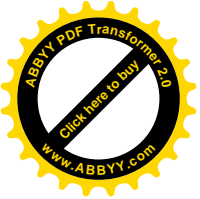
защита традиций религиозного воспитания детей-католиков способствовала сохранению одной из особенностей белорусского этноса – поликонфессиональности.

Царское правительство препятствовало религиозной жизни римско-католических верующих, ограничивая свободу отправления религиозного культа, пастырскую работу римско-католического духовенства на белорусских землях. Сохранение традиционных для белорусских католиков форм религиозной жизни было важным для авторитета костела среди верующих. В связи с этим, строго следуя предписаниям властей, католические священники использовали любую неточность или недосказанность в этих правилах, чтобы сохранить сложившуюся систему обрядов, ритуалов. Независимо от целей костела, такое отношение к традициям способствовало сбережению важных составляющих народной культуры Беларуси.

Результаты исследования дополняют накопленный материал по истории католицизма в Беларуси, по историографии конфессий в рассматриваемый период. Они могут быть использованы в учебном процессе, в рамках чтения определенных курсов и спецкурсов, при подготовке соответствующих учебных, научных и научно-методических пособий по истории Беларуси и России, отечественной историографии, истории конфессий.

решать спорные вопросы о принадлежности храмов либо строительстве новых костелов в пользу католиков. Процесс возвращения костелов или строительства новых осложнялся крайне запутанной, забюрократизированной системой управления делами иноверцев. Вместе с тем настойчивость католического клира и его паствы в деле костельного строительства в последнее предреволюционное десятилетие ощутило укрепила позиции римско-католического костела в крае.

3 ПРОЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ И ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

3.1 Введение русского языка в «дополнительное» римско-католическое богослужение

3.1.1 Мероприятия правительства Российской империи по введению русского языка в 60-х – 80-х гг. XIX в.

После восстания 1863 г. политическая ситуация была напряженной, и правительству важно было как можно скорее предотвратить малейшую возможность повторения событий недавнего прошлого, польский язык приобрел семантику «связи со старою эпохой мятежа», и откладывая вопрос о сокращении его бытования в крае стало далее невозможно [521, с. 365].

В создавшейся ситуации правительство понимало невозможность насильственного введения православия для всех жителей-христиан западного края; оно вынуждено было примириться с «русским католичеством» как таковым, но хотело добиться по крайней мере того, чтобы «русские католики были русскими» [521, с. 356]. «Маргинальное» в силу своего этнического и религиозного статуса, русское население этой территории должно было стать оплотом политики русификации, способствующим укреплению политической «лояльности» края по отношению к правительству.

М.Н. Муравьев, как и И.П. Корнилов, вопрос языка напрямую не увязывал с преобладанием над католичеством, с быстрым проникновением «русскости» в край. Для них важнее была сама связь костелов с «польскостью», с костелами Польши, с необходимостью подчинить костел российскому правительству, как духовный институт, влияющий на сознание своей паствы. К.П. фон-Кауфман также недоверчиво смотрел на введение русского языка в римско-католическое богослужение [389, с. 222].

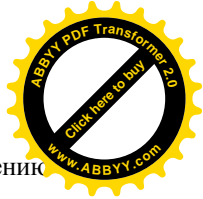
Это же мнение высказывал и попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов: «Полагают, - писал И.П. Корнилов, - что латинство опасно только потому, что оно в соединении с полонизмом. Если в костелах народ будет читать молитвы по-русски, а не по-польски, то и латинство и полонизм не будут опасны... Пока в Западном крае будет католицизм на русском ли, на польском или другом языке – все равно, до тех пор здешние католики будут в

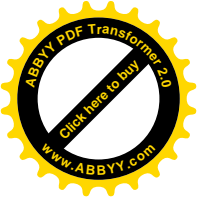
вынуждала римско-католический костел быть лояльным по отношению к российскому самодержавию.

Царское правительство стремилось к максимальному ограничению влияния римско-католического духовенства на воспитание и образование подрастающего поколения. Римско-католический костел, утратив прочные позиции в учебных заведениях вследствие секуляризации и русификации школы, стремился сохранить участие в духовном воспитании детей-католиков, что было принципиально важно для него. Позиция училищной администрации, а также гражданских властей в вопросе присутствия римско-католических священников в школьном деле на протяжении исследуемого периода не была последовательной. Жесткое противостояние 1860–1870 гг. к концу столетия постепенно уступает место более конструктивным мерам.

Появление и развитие римско-католических братств явилось не только данью традиции, но и ответом римско-католического костела, паствы на конфессиональную и национальную политику царского правительства. Костел, явно не выступая организатором этих обществ, активно поддерживал их, прежде всего морально. Католические общества были его опорой среди паствы, позволяли воздействовать на верующих не только в храме, но и за его стенами. В условиях постоянного полицейского надзора, антикатолической настроенности правительства римско-католические объединения вынуждены были приспосабливаться, искать качественно иную форму своего существования.

Введение русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях не стало препятствием для занятия ксендзами должностей законоучителей. Вопрос о русском языке переводился в область теологических споров: противоречит ли это каноническому праву, либо таким противоречием можно пренебречь. Приверженность к польскому языку в данном случае подкреплялась не столько патриотическими чувствами ксендзов, сколько стремлением сохранить давние традиции, отказ от которых мог пошатнуть авторитет костела среди верующих-католиков, уменьшить число приверженцев католической веры. Стремясь сохранить свое влияние в сфере образования, отстоять право учить основам веры на польском (традиционном и официально принятом Конгрегацией обрядов) языке, костел неизменно демонстрировал лояльность в отношениях с властями, подчеркивая свое стремление быть легитимным религиозным институтом Российской империи. Независимо от стремлений самого римско-католического костела, его

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После подавления восстания 1863 г. правительство Российской империи предприняло целую серию мер, направленных на полный контроль над римско-католическим костелом в соответствии с действовавшей практикой подчинения церкви государственному аппарату. В правовом отношении костел в Российской империи вследствие нескольких десятилетий законодательства оказался выведен из-под непосредственного влияния Римской курии и включен в российскую правовую систему. Это означало фактическую ликвидацию автономности данной структуры, зависимость ее от светской власти, беззащитность от произвола, преследований в случае неповиновения или оппозиционности к политике, проводимой царизмом. Несмотря на целый ряд мероприятий, которые ставили костел в зависимое от государства положение, царскому правительству не удалось достигнуть в исследуемый период поставленных задач в полном объеме. Были сохранены канонические связи местного костела с Римской курией, с которой светская власть старалась поддерживать дипломатические отношения. Римско-католический костел сохранил свое влияние в обществе благодаря политической гибкости высших иерархов, а также поддержке паствы.

Зависимое от государства положение римско-католического костела отразилось, прежде всего, в административной сфере. Установленный над костелом контроль предусматривал определение светской властью его епархиальной организации, которое проводилось в исследуемый период без согласования с представителями духовенства. В 1869 г. была упразднена Минская римско-католическая епархия, произвольно изменялись границы приходов. Сокращение числа римско-католических храмов наносило мощный удар по позициям, традиционно занимаемым костелом в системе конфессиональных отношений на белорусских землях. Вследствие чего состоялось значительное ослабление епархиальных структур, уменьшилась численность приходов. Римско-католическое духовенство не могло посещать соседние храмы без дозволения светской власти, что вело к ослаблению римско-католического влияния, сокращению числа верующих – опоры костела в крае. На первый план для римско-католического духовенства выступала задача выживания, сохранения хотя бы части былого влияния без открытого выступления против существующего порядка. Жесткая политика царских властей не оставляла возможности для деятельного участия в национально-освободительном и революционном движении и

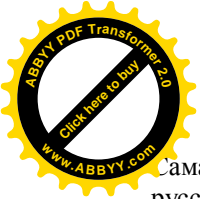

вероисповедной связи с западом и будут тяготеть к Польше, как части к целому» [389, с. 219].

По словам А.Е. Горизонтова, ситуация, в которой приходилось действовать правительству, еще более усложнится, если принять во внимание позднее формирование национального самосознания низов, характерное для простолюдинов отождествление костела с «польской религией», а также наличие массы «мнимо-православных» и «упорствующих» среди бывших униатов, этноконфессиональная ориентация которых в различное время оценивалась властями по-разному [97, с. 106]. «Народ, — свидетельствовал в 1876 г. витебский губернатор, — до того усвоил себе этот, в сущности извращенный взгляд, что никаким образом не может представить, чтобы католик, русский подданный, мог быть не поляком, хотя родословная, не далее как от деда, ясно доказывает, что род этого лица был чисто русский или литовский, самый преданный православию... Всякий католик в здешнем крае, какого бы происхождения ни был, считает себя поляком, да и друзья смотрят на него точно так же» [828, с. 62].

А. Владимиров также присоединился к этому вопросу, представив К.П. Кауфману, прибывшему в г. Вильно в 1865 г., «Записку о введении русского языка в римско-католическое богослужение в Западной России». Тем самым, как он считал, католицизм обезвреживался для русского государства и русской народности, отделялся от полонизма и располячивался [68, с. 106]. А. Владимиров полагал, что опасность ополячивания западнорусского населения посредством польско-католического костела увеличивается еще более тем обстоятельством, что польский и русский языки чрезвычайно близки друг к другу и что для польских патриотов ополячивание западнорусского народа является неперемennым условием восстановления Польши по известному девизу – «Без Литвы нет Польши» [68, с. 108].

Виленский православный митрополит И. Семашко отметил, что план этот есть измышление непростительного легкомыслия. Эти же слова повторялись в г. Вильно многими. Генерал-губернатор фон-Кауфман учредил комиссию для обсуждения вопроса по введению русского языка в римско-католическое богослужение, в которой оказались противниками плану все члены, за исключением председателя А.П. Стороженко. Да еще из Москвы энергично ратовали за перевод «Московские ведомости» [68, с. 111]. В «комиссию Стороженки» входили такие лица как Жилинский, Немекша, Тупальский, Козловский. Впоследствии в трудах комиссии приняли участие и другие лица: Безсонов, Говорский, Деревницкий, Ратч,

Самарин и др. Большинство членов комиссии высказалось за введение русского языка в римско-католическое богослужение⁴ [431, с. 7].

План «располячивания» костела был одобрен императором Александром II во время его возвращения из-за границы через г. Вильно в июне 1867 г. [830, с. 14].

Министерство внутренних дел в 1867 г. сделало запрос в Римско-католическую духовную коллегия по поводу введения в костел русского языка. Коллегия, в свою очередь, обратилась за разрешением вопроса к епископам, которые единогласно заявили держаться правила: «nihil innovetur, nisi quod traditum est» [1125, s. 131]. 7 июня 1868 г. Римско-Католическая Духовная Коллегия дала официальный ответ: молитва за царя на русском языке производиться без специального разрешения Папы не могла, только на латыни или на польском языке, так как Папой Римским в римско-католическое богослужение для жителей так называемых западнорусских губерний были допущены как общенародные польский, литовский и латышский языки [845, с. 132]. Но еще 1 марта 1804 г. Сенат Российской империи выразил общее высочайше утвержденное положение, что «применение правил латинской церкви допускается в такой только мере, в какой они не противоречат общим государственным и гражданским законам, для блага и пользы Российского государства изданным» [830, с. 83].

В печати началась критика ответа духовной Коллегии. Сущность его сводилась к тому, что отклик этот фальсифицировал исторические факты и не основывался на документах. Оппоненты приводили в качестве доказательств постановления местных соборов (1604, 1607, 1628, 1744 гг.), утвержденных Папой, которые предписывали римско-католическому духовенству западных губерний говорить проповеди и вести богослужение на родном языке, понятном верующим и простолюдинам. Для российского общества было «бесспорным» и «очевидным», что таким языком для белорусов является русский язык, поэтому борьба, считалось, должна вестись за то, чтобы «восстановить в белорусских костелах русский язык» [845, с. 132].

20 ноября 1868 г. в «Московских ведомостях» М. Катков обращал внимание на парадоксальное явление: римско-католическая церковь все еще имела возможность заниматься в России ополячиванием [65, с. 326].

⁴ Подробнее о мнениях российской общественности и правительственных лиц см. в трудах Д. Чихачева, А.Ф. Смоленчука [830, с. 14, 66; 731, с. 64–66].

неточность или недосказанность в них, чтобы сохранить веками сложившуюся религиозную практику, – это обеспечивало доверие паствы, усиливало влияние католического духовенства на верующих. Независимо от целей, которые преследовал костел, сохранение традиционных форм религиозного культа способствовало сохранению важных составляющих народной культуры.

ту местность, и, пригласив с собой земского начальника, отправились в г. Дрогичин. В 6 часов вечера вице-губернатор посетил настоятеля Дрогичинского костела. После разговора с православным священником Сталяров решил перенести крест на католическое кладбище. Перевозка и постанова креста совершены были без всяких инцидентов и к 7 часам утра, т.е. до рассвета, поручение губернатора было исполнено. Местное население, благодаря принятым мерам, не было осведомлено о времени снятия креста. На утро 17 января скопления народа не было. Конные стражники были отправлены в г. Бельск, а пешие стражники в числе 11 человек были оставлены для охраны монастыря.

31 января 1907 г. епископ Гродненский и Брестский Михаил выразил глубокую благодарность Гродненскому губернатору: «Благодаря принятым Вами решительным мерам, так успешно осуществленным командированным Вашим Превосходительством в г. Дрогичин г. Вице-губернатором В.В. Сталяровым, православное население г. Дрогичина получило полное удовлетворение, а насильники, постановкой креста желавшие кощунственно достигнуть каких-то особых скрытых целей, ничего общего с религией не имеющих, должны понять, что правительство осуждает всякое насилие, в какой бы форме оно не обозначалось» [506, л. 54–55, 65].

Этот случай убедительно показывает, что достигнутое согласие среди духовных представителей различных конфессий местной светской властью еще не являлось залогом успеха в решении общественных конфликтов, в центре которых находились вопросы веры. Гражданские администраторы, даже являясь глубоко верующими людьми или, точнее, часто посещающими храм, поступали согласно занимаемой должности и отстаивали соответствующие позиции, основой которых выступали формальные правила, законы. В данном сюжете примечателен не столько сам факт постанова и переноса креста, сколько страх, вернее, зависимость позиции светской и духовной власти от мнения паствы. Но это лишь один случай из многих, имевших место на территории Беларуси в начале XX в. Изучение, подробное исследование множества других схожих ситуаций сможет дать ответ о путях, способах, методах разрешения проблем, так или иначе связанных с религиозной ситуацией в крае.

Таким образом, одним из важных направлений деятельности костела на территории Беларуси в изучаемый период явилось отстаивание традиционных форм религиозной жизни. Правительство, не запрещая многие из них ввиду явного ущемления прав верующих, приняло тактику их чрезмерной регламентации. Римско-католический костел, принимая эти правила, стремился использовать любую

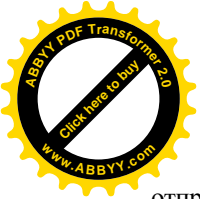
13 декабря 1869 г. Виленский проект перешел из министерства внутренних дел на обсуждение особой комиссии, составленной из высших чиновников империи и генерал-губернаторов Северо-Западного края, председателем которой был великий князь Константин Николаевич, секретарем – граф Сиверс. Мнение комиссии разделилось: часть комиссии, меньшая, включая К. Николаевича, военного министра Д. Милютину, графа Толстого и князя Гагарина была за принудительное введение русского языка, другая (князь Дондуков-Корсаков и князь Горчаков) высказалась против «располячивания» костела в интересах православия, большинство же, включая министра внутренних дел Тимашева, начальника III отделения графа Шувалова, а также графов Адлерберга, Бобринского, Палена и Рейтерна, – стояло за разрешение богослужения на русском языке и отмену запрещения, существовавшего со времен Николая I [830, с. 14; 731, с. 66]. Комиссией смущал указ Николая I от 15 июня 1848 г., воспрещающий употребление русского языка в католическом богослужении. Прежде всего это запрещение следовало снять и затем дозволить употребление русского языка в «дополнительном» богослужении.

Результатом занятий комиссии стал указ императора от 25 декабря 1869 г., сущность которого заключалась в следующем:

- 1) запрет употреблять русскую речь в католических храмах отменялся;
- 2) иноверам дозволялось употреблять русский язык в своем богослужении;
- 3) с прошением об этом прихожане обязаны обращаться к своему приходскому священнику, который должен был уведомить об этом епархиальное начальство, а оно доносило министру внутренних дел, который и разрешал дело.

Как видно, католикам предоставлялась свобода выбора – пользоваться русским языком или остаться при польском [431].

Император Российской империи Александр II указом от 25 декабря 1869 г. разрешил в западных провинциях использовать русский язык в римско-католическом богослужении там, где это соответствовало нуждам прихожан. Высочайший указ от 25 декабря 1869 г., а также разъяснение министра внутренних дел Тимашева были озвучены через исправников и мировых судей (см. приложение Д) [211, л. 244]. Со стороны светской администрации Российской империи оказывалось давление на руководителей римско-католических епархий с целью активизации процесса посредством решительных действий местного римско-католического духовенства.

В Виленской губернии была зафиксирована попытка отправить через почту ксендзам воззвание «Общество польских священников эмигрантов к польскому духовенству в краях забранной Россией», в котором содержался призыв не соглашаться на введение русского языка в богослужение. Воззвание это было передано из Парижа, составлено от 8 мая 1870 г., литографированное, на польском языке, подписано по поручению совета общества польских священников эмигрантов представителем ксендзом Л. Кржелинским и скреплено за секретаря ксендзом А. Слотовинским. В остальных губерниях Беларуси подобных фактов зафиксировано не было [229, л. 30].

Могилевский архиепископ Максимилиан Станевский (1795–1871 гг.; управлял Могилевской архиепархией в 1869–1871 гг.) в 1870 г. писал Луцко-Житомирскому епископу В. Боровскому: «Мы привыкли и сроднились с польским языком в религии, но если высшие соображения государя, в общих интересах его народа, повелевают нам пожертвовать им для общего блага, то мы должны это сделать с радостью» [504, с. 25]. Польский исследователь З. Наградский утверждал, что первоначально М. Станевский был против русского требника, но после предложения ему 15 000 рублей серебром он не только согласился на апробацию требника, а даже взял этот процесс под свой непосредственный контроль в Могилевской и Витебской губернии⁵. З. Наградский утверждал, что в Могилевской архиепархии при М. Станевском процветала коррупция: на один только юбилей подарки архиепископу от правительства составили сумму 30 000 рублей. З. Наградский объяснял это благодарностью М. Станевскому за несопротивление действиям правительства в отношении костела [995, s. 76, 108].

В отличие от З. Наградского, А. Важинский заверял в 1891 г. читателя, что директор Департамента духовных дел Сиверс в 1869 г. предложил М. Станевскому дать оценку плана перехода на русский язык в римско-католическом богослужении – митрополит ушел от ответа, сославшись на волю Римского Папы, что он даже попробовать это не имеет права. М. Станевский просил отказаться от этих действий из-за возможных тяжелейших последствий, но Сиверс разослал материалы ритуалов (впоследствии ритуалистами станут называть тех

⁵ А. Важинский утверждал, что за активное участие в деле по введению русского языка в римско-католическое богослужение декану Минскому, Игуменскому и Наднеманскому, визитатору костелов Минской губернии, администратору приходского костела в г. Минске на Троицкой горе Ф. Сенчиковскому правительство заплатило 12 000 руб. [1098, s.100].

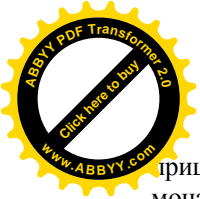

вырыть крест силами полиции рано утром, часов в 5, и отнести его ксендзу, указав на последующую личную ответственность священнослужителя за сохранность креста, с запрещением водружать крест на монастырской земле. И если он или прихожане пожелали бы воздвигнуть его, то это могло быть осуществимо ими в пределах костельной ограды или на католическом кладбище. В случае отказа принять крест, таковой должен быть оставлен на его попечении и ответственности, а по факту отказа был бы составлен протокол. Уничтожение освященного креста или порча его полицией Гродненский губернатор считал делом совершенно недопустимым: такому акту в среде католического населения края было бы, несомненно, придано кощунственное значение, что до крайности осложнило бы положение и повлекло бы за собой серьезные беспорядки.

Исполнение сложного и ответственного поручения по снятию и переносу Дрогичинского креста Гродненский губернатор возложил на вице-губернатора действительного статского советника Сталярова. До 12 января 1907 г. губернатор запретил переносить крест, так как 12 января начинались подготовительные выборы в Государственную Думу и на это число были назначены волостные сходы для избрания уполномоченных от волостей в Думу. Сходы желательно было бы провести в полном порядке, устранив все поводы и обстоятельства, которые могли бы послужить предлогом к обострению «племенной и религиозной розни»: под влиянием пробудившихся бы страстей католическое население могло бы подать свои голоса за людей более крайнего направления. Ввиду изложенного, снятие и перенос Дрогичинского креста предполагалось осуществить между 13 и 20 января, избрав для этого будний и не базарный день [506, л. 40–41].

3 января 1907 г. Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор одобрил план Гродненского губернатора, разработанный 28 декабря 1906 г. Главный начальник Северо-Западного края предложил также задействовать в случае необходимости 19 армейский корпус генерал-лейтенанта Саранчева, квартировавшего в г. Брест-Литовске [506, л. 42, 47].

16 января 1907 г. вице-губернатор Столяров прибыл в местечко Семятичи Бельского уезда вместе с исправником, где сделал распоряжение о приготовлении к выступлению квартировавшей там роты Осовецкого крепостного батальона в г. Дрогичин по первому его требованию. Конные стражники, под командой подпоручика Фабра, прибыли накануне в м. Семятичи. Столяров приказал, чтобы стражники через полчаса после его отъезда в г. Дрогичин двинулись в

пришел к заключению, что снятие креста у ворот Дрогичинского монастыря могло бы осуществиться по нижеследующему плану.

Наиболее желательным для власти было бы совершить как снятие креста, так и перенос его непосредственно попечении местного ксендза. Причем ввиду того, что крест этот в свое время был освящен по католическому обряду, то желательно и перенос было обставить соответственной торжественностью, при непременно условии обеспечения и сохранения полного порядка. Подходящим местом для постановки перенесенного креста являлось бы место внутри костельной ограды или же участок на католическом кладбище. В крайнем случае, его можно было поставить где-либо и на обочине дороги. Но в таком случае вне г. Дрогичина и вдали от монастырской ограды. Помещение креста внутри костельной ограды или на кладбище являлось более предпочтительным, так как устраняло бы возможность специального к этому кресту паломничества и, таким образом, в большей мере способствовало сохранению порядка и спокойствия. Если бы удалось побудить ксендза осуществить перенос креста, то этим не только открывался бы доступ в ворота монастыря, но в то же время местное католическое население лишалось бы поводов к тому, чтобы окружить этот крест «тенденциозным ореолом святости», а также устранялись бы поводы к неприязни в отношении местных православных и монастыря.

Таким образом, воздействие на ксендза в целях оказания им влияния на своих прихожан и переноса креста поставлено было на первое место в намеченном плане. Однако рассчитывать на ксендза было трудно. Местный ксендз Баневич заслужил репутацию «неблагонадежного»: 31 мая 1905 г. он, совершая крестный ход в д. Клещовка, освятил построенный дом бывшего православного крестьянина А. Яроцкого, присоединившегося 7 мая к католицизму всей семьей. Сам священник, предвидя могущие быть из-за креста осложнения, подумывал о том, как бы ему своевременно перейти из г. Дрогичина в другое место. О своей же пастве ксендз отзывался неодобрительно: на его неоднократные увещания снять крест прихожане отвечали категорическим отказом (в г. Дрогичине проживало около 1900 жителей: 600 человек православных, 700 – католиков, 600 – евреев). Ввиду этого, если не удалось бы побудить в желаемом направлении ксендза, то тогда снятие и перенос его предстояло осуществить мерами полиции, не привлекая к процессу никого из местных православных: участие последних в снятии креста послужило бы на долгое время лишним поводом для острой неприязни к ним местного католического населения. В таком случае предстояло

ксендзов, кто примет русский язык в богослужение) по римско-католическим епархиям, будто бы с разрешения администратора Могилевской архиепархии М. Станевского. Рассылка материалов сопровождалась подарками. В Могилевскую архиепархию переслали 15 000 рублей для празднования юбилея М. Станевского. Сам администратор после этого распорядился разослать ритуалы по деканатам. В Луцко-Житомирской епархии епископ К. Боровский воспротивился этому, за что и был вывезен (сослан) в г. Пензу [1098, s. 90].

24 февраля 1871 г. М. Станевский в послании к римско-католическому духовенству Могилевской епархии писал: «Как пастырь могу вас заверить, что введение русского языка в дополнительное богослужение не представляет собой никакой опасности для нашей святой римско-католической веры» [671, с. 74]. С другой стороны, М. Станевский был согласен на русский язык только при условии, что само население пожелало бы его введения, что было отмечено им в письме от 11 августа 1870 г. в министерство внутренних дел [671, с. 74]. Значит, М. Станевский «не совсем предатель», да и значимость подарков стоит оценивать ситуацией и положением человека в обществе. Вопрос слишком тонок: с одной стороны, традиция, костельная и дипломатическая, с другой – желание паствы и клира.

В марте 1871 г. настоятели Могилевской архиепархии уведомили архиепископа, что население, кроме Лепельского и Нежинского приходов, где богослужения уже отправлялись на русском языке, не желало введения русского языка [671, с. 75].

1870 -год введения русского языка в богослужение, вообще начался целым рядом особенных демонстраций среди духовенства Виленской римско-католической епархии. Публичной ареной для этих демонстраций, отличавшихся какой-то театральностью, эффектностью и искусственностью, служил «Виленский вестник». В ноябре 1869 г. прелат П. Жилинский, уже ставший администратором Виленской епархии после ссылки епископа Красинского в Вятку в 1863 г., посетил Петербург по приглашению министра внутренних дел и директора Департамента духовных исповеданий Сиверса, представлялся министру внутренних дел графу Валугеву, которому объявил себя «сущим католиком и ревностным русским патриотом, готовым всем пожертвовать за Отечество и Государя», представлялся затем императору, перед которым ручался за благонадежность вверенного его управлению духовенства [58, с. 29; 1098, s. 83]. По возвращении из Санкт-Петербурга прелат собрал у себя римско-католическое духовенство и держал перед ними речь, в которой живописал

подчиненному духовенству свою поездку: как целовал руку императору; хвалился полученной от царя наградой – орденом св. Анны 2 степени с короной. Также решено было, чтобы все ксендзы прислали верноподданнические адреса по отношению к властям Российской империи. Верноподданнические адреса пришли из Виленского, Бобруйского, Слуцкого деканатов, но ни одно доверительное отношение не было прислано из Ковенской и Гродненской губернии, из Виленской тоже далеко не все уезды отправили адреса⁶. Более того, некоторая часть римско-католического духовенства открыто упрекнула П. Жилинского в предательстве Отчизны [58, с. 32; 389, с. 433–434]. Ходили слухи, что П. Жилинский совместно с прелатом Э. Тупальским подделывают адреса: П. Жилинский хотел остаться и католиком, и россиянином – сыном матери-России [1098, с. 86].

Администратор Виленской римско-католической епархии ритуалы рассылал через консисторию с приказом по деканатам, чтобы все духовенство рассылавось дважды: один раз – для епархиальных властей, а другой – для представления губернаторам. Нажим, который только что использовался в отношении составления верноподданнических адресов, перенесен был на подписи, выражающие согласие на ритуалы. Об их непосредственном употреблении речь еще не шла – нужны были подписи и только подписи. Духовенство, тем временем, указывало П. Жилинскому на Тридентский собор, что только Папа может решать такие дела, что это есть прямой путь к схизме [1098, с. 90]. Появились ксендзы, открыто выступившие против таких ритуалов. В Ошмянском деканате сам декан Адам Козмян отрекся от должности, дабы своих братьев-ксендзов не принуждать к подписям за русифицированный ритуал. Большинство ксендзов выразило готовность уйти лучше в монастырь, чем подписывать ритуалы. Тем не менее, по утверждению А. Важинского, в Виленской епархии к 1872 г. подписались из 616 представителей римско-католического духовенства лишь 115, из которых умерло вскоре 4, а 11 передумали [1098, с. 98]. Б. Кумор приводит следующие данные: в Виленской римско-католической епархии (территории Виленской, Гродненской и Минской губерний (с

⁶ В 1895 г. в статье «Религиозно-политические идеалы польского общества» журнала «Северный вестник», утверждалось, что верноподданнические адреса были присланы римско-католическим духовенством добровольно из губерний Ковенской и Гродненской, из Минской заявил о себе только один лишь Слуцкий уезд [677, с. 433–434].

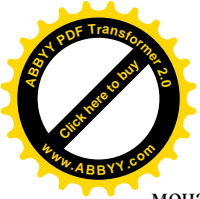
католикам и больше шансов получить просимое. Епископ Никанор распорядился о заделке входа в усыпальницу 506, л. 6].

Бельскому уездному исправнику удалось выяснить, что в воздвижении крестов участвовало почти все католическое население г. Дрогичина. По словам участников, кресты были поставлены в память 50-летнего юбилея, исполнившегося в декабре 1904 г. по случаю объявления Римским Папой нового догмата о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы (на один крест были прибиты картины с изображением Пия IX и Льва XIII). 5 февраля 1905 г. кресты были публично освящены настоятелем Дрогичинского костела ксендзом Баневичем [506, л. 11].

Епископ Никанор просил губернатора перенести кресты подальше от православных построек, поскольку они нарушали имущественные права православной церкви. Гродненский губернатор не решался на подобный поступок: деревянные кресты, постановка которых не запрещалась законом и не требовала к этому времени особого разрешения, не могли нарушать подобных прав; а вот их перенесение могло оскорбить чувства местного католического населения и вызвать нежелательные для правительства религиозные волнения, особенно в это напряженное время (25 апреля 1905 г.) [506, л. 13].

На деле оказалось, что у ворот православного монастыря был поставлен только один крест, а второй крест, представлявший из себя старинный каменный столб с нишей, в которой находилась фигура св. Иоанна и распятие Иисуса Христа, стоявший при дороге, ведущей на д. Синевичи от г. Дрогичина, был отремонтирован местными жителями В. Завадским и Вл. Омеруном. За допущение ошибки в расследовании Бельский уездный исправник был снят с занимаемой должности [506, л. 18].

Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор, исчерпав все меры мирного воздействия на жителей-католиков г. Дрогичина, дабы они устранили демонстративно поставленный в воротах здания бывшего бенедиктинского монастыря, а ныне Красностоцкой женской Свято-Богородицкой обители крест, несмотря, в том числе, и на личные увещания их Виленским римско-католическим епископом и местным настоятелем, признал 16 декабря 1906 г. единственно целесообразным изъять крест административными мерами, а в случае необходимости – применить военную силу [506, л. 37]. Гродненский губернатор, выслушав 27 декабря 1906 г. доклад и.д. Бельского исправника Радецкого, а также учтя результаты личной беседы с преосвященным епископом Гродненским и Брестским,

1 января 1905 г. при полуразрушенном костеле закрытого монастыря тайно были поставлены два обнесенных оградой католических креста: без надписей, но с иконами Спасителя и Богородицы. Начальник Гродненского губернского жандармского управления предположил, что подобный поступок явился реакцией местного населения на демонстративные и бестактные пренебрежения к костелу и ксендзам отца Будиловича, связанные с личными материальными интересами [506, л. 9].

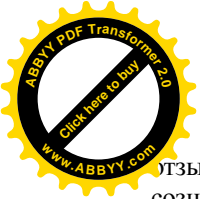
Еще 1 июля 1904 г. Бельский уездный исправник, проезжая мимо заштатного г. Дрогичина, решил осмотреть закрытый в 1863 г. костел бывшего женского римско-католического монастыря. Монастырские постройки, переданные православным духовным ведомством в ведение священника Дрогичинской Николаевской православной церкви Иллариона Будиловича, разбирались для различных светских построек. При посещении склепа исправником были найдены два гроба, наполненные различными костями и остатками одежды, не принадлежавшими ни одной из погребенных: кости и одежда были попросту свалены в них, черепа отсутствовали, с некоторых костей были срезаны части полуистлевших костных покровов, а остальные были разбросаны по полу. По негласным сведениям уездный исправник узнал, что гробов в подземелье было прежде гораздо больше, что они были проданы для похорон бедняков, а кости из них сложены в оставшиеся гробы. 21 июля 1904 г. Гродненский губернатор обратился за разъяснениями к преосвященному Никанору – епископу Гродненскому и Брестскому [506, л. 1]. Последний командировал в заштатный г. Дрогичин протоиерея Бельского собора Павла Зелинского – для проверки на месте всех обстоятельств [506, л. 4]. Последний факт продажи ветхих гробов из усыпальницы упраздненного костела, а равно поругание костей, лежащих там, ничем не подтвердился. Епископ Никанор напомнил Гродненскому губернатору о письме графа Островского (жителя Селецкой губернии) от 21 июня 1904 г. к священнику Будиловичу, в котором он просил принять меры по охранению по-монастырских построек упраздненного костела, ввиду возбужденного им ходатайства о возврате римско-католикам костела и зданий. Это письмо, а также посещение закрытого костела в июне местным ксендзом Баневичем совместно с Бельским уездным исправником доказывало, по заключению протоиерея П. Зелинского, что «польская партия» прибегла к обвинению отца Будиловича в небрежении к охранению от поруганий погребенных при костеле, чтобы иметь больше побуждений хлопотать перед правительством о возврате костельного здания

1869 г. по 1883 г.) за использование русского языка в римско-католическом богослужении выступили 4 члена капитула, 4 декана и около 60 ксендзов; противниками оказалось 7 каноников, 29 деканов и 600 ксендзов [970, s. 377].

По утверждению М. Каткова, само движение ксендзов за переход на русский язык началось с Самогитской епархии, а именно: 19 февраля 1869 г. в местечке Салатах Поневежского уезда настоятелем местного костела и законоучителем народной школы было отслужено первое молебствие на русском языке в доме школы в присутствии учеников и их родителей. Примеру Ковенских ксендзов последовали Минские, а за ними и из других губерний [372, с. 229]. Профессор Люблинского католического университета Б. Кумор утверждал, что первым на русском языке провел богослужение Д. Стацевич в костеле св. Екатерины в Петербурге в 1865 г., позже ставший ректором римско-католической духовной академии в Санкт-Петербурге, [970, s. 377]. Д. Чихачев считал, что первым использовал русский язык в молитве за царя настоятель костела в Бобруйской крепости Макаревич еще в 1862 г. [830, с. 14].

25 мая 1869 г. ксендзом-законоучителем Б. Заустинским совершено было в костеле монахинь бенедиктинок молебствие на русском языке в присутствии всех учеников и значительной публики [372, с. 230]. 8 июня 1869 г. в местечке Блони Игуменского уезда Минской губернии законоучитель народной школы ксендз Ф. Сенчиковский совершил в местном костеле молебствие на русском языке. После чего было окрещено несколько младенцев с произнесением молитв на русском языке. Продолжая начатое дело, Ф. Сенчиковский во все праздничные дни после литургии, совершаемой на латинском языке, всходил на хоры и, аккомпанируя себе на органе, пел на русском языке наиболее употребляемую у католиков священную песню: «Под Твою оборону притекаем, Дева!». Характерно, что дети, крещенные Ф. Сенчиковским с произнесением молитв по-русски, назывались прихожанами русскими. 27 июля 1869 г. в день рождения императрицы ксендз Ф. Сенчиковский совершил в Игуменском костеле мессу, после которой на русском языке произнес проповедь, в которой огласил мысль, что польский язык есть наследие иезуитской пропаганды, что белорусам следует возносить молитвы на родном языке, заключив проповедь словами: «Ты, Господи, не желаешь смерти грешных и ожидаешь их исправления; освяти умы белорусов, детей нашего русского отечества; дай им силу, соблюдая святые заповеди Твои доказать на деле, что в груди их бьется русское сердце» [372, с. 230–231]. Местные православные священники

отзывались о ксендзе Ф. Сенчиковском, как о человеке энергичном и сознательно преданном делу. Еще во времена приезда своего в приход в конце 1868 г. он уже употреблял в разговоре с домашними только русский язык [55, с. 342].

Свое мнение по поводу употребления русского языка в римско-католическом богослужении Ф. Сенчиковский изложил в «Литовских епархиальных ведомостях»: «Латинский язык, как литургический, должен остаться и остается, ибо это определено соборами, канонами и Папами. Но замена одного гражданского языка другим, тоже гражданским языком, совершенно позволительна и справедлива. Богу, Папе и соборам решительно все равно, на каком языке кто говорит, лишь бы только он был праведным католиком и исполнял по совести римско-католические обряды» [432, с. 5]. В июле 1869 г. в письме к Минскому римско-католическому епископу Войткевичу Ф. Сенчиковский заявил о своем твердом намерении содействовать «располячиванию» костела путем введения в католическое богослужение русского языка [727, с. 55]. 25 сентября 1869 г. Ф. Сенчиковский просил правительство «для добра российского отечества» запретить употребление на могильных постаменты польских надписей [1125, с. 131].

Как считает А.Ф. Смоленчук, настоящим побуждающим мотивом деятельности Ф. Сенчиковского следует считать его старание по «слиянию русских по народности и по унии белорусов с православием и Россией» [731, с. 68; 727, с. 55]. Как отметил Е. Жискар, Ф. Сенчиковский настолько завалил полицию доносами на ксендзов и рекомендациями по борьбе с польско-католическим фанатизмом, что надоел им всем [1125, с. 131].

10 августа 1869 г. законоучителем Мозырской гимназии магистром Лемпицким перед началом учения была произнесена речь и отслужено молебствие на русском языке. С этого дня магистр Лемпицкий все «дополнительные» службы стал совершать по-русски [372, с. 231]. И еще ряд ксендзов-законоучителей Минской губернии активно подключилось к этому процессу.

Главный начальник Северо-Западного края управляющий Виленским генерал-губернаторством 8 марта 1870 г. официально заявил, чтобы требник «Rituale Sacramentorum», с заменой в нем польского текста на русский язык, вводился в римско-католическое богослужение лишь по желанию прихожан. Бюрократы на местах старались дистанцироваться от топорных методов, применявшихся в 1864–1867 гг. в кампании массовых обращений в православие. Негласно генерал-губернатор обратился к Виленскому римско-

случаев при падении, а также, чтобы на крестах не было никаких надписей или таковые сделаны были исключительно на русском языке [653, л. 126–127].

Произошедшие перемены в законодательстве Российской империи позволили ставить и кресты с надписями на польском языке. 30 декабря 1905 г. главный начальник Северо-Западного края разрешил крестьянину Степану Адамовичу поставить крест при д. Крапивно Каменской волости Сокольского уезда с надписью на польском языке – в память посещения Виленским римско-католическим епископом в 1905 г. Дубровского прихода [653, л. 205].

30 июня 1908 г. крестьянин д. Пидовичи Гродненского уезда К. Препестя римско-католического исповедания возбудил ходатайство о разрешении ему поставить крест на принадлежавшей ему земле в память об усопших родителях. Ходатайство было отклонено, так как гражданская администрация не могла допустить, чтобы крестьяне ставили такие кресты при дорогах. В таком случае по примеру К. Препестя могли бы возбудить подобные ходатайства и другие крестьяне. Это, в свою очередь, привело бы к тому, что всюду около дорог появились бы кресты и дороги представляли бы собой кладбище. Дополнительным основанием для отказа послужили сведения о прохождении мимо того места, где крестьянин намеревался поставить крест, в 1863–1864 гг. повстанческих отрядов. А местный Гродненский уездный исправник и вовсе посчитал причину – забота о памяти родителей – вымышленной, а инициативу подачи ходатайства приписал ксендзу [618, л. 7].

Когда же дело не усугублялось подобными обстоятельствами, разрешение гражданской администрации следовало довольно быстро. 24 декабря 1908 г. Гродненский губернатор разрешил вместо старого деревянного креста в конце д. Пелищ Бресткого уезда крестьянину Г. Юрцу на собственной земле поставить новый металлический крест. Само же ходатайство было возбуждено 20 ноября 1908 г. [618, л. 23].

В нач. XX в. территория нынешней Беларуси представляла собой клубок национальных, религиозных и прочих проблем, унаследованных от предыдущего века. Новую остроту приобретали проблемы образования, политического представительства, дискриминации по этническим и религиозным признакам и, собственно, социально-экономические противоречия. Бурные события начала XX в. давали надежду римско-католикам на изменение в своем положении. Во многих местностях католическое население, не дожидаясь действий правительства, решительно заявляло о своих проблемах.

зачальник края разрешал подобные воздвижения: 14 и 16 марта 1905 г. крестьянам д. Марциновцы Гродненского уезда и д. Великие-Бобровники Волковысского уезда поставить железные кресты на испрашиваемых местах, предварительно рассмотрев проекты в строительном отделении Гродненского губернского правления; 24 марта 1905 г. крестьянину д. Дубровки Сокольского уезда поставить железный на каменном основании крест; 8 апреля 1905 г. мещанину Станиславу Дайновичу поставить при д. Гибуличи Гродненского уезда чугунный крест; 2 июня 1905 г. крестьянину д. Грабово Сокольского уезда О. Галецкому – два чугунных креста на каменном фундаменте при дороге, ведущей от д. Грабово к д. Крапивно и г. Демброво; 9 июня 1905 г. дворянке Елизавете Полубинской поставить на принадлежавшей ей земле каменный крест с иконой Божьей Матери [653, л. 94, 99, 110, 125, 134].

Переписка по делу Осипа Галецкого обратила особое внимание Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора на не вполне правильное и ясное толкование высочайше утвержденных 14 марта 1896 г. правил о постановке крестов и других священных изображений. Полиция в феврале 1904 г. привлекла к ответственности О. Галецкого за постановку в ограде собственной усадьбы чугунного креста на каменном пьедестале, вызвав тем самым справедливую, по мнению генерал-губернатора, с его стороны жалобу на излишнее стеснение римско-католического населения в отправлении им духовных потребностей.

Руководствуясь п. 3 ст. 1 высочайше утвержденного 11 февраля 1905 г. Положения Комитета министров о порядке исполнения 6 п. именного высочайшего указа Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 г. и принимая во внимание циркулярное указание министра внутренних дел от 24 марта 1905 г. за № 1891, Виленский генерал-губернатор, в дополнение к распоряжению по Северо-Западному краю от 14 января 1904 г. за № 1, просил Гродненского губернатора с целью избежания повторения подобного рода крайне нежелательных случаев разъяснить должностным лицам вверенной ему губернии правила от 14 марта 1896 г.: ставить сооружение крестов и других священных изображений в зависимости от разрешения гражданской власти лишь в тех случаях, когда эти сооружения воздвигаются из железа, камня, кирпича или т. п. прочного материала и притом только вне кладбищ, церковных оград и своей усадебной оседлости; на постановку деревянных крестов никакого разрешения не требуется, и полиция должна лишь наблюдать за тем, чтобы кресты сооружались в стороне от самих дорог во избежание несчастных

католическому епископу, требуя от него самых активных действий в этом процессе. Как показала практика введения русского языка в римско-католическое богослужение в Северо-Западном крае, прозвучавшая хотя бы один раз проповедь или молитва на русском языке приравнивалась к удостоверению желания прихожан данного костела отказаться раз и навсегда от польского языка.

Первым из римско-католических епископов Российской империи, кто обратился за разъяснением в Римскую Курию по поводу введения русского языка в римско-католическое богослужение, был Луцко-Житомирский епископ К. Боровский (1848–1869 гг.). Каспер Боровский родился в местечке Олице Трокского уезда Виленской губернии; в 1819 г. поступил в Виленскую римско-католическую духовную семинарию; в 1845 г. окончил Санкт-Петербургскую римско-католическую духовную академию со степенью магистра теологии; был префектом в Ковенской гимназии [1066, s. 91–92]. В своем письме от 5 апреля 1869 г. он изложил не только происходящие события, но и собственное мнение по данной проблеме, считая введение русского языка в римско-католическое богослужение основой ликвидации католической религии. В 1870 г. в письме к министру внутренних дел генерал-адъютанту Тимашеву Каспер Боровский отметил, что русский язык существование костела в Российской империи делает проблематичным и такой вопрос может решать только Папа. Министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев, как равно и управляющий Департаментом духовных дел иностранных исповеданий граф Сиверс, склонялись к обязательному введению русского языка в «дополнительное» богослужение относительно тех местностей, где прихожане говорили не на польском языке, признавая это «несомненной пользой для русского дела» [120, л. 25]. Последовал ответ правительства – в 1870 г. епископа выслали в Пермь. Лишь в 1882 г., с изменением политической ситуации в империи, К. Боровский возглавил епископскую кафедру в г. Плоцке (1883–1892 гг.), сменив на этом посту А. Гинтовта, переведенного на должность митрополита в г. Санкт-Петербург [1066, s. 91–92].

В конце 1869 г. с аналогичным вопросом от имени всего литовско-белорусского духовенства выступили доминиканец Т. Жулкек и ксендз Ф.А. Симон из Римско-Католической Духовной Академии в г. Санкт-Петербурге, прося Римскую курию дать официальный ответ на вопросы: «Дозволяется ли властью священного престола в богослужении вместо польского языка употреблять русский язык? Может ли допустить священный престол такую замену?». Пий IX передал право решения данного вопроса Конгрегации св.

Инквизиции, где решающую роль играли иезуиты и воскресенцы. 11 сентября 1872 г. Конгрегация выступила противницей русского языка. Р. Дзвонковский негативное отношение Конгрегации в своем труде объяснил просьбой поляков, заранее приехавших в Рим, тайно переданной Пию IX [888, с. 63]. Но лишь 11 июля 1877 г. Конгрегацией св. Инквизиции был запрещен к употреблению русскоязычный требник и запрещено было использование русского языка в богослужении [970, с. 378].

Еще в 70-х гг. XIX в. правительство Российской империи стремилось добиться согласия Римского двора на введение русского языка и командировало с этой целью в Рим князя Урусова. Для князя Урусова была разработана программа, рассмотренная особым совещанием под предводительством генерал-адъютанта графа Милютина, которая удостоилась высочайшего утверждения. Но его миссия потерпела полную неудачу [830, с. 85]. В марте 1874 г. Святой Престол объявил недействительной юрисдикцию Виленской римско-католической епархии в отношении Минской, в силу неоспоримости действия буллы «Universalis Ecclesiae cura» 1848 г. [367, с. 189].

Возникает таким образом весьма интересный вопрос: почему так долго Римский двор, отвергнув предложение князя Урусова, сделанное тайно, не давал официального ответа на введение русского языка в «дополнительное» богослужение, почему он выжидал? Хотя, по сообщению Э. Винтера, Римский Папа с 1870 г. «неоднократно выступал против русификации богослужений для польского населения» [65, с. 323]. Наверняка ответ кроется в мировой политике, в возможности молчаливым согласием привлечь на свою сторону могущественную Российскую империю. С другой стороны, Римский двор мог избрать выжидательную тактику в расчете на активные протесты со стороны католиков, вероятно, допуская возможность даже возглавления таких протестов самим местным духовенством, что непременно бы привело к массовым волнениям в империи, а значит, к возможности выторговать у Российской империи какие-либо уступки или хотя бы сделать империю союзником в международных делах в обмен на успокоение паствы костелом. Таким образом, в молчании очевиден выигрыш Римского двора. Становится понятным отрицательный ответ Римского двора на введение русского языка: не дождавшись активного, массового сопротивления верующих, и более того, получив известия, что даже некоторые ксендзы выступили в поддержку русского языка, Римская курия поспешила дать отрицательный ответ. Иначе с таким ходом событий русский язык мог быть введен в богослужение повсеместно, а значит, возможность иметь

администрации. Так она и поступила. Узнав об этом, местная полиция приказала А. Хоцей снести крест, а когда она отказалась, то полиция передала дело земскому начальнику 2 участка Сокольского уезда. Земский начальник в открытом заседании 31 января 1905 г., разобрав уголовное дело по обвинению полицией А. Хоцей по 29 ст. Устава о наказаниях и основываясь на распоряжении главного начальника края от 31 июля 1886 г. за №2883, признал А. Хоцей виновной, присудив к штрафу в 5 руб., а в случае несостоятельности, предписал заменить это наказание арестом на один день; крест же снести. После суда А. Хоцей явилась к настоятелю костела и в оскорбительной форме потребовала вознаграждения ей и полицейским десятским д. Соколян Семену Кохановскому (римско-католического вероисповедания) и Семену Бакуну (православного вероисповедания), наказанным за тот же крест полицией трехдневным арестом, за все издержки и убытки, грозя в противном случае жаловаться в Виленскую римско-католическую консисторию. Соколянский настоятель сам, в свою очередь, обратился за разъяснениями к консистории. Виленский римско-католический епископ не увидел вины настоятеля, сославшись в ходатайстве на имя Гродненского губернатора на неотменность высочайшего повеления относительно постановки деревянных крестов от 1 декабря 1878 г., а также повеления 1896 г., указавшего лишь условия для сооружения каменных и из других прочных материалов крестов. Епископ просил освободить А. Хоцей от наложенного на нее наказания и о восстановлении построенного ею креста [653, л. 85].

Гродненский губернатор Г.Н. Тарановский обратился за разъяснениями к Виленскому генерал-губернатору. В Виленской канцелярии подтвердили действие всех вышеперечисленных повелений и циркуляров, а также последовавшего после утверждения повеления 14 марта 1896 г. циркулярного разъяснения бывшего начальника Северо-Западного края князя Святополк-Мирского от 14 января 1903 г. за № 1. В нем указывалось, что определенные повелениями правила предусматривают сооружение крестов и других священных изображений исключительно с благочестивой целью. Вследствие чего правила не подлежали к исполнению в тех случаях, когда население пытается путем сооружения указанных изображений выразить явно противоправительственную демонстрацию. Поскольку новый деревянный крест А. Хоцей воздвигла на месте старого истлевшего деревянного креста, то действия судебных властей были признаны верными [653, л. 92].

В случаях полного соблюдения закона и отсутствия подозрений в политической подоплеке сооружения крестов главный

крестьянин поставил памятник по неведению и освободил Н. Болкунова от взыскания. Он также согласился, что, возможно, и ксендз Сташкевич мог не знать правил, изложенных в высочайшем повелении от 14 марта 1896 г., но все же подверг ксендза штрафу в 50 рублей [133, л. 11–12]. Подобных дел зафиксировано автором множество [295–296; 616]. Католики нередко сами восстанавливали срубленные кресты или делали новые, не дожидаясь согласия властей. Такое положение засвидетельствовал Е. Жискар в местечке Волме Минского уезда [1125, с. 161].

В нач. XX в. участились случаи постановки крестов без надлежащего разрешения. Как показывало расследование подобных дел, не только паства не знала о существовавших правилах воздвижения крестов, но и представители местного клира. Вследствие чего главный начальник Северо-Западного края распорядился в мае 1903 г., чтобы деканы объявили подведомственным им римско-католическим священникам под расписки высочайше утвержденные правила 14 марта 1896 г., с предупреждением строжайшей ответственности об их исполнении.

Высочайшим повелением 14 марта 1896 г. установлено было следующее: принадлежавшие к сельскому населению лица римско-католического исповедания, желавшие соорудить с благочестивой целью кресты и другие изображения из прочного материала (камня, железа и т.п.) вне кладбищ, церковных оград и своей усадебной оседлости, должны были через своего местного настоятеля и епархиального начальника запрашивать разрешение губернского начальства с представлением в двух экземплярах рисунка и описания предполагаемого сооружения; до получения такового разрешения приступать к сооружению запрещалось; запрещалось римско-католическому духовенству под опасением ответственности приступать к освящению вышеупомянутых сооружений, не удостоверившись в получении разрешения [608, л. 68].

Согласно высочайшим повелениям от 1 декабря 1878 г. (см. приложение И) и 14 марта 1896 г. разрешение административной власти требовалось при постановке лишь крестов из прочного материала. По повелению 1 декабря 1878 г., не отмененному к марту 1905 г., запрещалось делать какие-либо надписи на крестах на польском языке. Основываясь на вышеприведенных повелениях, а также циркуляре Гродненского губернатора деканам Гродненской губернии от 27 мая 1903 г. за № 7554, настоятель Соколянского костела объявил в октябре 1904 г. крестьянке д. Соколян Агате Хоцей, что она может ставить деревянный крест без разрешения гражданской

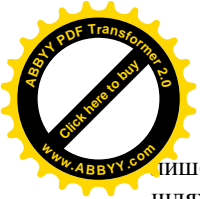
дополнительный, если не главный, козырь в виде «польского вопроса» для влияния на Российскую империю, мог быть потерян для Римского двора. К тому же, если в костелах стал звучать русский язык, то наверняка увеличились бы шансы правительства со временем перевести католиков в православие, а этот вариант уж совсем был не приемлем для Римского двора.

Отчасти подтверждение данной мысли, то есть возможности какого-либо торга при решении вопроса о русском языке, мы находим в книге бывшего юрисконсульта Св. Синода православной церкви в Царстве Польском К.Н. Николаева. Он пишет, что некий моравский монах о. Беда Дудик, проводивший при Пие IX переговоры с правительством Российской империи, дождался ответа, что Апостолеский престол получит полную свободу действий в России, если согласится заменить польский язык русским в «добавочных» богослужениях и устранил поляков из иерархии, заменив епископов-поляков славянами из Австрии – чехами, словаками и т.д. Но это было признано неприемлемым [504, с. 41]. Косвенным подтверждением авторского вывода следует признать слова из отчета представителя Российской империи при Римском дворе А. Извольского, написанного им после разговора с Львом XIII 1896 г.: «Папа согласился бы на русский язык – но польза должна быть очень большой» [598, л. 114].

Согласно указам Виленской римско-католической духовной консистории от 18 и 31 марта 1870 г. требники должны были рассылаться каждому ксендзу Виленской римско-католической епархии. В марте 1870 г. ксендз Станислав Петрович, Виленский декан и настоятель костела св. Рафаила, уничтожил переданные ему для рассылки 143 русскоязычных требника. Последний требник 25 марта 1870 г. он публично сжег в костеле, объявив проклятие каждому, кто согласится на русификацию католического богослужения [1007, с. 68]. За этот антиправительственный демарш С. Петрович был сослан в Архангельскую губернию, в местность Коль [967, с. 218]. Впоследствии, С. Петрович служил викарием при костеле св. Екатерины в г. Санкт-Петербурге. Умер ксендз за границей на руках у своей сестры-монашки. Официальная римско-католическая пресса не напечатала некролог после его смерти [1125, с. 130].

Ксендз Станислав Петрович в 1863–1865 гг. относился к помощникам М.Н. Муравьева и к ближайшим коллегам знаменитой тройки: А. Немекши, П. Жилинского, Э. Тупальского.

Прелат П. Жилинский был сыном Виленского ремесленника, происходя, по словам З. Наградского, из среды здоровой и не

ишенной патриотизма. Прелат А. Немекша и Э. Тупальский из шляхты. Все три были воспитаны в Виленских монастырях, а прелат А. Немекша, помимо монастыря доминиканов, еще и в Духовной Академии в г. Санкт-Петербурге [995, s. 75]. Кроме того, за А. Немекшой водился один грех: нарушив тайну исповеди после исповедания заключенного Баньковского, он все передал правительству и получил орден св. Анны 2 степени с царской короной [995, s. 103]. Из воспоминаний А.Н. Мосолова: «Впереди всех выдвинулся настоятель богатейшего в Вильно Свято-Янского прихода, декан Немекша, уроженец юго-западных губерний, бывший долгое время за границей и состоявший некогда преподавателем богословия в Санкт-Петербургской римско-католической академии. Человек еще не старый, любящий жизнь и ее удовольствия, с умом твердым и насмешливым, он, не скрывая своих польских привычек, весьма умно себя держал в отношении своей паствы. Словом сказать, он умел устроить дело так, что и овцы были целы и волки сыты. Несколько позднее (чем Немекша – А.Г.) возвысился Вилейский декан П. Жилинский, человек еще не старый, но с белыми, как лунь, волосами, с видом католического епископа, важный и сдержанный. Он получил один из лучших Виленских приходов – Остробрамский (близ этого костела знаменитые ворота с часовней, подъезжая к которым по узкой улице, все снимали шапки) и назначен прелатом» [489, с. 117–118]. В 1865 г. правительство отметило деятельность официала Виленской римско-католической консистории прелата П. Жилинского и члена консистории прелата Виленской кафедры Э. Тупальского орденом св. Станислава 2 степени с имперской короной [317, с. 11].

Именно эта тройца новопоставленных после ссылки Виленского римско-католического епископа Красинского летом 1863 г. в г. Вятку (в 1883 г. Красинский вернется в г. Краков, где в 1891 г. в возрасте 81 года умрет) во главе с временно взявшим в свои руки управление Виленской епархией прелатом препозитом Бовкевич (умер в мае 1866 г.) в самый день нового 1864 г. представили М.Н. Муравьеву всеподданнейшие адреса за подписью всех духовных римско-католической епархии. Но тогда М.Н. Муравьев не придавал особого значения этим адресам, так как считал эту меру вынужденной, а не чистосердечным актом [489, с. 115–116]. Виленский капитул, составленный еще А.-С. Красинским, сильно противился избранию трех помянутых прелатов, и хотя они в 1863 г. были назначены прелатами высочайшей властью и облекли наперсные кресты, но формального их избрания так и не состоялось [489, с. 118]. Фактически после ссылки А.-С. Красинского в г. Вятку управление Виленской

фольварках католиков насчитывалось 212 человек). 11 марта 1906 г. Виленский генерал-губернатор дал согласие с условием: четко определить число богослужений в году, но не более 24; проводить богослужения имело право только приходское духовенство [655, л. 11–12].

К воздвижению римско-католических крестов правительство Российской империи относилось негативно. 5 июля 1864 г. Гродненский губернатор предложил Виленскому генерал-губернатору запретить ставить кресты без разрешения в каждом отдельном случае, переписать и собрать сведения о всех крестах, запретить починку старых крестов и замену их на новые [227, л. 1]. Циркуляром Виленского генерал-губернатора от 8 июля 1864 г. запрещалась постанова крестов на полях, дорогах и, вообще, вне костелов, а также упавших вследствие обветшалости: «Дабы католическое духовенство не совершало к ним торжественных процессий и крестных ходов с целью воспоминания о политических событиях и возбуждения патриотизма» [482, с. 33; 137, л. 48]. Виновных наказывали штрафом в 10–25 руб.. Ксендзов и деканов, а также помещиков, допустивших подобные воздвижения, наказывали штрафом в первый раз 25–50 руб., во второй раз – вдвое больше, а в третий – «по всей строгости закона» [482, с. 34]. По свидетельству участника событий, только за одну ночь 1864 г. в г. Белостоке были выкопаны 200 римско-католических железных крестов, а в г. Гродно – все кресты [991, s. 194]. За несанкционированную постанова креста был оштрафован крестьянин Мостовской волости Гродненской губернии деревни Микелевщина [240, л. 2–3].

На основании высочайшего повеления от 14 марта 1896 г. принадлежавшие к сельскому населению Виленской, Ковенской и Гродненской губерний католики, желавшие соорудить кресты и другие священные изображения вне кладбищ, храмовых оград и усадеб, должны были просить разрешение губернского руководства, с представлением рисунка и описания сооружения [10, с. 208]. Виленский генерал-губернатор не разрешил в 1899 г. дворянину И. Дзеконскому поставить два деревянные креста в урочищах Заость и Уска Брестского уезда, так как они могли бы послужить воспоминанием о событиях 1863–1864 гг. (в ходе опроса местных крестьян выяснилось, что в этих урочищах укрывались польские повстанцы) [305, л. 7–8]. Крестьянин Н. Болкунов при деревне Беневцы Гребеневской волости Сокольского уезда поставил каменный памятник с железным крестом, а ксендз Сташкевич освятил этот памятник. Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский счел, что

рамыльным склепом и находившейся в его им. Деревянчицы, траурные богослужения в дни годовщины погребенных там его родственников. В склепе Деревянчицкой часовни были погребены отец просителя – статский советник Петр Аполинарьевич Орда, умерший 30 ноября 1870 г., мать – Евелина Михайловна Орда, умершая 29 октября 1851 г., брат – генерал-лейтенант Адам Петрович Орда (заслуженный профессор Инженерной академии, бывший защитник г. Севастополя, награжденный орденом св. Георгия IV степени), умерший 3 августа 1896 г., и тетка – Фекла Аполинарьевна Орда, умершая 3 июня 1865 г. Часовня существовала с 1851 г. В ней находился алтарь в честь св. Петра и Павла, праздник которых отмечался 29 июня. Алтарь был построен с разрешения Гродненского губернатора в 1892 г. Ближайшее римско-католическое богослужебное здание располагалось в г. Слониме на расстоянии 7 верст от имения [650, л. 1, 7].

13 ноября 1904 г. Гродненский губернатор отослал письмо Гродненскому и Брестскому православному епископу. В отзыве от 8 февраля 1904 г. епископ указал, что для владельца им. Деревянчицы И. Орды, как человека весьма состоятельного, и не составит трудностей совершать заупокойные богослужения по умершим родственникам в одном из Слонимских костелов. Обычная внешняя торжественность римско-католического богослужения, по заверению епископа, привлекала бы окрестное православное население и «вредным образом могла отразиться на православно-русской деятельности» не только в Слонимском, но и в соседних приходах. Ввиду этого ходатайство И. Орды следовало оставить без удовлетворения [650, л. 8].

15 февраля 1905 г. Гродненский губернатор М.М. Осоргин в своем отношении к Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору указал, что с его стороны нет препятствий к удовлетворению ходатайства помещика. Но с условием, чтобы было точно определено общее число богослужений, совершаемых в течение года. 3 марта 1905 г. Виленский генерал-губернатор утвердил это решение [650, л. 10].

9 августа 1905 г. владелец им. Могилевцы Волковысского уезда К. Деконский возбудил ходатайство о разрешении ему совершать в каплице, находящейся в его имении, богослужения и приглашать по мере необходимости настоятелей ближайших Рожанского и Порозовского костелов. В каплице имелись все необходимые для совершения богослужения священные предметы. Последнее богослужение совершалось с разрешения Гродненского губернатора Цеймерна в июне 1883 г. по усопшему генералу С. Быховцу (в им. Могилевцы и принадлежавших к нему, в радиусе 5–6 верст, семи

епархией осуществлял ксендз Антоний Немекша, которому мог доверять М.Н. Муравьев, хотя костельная юрисдикция находилась в руках ксендза Юзефа Бокевича, по смерти которого в 1866 г. царизм назначил капитульным викарием ксендза П. Жилинского [671, с. 73].

За свои заслуги именно в этот период С. Петрович получил приход св. Рафаила, капелланство в гимназии, деканат в г. Вильно, наперсный крест и медаль «За усмирение польского мятежа». Когда подписывали верноподданнические адреса, ему также предложили подписаться, что его крайне обидело: «Я богатырю служил (М.Н. Муравьеву – А.Г.) – и не предал!» Е. Жискара поступок С. Петровича по сожжению русскоязычного издания молебника в 1870 г. объяснял угрызениями совести, не позволившей ксендзу идти дальше по пути введения русского языка, а значит, против костела [1125, с. 130]. З. Нагродский действие С. Петровича объяснял обидой, как следствие малого официального вознаграждения [995, с. 43]. Профессор Люблинского католического университета Б. Кумор считал С. Петровича заступником традиций костела, одним из достойных ксендзов [970, с. 378]. Известный польский исследователь ксендз Р. Дзвонковский охарактеризовал поступок С. Петровича драматическим актом, усилившим стойкость других ксендзов, противников введения русского языка в костелы [888, с. 62]. Чем бы не объяснялись действия С. Петровича, его поступок, как пишет свидетель тех событий, возымел широкий резонанс. В обществе друзей наук в г. Вильно распространилось большое стихотворение, прославлявшее С. Петровича как ксендза-богатыря [878, с. 44].

Против русскоязычных требников выступил каноник Виленского капитула ксендз К. Маевский. На Могилевщине это же делал ксендз Бельницкого костела Годлевский. В белорусских и литовских губерниях начали распространяться своего рода инструкции, которые подказывали аргументацию несогласия с русскоязычными требниками. Главное место в ней играла позиция Римского двора по неразрешению использования русского языка в текстах требника [731, с. 70].

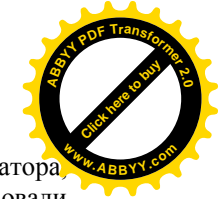
По донесению Виленскому генерал-губернатору Ковенского губернатора от 24 ноября 1873 г. ни один из римско-католических священников Ковенской губернии не принял требника с русским текстом и не употреблял русский язык в «дополнительном» богослужении, чего, впрочем, по замечанию губернатора, нельзя было и ожидать ввиду негативного отзыва по этому предмету римско-католического епископа М. Волончевского [325, с. 301]. Тельшевский епископ М. Волончевский выступил с решительным отказом введения

русского языка, аргументируя это тем, что население разговаривало по-литовски [671, с. 75]. Малое число ксендзов приняло требник в Виленской губернии. Правда, к 1872 г. из 616 священников 115 человек выразили согласие употреблять русский язык. По словам Д.Н. Чихачева: «в действительности, по-видимому, лишь небольшая часть исполнила свои обещания [830, с. 15].

В Витебской губернии объявление высочайшего разрешения от 25 декабря 1869 г. в костелах в целом прошло не совсем спокойно. Вину за это губернатор Витебской губернии целиком возложил на местных ксендзов, извративших, по его мнению, текст повеления. Хотя оно зачитывалось самими приставами в костеле в присутствии ксендза. В одном из костелов Динабургского уезда прихожане во время зачитывания приставом Дмитриевым текста указа покинули костел. Наказать за это действие решили ксендза этого костела Симановича, имевшего репутацию неблагонадежного, переведя его в другой приход [120, л. 16–17].

В связи с введением русского языка вопрос о благонадежности и нравственных качествах ксендзов стоял особенно остро. К примеру, в Витебской губернии в Дриссенском уезде из 19 ксендзов 6 имели репутацию неблагонадежных, но в народе пользовались уважением и влиянием. В Динабургском – соответственно из 36 – 9, в Полоцком – 5 из 10, в Витебском – 2 из 19, в Речицком – 14 из 28. В Аглонском доминиканском монастыре из 26 человек лишь один настоятель монастыря признан был правительством политически благонадежным – Назарий Олеский. Лишь только в одном Люцинском уезде все римско-католическое духовенство, 28 ксендзов, было признано благонадежным. Но, как заметил военный начальник уезда капитан Вахрушев, эта благонадежность наружная, за которую поручиться нельзя. Зато в Себежском уезде из 4 ксендзов все были признаны благонадежными. Также в Городокском и Суражском уездах было признано по одному благонадежному, в Невельском – 2, в Велижском – 3 [120, л. 1–31]. Кстати, в Аглонском доминиканском монастыре Динабургского уезда Витебской губернии, который наравне с Гродненским францисканским и Несвижским доминиканским монастырями использовался как тюрьма для римско-католического духовенства, не принявшие русский язык ксендзы активно вели переписку между собой и с другими ксендзами только лишь на польском языке. Особенно своей неуступчивостью правительству в этом вопросе в 1890 г. отличились ксендзы Пашко, Карп, Сычек, Амброжевич, Саковский. При их непосредственном участии был удален старый настоятель ксендз Коллупайло, имевший «доселе

хоругвями. В. Фронцкевич попытался убедить генерал-губернатора, что существующие ограничения никак не способствовали умиротворению края: «Мера эта может только раздражать народ и возбуждать в нем если не громкий, то во всяком случае глухой ропот против власти» [675, л. 267–268]. Но просьба была отклонена. Большое количество подобных прошений от населения к П.Д. Святополк-Мирскому сохранилось в Гродненском архиве [235].

Все же политическая ситуация начала XX в. повлияла на отношение правительственных чиновников к проведению заупокойных служб в усыпальницах. Владельцу им. Рудравна Сокольского уезда дворянину Казимиру Эйнарвичу 28 июля 1900 г. было разрешено построить на Новодворском р.-к. кладбище над склепом его семьи каменную усыпальницу, которая должна была служить надгробным памятником. В июле 1904 г. надворный советник Эйнарвич обратился к Виленскому генерал-губернатору с ходатайством о разрешении совершать в усыпальнице в день предания тела покойного брата земле траурное богослужение, а также о дозволении вообще совершать молебствия при похоронах и в дни годовщины смерти погребенных там родственников [657, л. 1].

В построенной просителем усыпальнице размещался алтарь с образом Пресвятой Богородицы и распятие Спасителя. Другой часовни для общего пользования на Новодворском кладбище не было. Католическое кладбище размещалось отдельно от православного на расстоянии ½ версты. Сокольский уездный исправник не видел препятствий для удовлетворения ходатайства. 27 октября 1904 г. Департамент духовных дел запросил сведения по этому делу у православных и римско-католических духовных начальств. 16 декабря 1904 г. православный епископ Гродненский и Брестский Николай заверил гражданское руководство, что усыпальница больше была похожа на костел, что богослужения неоднократно и так совершались в нем с участием местного римско-католического населения и ксендза. Епископ Николай указал, что сами прихожане участвовали в сооружении усыпальницы, собирая по 6 руб. с земельного надела. Поэтому православный епископ был решительно против выдачи разрешения. Но Департамент духовных дел не внял его доводам и 21 февраля 1905 г. разрешил К. Эйнарвичу совершать подобные богослужения, даже без предварительного определения общего числа таких богослужений [657, л. 14, 20].

10 ноября 1904 г. помещик Иосиф Петрович Орда, житель им. Деревянчицы Слонимского уезда, подал прошение Гродненскому губернатору о разрешении совершать в часовне, служившей

креста, при членах братств, клириках, белом и монашествующем духовенстве, оказались тщетны [137, л. 40, 45].

Регламентации подверглось и облачение. 7 июля 1867 г. запрещено было римско-католическому духовенству открытое ношение св. даров [137, л. 18]. Звонари и, вообще, прислуга при костелах носила особый отличительный костюм из длиннополого кафтана синего сукна с красным воротником и такого же цвета нашивным на груди крестом. Имея в виду, что православная прислуга не носила отличающегося от других частных лиц одеяния и признав употребление звонарями и прислугой вышеуказанного костюма вне храма неуместным, главный начальник края 13 октября 1867 г. вообще запретил этим лицам носить такую одежду [807, л. 29].

Проведение польской национальной идеи местные власти видели в посылке ксендзами по деревням со смешанным православным и католическим населением органистов с т. н. терциарками или доводками, назначение которых состояло в забавлении детей пением религиозных католических песен. Последние звучали на польском языке и, зачастую, проповедовали превосходство католичества над другими вероисповеданиями [518, л. 53].

Высочайшим указом в 1887 г. было запрещено погребальное пение на польском языке, но население стало петь латинские гимны. Противодействие полиции этому лишь обостряло положение [10, с. 210]. 14 октября 1894 г. циркуляром главного начальника края запрещалось петь песни на польском и латинском языках при сопровождении умерших на кладбище, запрещены были и процессиональные знаки, кроме крестов. Нарушение циркуляра наказывалось штрафом [731, с. 74; 9, с. 210]. Ксендзы не должны были допускать в костелах каких-либо собраний и пения без своего присутствия [148, л. 64]. Настоятеля Суражского костела ксендза Гриневицкого 11 сентября 1892 г. даже за допущение молитв совместно с лицами, провожающими тела умерших, оштрафовали на 25 рублей [156, л. 63–64].

20 сентября 1903 г. временно управляющий Виленской епархией В. Фронкевич обратился к Виленскому генерал-губернатору с просьбой разрешить – согласно каноническому праву римско-католического костела и установившемуся с незапамятных времен обычаю – священнику, принимавшему участие в погребении усопших, петь псалмы и гимны самому или сообща с костельной прислугой и другими соответствующе подготовленными лицами на принятом в данной местности языке. Просил управляющий и разрешения на использование при погребении, кроме крестов, еще и фонарей с

радение к России», и поставлен новый 85 летний Леонардо Сычек [209, л. 7].

Несвижский доминиканский монастырь был «специализированной» тюрьмой для тех ксендзов, которые оказали активное сопротивление именно принятию русского языка в римско-католическом богослужении. Из 32 представителей римско-католического духовенства, находящегося там по состоянию на 1871 г., 2 ксендза были заключены в монастырь в 1867 г., 8 – в 1870 г., остальные – в 1871 г. [671, с. 76]. Некоторые священники были сосланы в г. Вильно – в упраздненный монастырь кармелитов: Ивашкевич из г. Несвижа, Рубша из г. Новогрудка, Вашкевич, Шойтмир, Лавринович из г. Минска [671, с. 77]. В Сибирь были сосланы следующие ксендзы: В. Кашко из м. Дубровы, В. Мисевич и А. Наркевич из м. Ивенца, А. Казакевич из г. Заславля, И. Домбровский из Семковского Городка, М. Томашевич из г. Койданова, К. Добровольский – аббат из м. Городища [671, с. 77].

Кроме выступлений ксендзов за русский или польские языки, были и такие, которые, по словам В.В. Яновской, помнили про свой родной язык – белорусский. Так, в 1866 г. группа ксендзов из Могилевщины и Витебщины, ссылаясь на то, что во многих костелах, где верующими являлись белорусы, проповеди проговаривались на белорусском языке, обратились с просьбой разрешить объяснять проповеди Филипецкого и Белобржецкого на белорусском языке. Просьба была отклонена. Православный епископ Минский и Бобруйский Михаил увидел в этом желание ксендзов поддержать польский язык, поскольку в белорусский язык, по его словам, закралось слишком много польских слов и выражений [845, с. 133; 482, с. 18].

Как пишет В.В. Яновская, в архивах Минска, Вильнюса, Санкт-Петербурга сохранилось много документов того времени – коллективных прошений католиков, в которых они утверждали, что их родной язык польский и что они не могут высказывать свои чувства в молитвах на русском языке, на котором содержание становится очень тяжелым и непонятным. Такие прошения, продолжает автор, понятно, были подаваемы не без участия ксендзов, но и надо учитывать и религиозные чувства, настроение католического населения [845, с. 134].

За ксендзами, употреблявшими русский язык, прочно закрепились названия: «гребниковец», «казенный раввин», «десятский». Ф. Сенчиковский предлагал графу Сиверсу для ликвидации подобных названий сделать ксендзов почетными

канониками [325, с. 286]. Позже сам Ф. Сенчиковский присвоит себе это звание и в своей переписке всегда будет подписываться как каноник.

28 апреля 1870 г. необходимое количество русскоязычных требников было выслано почтой в деканаты Гродненской губернии. Вопрос о принятии русскоязычного требника шел одновременно с вопросом о подаче верноподданных адресов римско-католического духовенства. Не дождавшись адресов от Гродненского декана А. Гинтовта, Виленский епископ предложил Гродненскому губернатору 20 марта 1870 г. освободить А. Гинтовта от занимаемой должности и поместить в Гродненский францисканский монастырь. Состоялась личная беседа Гродненского губернатора с А. Гинтовтом и Белостокским деканом К. Берниковичем, по поводу которого имелось аналогичное предложение епископа. Деканы, заверив губернатора в своей «русскости и добром верноподданничестве», заявили, что не в состоянии выслать требуемые от них заявления, так как многие ксендзы отказались это сделать. Начальник Гродненского губернского жандармского управления также хорошо отзывался об А. Гинтовте: «В смутное время последнего мятежа ксендз Гинтовт не переставал пользоваться доверием местного начальства, как человек благонадежный, для прекращения в г. Гродне демонстраций. Кроме того, А. Гинтовт не пользуется особенным влиянием на высший круг здешнего польского общества, а в низших слоях своих прихожан известен под именем «казенного ксендза» – чем они желали выразить к А. Гинтовту свое нерасположение и недоверие за его попытки к образованию их во время бывших до мятежа демонстраций и неуклонное исполнение распоряжений правительства» [229, л. 78–79].

Александр Антонович Гинтовт-Деялтовский происходивший из дворян Ковенской губернии, родился 26 февраля 1821 г. в деревне Войшканах. Обучался в Кейданском уездном училище по 1839 г. классическим наукам, а в Виленской духовной семинарии по 1845 г. Был назначен Вилькомирским викарным. С 30 декабря 1846 г. по 1 декабря 1849 г. состоял законоучителем Вилькомирского уездного училища. За усердие в законоучительском звании был назначен Яншиским настоятелем. 25 сентября 1853 г. управляющим Виленской римско-католической епархией П. Жилинским был назначен настоятелем Гродненского по-бернардинского костела и одновременно законоучителем при отделении Гродненской губернской гимназии, до времени упразднения отделения. 13 мая 1856 г. был утвержден действительным настоятелем по-бернардинского костела, а указом Виленской римско-католической консистории от 7 октября 1861 г. назначен Гродненским деканом. 10

края «не могло не оказать дурного влияния» на первых из них, в июле 1893 г. согласно циркуляру Виленского генерал-губернатора требовалось еще и его разрешение на выезд [138, л. 207]. Предложением Виленского генерал-губернатора П. Каханова от 20 сентября 1891 г. для отпусков римско-католических священников от мест их служения был установлен порядок, чтобы в отпускных билетах, выдаваемых им губернской властью, указывалось, что предъявителю билета предоставляется в месте его временного пребывания совершение тихой мессы, а отнюдь не публичных богослужений и духовных треб народу [815, л. 6]. 15 декабря 1895 г. разрешено было римско-католическим священникам собираться раз в год по двое у декана или соседнего настоятеля для исповеди [591, л. 214]. 25 апреля 1905 г. Виленский генерал-губернатор отменил циркуляр графа Баранова от 14 сентября 1867 г., предусматривавшего необходимость заранее получать разрешение у Виленского генерал-губернатора на отпуск ксендзу в пределах империи. Отмена не касалась только тех ксендзов, которые состояли под надзором полиции [138, л. 205].

Гражданские власти пытались регламентировать даже совершение обряда погребения. 18 ноября 1861 г. Виленский генерал-губернатор Назимов издал циркуляр, по которому пение каких бы то ни было молитв, гимнов или песен вне костелов, перед часовнями и на других открытых местностях запрещалось. Запрещалось также пение внутри храмов запрещенного гимна, а также других не установленных церковью и не бывших ранее в употреблении песен Виновные в нарушении подвергались военному суду на основании полевых уголовных законов [135, л. 45]. Циркуляром главного начальника Северо-Западного края от 5 октября 1867 г. запрещено было выставлять при домах и костелах траурные знаки во время нахождения там тела умершего. С этого момента похороны должны были совершаться одним только местным приходским настоятелем или одним викарным. Ксендз шел в предшествии креста, но без хоругвей и без всякого участия храмовой прислуги. Если родственники умершего желали исполнить обряд с проведением погребальной процессии, то духовенство должно было просить разрешения на это у местных губернаторов. Все похоронные процессии обязательно должны были проводиться без музыки [196, л. 37]. Попытки Минского римско-католического епископа доказать главному начальнику, что по римско-католическим каноническим правилам «обыкновенные» похороны должны были совершаться священником, провожающим тело покойного с пением и погребальной процессией с предшествием

богослужении в костелах, вне места нахождения семинарии. В ответ на это, товарищ министра внутренних дел князь Гагарин уведомил генерал-губернатора, что, так как большинство клириков семинарий имеют низшую степень священства, именно субдиаконскую, и, помогая ксендзу при совершении богослужения, не может почитаться принявшим на себя общественную деятельность, то он полагал бы возможным не препятствовать таким клирикам прислуживать по званию субдиакона в костеле, расположенном в месте их пребывания во время отпуска. Прислуживание же их ксендзу в другом костеле не должно иметь места без особого, в каждом отдельном случае, разрешения местного гражданского начальства. О таком разъяснении министерства внутренних дел Виленский генерал-губернатор сообщил Виленскому римско-католическому епископу и просил его распорядиться, чтобы посылаемых епархией в отпуск клириков, на каникулярное время, сверх названия местности, куда каждый клирик отправляется, поименован был и приходской костел, к которому принадлежит местность пребывания отпускного клирика, и чтобы затем духовенство других костелов на участие клириков в богослужении, в качестве субдиакона, предварительно испрашивали разрешение местного гражданского губернатора [146, л. 19]. Но, как видно из документов, рукоположенные в духовный сан воспитанники римско-католических семинарий и академий, отправляясь на каникулярное время, в отпуск, не только совершали в местных костелах богослужение, но и исполняли религиозные требы [206, л. 157].

Согласно высочайшему повелению от 23 апреля 1886 г. римско-католические духовные лица из иностранцев могли приезжать в Россию не иначе, как с разрешения министерства иностранных дел, по соглашению последнего с министерством внутренних дел [812, л. 48; 815, л. 199]. Циркуляром Виленского генерал-губернатора от 20 августа 1887 г. за № 1047 увольнение римско-католических священников в отпуск в губернии Привислинского края делалось не иначе, как по предварительному сношению с Варшавским генерал-губернатором, с объяснением срока отпуска, цели, местности, куда желает отправиться ксендз [138, л. 206]. Циркуляром 17 марта 1891 г. установлено было, чтобы духовное начальство извещало надлежащих губернаторов об увольнении во вверенные им губернии в отпуск воспитанников римско-католических духовных заведений. За воспитанниками следила полиция, а все сведения поступали в Департамент духовных дел [201, л. 167]. Ввиду того, что общение духовенства Северо-Западного края с духовенством Привислинского

сентября 1864 г. назначен Белостокским архидиаконом с оставлением при прежней должности [1124, с. 24]. За усердную службу был пожалован орденами: 8 апреля 1866 г. св. Станислава 2 степени, 17 апреля 1870 г. св. Анны 2 степени. Постановлением Виленского капитула от 31 мая 1869 г. удостоен звания каноника. Согласно желанию Гродненского губернатора был духовником политических преступников, содержащихся в г. Гродно под арестом в 1863–1866 гг. С 1853 г. по 1866 г. состоял духовным депутатом при Гродненской уголовной и гражданской палате, а с 1866 г. при Гродненской палате уголовного и гражданского суда. Всего получал жалованья 800 руб. В штрафах и под судом не был [175, л. 34–42, 50]. Немалой известностью пользовались библиотека и картинный кабинет ксендза А. Гинтовта: в его библиотеке находилось до 300 книг (некоторые из них напечатаны были еще в XV в.), несколько рукописей и собрание разных исторических документов, 80 картин, в т. ч. 50 оригиналов, многие картины были писаны кистью известных художников [474, с. 532].

15 мая 1870 г. Белостокский декан под видом получения жалованья собрал у себя подчиненных ему ксендзов, которым предложил ввести русский язык в «дополнительное» богослужение, а равно и взять русскоязычные требники, присланные из Виленской римско-католической духовной консистории. Все ксендзы отказались от предложенного, мотивируя это тем, что введение это не санкционировано Римским папой и не имело Конгрегационной апробации, которую в силу Тридентского собора должно было иметь, а равно и угрозой анафемы, выраженной в первой части Священного Ритуала (*Rituale Sacramentorum*). 28 мая 1870 г. К. Берникович уведомил об этом Гродненского губернатора, одновременно подав заявление о выражении верноподданнических чувств императору. В заявлении декан писал: «... С благодарностью Божьей я остаюсь и пребуду вернейшим сыном римско-католической церкви и следуя учению сей церкви «отдавайте кесарево кесарю и Божие Богу» остаюсь вернейшим подданным августейшего нашего монарха. При исполнении моих обязанностей, как ксендз и гражданин, я руководствуюсь святым учением церкви... О заявлении каждого и всех вместе, что они вернейшие сыны нашей римско-католической церкви и вернейшие подданные нашего августейшего императора честь имею засвидетельствовать...» [229, л. 7–8]. Виленский генерал-губернатор не упустил случая упрекнуть губернатора Д.К. Кропоткина, что акт духовенства Белостокского деканата за подписью 22 ксендзов от 15 мая 1870 г. об отказе от принятия изданного с русским текстом требника «*Rituale Sacramentorum*» подписан деканом К. Берниковичем,

который был рекомендован лично самим Гродненским губернатором представлением от 18 сентября 1869 г., как человек «отличающийся совершенной преданностью правительству и действующий всегда в строго правительственном духе», за что и был удостоен ордена св. Станислава 3 степени [229, л. 11].

28 мая 1870 г. П. Жилинский, напомнив губернатору о затягивании подачи верноподданнических адресов от А. Гинтовта и К. Берниковича, предложил отправить А. Гинтовта в г. Гониондзь на место ксендза Ипполита Малышевича, а последнего переместить в г. Вильно. Белостокского декана предполагалось переместить в Страблю на место ксендза Савицкого, причислив последнего к Гродненскому францисканскому монастырю [229, л. 6].

Духовенство Сокольского деканата также отказалось от принятия требника, несмотря на личное предложение Сокольского декана Высоцкого каждому настоятелю в отдельности. Пружанский декан, предвидя отказ при личной встрече, просто разослал 17 мая 1870 г. требники в подведомственные костелы. Но находились они не в костелах, как бы следовало, а в квартирах настоятелей. Римско-католическое духовенство Слонимского и Волковысского деканатов не приняло требники, сославшись на циркуляр Виленской консистории от 31 марта 1870 г., в котором оговаривалось введение русского языка в римско-католическое богослужение после особого правительственного распоряжения. Настоятель Волковысского костела декан Иосиф Абелевич старался и вовсе не произносить проповеди. Лишь 11 июня 1870 г. с амвона обратился он к прихожанам с речью следующего содержания: «Есть правительственное распоряжение, чтобы вам читать проповеди на русском языке. Если вы этого желаете, то подайте за общей подписью об этом заявление государю императору и вместе с тем просите себе другого ксендза, который бы более меня знал русский язык. Я же не могу объяснять и толковать вам на русском языке» [229, л. 33]. За такое заявление П. Жилинский предложил заключить И. Абелевича в Виленский кармелитский монастырь, а на его место назначить настоятеля Топчевского прихода ксендза И. Гловацкого, который новоизданный требник принял [229, л. 36]. Только от Кобринского декана были получены расписки от всех четырех служивших в этом деканате ксендзов о вручении им требника. Из всех деканов Гродненской губернии один лишь Брестский декан Демьянович вместе со своим духовенством письмом от 3 июня 1870 г. открыто высказался против русскоязычного требника. П. Жилинский предложил Гродненскому губернатору заменить Брестского декана капелланом Суховольского костела ксендзом Ипполитом Маркевичем,

католическому духовенству, находящемуся вне своих приходов, дозволялось, с ведома местного настоятеля, совершать тихую мессу, но без совершения при этом каких-либо треб народу [133, л. 25].

Согласно циркулярам министерства внутренних дел от 13 октября 1867 г. и 4 декабря 1868 г. духовным лицам римско-католического исповедания, желавшим, с разрешения их духовного начальства, отправиться в губернии Северо-Западного края и Царства Польского, должны были выдаваться местным гражданским губернатором виды на отлучку не иначе, как по предварительному его общению с подлежащим генерал-губернатором, с объяснением срока отлучки, местности, куда желает отправиться увольняемый, и надобности, для которой спрашивался отпуск. Кроме того, местные губернаторы отказывались принимать в прежние места служения, а иногда и вовсе в губернию тех ксендзов, которые по распоряжению правительства ранее были заключены в монастырь, а также тех, которых освободили от полицейского надзора. Прямым последствием такого порядка вещей явилось накопление значительного числа безместных и постоянно переезжающих из одной губернии в другую римско-католических священников, ищущих себе обитель [201, л. 165]. Циркуляром от 19 января 1870 г. разрешено было местным губернаторам давать разрешение ксендзам на отпуск внутри империи без предварительного разрешения главного начальника края [138, л. 206].

В 1884 г. Виленский епископ К. Гриневицкий попытался отстоять право духовенства свободно разъезжать по епархии, согласно каноническому праву и существующему гражданскому закону, исполняя свои духовные обязанности. Выступление К. Гриневицкого привело к изданию высочайшего циркуляра римско-католическим епископам с разъяснением, что епархиальному начальнику принадлежит право надзора только за духовными учреждениями и духовенством, но отнюдь не право вмешательства в распоряжение светской власти, предписания которой должны быть в точности исполняемы всеми без различия. К. Гриневицкого предупредили о тех неудобствах, которые для него могли быть последуеты в случае неисполнения правительственных распоряжений [326, с. 48–49].

Ввиду участия воспитанников Виленской и Санкт-Петербургской римско-католической семинарий 23 декабря 1883 г. в костельной службе в Гониондском костеле Белостокского уезда Виленский генерал-губернатор просил в министерстве внутренних дел разъяснения права отпускаемых на каникулярное время воспитанников римско-католических семинарий на участие их в общественном

сторожем Антонием Миклашевичем посещали дома пружанских католиков, в которых, прочитав молитву, освящали квартиру и проверяли списки состава семейств прихожан, с обозначением количества лет каждого члена семьи, спрашивали у малолетних детей молитвы. Некоторые из прихожан давали Цензельскому за посещение вознаграждение по своему усмотрению, а некоторые не давали и декан такового не требовал [674, л. 21]. Настоятель Рожанковского костела ксендз Гаудкевич 28 октября 1893 г., не спрашивая разрешения у Лидского уездного исправника, ездил в село Мекелевщизну Гродненской губернии и совершил богослужение в местном Старжиновском костеле [601, л. 66]. В национальном историческом архиве г. Гродно хранятся десятки дел по отказам в разрешении отпусков ксендзам, в передвижении ксендзов по Гродненской губернии [168; 199; 203–204; 233; 266; 299; 301–302; 600; 604; – дела с 1885 г. по 1892 г.].

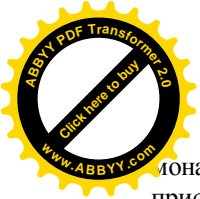
16 ноября 1866 г. всем ксендзам, которые находились вне монастырей и своих приходов на жительстве у родственников, было запрещено произвольное отправление богослужения в каком бы ни было костеле или каплице, дозволены таковые были только в приходских костелах и то не иначе как с ведома и согласия настоятеля или администратора, который в этом случае должен был принимать на себя ответственность за всякий допущенный беспорядок или отступление от предписанных распоряжений. Исполнение же духовных треб, равно как и произношение проповедей или поучений было воспрещено, так как обязанности эти лежали на приходских священниках [137, л. 23–24]. Виленский римско-католический епископ Авдевич своим отношением от 4 сентября 1891 г. просил главного начальника края разрешить ксендзам, приезжавшим по служебным или частным делам из своих в другие приходы, совершать тихую мессу в местах своего временного пребывания, ссылаясь в подкрепление своей просьбы на то, что совершение богослужения римско-католическому духовенству по правилам в чужих приходах с ведома и дозволения местного настоятеля не воспрещено каноническими правилами и что совершение тихой мессы ксендзам в костелах тех местностей, где они временно проживают, дозволено правительством. Речь шла о циркулярах Виленского генерал-губернатора от 5 и 26 марта 1886 г. за № 8 и № 11 и 3 июня 1887 г. за № 15, разрешавших лишь вопрос о дозволении беспрепятственного служения тихой мессы ксендзам, не получившим приходов или не выполнившим установленной на верность службе присяги [617, л. 65–67]. Главный начальник края от 20 сентября 1891 г. за № 4134 издал циркуляр, по которому римско-

который в тайных письмах к администратору Виленской епархии к местному приставу выразил желание «произносить проповеди на народном русском наречии»: «Я на чисто русском языке не могу преподавать проповеди народу, так как он этого языка не понимает, но на их русском крестьянском наречии (вероятно речь идет о белорусском языке – А.Г.) мог бы проповеди давать. Желание мое – только бы мне дан приход Велико-Эйсмонтов Гродненского уезда или приход Репля Волковысского уезда» [229, л. 17, 19, 22, 28, 33, 36].

Ни один из ксендзов в Гродненском деканате также не согласился принять требник без утверждения русскоязычного текста Римским папой. Гродненский декан А. Гинтовт поспешил заверить Виленского генерал-губернатора, что слухи в г. Вильно о его влиянии на решение подведомственного ему духовенства являются ложными: «На подобный поступок и на всякие тайные действия я вовсе не способен, так как задачей жизни моей есть вести себя по совести и прямым, явным путем строго выполнять все предписания церковных и государственных законов и никогда в течение 25-летней службы не давал повода усомниться в моей службе костелу и преданности правительству» [136, л. 16]. Позже, когда А. Гинтовт уже будет митрополитом, «Литовские епархиальные ведомости» напишут, что А. Гинтовт всегда выступал против введения русского языка в римско-католическое богослужение [447, с. 4]. А сам А. Гинтовт в письме к министру внутренних дел Д. Толстому напишет: «Согласие на нарушение костельного права было бы не только бессовестно, но и даже означало бы разрыв с костелом, так как костел отдает анафеме лиц, которые совершают изменения в «Ritualis Romanum» (...) только апостольская столица имеет право изменять, разрешать или запрещать обряды одинаково как в костеле латинском, так и в восточном. Вследствие требовать, чтобы духовенство действовало в этом деле самовольно – означает желать от его чего-то антирелигиозного, чтобы оно ничего не считало святым, чтобы считало, что все можно и все разрешено» [671, с. 78].

После угрозы Виленской римско-католической духовной консистории А. Гинтовту «обратиться куда следует», он 18 июля 1870 г. предписал духовенству тотчас же прибыть в г. Гродно. Декан надеялся, что при личной встрече настоятели храмов окажутся более сговорчивыми и примут экземпляр русскоязычного требника. Но несмотря на повторный вызов к декану, католические священнослужители отказались принять требник. Общее настроение духовенства выразил капеллан Гродненского францисканского монастыря ксендз П. Гивировский. От имени всего белого и

монашествующего духовенства Гродненского деканата он заявил, что присланные требники с переводом на русский язык, как не одобренные цензурой Рима, приняты быть не могут. Ксендзы опасались церковного проклятия, изрекаемого на всех тех, кто без разрешения Римского папы осмеливался соглашаться на какое-нибудь нововведение в литургические книги. Об этом было достаточно хорошо известно не только Виленской римско-католической консистории, но и самому Гродненскому декану. П. Гивировский не исключал возможности употребления русского языка в римско-католическом богослужении. Условием являлось лишь получение разрешения от Римского папы: «Ни я, ни другие русского языка не чуждаемся и почитаем его наравне со всеми прочими славянскими языками» [136, л. 26]. В Гродненском уезде никто из прихожан не высказался в поддержку русского языка [230, л. 83].

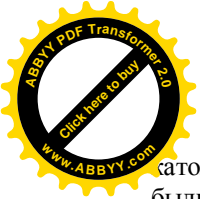
25 июня 1870 г. был удален с должности Белостокского декана К. Берникович (17 января 1886 г. Вишневого декана и настоятеля Липнишского костела Ошмянского уезда Виленской губернии ксендза К. Берниковича переведут на место викарного в один из костелов Виленской епархии с запретом произношения им проповедей и поучений) [229, л. 41; 602, л. 3]. 17 февраля 1871 г. уже бывший Гродненский декан А. Гинтовт отправился на жительство в г. Сувалки [230, л. 97].

Заметной акцией в конфессиональной политике 1870-х гг. стало упразднение Холмской греко-униатской епархии в соседнем Царстве Польском, положившее конец существованию униатской церкви в Российской империи. В условиях «очищения» богослужебных обрядов униатов от римско-католических заимствований царизм нуждался в верном пастыре, способствующем умиротворению паствы. Выбор пал на бывшего Гродненского декана. Летом 1871 г. А. Гинтовт был утвержден императором Александром II на должность суффрагана Плоцкой римско-католической епархии [230, л. 97]. В 1872 г. рукоположен в г. Санкт-Петербурге в костеле св. Екатерины в епископа Еленополитанского, с назначением управлять в качестве суффрагана епархией в г. Плоцке, откуда часто ездил в г. Варшаву, заступая местного епископа. В 1876 г., по перемещении Плоцкого епископа Поппела на Куявско-Калишскую кафедру, стал администратором Плоцкой епархии. Очевидно бывший декан сумел оправдать надежды правительства Российской империи, поскольку 13 апреля 1883 г. он был высочайше утвержден Могилевским архиепископом, митрополитом римско-католических церквей в Российской империи и председателем Римско-католической Духовной Коллегии [1124, s. 24].

настоятелей, действительно не имевших возможности проповедовать по старости или болезни, но с условием, чтобы о состоянии здоровья последних было сделано надлежащее удостоверение, предварительно предоставив список тех викарных, которым предполагалось поручить произношение проповедей [210, л. 57]. К примеру, в Могилевской и Витебской губерниях к 1869 г. таких слабых настоятелей оказалось следующее количество: в Могилевском уезде – 2, в Горецком – 1, в Орше – 1, в Оршанском уезде – 1, в Сенненском уезде – 1, в Быхове – 1, в Быховском уезде – 1, в Гомеле – 1, в Мстиславле – 1, в Черикове – 1, в Витебске – 2, в Велиже – 2, в Режицком уезде – 3 [212, л. 269–270, 276]. 7 декабря 1879 г. Виленский генерал-губернатор П. Альбединский в своем письме к Александру II уверял последнего, что у местного польского населения отсутствует какое-нибудь желание проявлять вражду к правительству. На основе этого он просил императора разрешить в Виленской и Гродненской губерниях проведение крестных ходов вне костелов, расширить права богослужений на викарных ксендзов, разрешить каждому священнослужителю выступать с собственной проповедью и еще ходатайствовал о ряде послаблений экономического и политического характера [731, с. 59].

Циркуляром Виленского генерал-губернатора от 19 августа 1866 г. запрещалось духовенству проводить богослужение вне своего прихода [809, s.]. По сути это было лишь повторение высочайшего повеления 1831 г. относительно отлучек, которое произвольно истолковывалось римско-католическим духовенством. 18 апреля 1866 г. ксендза Станислава Михальского за самовольную отлучку в местечко Дятковец Пружанского уезда и совершение там без дозволения литургии оштрафовали на 100 руб. [140, л. 12]. 13 января 1866 г. помещика Сокольского уезда Имбрыза за разрешение в своей каплице ксендзу провести запрещенное гражданской властью богослужение оштрафовали на 200 руб. [140, л. 10]. В январе 1866 г. настоятеля Хорошанского костела ксендза Антония Шумовского за неразрешенное служение в Климовичской каплице оштрафовали в 200 руб. [140, л. 12]. 15 сентября 1888 г. настоятель Мстибовского костела ксендз Доминик Ярош самовольно отлучился в г. Гродно и совершил там вечерню [265, л. 64]. Новорукоположенного ксендза Сидорского за совершение им 15 декабря 1891 г. в Виленском костеле св. Георгия первой мессы без разрешения на это гражданской власти заключили на три месяца в Гродненский францисканский монастырь [147, л. 1]. На масляной неделе 17 февраля 1892 г. декан Пружанского костела Цензельский с местным органистом Ксаверием Волком и костельным

католическому духовенству разрешались только те проповеди, которые были напечатаны в сборниках проповедей и прошли цензуру [845, с. 35]. В нравоучениях своих духовенство ни прямо, ни косвенно не должно было касаться политики, рассуждений о других исповеданиях. Право поучать народ в приходских костелах проповедями и другими поучениями закреплено было только за соответствующими настоятелями, а в монастырских костелах – за настоятелями монастырей. В губернских и уездных городах еще и за вице-настоятелями. Викарные ксендзы, клирики и посторонние лица произносить проповеди или поучения к народу права не имели. Если при филиальном костеле имелся приход и велись метрические книги, то эти правила распространялись и на такой костел. Клирикам дозволялось произносить проповеди для практики только в семинарском костеле, под наблюдением и под ответственность семинарского начальства, а капелланы гимназий могли поучать исключительно учеников и притом не иначе как с ведома гимназического начальства. Проповеди дозволялось произносить в костелах только в воскресные дни, в дни Божьих и храмовых праздников, чествуемых костелом, и не более одного раза в сутки. В воскресные дни духовенство могло объяснять катехизис и Евангелие, руководствуясь в таком случае сочинением Бялобржеского, одобренным правительством. В торжественные и праздничные дни разрешалось произносить проповеди Бялобржеского из XVI столетия и Филипецкого – XVIII столетия, получившие также правительственное одобрение [246, л. 240–241]. «Следует заметить, - как отметил Могилевский римско-католический митрополит Г.Э. Шембек, - что подлинники проповедей этих авторов были просто искажены до неузнаваемости по усмотрению цензурных властей и что язык, на котором проповеди были написаны, столь устарелый, что едва ли его смогут понять современные слушатели» [478, с. 73].

Минский римско-католический епископ Войткевич не раз обходил стороной циркуляр главного начальника края относительно произношения проповедей римско-католическим духовенством, пользуясь недоработкой циркуляра. Циркуляр запрещал настоятелям костелов женских монастырей произносить проповеди, тогда они читались духовниками. В 1868 г. в присутствии Войткевича ксендз Дубовик читал недозволенную цензурой проповедь в костеле Минских бенедиктинок, несмотря на то что ксендз находился под надзором полиции [290, л. 10].

29 декабря 1868 г. было сделано дополнение к правилам: разрешили викарным ксендзам произносить проповеди вместо

Скончался А. Гинтовт в Дудергоффе 14 августа 1899 г., недалеко от г. Санкт-Петербурга, в своей летней резиденции, сохранив до последней минуты трезвость мыслей [1124, s. 242; 326, с. 38].

3 февраля 1871 г. новый Гродненский декан Александр Копцегович заверил губернатора, что, ввиду явного нежелания населения к введению русского языка в «дополнительное» богослужение, а также нововведения в обрядах по инициативе приходского духовенства (что могло бы вызвать сильное противодействие и столкновения, неприличные духовному сану и вредно повлиявшие бы на общий ход дела) принять обязанность на себя вводить русский язык в богослужение по всему уезду не может, но содействовать и подготавливать подведомственное ему духовенство, а также собственно прихожан, он, как «русский патриот», нисколько не отказывается и готов употребить всевозможные старания [230, л. 105].

Гродненский губернатор 31 января 1874 г. сообщил Виленскому генерал-губернатору, что из всех ксендзов, принявших требник на русском языке, или, как им правильное сказано, «давших росписку в получении экземпляра», никто из римско-католического духовенства губернии русского языка в «дополнительном» богослужении не употреблял (об отношении римско-католического духовенства к принятию русскоязычного требника в Гродненской губернии см. приложение Д). Только один Кобринский декан Бродович в 1870 г. попытался было совершить «дополнительное» богослужение на русском языке, но и тот на это время перестал [325, с. 301].

В труде А.В. Жиркевича помещено письмо митрополита А. Гинтовта к министру внутренних дел (1884 г.), в котором Могилевский архиепископ кратко изложил историю введения не латинских языков в костел. Эта история позволяет нам лучше понять мотивы непринятия римско-католическим духовенством русского языка в «дополнительное» богослужение римско-католического костела. Вселенский Тридентский собор постановил строго под анафемой воспретить все без исключения своевольные перемены в богослужении, равно во всех обрядах, порядках и постановлениях римско-католического костела. В силу этого, для наблюдения за единством не только в догматах, но и во всех обрядах и молитвах римско-католического костела папа Сикст V в 1587 г. учредил особую конгрегацию обрядов (Rituum), трудами которой были рассмотрены и вновь изданы в 1614 г. литургические книги, в том числе *Rituale Romanum et Missale Romanum*, которыми папа Павел V, утверждая, повторил буллы пап Пия V, Климента VI и Урбана VIII с тем

предостережением, данным духовенству, начиная от патриарха до простого ксендза, что всякое отступление от предписанных в этих книгах правил и всякая перемена в них слова, буквы и рубрики строжайше под церковным наказанием воспрещаются. В 1631 г. папой Павлом V был одобрен новый требник, с введением небольшой части польского и литовского языка, которым пользовались при совершении религиозных обрядов и удовлетворения духовных треб. Ранее же, после тщательного просмотра и одобрения папой Клементом VIII, в 1599 г. была издана библия на польском языке, переведенная Я. Вуйком. В начале этой же библии, в предостережениях сказано, что только этот перевод Якова Вуйка следует употреблять, других же под строжайшей анафемой употреблять воспрещалось. Такое предостережение повторялось и в новых изданиях. Подобный подход к делу был изложен 7 июня 1868 г. Римско-католической духовной коллегией, 20 ноября 1874 г. митрополитом А. Фиалковским⁷ и собственно А. Гинтовтом 20 июля 1884 г. [326, с. 66–67, 70].

Единственным следствием циркулярного послания стало выдворение за пределы Российской империи автора письма – секретаря архиепископа ксендза прелата Афаносовича [1124, с. 135]. В многократных письмах к министру внутренних дел И. Дурново митрополит тщетно пытался убедить его, что проблему введения русского языка в римско-католическое богослужение не разрешить простым принятием каких-либо мер по отношению к духовным лицам: «Насколько мне известны образ мыслей и нравы римско-католического духовенства во вверенной мне архиепархии, я убежден, что отказы от совершения дополнительного богослужения на русском языке проистекают не из

⁷ Антоний Фиалковский в 1814 г. окончил Полоцкую иезуитскую академию со степенью кандидата философии, в 1820 г. получил степень магистра теологии, в 1824 г. посвящен на капланство. Был профессором теологии в семинарии и Виленском университете. В 1832 г. становится каноником, а по закрытию университета в г. Вильно и созданию духовной академии – ее ректором. Указом Николая I в 1842 г. был лишен этой должности и уехал за границу. Позже, по согласию правительства, возвратился в г. Санкт-Петербург. В 1859 г. был назначен суффраганом, а с 1860 г. – Каменецким епископом. По упразднению епископства в 1866 г. на 6 лет сослан в г. Симферополь [1124, с. 22–23]. 14 апреля 1872 г. Антоний Фиалковский назначен архиепископом Могилевским. 4 июня после священной церемонии возложения палиума Люблинским епископом Барановским в присутствии Тираспольского суффрагана Липского Фиалковский вступил в каноническое управление Могилевской римско-католической архиепархией [180, л.6]. 30 января 1883 г. после продолжительной болезни А. Фиалковский умер [779, л.8].

1892 г. был заключен в Гродненский францисканский монастырь на один год [149, л. 1]. В 1894 г. настоятель Брестского костела Станислав Мацкевич, настоятель Ивановского костела Кобринского уезда Иахим Рачковский, настоятель Шиловицкого костела Волковысского уезда Феликс Якштас, настоятель Росского костела Волковысского уезда Михаил Рутковский, настоятель Струбницкого костела Волковысского уезда Казимир Клепацкий под разными предложениями, несмотря на извещение полиции, панихид по почившему императору Александру III не служили. А в этот день одели белую и красную одежду вместо черной [126, л. 35–38]. А настоятеля Ружанского костела Слонимского уезда Кулеша, Дрогичинского костела Бельского уезда Викентия Боневича, Гнезненского костела Бельского уезда Шадурского, а также настоятеля Слонимского костела Гриневича за аналогичные действия оштрафовали в 50 рублей [248, л.18; 135, л. 8]. В 1901 г. Иахима Рачковского, уже настоятеля Заревского костела Виленской губернии, за неуважение к «царским» дням и несовершенство в эти дни торжественных богослужений, заключили в Гродненский францисканский монастырь на один год [153, л. 4]. В 1902 г. на тот же срок и за тот же проступок заключили в монастырь настоятеля Глубокского костела [152, л. 1].

Подлежали обязательной цензурной проверке все предписания и указы епископов, причем в качестве цензоров выступали православные священнослужители. 11 марта 1863 г. католическому духовенству было разрешено произносить только те проповеди, которые были напечатаны по одобрению духовного начальства. А непосредственно епархиальному начальству было дозволено назначать в отдаленнейшие уезды благонадежных цензоров из деканов, одобренных местными губернаторами. Но, конечно же, некоторые римско-католические священники произносили проповеди собственного сочинения с двусмысленным содержанием, за что и подвергались наказаниям [482, с. 14, 16]. 25 сентября 1869 г. Пружанский декан по решению генерал-губернатора за произношение нецензурированных проповедей собственного сочинения был подвергнут штрафу в 25 руб. [828, с. 38].

С 18 сентября 1864 г. ксендзы, и то лишь имевшие ученую степень, не имели права без предварительного просмотра местным епископом или назначенным от него цензором, после обязательной проверки главным начальником края его благонадежности, произносить проповеди собственного сочинения [246, л. 240–241]. Разрешалось произносить напечатанные, с разрешения правительства, поучения. Собственно, произошел возврат к указу 1852 г., когда

костела Брестского уезда, снова не совершил литургии, вследствие чего его снова оштрафовали на 100 руб. [828, с. 20; 131, л. 1; 132, л. 9]. 14 ноября 1867 г. в Волковысском костеле по случаю дня рождения цесаревны и великой княгини Марии Федоровны не были отслужены торжественные молебны. Правда, и в православной Волковысской церкви также не было совершено действо [828, с. 31; 189, л. 1]. В 1871 г. был отстранен от управления приходом Кобринского уезда ксендз Ивацевич за отказ крестьянам в их просьбе отслужить молебен за здоровье царя [253, л. 1]. Ксендз Игуменского уезда Минской губернии Станкевич отказался служить молебен 25 мая 1874 г. по случаю воспоминания о спасении жизни царя в момент покушения в Париже в 1867 г. [191, л. 1].

В 1883 г. Минский губернатор возмущался, что уж слишком большое количество ксендзов уклонялись от исполнения панихид по императору Александру II. Министр внутренних дел сенатор Дурново обратился через Римско-Католическую Духовную Коллегию к римско-католическому духовенству, дабы неукоснительно исполняли свои обязанности, иначе их бы ожидала строжайшая ответственность. Какая – министр не уточнил [201, л. 143].

В Гродненском францисканском монастыре была отслужена панихида по Александру II лишь 10 марта, после наведения справок полицией. Настоятель монастыря оправдывал непроведение панихиды тем, что он не получал от своего духовного начальства никаких распоряжений. В ходе проверки выяснилось, что панихида не была проведена ни 1, ни 5 марта в костелах г. Вильно, так как не было распоряжения со стороны епархиального руководства. В свою очередь, секретарь Виленской римско-католической консистории объяснил, что о совершении панихиды не было распоряжения из Римско-Католической Духовной Коллегии [326, с. 14].

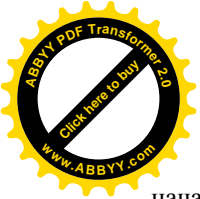
В 1884 г. был издан приказ министерства внутренних дел о том, что «римско-католические священники, виновные в неисполнении требования отслужить панихиду 1 марта в дни поминовения почившего государя императора Александра II и 19 февраля (день освобождения крестьян), будут подвергаемы строжайшей ответственности» [456, с. 141].

Настоятель Гельчинского костела ксендз Висмонт за отлучку в высокоторжественный день (26 февраля 1892 г.) из прихода и потому несовершение установленного в этот день молебствия был наказан строгим внушением, как первый раз [148, л. 63]. За уклонение от совместного служения с деканом Сайковским молебствия за императора викарный Ошмянского костела ксендз Нарушевич 30 июля

предпочтения, оказываемого тому или другому языку, той или другой национальности, но оттого, что переводы текста молитв при дополнительном богослужении и самого священного писания на русский язык не предусмотрены надлежащею властью, не одобрены ею и не утверждены. Известно, сколь много зла может причинить одно неправильно понятое и истолкованное слово, в особенности священного писания и в книгах литургических, а ведь большая часть расколов во всех церквях обязана происхождением различным переводам» [326, с. 68].

В июле 1884 г. в письме на имя управляющего министерством внутренних дел И.Н.Дурново митрополит А.Гинтовт писал: «В настоящее время священнослужители римско-католического исповедания подвергаются взысканиям либо за отказ совершать дополнительное богослужение на русском языке, либо за отказ принимать к себе обязательно предлагаемых им органистов – все это запрагивает весьма сложный и трудный вопрос как гражданского и церковного права, так и совести, вопрос, который не разрешается принятием каких-либо понудительных мер по отношению к духовным лицам римско-католического исповедания, затрудняющимся исполнять требование гражданского начальства, которое они, по убеждению совести, считают несогласным со своими обязанностями по отношению к костелу» [326, с. 63]. В то же время А. Гинтовт не видел никаких затруднений в употреблении русского языка в св. Писании и требнике, но лишь после одобрения и согласия Святого Престола [326, с. 68].

Правительство, постепенно внедряя свой план по введению русского языка в римско-католическое богослужение, очертило главную территорию действий – Минская, Витебская и Могилевская губернии, не упуская, конечно, из виду иные губернии. «С целью упрочнения русской народности в Западном крае, ограничения преобладания польской национальности и преграждения польской пропаганды религиозным путем» 25 декабря 1870 г. Минскую губернию изъяли из ведения Главного управления Северо-Западного края, еще ранее, 2 ноября 1869 г., – Могилевскую и Витебскую [137, л. 12–13]. Чтобы иметь постоянный контроль за деятельностью руководства римско-католическим костелом, правительство решило поближе переместить его к себе. По окончании постройки в г. Санкт-Петербурге архиикафедрального римско-католического костела и здания для капитула и консистории Могилевской архиепархии последовало 9 марта 1873 г. высочайшее повеление о переводе из г. Могилева (этот город 22 ноября 1773 г. был избран центром Белорусской католической епархии во главе с епископом С. Богуш-Сестренцевичем) в г. Санкт-Петербург капитула и консистории. При этом было увеличено денежное содержание, а кафедральный костел в Могилеве преобразовали в приходской 1-го класса, повысив и здесь жалованье в 2 раза [198, л. 8, 13].

Предшествовала этим событиям отмена 27 июля 1866 г. главным начальником Северо-Западного края Кауфманом военного положения в 13 уездах Минской, Витебской и Могилевской губернии. Именно эти территории тогда были признаны Виленским генерал-губернатором в достаточной степени подготовленными для разумного, в видах правительства, влияния на жизнь и образ мыслей жителей польского происхождения. В отношении к военному министру 31 августа 1866 г. Кауфман так аргументировал свое решение: «Минская, Витебская и Могилевская губернии суть те местности, в которых русское православное население издавна преобладает над римско-католическим и которые поэтому представляют наиболее ручательств успешного выполнения правительственной задачи, заключающейся в обрусении всего здешнего края. Вследствие сего первоначальные мои распоряжения относительно снятия военного положения коснулись именно этих трех губерний, при чем, по предварительному соглашению с гг. губернаторами, избраны мною только те уезды сих губерний, в коих самые статистические данные указывают на преобладающую в них сравнительную численность жителей православного исповедания. Но как и в тринадцати уездах означенных губерний, приведенных ныне к мирному положению, перевес православного населения касается преимущественно крестьянского сословия; большинств же помещиков и дворян принадлежат к римско-католической религии и как признающие себя поляками находятся под общими условиями политической неблагонадежности, и в течение минувшего мятежа не только выразили оному сочувствие, но даже оказали непосредственное содействие, то дабы предохранить православное население означенных уездов от вредного влияния таковых лиц, а сих последних воздержать от враждебных в политическом смысле покушений и вместе с тем придать местной уездной администрации необходимую силу для обнаружения и преследования злоумышленников, я счел необходимым пересмотреть законодательные меры и распоряжения моего предместника генерала от инфантерии графа Муравьева 2-го, коими обуславливались существование в здешнем крае военного положения, и некоторые из сих мер и распоряжений, как необходимые для достижения вышеизъясненной цели, поручил гг. губернаторам, в предложении от 25 сего августа, сохранить в уездах, изъятых от военного положения, на будущее время, впредь до особого распоряжения» [117, с. 589].

С. Самбук предположила, что таким образом правительство разрушило надежды на то, что административное единство «западных губерний» могло в будущем привести их к соединению с Польшей

католичества, произносить молитвы за жертвы полицейского произвола и репрессий правительства [697, с. 41]. Устав о цензуре и печати запрещал все те книги духовного содержания, «кои заключают в себе умствования и мнения, противные главным началам христианской веры, или опровергающие учение Православной церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т. п.» [715]. Несмотря на то, что некоторая часть религиозной литературы печаталась за границей, правительство требовало, чтобы во все богослужебные книги были вклеены страницы с текстом молитвы за того или иного конкретного царя. Упоминания нарицательного понятия «царь» или первых букв его имени было недостаточно. При восшествии на престол нового императора необходимо было перепечатывать все молитвы и вносить изменения в книги, которыми пользовались прихожане. В римско-католических церквях регулярно служили молебны за здравие царской семьи, по случаю благополучного разрешения от бремени супруг императоров и великих князей, в честь юбилеев российских царей, например Петра I, и по многим другим торжественным поводам [456, с. 141]. В 1873 г. по требованию гражданских властей Римско-католическая Духовная Коллегия издала указ, касавшийся всех епархий, в соответствии с которым духовенство было обязано «при исполнении гимна «Боже царя храни», не отходя от алтаря и стоя у ступенях оного, выслушать пение или музыку гимна» [456, с. 140].

Т.Г. Снытко, как и многие польские исследователи, в проведении духовенством службы в царские дни при траурном убранстве костелов (накрытие траурными пеленами престола, зачехление хоругвь или, порой, неявка в костелы под предлогом болезни) видел выражение ксендзами польских патриотических чувств [741, с. 48]. Но, как правило, следуя указаниям своих иерархов, духовенство старалось не ссориться с властями.

25 июня 1866 г. настоятеля Вышковского костела ксендза Сцепуржинского за несовершенство молебствия в день рождения наследника цесаревича освободили от наказания ввиду заявленного им желания исправить свою ошибку [123, л. 4]. 9 июля 1866 г. ксендза Наревского костела Лавриновича за несвоевременное отслужение в день рождения императора благодарственного молебствия оштрафовали в 100 руб. [140, л. 24]. В 1866 г. настоятеля Наревского костела Пружанского уезда ксендза Лавриновича за несовершенство литургии за царствующий дом оштрафовали на 100 руб. [131, л. 6]. В 1867 г., ксендз Лавринович, уже будучи настоятелем Чернявицкого

содержащих в себе статьи, подрывавшие святость верований римско-католиков [817, л. 7].

В дополнение к циркулярным предписаниям Виленского римско-католического епископа от 1 марта и 24 апреля 1906 г., а также от 5 июля 1907 г. за № 1158, 2169, 2501 управляющий Виленской епархией апостольский протонотарий К. Михалькевич 21 апреля 1910 г. циркуляром за № 1970 поставил в известность духовенство Виленской епархии, для сведения и руководства, что совершение религиозных процессий и паломничеств разрешается в следующих случаях:

1) все без исключения процессии в пределах костельной ограды, без запрашивания разрешения гражданской власти;

2) в районе приходов в дни Тела Господня, св. Марка и в течение трех дней перед Вознесением Господнем, в так называемые «dni Krzyżowe», как равно в день Поминования Усопших, с условием заблаговременного лишь сообщения каждый раз о предстоящей процессии надлежащей гражданской власти;

3) иногородние паломничества в Кальварию и к чудотворной иконе Остробрамской Божьей Матери с условием сообщения о том губернскому начальству и получения ответа.

На другого рода паломничества или процессии, не указанные выше, следовало заблаговременно запрашивать разрешение епархиальной власти [817, л. 7].

Сохранив традиции крестных ходов, верующие нередко трансформировали их в политические акции. Как отмечено в документах, совершаемые с 1908 г. римско-католические процессии часто принимали характер политических манифестаций: сопровождалась произнесением речей, раздачей брошюр и эмблем, музыкой, кавалькадами, несением знамен и употреблением одеяний, не имевших религиозного значения, причем некоторые процессии совершались иногда без ксендзов и даже по ночам [710, л. 46].

От 21 апреля 1908 г. воспрещалось участие в крестных ходах так называемых «бандерий», то есть сопровождение процессий всадниками [710, л. 251]. Это указ стал ответом на участвовавшие случаи появления конных процессий с бело-голубыми флагами в руках (национальные польские цвета), через плечо у всадников надеты были голубые ленты, на груди также банты, что наводило на мысль о польской гвардии [193, л. 2].

В духовной литературе, согласно циркуляру Главного управления по делам печати, запрещалось проводить враждебные православию мысли, намекать на правительство как врага

[697, с. 78]. По утверждению А.Ф. Смоленчука, выделение должно было еще раз показать, что это «исконно русские земли» и возвращение Речи Посполитой никогда не будет [731, с. 58].

В 1866 г. Виленский генерал-губернатор фон Кауфман передал в ревизионную комиссию по делам римско-католического духовенства в крае предложение об упразднении Минской или Виленской римско-католической епархии с организацией их приходов в одну. Комиссия рекомендовала ликвидацию Минской епархии, целесообразную по малочисленности римско-католического населения этой епархии (по данным комиссии Виленская епархия насчитывала 840 579 человек, Минская – 149 926 человек), географическому положению этой губернии и в целях экономии правительственных сумм по содержанию минских епископа, капитула, консистории и семинарии [367, с. 193]. 29 июля 1869 г. Минская римско-католическая епархия была упразднена. Последним епископом ее стал Адам Войткевич, назначенный Римской курией в 1853 г. [333, с. 38].

Упразднение произошло следующим образом. Генерал-губернатор Потапов секретно вызвал А. Войткевича к себе. Епископ приехал ночью и этой же ночью явился директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий граф Сиверс. Поутру все собрались у Потапова, где Сиверс и объявил А. Войткевичу, что нужно упразднить Минскую епархию, присоединив ее к Виленской епархии. А. Войткевич лишь просил о возвращении в г. Минск, чтобы урегулировать частные интересы, но не смог это сделать. А. Важинский объяснял это происками правительства. В то время как сам Сиверс указал, что епископ побоялся вернуться в г. Минск из-за угрозы его жизни. После 4 месяцев, 23 декабря 1869 г., епископ умер [1098, s. 75; 359, с. 191]. Погребение состоялось в г. Вильно 27 декабря 1869 г. при громадном стечении местного населения всех сословий и вероисповеданий со всеми почестями, присвоенными высокому сану покойника. На погребении присутствовали главный начальник Северо-Западного края и все члены местного управления, как военного, так и гражданского.

А. Войткевич родился 13 ноября 1796 г. в г. Вильно в семье дворянина Фадея Войткевича и жены его Франциски, урожденной Богенской. Окончив курс в Трашкунской гимназии, он поступил в духовное звание в Виленскую римско-католическую семинарию. По окончании курса наук, рукоположен в иереи 20 марта 1819 г. Был профессором духовной академии, ректором Могилевско-Минской римско-католической семинарии. Высочайшим повелением 25 октября 1852 г. наименован епископом Минской римско-католической

епархии, в управление которой вступил 22 февраля 1853 г. Епископ А. Войткевич, как отмечается в его послужном листе, безусловно выполнял возложенные на него обязанности. Во время восстания 1863 г., когда М.Н. Муравьев для успокоения Минской губернии послал туда свое доверенное лицо, Минский римско-католический епископ открыто выразил свое сочувствие действиям этого лица, признавая в нем избавителя от зол [55, с. 79].

Профессор Люблинского католического университета Б. Кумор был уверен, что А. Войткевича отстранили от управления Минской епархией именно из-за сопротивления его введению русского языка в римско-католическое богослужение, и что ликвидация епархии и подчинение ее территории Виленскому епископу П. Жилинскому, назначенному гражданскими властями и не имевшего, с точки зрения костела, никакого права управления ею, стали логичным продолжением событий с целью дальнейшего введения русского языка [970, s. 375]. Но эту версию опровергло исследование О.А. Козаченок, показавшее, что передача управления римско-католических церквей Минской губернии была согласована со Святым Престолом. Возглавить расширенную Виленскую римско-католическую епархию предстояло именно А. Войткевичу, что нормализовало бы характер религиозной жизни римско-католиков Виленской епархии, не имевшей канонически правомочного епархиального главы с 1863 г. в связи с тем, что за поддержку участия римско-католического духовенства в восстании Виленский римско-католический епископ А.-С. Красинский был сослан правительством в г. Вятку, а Святой Престол не соглашался утверждать его отставку [367].

Таким образом, Минская губерния, как срединная, т. е. в Витебской и Могилевской губернии позиции католичества были слишком слабы, а в Виленской и Гродненской слишком сильны, стала главным местом внедрения русского языка в римско-католическое богослужение. При переговорах Российской империи со Святым Престолом в начале 1880-х гг. относительно Минской епархии российский представитель заявил о невозможности ее восстановления, предложив Римскому папе передать духовную власть над ее приходами Могилевскому римско-католическому архиепископу. По утверждению О.А. Козаченок, по прошествии десяти лет российским властям стала очевидной нецелесообразность слияния Минской епархии с Виленской с точки зрения осуществления консолидации русской народности как нациумной основы имперостроения. По официальным данным, римско-католическое население Минской губернии составляли в подавляющем большинстве белорусы,

обязывались позаботиться об ознакомлении паломников с целью процессии, указать, как вести себя в дороге и какие должны были звучать молитвы: благодарственные, просительные и тому подобные. Желательно было, чтобы паломники перед выходом процессии исповедались и причастились. Внешний облик процессии должен был быть следующий: впереди процессии несли крест, две или больше хоругвей; перед крестом могли идти только певчие, без различия, был ли хор мужской или смешанный; за крестом следовали иконы и другие предметы религиозного почитания; затем в образцовом порядке могли идти дети, убранные в белые платья, «чтобы видом своей детской невинности побуждать идущих и проходящих к набожности». Перед выходом процессии ксендз благословлял паломников и вел процессию к месту назначения или же только провожал ее. При прохождении по пути следования мимо костела местный священник, если желал встретить паломников, должен был поступить следующим образом: встретить процессию в облачениях, произнести соответствующую проповедь, окропить паломников святой водой, затем мог вести процессию в костел и после краткой молитвы перед святыми дарами вывести ее, напутствуя паломников, окропляя святой водой, благословляя в их дальнейший путь, и возвратиться обратно. При желании процессия могла быть встречена и провожаема костельным колокольным перезвоном [710, л. 23–24].

Принимая во внимание, что во многих окраинах империи стала распространяться холера и другие заразно-эпидемические болезни, вроде распространенного в 1909 г. в г. Вильно тифа, и учитывая то, что с наступлением весеннего времени подобные болезни усиливались, управляющий Виленской епархией К. Михалькевич 2 мая 1909 г. циркуляром за № 2202 предложил подведомственному духовенству, во избежание и предупреждение случаев заразных заболеваний у прибывающих паломников (особенно в течение всего летнего периода, когда паломничества и религиозные процессии в Кальварию и для поклонения чудотворной иконе Остробрамской Божьей Матери учащались), давать отправляющимся богомольцам соответствующие указания, дабы они соблюдали правила личной гигиены, беря с собой необходимый комплект белья. Для паломников приготавлился ночлег в специально отведенном для подобных целей месте. К примеру, в г. Вильно в по-францисканском здании и в Кальварии. Духовенству следовало предупреждать участников паломничества, чтобы они размещались на ночлег только в специально отведенных местах, чтобы они у неизвестных лиц не покупали и не принимали брошюр, ничего общего с целью католических паломничеств не имеющих, нередко

г. 103]. Вероятно, подобное постановление издал и Виленский генерал-губернатор.

26 декабря 1905 г. высочайшим повелением разрешено было римско-католическому духовенству, устраивающему крестные ходы, похоронные шествия или паломничества, руководствоваться указаниями своего епархиального руководства, но с обязательным предупреждением ближайшей местной полицейской власти о времени и месте предполагаемой процессии [710, л. 250]. В свою очередь, продолжало действовать постановление Виленского генерал-губернатора от 29 января 1904 г., запрещающее совершение иногородних процессий в пределах губернии без разрешения губернского гражданского руководства, а также сопровождение процессии оркестрами, участие в процессиях в одежаниях, не имевших никакой связи с отправлением духовного торжества; запрещалось несение знамен, значков и прочих эмблем, не соответствовавших предметам религиозного обихода [710, л. 250–251]. Обязательными, с разрешения властей, устанавливались следующие процессии в районах приходов: в дни Тела Господня, три дня перед Вознесением Господнем, Святого Марка, в дни поминовения усопших. Непременным условием должно было быть заблаговременное сообщение о предстоящей процессии надлежащей гражданской власти [710, л. 252].

Викарный Белостокского костела ксендз Ю. Лудинский, ссылаясь на высочайшее повеление от 26 декабря 1905 г., допускавшее проведение римско-католическим духовенством паломничества с религиозной целью, обратился к Гродненскому губернатору о разрешении прихожанам Белостокского римско-католического прихода отправиться в числе 2 000 человек в качестве паломников 18 мая 1906 г. из г. Белосток в г. Ченстохов для поклонения иконе Ченстоховской Божьей Матери. Несмотря на нежелание Гродненского губернатора, Виленский генерал-губернатор разрешил проведение паломничества, с условием, чтобы паломники прибывали в этот город партиями не более 300–500 человек: ввиду поддержания порядка, а также по гигиеническим требованиям [606, л. 15].

Виленский епископ Э. Ропп циркулярами от 1 марта и 24 апреля 1906 г. утвердил порядок проведения крестных ходов, процессий, согласно которым проведение их должно было происходить по требованиям, изложенным в «Rituale Sacramentorum. Vilnae, 1903 an.: Processiones seu supplicationes publicae variis necessitatibus congruentes» и «Benedictio peregrinorum ad loca sancta prodeuntium et post reditum». Ксендзы, руководившие паломничеством, в особенности настоятели,

Виленской же – поляки и литовцы. Мироззрение последних, главное римско-католического духовенства Виленской епархии, преимущественно польского или литовского происхождения, оценивалось правительством как не соответствующее задачам упрочения в среде белорусского населения понятия его «одноплеменности» с русским. Привести ситуацию в соответствие с этой компонентой целесообразности административно-церковной реорганизации минской епархии и предполагали посредством переподчинения приходов последней Могилевскому архиепископу, рассчитывая на фактор этнической однородности римско-католического населения Минской губернии с Могилевской и Витебской, входившими в состав архиепархии. 15 марта 1882 г. Римский папа буллой, а Александр III указом Правительствующему Сенату от 16 апреля 1883 г. поручат управление римско-католическими церквями Минской губернии Могилевскому архиепископу А. Гинтовту [367, с. 189].

В ряду первых представителей римско-католического духовенства, которые начали вести «дополнительное» богослужение, были следующие ксендзы: в Витебской губернии – настоятель Лепельского костела ксендз Артур Сморгевский, вступивший в должность с 1868 г., а богослужение стал вести с 15 июля 1869 г., за что получил орден св. Станислава 3 степени; в Минской губернии – префект Минской гимназии ксендз Бронислав Заустинский – 27 июня 1869 г., за что был награжден орденом св. Станислава 3 степени; в Гродненской губернии – почетный каноник Фелициан Берджинский – тот же орден; в Виленской губернии – Лидский декан Бронислав Карпевич, Вилейский декан Ян Юргевич, Свенянский декан Ян Каминский, настоятель Ваверского костела Лидского уезда Антоний Кулаковский – все получили по ордену св. Станислава 3 степени [968, с. 355–356].

Ф. Сенчиковский был неумолим в посылке разнообразных прошений об активизации процесса введения русского языка в римско-католическое богослужение, разъясняя чиновникам причину бездействия епархиального начальства в лице П. Жилинского в деле обрусения католиков и располочения католицизма: «Да разве что-либо мешает управляющему епархией время от времени предложить заточенным в монастырь ксендзам, не согласен ли кто употреблять русский язык! Да разве консистория хоть одним указом, одним словом поощрила служащих на русском языке ксендзов! Да разве управляющему не стоило бы прибыть в Минскую губернию, в которой столько ксендзов употребляют еще русский язык, и своим примером и

словом поощрить духовенство и образумить народ! К чему же доведет русское дело в католицизме такая обстановка и такое сочувствие епархиального начальства?!» [325, с. 280]. Сам Ф. Сенчиковский не раз посещал г. Санкт-Петербург, встречаясь с высокими представителями правительства, даже и не уведомляя администратора Виленской римско-католической епархии П. Жилинского.

Результат не заставил себя ждать: 13 февраля 1873 г. администратор Виленской епархии П. Жилинский, выслушав лично волю императора, заявившего, что русский язык непременно должен быть общеупотребляемым в «добавочном» богослужении в римско-католических костелах, предпринял 2 марта вместе с Гродненским деканом и Белостокским архидиаконом почетным каноником А. Копцеговичем визитационную поездку в Минскую губернию. До 4 марта П. Жилинский вел службу на русском языке в Мариинском (бывший кафедральный) и Троицком костелах в г. Минске. 5 марта посетил Койдановский костел, после чего отправился в г. Несвиж. П. Жилинский добился от правительства согласия переместить из Несвижского доминиканского монастыря 19 ксендзов в Гродненский францисканский монастырь, еще 8 ксендзов в Виленский кармелитский монастырь, для дачи им впоследствии соответствующего назначения на службу. Также П. Жилинский распорядился о временном причислении к Минскому Троицкому костелу в ведение декана Сенчиковского помещенного в Несвижский монастырь ксендза Станислава Лемпицкого [325, с. 290, 293–295]. В посещаемых костелах он, по обыкновению, на русском языке совершал богослужение, читал молитву за императора и царствующий дом и обязательно произносил речь собравшемуся народу о пользе русского языка в «дополнительном» богослужении. После чего предписывал настоятелям приходских костелов неукоснительно соблюдать введенный им порядок молитвословия на русском языке, а местным деканам вменялось вести наблюдение за точным исполнением этого распоряжения. Так происходило в следующих костелах: в Клецком – 7 марта, в Тимковичском – 8 марта, в Копыльском – 9 марта, в Слуцком – 10 марта, в Глуском – 12 марта, в Хоромецком – 15 марта, в Свислочском – 18 марта, в Игуменском – 19 марта, в Березинском – 20 марта, в Бобруйском – 22 марта, вновь (по возвращении, совершив круг) в Мариинском – 29 марта, а также на обратном пути были посещены с таким же порядком Борисовский, Логойский, Коржевский, Хотаевичский, Околовский, Королевецкий костелы [325, с. 293, 295–297]. Из посещаемых костелов особенную готовность в выполнении правительственных мероприятий П. Жилинский заметил в администраторе Хоромецкого костела ксендзе Вроченском, для поощрения которого перевели в г. Несвиж с назначением Слуцким деканом, с

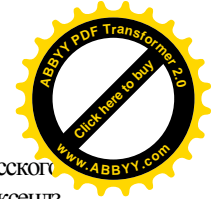

посредством его убеждать иноверческое население в явно несправедливом отношении к нему правительства. Поэтому, учитывая ходатайства, он давал разрешения на наружные крестные ходы в тех случаях, когда костельное здание обнесено было оградой. При этом П.Д. Святополк-Мирский пересмотрел систему наказания ксендзов, признав нужным, во-первых, тщательное расследование и, во-вторых, игнорирование незначительных проступков. Вместе с тем наказание ужесточалось, если подтверждалось виновное действие против православной церкви [31, с. 104–105]. П.Д. Святополк-Мирский дал также разрешение на проведение наружных крестных ходов вокруг следующих костелов, имевших ограду, на которое не дал согласие местный Гродненский губернатор: 6 июня 1903 г. вокруг Слонимского костела, 13 июня 1903 г. вокруг Росского костела, 17 июня 1903 г. вокруг Кобринского костела, 26 июня 1903 г. вокруг Туроснянского и Васильковского костелов Белостокского уездов, 2 июля 1903 г. вокруг Волковысского костела и Высоко-Литовского Брестского уезда, 13 июля 1903 г. вокруг Семятичского костела Бельского уезда [710, л. 3–7, 17, 44]. В то же время было отказано в просьбе временно управляющему Виленской епархией В. Фронцевичу разрешить проведение наружных крестных ходов вокруг костелов по причине малой вместимости последних в следующих храмах: Велико-Эйсмонтковский, Кринский, Индурский, Озерский, Каменский костелы Гродненского уезда, Пружанский и Шерешевский костелы Пружанского уезда, Шидловичский, Волнянский, Реплянский, Песковский и Мстибовский костелы Волковысского уезда, Новодворский, Одельский, Яновский, Залесянский, Кузницкий и Сидранский костелы Сокольского уезда, Березовский костел Белостокского уезда [236, л. 26–27]. Но отказ Виленского генерал-губернатора обосновывался не малой вместимостью, а отсутствием ограды вокруг костелов, которая должна была скрывать происходившее действие [236, л. 27, 43]. В ответ ускоренными темпами началось возведение оград вокруг костелов, с тем чтобы заново обратиться за разрешением. Несмотря на то, что некоторые ограды представляли собой наспех сбитые доски, жерди с большими щелями между ними, – разрешение давалось. К примеру, Песковскому костелу Волковысского уезда и ряду других [228, л. 94, 103]. Автором был найден документ, подтверждающий разрешение Гродненского губернатора от 9 августа 1903 г. на проведение наружных крестных ходов вокруг костелов, где обязательным условием значилось лишь наличие костельной ограды, не оговаривая качество исполнения [236,

праздник народа была настолько мала, что после проведения процессии в храме, в лучшем случае, оставались разбитыми все скамейки, а в худшем – люди получали травмы, падали в обморок от нехватки воздуха. Ведь в храм собирался народ из ближайших приходов, ранее упраздненных правительством. Такой случай произошел в Перлеевском костеле Бельского деканата в 1893 г. [590, л. 35]. Учитывая, что во время совершения крестных ходов внутри костела давка увеличивалась до невероятности; а так как на богослужение собирались старики, дети, женщины с младенцами и в беременном состоянии, то ксендзы во избежание печальных последствий ходатайствовали о разрешении им совершать крестные ходы во все воскресные и праздничные дни (при большом стечении народа) вокруг костела, обведенного сплошной каменной оградой. К этим просьбам активно подключился и Виленский римско-католический епископ А. Авдевич. Губернаторами все прошения отклонялись [590, л. 37–38]. Римско-католическое духовенство также само стремилось к недопущению чрезмерных торжеств. В 1900 г. Виленский епископ С. Зверович, намеревавшийся посетить с июля по сентябрь Брестский и Гродненский деканат, предписал местному духовенству, чтобы оно проконтролировало паству, дабы не устраивали ему торжественных встреч с зажженными свечами, флагами и песнопениями, а также, чтобы не было допущено устройство арок, высаживания дорог деревьями и других подобных действий [781, л. 82].

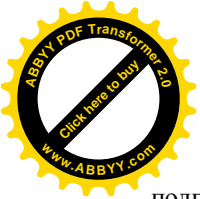
После высочайшего манифеста от 26 февраля 1903 г., предоставившего, по утверждению Гродненского губернатора, инословным и иноверным исповеданиям свободное отправление их веры и богослужений, началось массовое проведение крестных костельных ходов, совершаемых во все воскресные и праздничные дни не только после дневного, но и после вечернего богослужения, обставленных с большой торжественностью (см. приложение Л). Это вызывало недовольство православного епископа Гродненского и Брестского Иокима [236, л. 36]. Но местные губернаторы с этого момента больше стали давать разрешений на проведение крестных ходов вокруг костелов, имевших ограды, почти всегда запрещая проведение аналогичных процессий вокруг храмов, не имевших таковой. Виленский генерал-губернатор П.Д. Сятополк-Мирский, однако, признал необходимым дать проявлениям римско-католического вероисповедания некоторый простор. Излишние запрещения и стеснения, считал он, раздражая католиков, вкладывали в руки римско-католическому духовенству могучее оружие, чтобы

целью поддержать во всем деканате введенный порядок употребления русского языка в костелах [325, с. 296]. Также был отмечен Бобруйский декан ксендз Макаревич. А.В. Жиркевич пишет что и самого Минского декана Ф. Сенчиковского возвели в сан почетного каноника Виленского кафедрального капитула, но этот факт архивными данными не подтвердился [325, с. 296–297].

В ходе совершенной поездки П. Жилинский отметил перед Виленским генерал-губернатором, что местные прихожане жаловались на прекращение, вопреки давнему обычаю, в связи с недопущением польского языка, употребления в костелах набожных песен, чтения Евангелия и поучений из него, которые с душевной отрадой были народом усвоены, а с лишением всего этого прихожане "остались в печальном унынии". Заставить же себя учиться этому по-русски считали затруднительным [325, с. 298]. Администратор епархии сделал интресное наблюдение: никто из ксендзов, получивших высшее образование в духовной академии, а следовательно, и служивших примером для меньших собратий, не склонялся не только к введению русского языка, но и к поддержанию уже существующего в иных местах порядка богослужения на этом языке. Из чего П. Жилинский сделал вывод, что во время преподавания наук не было обращено усиленного внимания на усвоение на твердых началах потребности русского языка в римско-католическом богослужении, чтобы впоследствии они могли быть сами надежными руководителями как для духовенства, так и для народа [325, с. 299]. На 2 апреля 1873 г. из-за недостатка ксендзов, согласившихся бы употреблять русский язык, в Минской губернии остались вовсе без них следующие приходы и костелы: Кемешевский, Холопеничский, Березинский (Борисовского уезда), Болнский, Свислочский, Хорошецкий и Копаткевичский, а также филиальные костелы – Аннопольский, Дупковский, Прусиновский, Ганевичский, Заваничский, Шатилковский, Холуйский, Лоевский, Туровский, Любешевский, Уречский, Соловейский и Новогрудский. К этому следует добавить значительное число ксендзов преклонных лет или немощных, за убылью которых еще больше костелов остались без священников [325, с. 298].

П. Жилинский указал на причину нежелания приходских священников употреблять русский язык в костельной службе: опасение недовольства и пренебрежения со стороны прихожан, из-за которого ксендзы будут возненавидены паствой и лишены всякой их поддержки. Уже в ходе визитации костелов Виленский администратор писал о презирании тех ксендзов, которые решились употребить русский язык в богослужении: прихожане не ходили в костел, не исповедовались, не крестили детей, сами хоронили мертвых, жили без венчания. Из-за этого многие священники желали перечислиться на службу в другие епархии, где не вводился русский язык в костелах. В качестве удержательной меры П. Жилинский предлагал назначить ксендзам, согласившимся бы на употребление русского языка, пожизненно безбедное денежное содержание, дабы смогли они независимо от прихожан обеспечить свое существование [325, с. 299].

Департамент духовных дел иностранных исповеданий подготовил проект, согласно которому всем ксендзам, что отправляли на русском языке «дополнительное» богослужение, доплачивали к их обычному заработку определенной категории столько, чтобы в итоге все получали по 600 руб. годовых, даже когда приход относился к четвертой или пятой категории. Викариям, которые приняли требник, обещалось по 300 руб., а органистам по 180 руб. в год (см. приложение Д). До этого проекта годовой заработок настоятеля зависел от категории прихода: I категория получала 600 руб., II категория – 500, III категория – 400, IV категория – 275, V категория – 230 руб. [671, с. 77]⁸.

8 апреля 1873 г. правительство отметило деятельность управляющего Виленской римско-католической П. Жилинского причислением к ордену св. Станислава 1-й степени, а Борисовскому декану ксендзу Иосифу Петровскому и настоятелю Койдановского костела ксендзу Владиславу Эйзенблеттеру пожалованы были наперсные кресты [220, л. 349]. 15 июня 1874 г. за усердие в деле использования русского языка в римско-католическом богослужении ксендзов Иоанна Каминского и Семена Макаревича наградили орденом св. Анны 3 степени [778, л. 77]. 13 апреля 1875 г. в награду за отличную ревностную и полезную службу император причислил Виленского прелата, ассессора Виленской консистории А. Копцеговича к ордену св. Станислава 2-й степени, каноника Виленской кафедры Иоанна Кулеша к ордену св. Анны 3-й степени⁹, а также были пожалованы наперсные кресты Александру Кашкевичу и настоятелю Свентянского костела Моисею Осиповичу [182, л. 4]. 27 марта 1877 г. к ордену св. Станислава 2-й степени причислен был визитатор костелов Минской губернии декан Ф. Сенчиковский, а также наперсные кресты

⁸ Подробнее о численности священников, органистов, приходов Минской губернии за 1871–1898 гг., в которых велось «дополнительное» богослужение на русском языке, а также выделенных суммах см. в статье М. Раковского [671, с. 79].

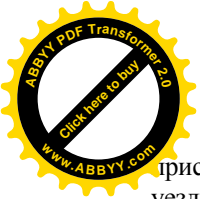
⁹ Орден св. Анны давали лишь тем, кто выслужил 20 лет беспорочно и безотлучно. Каждому из орденских сумм определялось то жалованье, которое производилось ему по службе, так что он служа, получал его в добавку к своему окладу, а по выслуге указанных лет, сохранял в отставке до своей смерти, где бы ни находился. Орден св. Анны относился к 4 классу после ордена св. Александра Невского, ордена св. Великомученицы Екатерины, ордена св. Апостола Андрея Первозванного, согласно общему Статуту Российских орденов, учрежденных 5 апреля 1797 г. [646, с. 573; 647, с. 640]

постановка этого дела, по мнению самого Виленского генерал-губернатора, вызывала разного рода недоразумения и нарекания римско-католического духовенства в случае наложения на них какого-либо взыскания. П. Каханов предписал самим губернаторам разобраться в данном вопросе: поставить римско-католическое духовенство в известность, при каких обстоятельствах и когда они имеют право совершать крестные ходы в оградах костелов. Вместе с тем, генерал-губернатор рекомендовал усилить работу чинов полиции по надзору, так как их бездействие и порождало проступки со стороны ксендзов, остававшихся безнаказанными. Негодование у Виленского генерал-губернатора вызывало и составление самих ведомостей крестных ходов, представленных губернаторами. По правилам, изложенным в циркулярных предписаниях от 24 января и 14 февраля 1866 г., совершение крестных ходов было допущено в оградах почти всех костелов, что ни в коем случае не могло быть дозволено. По мнению П. Каханова, в губерниях было много храмов, которые по своей внутренней величине вполне позволяли совершать в них крестные ходы. Для урегулирования проблемы стали создаваться местными уездными исправниками ведомости с обязательным указанием размера их внутреннего помещения, а также числа прихожан. И это притом, что категорически запрещалось проводить крестные ходы в тех костелах, где отсутствовали ограды [590, л. 1–4].

Но исполнение распоряжения генерал-губернатора вызвало большие затруднения. В Гродненской губернии урегулирование дела о совершении крестных ходов римско-католическим духовенством, начатое еще в 1886 г., не было завершено и по истечении шести лет. Для ускорения решения проблемы генерал-губернатор предложил чинам полиции к обмерам костелов не приступать, а представлять свои соображения губернаторам о том, в каких храмах возможно совершение крестных ходов внутри их помещения, а в каких (за недостатком места и многочисленности прихожан) могло быть дозволено совершение таких ходов вокруг костелов, но в пределах ограды. Следовало иметь в виду то обстоятельство, что в местах, где рядом с костелом располагалась православная церковь, проведение подобных религиозных процессий категорически запрещалось. Виленский генерал-губернатор приказал местным губернаторам не руководствоваться решениями, просьбами Виленского римско-католического епископа в делах проведения крестных ходов, так как он мог осложнить это дело [590, л. 8–10].

Нехватка места при совершении крестных ходов создавала большую проблему: вместимость костелов для собирающегося на

приставу стана, где находился приход приглашающего, или своему уездному исправнику. Приглашенный ксендз о своем выезде на праздник доводил до сведения своему станному приставу или исправнику, не ожидая уже отдельного разрешения. В исключительных случаях разрешение съезда большого числа ксендзов (до шести) давалось местными губернаторами, а свыше шести – Виленским генерал-губернатором. Причем по-прежнему крестные ходы вне костела во все другие дни, не отмеченные в ведомости, а также и вне костельной ограды и в остальных костелах, не допускались. Запрещалось употребление каких-либо эмблематических и символических знаков. Составленные ведомости передавались губернаторам также и через римско-католических епископов, архиепископов посредством сбора сведений через деканов и настоятелей храмов [590, л. 30–35]. Местные губернаторы отсылали свои проверенные ведомости уездным исправникам, а те раздавали по одному экземпляру всем подведомственным им чинам полиции до урядника включительно. Последние вели самый бдительный контроль за тем, чтобы в костелах вверенного им уезда были совершены лишь те крестные ходы и приглашены в храмовые праздники те ксендзы, которые именованы в ведомости. Дополнительно губернаторы рассылали ведомости деканам, а те – настоятелям костелов [601, л. 55–56]. Но практическое воплощение в жизнь содержания ведомости натолкнулось на серьезную проблему. Вместе с ведомостью о храмовых праздниках в костелах губерний с обозначением тех ксендзов, которых могли приглашать в эти дни в помощь при совершении богослужения, подавался еще и отдельный список костелов, в оградах которых разрешалось совершение крестных ходов, утвержденный главным начальником края по соглашению с римско-католическим епископом. Происходило смешивание ведомости и списка, что давало дополнительные возможности в проведении торжеств настоятелям римско-католических костелов [590, л. 68–69].

Рассматривая более детально виновность администратора Суховольского костела ксендза Кулеша в деле совершения им крестного хода 29 июня 1891 г. без разрешения гражданской власти, П. Каханов пришел к заключению, что вообще вопрос о крестных ходах в костелах недостаточно урегулирован: некоторые настоятели храмов просили разрешение непосредственно губернаторов, другие же – через деканов, третьи – руководствовались в этом отношении какой-то ведомостью, разосланной им еще в 1886 г. и имевшей действие лишь только на треть того года, а иные – совершенно не спрашивали ни у кого разрешения и самовольно совершали крестные ходы. Такая

были пожалованы декану Михаилу Олехновичу и законоучителю Минской гимназии Павлу Гавронскому [219, л. 137].

Процесс введения русского языка в Минской губернии, несмотря на столь значительную правительственную поддержку, не был гладким. Администратор Докшицкого римско-католического приходского костела Минской губернии ксендз Горбатовский под воздействием помещиков прекратил вести богослужения на русском языке. Но после расписки Борисовскому декану ксендзу Лукашевичу богослужение вел на русском языке. Впоследствии Горбатовский нашел для себя выход из создавшегося положения: молитвы за царствующий дом вел на русском языке, а все остальное – на латыни. Настоятель же Лагойского костела Лемпицкий русский язык использовал лишь в табельные, праздничные дни, а также тогда, когда в костеле было незначительное число молящихся. В целом, использовался латинский и польский язык. Такое положение было во всем Борисовском уезде [293, л. 14].

Борисовский декан Строжалко за воспрещение ксендзу Ф. Сенчиковскому в Борисовском уезде служения на русском языке был отстранен от должности 12 апреля 1870 г., а в мае по распоряжению главного начальника края за ксендзом Строжалко был установлен полицейский надзор. Позже Строжалко переместили в Порозовский приход Гродненской губернии. Интересен тот факт, что в защиту ксендза 11 февраля 1885 г. выступил Виленский епископ каноник М. Герасимович, прося перевести Строжалку в Юхновецкий приход на должность настоятеля. После ссылки М. Герасимовича продолжал настаивать на переводе прелат Зданович, но также безуспешно [204, л. 9–10, 14]. Не удалось М. Герасимовичу в 1885 г. перевести на должность настоятеля Брестского костела и, соответственно, поставить деканом отсидевшего шесть месяцев в Гродненском монастыре за «антирусскость» Лидского декана ксендза Ромуальда Сташевича [158, л. 1, 19].

Настоятель Першайского костела Минского уезда Александр Наркевич, несмотря на все замечания Минского декана Олехновича, использовать русскоязычный молитвенник для отправления богослужений за императорский дом на русском языке, не согласился на это. Чем переманил к себе к маю 1871 г. прихожан из соседнего Каменского прихода, где ксендз Михаил Олехнович употреблял русский язык, а позже – из Ивенецкой местности. Наркевичу помогал лишь его викарный ксендз Сырунович. По просьбе Олехновича, 14 мая 1871 г. Александра Наркевича и Серафима Сыруновича поместили в Несвижский доминиканский монастырь. Интересно, что ксендз И.

Маркевич, бывший тогда викарным Борисовского костела и заслуживший доверие правительства своими действиями по поддержке русского языка, отказался занять вакантную должность настоятеля Першайского костела, сославшись на болезнь [252, л. 2, 4, 7]. Таким образом, должность осталась вакантной – кандидата так и не нашлось.

О некоторых ксендзах Минской губернии, имевших доверие со стороны власти в деле введения русского языка в «дополнительное» богослужение, можно судить по данным военного начальника Виленского округа, лично утверждавшего ксендзов, исполнявших духовные требы воинским чинам римско-католического исповедания. К 1874 г. к ним относятся: по г. Минску, Игуменскому и Минскому уездам – Ф. Сенчиковский, по г. Бобруйску и уезду – декан Пиотровский, по г. Новогрудку и уезду – декан Рубич, по г. Мозырю и Речице и уезду – декан Янковский, по г. Слуцку и уезду – декан Вроченский, по г. Пинску и уезду – декан Могинский [183, л. 4].

Ян Юргевич, став визитатором костелов Минской губернии, сразу же принялся за дело: 20 февраля 1877 г. в Несвижском монастыре бенедиктинок он хотел отправить богослужение на русском языке, но монахини, подстрекаемые настоятелем Лавром Ивашкевичам, преградили путь визитатору, мешая исполнению им его обязанностей. Вследствие этого Юргевич распорядился поставить послушного его воле ксендза Врончевского на место «польского подстрекателя» Л. Ивашкевича, отдав последнего в распоряжение правительства. Монахини не согласились с таким ходом дел «по причине личных религиозных убеждений». Реакции властей ждать не пришлось: в июне 1877 г. Минский губернатор закрыл монастырь, переведя пятерых монахинь в Гродненский монастырь бригиток и пятнадцать в Виленский монастырь бенедиктинок [671, с. 76–77; 286, л. 131–132].

В 1877 г. русский язык употребляли в «дополнительном» богослужении в Минской губернии следующие представители римско-католического духовенства: настоятель Минского св. Троицкого костела Ф. Сенчиковский, Бобруйский настоятель Макаревич, Блоньский настоятель Олехнович, Борисовский настоятель Петровский, Докшицкий настоятель Горбатовский, Глуский настоятель Гедройць, Игуменский настоятель Барщ, Койдановский настоятель Эйзенблеттер, Узденский настоятель Добжинский, Сверженский настоятель Маркевич, Каменьский настоятель Лукашевич, Каралищевичский настоятель Бартович, Лагойский настоятель Ю. Юргевич, Слуцкий настоятель Я. (Иван) Юргевич, Несвижский настоятель Вроченский, Клецкий настоятель Ю.

О приглашении посторонних ксендзов в дни общих всем костелам праздников не могло быть и речи, так как в эти дни все духовенство должно было быть занято в своих приходах. В 1897 г. Минский губернатор не дал согласия настоятелю Докшицкого костела ксендзу И. Радивилу пригласить в помощь, ввиду большого стечения народа на предстоящий храмовый праздник, соседних настоятелей Коржинского и Околовского костела [185, л. 187]. Не доверяли и руководству: Сенненскому декану и настоятелю Черейского костела ксендзу Ф. Гейту запретили посещать в помощь свои же собственные приходы [185, л. 195].

Приезд стороннего священнослужителя мог иметь место только в дни отдельных храмовых праздников, но не с целью оказания помощи приходскому духовенству при совершении крестных ходов, а исключительно для помощи при исповедании и причащении собравшегося народа. С целью усиления контроля полиции за римско-католическим духовенством, приехавшим из других приходов, Виленский генерал-губернатор распорядился, чтобы настоятели приходов, на которых возложили обязанность по избранию того или иного ксендза, обращались за разрешением через декана к гражданскому губернатору. Ввиду этого настоятели были вынуждены начинать переписку настолько заблаговременно до непосредственного проведения праздника, что полиция вполне успевала проверить указанного ксендза, а настоятель получал дополнительную проблему: на решение властей отводился месяц или три недели до праздника, к тому же мог последовать отказ в данном лице, а времени на другую кандидатуру уже не оставалось. Учитывая подобное обстоятельство, настоятели храмов стали предлагать одновременно 2–3 кандидатуры. И, как и следовало ожидать, подобный порядок в конце концов оказался неудобным и был заменен в конце 80-х XIX в. новым. Губернским гражданским руководством по согласованию с римско-католическим епархиальным духовенством составлялась ведомость всем костелам в губернии, с перечислением в каждом из них всех храмовых праздников и с указанием того, в какие из этих праздников и в каком количестве признается нужным разрешать приезд ксендзов из соседних приходов для исполнения духовных треб. Обозначалось, из каких соседних приходов и сколько именно ксендзов может приезжать на праздник. На практике применение этих ведомостей, утвержденных Виленским генерал-губернатором, производилось следующим образом: настоятель того прихода, в котором предстоял указанный в ведомости праздник, приглашал того или иного ксендза из приходов, названных в ведомости, и о том, кого он приглашал, сообщал или

Духа (16 мая), Святой Троицы, Тело Христово (в один из 8 дней этого праздника), Рождество Христово (25 декабря), Непорочное зачатие Пресвятой Девы Марии (8 декабря), Всех Святых (1 ноября) [601, л. 27–28]. При этом были проигнорированы следующие общие годовые праздники римско-католического костела: Обрезание Господне (1 января), Богоявление Христово (6 января), Сретение Господне (2 февраля), Святого Казимира (4 марта), Вербное Воскресенье (21 марта), Благовещение Пресвятой Девы Марии (5 апреля), Успение Пресвятой Богородицы (15 августа), Рождение Пресвятой Богородицы (8 сентября), Поминование усопших (2 ноября) [601, л. 64]. Следует обратить внимание, что празднование наиболее важных римско-католических торжеств допускалось в оградах всех костелов губернии, за исключением костелов, расположенных в губернском и уездном городах [142, л. 35].

При составлении ведомостей местными властями допускались ошибки, умысленные или случайные. Тайным советником Виленского генерал-губернатора П. Батюшковым были выявлены не указанные в ведомости по Гродненской губернии на 1893 г. костелы, имевшие ограды, где предполагалось дозволение крестных ходов: по Сокольскому деканату – Кузницкий и Новодворский костелы; по Волковысскому – Колпянский, Кремяницкий, Мстибовский, Свислочский, Росский, Струбницкий, Порозовский и Песковский; по Бельскому – Ботьковский, Брянский, Цехановский, Семятицкий, Дрогичинский и Наревский; по Пружанскому – Шерешевский; по Гродненскому – Озерский, Микелевщичский (филиальный), Кринский, Уснарчесский, Индурский, Лунненский; по Белостокскому – Васильковский, Супральский, Кнышинский, Хорошанский, Суражский и Забудовский; совершенно были пропущены костелы Кобринского, Брестского и Слонимского деканатов [601, л. 40–42].

Ошибки состояли и в датах проведения крестного хода. Администратор Росского приходского костела ксендз Сенкевич совершил 13 мая 1884 г. в ограде названного костела крестный ход без надлежащего на то разрешения, что самим Сенкевичем объяснялось тем, что на 13 мая приходилось первое воскресенье, которое по ведомости крестных ходов по ошибке было перенесено на 20 мая. Но исходя из того, что ксендз Сенкевич, заметив неточность в означенной ведомости, должен был заблаговременно заявить об этом своему руководству, чего он не сделал, то Виленский генерал-губернатор И. Каханов признал необходимым подвергнуть ксендза штрафу в 10 руб. [125, л. 21–22].

Подлипский и викарный К.Подлипский, Копыльский настоятель Муравский, Тимковичский и Старчицкий настоятель Кулаковский, Мозырский настоятель Янковский, Давид-Городокский настоятель Вяжейский [671, с. 78]. Как заметил М. Раковский, именно после отрицательного ответа (11 июля 1877 г.) Римской Курии относительно употребления русского языка количество ксендзов в Минской губернии, употреблявших русский язык, больше не превышало 21 человек, а с 1878 г. пошло на убыль, достигнув 10 в 1882 г., продержав эту же численность до 1897 г. [671, с. 79].

Материальная поддержка правительства тех настоятелей приходов, в которых богослужение велось на русском языке, была ощутимой. Например, в 1891 г. в Минской губернии на эти цели было потрачено больше 60 тыс. руб. Дополнительное жалованье получили декан Минска и настоятель Св. Троицкого костела прелат Макарович; Бобруйский декан и настоятель Бобруйского костела Олехнович; Борисовский декан Лукашевич; Слуцкий декан Урачинский; Игуменский декан Байчинский; настоятели костелов: Игуменского – Бертович, Узденского – Кушалевский, Копыльского – Герачинский, Клецкого – Юргевич; капеллан Минского благотворительного общества каноник Гавронский и 14 органистов [845, с. 135].

23 января 1878 г. администратор Виленской епархии П. Жилинский получил письмо от кардинала Катерини. Римская курия осуждала П. Жилинского за самовольное вступление в управление епархией, а также обвиняла в лишении лучших ксендзов должностей и введение в костел русского языка. С точки зрения римско-католического канонического права П. Жилинский был узурпатором и самозванцем относительно Виленской епархии (с 1866 г.), так как не имел никакого полномочия со стороны Римского двора на управление ею. Вторично он стал самозванцем относительно епархии Минской, так как тоже в противность каноническому праву принял управление епархией лишь по распоряжению правительства. Рим также требовал ликвидации должности визитаторов [731, с. 72]. 5 сентября 1879 г. Римская курия экскоммунировала П. Жилинского, Ф. Сенчиковского и Ю. Юргевича [970, с. 378].

3. Наградский пришел к выводу, что из 32 костелов Минской губернии, первоначально принявших русский язык в богослужение (А. Владимиров и Д.Н. Чихачев приводят цифру в 38 костелов, Г.Я. Киприанович тоже остановился на 32 костелах), впоследствии все богослужение на русском языке велось только в 6 костелах, 4 временно были без администраторов, в 11 костелах велось лишь «дополнительное», в Клецком костеле польский язык был заменен на

латинский, а остальные возвратились к польскому языку [68, с. 100; 830, с. 15; 380, с. 153; 995, с. 84]. Т. Остоя приводит данные, что в Минской губернии в 1876–1877 гг. русскоязычное дополнительное богослужение велось в 10 костелах из 52 [1007, с. 56]. В. Яновская указывает, что на начало 70-х гг. XIX в. в 32 костелах Минской губернии звучал русский язык [843, с. 183]. «Литовские епархиальные ведомости» на 1878 г. дают информацию, что из 32 костелов осталось только 2, где «дополнительное» богослужение велось на русском языке: Бобруйский крепостной костел и Тимковский в Слуцком уезде [435, с. 5]. Далее газета продолжает, что из 45 ксендзов, давших подписку о служении на русском языке, исполняют ее неизменно только двое: настоятель Бобруйского костела Фердинанд Сенчиковский и настоятель Тимковского костела магистр богословия Людвиг Кулаковский. «Литовские епархиальные ведомости» выражали недовольство действиями местных властей, не оказывающих активную поддержку действиям двух ксендзов: «Уж не превратился каким-либо чудом добровольный переход Сенчиковского из Минска в Бобруйскую крепость в тонкое политическое заточение? Ведь ходят же упорные слухи по Бобруйску, что ученикам местной прогимназии привито убеждение, будто-бы местный костел с его настоятелем за употребление русского языка при богослужении состоят под анафемой святейшего Рима! На этом основании почти никто не посещает Бобруйский костел» [435, с. 5].

В.В. Яновская объясняет отказ большей части ксендзов в начале 80-х гг. XIX в. от русского языка в богослужении насильственным процессом введения – не по воле самих ксендзов. Однако факты этому противоречат: медали же за что получали? Правда, В.В. Яновская видит в этом также, помимо проявления польского патриотизма ксендзов, и естественный страх за свою жизнь, так как было не мало случаев физической расправы над ксендзами, которые осуждались в «москальстве». К этому надо прибавить ухудшение материального положения этих священнослужителей, поскольку местная шляхта их не поддерживала, да и, собственно, их осуждал декрет Конгрегации инквизиции от 11 июля 1877 г. [845, с. 135].

В 1878 г. Минский декан Пиотровский донес, что вновь назначенный в Каменский приход Минской губернии настоятель ксендз Вашкевич в Каменском костеле совершал все богослужение на польском языке и категорически отказывался от русского, ссылаясь на то, что управляющий епархией не предписывал и не требовал употребления русского языка. Для Вашкевича не было значимо и то,

же проступок были наказаны двадцатью рублями штрафа и ксендз Суховольского и Корицынского костелов Боровский, Сухоцкий [129, л. 22]. Настоятель Одельского костела Сокольского уезда ксендз Домашевич 5 апреля 1892 г. за самовольно проведенный крестный ход в ограде костела был наказан строгим предупреждением [124, л. 11]. Виленский генерал-губернатор наложил штраф на настоятеля Рудского костела Бельского уезда за самовольное совершение им крестного хода в ограде костела 19 марта 1894 г. в количестве 100 руб. [128, л. 14–15]. Подобных дел в архиве содержится множество [142; 620; 303; 607; 673]. Даже за употребление недозволенных процессиональных эмблематических знаков (при разрешенных крестных ходах) подвергали штрафу. 5 апреля 1887 г. настоятеля Озерского костела ксендза Томашевича, а также 15 сентября 1888 г. ксендза Лунненского костела, позволивших себе при совершении крестного хода употребить процессиональные знаки, наказали штрафом в 10 рублей [265, л. 59; 629, л. 44].

Правительство с целью контроля за проведением крестных ходов постоянно ужесточало требования, вмешиваясь в закрепленные религиозными канонами и исторической традицией правила осуществления религиозных действий. На каждый год составлялись ведомости разрешенных крестных ходов, которые в обязательном порядке сохранялись губернатором и начальником жандармского управления [176, л. 1]. Осенью каждого года местные губернаторы предлагали римско-католическим деканам составить ведомости на те костелы, которым необходимо было в течение последующего года приглашение ксендзов из соседних приходов, а также на те праздники, которые в том же году должны были быть совершены с участием крестного хода в оградах костелов. Сведения надлежало доставить губернаторам не позже 1 ноября текущего года по предлагаемой схеме: наименование праздников с указанием месяца и числа, костела, потребности в крестном ходе, в помощниках-ksenдзах, а также указания приходов. Причем последних для означенной надобности не должно было быть более двух. Ко всему этому прилагалась подробная информация о костеле [619, л. 1–2]. Многочисленные жалобы и недовольства ксендзов в расчет не принимались.

В приложении работы приведена таблица, свидетельствующая о времени и месте проведения крестных ходов в Гродненской губернии по состоянию на 1892 г. (смотрите приложение И). Кроме указанных храмовых праздников, в оградах всех названных костелов крестные ходы были разрешены в следующие большие праздники: Пасха Христова (28 марта), Вознесение Господне (6 мая), Сочелье Святого

относится к 1299 г. [1050, s. 6]. Значение крестных ходов в привлечении к вере большего числа народа в период XVII–XVIII вв. подчеркивал белорусский ученый Я.Н. Мараш [469, с. 165–176]. Польские исследователи акцентировали внимание на крестных ходах как символах веры, приводили примеры уничтожения процессиональных эмблематических знаков, символов, крестов войсками, полицией Российской империи с целью ликвидации напоминания о «польскости» Северо-Западного края [905; 914; 918; 934; 946; 967, s. 203; 991, s. 191–197; 996; 1008; 1039; 1079; 1125, s. 161]. В российской дореволюционной литературе отражалось официальное мнение по этому вопросу, приводились распоряжения правительства, видевшего в проведении крестных ходов и надписях на крестах (на польском языке) явное стремление возвеличить, «обожествить» «польскость» [482, с. 33–34]. Но было и иное мнение: К.К. Арсеньев, служивший в департаменте министерства юстиции, приведя ряд указов по делу постановки крестов и проведения крестных ходов, призвал власть к ликвидации запретительных мер, не поспособствовавших умиротворению края [10, с. 208]. Исследователи конца XX – начала XXI вв. ограничились лишь обозначением проблемы, приведением документов, примеров запрещения крестных ходов, процессий [15; 88; 368, с. 86; 420, с. 102; 697, с. 88; 873, s. 74; 908, s. 19; 989; 998; 1117, s. 42].

Принимая во внимание, что римско-католическое духовенство «в целях латино-польской пропаганды» устраивало некоторые праздники с особой торжественностью и публичными процессиями при большом участии верующих, главный начальник Северо-Западного края циркуляром от 24 января 1866 г. разрешил проводить процессии лишь внутри костелов, в случае нехватки места – возле костела, но только внутри ограды [808, л. 3; 137, л. 12–13].

За своеволие в организации крестных ходов римско-католическое духовенство наказывали денежным штрафом. Настоятеля Сидранского костела Сокольского уезда ксендза Могля оштрафовали на 25 руб. за совершение во избежание от холеры 31 августа 1866 г. после литургии по просьбе жителей крестного хода с хоругвями и крестами [288, л. 2]. Администратора Мстибовского костела Волковысского уезда ксендза Држевинского, совершившего 25 апреля 1884 г. в ограде костела крестный ход, подвергли штрафу в размере 30 руб. [125, л. 12]. В 25 руб. оштрафовали ксендза Буйко настоятеля Сегневичского костела Пружанского уезда за совершение 13 июня 1890 г. без надлежащего разрешения крестного хода вокруг костела в пределах костельной ограды – из-за нехватки места [122, л. 6]. За тот

что в течение 9 лет в этом костеле ксендзами Олехновичем, Лукашевичем, Пиотровским ни одного польского слова не было употреблено. «Неужели допустим, - возмутился декан, - чтобы этот наш родной язык был уничтожен каким-либо ксендзом-полонистом» [215, л. 4]. Вашкевич активно вел миссионерскую деятельность, объезжая не только католические, но и православные деревни, призывая население крепить свои силы, дабы пережить это неблагоприятное время для костела. В результате Виленский епископ Жилинский отправил Вашкевича в отдаленный монастырь Виленской епархии [293, л. 56–57]. В 1884 г. ситуация в Каменском приходе повторилась. Назначенный ксендз Урбанович категорически отказывался вести «дополнительное» богослужение на русском языке, за что его и этапировали в Аглонский доминиканский монастырь, а костел передал в заведование настоятелю Узденского прихода ксендзу Кушелевскому [244, л. 65, 79].

С 1 февраля 1881 г. по 8 сентября 1884 г. настоятелем Минского костела св. Марии, бывшего кафедрального, был Виктор Войдаг, не употреблявший русский язык в «дополнительном» богослужении, за что, а также за активную деятельность (организацию хора, праздничных процессий, ремонт органа в бывшем кафедральном костеле) был подвергнут гонениям, в том числе и со стороны Минского декана И. Макаревича. В. Войдаг успел тайно перебраться в Галицию, где печатал книги о преследовании костела под псевдонимом «Пшыбьшевский» [1125, s. 168; 933, s. 19]. Но его место занял не менее достойный священник, магистр теологии Александр Сипайло. Будучи сыном богатых родителей, он избрал духовную карьеру. Один год провел в Аглонском монастыре – за активную деятельность в Витебске среди молодежи. При Войдаке был викарным. А. Сипайло не суждено было повторить путь Войдака, в тот момент, когда появилось распоряжение правительства на удаление ксендза, - А. Сипайло заболел туберкулезом и умер 28 апреля 1886 г. [1125, s. 168]. Похоронили его на Кальварийском кладбище [933, s. 19]. Не согласились на введение русского языка также следующие настоятели: Малецкий (1886 г.), Воеводский (1886 г.), Ян Гринкевич (1886–1892 гг.), Павел Тваровский, Виткевич, Акко (все трое были настоятелями с 1892 г. по 1905 г.) [1125, s. 169].

Больше десяти лет вел богослужение согласно каноническим правилам в Королицевичах Даниель Ясинский. После чего был отправлен в Красноярск, где провел несколько лет [933, s. 19]. В Холопеничах Борисовского уезда вел свою духовную деятельность Антоний Лазаревич, пока его не выслал Минский губернатор Петров.

Но позже ксендз вернулся и вел духовную службу в местечке Крошин Новоградского уезда [933, s. 19].

В 1886 г. Гродненский губернатор писал в министерство внутренних дел: «Какие бы карательные меры ни принимались к римско-католическим священникам виновным в обнаружении антагонизма к православию и всему русскому, корень зла не будет уничтожен, пока польский язык будет в католическом богослужении, пока римско-католические семинарии будут служить рассадником польщизны и пока не будет прекращено преподавание в семинариях на польском языке и прием в оные лиц польского происхождения свыше известной нормы» [812, л. 14].

27 мая 1893 г. во время богослужения в Копыльском костеле Слуцкого уезда Минской губернии по случаю праздника «Божье тело» настоятель ксендз Герочинский во время крестного хода внутри костела пел гимны на польском языке: «Idzie, idzie Bóg prawdziwy», и «Bogu część i chwala» (раньше он был активным сторонником русского языка – см. приложение Д). Этому вторил и племянник ксендза В. Герочинский. Органист же Станислав Чайковский, услышав это, оставил играть на органе и участия в пении не принимал. После личной беседы с Минским губернатором ксендз Герочинский на некоторое время перестал использовать польский язык [295, л. 1]. В 1896 г. Герочинский возвратился к практике ведения богослужения на польском языке. Учтя предыдущий опыт, ксендз обращался к народу в костеле с амвона предварительно сняв с себя облачение. Но это его не спасло – министр внутренних дел постановил выслать Андрея Людвига Герочинского в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции на три года [292, л. 21–22]. А на его место назначен был Станислав Далецкий, который показался власти вполне благонадежным, но Далецкий также прославился пением духовных гимнов на польском языке. За что и заключили его в Аглонский монастырь [292, л. 157].

Протесты прихожан против введения русского языка поступали из многих приходов Минской губернии: Несвижского, Недведичского, Блонского, Сверженского, Першайского, Копыльского, Каменского, Логойского, Хотаевичского и т.д. [121, л. 1–189]. Вот какое, к примеру, пришло письмо викарному ксендзу Роберту Рубше, читавшему проповеди по-русски: «Какое унижение правдивой доброты и милосердия Божьего, если Он настолько милосерд, что подобных мерзавцев не карает муками при жизни. Правительство должно быть довольным, что нашло подобных людей между пастырями, которые способны брехать, как хотят и что им велят. Гадость, стыд и унижение. Для чего же святая религия опирается на подобных священников?» [55,

согласно высочайшему повелению от 29 января 1904 г. и от 1 сентября 1907 г. Виленского генерал-губернатора, организация религиозных процессий без предварительного разрешения губернского руководства запрещалась, виновные подвергались штрафу в 500 руб. или аресту до трех месяцев. Но Гродненский губернатор, вместо прямого наказания виновных, не утвердил устав общества хлебопекарни и булочной на паях при «Христианском рабочем союзе».

В 1908 г. обществу запретили также устраивать танцевальные вечера и проводить елку, что приносило основной доход организации: более 300 рублей в год. Гродненский губернатор запретил также изменить устав общества. Видя, что «Христианский рабочий союз» не пользуется поддержкой гражданской власти, князь В.А. Друцкий-Любецкий покинул в 1909 г. пост председателя, но продолжал держать связь с союзом до 1911 г. Председателем стал А.А. Василевский, а его заместителем А.О. Малашко.

К 1911 г. относится последнее упоминание о «Христианском рабочем союзе», насчитывавшем лишь 38 действительных членов и 37 членов-соревнователей. Подробнее смотрите в материалах архивного дела: «Дело об обществе рабочих христиан в г. Гродно» [НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 96].

Вероятнее всего, существование общества постепенно сошло на нет в результате постепенных ограничительных действий со стороны гражданской власти.

Таким образом, деятельность римско-католических братств явилась не только данью традиции, но и ответом римско-католического костела, всех верующих на конфессиональную и национальную политику царского правительства. Костел, явно не выступая организатором этих обществ, активно поддерживал их прежде всего морально. Римско-католические общества были его опорой среди паствы, позволяли воздействовать на верующих не только в храме, но и за его стенами. В условиях постоянного полицейского надзора римско-католические объединения вынуждены были приспособливаться, искать качественно иную форму своего существования.

4.2 Организация крестных ходов и других религиозных действий

Первое зафиксированное в исторической литературе торжественное проведение крестного хода на территории Беларуси

старше 17 лет и годных к труду – денег не выдавали, так как они сами могли быть членами общества. В 1908 г. решено было уменьшить взносы для действительных членов до 40 копеек. Тариф для членосоревнователей остался тот же – три рубля. Кроме этого, врачам за лечение членов общества выплачивали гонорар полностью из учредительной кассы. Больной оплачивал лишь извозчика.

Целью общества являлось поднятие просвещения среди работников в религиозно-нравственном, умственном и общественном отношениях. Для осуществления намеченной цели организация имела право устраивать постоянные собрания, на которых производились поучительные чтения, товарищеские гуляния и другие дозволенные увеселения, организовывало библиотеки и читальни, посредничало в спорных вопросах и способствовало умиротворению недоразумений, возникавших между предпринимателями и рабочими, содействовало в устройстве похоронной кассы, вспомогательно-сберегательных касс и других подобного рода учреждений, как равно и потребительских лавок, планировалось и издание собственной газеты.

По уставу «Христианского союза рабочих» выходило, что членом общества мог быть всякий, уплативший трехрублевый взнос, а членом правления каждый, записавшийся в общество. Кроме того, правление могло назначать посторонних лиц на должности секретаря и библиотекаря: на собраниях общества, на которых произносились публичные лекции и чтения, могли присутствовать посторонние лица, а это, в свою очередь, не нравилось полиции.

Всю информацию про «Христианский рабочий союз» собирал Гродненскому губернатору Федор Семенович Калинков – член общества, считавший, что истинная цель организации была в сплочении православных и римско-католиков для борьбы с еврейской организацией.

15 июня 1907 г. во время следования римско-католического крестного хода по купеческой улице г. Гродно на балконе дома № 17 Каликта Августевича, в котором находилось правление «Христианского рабочего союза», был устроен алтарь: балкон с трех его сторон был обшит коврами и украшен зеленью из венков; на балконе, на уровне с поверхностью перил, стояла икона Спасителя, перед которой горело четыре свечи; у подножия иконы на картонной бумаге в виде ленты имелась надпись на польском языке «Товарищество рабочих христиан», а ниже надписи; на ковре были прикреплены инструменты рабочих – топор, молоток, пила, клещи, циркуль, треугольник. Алтарь был устроен членами общества В. Сакрой и К. Августевичем по инициативе ксендза В. Вереника. А ведь

с. 132; 450, с. 7]. Подобные письма не были единичны. А вот суждение рядового поляка, автора книги «Поляк русским»: «События 70–80 годов XIX века – религиозный культуркампф. Я прекрасно помню то время, - пишет он, - так как провел детство в центре и в самый разгар этой борьбы. На моих глазах достигнут был столь высокий идеал русификации храма, какой по нынешним временам, как бы закон о веротерпимости не суживать, едва ли достигим. Но к чему это привело? Мы чувствовали себя униженными, оскорбленными, но вера наша тем стала нам дороже... Последствия всего этого были те, что все католическое население объединилось в небывалой сплоченности и глубококом подъеме религиозности... Вообще, отношение правительства к римско-католической вере совершенно парализовало движение польской интеллигенции к религиозному индифферентизму. Русификация в течение 75 лет культивировала у нас анархию, разрушение национального и культурного быта. И мы не могли этому не противопоставить именно лозунг бережного сохранения своего достояния от погрома» [1110, с. 63–64]. Из приведенного 3. Нагродским документа: «Когда ксендз Каминский в Свенцяном костеле с амвона сказал по-русски «во имя Отца и Сына и Святого Духа» - в костеле встал огромный переполох. Плюясь и плача, люди бросились к двери. Некто из уважаемых владельцев Чипчик стал перед амвоном и приказал ксендзу замолчать, сказав ему: «Иуда за предательство Христа взял 30 сребреников, а сколько ксендз взял за предательство нас?» Те, кто убежали из костела, подались домой. Горстка же девушек и юношей спрятались в кустах. Когда ксендз возвращался из костела, то напали на него и, «уваживши сутану, не уважили тело». После этих событий Чипчика и еще нескольких человек выслали из губернии [995, s. 62].

На настоятеля Новоградского костела ксендза Борща после первого молебствия на русском языке также напали ночью, сорвали одежду и облили смолой ту часть тела, которая обычно на древних скульптурах прикрыта фиговым листом. Ксендз Борщ после этого трагического случая уехал в Америку [995, s. 68–69].

Такая же участь выпала и на долю ксендза Теофила Войчинского, который еще в 1863 г. был выслан в Сибирь за участие в восстании. Узнав, что есть способ вернуться на родину, написал в Департамент духовных дел, что хочет вести богослужение на русском языке. Департамент дал ему Березинский приход Минской губернии, где и вернувшийся ксендз был бит населением [995, s. 69]. Населением также были биты за подобные действия и настоятель Пинского костела Вашкевич, и настоятель Бобруйского костела Олехнович [995, s. 70].

И. Макаревич, Ф. Сенчиковский и Я. Юргевич и вовсе не могли выйти на улицу без жандармов, так как люди их тотчас обижали, высказывали им проклятия, особенно женщины, нередко были случаи бросания в них камней, но главным оружием народа против «отступников» были яйца, в большинстве своем несвежие [995, s. 71].

В апреле 1870 г. Мозырский ксендз Копцевич получил анонимное письмо из Варшавы на польском языке с предложением якобы от Папы Римского: не подчиняться распоряжениям о введении русского языка в богослужение. Подобных фактов зафиксировано полицией множество [828, с. 48; 501, л. 1–2].

21 июня 1870 г. после богослужения в Кальварийском костеле, в 4-х верстах от г. Борисова, верующие, подбиваемые бывшими студентами Петербургского университета А. Буйницким, дворянином Л. Гордзевичем и Х. Стеткевичем, устроили бунт, в первую очередь, против ксендза Сенчиковского и против введения русского языка в католическом богослужении [828, с. 48].

В начале июля 1870 г., когда местный Мосарский ксендз Ширин Минской губернии начал молиться за царя на русском языке, прихожане вышли из костела, а после выхода и самого ксендза Ширина – начали бросать в него яйца и оскорблять. Ксендз не мог появиться на улице без сопровождения двух жандармов. В конечном итоге, Минский губернатор закрыл костел, к которому отнесены были 5 435 человек, чтобы не вызвать еще больших волнений [671, с. 75; 174, л. 58]. Ксендза Ширина перевели настоятелем в местечко Погост Мозырского прихода. Когда он запел на русском языке «Святой Боже», все прихожане вышли из костела, а после выхода и самого ксендза, закидали его яйцами, некоторые же молодцы даже бросали мелкими камнями [1036, с. 49]. Такое же положение дел, по словам Т.Рогалы-Завадского, наблюдалось и в Свенцянах, и в других приходах.

В г. Борисове, где богослужение вел сам Ф. Сенчиковский, верующие открыто выступили против русификации. Борисовский исправник докладывал 27 июля 1870 г.: «Когда Ф. Сенчиковский вышел из костела, толпа окружила его и начала кричать: «Что ты за ксендз, сволочь, москаль ты, обернулся, нам такой ксендз не нужен» и др.» [727, с. 56; 503, л. 2].

2 февраля 1872 г. в Минске проходила огромная процессия. Народ обратился с просьбой к Минскому губернатору Токареву с просьбой, чтобы запретил Ф. Сенчиковскому его деятельность. Католики осудили Ф. Сенчиковского в насиловании девушек и женщин, в оргиях со своими органистами, в краже костельных ценностей [1125, с. 133]. Воспользовавшись возможностью,

Владислав Александрович Друцкий-Любецкий, набравший 10 голосов из 12 (со своей стороны князь пожертвовал для общества несколько десятков книг в библиотеку, расположенную в доме по Александровской улице, в котором жил А.А. Василевский), заместителем председателя был избран Рустав Рейнгардт, а казначеем – Казимир Коцелл.

Присяжный поверенный К. Милковский безвозмездно защищал членов общества в суде. По предложению председателя общество стало закупать в свою библиотеку книги, газеты и журналы на русском и польском языках. За время существования библиотеки было пожертвовано 480 томов книг, которые привел в порядок член правления В. Сакра.

Члены «Христианского рабочего союза» разделялись на действительных, почетных и соревнователей. Действительным членом общества мог стать каждый честный, трезвого поведения работник-христианин. Почетным членом – тот, кто одновременно вносил в пользу общества 50 руб. или делал какое-либо другое значительное пожертвование. Членом соревнователем – кто ежегодно вносил в кассу общества три рубля. Желая вступить в число действительных членов организации обязан был обратиться в правление общества и представить поручительство двух действительных членов. Фамилия кандидата и поручителей подлежала вывеске в помещении общества в течение двух недель. Протест со стороны членов союза против принятия кандидата заявлялся частным образом лично правлению в течение тех же двух недель. Если правление отказывало в принятии, то не обязывалось объяснять мотивы своей резолюции. В обязанности каждого члена входило соблюдение и добросовестное исполнение обязанностей христианина: развивать добродетели своего сословия, преимущественно воздержание, трудолюбие, бережливость, солидарность и добросовестность.

Ксендз С. Вереник оставался почетным председателем всех отчетных собраний общества. С. Вереник прославился еще и тем, что выступал против постановок организацией спектаклей на русском языке. 2 мая 1908 г. князь В.А. Друцко-Любецкий за оказанные услуги и пожертвования в пользу общества единогласно был избран почетным членом. В 1907 г. «Христианский рабочий союз» насчитывал 114 членов, из них – 4 почетных.

За этот год организацией было проведено два семейных вечера с танцами и три спектакля. Для членов общества было вменено за правило: в случае смерти жене выдавали вспомоществование в сумме 20 рублей; в случае смерти детей до 17 лет – 10 рублей; смерти детей

«костелах ныне находятся римско-католические братства» [НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 8. – Д. 1831].

В 1914 г. Гродненским губернским жандармским управлением было обнаружено существование в г. Белостоке отделения Виленского общества рабочих-католиков, в составе правления которого на правах главенствующего члена входил один из местных ксендзов [614, л. 41].

Отделение в г. Белостоке учреждено было в 1907 г. с целью помощи бедным рабочим в несчастных случаях: выдача пособий в случае смерти, лицам, пострадавшим от пожаров и т.п. В число членов правления отделения общества входили выборные из постоянных жителей г. Белостока. Как правило, это были люди без образования или с низким уровнем образования, среднего достатка, разных профессий и занятий. Председателем отделения являлся содержатель кондитерской Фиалковский. Кроме этого в числе членов также состоял ксендз Белостокского римско-католического костела Ю.Ю. Андруконис. Юрий Андруконис непосредственно руководил обществом, наблюдал за проведением заседаний членов правления общества. Заседания происходили два раза в неделю, по воскресеньям и средам, в помещении костельного дома. Так как вход в него был не всем доступен, кроме своих членов, то и сведения об уклонении от заявленных целей общества полиции не удалось выявить (Устав общества размещен в приложении О) [614, л. 48–49].

3 апреля 1907 г. в реестр обществ и союзов по Гродненской губернии был внесен «Христианский рабочий союз». В этом обществе рабочих, как состоящем вне политических партий, всякого рода политические прения исключались.

Деятельность общества распространялась на Гродненскую губернию. Членами-учредителями этой организации были следующие лица: Степан Юльянович Пушкевич, Адам Осипович Арципиевский, Игнатий Осипович Прокопчик, Леонард Андреевич Рутковский, Игнатий Игнатьевич Дашута, Валериан Петрович Сакра – все уроженцы г. Гродно.

Председателем общества был ксендз Станислав Вереника. В число членов правления входили: В.П. Сакра, И.П. Зимнах, С.Ю. Пушкевич, И.И. Дашута, К.К. Тарасевич, А.О. Арципиевский, А.А. Василевский (секретарь), О.В. Качан, князь В.А. Друцкий-Любецкий, К. Коцелл, А.О. Малашко, Рейнгард. Членами ревизионной комиссии являлись: Л.А. Рутковский, С.А. Левандович, И.Ф. Сименевич, В.А. Кузмицкий, А. Боровицкий.

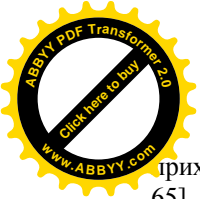
15 июня 1907 г. произошли перемены в управлении «Христианского рабочего союза»: председателем его стал князь

собравшиеся избрали 4 человек, чтобы просить Минского губернатора Токарева запретить въезд декану. Но губернатор не поверил посланникам, сослав их во внутренние губернии России, а остальных активных борцов оштрафовал от 50 до 100 рублей [1098, s. 101].

Иначе обстояло дело с органистами. Еще в 1870 г. в г. Минске при костеле св. Троицы было открыто училище для приготовления органистов, которые могли бы исполнять в костелах пение на русском языке, чтобы распространять среди католиков «дополнительное» богослужение на русском языке и развивать бы в них любовь ко всему русскому и верноподданнические чувства к престолу и России. За это, кроме получаемого жалованья от настоятелей костелов, согласно примечанию к § 18 устава училища органистов, изданного в 1877 г., они получали еще от правительства по 180 рублей в год [326, с. 504–505]. В училище 30 крестьянских мальчиков католического исповедания получали знания по общеобразовательных предметах, а также русскому языку, латыни и музыке [845, с. 134]. На открытие училища министерство внутренних дел, «поняв пользу от школы русских органистов», выделило 21 953 рубля [432, с. 6; 830, с. 15]. Всего же, по подсчетам М. Радвана, на училище органистов за весь период его существования было выделено 106 785 рублей, в то время как на услуги «требниковцев» (доплаты ксендзам до 600 рублей, а органистам по 180 рублей) за период 1871–1898 гг. было израсходовано 241 785 рублей [1028, s. 229].

Открытие училища органистов было удачным ходом: органист мог стать действенным помощником в деле продвижения русского языка в богослужении, к тому же он не мог не иметь влияния на паству. Но мало было обучить органистов, следовало их еще и вдохновить соответствующей идеей. Естественно, что управление учебным учреждением было отдано Ф. Сенчиковскому (клятвенное обещание органистов, окончивших Минское училище, составленное руководителем училища Ф. Сенчиковским, см. приложение Д). По окончании училища органисты давали расписку, в которой обязывались, согласно училищному уставу, все духовные требы исполнять на русском языке [177, л. 2; 1125, s. 132]. Безуспешны оказались попытки римско-католического митрополита А. Гинтовта отстоять право священника на принятие или увольнение органиста – лица, не отнесенного Уставом духовных дел иностранных исповеданий к числу римско-католического духовенства. За неприятие предложенного гражданскими властями органиста, обученного к употреблению русского языка, в апреле 1884 г. настоятеля Холопеничского прихода Лазаревича сослали в г. Вологду. Холопеничский

приход вплоть до 1896 г. оставался без постоянного ксендза [326, с. 63, 65].

14 ноября 1872 г. ксендз Ф. Сенчиковский в доносе Минскому губернатору писал: «... Четвертый год мы бьемся, боремся, переносим неисчислимые неприятности, а дело не только не подвинулось вперед, а, прискорбно сказать, значительно пошатнулось назад, полонизм злобнее, упрямее и торжественнее выступил на сцену... Ксендзы, выдавшие подписки служить на русском языке, видя, что полонизм берет верх над русским языком, за хорошие деньги совершают требы на польском языке. Кто бедный, тому служат на русском...» [325, с. 279].

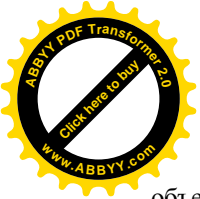
В 1876 г. Минский уездный исправник писал Минскому губернатору: «В Сверженском костеле введен русский язык и прихожане почти были примирились с этим. Но в последнее время ксендз Маркевич позволяет себе петь священные гимны на польском языке, чему вторят его прихожане». Характерно, что вину в употреблении польского языка в костеле исправник возложил на отдельных прихожан, под влияние которых подпал, по его мнению, Маркевич. И действительно, после ссылки указанных лиц, ксендз Маркевич больше не употреблял польский язык (о некоторых сведениях по принятию русского языка в «дополнительное» богослужение в приходах 2-го визитаторства Минской губернии см. приложение Д) [51, л. 56–70; 163, л. 20]

Протестов населения было столь много, что министр внутренних дел Тимашев предложил губернаторам осуществлять перемещение ксендзов из одного прихода в другой, но не иначе как с рассмотрения местного епархиального начальства. С этой целью было предложено Минским губернатором и одобрено Тимашевым в апреле 1877 г. перевести ксендза Бутурлевича из м. Раково в г. Речица. Неблагонадежность Бутурлевича выражалась в «подстрекательстве» прихожан соседнего Каменского прихода, где уже был введен русский язык, не обращаться к настоятелю прихода за исполнением треб и не посещать костел в дни богослужения. Приведение в исполнение этой меры встретило 3 марта сопротивление со стороны жителей м. Раково и окружающих селений, «подстрекаемых» Бутурлевичем. Толпа народа, собравшись у костела, забрала ключи и на приглашение исправника разойтись не исполняла приказаний два дня. 5 марта толпа увеличилась до 1 000 чел. Днем и ночью прихожане охраняли костел, у которого были сложены камни и колья... В результате происходящих событий в начале мая ксендз Бутурлевич был отправлен из Речицы в Олонецкую губернию под надзор полиции, 55 виновных крестьян оштрафовали на 25 рублей, а

Гродно, удалось обнаружить, что в 1886 г. в г. Белостоке существовало цеховое братство следующих цехов: столярного, кузнечного и слесарного, которые имели грамоту, выданную им в 1759 г. графом Яном Клеменсом Браницким и его женой, написанную на польском языке на пергаменте. Грамотой определялась как плата с поступающих в цех, так и другие сборы, а потому, в каждом цехе имелся отдельный, хранящийся у выбранного цехом доверенного лица, ящик, в котором находились вносимые мастерами и подмастерьями денежные сборы, не более одного рубля в три месяца. Из общей суммы сбора происходили следующие расходы: на похороны каждого несостоятельного мастера, его жены и детей, выдача пособия мастерам до приискания работы, на покупку в цехах свечей, употребляемых при заупокойном церковном служении об умерших мастерах. Кроме того, каждый из этих цехов имел хоругви, хранящиеся в местном костеле и находящиеся в полном распоряжении духовенства. Белостокские цеховые римско-католические братства два раза в год заказывали обедни: в день открытых цехов и заупокойную в память усопших цеховых. Следует отметить, что еще в 1865 г. Гродненский губернатор доложил Виленскому генерал-губернатору о полной ликвидации всех римско-католических обществ в Белостокском уезде.

В 1886 г. царской полиции удалось выявить и закрыть следующие братства: при Гожском костеле Гродненского уезда, учрежденное 40 лет назад и насчитывавшее 18 членов; при Межиречском костеле Волковысского уезда, насчитывавшее 8 крестьян; при Гродненском по-бернардинском костеле братство кирпичного цеха, насчитывавшее 36 членов, и братство цеха пильщиков, существовавшее более 20 лет при 34 членах; при Росском костеле братство, состоявшее из 14 крестьян; при Брянском костеле Бельского уезда братство кожевников, кузнецов, сапожников. До 1863 г. активную деятельность в г. Слониме вели братства сапожного, столярного, малярного и кузнечного цехов, основанные на грамоте короля Яна Казимира. К 1887 г. среди этих братств продолжал существовать лишь денежный сбор, но не в определенном размере, а смотря по состоянию, при выдаче свидетельств на звание мастера и подмастерья. Расходы из этого сбора производились по усмотрению цеховых старшин на нужды лишь принадлежавших к цехам, в большинстве случаев на организацию банкетов Революция 1905–1907 гг. открывала новые возможности для деятельности рабочих организаций. Подробнее смотрите в материалах архивного дела: «Дело о доставлении сведений Виленскому генерал-губернатору при каких

В 1905 г. в Минской губернии никаких терциарских объединений при римско-католических костелах властям не удалось обнаружить [711, л. 13]. В Витебской губернии в 1905 г. были выявлены терциарские организации в Двинском уезде при Прельском, Яшлужском, Варковском, Рушанском, Биржагольском и Аглонском костелах. При Креславском и Ужволдском костелах располагались даже богадельни, в которых находились женщины средних и преклонных лет, по словам уездного исправника, «до фанатизма преданные католицизму» [143, л. 7–8]. Все существовавшие терциарские объединения, по мере обнаружения, правительство закрывало.

Вскоре на смену обществу терциаров пришло римско-католическое братство трезвости. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях братства трезвости стали возникать еще в конце 50-х г. XIX в. Эти общества стали основываться при костелах по примеру образованного в Пруссии ксендзом Фицеком в 1844 г. Из Пруссии движение это перекинулось в Царство Польское и в Северо-Западный край. Принимали в братства трезвости с большой торжественностью. На память каждый член братства получал маленький медальон, на одной стороне которого был изображен крест с надписью «на память ведения трезвости», а на другой – образ Матери Божьей [948, с. 228]. Некоторые римско-католические священнослужители, стараясь воздержать народ от излишнего употребления вина, не ограничивались поучениями в храмах, а прибегали к другим мерам, не разрешенным ни законом, ни обязанностями их духовного сана: призывали жителей записываться в книги о трезвости и давать клятвенные обещания никогда не употреблять вина. Вход в питейное заведение воспрещался духовенством католику, и нередко нарушавший этот запрет подвергался тому же наказанию, как и употреблявший вино: публичному порицанию или даже отлучению от костела. Быстрое распространение братств трезвости в то время обратило на себя внимание местных властей: им не нравилось большое количество членов братств, которые, собираясь вместе, пели молитвы и разговаривали на польском языке. Видя в этом прямую угрозу «русскому делу» в крае, решено было пресечь деятельность этих организаций. Снова активизировать свою работу этим братствам удалось только в 1911 г. в Могилевской губернии, а в Ковенской и Гродненской губерниях – в 1915 г. [287, л. 89, 429–431].

Сейчас перейдем непосредственно к католическим союзам, обществам, существовавшим среди рабочих. Работая в архиве г.

одного из главных зачинщиков происшедшего, шляхтича Э Здоховского, предполагалось оштрафовать на 750 рублей, а в случае несостоятельности – выселить из губернии на один год [828, с. 76–77]. В Раков был прислан ксендз Карпович, ведший богослужение на польском языке [286, л. 71]. Ранее, в 1870 г., были осуществлены переходы по этой же причине ксендза А. Пласковицкого из Речицкого костела в Бобруйский, ксендзов Пинского уезда К. Добровольского и М. Домашевича в другой уезд, а также ряд других ксендзов [171; 191; 205; 258; 598; 314].

В «Новом времени» в 1891 г. вышла статья под заглавием «Что мешает Белоруссии сделаться Русскою?». «Мы приглашаем любопытствовать, что творится в каждом костеле... Перед дверьми храма помещается толпа стариков и старух с польскими молитвенниками в руках, и эта толпа гнусливыми голосами тянет какие-то польские гимны. В костеле всегда полно народа, так как католики отличаются самым строгим наружным благочестием. Ксендзы говорят проповедь по-польски. Посетители костела поют «Святой Боже» также по-польски. Исповедь уже разумеется по-польски. В результате посещающие говорят по-польски... И все это не гденибудь среди польского населения – нет. Это в самом центре Белоруссии – в Витебской и Могилевской губернии!» [453].

В сентябре 1892 г. по случаю костельного праздника ксендз Олехнович, уже имевший славу русского проповедника, приехал в Жатилковский костел Бобруйского уезда для совершения богослужения. Но оно так и не состоялось, потому что местный староста Тышкевич вместо настоящего ключа от костела дал другой. В ходе произошедшей стычки между старостой и Олехновичем народ встал на защиту Тышкевича [289, л. 3].

Верующие обычно игнорировали костелы, в которых звучало русскоязычное богослужение или органист пел по-русски. По замечанию А.Ф. Смоленчука, польскость в этот период начала так сильно отождествляться с католицизмом, что русскоязычные костелы в сознании массы верующих переставали восприниматься как католические [731, с. 71]. Ксендз Эдвард Павлович в своих воспоминаниях отмечал, что именно костел пробудил в поляках патриотизм. Вера придавала силы в триумф правды, в извечную справедливость. Автор уверял, что даже в Риме не было столько народа в костелах, как в Беларуси [1013, с. 128]. Польский публицист и ученый М. Ванькович вспоминал, как избегали католики его родных мест (помесья Колюжицы под Барисовом) «русскоязычного» ксендза Войчинского. В 1891 г. умершую бабушку М. Ваньковича похоронили

без ксендза. А когда в следующем году умер отец М. Ваньковича, то ксендза позвали, но гроб несли далеко от него, чтобы не слышать русскоязычных песней [1092, с. 75; 731, с. 74]. Польский автор З. Нагродский отмечал: «Между ксендзом и святым не делали тогда никакой разницы. Ксендз – это такой святой, который живет еще в костеле, а святой – это такой ксендз, который здесь умер и живет у Бога на небе» [995, с. 60].

Похороны без ксендза, а также крещение детей в Минской губернии засвидетельствовал и Е. Жискар. Редкое, причем тайное, появление ксендза, совершавшего молитвословия на польском языке, воспринималось как чудо, весть о его появлении передавалась шепотом, тайными разговорами, чтобы никто не услышал [1125, с. 127]. Десятки приходоов оставалось без настоятелей, нельзя было нарушать границы своего прихода, тысячи людей были избавлены от духовной опеки: умирали без исповеди, дети росли некрещеными – о христианских нуждах не было и слова. К «ренегатам» народ не шел – сторонился их как прокаженных [1125, с. 134]. По словам А. Ельского, проживавшего в Минской губернии, на Полесье до ближайшего костела было 30 миль: «Люди рождались и умирали без света веры, а дикость нравов стала привычной, и только бюрократия была довольна этой картиной уничтожения католического духа» [321, с. 49].

В связи с введением русского языка в «дополнительное» богослужение в Минской губернии был изменен порядок назначения на должность приходских священников. Если в остальных губерниях они назначались епископом, с согласия местного гражданского начальства, то в Минской губернии назначение на должность настоятеля и увольнение происходило с разрешения Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В 1875 г. из-за ошутимого недостатка священников управляющий Виленской епархией официал прелат препозит П. Жилинский распорядился 14 февраля 1875 г. о начатии в костелах святой исповеди с первой недели великого поста [182, л. 121]. Лишь 4 декабря 1905 г. было сделано некоторое смягчение: разрешение гражданских властей требовалось только при первом назначении ксендза, если он не имел до этого духовной должности [845, с. 40].

Следует отметить и особой порядок управления костельными структурами в Минской губернии: Виленский римско-католический епископ П. Жилинский, приостанавливая функции деканов, назначил в июле 1876 г. в Минскую епархию двух визитаторов – кс. Ф. Сенчиковского и кс. Ивана (Яна) Юргевича. Их обязанностью была, по словам М. Раковского, русификация белорусского душепастырства.

Гродненское же общество терциарок имело свою руководительницу, называемую матерью, которая обладала единоличным правом принимать в общество. В связи с этим при следствии терциарки упрямо не сознавались о своем звании в обществе: теряя мать, общество не могло расширяться. Главной целью деятельности терциарок, согласно уставу, было распространение набожности среди населения. Внешним признаком принадлежности к объединению служили гладкие серебряные кольца, носимые членами. Терциарки обязаны были ежедневно посещать костел и в исповедях сообщать ксендзу не только о собственных помыслах и поступках, но и обо всем ими виденном и слышанном как среди католиков, так и среди окружающего православного населения. От ксендзов терциарки получали указания для своей деятельности. Члены общества обязаны были заботиться о благополучии костела, принимать непосредственное деятельное участие в проведении религиозных процессов и праздников [26]. Постепенно в начинаниях этого объединения стали участвовать и мужчины. В результате в 1898 г. в Гродненской губернии была выявлена большая организация терциаров. «Знакомясь с теми неблагоприятными условиями вверенного мне края, которые служат тормозом для правильной, в русском духе, его жизни, – писал губернатор, – я не мог не заметить, что нередко проходящая на религиозной почве, вредная с государственной точки зрения, деятельность обязана своим возникновением братчикам, в частности, неким терциарам. В последнее время было даже обнаружено, что они по наговорам ксендзов воспрещали крестьянам посылать детей в народные училища. Вследствие чего контингент учащихся в них уменьшился» [245, л. 5, 9].

Существовавшее в Гродненской губернии терциарское общество было квалифицировано в ходе дознания как тип негласной монастырской организации братства, которое на основании ст. 308–320 Уложения о наказаниях подлежало закрытию [809, л. 68]. Выявление членов этого общества дало следующие результаты: в Гродненском уезде насчитывалось 133 человека; в Волковысском уезде – 73; в Слонимском – 21 человек. Среди членов общества были очень богатые люди, шляхта и арендаторы местечек. Они собирали деньги на потребности костела, принимали участие в крестных ходах. Как свидетельствовал Гродненский декан ксендз Юлий Элерт, общество терциаров было хорошо организовано: руководитель группы терциаров назначался начальником Виленской общины; главным центром управления являлся Рим [245, л. 14].

того ордена, относящиеся к 1221, излагались в 20 главах и заключались в следующем:

- 1) условиями для вступления в орден считались: католическая вера, повиновение церкви, безукоризненное поведение, примирение с врагами;
- 2) еретики или подозреваемые в ереси ни в каком случае не могли быть причислены к ордену;
- 3) желающий вступить в организацию должен был отказаться от имущества, приобретенного предосудительным путем; подвергался годичному испытанию и давал обещание выполнять требования религии; допущенный однажды – не мог по собственной воле оставить орден;
- 4) женщины принимались лишь с согласия их мужей;
- 5) мужчины и женщины должны были носить простую одежду, без драгоценных украшений;
- 6) члены общества воздерживались от праздников, зрелищ, танцев и т.п., а также 4 раза в неделю не употребляли мясной пищи;
- 7) членам общества предписывалось произносить известные молитвы в определенные часы; исповедоваться и причащаться трижды в год; ежедневно присутствовать, по мере возможности, на богослужении;
- 8) терциары обязаны были посещать больных, провожать мертвых и молиться за их души;
- 9) члены общества собирались 1 раз в год, а если это было необходимо, то и чаще, в определенном месте; на этих собраниях сепериоры-священники на провинившихся в течение года налагали наказание; неисправимые вовсе лица исключались из общества.

Орден терциариев в Средние века имел чрезвычайно широкое распространение. В числе своих членов он имел лиц высокого положения, даже королей и королев (Карл IV, Людовик и мать его Бланка Кастильская, Елизавета Португальская и др.). В деле миссионерства общество это играло выдающуюся роль. По словам Папы Пия II, терциары составляли войско для священной войны: нося повсюду знамя Христа, они везде должны были оказывать помощь нуждающимся, отражая врагов. С течением времени организация эта подверглась трансформации. Образовалась определенная общность лиц, ведущих совместную жизнь и принявших на себя ряд обетов. Следовательно, орден усвоил в некоторой степени монастырский строй жизни и мог считаться, как и другие братства, низшей степенью монашеских орденов [809, л. 67].

Обоим был назначен дополнительный заработок в 500 руб. в год, не считая других доходов [671, с. 75]. В первое визитаторство входили следующие уезды: Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский. Во второе – Речицкий, Мозырский, Пинский, Слуцкий и Новогрудский уезды (инструкцию визитаторам костелов Минской губернии см. в приложении Д) [187, л. 1]. По словам же Ф. Сенчиковского, деление на два визитаторства было сделано, во-первых, с целью показать, что ни один Ф. Сенчиковский хлопочет о русском языке, а, во-вторых, чтобы Я. Юргевич работал все-таки под надзором Ф. Сенчиковского в качестве "негласного помощника». Но когда отправили Ф. Сенчиковского в г. Бобруйск, то и закрылись оба визитаторства. А Я. Юргевича переместили из Слуцкого прихода в г. Клецк [326, с. 509].

За время своего визитаторства оба руководителя прославились своими неблаговидными поступками. Из этих двух визитаторов наиболее усердствовал Ф. Сенчиковский.

Ф. Сенчиковский родился в имении Снов Новогрудского уезда Гродненской губернии 4 октября 1837 года. Отец его был потомственный дворянин Виленской губернии Евстафий, а мать звали Мария, урожденная Конохович, дочка униатского священника настоятеля Подоросской церкви Волковысского уезда. Настоятель местного Стевского прихода окрестил мальчика 14-го октября, дав ему имя Франциск-Фердинанд, так как 4-е и 14-е октября посвящены у католиков святому Франциску. Прадед, дед и отец его, равно как и вся родня его отца, по заверению самого Ф. Сенчиковского, происходили из дворянского рода, который брал начало с XVII в.: униат Петр Сук (предок Сенчиковского), знаменосец, хотя и был убит шведами, но за рубахою скрыл полковое знамя, за что и получил потомственное дворянство [325, с. 1]. В 1852 году Ф. Сенчиковский вступил в Слонимское дворянское пятиклассное уездное училище. 25 августа 1857 г. поступил в Минско-Могилевскую римско-католическую семинарию. По окончании полного курса духовных наук 4 июля 1861 года был рукоположен в иереи Минским епископом Войткевичем, а 26 июля по распоряжению епархиального начальства был назначен викарным Бобруйского костела и капеланом Добоснянской часовни. 1 сентября 1862 г., по собственному желанию и вследствие распоряжения епархиального начальства, был перемещен на ту же должность к Юревичскому костелу, с назначением проживать в имении Барбаров – помещиков Горваттов, для исполнения должности капеллана. По закрытии Юревичского костела и по причислении прихода к каплице, находящейся на Юревичском кладбище, по распоряжению главного начальника края

р. Муравьева от 12 марта 1865 г., был назначен епархиальным начальством настоятелем того прихода. 22 июля 1865 г., по присоединению Юревичского прихода к Мозырскому, был назначен викарным Мозырского костела, с откомандированием проживать в им. Барбаров для досмотра отдаленных частей прихода [325, с. 28].

Ф. Сенчиковский гордился подарком М.Н. Каткова, тогдашнего редактора «Московских ведомостей», Евангелием на русском языке, не упуская случая показать подарок присутствующим лицам [325, с. 542]. В 1869 г., «находя более чем необходимым при совершении добавочного богослужения на русском языке разъяснения народу Апостола и Евангелия», Минско-Игуменский и Наднеманский декан Ф. Сенчиковский составил на русском языке выдержки из Апостолов и Евангелистов и рукопись эту через бывшего директора народных училищ Кандидова представил в Виленский учебный округ для издания. Но этой инициативе не суждено было сбыться [172, л. 1].

26 января 1873 г. Ф. Сенчиковский добился от Виленской римско-католической духовной консистории исправления формулярного списка, убрав сведения о подсудности ксендза за изнасилование местной девушки [325, с. 289]. Это должно было открыть дорогу для дальнейших высших должностей. Жил Ф. Сенчиковский в г. Минске у костела на Золотой Горке довольно открыто, не стесняясь в средствах: держал пару лошадей, любил принять, любил и угостить. У крыльца его дома можно было часто видеть карету Минского владыки, коляску губернатора, дрожки полицмейстера. Особенно сошелся он близко с преосвященным Александром, впоследствии архиепископом Литовским и Виленским [325, с. 541].

27 марта 1877 г. Ф. Сенчиковского наградили орденом св. Станислава 2 ст. за изданный им в декабре 1876 г. циркуляр к духовенству Минской губернии, в котором Ф. Сенчиковский обосновывал историческое право на употребление русского языка в римско-католическом богослужении, призывал духовенство вводить русский язык в богослужение, а также вмешался в установленный канонический и костельный порядок проведения богослужений, давая собственные советы, как следует поступать в различных ситуациях, а указ Александра II от 25 декабря 1869 г. объяснял как приказ по обязательному введению русского языка, поскольку природным языком местного населения являлся, по его мысли, русский язык [325, с. 363; 995, с. 32; 731, с. 71]. Ф. Сенчиковский решил закрепить успех, предприняв в 1877 г. попытку получить степень магистра теологии в Санкт-Петербургской духовной академии, но неудачно [325, с. 372]. А уже 7 апреля 1877 г. в письме к товарищу министра внутренних дел

Иисуса), Неутеранском («ружанцевое» и «шкаплерное») костелах. В Дрисенском и Лепельском уездах существовало по одному братству: при Придруйском костеле (в честь Пресвятой Марии) в первом уезде и при Ульском костеле («ружанцевое») во втором. В Речицком уезде – при Речицком и Фейманском («шкаплерное»), Пушанском («ружанцевое») костелах [223, л. 22, 72, 80, 85, 87].

Минскому губернатору были известны римско-католические братства, существовавшие в Минском уезде при Раковском и Дубровском («ружанцевое»), Першайском (в честь Пресвятой Богородицы) костелах; в Слуцком уезде – при Несвижском (святой Троицы), Недведецком, Клецком, Бобовенском, Грозовском («ружанцевое»), Тимковичском («шкаплерное») костелах [238, л. 23, 72]. В Новогрудском уезде действовало 9 братств. По Минской губернии римско-католические общества, по его сведениям, существовали при 32 костелах [262, л. 7, 110]. Несмотря на официальное упразднение братств к 1868 г., многие организации еще продолжали существовать.

В 1877 г. кардинал Симеони призвал активно образовывать крестные общества и развивать «шкаплерное» движение. Хотя открытой продажи «шкаплерных» знаков властям не удалось обнаружить, но многие римско-католики в честь праздника Пресвятой Богородицы (16 июня) вышивали «шкаплерные» знаки и носили на груди под рубашкой, а некоторые, в особенности простые женщины, носили поверх рубах вместе с бусами. Так велось с давних времен. Но нельзя утверждать, чтобы это имело какое-либо особое влияние на развитие «шкаплерного» движения. Торговцы, в подавляющем большинстве евреи, продавали эти знаки, но, по замечанию полиции, без какого-либо участия католического духовенства. Сами торговцы покупали их в Вильно, Варшаве, Ченстохове [632, л. 1, 9, 16, 21].

В 1874 г. в г. Гродно было обнаружено объединение терциарок, поддерживаемое иеромонахом францисканского монастыря Орловским, насчитывавшее 26 женщин. Вполне вероятно, что это объединение начало существовать здесь с появлением монастырей и монахов (между 1595 г. и 1635 г.) [245, л. 5].

Орден терциаров (*tertiarii, fratres et sorores tertii ordinis*), или иначе «Братьев покаяния», был основан Францисканским Асизским (1182–1226) – «патриархом» нищенствующих орденов. Цель основания – дать возможность светским лицам, не вступая в монашество и исполняя все обязательства, налагаемые общественной жизнью, вместе с тем, путем нравственного самоусовершенствования и выполнения правил, предписываемых орденом, достигнуть вечного спасения. Правила

братчиков обнаружено было 11 человек. В Гродненском деканате существовало в этот период 13 братств [597, л. 70–71].

В Слонимском уезде существовали братства при Слонимском, Дворецком, Ружанском, Деречинском, Молчадском, Косовском римско-католических приходских костелах. Первые четыре братства были названы в честь святого «ружанца», остальные – святой Троицы и святой Анны. Все существовали еще с конца XVIII в. Виленский римско-католический управляющий распорядился их закрыть – как не имеющих законного основания на существование. В ходе закрытия выяснилось, что некоторые братства, в первую очередь, братства святого «ружанца», имели разрешение, выданное им епископом еще в первой половине XIX в. Средняя численность членов братств составляла 25 человек [611, л. 17–22].

В Пружанском уезде существовало три братства еще с XVIII в. Новых в XIX в. не образовалось. Уездный исправник Крылов писал Гродненскому губернатору: «Братства эти вредные, ибо распространяют латино-польскую пропаганду, так как члены оных, проживая в разных местах среди православного населения, тайно внушают католикам, по наущению ксендзов, все невыгоды и дурные последствия принятия православной веры, тем самым ослабляют их желание присоединиться к православию, а потому, принимая во внимание малое число присоединившихся к православию католиков, очень полезное решение – упразднить братства» [610, л. 1–4]. Но в 1869 г. ксендзу Езерскому при Шерешевском костеле удалось тайно восстановить одно общество: он с помощью крестьян Петра и Андрея Тайневичей собрал всех бывших братчиков и даже включил новых членов. В ходе обыска полиция обнаружила польские книги, букварь и «возмутительные гимны». Помощник генерал-губернатора по политическим делам распорядился наказать крестьян штрафом в 10 руб., а ксендза Езерского удалить от прихода [224, л. 29–30].

Хотя римско-католические деканы Витебской губернии и уверяли главного начальника края в том, что никаких братств не существует, все же в 1867 г. римско-католические объединения были выявлены полицией. В Динабургском уезде – при Креславском (во имя святой Троицы), Индрицком, Аглонском, Ворновском, Осужском, Борховском («ружанцевое»), Лиснянском («шкаплерное»), Рагденском, Аулийском (в честь Сердца Иисуса Христа) костелах. В Городокском уезде существовало 6 братств. В Люцинском уезде действовало 9 братств: при Люцинском («шкаплерное»), Посинском («ружанцевое» и «шкаплерное»), Ланжиронском (во имя Пресвятой Богородицы и святого Антония и Франциска), Махновском («ружанцевое») и Сердца

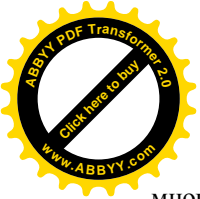

С. Макову¹⁰ писал о пренебрежении его должностью как визитатора, со стороны Виленской духовной администрации, одновременно попросив назначить его действительным каноником Виленского капитула [325, с. 380]. 24 циркуляра успел издать Ф. Сенчиковский к настоятелям костелов с целью переубеждения непокорных ксендзов [1125, s. 130].

Осенью 1878 г. чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел А.Н. Мосолов (в 1894 г. возглавил министерство внутренних дел) был командирован министром внутренних дел Тимашевым в г. Минск со специальной целью разбора многочисленных жалоб ксендзов, населения на действия по отношению к ним визитатора Ф. Сенчиковского. В своем докладе от 13 июня 1879 г. уже сменившему Тимашева Л.С. Макову А.Н. Мосолов подтвердил некоторые слухи: склонение Ф. Сенчиковским учеников-органистов к сношениям с прислугой, с целью отбития у них пристрастия к онанизму; гомосексуальные наклонности ксендза и др. факты [325, с. 526–528; 1125, s. 133]. Ф. Сенчиковский впал в немилость правительства: такой ксендз мог только вредить делу введения русского языка. Ф. Сенчиковскому запретили посещение училища органистов и не позволили встречаться со своими воспитанниками [845, с. 135].

После отстранения Ф. Сенчиковского временно заведование училищем перешло в руки И. Макаревича [249, л. 2]. Минский губернатор отзывом своим от 3 февраля 1879 г. вместо Ф. Сенчиковского заведующим училищам органистов и деканом по г. Минску, одновременно и настоятелем св. Троицкого прихода был назначен ксендз Павел Гавронский, ранее бывший викарием Мариинского костела и законоучителем [325, с. 522]. А Ф. Сенчиковского по распоряжению министерства внутренних дел и по предложению П. Жилинского, после отказа самого Ф. Сенчиковского от Слуцкого прихода, предвидя крайне негативное отношение к нему местного населения, 31 января 1879 г. перевели в Бобруйский костел, выдав ксендзу 700 рублей подъемных [325, с. 523]. В формулярном списке Ф. Сенчиковского было отмечено: в 1879 г. вследствие ходатайства по расстроенному здоровью с разрешения управляющего министерством внутренних дел от 24 января за № 12 освобожден от должности заведующего училищем органистов в г. Минске и 30 января за № 164 назначен Слуцким деканом; затем по ходатайству Ф. Сенчиковского управляющим епархией от 12 марта за № 339 вследствие отзыва министра внутренних дел от 6 марта за № 32 назначен на должность Бобруйского декана и настоятеля [325, с. 454].

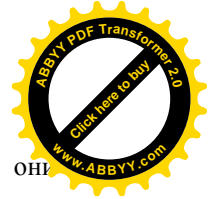
¹⁰ Савич Маков с 1865 г. по 1876 г. состоял правителем особой канцелярии министерства внутренних дел, с 1876 г. по 1878 г. был товарищем (заместителем) министра внутренних дел, а с 1878 г. по 1880 г. управляющим министерства внутренних дел.

Не менее одиозной фигурой был и Я. Юргевич. Сохранились многочисленные жалобы населения на него за требование денег при выдаче метрических свидетельств [144]. Ксендз Юргевич за употребление русского языка в костеле был переведен из Радошковичского прихода Виленской губернии в Минскую губернию [325, с. 509]. Отлично характеризуют личность Я. Юргевича его письма находящемуся в то время в г. Омске к Ф. Сенчиковскому, которого он называл своим братом. Из письма Я. Юргевича 1889 г. к Ф. Сенчиковскому: «Жениться не намерен, старик. А вот на Вильно гляжу: вакансия, епископом хочется быть. Беда одна – мечта, сон. Там посадили пока титул, цацу... А поставили бы нас с Вами – поляки убедились бы еще раз, что они дураки... А пока я сижу в Клецке, в уединении, к чему-то приготавлиюсь... Обо мне никто не думает, и я тоже ни о ком, и ни о чем... Помнишь как мы рассуждали когда-то и во всем были мы согласны! ... Пиши ко мне. Я буду хлопотать о том, чтобы вместе с тобой жить в Минской губернии. Ты – хороший, отличный человек...» [325, с. 508]. В 1883 г. Я. Юргевича сняли с должности визитатора [933, с. 19]. В 1905 г. Я. Юргевич будет отстранен от должности настоятеля Клецкого костела Слуцкого уезда, а на его место поставлен Винцент Герасимович, который в течение своей былой деятельности не согласился на употребление русского языка в богослужении [933, с. 20]

Противостояние по вопросу введения русского языка в костельное богослужение привело в конечном итоге к недостатку кадров духовенства. «Неблагонадежных» ксендзов власти не хотели ставить, а «благонадежных», отвечающих к тому же требованиям добропорядочности и уважаемых паствой, было крайне мало. В Минском деканате, исключая сам Минск, в 1887 г. из 3 костелов настоятель имелся только в одном Раковском костеле на 8 861 прихожан; при Каменецком костеле 9 874 прихожан, а в Першайском 3 993 остались без духовной помощи. В Наднеманском деканате: Койдановский – 13 185 прихожан, Сверженский – 5 1888 прихожан; в обоих не было ксендза. В Узденском на 5 478 прихожан был один ксендз «ритуалист». В Борисовском деканате: Борисов – 3 878 прихожан, ксендз «ритуалист». Кожень – 6 695 прихожан, Лагойск – 5 211 прихожан, Хлопеничи – 1440 прихожан, Зембин – 1212 прихожан, Березина – 1212 прихожан – во всех этих костелах не было священника. Докшицы – 232 прихожанина, ксендз не ритуалист [1125, с. 134]. Наиболее потерпели Борисовский и Игуменский деканаты, наименее – Новогрудский, где не было ни одного «ритуалиста»: на 11 священнослужителей приходилось 24 405 прихожан [1125, с. 134–135].

Со смертью в 1880 г. Зембинского настоятеля ксендза Санковича, больше не назначали в этот костел ксендза. А управление

в восстании 1863–1864 гг., а также противодействие, которое они оказывали на присоединение населения к православию [809, л. 68].

Учрежденная 31 января 1865 г. Виленская ревизионная комиссия по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края, на основании ст. 164 и ст. 165 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, признала законным упразднение всех тех братств, которые не могли представить доказательств о полученном разрешении (ранее Римский Папа, по ходатайству духовенства и частных лиц, давал костелам разрешения на учреждение братств, а с 1794 г. костельные братства учреждались с разрешения епархиальных епископов, без ведома правительства) [226, л. 1; 809, л. 68]. Римско-католических деканов и настоятелей костелов обязали подписками не основывать и не давать разрешение на основание братств. 20 апреля 1868 г. Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернаторы и главный начальник Витебской и Могилевской губернии распорядились о закрытии братств при костелах¹². Что же касается движимого имущества, принадлежавшего некоторым членам обществ, то оно передавалось в распоряжение тех костелов, при которых эти братства существовали. Все эмблематические знаки и книги братств под наблюдением полицейских властей предавались сожжению [615, л. 23–26]. Циркуляром от 31 мая 1868 г. римско-католические деканы вместе с настоятелями костелов в присутствии чиновника полиции обязаны были собравшимся членам братств зачитывать циркуляр от 20 апреля 1868 г., затем брали подписи с братчиков об ознакомлении с документом, и объединение считалось распущенным [262, л. 252]. Но общества продолжали существовать.

В Волковысском уезде, несмотря на все принятые меры, открытого существования братств не обнаружили. Местный декан уверял, что их и быть не может. «Но я имею повод думать, – писал Гродненский губернатор, – что оно есть и при некоторых костелах этого уезда» [597, л. 73]. В числе членов братства святого Антония при францисканском костеле, закрытом гродненским полицмейстером,

¹² В Ковенской губернии в 1868 г. упразднение братств было временно приостановлено, но в 1886 г., по распоряжению Виленского генерал-губернатора И. Каханова, и эти братства официально были распущены. В целом в Виленской р.-к. епархии неупраздненным осталось лишь братство св. Марка при костеле св. Анны в г. Вильно, основанное еще в 1636 г. для немцев-католиков из иностранцев. Устав этого общества был одобрен и утвержден министерством внутренних дел Российской империи в 1875 г. [809, л. 68].

освященные четки («ружанец»), или вышитое на кусочке сукна («шкаплер») имя Пресвятой Девы Марии, или же медальон с изображением чествуемого таинства или имени святого. Братства имели свои уставы и должностных лиц, которые заведовали собираемыми приношениями. В других местах подобные организации имели даже недвижимое имущество. В Могилевской архиепархии существовали следующие братства: «ружанцевое», «шкаплерное», имени Марии, имени Пресвятой Богородицы, имени пресвятой Троицы, Сердца Иисуса Христа и святого Михаила Архангела. Общества эти существовали во всех римско-католических странах, особую главу в Риме не имели и возглавлялись настоятелями храмов [222, л. 12].

Члены братств (братчики) занимались сбором денег во время службы и по приходу. Сборы эти бывали значительными, эти деньги нигде не учитывались, отчета никто о них не давал. Также взималась плата и за проведение обрядов. Бывали случаи, когда братчики сами хоронили умерших и брали за это деньги. Кто был не в состоянии пригласить для похорон ксендза, звал братчиков. Старший из них заступал на место ксендза и шел впереди [609, л. 9].

В Могилевской римско-католической архиепархии, по заверению управляющего, ни при одном костеле не было братства в точном смысле этого слова, и лишь при некоторых по-монастырских костелах ксендзы записывали всех желающих в братства. Общества эти не имели никаких правил и уставов. Братчиками, по обыкновению, называли и тех прихожан, которые вне костелов в воскресные и праздничные дни пели духовные песни, служили священнику в литургии, сопровождали его во время крестного хода. Братства как духовные учреждения, имеющие своим делом молитву и благочестие, в их тогдашнем виде, по утверждению управляющего Могилевской архиепархией, были несостоятельны и не удовлетворяли своему назначению [222, л. 16–17].

Ввиду такого отзыва М. Станевского, а также других сведений, собранных о костельных братствах Северо-Западного края, решено было, что подобные объединения не должны существовать без разрешения правительства, даже под предлогом какой-либо благотворительной цели. Правительство Российской империи было абсолютно убеждено, что деятельность братств не ограничивалась исключительно духовным направлением, а имела и другую сторону. Братства, одушевленные привязанностью к костелу, находились под большим влиянием ксендзов, которые легко могли воспользоваться этим. Для правительства было несомненно деятельное участие братств

приходом взял в свои руки Борисовский декан ксендз Лукашевич-сподвижник Ф.Сенчиковского. В 1888 г. паства во главе с Свентитским и Роговским, представителями шляхты, даже обратилась в Санкт-Петербург с просьбой назначить им своего постоянного ксендза. Но лишь в 1902 г. прибыл в Зембин ксендз Ванкович [1125, s. 222]. Лукашевич также обслуживал и Околовский приход с 5 000 прихожан, оставшийся без постоянного ксендза, к которому еще в 1866 г. после закрытия костела в д. Стропнях, был присоединен и этот приход [1125, s. 231, 233].

Серафинский приход остался без настоятеля в октябре 1883 г. вследствие заключения в монастырь настоятеля Карпа, отказавшегося совершать «дополнительное» богослужение на русском языке [326, с. 63].

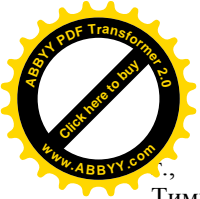
Каменский настоятель Урбанович остался на своей должности после согласия на приказ Минского губернатора от 12 декабря 1883 г. вести «дополнительное» богослужение на русском языке [326, с. 63].

Петриковский настоятель Толвинский в 1883 г. был переведен Минским губернатором в Копаткевичский приход и оштрафован денежно за отказ совершать богослужение на русском языке, после чего Петриковский приход остался без священника [326, с. 63].

В 1884 г. были отклонены предложения митрополита А. Гинговта назначить в Сверженский приход ксендза Гринкевича, перевести из Хотавичского прихода в Дедиловичский ксендза Кунцевича, а также еще одного ксендза на должность настоятеля Першайского прихода в связи с неполучением согласия на употребление русского языка [326, с. 59].

За неприятие предложенного гражданскими властями органиста, обученного к употреблению русского языка, в апреле 1884 г. настоятеля Холопеничского прихода Лазаревича сослали в Вологду [326, с. 63].

Правительство долгое время держалось мнения, если ксендз пропел по-русски, то в этой местности должен был служить тот ксендз, который обязуется делать то же самое. На каждую номинацию священника на такую должность он должен был принести присягу епископу и дать расписку Минскому губернатору о продолжении деятельности на русском языке. Очевидно, что ксендзы не соглашались на подобное – костелы оставались без настоятелей [1125, s. 133]. Вакантными являлись следующие приходы: Койдановский с 1887 г., Каменский с 1884 г., Сверженский с 1882 г., Березинский (деревня) с 1873 г., Холопеничский с 1884 г., Лагойский с 1885 г., Зембинский с 1880 г., Дедиловичский с 1882 г., Блоньский с 1882 г., Серафинский с 1880 г., Глуский с 1881 г., Харомчицкий с 1878 г., Свислочский с 1875

., Петриковский с 1878 г., Давид-Городокский с 1883 г., Тимковичский с 1886 г., Старчицкий с 1874 г. [1028, s. 198].

Неоднократно обращался к правительству с просьбами назначить священнослужителей в вакантные приходы Могилевский архиепископ Довгялло, заменивший А. Гинтовта после его смерти в 1889 г., но напрасно. В 1891 г. началось правление митрополита М. Козловского. Ему удалось отстранить от костела Войчинского, вещавшего на русском языке в м. Березине Минской губернии [1125, s. 135].

3.1.2 Свертывание политики русификации костела в 90-е гг. XIX – первое десятилетие XX вв.

В 1896 г. представитель Российского правительства в Римской курии Извольский сообщил, что Римский двор хочет уладить вопрос с пустующими приходами. 17 приходов не имели настоятелей из-за непринятия русского языка. Переговоры перешли и на территорию Российской империи в связи с приездом папской делегации во главе с архиепископом Аглиарди на торжество коронации царской пары. Мосолов говорил: «Мы не настаиваем на введении русского языка, но мы не позволим употреблять польский язык... Если костельное руководство хочет польского языка, то мы на это никогда не согласимся» [599, л. 68]. Как пишет М. Раковский, Российское правительство было согласно на введение белорусского языка, признавая его местным диалектом русского языка, а прелат Тарнаси, который вел переговоры в Петербурге и не понимал всей тонкости положения, что на практике это будет русский язык, был готов согласиться на предложения правительства. Но в последнюю минуту приехал в Рим ректор Санкт-Петербургской духовной академии суффраган ксендз Альбин Симон (1842–1918). Он объяснил обман царских властей. Тарнаси был отозван [671, с. 80; 1028, s. 234–235].

По замечанию Я. Тротяка, на Беларуси давно существует проблема употребления родного языка в святых: «Именно с того момента, когда край подпал под влияние польско-католического костела и московско-православной церкви, чужой язык в божьих храмах стал не столько средством религиозной миссии, сколько проповедником политики соседних государств» [774, с. 66]. По утверждению Л. Лыча, первые богослужения, проповеди на белорусской земле католицизм делал на латинском языке, понятном

средств для работы с верующими. Римско-католические общества имели почетных членов, обладавших большим влиянием в обществе и помогавших братству материально.

Первое римско-католическое объединение, активизировавшее свою деятельность в условиях жесткой политики царизма, было общество «Девы Марии царицы Польской», созданное еще в 1850 г. Согласно уставу, оно должно было заниматься распространением католичества среди населения Гродненской губернии, что не могло не привлечь внимания местных властей. Началось тайное следствие, в ходе которого подозрения в антиправительственной направленности общества подтвердились. Выяснилось, что в княжестве Познанском было организовано римско-католическое общество под названием «Гласная лига», цель которого было активное действие во всех провинциях, входивших в состав бывшей Речи Посполитой, и приготовление умов к общему восстанию. Чтобы ввести в заблуждение правительство и избавиться от полицейских преследований, общество публично объявило о своем уничтожении, а затем руководители и учредители «Гласной Лиги» составили другое общество – «Общество Девы Марии, царицы Польской». Новая организация имела связь с революционными комитетами во Франции и присылала из г. Парижа людей, часть которых отправлялась в западные губернии Российской империи. В ходе следствия, проведенного в 1864 г., всех членов общества заключили в тюрьму [597, л. 7].

Деятельность римско-католических братств в Северо-Западном крае привлекла внимание генерал-губернатора М.Н. Муравьева, потребовавшего доставления сведений об их деятельности от римско-католического епархиального руководства. Могилевский римско-католический митрополит М. Станевский дал пространную характеристику этим обществам: братства есть общества, одобренные духовными властями; в братства записывались светские лица без различия звания, достоинства и пола; в объединениях, как правило, чествовали Божью Матерь или другого святого угодника, молились друг за друга, за костел, за упокой усопших, исполняли богоугодные дела – за что члены братства могли в поощрение получить за каждое богоугодное дело отпущение грехов [222, л. 11]. По мнению М. Станевского, братства образовались благодаря распространению монашеских орденов. Большая часть их была тесно связана с орденами, считалась низшею степенью последних. Записывались в них по добровольному желанию, без принятия на себя обязанности неустанно исполнять положенные и усвоенные братству молитвы или богоугодные дела. Состоящий в обществе обыкновенно носил или

[56–165]. В «Энциклапедыі гісторыі Беларусі» А.П. Грицкевичем помещен лишь небольшой материал общего плана о местных римско-католических братствах времен средневековья [111, с. 76]. Значительно богаче представлена эта тема в польской историографии. Здесь римско-католические братства и их роль в духовной жизни общества стали предметом оживленной дискуссии. Существование римско-католических объединений при костелах Царства Польского названо авторами пятитомной истории костела высшим проявлением соединения духовной и светской жизни второй половины XIX в., при этом подчеркивается их значение не только для костела, но и для всей польской культуры [880, s. 580]. Ряд польских исследователей однако отмечают, что лишь с 1905 г. их влияние на духовную жизнь поляков стало возрастать [948, s. 240]. Другие ученые значение римско-католических братств видят в укреплении римско-католической веры, отмечая их содействие распространению на территории Беларуси определенных религиозных культов [911; 944; 1062; 1090].

В странах Западной Европы религиозные римско-католические братства при костелах и монастырях начали возникать еще в период раннего средневековья. На территории Польши они появились в XIII в. и постепенно стали распространяться по всей стране. В XVII–XVIII вв. были созданы братства почти при всех костелах и монастырях на территории Беларуси. В некоторых костелах одновременно возникало несколько обществ. В отдельных случаях братства в наиболее крупных населенных пунктах создавали еще свои филиалы. Такие организации носили название архибратств [469, с. 156].

Большое значение в деле организационного устройства и распространения влияния братств имела булла папы Климента VIII «Quaesumtque» от 7 декабря 1604 г., в которой излагались условия создания братств, принципы и содержание их уставов в качестве основы существования и деятельности [469; 1121, s. 250–254].

В первой половине XIX в. римско-католические братства на территории Беларуси существовали не только при приходских, но и при монастырских костелах, не имевших приходов. Наибольшее количество их было при бернардинских и кармелитских костелах. К примеру, в бернардинских костелах г. Гродно и г. Слонима – 4, в м. Ивье – 3, в кармелитских костелах в м. Мяделе – 5, в м. Глубоком – 3 [944, s. 334; 1090, s. 557]. Монастыри культивировали братства своих святых или Матери Божьей [896, s. 524; 944, s. 442; 911, s. 391; 1062, s. 97]. Наибольшее число римско-католических братств при монастырских костелах можно объяснить тем, что у монахов, в сравнении с епархиальным духовенством, было больше времени и

немногочисленному числу народа. В 90-х годах XV в. появились в г. Полоцке миссионеры, которые, прежде чем начать активную миссионерскую деятельность, изучили старобелорусский язык, чтобы вести на нем богослужения, и посредством этого очень быстро добыли себе уважение среди местного населения [466, с. 100]. Но по-прежнему в основном использовался латинский язык. В 1501 г. папа Александр VI очень тепло встретил посланника Великого Княжества Литовского каноника Э. Вителю, который приехал в Рим, чтобы разъяснить необходимость введения белорусского языка в богослужение римско-католического костела [466, с. 100]. С 1556 г. по 1612 г. на территории Польши и Великого Княжества Литовского было создано 40 епархиальных и 12 провинциальных синодов для рассмотрения вопроса о введении в богослужение польского, литовского и латышского языков. В 1599 г. вышла в свет Библия, переведенная ксендзом Я. Вуйком с латинского на польский язык [466, с. 100]. Постановления Виленских соборов 1604 г., 1607 г., 1613 г., 1628, 1744 г., утвержденные Папой, обязывали римско-католическое духовенство западных губерний говорить проповеди и отправлять дополнительное богослужение на «lingua vulgari native populi i vernacula», это значит, на языке народном, природном, прихожанам и простонародном [109, с. 66]. В XVII в. суффраган Виленского епископа Ф. Скупинович написал «Литургию» на старобелорусском языке [466, с. 100]. В 1682 г. Виленский епископ Н.С. Пац указал говорить проповеди в праздники на простом языке, а по воскресеньям объяснять на нем Евангелие или катехизис. На этом настаивал и Виленский епископ Зенькович, когда в феврале 1744 г. пригласил католическое духовенство своей епархии на собор в кафедральный храм святого Станислава. Ссылаясь на изданную в 1742 г. буллу папы Бенедикта XIV, он потребовал от духовных лиц вести богослужения на простонародном языке [466, с. 100].

По утверждению Л. Лыча, в новых поколениях белорусов постепенно формировался взгляд на свой язык как несовершенное средство в деле обслуживания наиважнейших сфер человеческой деятельности, особенно государственного и судебного аппаратов. В таких условиях этнически сознательное духовенство уже не выступало за использование белорусского языка в католической церкви. Примерно с середины XVII в. практически единственным языком в костелах стал польский [466, с. 100]. Но белорусский язык все же иногда употреблялся в богослужениях. По утверждению Д. Банчковского и Ю. Жискара в Фацевском приходе Могилевского деканата иезуиты до 1820 г. употребляли в богослужении белорусский

язык, «чтобы население не утратило своего языка» [1124, s. 52]. Профессор Виленского университета, настоятель Шерешевского костела ксендз Н. Бобровский (умер в 1848 г.), епископ-суффраган Могилевской епархии С. Денисевич произносили проповеди на белорусском языке [774, с. 67]. В 1835 г. был издан катехизис «Краткое собрание христианской науки для жителей, говорящих на польско-русском языке римско-католического исповедания». Напечатан он был латинским шрифтом в значительной части на белорусском языке. В начале 60-х годов XIX в. издан был латинкой на белорусском языке «Элементарий для добрых деток католиков». Книга эта была напечатана в Виленской римско-католической епархиальной типографии при Виленском епископе Б. Клонгевиче (1830–1840 гг.), происходившем из крестьян, а инициатором издания был видный общественный деятель, бывший повстанец Александр Оскерко [948, s. 259; 1032, s. 166].

П. Бобровский отмечал перед восстанием 1863 г., что на «белорусском наречии» разговаривали все крестьяне, как католики, так и православные. Мещане, а также арендаторы и часть шляхты употребляли его при разговоре с крестьянами, равно как и евреи, калеча язык, дабы быть похожим на крестьянина [474, с. 623]. Закон о народных училищах в Северо-Западных губерниях от 23 марта 1863 г. разрешал использование «местного наречия», но только детям католического исповедания при преподавании Закона Божьего (Полное собрание законов Российской империи. – Собрание II. – Т. 40. – № 39411). Характерно что Ф. Сенчиковский в воззвании к ксендзам Минской губернии употреблять русский язык в римско-католическом богослужении вместо польского языка, называл население губернии белорусским, но родным языком его считал русский [830, с. 27]. Позже Ф. Сенчиковский писал, что многие из ксендзов вместо польского языка употребляли простонародный белорусский и русский языки, в зависимости от того, какой язык был распространен в той или иной местности [830, с. 26].

В середине XIX в. даже в среде православного духовенства Беларуси звучала мысль о введении белорусского, «местного», языка в православное богослужение. В октябре 1863 г. в «Литовских епархиальных ведомостях» появилась статья священника Черновитской православной церкви Брестского уезда С. Пашкевича «О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия» (подробнее о деятельности С. Пашкевича смотрите статью С. Пивоварчика «Стэфан Пашкевіч аб

неизменным законом христианских рабочих союзов должно было быть такое устройство и такое правление, которое обеспечило бы наиболее успешное и быстрое достижение цели. Цель состояла в том, чтобы каждый рабочий благодаря своему союзу смог повысить уровень физического, духовного и экономического благосостояния. Ясно было, что союзы эти должны с особой рачительностью печься о благочестии и нравственности, духом которых проникалась бы вся их внутренняя деятельность, иначе они утратили бы свой характер и стали немногим лучше тех обществ, которые вовсе не принимали в расчет религию: «Пусть наши союзы, прежде всего и по преимуществу, обращаются к Богу; пусть религиозное наставление занимает в них первое место; пусть каждый из членов союза заботливо обучается тому, что составляет его обязанности к Богу, чему он верит, на что надеется и что ведет его к вечному спасению; пусть рабочие побуждаются и приучаются к богослужению, к ревностному отправлению религиозных обязанностей и, между прочим, к чествованию воскресных и праздничных дней; пусть они учатся почитать и любить святой Костел, нашу общую Матерь, ибо повиноваться ее наставлениям и соблюдать ее таинства – средство, преподанное Богом для прощения грехов и освящения жизни» [1035, с. 22].

Должности и обязанности в союзе следовало распределять, имея в виду благо всего союза и притом так, чтобы разница степеней и положений никоим образом не препятствовала единодушию и благорасположению. Должностных лиц следовало назначать с осторожностью и разбором, чтобы никому из членов не было обидно. Общие суммы следовало распределять с полным беспристрастием, чтобы каждый член получал вспомоществование в соответствии с его нуждами. Некоторые члены союза составляли особый комитет, разрешавший споры между хозяином и рабочим. Союзы обязаны были стараться о том, чтобы у рабочих весь год была работа и образовать фонд, из которого члены могли бы получать пособие не только в совсем исключительных случаях, но и в болезни, в старости или в несчастьи [1035, с. 23].

Каким же образом осуществлялась деятельность христианских (римско-католических) рабочих организаций в Беларуси? Рассмотрение этого вопроса начнем с предшественников этих союзов. История римско-католических братств на территории Беларуси является темой мало исследованной. В отечественной исторической науке нет специальной работы, посвященной этой проблематике. Одним из первых в отечественной историографии историю этих объединений в период XVI – XVIII вв. представил Я.Н. Мараш [469, с.

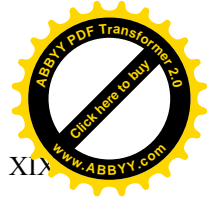

Стремясь воспрепятствовать такой борьбе и самой возможности ее, христианство призвало рабочих честно и по-доброму выполнять справедливые обязательства, не портить хозяйского имущества, не обижать хозяина, не прибегать к насилию и не заводить беспорядков, не общаться с сомнительными людьми, которые смущали народ пустыми надеждами, приводящими лишь к разорению и запоздалому раскаянию. Богатых людей учило, что рабочие – не рабы, что в каждом надо уважать достоинство человека и христианина, что позорно и бесчеловечно обращаться с людьми как с собственностью, при помощи которой можно наживать деньги, или видеть в них просто мускулы, физическую силу. Кроме того, в попечении о душевных потребностях рабочего и его духовной и умственной пище, костел учил хозяев следить за тем, чтобы у него было время для отправления религиозных обязанностей, чтобы не подвергался тлетворным влияниям и соблазнам, чтобы не пренебрегал домом и семьей и не тратил безрассудно денег. Хозяин никогда не должен был обременять своих рабочих сверх меры или использовать для работ, не подходящих их полу и возрасту. Но прежде всего хозяин должен был платить каждому рабочему по справедливости: «Лишать кого-либо справедливой и заработной платы – преступление, вызывающее к гневу небес» [1035, с. 11].

Однако костел не довольствовался тем, что указал целительное средство, но и в меру своих возможностей старался приложить его через создание католических рабочих обществ, братств, союзов. Государство не должно было препятствовать вступлению в подобные организации, поскольку таким путем реализовывалось естественное право человека: «Сознавая свою слабость, человек ищет поддержки вне самого себя: двоим лучше, нежели одному, потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их; именно это естественное побуждение объединяет людей в гражданское общество, и оно же побуждает устраивать особые союзы, общества» [1035, с. 20]. При чем предшественниками таких рабочих христианских обществ, костел назвал ранее существовавшие братства, общества при духовных учреждениях и монашеские ордена.

Лев XIII выступил в своем послании против не христианских рабочих организаций, так как считал их не приносящими никакой пользы общественному благу, направляемыми невидимыми вожаками [1035, с. 21].

Католическим рабочим организациям предоставлялось право самостоятельно избирать для себя ту форму и те правила, которые более всего соответствовали бы их целям. Вообще говоря, основным и

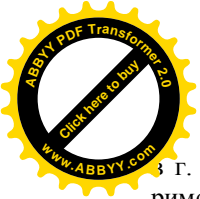

«простонародном наречии» лес беларускага святара сярэдыны XIX ст.») [585; 640].

В местечке Ула Лепельского уезда Витебской губернии ксендз Мотус за время своего служения (1876–1882 гг.) употреблял в «дополнительном» богослужении белорусский язык [НИАБ в Минске. Ф.1430, оп. 1, д. 33861, лл.33]. В 1912 г. Ю. Жискар засвидетельствовал пение крестьянами в костеле «Ах мой Бог, верую Тебе» по-белорусски [1124, с. 53].

Римско-католическое духовенство, с момента введения русского языка в римско-католическое богослужение, ходатайствовало о разрешении переводить проповеди Филипецкого и Белобржеского, напечатанные и введенные в действие по одобрению правительственной и духовной цензурой в Виленской римско-католической епархии в 1838 г., на белорусский язык. Но чиновники держались установленного порядка. Интересно отношение к этому вопросу православного архиепископа Минского и Бобруйского Михаила Голубовича: «Белорусский язык не обработан, на нем невозможно выразить отвлеченных мыслей... Простой народ достаточно понимает русский язык, знают по-русски и ксендзы, только прикидываются незнающими. К тому же в белорусский язык вкралось много польских слов и оборотов. Кто же поручится, что ксендзы не будут пользоваться этим для поддержания хотя и тени польского языка. Если продолжится настоящая административная система, то можно надеяться, что латино-католики-белорусы возвратятся в православие. Остается латинствующая шляхта, и она, слушая слово Божье на русском языке, привыкнет к русскому тем легче, что Закон божий в училищах преподается на русском языке. Заподозрить же домогательства латинского духовенства о переводе проповедей на белорусский язык я имею полное историческое основание именно в иезуитах. Они, поселившись здесь, предварительно изучали простонародный язык и на нем соблазняли православных. В ходатайстве о переводе проповедей римско-католическое духовенство неправду сказало, что будто бы в Беларуси и теперь проповедуется на том же языке. Я спрашивал знающих Витебскую и Могилевскую губернии, и они объявили, что только в 1826 г., во время юбилея, произносились поучения на простонародном наречии, а после все велось на польском языке» [482, с. 17–18].

В 70-80 гг. XIX в. несколько раз собиралась информация об этнических характеристиках и родном языке верующих католических приходов. В 1876 г. в ответ на очередной запрос директора Департамента иностранных исповеданий минский губернатор переслал

з г. Санкт-Петербург сведения о численности и этническом составе римско-католиков губернии. Большая часть верующих характеризовалась белорусами по национальности, которые разговаривали на белорусском языке [731, с. 73]. Согласно аналогичному отчету Гродненского губернатора в 1887 г. в губернии из 333 351 католиков «на белорусском или малороссийском диалекте» разговаривало 205 301 человек (61,2 %) [731, с. 74]. Согласно переписи 1897 г. число католиков, показавших своим родным языком русский, было следующим: в Виленской губернии – 526 361, в Гродненской губернии – 225 878, в Минской губернии – 152 320, в Витебской губернии – 87 085, в Могилевской губернии – 28 318 (как распределилось римско-католическое духовенство Гродненской губернии, Виленской губернии на 1897 г. по родному языку см. приложение Д) [830, с. 7].

3 апреля 1897 г. было заключено соглашение Римской курии с правительством Российской империи, сущность которого заключалась в следующем: назначить с сохранением канонических форм на вакантные должности настоятелей, которые бы отправляли богослужения на латинском языке [502, л. 217; 109, с. 67]. Во втором тайном письме от 8 мая 1897 г. по тому же адресу Рамполла информировал митрополита, что от него будет зависеть разрешение настоятелям на употребление в катехизации белорусского языка [1096, с. 289; 1028, с. 235].

Согласно постановлению Римского двора, там где был употребляем русский язык, следовало заменить его на «lingua vernacula», т.е. язык, на котором народ молился и разговаривал в семье [1125, с. 136]. Но проблема как раз была в том, что существовали разные вакантные приходы: с одной стороны – фактически вакантные, в которых не было вовсе настоятелей, а с другой – юридически вакантные, в которых находились настоятели, но не были утверждены канонически (ex canonici formis), то есть были назначены не имевшим на это канонического права управляющим Виленской епархией П. Жилинским.

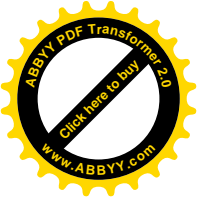
По утверждению ксендзов Я. Жискара и Д. Бончковского, архиепископ М. Козловский не решался дать распоряжение, чтобы вели богослужение на польском языке, а Ф.А. Симон оказался более решительным [1124, с. 25]. Помощник епископа, суффраган и ректор римско-католической духовной академии в г. Санкт-Петербурге, Могилевской архиепархии Францишек Албин Симон, временно взявший в свои руки управление архиепархией после выезда архиепископа на лечение, разослал 20 мая 1897 г. циркуляр, в котором

собственность с передачей личного имущества в ведение государства или местных властей. Таким образом, каждый гражданин смог бы иметь долю во всем, что ему могло бы понадобиться. Однако предложения эти, по мнению римско-католической церкви, были столь непригодны, что, если выполнить их, рабочие пострадали бы первыми. К тому же они несправедливы – ведь следуя им, пришлось бы ограбить законных владельцев.

Римско-католический костел признавал, что, когда человек работает за деньги, он стремится к тому, чтобы приобрести собственность и ею владеть: «Если кто-то отдает другому силы и умение, то вправе за это получить то, что нужно ему для жизни, и явно предполагает приобрести право не только на вознаграждение, но и на то, чтобы вознаграждением этим распоряжаться» [1035, с. 7]. Именно в этой области и состояло право собственности. Стало быть, стремясь передать обществу имущество частных лиц, социалисты не учитывали интересы людей, живущих заработной платой, ибо лишали их свободы ею распоряжаться, отнимая тем самым надежду и возможность умножить свое состояние и улучшить условия жизни. Кроме того, понимание костелом права собственности было напрямую увязано с человеческой природой: «Среди живых существ лишь у человека присутствует разум, и потому он вправе владеть вещами не только для временного, даже минутного, потребления, как владеют другие существа, но и прочно, постоянно; он вправе владеть не только тем, что уничтожается по употреблении, но и тем, что пригодится в будущем» [1035, с. 7].

Признав собственность естественной для человеческой природы, костел признал и неравенство в обладании собственностью, ведь само неравенство заложено в человеческой природе: «Такое неравенство отнюдь не препятствует благополучию частных лиц и государства, ибо государственная и общественная жизнь может поддерживаться только тогда, когда в государстве и обществе наличествуют разные способности, и каждый служит общему благу, исходя из своих особых дарований» [1035, с. 10]. Но естественность неравенства в обладании собственностью вовсе не вела к естественности вражды классов общества: «Как симметрия человеческого тела обусловлена расположением его частей, так и в государстве, по самой природе, классы эти должны жить в полном согласии, приспособляясь друг к другу и поддерживая равновесие целого; каждый нуждается в другом: капитал не может обойтись без труда, труд – без капитала; взаимное согласие рождает лад и порядок, непрерывная борьба разрешается смутой и одичанием» [1035, с. 11].

ГЛАВА 4 ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ОГРАНИЧЕНИЯМ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКИ

4.1 Деятельность римско-католических братств

Не было ничего удивительного в том, что римско-католический костел в лице Папы Льва XIII обратился к проблеме взаимоотношений рабочих с собственниками, нанимателями. Дух революционных перемен вышел за пределы экономики, и влияние его ощущалось в политике, культуре, религии. К конфликту привели прогресс промышленности, развитие новых отраслей, изменившиеся отношения между рабочими и хозяевами, огромные состояния немногих и бедность многих, наконец – заметный упадок нравственности. Общественное мнение было в высшей степени захвачено создавшимся положением: ученые толковали о нем, деловые люди предлагали разные планы, народные собрания, парламенты и правительства были им заняты. Естественно, что в таких условиях, костел не мог спокойно стоять в стороне, дожидаясь разрешения проблемной ситуации. По долгу апостольского служения и ради общего блага костел не раз обращался к пастве, чтобы изложить благое учение о политической власти, человеческой свободе, государственном устройстве и т.д. Обсуждать создавшееся положение было нелегко и в известной мере опасно. Нелегко определить относительность права и взаимные обязанности богатых и бедных, капиталистов и рабочих. Опасность же в том, что ловкие агитаторы могли воспользоваться суждениями, извратить их и побудить народ к насильственным действиям. Костелу следовало найти какое-то средство против зол и несчастий, от которых страдали почти все рабочие. Старинные цеха были уничтожены еще в прошлом веке, и никакие сообщества не заменили их. Общественные учреждения и законы пренебрегали религиозной верой. Разъединенные рабочие ничем не были защищены от бессердечия хозяев и жестокости неограниченного соперничества. Бедствие это усугубляло ростовщичество. Кроме того, в руках незначительного числа было сосредоточено столько отраслей производства, что считанные богачи могли держать множество бедных под игом, которое немногим отличалось от рабства.

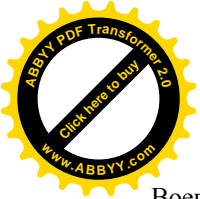
Окружное послание Римского Папы Льва XIII «О положении трудящихся» от 15 мая 1891 г., более известное как энциклика «*Regum novarum*», явилось ответом на вызов современности, в первую очередь обращенного против социалистов, полагавших уничтожить частную

объявил, что решение св. конгрегации от 11 июля 1877 г. остается в силе и что «в тех костелах, в которых русский язык был введен, огненные богослужения и святые таинства должны совершаться на латинском языке по каноническим книгам святой римско-католической церкви» [830, с. 39]. В дополнительном циркуляре от 16 июня Альбин Симон объяснил, что «в дополнительном богослужении священник обязан пользоваться тем языком или наречием, на котором обыкновенно говорят прихожане и на котором издревле они совершают свои молитвы» [830, с. 39]. До сентября 1897 г. А. Симон назначил 10 настоятелей в пустующие приходы, дав им указание вести богослужение на латинском языке [671, с. 80]. Настоятелей, которые вели богослужение на русском языке, он решил оставить на тех же должностях, но напомнил им декрет Римской курии от 1877 г., запрещающий употребление русского языка, заменив одновременно каноническое назначение на каноническое. На вопрос, какой язык следует употреблять им в объявлениях, при чтении Евангелия, катехизации, брачном богослужении, в инструкции от 16 июля 1897 г. говорилось, что «во всех названных случаях на основе общего закона и повседневной практики они должны использовать тот язык или диалект, на котором разговаривают, молятся и исполняют обряды прихожане» [671, с. 80; 1028, s. 236].

Отталкиваясь от папского декрета, Ф.А. Симон назначил 16 ксендзов на должность настоятелей. Е. Жискара полагал, что сделал все это Ф.А. Симон благодаря неосторожности М. Козловского [1125, s. 136]. Вряд ли это правда, так как М. Козловский не отменил распоряжения Ф.А. Симона. Репрессии обрушились на А. Симона: «за фальшивое объяснение папского декрета» его выслали в г. Одессу [1125, s. 136; 727, с. 57]. В 1901 г. по распоряжению Николая II он был выдворен за границы Российской империи и вычеркнут из списка духовенства Могилевской архиепархии [1080, s. 176]. Как поэтично написал Е. Жискара, костел требовал жертвы, и эту жертву принес Симон [1125, s. 136]. Впоследствии при Краковском архиепископе Сапеге Ф.А. Симон станет настоятелем Мариавитского костела в г. Кракове [1124, s. 25].

По утверждению М. Раковского, решения Ф.А. Симона сломали процесс русификации душепастырства в Минской губернии [671, с. 80]. Согласно служебной записке МВД в 1898 г. вместо русского языка в римско-католическом богослужении стал использоваться польский в следующих местностях: Березине, Блони, Бобруйске, Копыле, Логойске, Тимковичах [671, с. 80].

Старжичский приход был без ксендза с 1875 г. (когда ксендз Воевудский вынужден был из-за давления правительства оставить приход, не согласившись на употребление русского языка) по 1897 г., пока Ф.А. Симон не сделал соответствующее назначение. Новый настоятель ксендз Перекшлис построил новый костел [1125, s. 324]. В 1898 г. Каменецим настоятелем стал ксендз Янукович (в 1902 г. его сменил ксендз Зараковский). Благодаря его активной деятельности в приходе был открыт госпиталь для пожилых людей, а также дом, в котором собирались дети на учение истинам веры [1125, s. 155]. В 1898 г. был назначен в Деделовичский приход ксендз Янкевич, а после ксендз Выложинский [1125, s. 217].

С 1897 г. заметно усилилось притеснение духовным начальством органистов и римско-католических священников, служивших на русском языке [213, л. 223]. Подготовленные в Минском училище органисты зачастую не оправдывали возложенных на них правительством надежд, не пользовались поддержкой населения, да и благовидностью своих поступков не отличались. В числе первых, поступивших в училище органистов, был отчим Ф. Сенчиковского Володько, который, прослужив более 20 лет, умер и оставил семью без всяких средств к существованию [326, с. 505]. Органист Свищевский, назначенный в 1879 г. в помощь настоятелю Глусского костела ксендзу Гедройцу, человеку престарелому, настолько дурно зарекомендовал себя, что Гедройць объявил Минскому губернатору, что если Свищевский будет оставлен на должности, то он будет ходатайствовать о причислении его, Гедройца, к инвалидам, ибо службу со Свищевским выносить не мог. Неблаговидные поступки органиста, помимо совершенно небрежного исполнения своих прямых обязанностей, состояли в распитии спиртных напитков, в непомерных требованиях с прихожан и в желании выставить себя человеком, могущим своим словом или доносом вредно повлиять на участь настоятеля (о ксендзах и органистах Минской губернии, ведших «дополнительное» богослужение на русском языке по состоянию на 1887 г. см. приложение Д). [325, с. 536; 214, л. 221–222].

В 1897 г., находясь в г. Омске в качестве бессильного, никому ненужного бывшего политического деятеля, Ф. Сенчиковский, не перестававший следить через органиста Володьку и других лиц за тем, что происходит с училищем органистов, узнал наконец, что, по докладу директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мосолова, оно навсегда закрыто [326, с. 504]. С закрытием училища А.В. Жиркевич связывал крушение последней надежды в ближайшем будущем поднять в Беларуси вопрос о располычивании римско-католицизма [326, с. 504]. По свидетельству А.В. Жиркевича, после закрытия училища органистов стали поступать письма в г. Омск к Ф. Сенчиковскому от бывших органистов как

Таким образом, анализ истории тайных польских школ, которые действовали в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв., показывает, что причины их возникновения, связь с костелом и программа обучения имела много форм и черт. Нельзя дать однозначную оценку значения тайных польских школ Беларуси и роли, которую играло в них римско-католическое духовенство. Большинство тайных школ, обнаруженных властями, создавалось самими крестьянами, преподавание в них вели нанятые учителя, либо сами родители учеников, знавшие грамоту. Безусловно, создание тайных школ, в которых преподавался польский язык, одной из своих задач имело приобщение детей к традициям римско-католического костела – иначе они просто не могли деятельно участвовать в богослужениях. Однако костел открыто не призывал крестьян тайно обучать детей польскому языку.

наказание Гурского. Виновным же был признан настоятель Поречского костела И. Кучинский, под присмотром которого и обучал В. Федорчик детей д. Лозово Закону Божьему. И. Кучинского приговорили 12 августа 1906 г. к штрафу в 100 руб., но 16 октября 1906 г. постановление, по причине изменений в законодательстве, было отменено. Однако все крестьяне отбыли свои сроки [517, л. 16, 26].

24 марта 1907 г. по причине не посещения детьми Лихачское училищное отделение Поречского народного училища Гродненского уезда, открытое 10 января 1907 г., прекратило свое существование. Местный учитель всю вину возложил на Поречского ксендза И. Кучинского: на исповеди крестьяне давали клятвенное обещание не отдавать в своих домах помещение под училищное отделение и не посылать в него своих детей. Учитель Поречского народного училища ставил в вину И. Кучинскому открытие тайных школ, сокративших приток учеников и в Поречское училище [623, л. 202].

Участие ксендзов в тайном обучении проявлялось и в отдаче под школу собственного помещения. В м. Индура, в доме местного ксендза, за вознаграждение 50 коп. за учебный год с каждого учащегося, велось обучение польской грамоте крестьянином соседней д. Проколовичи И. Шагдем. Помещение ксендзом Соболевским было отпущено бесплатно, и по его же инициативе школа и открылась. В школе преподавался Закон Божий, русский и польский языки. Размещалась школа в 500 шагах от Индурского народного училища. Обучение велось с 12 ноября 1905 г. и продолжалось по 1 марта 1906 г., прекратилось по причине отнятия учебников полицейским приставом и ее закрытия [518, л. 65].

Совет министров, рассмотрев представление министерства народного просвещения об отмене действий правил от 3 апреля 1892 г. о взыскании за тайное обучение в губерниях Северо-Западного края, а также Царстве Польском, постановил их отменить. 24 августа 1906 г. данное постановление было высочайше утверждено. 4 сентября высочайшее повеление было передано Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору, который 18 сентября 1906 г. сделал следующие распоряжения: все возбужденные до настоящего времени переписки по обнаружении тайного обучения в пределах соответствующей губернии, не получившие окончательного завершения, прекратить, а новые дела, возникшие с момента опубликования высочайшего повеления, по губернии направлять к производству судебным порядком, как дознания по нарушению ст. 1049 Уложения о наказаниях 1902 г. [627, л. 95].

учеников вызванного им к жизни училища, выброшенных теперь на улицу семьями, оставшихся без мест. Также была прекращена выдача дополнительных 180 руб. в год. Органистов настоятели костелов отстраняли от должности по той причине, что воспитанные на русском языке в «истинно русском духе и направлении» органисты совершенно не знали польского языка, ибо польскому языку их не учили [326, с. 504–505].

В 1898 г. из употреблявших русский язык в «дополнительном» богослужении в Минской губернии остался лишь один Бобруйский декан ксендз Олехнович, который получал 500 руб. и приложение в 100 руб., а также его органист, который получал 180 руб.. Финансовые книги министерства внутренних дел за следующие года уже не показывали никаких затрат на эти цели. Хотя в 1897 г. 10 ксендзов в 10 приходах с 24 органистами получали дополнительное жалованье в 6 480 руб. [671, с. 77–78].

В мае 1899 г. в Борисовском приходе отстранен был от должности «ритуалист» Лукашевич, а на его место был поставлен ксендз Гурко, который обновил костел, пришедший в упадок в результате 23-летнего управления им Лукашевичам [1125, s. 207].

Правительство попыталось угрозами подействовать на ксендзов, дабы они начали употреблять русский язык вместо польского, но безрезультатно. Не испугались ксендзы даже тогда, когда первого из настоятелей, назначенного Ф.А. Симоном, выслали в монастырь. Даже такие «требниковцы», как Я. Юргевич, Кушалевский, Бертович и некоторые другие ксендзы, видя с каким упорством вновь назначенные ксендзы отстаивают свои позиции, в некоторых местах перестали употреблять русский язык [1125, s. 136; 321, с. 48].

По мнению правительства, Ф.А. Симон не имел права утверждать назначения ксендзов в те приходы, в которые ранее были направлены ксендзы администратором Виленской епархии П. Жилинским. В письме к министру внутренних дел Рамполла 29 августа 1901 г. фактически признал правоту российской стороны: Ф.А. Симон мог заменять настоятелей только в тех приходах, где не было ксендзов – фактически, а не юридически вакантных [671, с. 81]. Скорее всего, Рамполла пытался наладить хорошие отношения с Российской империей, ведь никаких официальных распоряжений, отменявших или осуждавших действия А. Симона со стороны Римского двора не последовало. Так все шло до смерти архиепископа М. Козловского 14 ноября 1899 г. [321, с. 51].

М. Козловский до своего назначения митрополитом в 1891 г. был ректором Виленской римско-католической семинарии, затем

ректором Санкт-Петербургской римско-католической духовной семинарии и, наконец, Луцко-Житомирским епископом. Католики считали С. Козловского хорошим духовным оратором. Занимая Луцко-Житомирскую римско-католическую епископскую кафедру, М. Козловский вызвал толки о себе тем, что наказал ксендза одного Волынского местечка за торжественную встречу православного архиерея. Варшавские газеты хвалили покойного митрополита за весьма значительное увеличение числа католиков в России во время его управления митрополией. С. Козловский придавал важное значение благотворительности. С этой целью он посещал открытые при костелах римско-католические благотворительные общества, которых за 8 лет его управления было открыто в «русских городах» более 20. По смерти М. Козловского временно вступил в управление митрополией ректор Санкт-Петербургской римско-католической духовной семинарии Кароль Недялковский, сравнительно молодой и энергичный человек. По этому поводу «Литовские епархиальные ведомости» отреагировали: «Если ему суждено быть митрополитом, то было бы желательно, чтобы не было дано возможности проявляться его энергии в усиленном строительстве костелов в России» [455, с. 10].

2 апреля 1901 г. митрополитом стал Болеслав Клопотовский. 28 февраля 1902 г. архиепископ Б. Клопотовский издал декрет, отменяющий распоряжение А. Симона. На этот шаг не пошел даже М. Козловский! Но этот декрет не возымел силы [1125, с. 136]. Следует также учитывать, что в марте 1902 г. Виленский римско-католический епископ С. Зверович выступил против церковно-приходских школ, точнее говоря, обучения римско-католиков истинам православной церкви.

В 1902 г. митрополит Б. Клопотовский получил согласие министра внутренних дел Д.С. Сипягина, чтобы в непризнанных властями приходах «дополнительные» богослужения отправлялись только на латинском языке, а ксендзы не читали бы проповедей; катехизацию разрешалось проводить по одобренной правительством книге Белобржецкого [671, с. 80].

Характерно, что позиция Минского губернатора графа Мусина-Пушкина в отношении католиков была лояльной: в конце 1903 г. он предлагал министру внутренних дел разрешить лицам римско-католического исповедания, занимать некоторые должности в государственных учреждениях Западного края, что запрещалось постановлением от 27 мая 1864 г.. Согласен с ним был и Витебский губернатор [595, л. 1; 21, с. 149].

малочисленности учащихся в местных учебных заведениях. По этой же причине католическое население этих местностей отказывало в материальной поддержке как учителей, так и училищ. Директор признавал заслуживающим уважения просьбы мещан г. Браньска и католических деревень Потоки, Алкина и Горново (крестьяне последней деревни ходатайствовали в августе 1906 г. о разрешении самим обучать детей не только польской, но и русской грамоте) о введении преподавания в училищах польского языка с назначением в них особых вторых учителей, знавших польский язык. Наплыв ходатайств о разрешении обучать детей польскому языку последовал после высочайшего повеления от 22 апреля 1906 г. о разрешении употреблять польский язык в начальных училищах [627, л. 136].

22 июня 1906 г. Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор указал, что чины полиции обязаны считаться не с произвольными толкованиями высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г., а лишь с существующими законоположениями, которые указанным актом не были отменены: следовало неуклонно соблюдать правила 1892 г. о тайных школах, вплоть до отмены этого закона установленным порядком [518, л. 6].

30 марта 1906 г. за окрытие тайной польской школы в д. Лозово Романовской волости Сокольского уезда настоятеля Дубровского римско-католического прихода ксендза Гурского, оказавшего содействие открытию школы, подвергли штрафу в размере 100 руб., викарного ксендза этого же костела Кучинского – 50 руб., учителя-крестьянина В. Федорчика – аресту на 5 суток, родителей учащихся – денежному взысканию по 90 коп. с каждого с заменой, в случае отказа, арестом на полутора суток [517, л. 10]. Но ксендзы отказались уплачивать штраф, а местный губернатор не решался применить к ним строгих мер, как, например, продать движимое имущество или вычесть из казенного содержания, и таким путем погасить долг по штрафу. Кучинского вскоре перевели в филиальный костел в п. Поречье.

30 апреля 1906 г. Виленский генерал-губернатор временно приостановил взыскание с настоятеля, по причине проведения более тщательного расследования. В своей объяснительной записке Гурский заявил, что не знал об открытии школы в д. Лозово: «Не могу же я присматривать и руководить тем, о чем я ничего не знал и что делалось, и часто пожалуй делается, без моего ведома и согласия» [517, л. 15].

Ознакомившись с данными расследования, проведенного неперменным членом Гродненского губернского присутствия Д.В. Ромейковым, Виленский генерал-губернатор отменил 9 августа 1906 г.

благодаря протесту в обоих случаях учителей, польские учебники были изъяты из употребления, а о преподавании Закона Божьего ксендзами на польском языке составлены полицией протоколы [518, л. 53].

С 4 февраля 1906 г. в д. Стрельцы Лунненской волости крестьянин И.Ф. Клим стал обучать детей польской грамоте и Закону Божьему. С 27 апреля 1906 г. в д. Выселок-Яново Трофимской волости Сокольского уезда учительница-крестьянка обучала 3 детей. С 16 февраля 1906 г. в д. Крапивно Каменской волости в доме крестьянина учительница-мещанка М.М. Валейно обучала 5 детей. С 6 февраля 1906 г. в д. Дубасно Гребневской волости Слонимского уезда крестьянин В.А. Ставорко обучал 11 детей. С 10 февраля 1906 г. в д. Лапти Райской волости Бельского уезда учитель-крестьянин О.И. Остапчук обучал 20 учеников. С 1 сентября 1906 г. в д. Смовжи Мижевической волости Слонимского уезда учитель-крестьянин Г. Грешко обучал 2 ребенка. Как правило, плата за обучение 1 ученика учителю составляла 50 коп. [627, л. 102, 106, 109, 112, 122, 135, 174].

При доказанном посредничестве ксендзов были открыты школы: в январе 1906 г. в г. Василькове Сокольского уезда; при содействии ксендза Дрогичинского прихода Баневича в д. Вержхуц-Нагорная, д. Путковиц Бельского уезда (обнаружены 18 марта 1908 г.); с ноября 1905 г. по 17 февраля 1906 г. по инициативе ксендза Слонимского костела действовала школа в с. Селявичи, в которой обучалось 22 крестьянских ребенка. (по этой причине число учащихся в Селявичской церковно-приходской школе уменьшилось вдвое); с декабря 1905 г. по 1 февраля 1906 г. по распоряжению ксендза Слонимского костела работала школа в д. Смовжи Слонимского уезда, в которой занималось 18 крестьянских детей [627, л. 147, 156].

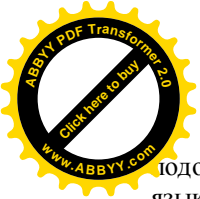
Многими манифест 17 октября 1905 г. истолковывался в том смысле, что все прежние запрещения в области проявления национальных стремлений, в том числе и в отношении проявившегося со стороны ксендзов желания преподавать Закон Божий на польском языке вне правительственных школ, не могут иметь места после провозглашения свободы совести. Жители некоторых западных регионов (г. Сураж Белостокский уезд, м. Цехановец и д. Шкурицы Бельский уезд и др.) открыто стали ходатайствовать о введении польского языка в программу преподавания в народных училищах. В августе 1906 г. жители г. Браньска и крестьяне прилегающих деревень просили разрешения преподавать детям в местных училищах польский язык. Директор народных училищ Гродненской губернии именно отсутствие преподавания польского языка считая причиной

После смерти Б. Клопатовского 11 февраля 1903 г. Могилевским архиепископом и администратором Минской епархии стал ксендз Ежий, граф Шембек, бывший Плоцкий епископ (как много Плоцких епископов, возглавивших римско-католическую церковь в Российской империи!) [321, с. 48]. Положение в самой Российской империи осложнилось: после уничтожения флота под Порт-Артуром 28 января 1904 г. был оглашен высочайший манифест о вступлении в войну с Японией.

Визитация костелов Минской губернии Могилевским архиепископом Шембеком в ноябре 1904 г. (первая епископская визитация после упразднения Минской епархии) и освящение основания под будущий костел в Волчковичах еще более укрепила дух ксендзов и паствы [1125, s. 136; 321, с. 49]. В одном только Раковском приходе после визитации его архиепископом число римско-католиков увеличилось на 4000 человек [1125, s. 159]. Также Шембек в ходе своей поездки распорядился о занятии свободных должностей священниками, удаливши последних скомпрометированных «ритуалистов» ксендзов [321, с. 49]. На основании высочайше утвержденного 11 февраля 1905 г. положения комитета министров о порядке исполнения 6 п. именного высочайшего указа правительственному Сенату приходские священники в 10 Привислинских, 9 Западных и Курляндской губернии назначались и перемещались их руководством с согласия губернатора, причем неполучение от последнего ответа в месячный срок равносильно было изъявлению такого согласия [186, л. 38].

Таким образом, в уездах Гродненской губернии никто из римско-католических прихожан так и не высказался в поддержку русского языка [230, л. 83]. Из 10 ксендзов Гродненской губернии, давших расписку в получении русскоязычного экземпляра требника, никто к началу 1874 г. не использовал русский язык в римско-католическом богослужении [326, с. 301]. Личная позиция А. Гинтовта в процессе введения русского языка в римско-католическое богослужение, в отстаивании традиций костела претерпела трансформацию. Обретя относительную самостоятельность, реально ощутив поддержку Римской курии, бывший Гродненский декан изменил свое отношение к проблеме. А. Гинтовт, руководствуясь интересами римско-католической церкви, отказал правительству Российской империи в желанных для него действиях. Что касается римско-католического духовенства Гродненской губернии, то среди них не оказалось ксендзов, способных пренебречь римско-католическим каноническим правом и локальными традициями,

подобно Ф. Сенчиковскому в Минской губернии. Поэтому и русский язык не был употребляем в римско-католическом богослужении в губернии. Стоит учесть также позицию местной паствы. Ведь положение дел не изменилось даже при переводе из Минской губернии в Гродненскую ксендзов-ригуалистов, то есть проводивших римско-католическое богослужение по требнику на русском языке. После назначения новым Виленским римско-католическим епископом К. Гриневицкого в 1883–1885 гг. редкое использование русского языка в римско-католическом богослужении и вовсе прекратилось.

Местные гражданские администраторы продолжали действовать в русле прежней политики. В рапортах к министру внутренних дел они оправдывали все решения правительства как соответствовавшие интересам Российской империи, признавали любые послабления нежелательными для русского дела, советовали продолжать введение русского языка в римско-католическое богослужение.

Во второй половине 90-х г. XIX в. стали назначать к настоятелям костелов Минской губернии, в которых не было введено «дополнительное» богослужение на русском языке, молодых ксендзов: к Койдановскому, Борисовскому, Минскому св. Троицкому, Березинскому, Игуменскому, Бобруйскому, Клецкому, Слуцкому костелу. За плечами старых настоятелей они чувствовали себя более уверенно, что вызывало недовольство православных священников. «Это же приносит вред православной церкви и русскому делу», - возмущался епископ Минский и Туровский Симеон [185, л. 207, 210]. Кроме того, из Могилевской губернии с этого времени, духовенство стало самовольно отлучаться в соседние уезды Минской губернии для требоисполнений [185, л. 240]. Но оставались вакантными места тех приходов, где был внедрен русский язык: Каменский, Першайский, Дудиловичский, Логойский, Серафинский, Глуцкий, Хорометский, Старчитский, Свеженский, Зембинский, Холопенитский, Блонский, Копаткевичский, Петриковский, Давид-Городский, Копыский, Тимковичский [201, л. 250]. С назначением новых молодых ксендзов Минский губернатор оказался в затруднительном положении: разрешать ли ему сейчас допускать в «дополнительное» богослужение польский язык, где когда-то был русский, ведь молодые ксендзы явно вели бы свою деятельность согласно каноническим правилам – т. е. используя латынь и польский язык. На что министр внутренних дел успокоил губернатора, что сам римско-католический архиепископ Клопотовский выразил готовность при назначении настоятелей в вакантные приходы Минской губернии предписать как

школы со следующим объяснением: какого рода будет это учебное заведение, какие учебные предметы будут в нем преподаваться, сколько в нем будет учителей и какие именно, какое в нем предполагается наибольшее число учеников, где и какое помещение для них назначалось; на ответственность содержания возлагается принятие в учителя только лиц, имеющих на это законное право;

3) выбор учебных предметов в каждом частном училище зависит от лица, желающего учредить такое училище; в число учебных предметов обязательно должен входить Закон Божий и русский язык, а в тех училищах, где обучаются истории и географии, сверх того, - русская история и география; учебный план утверждается попечителем учебного округа;

4) в губерниях Виленского учебного округа все частные учебные заведения, а равно и лица, занимающиеся частным домашним обучением, подчиняются директорам и инспекторам народных училищ;

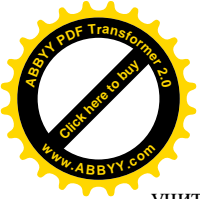
5) по высочайшему повелению от 10 декабря 1902 г. все училища при римско-католических костелах империи передаются в ведение министерства народного просвещения на общем основании с тем, чтобы при новом порядке управления сохранено было право римско-католического духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества в учебных заведениях;

6) кто открывает школу, не подчиняясь существующим законам о таких школах, тот рискует подвергнуться ответственности по закону от 3 апреля 1892 г. о преследовании незаконного обучения в Северо-Западном крае [627, л. 62].

Лунненский ксендз Михневич открыто в костеле призывал своих прихожан не посылать детей в Лунненское училище, благодаря чему в нем вместо 26 католиков, обучавшихся в училище на в начале января 1906 г., к концу года осталось всего лишь 7 [518, л. 53].

В таком же направлении влиял на своих прихожан настоятель Велико-Эйсмонтовского костела ксендз Ярош, агитировавший против посещения детьми Эйсмонтовского народного училища. Ярош упрекал прихожан за поспешность в исходатайствовании в свое время разрешения на открытие правительственной школы, в результате которого они лишились права иметь теперь в своей деревне вместо казенной свою польскую школу [518, л. 53].

Нельзя не отметить той поспешности, с которой как Лунненский, так и Велико-Эйсмонтовский ксендзы, не дожидаясь законного разрешения, стали преподавать Закон Божий в одноименных народных училищах на польском языке и по польским учебникам.

5 декабря 1905 г. законоучитель ксендз Вл. Лавринович явился к учителю Вереновского приходского училища, заявив, что будет преподавать ученикам-католикам Закон Божий по польским учебникам на польском языке. Желая убедить ксендза, что этого нельзя делать, учитель показал ему копию циркулярного распоряжения попечителя Виленского учебного округа от 6 сентября 1905 г. о преподавании Закона Божьего ученикам на их природном языке. После этого ксендз уехал, не дав урока по Закону Божьему. 9 декабря он явился в училище и раздал ученикам-католикам польские учебники: катехизис Филаковского, издания 1904 г., и священную историю Козловского, издания 1901 г., начав преподавать тем же ученикам Закон Божий в присутствии учителя на польском языке, требуя также и ответов по-польски. Согласно донесению пристава Волковысского уезда, все жители его стана, в который входила и Верейская волость, - белорусы. Учитель вторил приставу, заверяя губернатора, что и среди его учеников не было ни одного, говорящего по-польски. Кроме того, твердая уверенность учителя относительно языка обучения Закону Божьему основывалась на сведениях о вероисповедном и родном языке коренного населения Виленской, Ковенской и Гродненской губерний по данным переписи 1897 г., помещенным в «Виленском календаре» на 1906 г. [627, л. 8–9]

Прихожане католики м. Лунно Гродненского уезда адресовали телеграмму в министерство народного просвещения с ходатайством разрешить им обучать детей катехизису, молитвам для первой исповеди и причастия под наблюдением местного ксендза. Телеграмма министерством была переадресована главному начальнику края, который указал просителям, что преподавание Закона Божьего инославных исповеданий ведется согласно правилам, утвержденным министерством народного просвещения 22 февраля 1906 г. (см. приложение 3):

1) право на учреждение частного училища представляется лицам обоого пола, природным русским или принявшим русское подданство, по усмотрению учебного начальства, которое обязано сперва удостовериться в нравственности и благонадежности лица, желающего открыть училище; при этом означенные лица обязательно представляют учебному начальству свидетельство об их образовательном цензе;

2) частное учебное заведение не может быть открыто без разрешения училищного начальства; учредитель подает прошение тому местному начальству, к ведению которого должно было принадлежать его учебное заведение и в тоже время представить план

новоназначенным, так и равно и наличным священникам впредь до дальнейших распоряжений вести свою деятельность на языке и наречии местного католического населения [201, л. 252]. Такое заверение архиепископа устраивало и власть (ведь оно подразумевало под этим русский язык, раз раньше там велось на русском языке, и римско-католическое духовенство, ведь язык местного католического населения скорее был белорусский, польский), а значит, можно было спокойно проводить службы на польском языке. Минский губернатор Н. Урусов в своем рапорте о состоянии губернии за 1901 г. писал, что само римско-католическое духовенство выражало внутреннее спокойствие, чего нельзя было сказать о римско-католической пастве. Н. Урусов также отметил большое влияние ксендзов на население (паству). Проявлением нетолерантного фанатизма считал он заступничество ксендзов за польский язык в богослужении, что мешало проведению политики «обрусения» края. С добровольным принятием ксендзами русского языка в богослужение Н. Урусов увязывал скорейшее обрусение края. Интересно то, что Николай II, прочитав это суждение, сделал надпись на полях: «Разве это возможно?» [928, s. 125–126]. Как видим, император обладал большим реализмом, чем его подначаленный. К 1905 г. уже по всей Минской губернии «дополнительное» богослужение стало вестись в большинстве своем на польском языке. Сам даже Минский губернатор отмечал, что все циркулярные распоряжения и узаконения по тому вопросу уже не соответствуют духу времени [201, л. 270].

В рапорте от 30 ноября 1897 г. Гродненского губернатора Д. Батюшкова министру внутренних дел И. Горемыкину отмечалось, что не следовало идти по пути смягчения мер для костела, что все запретительные меры оправдались и будут оправдываться, так как соответствуют российским интересам, а всякие послабления крайне нежелательны, так как «польско-ксендзовская агитация» могла бы вызвать антироссийские настроения. Д. Батюшков советовал И. Горемыкину продолжать введение русского языка в римско-католическое богослужение [928, s. 121–123]. Могилевский губернатор Н. Клингенберг в своем рапорте от 1901 г. писал, что наивысшее несчастье этого края не в том, что ксендзы в костелах говорили на польском языке, а в том, «что на этой исторически русской и православной земле наисильнейшим является преобладание польской веры и культуры, а польский язык в костелах – это только показ ситуации» [928, s. 127–128]. Губернатор советовал активно вводить русский язык не в римско-католическое богослужение, а в школах, издавать дешевые русские молитвенники, увеличивать число

православных школ, библиотек с русской литературой [928, s. 128–129]. Виленский генерал-губернатор Троцкий, находившийся на этом посту с 1898 г. по 1899 г., костел считал сеятелем духа сепаратизма в католиках, что следовало бы силой продолжать вводить русский язык в костельную жизнь, что способствовало бы русскому делу [928, s. 139–140].

На запрос Виленского генерал-губернатора в 1905 г., стоит ли вводить в римско-католическое богослужение местные наречия в целях разобщения католицизма от полонизма, высказались местные предводители дворянства. Кобринский предводитель дворянства высказался о нецелесообразности данного решения, так как в уезде существовало лишь два костела, где большинство католиков представляли помещики и бывшая польская шляхта. Все же прочее христианское население преимущественно было православное. Брестский предводитель дворянства был за введение в дополнительное богослужение во всех римско-католических приходах малороссийского языка. Но при этом заметил, что сами католики будут против этого нововведения, так как он не встречал в Брестском уезде таких, которые не старались бы хоть чуть казаться поляками. Пружанский предводитель был за введение белорусского языка, так как местное население состояло преимущественно из белорусов и многие из них поверхностно знали польский язык, но насколько эта мера была бы желательна для самих католиков, он не смог ответить. Слонимский предводитель отметил, что из 23 388 католиков в уезде поляки (бывшая польская шляхта, городские обыватели, мещане) составляли меньшую половину, а остальную часть – крестьяне, проживавшие в сельских местностях уезда и по народности принадлежали к белорусам, за исключением двух деревень Засецы и Пошры Дятловского римско-католического прихода, населенные литовцами и сохранившие свой язык. Разговорным языком крестьян-белоруссов, как он считал, являлась смесь русского и польского языков. Предводитель дворянства высказался за целесообразность введения в дополнительное богослужение белорусского наречия, но так как оно не имело своей письменности и, следовательно, прав культурного языка (по его мнению), то вопрос этот практического осуществления иметь не мог. Да к тому же признаков желания нововведения со стороны того же крестьянского населения не наблюдалось, и, учитывая опыт в этом направлении, а тем более в то тревожное время, такая мера, как заметил предводитель, встретила бы очень серьезные препятствия. Бельский уездный предводитель дворянства совершенно определенно высказался, что все католики уезда (52 645 человек) будут ратовать

или недоразумения. В противном случае, крестьяне всегда скрывались, не желая служить доносчиками на своих односельчан. Таким образом, школы эти обнаруживались чинами полиции зачастую очень поздно.

Открытие тайных польских школ в 1906 г. было явлением повсеместным. Распространению их способствовало, в том числе, неправильное истолкование жителями и римско-католическим духовенством высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости и манифеста от 17 октября 1905 г.: разрешается открывать всякого рода школы и учить детей Закону Божьему на польском языке.

В Гродненской губернии во всех уездах также существовали тайные польские школы, но обнаружить полиции удавалось единицы. Последнее обстоятельство можно, наряду со многими факторами, объяснить и тем, что чины полиции в революционное время не имели возможности обратить должное внимание на нарушение учебных правил. После издания манифеста 17 октября 1905 г. чины полиции сосредоточили все свое внимание на прекращении революционных выступлений, закончившихся в сельской местности лишь в марте 1906 г., а также на охрану казенных и общественных учреждений от погромов и недопущения сбора денег на революционные цели [518, л. 49].

В подтверждение сказанного, следует привести сведения из донесения Гродненскому губернатору. 5 апреля 1906 г. поступила жалоба на имя Виленского генерал-губернатора крестьянина Гудевичской волости Захария Шульги на незаконное открытие в их д. Строве польской школы, действовавшей с 1 ноября 1905 г. под руководством С. Богутского, поставленного на должность учителя Лунненским ксендзом Михневичем. З. Шульга не мог простить своей дочери перехода из православия в католичество и связь с местным учителем. В ходе следствия выяснилось, что Лунненским ксендзом Михневичем были открыты в ноябре тайные школы в д. Куликах и в м. Лунно. Характерно отношение местного станового пристава в деле преследования тайных польских школ: несмотря на то, что он сам, несомненно, знал о существовании их как в самом м. Лунно, постоянном своем местопребывании, так и в д. Острова и д. Куликах (из сообщения со стороны крестьян, учителей и священников), все три школы продолжали существовать до Пасхи 1906 г. О тайной польской школе в м. Лунно, в которой преподавание велось под руководством нескольких терциарок, составлен им протокол впервые лишь 28 марта 1906 г., когда занятия в ней совершенно прекратились [518, л. 53].

распоряжению епископа, поэтому и посещение их детьми считалось обязательным. В соседнем Красностокском училище по этим причинам осталось всего лишь 2 ученика римско-католического вероисповедания [518, л. 14].

Смягчением требований законодательства в сфере образования правительство само потворствовало тайному обучению. В ответ на обнаружение тайной польской школы в д. Хмелевке Багновской волости Сокольского уезда, на основании п. 4 временных правил от 3 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение и согласно п. XI приложения к ст. 1214 т. XVI ч. I учителя Болеслава Гудевича за обучение польской грамоте арестовали на 5 суток, а родителей учащихся за устройство и содержание школы без разрешения правительства оштрафовали на 50 коп. с возможностью замены, в случае отказа в уплате денег, арестом на 1 сутки. Взысканная сумма в 9 руб. 60 коп. поступила в уездное казначейство [518, л. 15].

Зачастую учитель польской грамоты отделялся подпиской в том, что обязуется прекратить учение на польском языке. Подписку удостоверял на месте своей подписью местный уездный исправник или полицейский урядник. 15 марта 1906 г. такое наказание было применено к крестьянину римско-католического исповедания д. Погири Пацовской волости Слонимского уезда. Притом, что в школе обучалось 20 учеников, в том числе 10 девочек. Учебными пособиями в школе служили 5 молитвенников на польском языке. Собственно, обучение польской грамоте строилось на заучивании молитв. Школа была открыта 1 ноября 1905 г. и существовала в передвижном поочередном порядке по домам родителей учащихся [518, л. 39]. Отделался подпиской 22 марта 1906 г. и 18-летний учитель римско-католического исповедания крестьянин О.Р. Сачик, который преподавал с декабря 1905 г. в тайной школе д. Ведровичи Дворецкой волости Слонимского уезда [518, л. 40].

Полицейские приставы в своих донесениях губернаторам указывали на преподавание в тайных польских школах исключительно Закона Божьего, инициаторами называли местных ксендзов, поощряемых высшим духовенством, по причине запрещения преподавания Закона Божьего на польском языке в местных народных училищах. Обнаружить подобную школу было трудно, так как при появлении в деревне чина полиции мальчики немедленно разбежались по домам и от школы никакого следа не оставалось. Тем более, что они собирались не постоянно в одном доме. В большинстве случаев полиция узнавала о существовании такого рода школ лишь тогда, когда в деревне между крестьянами происходили какие-либо ссоры

только за родной их польский язык. И в настоящее время просто невозможно фактически ввести в дополнительно богослужение какой либо другой язык. Волковывский предводитель дворянства отметил, что римско-католические приходы уезда образуются из двух элементов: интеллигенции – меньшинства, изъясняющегося на польском языке, и простонародья – крестьян и мещан, составляющих значительное большинство и говорящих на белорусском. Ввиду изложенного он полагал, что по местным условиям желательно все оставить так, как есть. Белостокский предводитель дворянства (86 061 католиков) высказался за введение белорусского языка в дополнительное богослужение, кроме территории, соседствующей с Царством Польским: Притулянская, Ясвильская, Крипнянская волость, а также Белостокский и Добриневский римско-католические приходы, где население говорит исключительно на польском, но реакцию всего населения уезда предводитель не решился предугадать. Солидарен с ним был и Сокольский предводитель дворянства (71 721 католиков). Гродненский предводитель отметил, что местная почва наиболее благоприятна для введения белорусского языка по причине почти сплошного белорусского населения, кроме незначительной северной части уезда, где насчитывалось около 100 литовцев (Озерки, Друскеники и др.) и рассеянных по всему уезду представителей мещанской шляхты, причислявшей себя к полякам (Грандичи, Мончино, Гумбатичи, Эйсмонта, Толочки, Обуховичи, Малицевичи, Жукевичи, Миткевичи, Нацевичи, Циневичи, Семашки, Глиндичи, Проневичи, Заневичи, Ланевичи, Сезеневичи, Кулики, Бурнево, Бергели, Малые и Большие Эйсмонта), где положение дел представлялась иным благодаря активной деятельности ксендзов (в Лунненском римско-католическом приходе – Михневич, в Индурском – Соболевский, в Велико-Эйсмонтском – Ярош) и особо приподнятому настроению их прихожан, что особенно обращало на себя внимание на предварительных съездах мелких землевладельцев, на которых требование об автономии Польши и «польской» веры ставились рядом. «Да и действительно, – отмечал предводитель, – как разбраться простому белорусу в разности понятий «поляк» и «католик», если он принужден, прежде чем быть допущенным к стенам костела, выучить на память на польском языке необходимые молитвы, если ксендз и местный пан с ним иначе не говорят, как по-польски, если ему ежечасно внушают, что он, исповедуя «польскую веру», должен быть поляком. Это убеждение укреплялось и правительством, видевшим в католиках лиц польского происхождения. Таким путем привит белорусу полонизм через общение его с костелом, который вел

пропаганду настойчиво и упорно. Говоря у себя дома, на сходах и на кирмашах на своем родном белорусском языке, он его называет «хлопским», в отличие от «панского» – польского языка. Скрижали истории для него темны, и причину этого различия в «мове» он видит в разнице положения пана и холопа. Но в костеле, перед Богом, все равны и белорус молится по-пански, то есть по-польски, а выходя же из костела в своей компании уснащает родной язык грубыми, тяжеловесными полонизмами, прибегая к ним и в гостях из желания щегольнуть и приблизиться к шляхетскому говору. Нельзя не считаться с тем, что в последнее время, после высочайшего повеления от 17 апреля 1905 г. некоторыми белорусскими католическими приходскими (Пружанский уезд) предъявляется требование о введении польской школы. Это еще более выделяет характерную связь в понятиях местного католического населения между «польской вяррой» и национальностью». Среди 35981 белоруса-католика (из 50519 всех католиков) Гродненского уезда (29% всего населения), распределенных по 9 римско-католическим приходским, отзывчивости к проектируемой мере разобщения католицизма от полонизма предводитель дворянства не увидел. Общий итог подвел Гродненский губернатор: для всего римско-католического населения губернии (407 203 человек), распределенного по 87 приходским, из которых два (Друскенинский – Гродненского уезда и Ясиновский – Белостокского уезда) состояли из литовцев (3 598 человек), введение местного языка в дополнительное римско-католическое богослужение он признал несвоевременным, так как данная мера могла лишь быть проведена при полном успокоении и введении общей государственной жизни в нормальное русло, при условии установления ясной, четкой и устойчивой системы окраинной политики [612, л. 4–5, 7, 9, 10, 11, 13, 26–27, 38, 48].

Аналогичный документ, относящийся к 6 октября 1905 г., выявил в Национальном историческом архиве в г. Минске польский исследователь Л. Яскевич, изложив его в сокращении с информацией по уездам. Согласно документу, в Минской губернии римско-католическое население, более бедное, говорило между собой на белорусском языке, а остальное – по-польски [928, s. 157]. Подводя итог, Минский губернатор П. Курлов в своем отчете министру внутренних дел А. Булыгину, выразил свою неуверенность в дальнейшей политике введения русского языка в римско-католическое богослужение, ее безуспешность. Куда более эффективным, по его мнению, было бы отправить неблагонадежных ксендзов либо во внутренние губернии, либо в Привислинский край, а на их место

отрешением от костела. Право открыть школу, по словам ксендза, было получено в январе 1906 г. от Белостокского римско-католического декана И. Шварца. После закрытия школы Б. Лещинский стал убеждать крестьян добиваться от правительства разрешения преподавать польский язык в Тростянском приходском училище [672, л. 32, 38].

Учитель Дубровского приходского училища Сокольского уезда 12 января 1906 г. доложил директору народных училищ Гродненской губернии, а последний Гродненскому губернатору об открытии ксендзами в деревнях Дубровского р.-к. прихода польских школ. Открытие этих школ повлекло за собой значительное уменьшение числа учащихся в ближайших народных училищах: в 1905 г. в Дубровском приходском училище числилось всех учащихся 54 мальчика и 10 девочек, а в 1906 г. – 38 мальчика и 2 девочки; в Красностокомском народном училище в 1905 г. было 32 мальчика и 3 девочки, а в 1906 г. учебном году – 7 мальчиков и 2 девочки; в Новокаменском народном училище в 1905 г. было 23 мальчика и 10 девочек, а в 1906 г. – 13 мальчиков и 9 девочек [623, л. 5].

В первый день учебных занятий после рождественских праздников 7 января 1906 г. в Дубровское приходское училище явилось всего 6 учеников. На вопрос учителя З.М. Чаквина, почему они собрались в такой малочисленности, ученики 3 отделения Паликша и Супрунович ответили, что ксендзы запрещали посещать русские школы, угрожая непринятием к исповеди не только детей, которые будут обучаться в училищах, но и их родителей, и всех домашних. Поэтому многие ученики вынуждены были, вопреки своему и своих родителей желанию, оставить посещение училища. В следующие учебные дни являлось очень мало учеников, а именно: 9 января – 17, 10 января – 13, 11 января – 14 учеников. Большинство из неявившихся, по сообщению детей, стали посещать открытые в 1906 г. учебном году по распоряжению римско-католического духовенства польские школы, в которых преподавателями состояли местные крестьяне-католики, а преподавание велось исключительно на польском языке: дети обучались польской грамоте (чтению и письму), арифметике и Закону Божьему римско-католического исповедания [518, л. 12].

Одна из таких школ находилась в д. Осмоловщина в избе крестьянина Корольчука. Учителем в ней работал крестьянин из соседней д. Грабовка Мацкевич. В некоторых больших деревнях, таких как Каменная и Малышевка, находилось по две школы, в которых обучались мальчики вместе с девочками. Население смотрело на эти школы как на вполне легальные, открываемые ксендзами по

Благодаря содействию и распоряжениям настоятеля Слонимского приходского костела Бронислава Саросека, переведенного из м. Рось Волковысского уезда в 1905 г., была открыта тайная польская школа в д. Смोजи Шегневичской волости. За участие ксендза оштрафовали на 150 р., а школу 29 октября 1905 г. закрыли [627, л. 44]

Со времени издания указа 17 октября 1905 г. настоятель Велико-Эйсмонтовского костела Гродненского уезда ксендз Доминик Ярош, служивший с 1893 г., при посещении своих прихожан, а также в костеле призывал открывать в деревнях польские школы, не обращая никакого внимания на чинов полиции. Польские школы были открыты в ближайших местностях: д. Остров – Гудовичская волость, д. Стрельцы – Лунненская волость, м. Лунно и околица Кулики. С 14 октября 1905 г. Д. Ярош, состоявший также законоучителем в Велико-Эйсмонтовском народном училище, в котором вообще не было православных учеников, начал преподавать Закон Божий на польском языке. Все действия ксендза рассматривались местной властью как распространение идей полонизма на религиозной почве. В 1911 г. Д. Ярош был переведен настоятелем в Шаркошизненский костел Дисненского уезда. Светская власть не наказала ксендза [529, л. 8, 12, 14].

Назначенный настоятелем Новодворского костела ксендз Петр Симицкий намеревался в декабре 1905 г., благодаря поддержке Сокольского декана, открыть в приспособленном для него новом доме школу. Но вскоре умер, а вновь назначенный на его место ксендз, заняв новое здание, не стал продолжать начатое дело [672, л. 13, 15].

В январе 1906 г. в д. Кречкове Белостокского уезда открылась польская школа. По этой причине Кречково-Притулянское народное училище опустело. Учитель был уверен, что если бы местный сельский староста Иван Куц открыто не порицал бы русскую правительственную школу и не покровительствовал польской школе, то последняя к концу месяца пала бы сама собой. О существовании школы и тайного его покровителя стало известно 18 января из заявления крестьянина д. Кречкова Августина Врубеля [672, л. 23].

Благодаря открытию ксендзом-законоучителем Б. Лещинским Тростянского приходского училища школы в с. Крипне Белостокского уезда, все 75 учащихся перестали посещать училище. Б. Лещинский проявлял незаурядную общественную активность: разъезжал по деревням своего прихода, собирал собрания, разбираал претензии одного к другому, угрожая в случае неисполнения кем-либо его решений невыдачей исповедных карточек, неотпущением грехов и

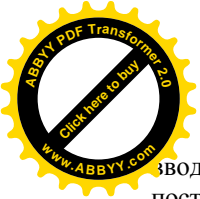

подыскивать ксендзов, которым «не присущ был польский фанатизм» [928, s. 159]. В отличие от губернатора православный епископ Минский и Туровский Михаил допускал возможность введения в Минском и Борисовском уездах белорусского языка, в Пинском, Мозырском и Речицком уездах – украинского (малороссийского), в остальных же – русского языка; язык был определен им в соответствии с делением по народностям [928, s. 157–158].

В марте 1905 г. управляющий Виленским генерал-губернаторством А. Фрезе обратился к министру внутренних дел с предложением введения белорусского языка в римско-католическое богослужение. По утверждению А. Смоленчука, центральные власти не отреагировали [735, s. 151]. В 1906 г. о «расположивании» костела заговорил глава правительства П. Столыпин. В его переписке с Виленским генерал-губернатором также стала фигурировать проблема белорусскоязычного богослужения в костелах. Однако на самом деле белорусский язык для П. Столыпина всегда оставался только «мужицким диалектом» русского языка [735, s. 152]. Осознавая свою беспомощность в этом вопросе, Гродненским губернаторам в начале XX в. оставалось лишь, при утверждении на вакантную должность ксендзов, руководствоваться принципом соответствия национальности клира и паствы.

30 сентября 1906 г. Римская курия в лице кардинала Мери-дель-Валя отныне не запрещала, чтобы катехизис, молитвы и набожные песни совершались на языке большинства населения или, по крайней мере, той группы, к которой в основном принадлежал костел. На епископов возлагалась забота относительно введения языка меньшинства населения в катехизис, проповедь, общественные молитвы и церковные песни. На случай каких-либо сомнений или затруднений на практике кардинал Мери-дель-Валь рекомендовал епархиальному начальству обращаться к Святому Престолу [612, л. 49].

Оценка этого разрешения среди римско-католического духовенства была неоднозначна. Виленский епископ Э. Ропп, находящийся в то время в Риме, выразил большое сожаление и недоумение: как Мери-дель-Валь мог вынести такое решение, не спросив мнение местных епископов, архиепископа Ф.А. Симона, уже к этому времени также находящегося в Риме [935, s. 226]. По словам Р. Юрковского, Э. Ропп, Ф.А. Симон и польская общественность выразили полную свою уверенность в том, что сейчас правительство Российской империи, пользуясь этим разрешением, будет спокойно

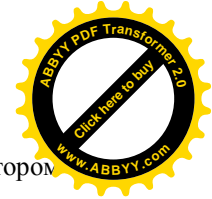

зводить лишь русский язык во все приходы без исключения, постепенно продвигаясь в деле русификации католиков [935, s. 226].

Э. Ропп писал в 1906 г. в редакцию «Литовского курьера», что католический народ не желает и не добивается употребления в костелах белорусского языка, а чит только своим языком в костеле польский [935, s. 228]. Виленский епископ Э. Ропп интерпретировал перед правительством империи указ от 30 сентября 1906 г., что он не упразднял декрета 1877 г., что оба эти документа касаются совершенно разных постановлений Римской курии: декрет 1877 г. следует понимать в смысле отрицательного ответа на предложение правительства заменить польский язык в «дополнительном» богослужении русским языком, а распоряжение от 30 сентября 1906 г. никакой речи о замене не ведет, лишь признает право употребления за русским католическим населением русского языка в «дополнительном» богослужении. В ходе последующей переписки Мери-дель-Валя с Э. Роппом 16 июня 1907 г. последовало официальное письмо Мери-дель-Валя к римско-католическим епископам Российской империи. В нем говорилось, что все документы, изданные Римским двором, касаются лишь провинции, известной под названием Великой Руси, а не Беларуси, Украины и Литвы [935, s. 226–227]. Конечно же, такое уточнение не могло остановить намерений правительства и в дальнейшем вводить русский язык в римско-католическое богослужение.

Из всех литовско-белорусских губерний наиболее активно внедрение русского языка происходило именно в Минской губернии. Белорусский след увидел в вопросе о том, почему именно Минская губерния была избрана для натиска в продвижении русского языка в римско-католическое богослужение, М. Ромер. Он утверждал, что белорусский элемент тем слабее и тем менее индивидуален, чем он ближе к западной границе, и тем более крепок и самобытен, чем ближе к своему центру в Минской губернии [681, с. 362]. Но поскольку правительство видело в белорусах русских людей, соответственно сопротивление «русских» людей было бы, по идее, меньше. В таком случае Могилевская и Витебская губернии не представляли интереса для натиска в введении русского языка. Хотя, если смотреть на проблему со стороны римско-католического населения, то именно в срединном центре противостояния, где как бы уравнивалось православное и римско-католическое влияние, католическое население не могло так активно выразить протест, как в Виленской и Гродненской губерниях. Ведь на практике ксендзы решали вводить русский язык, а не местное население.

По подсчетах П. Терешковича, на начало 60-х гг. XIX в. наибольший удельный вес поляков был на северо-западе Беларуси, где было сконцентрировано до 70 % всего польского населения. В минской и «белорусской» частях Виленской губернии поляки составляли соответственно 11,4 % и 21 % жителей. В отдельных уездах – Вилейском и Дисненском – удельный вес поляков достигал 25 %. В то же

крестьянина к религии, к римско-католическому костелу, в котором польскость присутствовала каждый день» [1032, s. 152].

Под влиянием революции 1905–1907 гг. количество тайных школ значительно увеличилось. Указом Николая II от 24 августа 1906 г. были отменены правила о наказаниях за обучение в них. Но вопрос о разрешении национальных школ – как заметила С.В. Снапковская – так и не был разрешен, что давало почву для деятельности тайных учебных учреждений. Они были почти единственным средством для получения образования на родном языке широким кругам населения. При всех недостатках тайные школы смогли противостоять тотальной политике русификации. Через них прошло немало представителей белорусского возрождения, в том числе Я. Купала, П. Мяделка, Ядвигин Ш. Что касается позиции католического костела, то он, оберегая интересы польского и непольского католического населения, объективно поддерживал борьбу белорусского и литовского населения за собственную национальную школу [739, с. 108–109].

Высочайшим указом от 17 апреля 1905 г. (п. 14) было даровано право преподавания Закона Божьего учащимся во всех учебных заведениях на их природном языке. При решении вопроса о природном языке учащихся в школах, по личному разъяснению Виленского генерал-губернатора, следовало отдавать предпочтение тем объективным сведениям о языке учащихся, которые поступали от должностных лиц полиции и волостных правлений. К примеру, во втором земском участке Гродненского уезда, по донесению Гродненского полицейского уездного управления от 24 ноября 1905 г., население состояло исключительно из белорусов, говоривших на своем природном белорусском языке. Таким образом, и Закон Божий учащимся римско-католического вероисповедания в народных училищах, располагавшихся в районе 2-го земского участка, мог преподаваться лишь на их природном языке (читай - русском) [672, л. 4]. Что касается преподавания польского языка, то в силу высочайшего указа 1 мая 1905 г. (п. 6) подобное допускалось лишь в учебных заведениях с программами двухклассных и городских училищ и при том, где большинство учащихся римско-католического вероисповедания принадлежали к польской народности. Об открытии особых школ с введением преподавания на польском языке в означенном выше высочайшем указе совсем не упоминалось. Подобные школы следовало закрывать мерами полиции, а лиц, способствовавших их открытию, привлекать к ответственности согласно правилам от 3 апреля 1896 г. [672, л. 25].

развитие тайного образования, главным вдохновителем которого сейчас становится римско-католическое духовенство. Виленский католический епископ предписал в октябре 1905 г. приходским ксендзам основывать школки с польским языком обучения. Одновременно ксендзы призывали своих прихожан к бойкоту российской школы, покуда там не будет преподаваться польский язык. Несмотря на преследования, штрафы и аресты учителей, тайное образование продолжало существовать. Согласно архивным данным, только в одной Гродненской губернии за период 1907–1910 гг. было раскрыто полицией 18 тайных школ, среди которых значительное большинство учителей принадлежало к римско-католической конфессии (заметим, что не сами ксендзы преподавали). Царский чиновник Ромейков объяснял в ноябре 1905 г. причину посещения белорусскоязычными крестьянами-католиками тайной польской школы тем, что на польском языке разговаривают ксендзы и на этом языке нужно молиться. Свой рапорт Ромейков суммировал следующим выражением: «До того времени, покуда дополнительное богослужение в костелах белорусского края будет проводиться на польском языке, тайные польские школы будут существовать и содействовать полонизации края» [770, с. 63].

В мемуаристике Мария Чапская с Минщины вспоминает про своих крестьян: «Родители наших учеников очень заботились о польском языке, хотя между собой говорили по-белорусски и не имели выраженного национального сознания: на вопрос, поляки ли они, отвечали, что они «местные», сознавая свое отличие, но католичество и польскость были панскими, и это их притягивало» [45, с. 86].

Несомненным является то, что тайные школы с польским языком обучения являлись шагом к последующей национально-культурной ассимиляции этнически белорусского крестьянства. Многочисленные источники позволяют утверждать, что большая часть белорусов-католиков Гродненщины (также и других белорусских земель – А.Г.) считала и называла себя на начало XX в. поляками. Последствием процесса полонизации было постепенное вытеснение собственного «простого» языка крестьян и их традиционной культуры, которую деревенские жители часто не считали нужным сохранить [770, с. 65].

Наверное, стоит согласиться с польским исследователем Р. Радиком, отметившим, что «обращение к польскому языку не было вызвано любовью к Польше и ее идеологическому образу – надлокальному отечеству, но исходило от сильной привязанности

время на востоке Беларуси (Могилевская и Витебская губернии) удельный вес поляков был значительно меньше – 3,2 % населения. Относительно небольшим было польское население в западном и восточном Полесье – 4,4 % населения. В конфессиональном отношении преобладающее большинство поляков составляли римско-католики. По замечанию П. Терешковича, а также статистическим данным, католическое вероисповедание не было тождественно польской этнической принадлежности. Общая численность (616 тыс. чел.) и удельный вес (18 %) католического населения почти в два раза превышает соответствующие показатели поляков. Вместе с тем, пространственные тенденции размещения католиков и поляков приблизительно совпадали. До 76 % католиков было сконцентрировано на северо-западе Беларуси. Наивысшие показатели удельного веса были в Ошмянском, Лидском и Волковысском уездах (соответственно 72,4 %, 55,1 %, 52,1 %), а в среднем по региону – 33,5 %. В то же время на востоке католики составляли 4,1 % населения, при этом в Городокском уезде он был самым низким в Беларуси – 0,8 % жителей [795, с. 354–355].

Ю. Жискар, будучи миссионером в Минской губернии в 90-е гг. XIX в., утверждал, что чем ближе к Виленской губернии, тем народ более боязлив, а чем ближе к Могилевской губернии, тем менее сила его веры [1125, с. 230]. Л.Е.Земляков, проанализировав данные социологических опросов об уровне и динамике религиозности разных слоев населения Беларуси в последние десятилетия XX в., отмечал, что уровень декларации религиозности в западной и восточной частях Беларуси очень близок, однако верующие на западе Беларуси последовательнее в своем религиозном поведении: они чаще посещают храмы, чаще молятся, более настойчивы в религиозном воспитании детей [349, с. 60]. Если принять во внимание традиционные индикаторы религиозности населения, такие, как уровень деклараций веры, религиозная самоидентификация, религиозное поведение и др., то следует признать, что в районах, граничащих с территорией бывшей Западной Беларуси, модель религиозной культуры оказывается гораздо ближе к модели запада, чем востока Беларуси [349, с. 61].

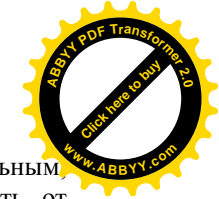
Стоит отметить и труд Р.Ф. Эркерта, который наверняка учло правительство в проведении русского языка именно в Минской губернии. Р.Ф. Эркерт отмечал, что «в губерниях Витебской, Могилевской и восточной части Минской термин «белорус» для определения национальности и «белорусский» для определения языка, никому среди населения не известен. Человек из народа называет свой язык простым, а себя самого русским, часто даже литвином или просто крестьянином (как противопоставление по сравнению с польской шляхтой)» [842, с. 8]. Значит, в случае победы русского языка в Витебской и Могилевской губерниях нельзя было говорить об

успешной русификации костела, ведь элемент польскости здесь был значительно слабее. А вот при победе "русскости" в Минской губернии можно было заявлять, что народ действительно хотел и может молиться на русском языке, дабы потом, используя это как пример волеизъявления народа, а также на основе полученного правительством опыта, заняться более западными губерниями.

А.В. Жиркевич ставил вопрос по-другому: почему именно в Минской губернии так долго держался русский язык в «дополнительном» римско-католическом богослужении? Он находил ответ в том, что Минская губерния была вовремя отсоединена от управления Виленского генерал-губернаторства, тем самым «мертвящая рука генерал-губернаторов не простерлась в Минскую губернию, а предоставленное само по себе дело пустило корни в почву, и если не зацвело, то все-таки держалось в ней» [325, с. 647]. Но это суждение сразу же опровергается тем, что Минская губерния, точнее бывшая Минская римско-католическая епархия, была подотчетна Виленскому римско-католическому епископу, который в свою очередь и шагу не мог ступить без разрешения Виленского генерал-губернатора. Но в суждениях А.В. Жиркевича есть рациональное зерно. В 1883 г. упраздненную Минскую епархию переподчинили Могилевскому архиепископу, видимо, потому, что видели полный провал деятельности Виленского епархиального руководства в деле введения русского языка. Это подтверждается и ситуацией в руководстве Виленской епархией: если взглянуть на назначенных с этого года Виленских епископов, особенно К. Гриневицкого, С. Зверовича, становится понятно, что именно они активно действовали на ниве на защиты традиций костела. Этого нельзя сказать о Могилевских архиепископах, ограничивавшихся лишь заявительным принципом, исключение в этом случае составляет лишь суффраган Ф.А. Симон, и то являвшийся заместителем митрополита М. Козловского. К тому же следует учитывать непосредственную близость к правительственному управляющему центру – г. Санкт-Петербургу.

Встает еще более интересный вопрос: так чего же добилось правительство Российской империи, в ходе удержания русского языка в костелах Минской губернии, недопущения к занятию вакантных приходов? Из таблицы, приведенной В. Яновской в книге «Канфессии на Беларуси (канец XVIII – XX ст.)», видно, что увеличение числа православных в период с 1864 г. по 1897 г. произошло в Минской губернии с 716,4 тысяч человек до 1558,3 тыс., прирост составил 217,5 % – второй по численности результат после Виленской губернии, прирост у которой составил 348,7 % (с 119,1 тыс. – до 415,3 тыс.). В губерниях Витебской, Могилевской, Гродненской соответственно – 185,6 % (444,9 тыс. – до 825,6 тыс.), 189,9 % (с 738,3 тыс. – до 1402,2 тыс.), 188,9 % (с 483,4 тыс. – до 913,3 тыс.) [843, с. 180]. Если подсчитать разность этих чисел, то получим, что по численности самое большое

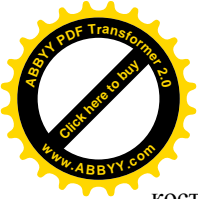

по мнению Гродненского губернатора – стало бы затруднительным, так как в каждом отдельном случае решение будет зависеть от местного ксендза, могущего заявить, что данное лицо производило обучение с его разрешения. Вместе с тем отсутствие правительственного надзора давало повод опасаться, что небольшие школы, предназначенные собственно только для обучения молитвам и началам катехизиса, могли бы обратиться в «рассадники польских национальных и сепаратистских тенденций». К тому же язык преподавания в них был бы польский [612, л. 46–48].

В 1899 г. совещание предводителей дворянства и мировых посредников Гродненской губернии признало свою полную беспомощность в борьбе с тайными польскими школами. Они отметили, что с такой силой, как римско-католический костел, никто справиться не в силах. И все же предлагали бороться с тайными школами открытием большего числа церковно-приходских школ и школ грамоты. Предложение кажется немного странным, так как сами же они же и подчеркнули на совещании, что даже православные крестьяне, не говоря уже о римско-католиках, неохотно посылали своих детей в открытые православным духовенством школы, и только училища ведомства Министерства народного просвещения могли бы, и то после борьбы с происками и стремлениями ксендзов, привлечь детей школьного возраста в свои стены. Более того, они же и признали, что Министерские начальные училища, которых в губернии насчитывалось в 1899 г. 326, против 100 церковно-приходских и 1 105 школ грамоты (одно училище приходилось в среднем на 105,4 квадратных версты, на 3 172 жителя и в этих училищах обучалось до 18,2 % детей школьного возраста), более других давали возможность населению основательно научиться русской грамоте, и окончившие в них курс менее подвержены были рецидивам безграмотности, а самое образовательное дело поставлено на сравнительно более прочные основания [407, с. 76, 78]. Как видим, победило воспитание «русского духа истинно русских», а не образовательные стремления.

В 1901 г. минский губернатор Н. Урусов в рапорте о положении губернии признал наличие в крае польских тайных школ в местностях с большим количеством римско-католиков [928, с. 124].

Под влиянием событий революции 1905 г. царское правительство пошло на уступки национальным меньшинствам империи в деле организации образования на их родном языке. 22 апреля 1906 г. император разрешил преподавать польский язык в той части Гродненской губернии, которая граничила с Королевством Польским. К этому шагу правительство подтолкнуло массовое

Заслуживает внимание рапорт настоятеля Данюшевского костела Свенцянского уезда Виленской губернии ксендза Никазия Гинтовта от 17 июня 1903 г., с которым он обратился к временно управляющему Виленской римско-католической епархией канонику В. Фронцкевичу о разрешении ему поручить некоторым его прихожанам, хорошо ознакомленным с главными истинами веры, обучать таковым детей римско-католического вероисповедания с целью приготовления последних к первой исповеди и Св. Причастию. Мотивы, побудившие ксендза, были следующие: отсутствие умения родителями правильного чтения молитвы Господней, Верую, десять Божьих Заповедей, пяти костельных главных истин веры, не говоря уже о чем-либо большем – вследствие чего заучивание с детьми родителями производилось обыкновенно с перековеркиванием слов, в силу чего вместо молитвы «творилось нечто необыкновенное и языческое». Посылание детей в костел на катехизис на деревне в понятиях народа не соблюдалось: зимой – по поводу недостатка обуви и одежды по причине бедности а летом – из-за недостатка времени, так как всякий ребенок, достигший десятилетнего возраста, должен был пасти ежедневно скот или ухаживать за малолетними своими братьями и сестрами. К тому же, не следует забывать и о других препятствиях, как, например, значительное расстояние от приходского костела за 20 и более верст и т.д. Признавая замечания ксендза Н. Гинтовта вполне заслуживающими уважения и принимая во внимание, что почти повсеместно существовал подобный порядок вещей, где вследствие отдаленности местожительства от костела или многочисленности парафиан, поучения главным истинам веры не могли быть исполняемы духовным лицом, В. Фронцкевич обратился с прошением от 21 июня 1903 г. к Виленскому генерал-губернатору разрешить священнослужителям в подобных случаях поручать наставлению детей в знании главных истин веры лицам, ими же избранным. Но, естественно, просьба временно управляющего Виленской епархией не была удовлетворена. Ведь в пределах империи обучение детей грамоте и первоначальным истинам веры производилось только в правительственных и частных школах, преподаватели которых должны были удовлетворять известным требованиям в отношении их образовательного ценза и находились под надлежащим контролем. Для детей римско-католического исповедания в районе Виленской епархии, в противном случае, были бы открыты, в сущности, ряд школ на особых основаниях, ускользающих от правительственного надзора и контроля. К тому же при осуществлении намеченных каноником В. Фронцкевичем предложений, преследование тайного обучения детей –

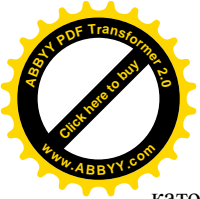
прибавление по православию получила Минская губерния – 841,9 тыс. человек, далее, по уменьшению, следует Могилевская (663,9 тыс. человек), Гродненская (429,9 тыс. человек), Витебская (380,7 тыс. чел), Виленская (296,2 тыс. чел) губернии.

Таблица 2.1 – Прирост численности православных и римско-католиков за 1864–1897 гг., тыс. чел.

Название губернии	Православные			Римско-католики		
	1864г.	1897г.	прирост,%	1864г.	1897г.	прирост,%
Виленская	119,4	415,3	348,7	607,5	935,8	154,0
Витебская	444,9	825,6	185,6	230,2	357,3	155,2
Минская	716,4	1558,3	217,5	179,9	217,9	121,1
Могилевская	738,3	1402,2	189,9	43,0	50,1	116,5
Гродненская	483,4	913,3	188,9	273,1	386,5	141,5
Всего	2502,1	5114,7	204,4	1333,7	1947,5	146,0

Источник – Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В.Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск.: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с. – С. 75

В то же время взглянем на численность по римско-католикам. Наибольший прирост за 1864–1897 гг. был, по уменьшению, в Витебской губернии – 155,2 % (с 230,2 тыс. человек – до 357,3 тыс. человек), Виленской губернии – 154 % (с 607,5 тыс. человек – до 935,8 тыс. чел), Гродненской губернии (с 273,1 тыс. человек – до 386,5 тыс. чел), Минской губернии (с 179,9 тыс. человек – до 217,9 тыс. человек), Могилевской губернии (с 43 тыс. человек – до 50,1 тыс. чел) [843, с. 180]. Теперь взглянем на разность чисел: по уменьшению, Виленская губерния – 328,3 тыс. человек, Витебская губерния – 127,1 тыс. человек, Гродненская губерния – 113,4 тыс. чел, Минская губерния – 38 тыс. человек, Могилевская губерния – 7, 1 тыс. чел. Значит, прирост римско-католиков в соотношении с православными составил в Виленской губернии – 1 к 0,90, в Гродненской губернии – 1 к 3,79, в Минской губернии – 1 к 22,15, в Витебской губернии – 1 к 2,99, в Могилевской губернии – 1 к 93,5. Определенный успех правительства на лицо! Здесь заслуга всей политики, направленной на ослабление позиций костела, и роль Ф. Сенчиковского здесь есть, и других «ритуалистов», и поддержка православия, переходов из католицизма в православие – но все же! В поддержку данного положения приведем слова Д.Н. Чихачева: «Весьма замечательно, что дети, крещенные Ф. Сенчиковским по римско-католическому обряду, но с произнесением молитв по-русски, называются прихожанами не иначе, как русскими» [830, с. 15].

Трагично сложились судьбы тех представителей римско-католического духовенства, кто активно поддерживал введение русского языка в римско-католическое богослужение.

Э. Тупальский за свои поступки был убит. Убийство его общество восприняло как справедливое наказание небес, сочувствовало убийце, которого поймала прусская полиция [878, с. 45]. Польская общественность осуждала Э. Тупальского в связях с муравьевской полицией [731, с. 66].

Вследствие заключения конкордата с Римской Курией, 15 марта 1883 г. прелат Могилевского архикафедрального капитула Карл Гриневицкий, состоявший с 1875 г. под надзором полиции из-за сопротивления введения русского языка в римско-католическое богослужение, побывав предварительно на аудиенции у Римского Папы, был преканонизован в сан Виленского епископа. 13 апреля 1883 г. К. Гриневицкий был высочайше утвержден на вакантную Виленскую епископскую кафедру [182, л. 574]. 15 апреля 1883 г. вступил в управление епархией. 20 апреля 1883 г. К. Гриневицкий разослал губернаторам письма, в которых высказал заверение, что единственным стремлением его, как управляющего епархией, будет ревностное служение римско-католической церкви, принесение посильной пользы престолу и Отечеству [178, л. 4]. 25 апреля 1883 г. в день св. Марка Евангелиста он посвящен был в сан Виленского епископа в Санкт-Петербургском костеле св. Екатерины Варшавским архиепископом Феофилом Викентием Попеллом в сослужении епископов Куявско-Калишского Александра Бересневича и Келецкого Фомы Куненского [974, с. 72].

Родился Кароль Гриневицкий в Белостокском уезде Гродненской губернии. По окончании Минской духовной семинарии и академии в г. Санкт-Петербурге в 1867 г. стал священником. В 1868 г. служил капелланом в г. Орше, а после некоторого времени – профессором в римско-католической академии в г. Санкт-Петербурге, в 1877 г. – инспектором [974, с. 72]. Епископ Кароль Гриневицкий, исходя из установленной римско-католическим костелом традиции, считал что языком богослужения может быть только латинский и польский языки [1057, с. 20].

Еще 8 апреля 1883 г. Виленский генерал-губернатор распорядился не запрещать подведомственному духовенству и отдельным лицам встречать нового епископа, но не следовало допускать никакой публичной манифестации со стороны местного населения [178, л. 1]. Журнал «Русь» отобразил на своих страницах сцену встречи епископа. «От вокзала до епископского дома все

следует относить не только польские, но и все «незаконные» школы. Но поскольку большая часть тайных школ относится именно к польским, имеется в виду преподавание польского языка, то и свободная ниша в большей степени относится именно к польским тайным школам. Таким образом, общее количество школ по Виленскому учебному округу, при условии обучения всех детей, могло бы быть в 18,6 раз больше, чем существовавших официально. Для сравнения по Варшавскому учебному округу потенциал составлял 9,8, по Санкт-Петербургскому – 12, по Дерптскому – 2,6, по Киевскому – 13,9, в целом, по империи – 12,7 [497, с. 15–18].

По мнению С.М. Токтя, усилия царского правительства бороться полицейскими мерами с нелегальным образованием в католической деревне не могли принести успеха, поскольку тайные школы были тесно связаны с костелом и верой: настоящим католиком, распространенных среди крестьян представлений, мог стать только тот, кто научился самостоятельно читать молитвенник. Несмотря на все запретительные меры, многие крестьяне-католики, согласно переписи 1897 г., отмечали умение писать и читать по-польски. Причем в переписных листах они часто подчеркивали, что научились польской грамоте в костеле [770, с. 60]. Отсюда логично предположить, что ксендзы не занимались открытием тайных польских школ, имея в виду самостоятельную отдельно взятую школу, а непосредственно в самом костеле давали необходимые указания, как читать молитвы, как правильно произносить слова и т.д. Это и обеспечивало большую неприкосновенность со стороны правительственных карательных органов. Ведь гораздо труднее было в таком случае уличить ксендза в преподавании польского языка. Исследователи часто обращают внимание на разницу уровня письменности католического и православного населения. Согласно данным переписи 1897 г. среди православных белорусов Гродненской губернии процент письменных составлял 17,3, а среди католиков – 35,4. Причем среди женщин православного вероисповедания отмеченный показатель составлял всего 5,3%, а среди католичек – 31,2 %. Подобная ситуация, по мнению С.М. Токтя, являлась следствием активной просветительской деятельности католического духовенства, которую оно проводило, не обращая внимания на репрессии со стороны государственной власти. Естественно, что костельная наука обычно ограничивалась умением читать молитвенник. Тем не менее это должно было иметь влияние на жизнь крестьянской общины, в частности, на ментальность самих деревенских жителей [770, с. 87–88].

Градация грамотности	Название уездов							
	г. Вильно	Виленский	Вилейский	Дисненский	Лидский	Ошмянский	Свенянский	Трокский
Max.	53,9	17,3	40,9	39	43,9	32,8	35,3	28,2
	1896 г.	1896 г.	1897 г.	1897 г.	1897 г.	1896 г.	1897 г.	1896 г.
Min.	36,9	8,7	15,4	14,6	19,6	19,6	18,1	12,5
	1894 г.	1890 г.	1888 г.	1888 г.	1892 г.	1888 г.	1891 г.	1889 г.

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год; под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. II. – С. 126.

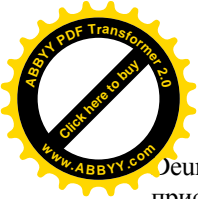
Не входя в дальнейшие подробности, в общем можно констатировать, что процент грамотности во второй половине 90-х гг. XIX в. возрос в каждом уезде, как это видно из указанных выше максимальных чисел.

Каков был реальный потенциал народных училищ, или лучше сказать потенциал тайных школ, включая сюда как и польские, так и русские, немецкие, французские и др. – по языку преподавания в них? И вовсе не обязательно, что римско-католики занимались преподаванием польского языка. Зачастую они преподавали немецкий, французский и даже русский языки, в зависимости от сословного и территориального происхождения [241, л. 5]. В книге «Начальное обучение» находим следующие данные, отражающие численность училищ на 20 марта 1880 г. по Виленскому учебному округу: в Виленской губернии – 244, в Гродненской – 386, в Ковенской – 179, в Витебской – 168, в Могилевской – 184, в Минской – 353 – всего 1 514. Далее авторы приводят потенциальное, нормальное число училищ, если бы в учебном округе училось все население: в Виленской губернии – 5 014, в Гродненской – 3 854, в Ковенской – 3 928, в Витебской – 4 744, в Могилевской – 4 535, в Минской – 6 089 – всего 28 164. Соответственно, число училищ увеличилось бы в Виленской губернии в 20,4 раза, в Гродненской – 10, в Ковенской – 21,9, в Витебской – 28,2, в Могилевской – 24,7, в Минской – 17,3; в целом, 18,6 раз [497, с. 14]. Как видим, правительственных, законных, школ не хватало, что и в некоторой степени и вызывало появление тайных школ. Таким образом, не только и не столько русификаторская политика властей отыграла здесь свою роль, но и желание населения дать своим детям образование. Безусловно, что в разряд тайных школ

пространство было наполнено народом. Но во избежание давки (скорее во избежание воодушевления народа, которое могло обратиться против правительственных властей – А.Г.), провезли епископа по другим улицам. Когда под колоннадой кафедры случайно спал с епископа плащ, то публика мгновенно разорвала его на мелкие части и разобрала на память. В кафедре, битком набитой народом, во время шествия его к алтарю дамы бросали под ноги его свои мантильи, шали, кружева, цветы. По выходе из храма более богатые и знатные провожали его в дом опять среди громадной толпы народа, которая бросалась на колени и целовала стены его дома. В следующий праздник, новый епископ в соборе сказал проповедь огромному числу слушателей. Сущность ее была такова. «Вы меня встретили с редким радушием и преданностью. Если все это относится ко мне только как к смиренному служителю алтаря, я принимаю с благодарностью, если же вы разумеете нечто, выходящее из области религии и имеющее отношение с прежними несчастными временами, то я наперед объявляю, что во мне не найдете ничего подобного. И не только во мне, но и в моих подчиненных, которых я буду строго преследовать за всякое уклонение с чисто религиозного пути. Можно, пожалуй, поверить, что новый Виленский римско-католический епископ будет русским епископом, а не польским», - таков был вывод корреспондента журнала «Русь» [692, с. 37].

А вот как встречу епископа подает официальный орган Виленского католического капитула «Dziennik Poznański». «Власти, опасаясь демонстраций со стороны прихожан, отдали приказ, чтобы епископ со станции железнодорожного вокзала ехал не к Острой Бреме, а прямо в кафедру. Запрещена была всякая встреча епископа с представителями города. Конвой из казаков стерег карету епископа, чтобы население не выпрягло лошадей из экипажа. План властей был бы исполнен, если бы не решительность и самостоятельность епископа, который приказал ехать прямо к Острой Бреме по главной дороге. Далее, опуская непосредственную встречу с прихожанами, епископ с амвона произнес речь, полную энергии и жизненной силы. В речи этой чувствовалось, что епископ Гриневицкий, хоть и молод, не испугается угроз московских властей, но смело будет шествовать по пути, который указывает ему не только церковный сан, но прежде всего народность» [887, с. 34].

Виленская римско-католическая консистория спешно распорядилась (наверное, чтобы снизить гнев епископа на происходившие в епархии события) к приезду епископа в г. Вильно, чтобы духовенство отслужило благодарственное молебствие «Те

Deum», а в следующие восемь дней к литургическим молитвам присоединены были молитвы за епископа, причем в один свободный из этих восьми дней каждый священник отслужил за епископа обедню и независимо от этого и на будущее время по воскресным и праздничным дням и, вообще, при всех торжественных молебствиях священники пели бы молитву «Pro Episcopo», в литургиях же произносили имя епископа [779, л. 38]. Этот указ подписали ассессор, прелат А. Копцегович, секретарь Поразинский, столоначальник Александрович. Но это не уберегло священнослужителей. «За безнравственное поведение и прелюбодеяние, дошедшее до того, что жены уже оставляют своих мужей, о чем имеются у его преосвященства несомненные доказательства, за злоупотребление святой исповедью для своих гнусных прихотей, за святотатственное поругание святых даров, таинств и божественной литургии» Виленский епископ К. Гриневицкий по собственному своему убеждению на основании канонических правил 21 июня 1883 г. в присутствии членов Виленской римско-католической консистории воспретил ее заседателю прелату А. Копцеговичу раз и навсегда священнодействие во вверенной ему епархии. А на место А. Копцеговича был поставлен каноник Урбанович [779, л. 65]. Заметим, что император в награду за отличную ревностную и полезную службу 13 апреля 1875 г. причислил А. Копцеговича к ордену св. Станислава 2-й степени [182, л. 1].

Параллельно К. Гриневицкий стал возвышать ксендзов, заслуживших доверие своими поступками: 12 июля 1883 г. возведены в сан прелата каноник (с 1859 г.) Виленского кафедрального капитула Людвиг Зданович (с 1877 г. по 1886 г. был делегатом в Римско-Католической Духовной Коллегии) и в сан каноника Виленского капитула - Матвей Герасимович. По соглашению с министром внутренних дел, его преосвященство предоставил канонику Герасимовичу вакантную должность официала Виленской римско-католической духовной консистории [779, л. 68; 974, s. 73–74]. На должность декана и настоятеля Виленского костела св. Духа К. Гриневицким предназначался викарный Ворненского костела ксендз Шилейко, который, вследствие обнаруженной в нем крайней неблагонадежности в политическом отношении, был лишен этих же самых должностей в 1869 г., а в следующем 1870 г. был даже выслан из г. Вильно и заключен в Несвижский монастырь Минской губернии за составление анонимных писем к прелату П. Жилинскому и к тем ксендзам, которые содействовали введению русского языка в римско-католическое богослужение. Кроме того, ксендз этот еще в 1863 г. был

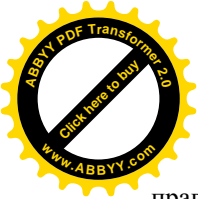
Таблица – Процентное отношение принятых грамотных новобранцев к общему числу принятых призывных в Виленской губернии в 1888–1897 гг.

Год Призыва	Название уездов								
	г. Вильно	Виленский	Вилейский	Дисненский	Лидский	Опмянский	Свенянский	Трокский	Итого
1888	42,8	16,6	15,4	14,6	23,4	19,1	23,8	13,3	19,5
1889	52,2	21,1	16,9	18	27,1	20,8	22	12,5	21,9
1890	47,8	8,7	25,5	18,6	25,3	21,4	19,1	14,9	20,8
1891	44,4	9,9	25	17,8	22	22,4	18,1	18,8	20,6
1892	53,8	9,9	20,6	21,7	19,6	23,3	24,8	21,4	22,1
1893	45,0	12,3	20,7	23	29,2	22	22,5	20,1	22,8
1894	36,9	11,9	23,1	27,9	26,1	25,1	27	20,5	23,6
1895	47,8	13,7	37,5	27,6	34,6	28,7	30	25,6	29,1
1896	53,9	17,3	34,2	31,9	34,7	32,8	30,4	28,2	31,1
1897	45,6	17	40,9	39	43,9	29,9	35,3	25,7	34,1
Среднее годовое число	43,3	13,7	26,1	24,1	28,9	24,4	25,2	20,3	24,6

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год; под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. II. – С. 125.

Вникая в детали приведенных выше таблиц, легко заметить, что число школ было распределено по Виленской губернии неравномерно. К примеру, в Виленском уезде 1 школа приходилась на 7 742 жителя, а в Дисненском – на 1 119,9. Неравномерность распространения грамотности в народе находит также подтверждение в том факте, что в Виленском уезде на одного учащегося приходилась 159,3 человек населения, а в Дисненском лишь 41,7 человек. Что касается каждого уезда в отдельности, то и на его территории школы распределялись неравномерно: в одном месте уезда их больше, а в другом меньше. Этим обстоятельством возможно объяснить значительное ежегодное колебание процента грамотных для одного и того же уезда, как это видно из таблицы. В следующей таблице указаны максимумы и минимумы процента грамотности для каждого уезда, причем, в числителе проставлен процент грамотности, а в знаменателе соответствующий год.

Таблица – Процентное отношение (max. и min.) грамотности населения в Виленской губернии за соответствующие года.

Из таблицы видно, что христианских (в большинстве своем, православных) учебных заведений в 1887 г. состояло 326 и затем число их постепенно сокращалось, так что к 1898 г. осталось 256 заведений. То есть за 11 летний период времени число их уменьшилось на 70 учебных заведений. Подобное уменьшение замечается и между специальными еврейскими учебными заведениями до 1894 г.: в 1887 г. их насчитывалось 173, затем число это быстро падало из года в год и достигло 134 в 1893 г.; потом наступило обратное явление, и в 1897 г. число учебных заведений достигло 698, то есть за тот же период число еврейских учебных заведений (хедеров) увеличилось на 526. Церковно-приходских школ и школ грамоты было в 1887 г. – 334, затем число это то увеличивалось, то падало и в 1897 г. возросло до 692 заведений, то есть увеличилось за этот период на 358 школ.

О степени распределения грамотности в народе по Виленской губернии можно иметь некоторое представление из рассмотрения данных, заключенных в нижеприведенных таблицах:

Таблица – Количество народных, церковно-приходских школ и школ грамотности в Виленской губернии по состоянию на 1 января 1898 г.

Название уездов	Общее количество школ в уезде		В народных, церковн.-прих. школах и школах грамоты обучалось			Всего населения в уездах	На I обучающего	На I школу
	народных	церк.-прих. и шк. грамоты	муж.	жен.	обоего пола		приходится учителей	
Виленский	25	21	2 015	220	2 235	356 149	159,3	7 742,3
Вилейский	32	156	4 245	617	4 862	216 187	44,4	1 149,9
Дисненский	28	160	4 247	794	5 041	210 489	41,7	1 119,9
Лидский	26	121	3 433	417	3 850	201 618	52,3	1 371,5
Ошмянский	32	64	3 201	496	3 697	231 619	62,6	2 412,6
Свенцянский	29	47	2 681	406	3 087	190 074	61,5	2 500,9
Трокский	19	14	1 312	212	1 524	216 394	141,9	6 577,3

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год; под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. II. – С. 125.

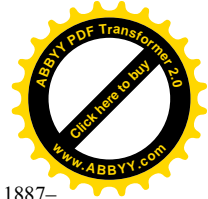
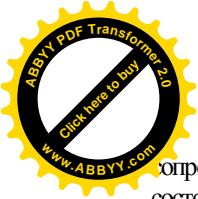
Следующая таблица составлена на основании сведений Виленского губернского по воинской повинности присутствия.

подвергнут аресту и денежному штрафу в размере 100 руб. за укрывание участника восстания Буковского [326, с. 46–47]. Виленский епископ К. Гриневицкий добился того, чтобы на должность капеллана Гродненского бригитского монастыря был назначен 4 января 1884 г. вместо старого настоятеля филиального Красникского костела ксендза Бенедикта Здитовецкого находящийся в г. Вильно без должности ксендз Ксаверий Яниславский [188, л. 8].

Деятельность епископа К. Гриневицкого обернулась против прелата П. Жилинского и его приспешников, что вызвало необыкновенное сочувствие к вновь поставленному епископу у католической паствы. Непопулярный прелат П. Жилинский, сделавшийся во время управления епархией одним из крупных домовладельцев г. Вильно, решил искать примирения с Римом. 31 декабря 1882 г. прелат П. Жилинский по расстроенному здоровью (так звучала официальная версия) отправился в отпуск за границу, а временное управление епархией было поручено вице-официалу Виленской римско-католической консистории прелату Клементию Линкину, отмеченному 27 марта 1877 г. орденом св. Анны 3 степени за содействие введению русского языка в римско-католическое богослужение [219, л. 137; 779, л. 1]. П. Жилинский отправился в Рим в костел св. Петра с целью покаяния. Но его не допустили к принятию св. таинств, ибо П. Жилинский состоял под запрещением, и полагалось обратиться сперва к суду св. Инквизиции, пред которым он и предстал. После суда бывший администратор Виленской епархии, покинув гостиницу, отправился в монастырь воскресенцев, где немедленно подчинился церковному покаянию: отрекся от всех прежних своих заблуждений, низложил все полученные звания и достоинства, пообещав послушание и верность в будущем. В то же время в письме к временно управляющему епархией прелату Линкину от 17 апреля 1883 г. П. Жилинский выразил желание вернуться в епархию и вести духовное служение [326, с. 38].

Виленский епископ К. Гриневицкий еще до своего приезда в г. Вильно обратился к Виленскому генерал-губернатору с заявлением, что ввиду преклонных лет прелата П. Жилинского и беспорядочного заведования церковным имуществом его, как настоятеля Остробрамского прихода, он, К. Гриневицкий, находит нужным уволить от должности настоятеля прихода и часовни Божьей Матери [326, с. 41].

Вернувшись через два года в г. Вильно, П. Жилинский 25 января 1885 г. подал на имя Виленского генерал-губернатора прошение с просьбой поставить его на прежнее место настоятелем Остробрамского приходского костела, на которое назначил его еще 29 мая 1864 г. М.Н. Муравьев, а также заявил о своих правах как прелата-препозита, что у него отняли все капитульные книги и, наконец, что

сопровождавший епископа в то время в г. Санкт-Петербург ксендз Рачковский, состоя викарным Остробрамского костела, по приказанию епископа К. Гриневицкого, снял все русские надписи [326, с. 41–42]. Но правительство не было заинтересовано в восстановлении и дальнейшей службе П. Жилинского. В 1887 г. в Вильно он скончался.

Гнев К. Гриневицкого пал и на других ксендзов, активно сотрудничавших с властями, ведя богослужение на русском языке. Гриневицкий воспретил прелату А. Копцеговичу вести свою духовную деятельность, вычеркнув в рубрицелии на 1885 г. его фамилию из списка членов капитула, а настоятеля Гродненского фарного костела ксендза И. Малышевича за превышение власти, за то, что имел ребенка, за совершение проповеди в нетрезвом состоянии – отлучил от костела, также вычеркнув и его фамилию [806, л. 88].

13 июля 1883 г. Виленский генерал-губернатор Никитин отклонил предложение Виленского епископа К. Гриневицкого от 26 июня относительно смещения ксендза И. Малышевича с должности настоятеля Фарного костела и Гродненского декана [179, л. 6]. К. Гриневицкий полагал на эту должность назначить ксендза Викентия Урбановича, переведенного в 1882 г. из Варшавы в Виленскую римско-католическую епархию почетным каноником, а в феврале 1883 г. назначенного ассесором Виленской римско-католической духовной семинарии [179, л. 4].

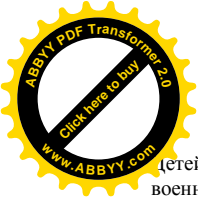
20 августа 1883 г. К. Гриневицкий посетил г. Гродно. Ко времени приезда епископа на вокзале собралось довольно много публики, среди которых, кроме католиков, были также православные и евреи, явившиеся из любопытства поприсутствовать при встрече. На вокзале его встречал Гродненский декан И. Малышевич и губернский предводитель дворянства вместе с помещиком Гродненского уезда генерал-лейтенантом Ляхницким, согласно распоряжению Гродненского губернатора от 13 мая 1883 г. За день до приезда К. Гриневицкого Гродненский губернатор пригласил к себе декана И. Малышевича и губернского предводителя дворянства действительного статского советника Урсин-Немцевича, дав им необходимые указания относительно встречи его преосвященства [178, л. 22].

Епископ прибыл в обыкновенном домашнем одеянии, в котором и проследовал до Гродненского фарного костела, прождав некоторое время на вокзале в ожидании багажа с церковным облачением. При входе в фарный костел епископ был встречен духовенством во главе с деканом И. Малышевичем. Приняв от декана церковное убранство, крест и окропив духовенство и собравшееся население святой водой, вошел в костел, где было совершено

Таблица – Численный состав учебных заведений Виленской губернии в 1887–1897 гг.

Год	Количество христ-х учебных заведений	Количество учащихся в них		Количество специальных еврейских	Количество учащихся в них		Всего в губернии		Кроме того	
		муж.	жен.		муж.	жен.	школ	учащихся обоего пола	церк.-прих. шк. и шк. грамоты	учащихся в них
1887	326	15 179	2 222	173	3 840	1 169	499	22 410	334	5 000
1888	299	15 140	2 305	162	3 767	1 257	461	22 469	352	5 601
1889	290	15 288	2 668	160	3 927	1 328	450	23 211	377	6 260
1890	246	14 566	2 656	154	3 980	1 273	400	22 475	425	7 034
1891	246	14 441	2 713	145	3 962	1 293	391	22 409	392	6 355
1892	247	14 875	2 921	141	3 927	1 423	388	23 146	352	5 755
1893	251	15 443	3 173	134	3 934	1 532	385	24 082	484	8 386
1894	254	15 895	3 331	673	12 411	1 625	927	33 262	539	9 250
1895	255	16 424	3 613	673	12 679	1 754	928	34 470	533	8 351
1896	254	17 532	3 843	699	12 947	1 903	953	36 225	592	10 167
1897	256	18 586	4 036	698	13 154	1 859	954	37 635	692	12 375

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год; под ред. П. А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. II. – С. 124.

детей дворян, чиновников и военных	3 328	6,6
Детей лиц духовного звания	527	1
Городских сословий	18 457	37
Сельских сословий	27 627	55,3
Иностранцев и разночинцев	71	0,1
Итого	50 010	100

В Виленской губернии в 1897 г. проживало 1 647 654 человек, в том числе 816 034 мужского и 831 620 женского пола. Принимая во внимание, что число детей школьного возраста составляло 10 % наличного населения губернии (можно опереться на данные переписи 1897 г.: распределенность населения по десятилетним возрастным группам), найдем, что мальчиков школьного возраста в губернии было 81 603, а девочек – 83 162. Обучалось же в 1897 г. мальчиков – 41 487, девочек – 8 523. Откуда легко рассчитать, что из всего числа мальчиков школьного возраста прошло через школу только 50,8 %, а девочек едва 10,2 %. В нижеприведенной таблице указано приблизительное количество и процент детей школьного возраста разных вероисповеданий Виленской губернии, прошедших через школу в 1897 г. [564, ч. 2, с. 122–123].

Таблица – Численный состав детей школьного возраста по вероисповеданиям, обучавшихся в Виленской губернии в 1897 г.

Вероисповедание	Число детей школьного возраста	Из этого числа обучалось в школах	% отношение предыдущих чисел
Протестанты	354	354	100
Караимы (иудеи)	66	66	100
Евреи (иудеи)	24 136	15 961	66,1
Православные	40 236	20 648	51,3
Магометане	374	102	27,2
Раскольники	2 264	498	21,9
Римско-католики	97 404	12 380	12,7
Итого	164 834	50 009	–

Примечание – Не принят в расчет 1 учащийся армяно-григорианского вероисповедания, а также ученики школ грамоты.

Источник – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год; под ред. П.А. Чирикова. – Вильна: Губ. тип., 1898. – Ч. 2. – С. 123.

О положении дел в народном образовании Виленской губернии можно составить себе наглядное представление по сведениям, добытым из обзоров данных губернии истекших годов и сгруппированных в прилагаемой таблице:

молебствие, после которого приступил к миропомазанию народа Католиков было столь значительное количество, что К. Гриневицкий и на следующий день продолжал обряд миропомазания в фарном костеле. 22 августа миропомазание было произведено в бернардинском костеле, причем вследствие тесноты и жаркого дня, духоты в храме миропомазание епископ закончил в ограде костела, проигнорировав запрет гражданской власти на подобного рода совершение обряда. Помогали епископу специально приехавшие из соседних приходов ксендзы Корсан, Керсиовский, Верцинский, Томашевич, Маевский, Дорошкевич, Кулаковский, Рыпинский, находившиеся в г. Гродно с 16 по 30 августа [178, л. 20–21, 25]. Посетил епископ и местную гражданскую и духовную администрацию: по прибытии своем в г. Гродно наведался к преосвященному Авраамию, губернатору, Гроднскому жандармскому начальнику; 21 августа ездил в имение Понемунь на обед к губернскому предводителю дворянства, на котором присутствовали губернатор и приглашенные гости, преимущественно из семьи хозяина дома; 22 августа епископ обедал у губернатора вместе с преосвященным Авраамием и Урсун-Немцевичем, в доме которого и проживал на время пребывания в г. Гродно [178, л. 24].

29 августа 1883 г. в 8 часов утра К. Гриневицкий выбыл поездом в г. Вильно. Народ провожал епископа возгласами и плачем, но особых оваций устроено не было [178, л. 26].

Настоятель Гродненского фарного костела декан И. Малышевич, вследствие запрета К. Гриневицким священнодействия на три года, явился к нему и сознался в своих преступлениях, просил извинения и принял со смирением и раскаянием назначенные ему трехдневные духовные реколекции под руководством ректора Виленской римско-католической духовной семинарии. Он также искренне обещал исправиться, служить верой и правдой костелу и правительству, вести себя трезво и как подобало католическому священнику (еще при своем назначении он на глазах у прихожан причинил побои палкой викарному Михаилу Ординскому; «прославился» также составлением «Истории Ветхого и Нового Завета» для юношества на русском языке, наблюдениями за ксендзами, дабы они не исполняли никаких духовных треб бывшим униатам), в продолжение одной недели обещал устранить из плебани своих двоюродных сестер. Принимая все это во внимание, К. Гриневицкий, как пастырь, не сомневался в искренности раскаяния и обетов, данных ксендзом И. Малышевичем, решив временно оставить его при должностях с тем, что если не исправится и опять будет подавать

своим прихожанам дурной пример, то воспрещение ему священнодействия останется в своей силе. 18 ноября 1883 г., не видя последствий назиданий и убеждений, неоднократно сделанных лично К. Гриневицким ксендзу И. Малышевичу, епископ принимает решение перевести его из г. Гродно в г. Бельск настоятелем, с переводом на его место из местечка Озер ксендза Николая-Филиппа Томашевича. Ранее за противодействие введению русского языка в римско-католическое богослужение бывшего Минского декана Н. Томашевича отправили в Несвижский монастырь, за упразднением которого перевели в Гродненский францисканский монастырь, а после – в Волковысский уезд. Н. Томашевич образ жизни вел скромный, сдержанный, любил заниматься музыкой, литературой, отличался строгой религиозностью [747, л. 16]. Должность Гродненского декана была предоставлена настоятелю Гродненского по-бернардинского костела почетному канонику магистру богословия ксендзу Иосифу Даукше, переместив администратора Бельского костела на аналогичную должность в Озерском костеле [179, л. 9, 46].

Гражданские власти с целью проверки правильности решения К. Гриневицкого выслали в г. Гродно чиновника особых поручений полковника Данилова. 17 января 1884 г. Виленский генерал-губернатор отвергнул доводы К. Гриневицкого как безосновательные [179, л. 39].

6 июня 1884 г. К. Гриневицкий, напомнив Гродненскому гебрнатору об отлучении от костела И. Малышевича, просил распорядиться о снятии с ксендза духовной мантии и беспрепятственной передаче Гродненского фарного костела с имуществом ксендзу Брониславу Заусцинскому. С целью преподавания духовных треб народу вместо И. Малышевича, временно (до соглашения с гражданской властью, выдвинув на должность настоятеля Иосифа Даукшу) была предложена кандидатура ксендза Ксаверия Яниславского [179, л. 54].

6 июля 1884 г. на положение дел в г. Гродно обратило внимание министерство внутренних дел в лице управляющего сенатора Дурново [179, л. 75]. Беспокоило гражданскую власть распространение среди прихожан листовок, компрометирующих И. Малышевича. Вот, к примеру, содержание одной из них, переведенное с польского языка местной полицией:

*Вон, Гродненский Фарный декан!
Вон отсюда, последний негодяй!
Вон, нечестивый и прелюбодный!
Вон, душегубец и многих совратитель.*

опасаясь штрафных санкций или духовного наказания. Ко всему отмеченному следует указать, вслед за уездными предводителями дворянства, на двойственность и даже антагонизм двух ведомств (министерства народного просвещения и Св. Синода), преследующих одну и ту же цель. Несогласованность их деятельности содействовала бюрократизации учебного процесса. Дирекции народных училищ завалены были таким количеством чисто канцелярской работы, что они решительно были не в состоянии справиться с возложенными на них задачами. Уездные комитеты, председательствовали в которых представители православного духовенства, встречали большие затруднения при подборе учителей для народных школ, зачастую не знавших быта народа и не имевших к нему преданности и любви, не говоря уже о низшей ступени обучения. Из заключения Гродненского уездного предводителя дворянства: «Огромная народная масса остается в полном невежестве, которое мешает ей проникнуться сознанием о пользе образования, почему и достижение успеха возможно лишь путем введения всеобщего обязательного обучения» [708, л. 69–70, 79].

В 1897 г. в Виленской губернии было 1 646 учебных заведений, в которых состояло 2 677 учителей и 50 010 учеников, в том числе 41 487 мужского и 8 523 женского пола. По сравнению с предшествующим годом число учебных заведений в 1897 г. увеличилось на 101, благодаря значительному увеличению числа школ грамоты с 530 до 613 и церковно-приходских школ – с 62 до 79. Этому обстоятельству соответствовало и значительное увеличение числа учащихся, а именно: на 3 618 человек против предшествующего года [564, ч. 2, с. 111].

Весь контингент учащихся Виленской губернии в 1897 г. по вероисповеданиям и сословиям распределялся следующим образом:

а) по вероисповеданиям:

	абсолютное число	% отношение к общему числу учащихся
Православных	20 648	41,2
Старообрядцев	498	1
Римско-католиков	12 380	24,7
Протестантов	354	0,8
Армяно-григориан	1	0
Магометан	102	0,2
Евреев	15 961	32
Караимов	66	0,1
Итого	50 010	100

б) по сословиям:

	абсолютное число	% отношение к общему числу учащихся
--	---------------------	--

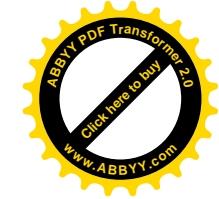

значительно лучше. Учителя мало обращали внимания на посещение учениками богослужений, не устраивали систематических воскресных и вечерних чтений, необходимых для развития как учеников, так и взрослых крестьян. Большинство учителей школ грамоты набрано было из окончивших курс народных училищ. Вот они и учили приблизительно так, как их учили. Конечно, насколько они поняли методы своих преподавателей, которые при обучении имели в виду обучить по программе, но не подготовить из них учителей для школ грамоты. Таким образом подготовленные учителя не имели, в большинстве случаев, специально опытных руководителей и наблюдателей, обучая в школах грамоты, не могли вести это дело с достаточным успехом: при чтении не задавали вопросов, развивавших учеников и выяснявших ими смысл прочитанного; заставляли их «зубрить» без всякого понимания заучиваемого; при задавании уроков ограничивались лишь тем, что прочитывали заданное; не умели распределять задания, чем демонстрировали полное отсутствие приемов и методов преподавания [537, л. 75].

Картина недостатков, а точнее, недовольства школами грамоты будет неполной без учета отношения к ним иных вероисповеданий. Выражение позиции римско-католической церкви ко всей системе образования в империи находим в окружном послании 29 сентября 1906 г. Виленского римско-католического епископа Роппа, обращенном ко всей католической пастве (см. приложение Н) [606].

Это взгляд римско-католического духовенства на деятельность школ грамоты, сельских по своему месту нахождения с точки зрения влияния на паству. Но и материальная сторона оказывалась для крестьян очень заманчивой. Зачастую именно нехватка денег являлась тем фактором, который подталкивал крестьян, и не только католиков, открывать у себя в селении тайную, т. е. действующую без разрешения правительства, школу как с польским языком обучения, так и с русским.

С одной стороны – школы грамоты, как низшие учебные заведения, устроенные очень слабо: большинство не имели постоянных помещений, и дети собирались в крестьянских, специально арендуемых на эти цели избах. С другой стороны – тайная школа, находящаяся в аналогичной избе, но за меньшую плату, а то и вовсе без нее, если хозяин избы оказывался сам ксендз, или очень набожный католик. Учителями в обоих типах школ являлись лица, окончившие курс в народных министерских училищах, иногда малограмотные солдаты-отставники. И главное, курс обучения можно было прервать в тайной школе, например, на время сельскохозяйственных работ, не

*Вон со своей звездой Викторией,
У ней пользуйся расположением!
Вон, совращающий людей,
Непокой чинящий домам.*

*Вон, мелкий сапожник, учишь шить сапоги!
Вон, не желающий покаяния.
Вон, обратно к своим свиньям,
Как некогда хлестал их кнутом.*

*Если бы остался пастухом,
То был бы и теперь христианином,
Но не опомнился и погубил душу.*

*Старый Иван дурачок!
Возьми свою Викторию
И скоро уйдешь туда,
Где вечное наказание ада!*

*Там будет вам поздно сожалеть,
Но теперь за то получил!
Не желал быть хорошим ксендзом,
Так будь же вечным тираном.*

*Желал увернуться от наказаний
И стал просить другую веру,
Но хорошие люди негодяев не принимают
И на дому тебе ничего не обещают.*

*Уже кончена Твоя карьера,
Не будешь делить Литву, проклятый.
Возьми с собой свою Викторию
И поезжай в Смоленск.*

*Твои злодеяния горят, как факел.
Своего ребенка потерял,
А чужого купил и желал увернуться от наказаний.
А жить без меры [179, л. 94].*

25 августа 1884 г. Виленская римско-католическая консистория просила Гродненского губернатора силой выпроводить И. Малышевича из плербани [179, л. 94]. В сентябре 1884 г. И. Малышевич обратился к Гродненскому губернатору с ходатайством о выдаче ему билета на проезд в г. Санкт-Петербург для объяснения дела. 26 сентября Виленский генерал-губернатор позволил выдать билет – И. Малышевич незамедлительно выехал в министерство внутренних дел, где и изложил свои доводы. 29 октября 1884 г. министр внутренних дел распорядился, чтобы все вытекающие права из должности декана были охранены местной властью [179, л. 126, 131].

4 ноября 1884 г. министр внутренних дел Толстой также отношением своим к К. Гриневицкому оставил А. Копцеговича на прежнем месте с прежними правами, таким образом показав епископу, что его слова, произнесенные в Гродненском бернардинском костеле об отстранении И. Малышевича и А. Копцеговича от костела, силы не имеют [967, с. 231–232]. К этому времени А. Копцегович, тайно приняв в июне 1883 г. лютеранскую веру, проживал уже в г. Санкт-Петербурге [326, с. 58, 216]. Д.Н. Чихачев ставил А. Копцеговича на третье место после ксендза И. Макаревича и прелата Э. Тупальского по значимости в деятельности по «располячиванию» костела. Сперва он был ксендзом в г. Мозыре, потом в г. Вильно настоятелем по-бернардинского костела. По ссылке епископа К. Гриневицкого П. Каханов предложил А. Копцеговичу произнести русскую проповедь в Виленской кафедре. А. Копцегович изъявил согласие сделать это в ближайшее воскресенье, до которого ему не удалось дожить. По словам Д.Н. Чихачева, «несколько фанатических полек пробрались в его помещение и так жестоко избивали его, что на следующий день А. Копцегович должен был отправиться для излечения в г. Санкт-Петербург, где через несколько дней и умер» [830, с. 38].

3 августа 1884 г. Виленский римско-католический епископ К. Гриневицкий напомнил Минскому римско-католическому духовенству, что в вопросах веры и костельной обрядности он имеет законную духовную власть, которой все подначаленное духовенство обязано подчиняться под угрозой наказания [443, с. 1]. Виленский генерал-губернатор П. Каханов писал министру внутренних дел 9 января 1885 г.: «... Я полагаю, что нельзя предоставлять права взбалмошному сорокалетнему епископу безнаказанно отлучать от церкви старых, честных, преданных правительству служителей алтаря» [326, с. 54]. П. Каханов просил поторопиться в решении выслать К. Гриневицкого, иначе будет слишком поздно, так как местное духовенство под воздействием такого энергичного епископа могло перенять манеру его действий [326, с. 55]. Редактор

случае преследуя, главным образом, утилитарную цель – получить при поступлении на военную службу льготу по образованию. Если же прибавить и расходы, сопряженные с обучением, то сочувствия к школам грамоты со стороны крестьян и вовсе ожидать было трудно. В некоторых отчетах посредников употребляется с целью характеристики данной ситуации термин «закоренелое невежество массы».

Возьмем для примера 9 школ грамоты Брестского уезда Гродненской губернии по состоянию на 1895 г.: учащихся – 1000 человек, в среднем расход на жалованье учителя – 126 руб., продовольствия на каждого учителя в год – 3 руб. (хлеба в день на 3 коп. и др. продуктов на 1 коп.), бумага, чернила, перья – 10 коп., в зиму на каждого ученика – 10 руб. Следовательно, всего на 100 учащихся расход составляет до 200 руб., или на каждого ученика по 2 руб. За эти деньги для средней крестьянской семьи можно было купить на целую зиму соли и керосину. Если к этому присоединить подесятинный сбор и штрафы за неаккуратное посещение школы, то вообще расход на учебное дело оказывался для крестьян весьма чувствителен [537, л. 70].

По словам мировых посредников, эффективнее достичь религиозно-нравственного обучения можно было через совместное пение с родителями в церквях главнейших молитв («Символ веры» и т.д.), как это было принято в войсках, а также проведением собеседований хотя бы раз в неделю, по субботам, когда крестьяне были свободны от работы. Условием такого посещения ставилось явление без всякого принуждения. Собеседования в таких случаях не только не были бы сопряжены с расходами, но даже избавляли бы от последних, например, удерживая от посещения кабаков [537, л. 71].

Мировым посредникам нередко приходилось по несколько раз выезжать в деревни и собирать крестьян одной и той же местности, по несколько часов подряд убеждать их в необходимости открыть школу или улучшить ее содержание – все это иногда оставалось тщетным [537, л. 76].

Отлично осознавали крестьяне и плохую постановку учебного процесса. В действовавших школах грамоты знание молитв, заповедей, символа веры и рассказов из священной истории были довольно тверды, но почти всюду ученики заучивали наизусть и, очевидно, не понимали рассказываемого. Заметное исключение составляли школы, находившиеся вблизи церквей, в которых предмет Закон Божий преподавал сам священник [537, л. 75]. Механизм русского чтения был слабо развит: ошибки в ударениях, неудовлетворительный пересказ прочитанного. Письмо и арифметические счисления поставлены были

зависимость: церковная грамота должна помогать изучению молитв и песнопений; русское чтение и письмо должно быть обращено к предметам по преимуществу религиозного содержания; пению дети обучались лишь церковному. Власти прекрасно понимали, что состоя в числе начальных, церковно-приходская школа будет для большей части своих воспитанников и последнею школой из нее они выйдут прямо на поприще жизни [649, с. 14]. Но на обучение в этих школах соглашалась только небольшая часть белорусских крестьян-католиков. В 1884 г. в Минской епархии среди учеников церковно-приходских школ и школ грамоты дети католиков составляли всего 2,1 % [369, с. 91].

Следует также отметить неоднозначность оценки церковно-приходских школ и школ грамоты. Начиная со второй половины 80-х годов XIX в., все чаще в отчетах местным губернаторам мировые посредники, признавая школу лучшим проводником в жизнь национальных начал среди «ополяченного и окатоличенного» населения Северо-Западного края, призывали открывать вместо церковно-приходских школ училища Министерства народного просвещения: поскольку в них преподавался Закон Божий для детей-католиков специально приглашенным ксендзом-законоучителем [49, л. 45]. Но эти замечания оставались лишь на бумаге.

Значение деятельности школ ведомства Святейшего Синода нельзя умалять: они действительно содействовали образованию и просвещению окраин империи (в данном случае Северо-Западного края), пытаясь сплотить многонациональное и поликонфессиональное по своему составу население. Естественно, что в таких условиях непременно появлялись трудности как в отношении неправославной паствы, так и неправославного клира. Но более всего, как это ни странно, недовольство деятельностью православных школ на окраинах Российской империи ширилось из-за самого отношения к делу образования и просвещения народа православного духовенства, а главное, местной администрации.

Мотивы посылания детей в школы ведомства Св. Синода у крестьян, как видно из отчетов мировых посредников губернаторам, были следующие: требование начальства; избежание штрафа православного священника из-за незнания молитв; получение венчания, когда придет время. Исходя из подобной мотивировки, мировые посредники делали вывод, что потребности по собственной инициативе в обучении грамотности среди крестьян не было. Если крестьянин желал действительно обучить ребенка, то отдавал в народное училище или церковно-приходскую школу. Но и в этом

«Литовских епархиальных ведомостей» протоиерей Иоанн Котович был возмущен: «Наш договор с Римской Курией уже приносит свои плоды. Новоназначенные епископы, как известно, не успели приехать в свои епархии, как уже поспешили поднять гонения на тех католических священников, которые не хотели служить польской «справе» ... Слишком уж спешат новые польско-католические епископы доказать на деле, что справедливы те, кто высказывали опасения, что новые епископы станут служить не церкви своей, а политическим фанатическим планам» [440, с. 8]. 26 января 1885 г. император уволил от занимаемой должности К. Гриневицкого с высылкой на постоянное жительство в г. Ярославль под надзор полиции. 1 марта 1885 г. заведование делами Виленской римско-католической епархии официально было передано Римо-католической духовной коллегии [178, л. 41, 45].

К. Гриневицкий сделался героем дня. Толки об его ссылке не прекращались очень долго. Католики называли его «мучеником». Епископ К. Гриневицкий следовал к вокзалу Петербургской железной дороги в открытом экипаже. Улицы г. Вильно были полны народа. На станции он сказал небольшую прощальную речь [445, с. 9]. Большое впечатление на окружающих произвела речь 2 февраля 1885 г. ксендза Рачинского в г. Вильно по поводу ссылки епископа под названием «О преследовании веры и костела» [326, с. 233].

На содержание К. Гриневицкого после отстранения от управления Виленской епархией и выезда в г. Ярославль назначено было из казны в год 2 000 руб. [444, с. 3]. Но К. Гриневицкий не принял пенсию. Летом 1890 г. окружными дорогами бывшего епископа вывезли в Галицию. На вагоне, в котором он ехал, мелом было написано «бывший Виленский епископ», с целью предупреждения полиции, чтобы никого к вагону не допускали [967, с. 233]. В Галиции он и вел свое духовное служение, получив от Римского двора звание архиепископа «in patribus» [974, с. 72].

Римско-католическое духовенство по высылке К. Гриневицкого продолжало действовать по заданному им курсу. Но таких для успокоения посылали в монастыри. Так, поставленного К. Гриневицким настоятелем Гродненского бернардинского костела ксендза Даукшту заключили на шесть месяцев в монастырь Всех Святых в г. Вильно. На его место определили Б. Заусцинского, по словам самого начальника Гродненского жандармского управления, – «лентяй, выпить не прочь, с хитрецей» [326, с. 221]. В Гродненский францисканский монастырь было посажено шесть ксендзов на один год каждый, а в Бельском уезде закрыли два костела [326, с. 222].

Распространились слухи о якобы ликвидации Виленской римско-католической епархии, с присоединением ее территорий к Тельшевской епархии. Прихожане Гродненского фарного костела подали прошение разным лицам о том, чтобы убрали прочь ксендза И. Малышевича и назначили другого декана. Прошение это было оставлено без последствий [326, с. 220].

В официальном органе Виленского римско-католического капитула «Dziennik Poznański», равно как и в других заграничных польскоязычных газетах, опубликован был манифест епископа К. Гриневицкого, изданный и разосланный по деканатам накануне отъезда. В нем он поручал своему генеральному викарию, официалу консистории, канонику, ксендзу Матвеем Герасимовичу занять его место. Духовенство обязывалось признать этот факт под страхом отлучения от костела. Вызванный по этому поводу в Петербург ксендз М. Герасимович отказался сложить с себя возложенные на него К. Гриневицким полномочия. В результате 18 февраля 1885 г. министр внутренних дел граф Д. Толстой распорядился выслать М. Герасимовича в ссылку в г. Вельск Вологодской губернии, а управление Виленской римско-католической епархией было поручено римско-католической духовной консистории [446, с. 10–11; 178, л. 44]. Впоследствии М. Герасимовичу разрешат вернуться в Виленский кафедральный капитул: в 1900 г. он будет занимать должность вице-официала капитула [622, л. 4]. 1 августа 1885 г. император соизволил назначить прелата Виленского кафедрального капитула Людвиг Здановича управляющим Виленской римско-католической епархией с жалованием 2 000 рублей в год [178, л. 46].

Белостокский архидиакон и Гродненский декан И. Малышевич 29 сентября 1885 г. просил управляющего Виленской епархией Л. Здановича исходатайствовать у Папы Льва XIII разрешения исполнять священнодействие, «неправильно запрещенное» бывшим Виленским епископом К. Гриневицким в 1884 г. Даже подотчетные ему ксендзы отказывались брать из его рук положенное им жалованье. 6 декабря 1885 г. И. Малышевич обратился к Гродненскому губернатору с просьбой не оставлять без внимания его положение, учитывая заслуги его перед правительством, в награду за которые он получил золотой крест [257, л. 42, 45; 326, с. 222]. Положение И. Малышевича было тяжелое: ксендз Б. Заусцинский закрыл в 1884 г. костел, в котором он числился настоятелем; отобрал книги и печати, лишившись которых И. Малышевич, как декан, не мог исполнять требования прихожан относительно выдачи им метрик и других свидетельств; посылаемые И. Малышевичем в конвертах распоряжения правительства и другие

школах прибегало не все население, а преимущественно католическое. Более того, министр отметил, что польский язык, давно устраненный из «публичного употребления в сфере гражданской жизни, остается невозбранно до настоящего времени для белорусов и литовцев римско-католического исповедания языком церковным, языком молитвы, общественного богослужения и проповеди». Следовательно, он признавал, что на польском языке в тайных школах учат не только детей поляков, но и белорусов, и литовцев. Стараясь доказать, что единственной целью тайных школ является «ополячивание местного населения», он утверждает, что организация тайного обучения не имеет своей целью «ни религиозного образования местного населения, ни распространения среди него грамотности, так как польский язык не является для этого населения ни государственным, ни, в громадном большинстве случаев, родным...». Таким образом, сам министр утверждал, что в тайных школах учились не поляки, а дети других национальностей.

Поскольку основную массу населения составляли белорусы, то можно с полной уверенностью утверждать, что и в тайных школах обучались дети белорусов, а, приняв во внимание, что среди белорусов было много католиков, для которых польский язык был «языком молитвы», можно этим объяснить, почему в тайных школах изучались и белорусский, и польский языки. Правительство запрещало обучение как на белорусском, так и на польском языке.

Безусловно, среди тайных школ преобладали польско-католические, понимая под этим термином изучение в них и преподавание римско-католических молитв, песен, а не непосредственное участие ксендзов, и численность их быстро росла. Напрасно в серии книг «Церковная школа» говорилось, что «католики смело могут идти в православную церковную школу, где они найдут чистое евангельское учение и полное уважение к той религии, которую исповедуют они. Не так относится католическое духовенство к православию, предоставляя в этом отношении высокое преимущество гуманности и терпимости православному духовенству» [799, с. 29]. Католики не желали отдавать своих детей в русские учебные заведения, особенно когда Закон Божий там преподавал православный священнослужитель. Да и само название церковно-приходских школ указывало на особенное значение в них Закона Божьего. В «Объяснительной записке к программе преподавания Закона Божьего в церковно-приходских школах» говорится, что Закон Божий составляет главный предмет обучения и что все другие предметы должны быть, по возможности, поставлены от него в более или менее тесную

русском языке, равно как и на иностранном языке, усматривали распространение вольнодумства и революционных взглядов.

Никакие меры преследования не могли приостановить тайное обучение. Оно не только не прекращалось, но еще более расширилось. Если в уезде имелось одно казенное училище, то в этом уезде зимой можно было найти 5–10 тайных школ, о которых учебное начальство и полиция не знали. В связи с репрессиями царского правительства обучение детей в групповых тайных школах все больше заменялось индивидуальным, принимая семейный характер.

В конце XIX в. крестьяне католики, главным образом, западной Беларуси сами стали организовывать тайное обучение польскому языку, нанимая учителей. Российское «Новое время» писало в 1884 г., что в Виленской губернии власти закрыли к концу года 22 тайные польские школы, в Гродненской же только с середины 1882 г. до середины 1883 г. – 64 школы. Корреспонденция «Виленского вестника» доносила в том же году, что православные крестьяне желают, чтобы их дети были обучаемы в народной школе польскому языку, и что крестьяне сами начали обучать на дому польскому языку, как православные, так и католики. Само же обучение, как замечает Р. Радик, имело выраженный религиозный характер и носило низкий образовательный уровень: ведь даже сами учителя едва умели только читать и писать по польски. К тому же учебным материалом служили книжечки для богослужений, написанные на польском языке [1032, с. 151]. Самые распространенные учебники в тайных польских школах были следующие: «Nauka czytania i pisma polskiego z przydatkiem nowego katechizmu dla małych dzieci zebrana» [978], «Książeczka jubileuszowa czyli nauka o odpustach» [996], «Cwiczenia duchowne czyli lekarstwo niebieskie dla człowieka» [934], «Семь главных грехов», «Чтение и молитвы небесные», «Лекарство небесное», «Проповеди», изданные в Кракове и Познане, «Старый и Новый завет», «Малый алтарик: избранные богослужения для католических детей», «Малый элементарик для наук чтения с дополнением катехизиса, молитв, песен», «Элементарик образцовый», «Apostolstwo Serca Jezusowego», «Karta wpisowa apostołstwa i modlitwy», «Siedm grzechow głównych» [634, л. 51, 80, 86]. Эти книги обычно тайно продавались на местных базарах евреями.

В представлении министра народного просвещения по вопросу о введении правил о взысканиях за тайное обучение в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях [705, с. 713–795, 817–823; 792, с. 97, 102] утверждалось, что обучению детей в тайных

требования возвращались некоторыми ксендзами не распечатанными. Ввиду неопределенности своего положения, он не мог сделать даже никаких распоряжений в заведываемом им доме при Фарном костеле: И. Малышевич хотел, чтобы его викарный ксендз Кринский жил в этом доме, для осуществления постоянного контроля над ним (к этому времени Кринский оказался на особом счету у правительства, отказавшись исполнить обряд погребения умершей тетки И. Малышевича, но все же вынужден был согласиться совершить обряд по требованию полиции), но викарный не желал жить под одной крышей с ним, предпочитая ютиться в квартирах прихожан. Ксендз Кринский дружил также с неблагонадежным для правительства настоятелем по-бернардинского костела ксендзом Даукшей, отбывшим ранее наказание в одном из монастырей Виленской губернии. Распоряжаясь самостоятельно в фарном костеле, запрещал звонить во время прохождения православных процессий, без внимания оставляя все распоряжения И. Малышевича, который о всех действиях викарного докладывал губернатору. Ксендз Кринский был из числа четырех ксендзов, посвященных и назначенных викарными в Гродненскую губернию лично К. Гриневицким в 1883 г. – все четверо обратили на себя внимания правительства образом своих действий: Мурник к апрелю 1886 г. был выслан в Енисейскую губернию; Дексник после перевода из Гродненского по-бернардинского костела в г. Белосток активно стал образовывать костельное братство; викарный Суховольского костела Тежик прославился своими успешными действиями по внушению прихожанам трезвой жизни; и, наконец, викарный Гродненского фарного костела Кринский, сын бедного ремесленника [257, л. 46–47]. 16 февраля 1887 г. министр внутренних дел граф Толстой признал целесообразным викарного Гродненского Фарного костела ксендза Иоанна Кринского за «антиправительственный образ действий» заключить на три года в Аглонский доминиканский монастырь в Витебской губернии. Все просьбы прихожан о возвращении викарного были отклонены [157, л. 7, 14].

Духовенство в оправдание своих действий относительно И. Малышевича ссылалось на указ Виленской Римско-католической Духовной Консистории от 16 июня 1884 г. об отлучении ксендза И. Малышевича от костела с вытекающими отсюда последствиями, а действующий управляющий Виленской епархией хранил по этому поводу молчание [257, л. 48]. Приведем текст этого указа.

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Виленской Римско-католической Духовной

консistorии исполняющему должность Гродненского декана ксендзу Заусцинскому.

Консistorия дает Вам знать для объявления всему духовенству, что Гродненский декан, настоятель тамошнего Фарного костела ксендз Иоанн Малышевич за скандальное и в высокой степени бесстыдное поведение и многие преступления против веры и нравственности, навлек на себя отлучение от Церкви, ipso facto. Многократные увещания Его Преосвященства, воспрещение священнодействия в 1883 году, приостановленное вследствие обещаний исправиться, трехдневная эпитимия в епархиальной семинарии и все пастырские усилия повлиять на него и навести на истинный христианский путь остались тщетны. Ныне же за превышение власти, злоупотребление исповедью, открытое нахождение с неоднократным скрыванием ребенка, совершение таинств и святой литургии не на мощах и в нетрезвом виде, за скандальные проповеди и несогласные с учением католической церкви и как неисправимого и явного ослушника церкви, Его Преосвященство, сделав предварительно трехкратное следствие на месте личным допросом свидетелей и посредством назначенных духовных лиц и вполне убедившись в истине высказанных преступлений, по собственному своему убеждению на основании канонических правил для устранения соблазна отвращающего народ от церкви и рождающего пагубный нигилизм, решил: воспретить ему, ксендзу Малышевичу, священнодействие раз и навсегда, с лишением его духовного сана и всех прав и преимуществ, присвоенных оному и обращением в первобытное состояние. 16 мая 1884 г.» [257, л. 70].

Не воспринимали указания Гродненского декана Иоанна Малышевича настоятель по-бернардинского костела Бронислав Заусцинский и настоятель Гродненского францисканского монастыря ксендз Стецкевич. Малышевич был снят с занимаемой должности, лишен духовного сана и отлучен от костела Виленским римско-католическим епископом Гриневицким, а восстановлен был указом министрам внутренних дел, что было вопреки каноническому праву и давало возможность ксендзам не считаться с его указаниями. После чего последовало распоряжение Виленской римско-католической духовной консистории от 30 апреля 1885 г., в котором было обозначено, что лишенный священства ксендз Иоанн Малышевич в глазах правительства остается в качестве чиновника гражданского состояния как в должности Гродненского декана, так и настоятеля Фарного костела, а потому и отношение к нему должно быть как к чиновнику, а не духовному лицу [257, л. 73]. На что Заусцинский с

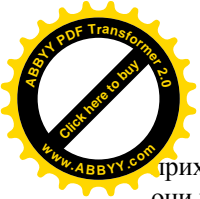

В тех местностях, где преобладало католическое население, наряду с официальными народными училищами существовали тайные школы, открываемые какими-нибудь грамотными крестьянами или дворянами, но всегда под наблюдением и сильным влиянием местного католического духовенства, активизировавшего свою деятельность в начале 80-х годов XIX в. – после подписания с Римскою курией договора и назначения епископов. Улчить же этих пастырей было весьма трудно, так как они всегда держались в тени и в случае опасности первые исчезали со сцены. Автору удалось выявить лишь один документально подтвержденный факт обучения детей именно польской грамоте, а не молитвам на польском языке, ксендзом Мельникского костела Василевским в 1866 г., за что он был наказан штрафом в 50 рублей [140, л. 25]. Правда, в архиве сохранилось много подобных дел, с участием ксендзов, относящихся ко времени после революции 1905–1907 гг. Известны также следующие тайные польские школы, которые время от времени посещали ксендзы, чтобы проверить правильность изучения молитв (1884 г.): в Лидском уезде – в д. Руда (3 мальчика), в местечке Сморгонях (7 мальчиков и 8 девочек); в Ошмянском уезде – в д. Александровичах (2 мальчика и 7 девочек); в Слонимском уезде [442, с. 7].

В синодальном отчете обер-прокурора за 1887 г. сказано, что римско-католическое духовенство требует, чтобы католики обучали своих детей у себя на дому исключительно только польской грамоте. Среди русского сельского населения происходит борьба влияний, среди которых играли роль также писари и члены волостных правлений. К семейным влияниям присоединялись в римско-католическую сторону и мнения сельских руководителей, которые в некоторых волостях были сплошь католиками. В общем, обер-прокурору Синода пришлось признать существование особенной связи в западных губерниях империи между католичеством и населением с целью усиления польской народности [452, с. 6–7].

Полиция так усердствовала в поиске тайных школ, что причисляла к разряду таковых иногда и отделения народных училищ, существовавших с разрешения учебного ведомства, или только что организованные церковно-приходские, не успевшие запастись документами от православного епархиального начальства [784, с. 151].

Как видно из архивных документов, в тайных школах обучение проводилось на разных языках. Царские власти преследовали тайные школы и тайное обучение с преподаванием на любом языке. В литовских и польских школах власти видели возрождение национальной культуры и польскую пропаганду, а в обучении на

приходящие ученики ночевали в классных комнатах. Здесь же они варили себе пищу и хранили свои продукты.

Согласно Уставу для народных училищ 1874 г., в местностях, где проживало хотя бы 5 верующих иного христианского вероисповедания, там следовало преподавать и такой же катехизис. В 11 томе Свода Законов прописано было право открывать каждому приходу, будь он католическим или евангелистским, собственную приходскую школу. Отталкиваясь от чего, епископ Козловский предложил в 1884 г. правительству Российской империи ввести преподавание католической религии во всех народных школах. На что, конечно, получил безоговорочный отказ, с убедительной просьбой не вмешиваться не в свое дело [967, s. 237–238].

Не имея возможности обучать своих детей польскому языку и молитвам, католики стали открывать тайные школы. В 1882 г. в Виленской губернии было закрыто 20 польских школ, в Гродненской губернии, где они имели слабую конспирацию, – 50. В большинстве своем около Белостока, Бельска и Соколки. В 1886 г. полиция обнаружила большое количество школ в Лидском, Слонимском и Ошмянском уездах. «Литовские епархиальные ведомости», не понимая, почему местное население само открывало польские школы, всю вину за их организацию свалило на ксендзов, как злейших врагов православия и русского дела [967, s. 239].

Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор И. Каханов в 1886 г. считал тайные польские школы одним из самых действенных средств пропаганды польского языка, а с ним и польских национально-религиозных тенденций. Учебное начальство округа ответственность за допущение организации тайных школ возлагало на директоров народных училищ. Директора обязывали учителей следить за нелегальным обучением. Многие учителя, в свою очередь, часто внушали своим ученикам, чтобы они в случае обнаружения в домах крестьян тайного обучения немедленно доносили им. Искусственно создавались ненормальные взаимоотношения между местным населением и официальной школой. В тайных школах учителя обучали детей обычно грамоте, молитвам и катехизису. Но были и такие тайные школы, в которых преподавались родной язык, грамматика, чистописание и другие общеобразовательные предметы. В окрестности Шанишках Паречской волости Бобруйского уезда Минской губернии мещанином г. Речицы Ипполитом Мостицким римско-католического вероисповедания велось обучение детей польской грамоте и молитвам [293, л. 1].

издевкой заметил, что к Иоанну Малышевичу сейчас нужно обращаться «Его Высокоблагородие Господин чиновник Гражданского состояния по римско-католическому деканату». Положение дел усугублялось будто бы негласным распоряжением Виленской римско-католической консистории от 18 октября 1885 г.: считать Гродненским деканом Заусцинского. Таким образом в Гродно оказалось два декана. Примечательно в этом деле то, что Заусцинский считался человеком преданным правительству, даже оказывал ему во время восстания 1863 г. услуги. Ввиду чего он имел репутацию наиболее благонадежного из ксендзов; награжден был орденами св. Станислав и св. Анны 3 степени, наперсным крестом и медалью «В память усмирения польского мятежа», состоял в продолжение многих лет законоучителем Гродненских гимназий. К тому же гонения Гриневицкого начаты были и против Заусцинского, которому было указано оставить место настоятеля по-бернардинского костела, что он беспрекословно исполнил. И с тех пор, по замечанию начальника Гродненского губернского жандармского управления, совершенно изменил свой образ действий. Имелась также и личная неприязнь Заусцинского к Малышевичу за плохую аттестацию, данную Гродненским деканом [194, л. 15–17].

В результате переговоров администратор Гродненского по-бернардинского костела Бронислав Заусцинский написал ходатайство об увольнении от этой должности с оставлением законоучителем при Гродненской мужской и женской гимназиях. Не встречая к этому препятствий, К. Гриневицкий просил Гродненского губернатора о назначении на его место администратором Эйшишского костела Виленской губернии ксендза Иосифа Даукшу, в свое время не принявшего требника на русском языке, что послужило поводом к удалению его из г. Вильно [296, л. 1–7]. Но И. Даукша так и не был назначен, несмотря на одобрение его кандидатуры Виленским генерал-губернатором. Б. Заусцинский продолжал числиться администратором костела, но уже без права произношения проповедей и поучений народу в воскресные и праздничные дни. 11 августа 1886 г. Виленский генерал-губернатор разрешил Б. Заусцинскому стать настоятелем костела со всеми правами [296, л. 19].

Для разъяснения ситуации в г. Гродно прибыл в октябре 1886 г. чиновник особых поручений губернский секретарь Бабошин [257, л. 93].

25 апреля 1890 г. в г. Санкт-Петербурге в римско-католическом кафедральном соборе св. Екатерины на Невском проспекте происходило посвящение прелата Авдевича в епископа

Виленского. Так как кафедра митрополита римско-католических церквей в Российской империи, по смерти А. Гинтовта, никем не была занята, делами митрополита заведовал прелат Довгяло, то посвящение совершил епископ Калишский Береспевич вместе с суффраганом Тельшевской епархии Барановским и Тираспольской – Церром [452]. Виленский епископ Антоний Франтишек Авдевич одинаково относился как к польской шляхте, так и простому народу [1057, s. 22]. Родился в 1833 г. в Ковенской губернии Саланского прихода. В 1859 г. стал священником. До 1869 г. был настоятелем различных костелов, занимаясь в свободное время теологией. Был профессором и инспектором Санкт-Петербургской духовной римско-католической академии. В 1884 г. Могилевский архиепископ А. Гинтовт назначил А.Ф. Авдевича в Могилевский капитул, где он и пробыл, вплоть до своего назначения в 1890 г. Виленским епископом [974, s. 73]. По смерти 25 мая 1895 г. был погребен в Виленском кафедральном склепе, оставив после себя большое количество рукописей по догматической теологии [974, s. 73].

7 декабря 1890 г. между министром внутренних дел и епископом А.Ф. Авдевичем было заключено соглашение относительно дальнейшей участи И. Малышевича:

1) И. Малышевич обязан был явиться к епископу Авдевичу с заявлением, в котором он, признавая невозможность занятия должности Белостокского архидиакона, Гродненского декана и настоятеля Гродненского Фарного костела, просил разрешения епископа отправиться в Аглонский доминиканский монастырь Витебской губернии;

2) по прибытии И. Малышевича в Аглонский монастырь епископ Авдевич в течение 7 месяцев по личному прошению первого возвращает ему духовный сан и оставляет его в числе священников Виленской епархии;

3) если И. Малышевич после возвращения духовного сана пожелал бы выехать за границу или перейти в другую епархию, то епископ Авдевич должен выдать ему увольнительное свидетельство, как это установлено было каноническим правом при переводе ксендзов из одной епархии в другую; если И. Малышевич пожелал бы остаться в епархии, то было бы предоставлено ему место настоятеля прихода по усмотрению епископа;

4) в рубрицели по Виленской епархии на 1891 г. должности настоятеля Гродненского Фарного костела и Гродненского декана будут показаны вакантными, а он будет помещен в общем списке духовенства Виленской епархии; освободившиеся должности будут

подвергали аресту до 3 месяцев; за всякое содействие к устройству школы такого рода, выразившееся или предоставлением помещения для тайной школы, или платой за обучение и т.п. – назначены такие же взыскания. Из циркуляра министра внутренних дел Плеве от 19 июня 1904 г. видно, что в начале XX в. продолжали действовать строгие «Временные правила о взысканиях за тайное обучение в северо- и юго-западных губерниях». Возбуждение дел о тайном обучении возлагалось на инспекторов народных училищ, а взыскания – на губернаторов [454, с. 8].

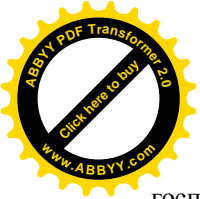
Но и данные меры оказались тщетными. В отчете о состоянии церковно-приходских школ и школ-грамот в Гродненской губернии за 1892–1893 гг. отмечалось, что много усилий приходится употреблять местным православным священникам на поддержание и охранение введенных ими школ от разных «тлетворных влияний, особенно проявляющихся в местах устройства тайных польских школ» [540, с. 47].

В Минской губернии был пущен слух в 1866 г., будто католики, обучающиеся в школах, будут насильно обращены в православие – вследствие этого многие католики-крестьяне не посылали своих детей учиться [389, с. 256]. Некоторые матери в деревнях крестами клялись на пороге, когда приходили записывать детей в школу, боясь, что их «переделают в москалей» [418, с. 112].

Учебное начальство постоянно требовало улучшения посещаемости занятий учениками. Оно обращалось за содействием к мировым посредникам. На основании циркулярных распоряжений губернаторов, под нажимом мировых посредников и волостных старшин часто выносились сельские приговоры, обязывавшие крестьян аккуратно посылать своих детей в училища. Нередко устанавливались штрафы с крестьян за непосещение детьми училищ. Однако административные меры, в том числе и штрафы, мало помогали улучшению посещаемости.

Учебное начальство причину плохого посещения училищ усматривало в косности крестьян и в агитации ксендзов против русской школы. Однако не в этом заключались основные причины плохого посещения училищ. Крестьяне-католики, в основной своей массе, безразлично относились к таким школам, так как пользы от такого учения они не видели, где обучали на чужом языке и чужой вере.

Серьезной причиной плохой посещаемости служила также дальность расстояний от деревень до училищ, отсутствие при большинстве училищ ученических квартир-общежитий. Часто

Царское правительство, преследуя цели монопольного господства в области школьной политики, насаждало местному неправославному населению школы, основанные на православно-русском духе. Не имея школ с родным языком обучения, а также на языке своей религии, оно было вынуждено обучать своих детей тайно. Обычно группы родителей-крестьян по вечерам собирали детей у кого-либо дома и учили их элементарной грамоте на родном языке. Но царское правительство лишало народ и этой возможности. Оно боялось распространения тайного обучения, видя в нем политическую «крамолу» и средство, направленное против русификации и насаждения в крае православия.

Многие из помещиков-католиков с началом восстания 1863 г. принялись устраивать сельские школы, в которых, при помощи католического духовенства, обучали крестьян польской грамоте на польских букварях, а также православных крестьян – римско-католическому катехизису. Подобного рода действия обнаружены были и в некоторых казенных имениях, в которых чиновники окружных управлений, состоявшие в основном из местных уроженцев-католиков, считавших себя поляками, не препятствовали католическому духовенству распространять польскую грамоту среди сельского населения. Эти действия вынудили местную власть еще в декабре 1862 г. сделать распоряжение о закрытии сельских школ, учрежденных без разрешения училищного начальства [676, с. 14].

Виленская следственная комиссия еще 31 декабря 1863 г. обратила внимание Виленского генерал-губернатора, что при костелах в крае существовали школы по 30–40 учеников, в которых ксендзы учили детей польскому языку и воспитывали их согласно своим взглядам. Ксендзы были уверены, что никто не воспрепятствует им учить польскому языку, как языку, на котором народ молится [968, с. 261].

М.Н. Муравьев, принявший в свои руки высшее руководство в крае, циркулярным распоряжением от 1 января 1864 г. приказал начальникам губерний преследовать тайное обучение. Он предлагал, чтобы католических ксендзов, которые будут заниматься распространением польской грамотности между крестьянами, облагать штрафом в 200 рублей, а с тех ксендзов, которые будут обучать православных крестьян польскому катехизису, взыскивать штраф по 300 рублей и арестовывать [589, с. 30]. 3 апреля 1892 г. были вновь переустановлены правила о взысканиях за тайное обучение в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях: за устройство и содержание школы взыскивался штраф до 500 рублей или

оставлены вакантными в течение 3 месяцев и замещены по общеустановленному порядку;

5) временное исполнение деканских обязанностей поручалось одному из настоятелей вне г. Гродно, а обязанности настоятеля Фарного костела будут исполнены викарным [179, л. 231–232].

22 декабря 1890 г. И. Малышевич обращается с ходатайством к епископу А.Ф. Авдевичу, тем самым начав процесс. В этот же день исполнение деканских обязанностей по Гродненскому деканату было поручено настоятелю Кринского костела ксендзу Иоанну Керновскому, а исполнение настоятельских обязанностей Гродненского фарного костела – викарному ксендзу Эллерту. 18 апреля 1891 г. по указу императора была упразднена должность Белостокского архидиакона [179, л. 235, 249].

Наиболее трагичной оказалась судьба Ф. Сенчиковского. Находясь в «заточении» в Бобруйской крепости и уже не имевший столь большого внимания к своей особе, Ф. Сенчиковский предпринял попытку заявить о себе в августе 1881 г.: о якобы найденных им мощах св. Теофила, перенеся их 15 августа на алтарь Спасителя с публичным чествованием в день Успения Пресвятой Богородицы. Посланный 27 августа 1881 г. администратором Виленской епархии П. Жилинским для проверки этого факта прелат А. Копцегович не подтвердил святость мощей, указав на обман Ф. Сенчиковского. Тем самым Ф. Сенчиковский совершил большой грех, выставив мощи сомнительного происхождения, нарушив каноническое право «О чествовании святых». А. Копцегович выступил с ходатайством об удалении ксендза Ф. Сенчиковского из Бобруйского костела [325, с. 571–574]. Наконец-то П. Жилинский мог «отблагодарить» Ф. Сенчиковского за все адреса в его сторону. По предписанию прелата П. Жилинского от 10 августа 1882 г. Ф. Сенчиковский был уволен от должности Бобруйского декана и переведен в Гродненский францисканский монастырь. Настоятель монастыря ксендз Стецкевич прямо заявил, что не позволит ему нарушать монастырское спокойствие и блаженный покой обители, а всем ксендзам приказал избегать с ним встречи. Нечаянно встретившись с ним в коридоре, они немедленно поворачивались обратно и уходили от него. На обращенную просьбу Ф. Сенчиковского к монаху Лавничу исповедовать его – получил отказ под предлогом, что Ф. Сенчиковский отлучен от костела. В объяснении своем, истребованном через Гродненского декана, ксендз Лавнич заявил, что имея 74 года от роду, страдая притуплением памяти, он не может удостоверить, обращался ли к нему ксендз Ф. Сенчиковский с просьбой об исповеди и говорил ли он последнему, что он отлучен от костела. Учитывая все эти факты, по настоянию Ф. Сенчиковского, Гродненским жандармским управлением было установлено негласное

наблюдение за прибывающими в монастырь лицами и установившимися в нем порядками [326, с. 7–8].

Сведения о притеснении Фердинанда Сенчиковского за «известную свою преданность русскому правительству» дошли до директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий графа Сперанского и директора Департамента государственной полиции Плеве, которые, в свою очередь, надавили на Гродненского губернатора генерала Цеймерна, чтобы тот успокоил монахов. После проведенной личной беседы Стецкевича с губернатором, последний заверил его, что больше подобных эксцессов не будет. Но подобное не удовлетворило Ф. Сенчиковского. В марте 1883 г. он поднимает пред Виленским генерал-губернатором вопрос о закрытии Гродненского францисканского монастыря, как места «разврата, тунеядства и крамолы». Гродненский губернатор даже предположил в июле 1883 г. отдать здание монастыря военному ведомству или городу для приспособления под помещения воинских частей. Но, кроме доказанных нескольких случаев исповедания монахами бывших униатов, у властей не было достаточных оснований на этот шаг [326, с. 13–14].

Провалив попытку с закрытием монастыря, Ф. Сенчиковский пишет письмо министру внутренних дел графу Толстому с просьбой вернуть его на действительную службу «Родине – России», но при этом непременно деканом и только в те местности, в которых употребляется язык русский, ибо не мог он насиловать свое убеждение касательно употребления русского языка вместо польского в римско-католическом богослужении: «Даже здесь, в Гродно, в этой яме польского фанатизма, я ни разу не изменил этому глубокому моему убеждению, хотя за это ксендзы-фанатики немилосердно преследуют меня». В г. Гродно лишь у начальника губернского жандармского управления полковника Югана и православного епископа Брестского Авраамия, с которым каноник переписывался, когда покинул г. Гродно и уехал в Туркестан, Ф. Сенчиковский встретил ласку и привет. Ежедневные письменные ругательства и угрозы виселицей и смертью, в изобилии получаемые им по почте, а также полное безразличие к своей особе со стороны местного римско-католического духовенства, сделали девятимесячное пребывание в г. Гродно Фердинанда Сенчиковского невыносимым и мучительным. Ответа на письмо не последовало [326, с. 16–17].

В «Литовских епархиальных ведомостях» за 1883 г. сохранилось откровение его (судя по всему лукавое, дабы привлечь на свою сторону католическое духовенство): «Как уроженец белорусского

уверенность инициативы ксендзов в деле организации тайных школ государственные чиновники и пресса не делают ни одной ссылки на конкретные факты или фамилии.

В исследованиях, которые появились в отечественной и зарубежной историографии почти на протяжении столетия, при многочисленных разнообразных мнениях, связь тайных школ с костелом также не опровергалась. Среди этих работ следует назвать труды польских исследователей С. Щепановского [1064, s. 194], П. Кубицкого [968, s. 261] М. Ванковича [1092, s. 151]; обобщающую работу белорусских историков образования советского периода [496, с. 177]; американского исследователя С. Вандыча [1091, s. 238] и др.

В современной белорусской историографии связь тайных школ с деятельностью католического духовенства уже не рассматривается как аксиома. Похожий подход встречается и в последних исследованиях польских авторов. Так, если первоначально С.В. Снапковская отмечала, что среди польских тайных школ преобладали католические, количество которых быстро росло, и после этого не давалось ни одного подтверждающего факта [738, с. 20], то в последующей статье автор уже более осторожна в высказываниях относительно тайных польских школ [739, с. 108–109]. В своей статье С.А. Талкачева указывает на прямую связь костела и тайных польских школ в 1861–1914 гг., хотя раскрывает эту связь на событиях лишь до 1863 г. [765, с. 136–137]. Более последователен в своих рассуждениях Р. Радик [1032, s. 151–152]. Совсем не увидел участия ксендзов в тайных польских школах А. Бобовик [871, с. 87]. Некоторые факты участия ксендзов в обучении детей польскому языку приводит С.М. Токть [770, с. 77].

Связь римско-католического духовенства с этими школами нельзя рассматривать односторонне – она имела разные формы, менялась в связи с изменением политической ситуации, с положением костела и политикой властей в этом вопросе.

Появление тайных школ с польским языком обучения было обусловлено несколькими причинами. Необходимость изучения польского языка была вызвана и религиозными нуждами – костел в Беларуси оставался польскоязычным.

Римско-католический костел на протяжении столетий был здесь монополистом в сфере обучения, в том числе, крестьянского. После реформы образования, которая была проведена в первой половине XIX в., позиции костела в этой сфере фактически были сведены к преподаванию религии в начальной школе. Но и в восприятии населения, и в понимании самого духовенства деятельность на ниве просвещения оставалась одним из обязательств костела.

Противодействие церковно-приходским школам, которому солидарно было большинство представителей римско-католического духовенства, являлось фактически стремлением сохранить свою зону влияния на паству и не имело характер национального (в данном случае) польского движения. Такой же характер носила проблема русского языка, неканоничность которого отступала на второй план, если только на нем можно было учить основам католицизма. Вместе с тем, при любой возможности католический клир стремился вернуться к польскому языку в «дополнительном» богослужении и преподавании, тем самым выступая за сохранение традиций католичества на территории Беларуси, которым были привержены верующие и отступление от которых могло бы привести к потере авторитета среди паствы. Отставание польского языка в преподавании, сопротивление православливанию католиков через школу было весьма осторожным, костел и в этом случае подчеркивал лояльность по отношению к властям, свое непоколебимое желание сохранить статус легитимного религиозного института в Российской империи.

3.3 Римско-католическая церковь и тайная польская школа

История тайных школ в Беларуси второй половины XIX – начала XX гг. сегодня имеет уже достаточно обширную историографическую традицию. На этой ниве порадели как отечественные исследователи, так и историки соседних стран. Одной из проблем, которая до сегодняшнего дня не решена в этом сюжете – связь римско-католического костела с организацией и деятельностью тайных школ, участие ксендзов в преподавании в таких школах. Во время их жизнедеятельности власти однозначно считали существование тайных польских школ делом рук римско-католического духовенства [534, с. 1218]. М.Н. Муравьев, в циркулярах о запрещении деятельности тайных польских школ, указывал на ксендзов, как главных начинателей этого дела [486; 676]. Того же мнения придерживался А.И. Миловидов [484, с. 37]. Уверенными в непосредственной инициативе со стороны римско-католического духовенства в открытии тайных школ были и деятели образования, в том числе и руководитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов [389, с. 69; 784, с. 188; 381, с. 17–19]. На той же позиции стояла и официальная пресса: «Литовские епархиальные ведомости», «Церковный вестник» и др. Несмотря на полную

края, я люблю мою родину Белоруссию, горжусь моим русским происхождением. Но я всегда был и навсегда останусь до моей могилы верным римско-католиком. Я почитаю мою римско-католическую религию и ее святые обряды, но как белорус я неподдельно предан престолу и России. Как жалки и достойны сожаления те католики, которые, не понимая догматов, полагают, что католицизм существует только для одних поляков, что белорусский мужичок, дабы быть католиком, непременно должен учиться по-польски! Повторяю, как жалки и недалеки эти лица. Между тем, в этом роде присылаются мне безымянные письма, даже с угрозой смерти. Понятно, я лично не придаю ни малейшего значения этим нареканиям. Тем же римско-католикам, которые не понимают или не хотят понять сущность дела, которые не знают, что Папы Иоанн, Венедикт, Клементий, а равно вселенские и областные римско-католические соборы ясно определили и повелели, дабы «добавочное» богослужение совершалось на местном народном языке, пусть эти католики знают, что римско-католическая религия существует не для одной польской народности, и что католики могут вполне свободно проживать на своей родине под отеческим скипетром великорусской державы. Но всем римско-католикам следует однако твердо помнить, что католик обязан смотреть на религию, как на дело вечного спасения, а не как на орудие бунта или измены» [437, с. 7].

Видя полную безучастность к своей особе, Ф. Сенчиковский решает бежать из г. Гродно (дабы не встретиться с Виленским епископом К. Гриневицким, собиравшимся к этому времени в г. Гродно, и тем самым избежать унизительного наказания): едет в г. Санкт-Петербург, является к директору Департамента князю Кантакузену графу Сперанскому, объясняет ему свое ужасное положение в монастыре и безразличие к нему губернатора Цеймерна и прочих. Князь Кантакузен выдал ему от себя свидетельство на право жительства в г. Санкт-Петербурге на два месяца [326, с. 19]. К. Гриневицкий, действительно, посетил г. Гродно, заехал он и в Гродненский францисканский монастырь [326, с. 217].

Находясь в г. Санкт-Петербурге и далее, Сенчиковский не переставал вести переписку с православным архиепископом Литовским Александром, Ю.Ф. Крачковским, полковником Н.В. Юганом, прослужившим до 1887 г. начальником Гродненского жандармского управления, писал письма Виленскому генерал-губернатору [326, с. 216–217]. Ф. Сенчиковскому военный министр исходатайствовал пенсию в 6 500 рублей пожизненного жалованья. В 1883 г. Ф. Сенчиковского правительство направило в Туркестан,

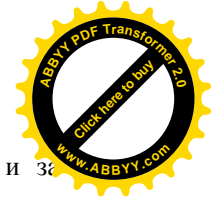
первоначально на два года. В августе 1883 г. Ф. Сенчиковский находился уже в г. Оренбурге, в октябре – в г. Ташкенте [326, с. 218]. В г. Ташкенте было совершено неудачное покушение на его жизнь. По этому поводу «Литовские епархиальные ведомости» написали: «Видно, что поляку, верующему в Россию и преданному России, не совсем и в России безопасно» [448, с. 8].

В «Литовских епархиальных ведомостях» сообщалось, что Ф. Сенчиковский не смог вынести отношения местного населения к нему за его былые дела, за обращение с ним как с отлученным: «Не смог вынести всего этого Сенчиковский попросил направить его военным капелланом в Туркестан» [439, с. 8]. В 1893 г. профессор Краковского университета ксендз Кнапинский в своей брошюре, посвященной введению русского языка в римско-католическое богослужение, написал лично Ф. Сенчиковскому: «... Когда ты говорил проповеди полякам вместо того, чтобы обращаться к белорусам по-белорусски, к полякам по-польски – ты вел антипольскую агитацию в пользу русификации. Поэтому ты заслужил порицание со стороны своего духовного начальства – за употребление твоего сана для политической агитации. Католический епископ, будь он даже русским, не мог бы за это похвалить тебя. Поляки же, как поляки, основательно рассердились на тебя, и, если они тебя преследовали, как ты об этом пишешь, то я этому вовсе не удивляюсь...» [325, с. 480].

6 февраля 1898 г. из г. Омска Ф. Сенчиковский пишет недавно назначенному Виленскому генерал-губернатору В.Н. Троицкому письмо, «как белорус и потомок униатов» с просьбой о назначении [326, с. 523].

Умер Фердинанд Евстафьевич Сенчиковский в г. Омске. Ни один представитель римско-католического духовенства не пришел на похороны ксендза, которые по согласию православного епископа Гавриила, проводило православное духовенство с внесением усопшего в православный кафедральный собор. Позже на могиле Ф. Сенчиковского вместо маленького деревянного креста был поставлен приличный мраморный памятник в виде столба из цельной глыбы, с рельефной надписью, согласно духовному завещанию: «† каноник Фердинад Евстафьевич Сенчиковский родился 4 октября 1837 г., умер 26 октября 1907 г., из потомственных дворян». Могила была обнесена железной оградой [326, с. 659].

Символичны в оценке деятельности Ф. Сенчиковского слова его племянника: «Тридцать семь лет лучшей жизни посвятил я ему и делил с ним горе, ибо радостей не было. Благодаря этой жизни, я потерял все для меня дорогое – родных, родину, всех для меня дорогих. Досмотрел покойного до последней минуты его жизни, устроил приличное его положению погребение и поставил приличный мраморный памятник. Одним словом, я исполнил все, от меня

как необязательному предмету, после установленных уроков и за дополнительную плату [1096, s. 165].

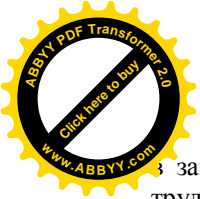
Весной 1905 г. епископ Э. фон Ропп обращается лично к министру, доказывая необходимость назначения в те местности, где преобладает римско-католическое население, преподавателей того же исповедания; требует одинаковой оплаты для православных и римско-католических законоучителей; предлагает допустить обучение Закону Божьему светскими лицами из числа благонадежных католиков; подчеркивает важность обучения на родном языке, в том числе и при церковных школах для малых деток [729, с. 98].

Указ 17 апреля 1905 г. даровал учащимся римско-католикам во всех учебных заведениях право изучать Закон Божий на природном их языке. 20 апреля 1905 г. Виленский епископ поспешил отправить императору Николаю II восторженную всеподданнейшую телеграмму, прочтя которую, император собственноручно начертил на полях: «Прочел с удовольствием!» [592, л. 3].

1 мая 1905 г. император подписал указ, по которому частично ликвидировалось несколько ограничительных законов и разрешалось некоторые предметы преподавать на польском и литовском языках. Епископ тогда же заговорил и о правах белорусского языка: «Молитвы, катехизис, историю костела преподавать на том языке, на котором дети молятся в семье, – это значит на польском и литовском; белорусскоязычным ученикам начальных школ дозволяю изучать религию на белорусском языке» [729, с. 98].

Позиция епископа в отношении к белорусскому языку кардинально расходилась с позицией большинства римско-католических ксендзов Виленской епархии, считавших всех римско-католиков поляками [728, с. 110]. Подвергся негодованию Э. Ропп и со стороны поляков во главе с И. Корвин-Милевским, упрекавших епископа в забвении интересов польской нации в Беларуси и Литве [735, с. 684–685]. Даже газета «Наша Ніва» отрицательно относилась к действиям епископа: для нее он был всего лишь помещиком, и все его намерения, какой бы характер они не имели, направлены были, по мнению редакции, на интересы помещиков-поляков [498, с. 6; 499, с. 2]. В октябре 1907 г. епископ Э. Ропп был освобожден от занимаемой должности.

Таким образом, римско-католический костел стремился сохранить свое влияние в сфере образования и воспитания. В этом определились два направления: не допустить оправославливание детей-католиков через церковно-приходские школы; закрепить за собой право на преподавание религиозных дисциплин для католиков.

зависимости от состояния его бюджета, а также в соответствии с трудом законоучителя и числу учащихся, но не свыше 150 руб. в год. Размер вознаграждения определялся директором народных училищ с утверждением попечителя учебного округа. Дети римско-католического вероисповедания, поступающие в училище, при котором состоял ксендз-законоучитель, подвергались испытанию в Законе Божьем им, а при отсутствии – лицом православного вероисповедания [775, л. 23–24].

Следует отметить, что римско-католическому духовенству строго запрещалось преподавать Закон Божий или делать внушения, касающиеся своей религии, детям православного исповедания. Даже виновные в этом в первый раз подвергались суду. Для православного духовенства в законах не было таких ограничений относительно римско-католиков [365, с. 9].

Степень восприятия, понимания самими детьми учебного материала руководством Виленского учебного округа и властями в расчет не брались. Еще в 1865 г. «Вестник Западной России», считавший введение русского языка в преподавание римско-католического Закона Божьего во всех учебных заведениях Северо-Западного края просто необходимым, писал, что в этом крае, «как чисто русском, нельзя признать другого официального языка, кроме русского, обязательного для всех, тогда как польский язык многие воспитанники не знают, да и не обязаны знать, будучи хотя и римско-католиками, но русскими или литвинами» [507, с. 95]. Дети просто обязаны были понимать по-русски. Администратор Суражского костела Белостокского уезда Ф. Гриневицкий проводил занятия преподавания Закона Божьего в Суражском народном училище с начала 1881 г. на русском языке. Однако дети, только что поступившие в училище, не понимали по-русски, и для объяснения тяжелых для восприятия мест Ф. Гриневицкий вынужден был употреблять некоторые польские выражения. В результате ксендза оштрафовали на 30 рублей за употребление польского языка, но на должности оставили [127, л. 3].

7 февраля 1892 г. последовало высочайшее повеление признать обязательным языком преподавания Закона Божьего римско-католического вероисповедания в начальных училищах русский язык [63, с. 283].

Положение дел с русским языком в обучении Закону Божьему римско-католического исповедания стало меняться лишь в начале XX в. 12 ноября 1904 г. высочайшим указом разрешалось обучение польскому языку в низших и средних учебных учреждениях, но только

зависящее, не справляясь, что за это получу. И что вышло? В результате, как оказалось, я не имел даже близкого, преданного сердца и друга. И вот в виду этого я, как нравственно угнетенный и разбитый, искренно желал бы забыть о всем прожитом и не вспоминать прошедшее. . .» [326, с. 659].

3.2 Преподавание Закона Божьего римско-католического вероисповедания

Проблема преподавания Закона Божьего римско-католикам в правительственных школах Российской империи имеет давнюю историографическую традицию. Материалы по интересующей нас проблеме оставили в своих трудах десятки авторов, приводивших аргументы «за» и «против» предпринятых правительством мер. К первым из них относятся представители российской историографии, стоявшие на позициях официальной идеологии: Е.Ф. Орловский, Л. Солоневич, М. Созонов, И. Максимов, А. Белецкий, А.А. Виноградов, Ю.Ф. Крачковский и др. [24–26; 64; 75; 358; 381; 393; 406; 468; 497; 532; 734; 743; 745]. Часть авторов, высказываясь в целом за русификацию школы, выступили с критикой конкретных действий министра просвещения графа Д.А. Толстого по введению русского языка, отметили недоработки в реализации данного проекта правительства [325; 37, с. 14; 758, с. 122; 830, с. 87].

В советской историографии оценка введения русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического вероисповедания не была явно обозначена [722]. Первым, кто обратил внимание на это направление в политике «располячивания» школы и костела, был Е.Ф. Грекулов [99, с. 48–51]. На схожих позициях стоял Н.П. Красников – нуждам самодержавия было подчинено не только управление православной церкви в центре и на местах, но и вероучение. Отсюда то значение, которое придавало государство делу обучения Закону Божьему [369, с. 31]. Современный российский ученый А.К. Тихонов считает, что обязательное изучение Закона Божьего римско-католиками на русском языке входило в комплекс мер, известных под названием политики «располячивания» костела [767, с. 144].

В польской историографии русификация преподавания Закона Божьего оценивается крайне негативно, при этом основным аргументом выступает то, что действия властей привели прежде всего к ослаблению веры римско-католиков и пошатнули влияние костела [1002; 967, s. 240–241; 1054; 1060; 1072; 1098, s. 107; 1098; 1110].

Некоторые польские исследователи, заявляют о ликвидации царизмом не только польского влияния в школах Северо-Западного края, но и римско-католического [970, s. 376; 942, s. 301; 1081, s. 89; 1068, s. 349; 1113, s. 365; 913, s. 211].

В белорусской историографии интерес к обозначенной проблеме проявился в 90-х годах XX в. Белорусские авторы в основном негативно характеризуют русификацию преподавания Закона Божьего для детей-католиков, рассматривая ее в русле антинародной политики царизма на территории Беларуси [44; 71; 100, с. 673; 323–324; 382; 413, с. 139; 476; 727, с. 61–62, 65–66; 728, с. 109–110; 731, с. 40, 69; 735, с. 684–685; 759; 768; 774].

Игнорируя интересы римско-католического костела в системе образования и воспитания, царское правительство не могло вовсе изгнать его из школы – в средних учебных заведениях западных губерний учились католики, которым необходимо было преподавать Закон Божий согласно принятым в империи правилам. Однако здесь камнем преткновения стал язык. Вопрос о языке преподавания Закона Божьего имел принципиальное значение для сохранения традиций католицизма на белорусских землях. Польский язык, использовавшийся римско-католическим костелом в преподавании на протяжении столетий, обеспечивал сохранение и репродукцию числа посещающих римско-католические храмы – он был языком проповеди, понятным верующим, языком традиционным и официально одобренным Конгрегацией обрядов (Rituum), учрежденной папой Сикстом V в 1587 г. для наблюдения за единством в догматах, обрядах и молитвах [326, с. 66]. Отстаивание польского языка в школе определяло сохранность для костела своего авторитета среди населения Беларуси.

Попытки ввести русский язык в преподавание Закона Божьего предпринимались еще в первой половине XIX в. В 1834 г. в г. Вильно в католической епархиальной типографии был напечатан католический катехизис на русском языке [830, с. 87].

2 сентября 1861 г. попечитель Виленского учебного округа А. Ширинский-Шихматов в записке, адресованной министру народного просвещения Е.В. Путятину, поднял вопрос о языке преподавания в начальных училищах округа. Безусловно, преподавание русского языка и прочих предметов на этом языке признавалось им обязательным во всех губерниях. Однако, были и такие местности, в которых ведение обучения народному языку, не русскому, составляло, по его мнению, крайнюю необходимость. В Ковенской губернии попечитель предложил ввести преподавание «жмудского» языка, при полном

16 апреля 1882 г. попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский, опасаясь влияния на учащуюся молодежь революционных идей, секретным циркуляром предложил «обратить возможно большее внимание на знакомство воспитанников с посторонними лицами» [24, с. 11]. Предполагая, что в революционной пропаганде участвуют ксендзы, Н.А. Сергиевский секретным циркуляром от 12 декабря 1882 г. предписал строго наблюдать, чтобы Закон Божий был преподаваем ксендзами при открытых дверях класса и чтобы директора народных училищ лично удостоверяться, на русском ли языке идет преподавание и соответствует ли оно принятым программам и духу российского учебного заведения [24, с. 12–13]. Попечитель активно ратовал за усиление влияния православной религии на ученическую молодежь. При нем вводилось обязательное посещение богослужения. Всюду, где возможно, в учебных заведениях создавались «домашние» церкви. Где такой возможности не было – богослужения проводили в учительских семинариях. Когда известный журналист М.П. Погодин посетил Полоцкую учительскую семинарию, несколько народных училищ Витебской губернии, то пришел в восторг, потому что «увидел в Беларуси настоящую Русь, а в белорусах – больших русских, чем сами великорусы» [729, с. 97].

Руководство римско-католического костела далеко не безразлично относилось к законоучителям. В 1872 г. римско-католический митрополит А. Фиалковский настаивал, чтобы Могилевская консистория рекомендовала Дирекции народных училищ для замещения вакантных мест законоучителей римско-католического исповедания в народных училищах тех ксендзов, которые, во-первых, имели ближайшее местопребывание от назначенного места и, во-вторых, были способны ясно и убедительно излагать основные правила римско-католического костела [181, л. 175].

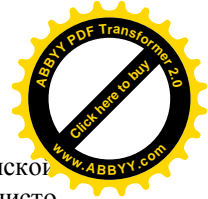
28 декабря 1882 г. высочайше утверждены были для Виленского учебного округа правила для ксендзов-законоучителей. В тех училищах, в которых число учеников римско-католического вероисповедания было не менее пяти – преподавался Закон Божий этого исповедания. В этом случае при училище полагался особый законоучитель, избираемый директором народных училищ из священнослужителей, опытных в начальном преподавании Закона Божьего. Он утверждался в должности попечителем учебного округа по соглашению с губернатором и надлежащим епархиальным руководством. Преподавание Закона Божьего должно было происходить только на русском языке. Законоучителя получали вместо штатного жалованья вознаграждение из специальных средств училища,

- гражданских законов Российской империи, а с другой – традиций, постановлений Конгрегации обрядов (Rituum), требовавших употребления польского языка. К тому же надо было прекрасно знать и русский язык и быть благонадежным. Если в первом случае правительство подстраховалось изданием ряда указов по контролю за учебной деятельностью ксендзов, то во втором – просто удаляло неугодного ксендза-законоучителя, ставя на его место более благонадежного, либо вообще никем не заменяло его. В 1868 г. вместо неугодного правительству ксендза Меневица законоучителем по Оршанскому уезду Минской губернии был назначен воспитанник римско-католической духовной академии магистр богословия ксендз К. Гриневицкий, одновременно исполнявший должность викарного в Оршанском костеле. Но попечитель Виленского учебного округа не утвердил его, так как был не уверен в его политической благонадежности [181, л. 102–103].

19 января 1865 г. вышел указ о воспрещении римско-католическому руководству назначать ксендзов без согласия губернатора на высшие духовные должности и в законоучителя учебных заведений [137, л. 61]. Перед тем как назначить нового ксендза на должность преподавателя Закона Божьего воспитанникам римско-католического исповедания в местные училища, губернские дирекции народных училищ запрашивали сведения о его политической благонадежности и личных качествах у губернаторов. Аттестацию ксендзам давали и губернские жандармские управления. Мнения и предложения римско-католических епископов практически не учитывались. Многим по этому поводу отказывали: в 1887 г. ксендзу Васильковского костела Сокольского уезда Г. Глоденю было отказано в преподавании Закона Божьего по причине неблагонадежности, которая состояла в том, что он в свои 32 года совершил самовольную отлучку без надлежащего разрешения гражданского руководства из места жительства [300, л. 6–7]. Вовсе осталось без ксендзов-законоучителей Дворецкое народное училище Слонимского уезда: все местные ксендзы были признаны политически неблагонадежными для этой роли, ибо «руководимая ими молодежь могла быть неправильно направлена в правительственной и народной школе» [184, л. 58–59].

Зачастую ксендзам попросту отказывали в занятии должности законоучителя, ссылаясь на небольшое количество воспитанников римско-католического исповедания. Например, попечитель Виленского учебного округа не считал необходимым назначить законоучителя в Климовичское уездное училище. Эта задача переходила на родителей, родственников и опекунов [181, л. 123].

запрещении польского. В Виленской, Гродненской и Минской губерниях предложил все народные училища сделать «чисто русскими», поскольку большая часть сельского населения говорила «белорусским наречием». Но так как значительная часть жителей этих губерний принадлежала к римско-католическому исповеданию, то, не нарушая свободы совести каждого из них, для доставления им возможности молиться на родном языке, следовало бы главнейшие молитвы и катехизис перевести на русский язык, равным образом производить на том же языке и преподавание Закона Божьего в первоначальных училищах [117, с. 555–556].

После восстания 1863 г. русификация религиозных дисциплин в школе начала активно осуществляться. И.П. Корнилов, приехавший в Виленский учебный округ в феврале 1864 г., констатировал, что преподавание большинства предметов велось на польском языке, в средних и низших учебных заведениях русский язык являлся «придатком» к общеобразовательной программе. Русских книг, даже азбук и молитвенников, не было – их приходилось выписывать, так как местные книжные магазины из-за отсутствия спроса не имели их даже на складах [389, с. 310]. Учебники для преподавания Закона Божьего и в начальных, и в средних учебных заведениях Виленского учебного округа использовались те же, что и в первой половине XIX в.: изданный в 1832 г. «Katechizm o czci Cesarza Wszechcrossyi», отредактированный бывшим профессором догматической теологии и истории костела Виленского университета администратором Виленской римско-католической епархии в 1828–1841 гг. Бенедиктом Клонгевичем, написанный в духе возвышения российского царя, его «божественной» власти [864, s. 336]. Наравне с катехизисом Б. Клонгевича, в программе обучения римско-католической религии (вместе с историей костела) использовались также давнейшие тексты из «Nauki obyczajowej», напечатанные в г. Вильно в 1826 г.; тексты из «Historii Świętej Młodości Jezusa Chrystusa» Модеста Ватта Косицкого, изданной в г. Варшаве в 1829 г.; из книги «Wykład obrzędów kościelnych i duchownych», изданной в г. Варшаве в 1828 г.; а также «Modły za Panującego Monarchę» и «Krótki katechizm dla młodzi Rzymsko-Katolickiego wyznania, za Najwyższym rozkazem ułożony». Обучение Закону Божьему должно было служить религиозному обоснованию верности царю и империи. Начальным аргументом было то, что всякая власть исходит от Бога [870, s. 37, 539; 978, s. 2; 1025, s. 167–168].

Вследствие циркуляра М.Н. Муравьева от 7 июля 1864 г. о прекращении преподавания польского языка в учебных заведениях,

попечитель Виленского учебного округа 26 июля 1864 г. предложил законоучителям-ксендзам производить преподавание Закона Божьего на русском языке – по запискам ксендза Доминика Стацевича. В 1853 г. было обращено внимание, что в военно-учебных заведениях римско-католикам Закон Божий преподавался на польском языке. Для устранения этого был составлен законоучителем военно-учебных заведений Д. Стацевичем катехизис на русском языке, одобренный римско-католическим митрополитом и руководством военно-учебных заведений Российской империи. Так как этот катехизис предназначен был только для воспитанников военно-учебных заведений, то его массово не печатали, а литографировали, как и другие руководства для подобных заведений [507, с. 94–95].

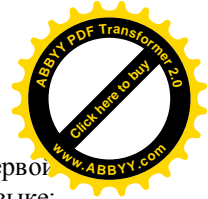
Записки эти велено было не печатать, но налитографировать в нужном числе экземпляров и раздать ученикам [532, с. 71]. 8 октября 1865 г. Александр II повелел ввести преподавание на русском языке Закона Божьего римско-католикам во всех школах.

В этих целях катехизис Д. Стацевича был напечатан и разослан по Виленскому и Киевскому учебным округам [830, с. 87; 524, с. 94–95]. В начале ноября 1868 г. «Виленский вестник» указал на большое количество ошибок, а школьные власти порекомендовали дирекциям воздержаться от его употребления до дальнейших распоряжений. Но они так и не последовали [967, с. 208, 210]. Так как, кроме катехизиса, в учебный курс входили еще «Священная история Ветхого и Нового Заветов» и «История Костела», решено было для «Священной истории» использовать учебники, принятые для православных учеников [389, с. 108].

В марте 1868 г. комиссия, созданная генерал-губернатором Потаповым для решения вопроса о введении русского языка в костелы, в которой был только один ксендз, по предложению М.Н. Каткова, приняла решение напечатать для учеников-католиков еще одну книжечку для богослужений на русском языке.

В октябре 1868 г. надзиратели школ уже раздавали ее римско-католической молодежи. В конвикте при Виленской гимназии еще с 1865 г. наказано было католикам читать молитвы в голос по-русски. В Слуцкой гимназии все должно было вестись на русском языке, а в 1866 г. уездный исправник добился, чтобы и Евангелие в местном костеле, посещаемом учениками, также читалось по-русски. В Витебской гимназии такие действия начали осуществляться с 1867 г. [967, с. 209].

В 1869 г. граф Д.А. Толстой, занимавший должность министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода, распорядился заменить польский язык в проповедях и

языке, они собирают, под предлогом приготовления к первой исповеди, детей в костелах и там обучают их на польском языке; подобное пропагандирование польской речи посредством религии замечается и в произношении проповедей по Северо-Западному краю на том основании, что Папой не разрешено говорить проповеди на русском языке» [326, с. 51].

Пример Виленского епископа вдохновил низшее римско-католическое духовенство. На 9 ноября 1885 г. по причине отказа местных ксендзов вести уроки Закона Божьего на русском языке не имелось законоучителей в следующих училищах Гродненской дирекции: Мостовском, Гониондзском, Ясвильском, Кречко-Притулянском, Юхновском, Щерцавском. В Белостокском и в Сокольском уезде – в 8 училищах, в Волковысском – 4. За некоторыми училищами лишь числились на бумаге ксендзы-законоучителя [184, л. 1; 747]. К примеру, настоятель Кремяницкого костела Горский, назначенный 28 декабря 1885 г. законоучителем Кремяницкого и Подболотского народных училищ, не занимался преподаванием в них Закона Божьего, так как должен был вести его на русском языке, но перед руководством училищ ксендз ссылаясь на большую загруженность по приходу [184, л. 10].

Открытое сопротивление введению русского языка вызвало ответную реакцию властей. Епископ К. Гриневицкий в 1885 г. был выслан из г. Вильно в г. Ярославль, а его решения были отменены правительством. Ксендзы, оказывавшие активное сопротивление решениям властей, принудительно перемещались в Гродненский францисканский монастырь, служивший в то время своеобразной тюрьмой для римско-католического духовенства. Ксендз Адольф Пласковиц, настоятель Гольшанского костела Ошмянского уезда, за противодействие «русской школе и склонению народа к обучению детей на польском языке» в 1887 г. на один год был помещен в монастырь. Но так как, находясь в монастыре, он не покидал «своей вредной деятельности», срок его заключения был продлен еще на год [169, л. 16]. 14 мая 1886 г. ксендза Иоанна Укринца за «противодействие русской школе» на один год заточили в Гродненский монастырь [155, л. 1]. Следует отметить, что случаев обучения ксендзами детей польскому языку было крайне мало – в большинстве дел по вопросам тайного обучения не прослеживается больше вообще никаких фактов участия ксендзов в этом процессе [192; 250–251; 268–269; 633–637].

В связи с действиями по введению русского языка в преподавании Закона Божьего римско-католического исповедания ксендзы-законоучителя оказались между двух огней: с одной стороны

называемом «дополнительном» богослужении: погребениях, сакраменталиях, катехизациях [671, с. 74].

Попытался изменить положение дел в Виленской римско-католической епархии назначенный 15 апреля 1883 г. епископ К. Гриневицкий, который, еще будучи законоучителем в г. Орше, вел преподавание на польском языке и запрещал посещение православных храмов ученикам-католикам. Он активно начал объезжать учебные заведения, требуя от попечителя округа, чтобы ученики читали молитвы по-польски и посещали в высокотожественные дни не православную церковь, как было изложено в уставах учебных заведений, а римско-католический костел. После каждого такого объезда ученики соответствующего учебного заведения руководствовались решениями епископа, что, естественно, вызывало недовольство со стороны властей и православного духовенства [326, с. 43]. «Литовские епархиальные ведомости» называли К. Гриневицкого «воином католицизма, чьи поступки никак не способствуют успокоению религиозной совести католических подданных империи, а лишь укрепляют польскую отчужденность и обособленность» [440, с. 8]. Епископ подверг наказаниям лиц, «прославившихся» деятельностью по введению русского языка в римско-католическое богослужение и вероучение: Ф. Сенчиковского, который находился в то время в Гродненском францисканском монастыре, лишил права священнодействовать; уволил от должностей законоучителей Виленского Мариинского высшего женского училища прелата Ф. Берджинского, Гродненской мужской и женской гимназий ксендза Б. Заусцинского, бывшего Гродненского законоучителя, а затем настоятеля Фарного костела, Гродненского декана и Белостокского архиепископа с запрещением права священнодействовать ксендза И. Малышевича, издавшего в 1882 г. для римско-католического юношества на русском языке «Краткую историю Ветхого и Нового Завета» с приложением римско-католических молитв и катехизиса. Замечателен тот факт, что сам министр внутренних дел признал правоту решений епископа и лишь относительно ксендза Малышевича был против [326, с. 48]. 14 ноября 1884 г. Виленский генерал-губернатор П. Каханов доносил министерству внутренних дел о ближайших результатах деятельности К. Гриневицкого: «В большинстве народных училищ Северо-Западного края раздаются жалобы, что ксендзы вовсе не посещают их; такое положение дел объясняется тем, что Закон Божий римско-католического исповедания преподается на русском языке; но так как оставлять дело без обучения религии ксендзы не могут, то, чтобы избежать обучения на русском

«дополнительном» богослужении в костелах, посещаемых учащимися русским государственным языком, на что светская власть, по его мнению, имела неотъемлемое право без всякого на то разрешения Римской курии. Сделав через бывшего попечителя учебного округа предварительное распоряжение о переводе молитвенников (алтариков), воскресных и праздничных евангелий, катехизиса и других книг духовного содержания для учеников-католиков с польского на русский язык, Д.А. Толстой поручил ксендзам-законоучителям принять к руководству эти переводы, одобренные римско-католической духовной Коллегией. Эти переводы, напечатанные с ведома Святейшего Синода, были в значительном количестве экземпляров розданы безвозмездно учащимся. Прежние польскоязычные молитвенники, как отмечали некоторые римско-католические законоучителя, воспитывали негативные Российской империи настроения: в них были молитвы об Отечестве к королевичу Казимиру, патрону Литвы, к Станиславу, патрону Польши, праздник которого отмечался 3 мая 1791 г., и ряд других; встречались заграничные издания, не пропущенные цензурой. Все они были отобраны у учеников и сданы в архив управления учебным округом. В результате учащиеся стали посещать костелы с новыми русскими молитвенниками. Переведенные молитвы, одобренные римско-католической Коллегией, вошли в употребление в костелах. Ксендзы-законоучителя гимназий и других учебных заведений, принимавшие участие в введении русского языка в «дополнительное» богослужение и в молитвословия, ранее проносимые в костелах по-польски, удостоились правительственных наград [325, с. 122–123].

Инициативу написания русскоязычных учебников для католиков предпринимало не только высшее римско-католическое духовенство, но и низшее. В 1867 г. молитвы, переведенные Витебским римско-католическим законоучителем, представлены были попечителю Виленского учебного округа, где с ними провозились весьма долго, после чего решили переслать в г. Санкт-Петербург. Оттуда получено было разрешение напечатать их в г. Вильно вместе с катехизисом, всего 10 страниц [761, с. 163].

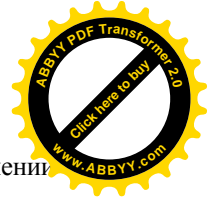
С введением русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Виленского учебного округа были широко распространены следующие русскоязычные учебники по этому предмету: «Пространный римско-католический катехизис», составленный ректором Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии Домиником Стацевичем (1865 г.), «Краткий катехизис с присоединением

одобренных епископом М. Станевским повседневных молитв» (1868 г.) и «Священная история Ветхого Завета» (1868 г.) [389, с. 414]. В 1871 г. ксендзы-законоучителя получили русскоязычный «Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России или объяснение 4-й заповеди Господней, касательно начальства и его власти» по изданию, одобренному Виленским римско-католическим епископом Красинским. Труд этот был переведен с польского языка Минским деканом ксендзом Ф. Сенчиковским. В нем утверждалось, что «христианская вера обязывает католиков, подданных России, любить Всероссийского Императора, подчиняться ему и молиться за Него» [679, с. 2]. Кроме этого, по линии министерства народного просвещения при попечителе Виленского учебного округа П.Н. Батюшкове снова был сделан перевод римско-католического катехизиса и молитвенников для воспитанников учебных учреждений и специально для жителей Гродненской и Минской губерний, которые заменили для них польскоязычные молитвенники иностранного издания с тенденциозным, по мнению властей, направлением [311, с. 372–373].

При издании римско-католической литературы на русском языке обнаружилось множество ошибок. Это касалось без исключения всех учебных книг. Показательно, что ошибки эти имели необъективный характер. Например, в катехизисе Д. Стацевича лишь упоминался догмат о главенстве Римского Папы. Катехизис, появившийся на русском языке в г. Вильно в 1869 г., вызвал возражения со стороны духовенства вследствие плохой разработки вопроса об организации римско-католического костела. В молитвеннике «Алтарик», переведенном А. Немекшей с польского языка, был пропущен в перечне святых Иосафат Кунцевич. Сборник воскресных и праздничных евангелий оказался одобренным православной цензурой, а перевод был очень не точен. В краткой истории римско-католического костела, изданной в г. Вильно в 1869 г., об унии, например, ничего не говорилось. Римско-католическое духовенство, не касаясь политической стороны вопроса, указывало, однако, что эти ошибки вызваны желанием внести «православный дух» в католические книги [830, с. 88].

К 1 января 1866 г. в Витебской губернии на 12 народных училищ с 361 православными и 58 римско-католическими учениками приходилось 10 православных (имеющих духовное звание) законоучителей Закона Божьего, 6 римско-католических и 11 «простых» учителей. В Могилевской губернии соответственно на 12 народных училищ с 321 православными и 27 римско-католическими

служили начальникам губерний руководством при разрешении ходатайства о дозволении поступить в семинарию [50, л. 36].

В то же время и самые громкие протесты по введению русского языка как в преподавание Закона Божьего, так и в целом в римско-католическое богослужение исходили от ксендзов-законоучителей. Законоучитель первой Виленской гимназии ксендз Наркевич, награжденный в 1868 г. наперсным крестом, на предложение директора в 1869 г. раздать ученикам так называемые «евангелички» (воскресное и праздничное чтение из евангелистов) на русском языке, ответил отказом, ссылаясь на каноническое право, запрещавшее мирянам читать Евангелие на этом языке. Попечитель округа немедленно уволил его от должности законоучителя, как, впрочем, и законоучителя второй Виленской гимназии ксендза Жебровского, последовавшего примеру своего собрата. Но самый «возмутительный фанатизм» проявил законоучитель Виленской женской гимназии ксендз Петрович, который в костеле святого Рафаила 25 марта 1869 г. при большом стечении народа во всеуслышание объявил переведенный на русский язык требник еретическим и на глазах у всех сжег книгу на двух костельных свечах, после чего прелатов П. Жилинского, Э. Тупальского, А. Немекшу, ратовавших за русский язык, объявил проклятыми Римским Папой [325, с. 136–137]. Был выслан также 18 ноября 1869 г. в отдаленный приход законоучитель Оршанского уездного училища Могилевской губернии «за резкое негативное отношение к преподаванию Закона Божьего на русском языке» [987, с. 86; 968, с. 482].

Высшее римско-католическое духовенство поначалу одобряло действия правительства. В период после 1869 г. Могилевской римско-католической митрополией руководил Максимилиан Станевский (1795–1871) – доминиканин, декан, бывший приор Петербургского монастыря, исключительно преданный царизму. В Виленском епископстве и уже упраздненной Минской епархии распоряжался Петр Жилинский, также лояльный к властям. М. Станевский был сторонником русского языка в обучении религии. В письме, адресованном Луцко-Житомирскому епископу К. Боровскому, он писал: «Обучать катехизису в школе будем на российском языке, как этого хочет монарх, который имеет такое право». Здесь М. Станевский имел в виду царский указ от 25 декабря 1869 г., который отзывал предыдущее распоряжение 1848 г., запрещавшее употребление русского языка в римско-католическом богослужении. Из тона царского указа выходило, что царь не приказывал, а разрешал употреблять российский язык вместо национальных языков в так

Жизнь ксендзов-законоучителей, принявших русский язык в деле обучения Закону Божьему, представлялась довольно хорошей и спокойной. Типичной является биография ксендза Вильгельма Ипполитовича Шварца, происходившего из потомственных дворян Ковенской губернии 1838 г. рождения. В 1857 г. он закончил Свенцянокское уездное училище. В 1858 г. вступил в Виленскую римско-католическую духовную семинарию и по окончании в 1861 г. назначен викарием Гродненского Фарного костела, а в 1867 г. – настоятелем. Состоял духовником войск, расположенных в Гродненской губернии с 1867 г. по 1869 г. Попечителем Виленского учебного округа был определен в ноябре 1870 г. законоучителем Белостокской гимназии, Белостокского института благородных девиц. В 1876 г. был награжден за отличную и усердную службу золотым наперстным крестом, а в 1880 г. орденом святого Станислава 3 степени. Предписанием главного управляющего римско-католической епархией от 11 июня 1880 г. назначен Белостокским деканом и настоятелем Белостокского костела. В 1885 г. Виленским епископом К. Гриневицким возведен в звание почетного каноника. 5 апреля 1887 г. В. Шварц был пожалован орденом святой Анны 3 степени, а 21 апреля 1891 г. – святого Станислава 2 степени. По должности Белостокского декана и настоятеля костела получал штатного содержания 400 руб., от реального училища – 400 руб., квартирных – 40 руб., от института благородных девиц – 450 руб., всего – 1290 руб. Под судом и следствием никогда не был [217, л. 11–13, 20].

Этому способствовали не только награды и чины, но и условия получения места в школе. Признавая необходимость улучшения знания римско-католическими священниками русского языка, министерство внутренних дел установило 21 февраля 1869 г. правила, согласно которым претендентами на должность законоучителя, а также поступающими в семинарию и учащимися семинарии при переходе на следующий курс и при выпуске должны были сдаваться экзамены по русскому языку, отечественной истории и географии [137, л. 49–50]. Экзамены по русскому языку, русской литературе и русской истории должны были сдаваться в римско-католических духовных семинариях на русском языке [1072, s. 46].

19 марта 1873 г. министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев распорядился, чтобы главный попечитель Виленского учебного округа вменил присутствующим на семинарских экзаменах обязанность независимо от отметок, сделанных на общем испытании, сообщать губернаторам отметки по личному их мнению, каковые и

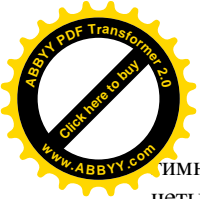
учениками приходилось 11 законоучителей православных и 7 римско-католических, при 11 «простых» преподавателей [50, л. 10–11].

Количество ксендзов-законоучителей соответствовало официально обозначенной цели учреждения училищ – распространение в народонаселении грамотности в «духе русском и нравственно-религиозном» [50, л. 17]. Да и сами народные училища открывались ближе к православной церкви и домам священнослужителей. На этом настоял еще граф М.Н. Муравьев 23 марта 1863 г. Местный приходской священник обязан был наблюдать за нравственно-религиозным направлением в училище [50, л. 17].

Ксендзы-законоучителя не получали жалованья из государственной казны, как представители православного духовенства. В учебных заведениях Виленского учебного округа значительное большинство ксендзов-законоучителей окончили курс в Санкт-Петербургской духовной академии с учеными степенями магистров и кандидатов богословия¹¹. Между тем, как большая часть православных законоучителей окончили курс в местных семинариях, и выпускников духовных академий в числе православных законоучителей было немного. Естественно, что влияние образованных ксендзов на своих слушателей, по признанию самого И.П. Корнилова, было гораздо действеннее, чем влияние православных священников семинарского образования, недостаточно прилежных к трудной наставнической обязанности. Следует отметить, что недоучившихся гимназистов-шляхтичей, иногда даже с неодобрительными увольнительными свидетельствами, охотно принимала Виленская римско-католическая духовная семинария [389, с. 196].

Виленская римско-католическая епархиальная семинария была основана в 1585 г. из четырех классов. В ней по штату полагалось 40 воспитанников и по дополнительному разрешению высшего начальства добавлено было еще 50 человек – всего 90 воспитанников. Число последних по каждому классу не ограничивалось. Возраст для поступления в семинарские воспитанники полагался не менее 16 лет. Для поступления в семинарию требовались документы: метрическая выписка о рождении и крещении, свидетельство о звании, свидетельство присутствия по воинской повинности, свидетельство губернатора о поведении и благонадежности в политическом отношении, свидетельство окружного суда о несудимости,

¹¹ См. Ганчар, А.И. Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг): монография / А.И. Гачар. – Гродно: ГГАУ, 2008. – Приложение В. – С. 254–270.

гимназическое свидетельство в знании наук не менее четырехклассного гимназического курса, экзаменационный семинарский лист, согласие Виленского губернатора и разрешение Виленского римско-католического епархиального управления. Плата за учение не взималась. Вступительной программой служили четырехклассный гимназический курс. На каждого из 40 содержащихся за счет казны воспитанников получалось от казны по 125 руб. в год и в том же самом размере и от стипендиатов, и от «казенных» воспитанников. При семинарии также имелись стипендии: Янкевичевой, Рутковской, Сенкевича, Яловецкого, Воболевича, Вокулевича и с процента от капиталов.

Для сравнения, основанная в м. Жировичах Слонимского уезда Гродненской губернии в 1828 г. Литовская духовная семинария, переведенная из м. Жировичи в г. Вильно в 1845 г., по штату должна была иметь 45 человек. Возраст для поступления в 1 класс был назначен от 14 до 19 лет, в 5 и 6 классы могли быть приняты в семинарию окончившие курс в каком-либо среднем учебном заведении, но не моложе 18 лет. С инославных за право учения взималось до 40 руб. в год, а за содержание полного пансионера в семинарском общежитии – 116 руб. в год. При семинарии имелось две стипендии: одна имени митрополита Иосифа (Семашко) и одна бывшего архиепископа Литовского Макария (Булгакова) [563, с. 274–275].

Вопрос о языке преподавания Закона Божьего привел к поляризации в среде римско-католического духовенства, поделив его на тех, кто видел свое будущее в облики лояльного властям «русского-католика», кто лишь внешне подчинялся жестким мерам властей по русификации костела, и тех, кто открыто выступил против нее.

Активно в деле преподавания Закона Божьего на русском языке проявил себя законоучитель Мозырской прогимназии ксендз Александр Копцегович. Он даже внес предложение читать Евангелие на русском языке, за что получил благодарность от генерал-губернатора. 24 августа 1865 г. ксендз Гиттер также стал преподавать катехизис на русском языке [532, с.72]. Ректор Виленской римско-католической семинарии прелат Э. Тупальский ввел русский язык в преподавание и заставлял семинаристов практиковаться в писании и произношении проповедей на русском языке. По утверждению Д.Н. Чихачева, Э. Тупальский внушал семинаристам, что край этот искони русский и что они сами потомки русских людей и должны возвратиться к русской народности [532, с. 14]. Благодаря

законоучителю Минской гимназии ксендзу Брониславу Заусцинскому русский язык был введен в преподавание Закона Божьего не только в Минской гимназии (27 июня 1869 г.), но и в женских пансионах. Сам же Б. Заусцинский первоначально образование получил в Брестском кадетском корпусе, который был впоследствии переведен в г. Москву, где Б. Заусцинский провел около двух лет. Он имел медаль за усмирение восстания 1863 г., которую постоянно носил. Лично в «Вестнике Западной России» признавал свои заслуги на пользу «русскому делу» в крае [55, с. 44], за что и получил награду – орден святого Станислава 3 степени [325, с. 131].

В целом, ксендзы-законоучителя оказались одними из первых, кто начал читать проповеди и молитвы за царствующий дом на русском языке, за что, естественно, не остались без вознаграждения: в Минской губернии, кроме Б. Заусцинского, такими оказались законоучитель Слуцкой гимназии ксендз Станислав Лемпицкий, совершивший молебствие и произнесший слово по случаю начала учебного года; законоучитель Мозырской гимназии каноник А. Копцегович при открытии курса учения служил молебен и произнес речь на русском языке; законоучитель Бобруйской гимназии ксендз Александр Янковский вместе с деканом Макаревичем отслужили молебен за царствующий дом и объявили, что на будущее время в высокотожественные дни будут совершать после литургии молебствие на русском языке; в Гродненской губернии законоучитель Белостокской гимназии ксендз Костантин Берникович при раздаче воспитанникам молитвенников на русском языке произнес в костеле речь по-русски (31 октября 1869 г. награжден орденом святого Станислава 3 степени); законоучитель Гродненской гимназии почетный каноник Фелициан Бедржинский сказал речь на русском языке по случаю раздачи ученикам молитвенников (Гродненский губернатор просил награждения орденом святого Станислава 2 степени, но главный начальник края оставил это ходатайство без последствий) [325, с. 131–132]. Когда открылась вакансия законоучителя католического исповедания в Минской мужской гимназии, то ксендзу Ф. Сенчиковскому, уже прославившемуся в деле внедрения русского языка в Золотогорском костеле, любезно предложили занять эту должность. На любезность Ф. Сенчиковский ответил также любезностью: не только принимал экзамен по Закону Божьему римско-католического исповедания вместе с православным кафедральным протоиреем Иулианом Верниковским, но и следил за тем, чтобы гимназисты и дома читали молитвы на русском языке [325, с. 493, 543].